

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОГО С'ЕЗДА Р.С.Д.Р.П.

„ПРИБОЙ“
РАБОЧЕЕ ИЗД. 1924. ЛЕНИНГРАД

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И С Т П А Р Т

Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б.)

ПРОТОКОЛЫ Второго Съезда Р. С. - Д. Р. П.

Точная перепечатка с Женевского издания 1903 г. со вступительной статьей, с примечаниями и с заключительной статьей П. Н. ЛЕПЕШИНСКОГО

Рабочее Издательство „П Р И Б О Й“
Ленинград 1924

И. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ

ОТ КРУЖКОВЩИНЫ К ПАРТИИ

(период старой «Искры»)

От кружковщины к партии

(Период старой «Искры»)

Предварительное замечание

2-й съезд Р. С. Д. Р. П. (1903 г.) был подлинным детищем старой «Искры». Почти три года ее работы, ее непрерывной, упорной, бьющей в одну точку пропаганды, имевшей целью «укрепить ослабевшую связь между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу», привели партию вплотную ко 2-му съезду. Это были три года неустанной борьбы мозга нашей партии на фронтах как «внешних» (с самодержавием, с реакционной половиной освобожденного лица¹, с наивреднейшими сторонами народничества), так и «внутренних» (с «экономизмом», с бундовским уклоном в сторону национализма и т. д.); это были три года усерднейшей поддержки «Искрою» всякого рода и вида оппозиционных выступлений демократии против хватавшего всех за горло старорежимного полицейского государства; это были три года самого внимательного отношения со стороны естественно выдвинувшегося идеологического центра партии не только к большим, но и к самым маленьким фактам рабочего движения, причем старая «Искра» не упускала ни одного удобного случая, чтобы стихийность этого массового движения поставить под знак сознательно-классовой политической борьбы пролетариата с ближайшими препятствиями, стоящими на пути его к социализму; наконец, это были три года кипучей энергии, которую успела развить искровская группа в деле организационного сплочения всех разрозненных кусочков кружковой социал-демократической работы — в интересах приведения партии к состоянию близкого организационного единства.

Не зная, что представляла из себя старая «Искра» и какую работу, в какой обстановке, с какими результатами она

¹ Орган либералов «Освобождение» имел свою шуйцу и десницу. Правое крыло освобожденцев представило впоследствии основное ядро кадетов.

проделала, неподготовленный читатель рискует плохо разобраться в деталях и той картины, которую отображают воспроизводимые здесь «Протоколы 2-го съезда».

Поэтому мы и предпосылаем «Протоколам» настоящий очерк, набросанный без претензий на признание в нем новизны и свежести содержания (в основу его легли, главным образом, данные, почерпнутые из старой «Искры», из «Зари» и из других нелегальных изданий того времени; из архивных же материалов использовано кое-что лишь в главе V), — предпосылаем в расчете на то, что этот очерк, быть может, сыграет свою полезную роль для ориентировки нашего читателя из рабочей молодежи в вопросах партийной жизни и партийного строительства в тот отдаленный период, который был прологом великих революционных событий 1905—1906 годов.

I. Экономическое положение России в начале XX века

Промышленный подъем в конце 90-х годов прошлого столетия, вызванный приливом в Россию европейских капиталов, которые потянулись в новую, только что свободно развернувшуюся для капиталистического процветания страну, уже в начале 900-х годов сменился жестоким кризисом. В первый же год упадка промышленного оживления коммерческие банки в столицах и провинции стали терпеть многомиллионные убытки (например, петербургские банки потерпели убытков более, чем на 20 миллионов рублей, Харьковский Торговый банк около 5 миллионов и т. д.).

Для характеристики кризисного состояния промышленности, с его наиболее острым моментом в 1902 г., приведем нижеследующие цифры:¹

Г О Д Ы.	Вылавка чугуна.	Произведено готовых про- дуктов желе- зодол. пром.	Добыто кам. угля в южн. районе.	Добыча нефти.	Количество новых акцizin. предприя- тий (с опубликов. уставом).		Число закрывших- ся предприятий.	В них рабочих.
					Число.	Озн. кап. (м. р.).		
1899 . . .	163,7	106,9	652,7	525	325	363,2	—	—
1900 . . .	177,9	132,5	691,4	600	202	250,7	550	20.083
1901 . . .	173,1	122,6	694,4	672	135	107,6	350	34.774
1902 . . .	157,3	112,2	642,1	636	78	73,1	840	33.274
1903 . . .	149,1	133,2	728,0	596	76	68,1	682	23.330

¹ Данные взяты из «Обществ. движ. в России в нач. XX-го века», ст. М. Балабанова: «Промышленность России в начале XX века».

Кризис в промышленности очень больно отзывается на положении рабочего класса. Растет безработица. В деревне накапливаются лишние рты, обладателям которых не к чему приложить свободных рук.

«В России, вообще, действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране»,—говорится в передовице «Искры» № 7.—«К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни,—но куда будут высылать безработных крестьян?..»¹

В 1901 г. последствия неурожая на юге России выразились в таком недоборе хлеба, который оценивался в 250 миллионов рублей, считая по 50 коп. за пуд, т. е. около 500 милл. пудов². Это был уже настоящий голод, от которого пухли и умирали многие сотни тысяч крестьян. Но «всероссийское разорение» деревни было обусловлено не только «стихийным» фактом неурожая, а и общей политикой царского правительства, систематически ограблявшего деревню. Удельная и помещичья земля облагалась наполовину меньшим земским налогом, чем крестьянская (в течение всего послереформенного времени, за годы 1871, 1880, 1889 и 1895, среднее обложение десятины земли земскими сборами выражалось соответственно в цифрах: для крестьянской земли—10,6 коп., 15,5 к., 17,3 к. и 21,6 к., и помещичьей или удельной—5,3 коп., 7,4 к., 9,7 к., 11,0 коп.). В среднем, всякие сборы с земли поглощали 60% дохода крестьянской земли, между тем как частновладельческая земля платила только от 4 до 6% с своего дохода³.

Крестьян душило безземелье. Не только земли подвергавшегося «оскудению» дворянства, но и наделы немощной части крестьянства, убежавшего от ужасов нищеты из деревни в город, попадали в руки кулаков. Кроме того, многие помещики, вводя у себя машинную обработку, сокращали фонд арендной земли и повышали до последних пределов арендную плату. При таких условиях неудивительно, что в 1902 г. голодная масса крестьян восстала против своих поработителей, и крестьянские бунты прокатились по всему югу России.

Несмотря, однако, на промышленный кризис, на безработицу и на разорение деревни, процесс накопления капитала шел своим чередом. Очень показательны в этом отношении цифры, приводимые в статье Ленина «Из экономической жизни России» (Искра, № 17). Автор статьи обращает внимание на то обстоятельство, что возрастание суммы вкладов в сберегательные кассы быстрее всего шло в голодные

¹ Собр. соч. Н. Ленина, т. IV, ст. «Уроки кризиса».

² Там же, «По поводу госуд. росписи», стр. 83.

³ Общ. движ., т. I, стр. 177.

годы—1891—1892. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на $\frac{1}{3}$, а число вкладчиков выросло с 1664 тысячи до 3.145 т. (на 89 $\frac{0}{100}$), а сумма денежных вкладов с 330 милл. до 603 м. (на 84 $\frac{0}{100}$). Если миновать разряды более крупных вкладчиков (напр., на вкладчика из духовенства приходится по 333 р. на книжку), то деревня («земледелие и сельские промыслы») несет свою «лепту» в форме среднего вклада в 197 р. на книжку, в то время как средний вклад рабочего равен 143 р. Очевидно, масса деревенских вкладчиков принадлежит к крестьянской буржуазии, которая в большей или меньшей степени перешла от натурального хозяйства к денежному, имея уже достаточные накопления денежных знаков.

Правительство охотно запускает свою лапу в эти «народные» сбережения и черпает оттуда сотни миллионов на свои авантюры и на подачки капиталистам и земледельцам ¹. Но, конечно, таких внутренних позаимствований для его безалаберного хозяйства не хватает, и оно пускается во все тяжкие, чтобы пополнить свою кассу путем заграничных займов. К 1-му янв. 1887 г. сумма государственных долгов России составляла 4357 милл. р., к 1-му янв. 1902 г. эта сумма возросла до 6498 милл. р. Само собою разумеется, что платежи по погашению этих долгов и по выплате процентов главной своей тяжестью ложились на плечи многомиллионного крестьянства и рабочих.

Политика Витте и К^о более, чем какой-либо другой фактор, потрясала основы старого самодержавного строя и неудержимо влекла страну на путь революции.

II. Искровские «фронты»

1. Борьба с самодержавием

В статье Н. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» («Заря» № 2 — 3, декабрь, 1901 г.) возбуждает веселую иронию у автора и ставится под большой знак сомнения та «Аннибалова клятва», которую, по утверждению Струве, будто бы готовы дать либеральные земцы в своей решимости бороться с самодержавием «до победного конца». Уж очень странно звучит эта «Аннибалова клятва» на ряду с либерально-соглашательскими речами хотя бы, напр., того же Струве о мирных и легальных формах борьбы за конституцию, отнюдь не посягающую на самый принцип монархической власти.

¹ Собр. соч. Н. Ленина. т. IV, ст. «Из экон. жизни России».

Но зато сама «Искра», как бы и в самом деле дала Аннибалову клятву наносить сокрушительные удары самодержавному чудовищу при всяком более или менее удобном случае (а недостатка в таких поводах, конечно, в русской жизни того времени быть не могло). И что ни номер газеты, паки и паки в ярких сочных красках в ней рисуются новые подвиги царских министров, царской юстиции, царских жандармов, царской опричины, что ни номер, — как суровое, непреклонное катововское «*ceterum censeo*»¹ звучит искровский неизменный лозунг: «самодержавие должно быть революционно сметено с лица земли».

Но если мы поставим перед собою вопрос: а каковы были историко-социологические предпосылки в объяснении «Искрою» сущности русского самодержавия, — то на этот вопрос ни в «Искре», ни в «Заре» прямого ответа мы не найдем. Как известно, среди марксистов по вопросу о природе абсолютизма было два течения, отзвуки которых, быть может, можно было бы найти и в современной русской марксистской литературе. Сторонники одного взгляда готовы были (а может быть, и теперь еще готовы) утверждать, что русский абсолютизм в своем неудержимом росте успел самоопределиться, как особая самодовлеющая и более или менее независимая от господствующих классов политическая сила. Представители другой точки зрения резко отрицательно относятся к этому взгляду, утверждая совершенно обратное положение, в силу которого абсолютизм рассматривается не как внеклассовая надстройка, а как организация политической власти господствующих в данную эпоху классов: в докапиталистические времена — дворянства и отчасти торговой буржуазии, а в позднейший период — представителей промышленного и аграрного капитала.

В виде иллюстрации такого рода разногласий приведем, напр., один из вариантов идейного расхождения во взглядах на природу самодержавия, имевший место среди одесских социал-демократов. Осенью 1901 г., в письме одесского корреспондента «Искры», уже чувствуется тревога по поводу расхождения точек зрения в этом вопросе между представителями старого комитета и пришельцами. «Я говорила, наконец, с комитетскими старыми, — пишет автор письма. — Они просили, чтобы вы мне написали, разделяете ли вы мой взгляд на правительство, именно: правительство, по мнению здешних, — равнодействующая наличных сил в государстве, отсюда — у нас нет абсолютизма, а есть царство крупных капиталистов. Понимаете? По мнению же представителей компромиссной точки зрения, — правительство,

¹ С этого начинал и кончал свои речи в сенате древне-римский Катон: «А все таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен.»

выражая интересы господствующего класса, в то же самое время «имеет и собственные интересы», почему и «старается удерживать за собою позицию даже тогда, когда изменилась группировка классов». Стараясь сохранить эту позицию, оно «из-за своей шкуры» делает уступки за уступками капиталистам, и, таким образом, «абсолютизм сам себя подтачивает». На таком теоретическом подходе к вопросу об абсолютизме автор письма рассчитывает прийти к соглашению со старой организацией ¹.

Тот же вопрос ставится во весь рост на с'езде южных комитетов и организаций, состоявшемся в конце января 1902 г. Для характеристики выявившихся на с'езде двух течений в прениях по этому вопросу — приведем целиком соответствующую выписку из «отчета» с'езда ²:

«Сущность самодержавия. Прения по этому вопросу, выдвинутому разногласиями обеих представленных одесских организаций ³, обнаружили, что все участники с'езда видят в правительственной власти два элемента: 1) выражение интересов господствующих классов и их взаимоотношения в известный период и 2) инстинкты самосохранения, присущие всякой общественно-исторической силе. Участники (с'езда) только неодинаково выдвигали на первый план тот или другой из этих двух элементов в применении к правительственной власти, вообще, и самодержавию, в частности. В то же время все признавали, что самодержавный режим — крупная сила, для ниспровержения которой необходима также серьезная общественная сила; что эта сила должна быть создана; что источники этой силы должны быть — социальное положение и историческая миссия определенного класса; что этим классом в России в настоящее время является класс пролетариата, и что это несколько не исключает необходимости для пролетариата вести эту борьбу совместно с оппозиционными элементами из непролетарских слоев населения. В результате мнения разделились.

а) Мнение большинства:

Всякое правительство по своему содержанию является, в общем, равнодействующей классовых сил данного общества. Всякое самодержавие, являясь с внешней стороны отсталой формой классового господства, по содержанию, подобно всякому правительству, является выражением соотношения общественных сил. Сохранение этой отсталой формы лежит

¹ Из дела д-та полиции № 825, ч. I. «Лига рев. с.-д.». Копия письма, с подписью «твой дядя Соня», из Одессы от 31 окт. 1901 г.

² Дело д-та полиции № 850, т. 12, «Розыск на юге России» (декабрь 1901, — май 1902 г.г.): «С'езд представителей комитетов и организаций Р. С. Д. Р. П., действующих на юге России».

³ Одесского комитета и «Южной группы рев. соц.-демократов».

в интересах господствующих классов и тем самым находится в резком антагонизме с интересами рабочего класса.

б) Мнение меньшинства:

Считая правительство выразителем и защитником интересов господствующих классов и признавая, что правительственный режим меняется с перераспределением общественных сил, мы в то же время признаем, что выработавшаяся веками бюрократическая машина имеет свои самодовлеющие интересы (самосохранения и господства), защитой которых, главным образом, и определяется отношение правительства к рабочему движению и ко всякого рода проявлениям протеста в обществе. В России защита этих интересов приняла особенно безобразные формы.

Примечание. Особым голосованием съезд единогласно признал, что разделение голосов по данному вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах объединенной организации».

Но ни «Искра», ни «Заря», как сказано выше, не подходили вплотную к анализу вопроса о самодержавии. И это, вероятно, происходило не потому, что им чужда была точка зрения тех или иных сторонников взгляда на самодержавие, а скорее всего потому, что диалектические противоречия в недрах данного, конкретного российского «старого режима» выросли до таких размеров, что главное внимание нужно было обратить на приближение всеразрешающего кризиса. Стоит ли поэтому, при практически агитационной постановке вопроса, ставить на очередь и много возиться с чисто теоретической проблемой о происхождении или о природе абсолютизма, вообще, и русского, в частности, а также об исторической связи этого последнего с теми или иными общественными группами? Сейчас, ведь (с точки зрения «Искры»), существенно и важно только одно: выявить эти противоречия перед широкими слоями населения, попытаться втянуть в борьбу с отживающими «исконными» началами русской жизни те группы демократии, на судьбе которых процесс разложения старого строя отзывается всего сильнее, организовать силы пролетариата около этой борьбы, в которой он сам должен выступить, как гегемон, — а кто именно из заинтересованных групп и до какой точки дотянется в предстоящей схватке — это потом будет виднее, когда дело дойдет до ликвидации общего врага. Отвечая рабочеделдцам, звавшим искровцев от всесторонней обличительной кампании против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы в интересах рабочего класса, а также и таким quasi-марксистам, как Надеждин, который с недоумением спрашивал по поводу корреспонденций «Искры» о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот

орган?» — автор статьи «Политическая агитация и классовая точка зрения» (Н. Ленин) говорит:

«Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов, вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма, вообще, необходимо порождают оппозицию самодержавию» («Искра», № 16).

В другом месте тот же авторитетный лидер старого искровства дает такую характеристику самодержавия:

«... Самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камариллы и армии чиновных пиявок, а с другой стороны — в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, — подобное правительство не могло поступать иначе, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е., «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных»¹.

Несомненно, что заключающаяся в приведенных цитатах характеристика самодержавия относится, главным образом, к последнему периоду, когда на сцену выступили различные антагонизирующие между собой группы буржуазии, с одной стороны, и появились «сознательные и непреклонные враги тирании» — с другой. Но все-таки нетрудно догадаться, что эти мысли подсказаны именно данным историческим моментом, когда налицо были уже все симптомы разложения самодержавия и приближения буржуазной революции, которая всегда отображает тот факт, что интересы абсолютизма пришли в явное противоречие с широко понятыми интересами развития капитализма в целом.

Каковы же были эти симптомы в начале 900-х годов? Самым главным из них является необычайная нервность самодержавия эпохи Николая II, определяющая чрезвычайно неустойчивый, зигзагообразный курс политики царского правительства. С одной стороны, такая газета, как «Московские Ведомости» напештывает в правое ухо самодержавию о вреде уступок: уступка, мол, «была бы огромной ошибкой, если бы даже требование улицы было резонно, ибо... если оно исполняет голос улицы, то улица и должна быть властью» («Моск. Вед.» 12-го апр. 1901 г.); а с другой стороны, не менее авторитетная в глазах правительства вторая рептилия,

¹ «Гонители земства и Аннибалы либерализм».

суворинское «Новое Время», шепчет ему в левое ухо: это следует сделать,—говорит оно про улучшение быта рабочих,—«подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего». С одной стороны—гром и молния, беспощадная расправа с непокорным студенчеством, отдача студентов целыми пачками в солдаты, а с другой—вдруг «поворот» курса—«сердечное попечение» и ставка на Ванновского (с точки зрения тогдашнего «общественного» мнения, это казалось серьезным поворотом в политике правительства по отношению к учащейся молодежи, чреватых благими последствиями). С одной стороны, харьковский губернатор кн. Оболенский учиняет массовые порки крестьян, а министерство внутренних дел принимает меры к тому, чтобы изолировать пухвущую от голода деревню и не позволить студентам, врачам и прочим «злонамеренным» людям идти на помощь к голодному крестьянину, а с другой стороны, Витте водит рукою царя и заставляет его начертать в манифесте 26 февраля 1903 г.: «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».—Там, где то в застенках, идет расправа с сектантами и приводится для борьбы с «еретиками» вся шпионско-миссионерствующая братия, а в то же время собравшийся в поход Мальбруг... то бишь, пустившийся на путь «реформ» (при условии сохранения «вековых устоев российской державы») царь манифестирует о добром намерении правительства обеспечить свободу вероисповедания для всех вероучений.—На одном конце картины российской действительности—обуховская бойня, суд над обуховскими рабочими с применением к ним драконовских законов, полицейская расправа палача фон-Валя с участниками майской демонстрации (сечение розгами), «суд» над нижегородскими, сормовскими и саратовскими рабочими, участвовавшими в первомайских демонстрациях 1902 г., с каторжными приговорами и т. п.,—а на другом конце что то в роде пародий на «светлые» тона и блики: законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, и о фабричных старостах... И т. д. и т. д.

Все эти «повороты» в курсе политики царского правительства гроша медного не стоят, все эти, с позволения сказать, «реформы» обставляются такими ограничительными оговорками, что их положительное действие на ход жизни становится очень малоощутительным. Но в то же время они очень симптоматичны, как знамение времени. «Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России,—говорится в передовой статье «Искры» № 46, под заглавием «Эра реформ».—

Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и, несмотря на это,—вернее именно в силу этого,—постоянные, непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений». И потом далее: «Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась, и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимаемая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных. Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции».

Другим симптомом болезни старого чудовища, предвещающим начало конца, является его вступление на путь самых рискованных провокационных авантур, приобретших историческую кличку «зубатовщины». Все более и более осаждаемое революционными стихиями, самодержавие начинает пугаться своего одиночества в этой борьбе и задается целью путем самой отчаянной демагогии совратить массы с революционного пути, обезвредить деятельность социал-демократии, расколоть повсюду оппозицию и образовать вокруг себя широкую сочувствующую среду.

В своем докладе правительству, положившем начало блестящей карьеры его автора, Зубатов выкинул ряд очень смелых мыслей: «на стачечную борьбу рабочих, по мнению его, можно иногда смотреть сквозь пальцы (Можно даже поручить своим шпионам устраивать стачки и руководить ими в интересах гг. капиталистов, как говорил Зубатов московским фабрикантам на обеде в ресторане Тестова). Можно разрешить рабочим и общества взаимопомощи: такие общества могут даже оказать правительству очень ценную услугу, если туда ввести достаточное количество шпионов и предателей. «А кстати из средств этого общества будут оплачиваться и услуги шпионов, о чем он также поведал по секрету на обеде московским фабрикантам»¹.

Доклад пришелся по вкусу правительству (главным образом, его вдохновителю Плеве), и Зубатов получил благословение свыше «действовать». Его сподручные основывают в Москве, в противовес с-д-там, партию «независимых». Эта «партия» раскидывает свои провокаторские сети в Минске,

¹ Из прокламации Киевского Комитета РСДРП 1902 г. См. «Красную Летопись» № 2—3.

потом в Одессе, а сам Зубатов в 1901 г. основывает общество рабочих механического производства. В Петербурге шпионы Зубатова работают в том же направлении. В западном крае жандармский ротмистр Васильев пытается (и сначала не без успеха) вывести рабочую массу из-под влияния Бунда, и т. д. и т. д. Зубатовщина стала принимать размеры всероссийского грандиозного охвата рабочих системой зубатовской провокационной политики, пока, наконец, эта дерзкая игра ва-банк охранного авантюриста не кончилась крахом.

Для характеристики демагогических приемов этой игры в полицейский социализм достаточно упомянуть, что Зубатов успел привлечь к своему делу в качестве пособников видных представителей университетской науки (Дена, Вормса, Озерова и др.). Мало этого, он даже создал особый жанр подполья, ставящего себе целью защищать самодержавие от революционной критики и всеми средствами превозносить эволюцию в противовес революции, которая может, извольте видеть, только способствовать тому, что после кровопускания в рабочих кварталах вся власть перейдет в руки буржуазии, как это случилось, напр., во Франции. По поводу такого рода фальсификаторских приемов российский Муссолини (впрочем, итальянскому «гению» фашизма далеко до нашего отечественного архипровокаatora) «Искра» приводит сравнение между эпохами Николая I и Николая II. «Правительство Николая I запрещало холопского духа писателям расточать подобострастные хвалы мудрости начальства: власть не нуждается в одобрении подданных. Правительство Николая II содержит на народные деньги целый ряд газетчиков и ораторов, назначение которых хвалить и хвалить премудрость властей до притупления перьев, до хрипоты в голосе... Правительство Николая I имело силу и власть оставить народные массы без печатного слова, запрещая дешевые книги и газеты, способные, по словам графа Уварова, «привести массы в движение». Правительство Николая II оказывается вынужденным доказывать рабочим неизбежность «рабочего движения». И доказывать — как? Посредством нелегальных произведений, направленных против социализма»¹.

Но провокационная политика господ Плеве и Зубатова не ограничивалась одной только рабочей средой. Она стала, вообще, правилом жизни. Так, например, чтобы расколоть либералов, Плеве заигрывает с правыми земцами, с группой Шипова, и сулит им более «благоприятное» отношение к земству, обещает созвать совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», под условием, однако,

¹ «Искра» № 3. «Зубатовцы в подпольной печати».

чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях».

Еще более ярко выраженный провокационный характер имела политика правительства в окраинных частях государства, в особенности в Финляндии. С этой страной последний российский самодержавия менее церемонился, чем кто-либо из его достойных предков. Все русские государи, начиная с Александра I и кончая Николаем II, при вступлении на престол торжественно подтверждали обещание «о святом хранении», «в ненарушимой и непреложной силе и действии», основных законов Финляндии («особенную конституцию края»). Эти торжественные клятвы не помешали, однако, Николаю II произвести в Финляндии 3 февраля 1899 г. государственный переворот, объявив в манифесте, что без согласия сейма могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи». Сенат Финляндии обязывался подписать царский манифест под угрозой ввода русских войск в пределы Финляндии (русским войскам, расположенным на финляндской территории, были уже розданы боевые патроны «на всякий случай»...). После этого на протяжении последующих лет последовал бесчисленный ряд самых наглых насилий над беззащитной страной: господа Бобриковы неистовствовали по части запрещения финляндских газет, арестов финляндских общественных деятелей (отнюдь не социалистов, а просто лишь патриотов своей страны), отмены свободы собраний, наводнения Финляндии русскими шпионами и провокаторами и т. д. и т. д. Наконец, без согласия сейма был издан в 1901 г. закон о воинской повинности; этот акт был верхом издевательства над обездоленной страной, но ей некому было жаловаться, не к кому апеллировать, а восставшим реагировать на политику царя-клятвопреступника она, конечно, и думать не могла.

Чтобы, однако, достаточно гладко проводить эту завоевательную кампанию, Плеве и Бобриковы прибегли к излюбленному приему царского правительства—к беззастенчивой демагогии и наглой провокации (иными словами говоря—к «зубатовщине»). Чтобы дезорганизовать ряды защитников конституционных вольностей финского народа, самодержавие через наемных агентов стало раздувать классовую ненависть в безземельном крестьянстве Финляндии. Но и городские рабочие попадали в те же сети. Так, напр., в марте 1903 г., безработные г. Гельсингфорса, не получившие помощи от своего городского магистрата, были сверх меры обласканы... губернатором Кайгородовым, который в предыдущем году устроил первое в истории Финляндии избиение мирных демонстрантов, не исключая и рабочих. Тотчас же были открыты столовые для рабочих, и царский прислуж-

вик Дейтрих со слезою в крокодиловых глазах поведал финским рабочим при открытии столовых, что «сердцу русского царя столь же близки его верноподданные финны, как и жители средних русских губерний, и он не дозволит умереть с голоду никому из своих верноподданных». Голодная деморализованная масса с благодарностью приняла подачку от злейших врагов финского народа.

Трудно было бы на протяжении нескольких страниц перечислить всю ту сумму фактов, которые свидетельствовали не только о дрянности самодержавия вообще, о его враждебности интересам масс, о его антиобщественности и других свойствах, характеризующих природу самодержавия везде и всегда, но и о специфических чертах декадентского самодержавия Николая Кровавого, уже зловеще освещаемых красным отблеском вспыхивающих на небосклоне революционных молний. По этому поводу пришлось бы вспомнить и о любезной сердцу царя деятельности жандармерии (не даром Николай II в одной из речей признался: «огненные тесный союз, установленный между мною и корпусом жандармов, будет крепнуть все более и более»), и борьбу Сипягина с обществом, стремившимся протянуть руку помощи голодающему населению, и розги фон-Валя и князя Оболенского, и ужасы организуемых полицией, вкупе с черносотенными полонками населения, еврейских погромов (напр., знаменитый Кишиневский погром), и преследования сектантов, и свободу от каких бы то ни было уз морали и страха ответственности перед законом полицейских чиновников, на которых, по выражению «Искры», распространяется благодать самодержавия, начиная от министра и кончая последним урядником или жандармом (яркой иллюстрацией издевательства самодержавных чиновников над «правосудием» является драма на станции Тихорецкой с арестом и изнасилованием следователем Пуссепом и сворой казаков пригланувшейся маленькому самодержцу пассажирки Золотовой, «лишившей себя жизни») — и т. д., и т. д. до бесконечности.

Еще, однако, два слова для характеристики самодержавия предреволюционной эпохи. Дореформенное самодержавие представляло из себя более или менее простой централизованный механизм. Самодержавие позднейшего периода, ставшее на путь некоторой европеизации, допустившее принцип разделения властей, вызвавшее к жизни земство, начинает жестокую борьбу с естественными последствиями такого рода «европеизации». Культурные органы обнаруживают постоянную тенденцию выйти за пределы предуказанных им полицейских норм развития. Все вокруг становится «неблагонадежным» и требует колоссального напряжения сил со стороны полицейско-жандармских органов самодержавия. Руководить этой борьбой во всех ее подробностях из

центра становится невозможно. И вот приспособление самодержавия к новым условиям жизни идет двумя путями: с одной стороны, становится неизбежной децентрализация полицейского аппарата, причем каждый губернатор наделяется прерогативами самодержца в пределах своей губернии («децентрализованная помпадурия», по выражению Щедрина, подхваченному «Искрой»), а с другой стороны, все нити и корни жизни сосредоточиваются в министерстве внутренних дел, функция которого становится преобладающей и подчиняющей себе все остальные стороны жизни государства. Эта последняя тенденция становится особенно выпуклой в начале 900-х годов, когда даже сделана была попытка и фабричную инспекцию изъять из ведомства финансов и передать в ведение министерства внутренних дел, подчинив чинов фабричной инспекции начальникам губерний.

Другой особенностью новейшего самодержавия является его органическая связь и общность интересов с империалистическим капитализмом старого и нового света. Вечно нуждающееся в деньгах правительство Николая II жило насчет внешних займов, и Франция, та самая Франция, которая продолжала еще распевать (по традиции) свой республиканский гимн, усердно пополняла казну русского самодержца золотом, столь необходимым ему для борьбы с «крамолой» в России. Буржуазная Европа, давным-давно растерявшая воспоминания о заре своей революционной юности, не без удовольствия поглядывала на такую цитадель старого порядка, как жандармская Россия, которая к тому же охотно допускала у себя чисто колониальные формы эксплуатации русских рабочих иностранным капиталом. Кроме того, и для милитаристов зап. Европы огромная Россия представляла особый интерес, как неисчерпаемый фонд пушечного мяса, который стоит того, чтобы так или иначе купить его за тридцать серебрянников. И как ни рискованна была финансовая политика господ Витте, как ни близко иногда стояло самодержавие к финансовому банкротству, как ни расточительны и разорительны для государства были дальневосточные и всякие другие авантюры царских родственников и приятелей, — выручал всегда иностранный капитал (в особенности, французский). После каждого выпрыскивания в одряхлевший организм старого чудовища изрядной порции желтого металла, оно «бодро» вскакивало на ноги, а паразитирующие на народном теле рыцари наживы, после минутного уныния и беспокойства, снова пускались в пляс: «жив, жив курляка!..»

В то же время сочетание из двух слов «долгой» и «самодержавие» все более и более приобретало, по выражению «Искры», характер народной поговорки.

2. Борьба с революционным авантюризмом

Есть мнение, приурочивающее борьбу «Искры» с социалистами-революционерами если не целиком, то в значительной мере к тому обстоятельству, что «Искра», дескать, разглядела своим острым взглядом в туманной дали будущую роль партии эс.-эр. как представителей интересов кулацкой мелкой буржуазии¹. Это не совсем точно. Ни «Искра» в целом, ни, в частности, Ленин не спешили с суровой оценкой новой революционно-демократической партии и не торопились с квалификацией ее деятельности, как реакционной. И только в меру воскрешения новыми народниками старых народнических предрассудков, для которых в обстановке растущей пролетарской революции не было уже никаких исторических оправданий, — в меру расцвета претенциозного эс.-эровского авантюризма, полемика «Искры» с эс.-эрами становится все более и более резкой и решительной. О сближении позиции соц.-р-ов с реакционной природой антидемократических и готовых поддержать самодержавие элементов «Искра» и не помышляет, а если и пристегивает к нам иногда кличку «социалистов-реакционеров», то это только для того, чтобы, отнюдь не отрицая факта искренней ненависти эс.-эров к абсолютизму, полемически отметить то обстоятельство, что утопические взгляды нового народничества на роль и значение «трудового крестьянства» в предстоящей революции, теоретические шатания и путаница с.-р-ов в вопросах о сущности социалистической и демократической революции, их ставка на индивидуальные героические акты террора, их недооценка такого самого крупного фактора в борьбе с самодержавием, как массовое рабочее движение, — все это уже в те времена угрожало по своим объективным последствиям завести революционную мелкобуржуазную демократию в политический тупик и помешать делу развертывания борьбы с самодержавием всех оппозиционных слоев под гегемонией пролетариата.

Впервые принципиальный разговор с эс.-эрами «Искра» заводит летом 1901 г. в статье «Новое вино в старых мехах».

¹ См., напр., в брошюре Зиновьева «История РКП (б-в)»: «острый глаз тов. Ленина и редакция «Искры» уже разглядел в этой партии будущих социалистов-реакционеров» (стр. 67). «Искре» случилось делать только тот прогноз относительно «завтрашнего дня», что соц.-революционеры, заинтересованные в усилении рабочего движения, но отнюдь не в том, чтобы пролетариат выделялся в особую политическую партию со своей классовой программой, «завтра» отбросят умильные речи и поведут против соц.-демократии войну «по-настоящему» (см., напр., ст. «Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма» в № 31 «Искры»).

(«Искра» № 5). Вся эта статья проникнута самым благожелательным отношением к новым товарищам по борьбе с общим врагом и имеет своей целью доказать, что брошенная в первом номере газеты эс-эров «Револ. Россия» мысль о повороте революционного творчества «в сторону принципов Народной Воли» — основана на недоразумении. «Искра» тут же тщательно подбирает все тезисы «манифеста партии эс. эр.», говорящие о том, что новая партия очень близко подходит к социал-демократии и очень далека от старого народоvolьчества и народничества 70-х годов. «Искра» не только не спешит авансировать нового союзника в общедемократической борьбе с самодержавием сугубым недоверием к их революционности, а как раз наоборот, — выражает уверенность, что «соц.-революционеры представляют собою плоть от плоти и кость от кости русских социал-демократов». Стараясь всячески расчистить путь к сближению соц.-р-ов. с соц.-д-ей, «Искр.» даже протягивает авторам манифеста руку через головы собственных партийных оппортунистов: «Может быть, — делает она догадку, — их (эс.-эр.) ввели в заблуждение те социал-демократические недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видели ненавистное им народоvolьство во всяком нападении на самодержавие? Но чтобы судить о русской социал-демократии, надо иметь в виду взрослых и серьезных ее представителей. А эти последние давно уже рекомендуют русским социалистам ту самую программу действий, к какой «поворачивают» теперь авторы манифеста».

Прошел почти год, в течение которого «Искра» все еще присматривается к физиономии новой партии, не посвящая по адресу эс.-эр. ни одной полемической заметки. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) появляется, наконец, статья (Плеханова): «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», в которой «Искра» начинает уже бить тревогу по поводу возможного увлечения революционеров методом террора. Правда, делает она это очень осторожно, резко-пренебрежительно отмежевываясь от «реакционных цистеронов», гремющих против «убийцы» Сипягина, и оперирует с формулой одного английского публициста семнадцатого века, гласящей, что «умерщвление не убийство», — в особенности там, где «свирепый полицейский «порядок» до смерти надоел всем честным людям». Но... «сознание этой истины начинает грозить опасностью русскому освободительному движению». В объяснение этого парадоксального вывода «Искра» говорит: «Умерщвление не убийство! Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма». Что же в таком случае нужно и можно противопоставить этому методу казни отдельных политических негодяев? «Искра» отвечает: «Только на фундаменте политического самосознания русского пролета-

риата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы! Русское революционное движение восторжествует, как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует».

Таким образом, позиция «Искры» по вопросу о терроре уже была определенно намечена. Но решительная схватка органа революционной соц.-д-ии с «нашедшей себя» эс-эровщиной произошла лишь месяца три спустя (в августе 1902 г.). Мы не будем здесь говорить о наделавшем много шума из-за пустяков эпизоде по поводу возмущившего «боевую организацию эс.-эр.» указания «Искры» на связь между выстрелом Балмашева и реакционной политической правительством по отношению к учащейся молодежи,—эпизоде, который разрешился вызовом соц.-р-ами «Искры» на третейский суд. Гораздо важнее остановиться на том, как, в конце концов, «Искра» в лице, главным образом, Владимира Ильича, со свойственной этому последнему прямотой и последовательностью, дала принципиальный бой партии эс.-эр., вскрыв и подытожив в статье «Революционный авантюризм» все те черты мелкобуржуазного недомыслия и тупого самодовольства, которые убивали в корне всякую иллюзию относительно возможного сближения партии эс.-эр. с социал-демократией. В статье сосредоточивается внимание на трех пунктах: 1) на склонности соц.-р-ов, в согласии с соц.-д-ами бернштейниановского толка, восставать против преклонения «ортодоксов» перед «догмой» (т. е. против обыкновения революционных марксистов исходить в своих выводах из теоретических основ научного социализма и придерживаться диалектического метода мышления), 2) на вопросе о терроре и 3) на крестьянском вопросе и на аграрной «программе» (правильнее было бы говорить о пародии на программу) социалистов-революционеров. Отметим здесь те основные аргументы соц.-р-ов по вопросу о терроре и взгляды их на новейшее крестьянское движение, против которых должна была ополчиться «Искра».

Соц.-р-ы выставляют тот довод, что они призывают к террору не «вместо» работы в массах, а «вместе» с такой работой. Но на ряду с этим доводом из эс-эровской груди вырывается вздох сожаления (с восклицанием «увы») по поводу того, что еще не скоро «выйдет из тьмы рабочий народ», в виду чего, очевидно, без эс-эровских бомбочек дело пока не может обойтись тем более, что каждый, извольте видеть, террористический удар «как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу перебрасывает на сторону борцов за свободу». Далее, партия соц.-р-ов, ставя перед собой вопрос: «в кого бить», договаривается до той сентенции, что следует бить в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дела до крайности», а к тому же это и «легче», и что у самодержавия против толпы есть солдаты, для борьбы с рево-

людионными организациями есть полиция, но «от отдельных личностей или небольших кружков, неизвестно даже друг от друга готовящихся к нападению» — ничто уже не спасет обреченного на смерть того или иного «властного насильника самодержавия», «никакая сила не поможет против неуволости».

«Искра» энергичнейшим образом протестует против такого отношения к идее борьбы с самодержавием и принижения ее до уровня террористических «актов мести» или «поединков», посредством которых герои «будят в толпе дух отваги» (теория «эксципативного террора, по поводу которой «Искра» замечает, что такого рода поединки «непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка»). В противовес этой эс-эровской тактике революционная социал-демократия выдвигает идею руководства на деле революционной партией выступающего на путь борьбы революционного класса, какие бы разнообразные формы массовое народное движение ни принимало, и как бы ни было длительно, сложно и многообразно приспособление оппозиционных групп к условиям этой борьбы. «И наш долг, — говорит автор статьи «Революционный авантюризм», — активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту, не берясь предсказывать формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуволости. Когда упрочились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали это участие».

По вопросу о крестьянстве соц.-р-ы дают свой особый анализ «классового» состава общества: есть классы, которые «вообще всегда» держатся за существующий порядок и не поддаются революционизированию. К этим классам относится, между прочим, и буржуазия, так как ее «интересы удовлетворены» (таким образом, предполагается, что в России нет буржуазной демократии, интересы которой не очень-то удовлетворены самодержавием: предвзвудок, разделявший соц.-рами вместе с экономистами). К столь же консервативным элементам эс-эровская теория готова причислить, вопреки общераспространенному мнению о возможной революционности мелкобуржуазной демократии, и «мелкобуржуазные слои» в виду того, что интересы их «не определены, как классовые, и не формулируются в реформаторскую или революционную социально политическую программу». При этом

эс-эры делают вид, что категория «мелкобуржуазных слоев» совершенно не относится к крестьянству, которое, изволите видеть, вместе с интеллигенцией и пролетариатом составляет революционную троицу, т. е. три класса, в равной мере способные на революционный образ действий. Это противопоставление, или лучше сказать, сопоставление интеллигенции с пролетариатом и крестьянством грешит не только забвением той марксистской истины, что единственным подлинным последовательным революционным классом является пролетариат, но и чрезвычайно путанным представлением эс-эров (свободных от марксистских «догм») о социальной природе интеллигенции, которую на самом деле можно рассматривать либо как разновидность мелкобуржуазной группы, либо как придаток того или иного класса, интересы которого данная часть интеллигенции обслуживает.

Из заявления „от крестьянского союза“ (в № 8 «Рев. России») определенно видно, каково происхождение эс-эровского вульгарного социализма: «О чем говорят, — спрашивает «Искра», — сами представители поднимающегося (крестьянского) слоя? О земле, прирезке, переделе. — Ну вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею, идею социализма». «Вы не верите, читатель? — иронизирует автор искровского фельетона. — Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветوشь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им последняя книга скажет? А между тем, это факт».

Если прибавить к этому ряд сочиненных эс-эрами «элементарнейших дедукций», вроде необходимости перехода к «конечным целям» от уже достигнутых русским государством этапов — в форме принадлежности государству большой доли территории, или совершающегося «уже и теперь» «перетекания земли от капитала к труду», или имеющегося налицо и до сих пор уравнительного пользования землею среди крестьян — и все это помимо классовой борьбы, о которой «дедукции» упорно молчат, — если собрать все это в один букет, то в результате получится довольно «стройная» схема реставрированных излюбленных идей эпигонов народничества — В. В., Юзова, Николай — она и им подобных.

Очень характерна для соц.-рев-ов в их «программе - минимум» постановка рядом, в качестве равноценных принципов, двух требований — социализации земли и кооперации. «Вот программа - минимум, — иронизирует «Искра», — в которой, с

одной стороны — Бабеф с другой — г. Левитский¹. Это неподражаемо!..» Но плохо то, что такого рода очень не-серьезной программной фразеологией вводится в заблуждение прежде всего крестьянин: «Это обман», — возмущается по этому поводу автор статьи в «Искре», — «будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии... Соц.-рев.-ы смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве — значит... подливать воду на мельницу всякой казенщины».

Все дальнейшие попытки соц.-рев. защитить свои «программные» позиции от нападков «Искры» являлись лишь новыми иллюстрациями эмансипации эс-эровской теории от марксизма. Так, напр., не приемля искровской характеристики крестьянства, как совокупности мелкобуржуазных слоев, «Рев. Россия» поспешила установить другой критерий для определения социальной природы крестьянства, в котором, по ее мнению, следует различать две категории: трудового крестьянства, живущего «эксплуатацией собственной силы» и сельской буржуазии — средней и мелкой, — живущей в большей или меньшей степени эксплуатацией чужой силы. Между «самостоятельными земледельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства, и сельским пролетариатом, по схеме эс-эровских теоретиков, нет по существу никакой разницы: и те и другие живут своим трудом, и те и другие безжалостно эксплуатируются. Следовательно, и те и другие должны быть соединены в одну категорию «трудового крестьянства».

По этому поводу автор статьи (Ленин) в «Искре» № 27 («Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые соц.-революционерами») — пользуется случаем, чтобы лишний раз вскрыть один из предрассудков вульгарного социализма, не различающего своими близорукими очами ту истину, что основным признаком, характеризующим классы, является не источник дохода (т. е. признак этот следует искать не в отношениях распределения, которые складываются, как результат отношений производства), а место, занимаемое классом в общественном производстве. С другой стороны, определенной политико-экономической категорией

¹ Бабеф — смелый мыслитель, социалист-утопист времен французской революции. — Левитский — представитель народнического прожектерства о покрытии России сетью артелей.

является не труд, а лишь отношения между людьми по участию их в общественном труде. Забвение этих марксистских положений ведет именно к той путанице понятий, в силу которой между мелким деревенским хозяйчиком и лишенным средств производства рабочим стираются черты их социального различия и открывается широкий простор для декламаций относительно общности интересов всех составных элементов «трудового народа».

Наряду с откровенной критикой той идеологии, которой пробавлялись соц.-рев.-ры, «Искра» не упускала случаев отмечать также отрицательные черты эс-эровской революционной практики. Особенно много от «Искры» доставалось соц.-рев.-ам за их склонность «примазываться к тем или иным революционным эпизодам, которые возникали вовсе не по инициативе соц. рев.-ов, или в которых представители партии эс.-эр. являлись случайными, а, быть может, даже и лишними персонажами. Так, напр., выше уже было упомянуто, какой шум подняла эс-эровская «боевая организация» по поводу безобидного предположения «Искры», что студент Балмашев стрелял в Сипягина, будучи субъективно настроен крайне враждебно к русскому правительству, обрушившемуся со всеми своими египетскими казнями на «бунтующее» студенчество. Боевая организация усмотрела в этом замечании злостную попытку со стороны «Искры» умалить значение данного террористического акта, в котором-де Балмашев участвовал не как студент, а как агент ее, боевой организации,—мстя за всю обездоленную Россию, а не за поруганное студенчество. Целый ряд дальнейших свидетельских показаний, возникших в связи с поднятым «Рев. Россией» шумом, бросил яркий свет на нелепую претенциозность «боевой организации».

Еще более курьезный характер имела предосудительная привычка эс.-эр.-ов жать там, где они не сеяли, и приписывать себе существенную роль в таких революционных актах массового выступления, в которых на самом деле их присутствия не было заметно. Иногда, впрочем, тот или иной корреспондент «Рев. России» и сам признавал, что реакция соц.-рев.-ов на описываемый эпизод массового рабочего движения (напр., во время ростовской стачки) была «мимолетной». В большинстве же случаев соц.-революционеры, с развязностью гоголевского Ивана Александровича Хлестакова, оспаривали у с.-д.-ов право считать себя подлинными вдохновителями выступления рабочих масс. Но если даже соц.-революционеры и оставляли какой-нибудь след своей специфической работы в том или ином случае, то «Искре» почти всегда приходилось сожалеть о том, что эта «работа» не блистала своим полным отсутствием. Так, напр., когда малосознательная масса влатоустинских рабочих была, наконец, выведена

из состояния рабской покорности начальству, отнявшему у них и те жалкие права, которые были даны им в 1861 г., соц.-революционеры выстрелом в уфимского губернатора Богдановича, учинившего златоустинскую бойню, прекратили начавшийся, было, процесс массового пробуждения уральских рабочих и классового понимания ими своих интересов. От наивных челобитных актов златоустинские рабочие, быть может, пришли бы к мысли о возможной роли и значения в их борьбе с правительством тех самых гранат, которые они выделывали на заводе своими собственными руками, и кто знает, какие революционные ростки могли бы появиться на удобренной рабочей кровью златоустинской почве, если бы не этот террористический акт в Уфе, заставивший массу отпрянуть назад и пассивно ждать, когда «герои» разобьют ее вековые цепи. «Гл. соц.-революционерам,—говорит «Искра»,—показалось, что уфимский выстрел удобный случай для того, чтобы пристегнуть свое имя к пролетарскому массовому движению. Ну, что ж? Если на минуту допустить эту связь и признать за ними «роль» в движении, то это будет лишь «роль»—не лишенных усердия дезорганизаторов».

Таким образом, «Искре» приходилось вести энергичную кампанию против эс-эровского авантюризма, борясь все время с эс-эровской тенденцией превращать массовые движения рабочих в «своего рода революционный спорт», в «ряд последовательно сменяющихся сенсаций».

На вопрос, в чем заключается историческая роль соц.-демократии, в которой орудуют, по общему признанию всего «прогрессивного» блока с эс-эр. во главе, «доктринеры, догматики, фанатики, фаталисты, социал-буржуа» и т. д. и т. п.,—«Искра» дает такой ответ: «Все формы оппозиционной и революционной борьбы, свидетелями которых мы были в последние годы, являются производными или отраженными эпизодами основного революционного процесса: политического пробуждения рабочего класса. Через его посредство соц.-дем. вызвала студентов на улицу. Крестьянство, поскольку в его бунтах имеются зародыши политической идеи, восприняло их от революционизированного соц.-дем. пролетариата. Она же оживила эту бедную земскую оппозицию, подарив ей под конец в качестве вождя экс-социалиста, воспитанного на марксизме. И, наконец,—это не парадокс!—сама партия соц.-рев. обязана соц.-демократии своим существованием».

А к чему сводится, по мнению «Искры», роль соц.-революционеров? Ответ таков: «Эмансипированные от революционной доктрины, лишенные классовой силы, соц.-рев. не способны на самостоятельную роль. Все, на что они уполномочены своей природой,—это «мимолетная» попытка «самостоятельно вмешаться» в ход событий, не ими вызванный, с

их работой не связанный. Они хотят сразу «сорвать банк». Это вполне естественное желание для беспринципной, политической-нервной группы интеллигентов... Ва-банк! Это называется «требованием смелой революционной инициативы», «стремлением не идти в хвосте событий, а толкать их вперед»!.. Вся ваш революционизм есть оборотная сторона оппортунизма. Вся ваша практика — полное отсутствие революционной инициативы и беспомощное, рабье заигрывание с революционным моментом»...¹

Можно подумать, что приведенная здесь цитата представляет собою набор «полемиических красот», иллюстрирующих ту неразборчивость в выборе полемиических средств против своих же союзников на фронте борьбы с общим врагом, за которую на голову «Искры» так часто сыпались упреки со стороны разного рода «революционных» весталок и блюстителей литературных приличий. Но на самом деле не «неуживчивостью» и не склонностью к полемике подсказана данная «Искрой» характеристика соц.-рев., а стремлением в краткой форме подытожить всю ту сумму логических моментов, где два революционных течения — пролетарское социал-демократическое и интеллигентско-радикальское — сталкивались между собою в качестве двух претендентов на установление линии политической борьбы.

Кстати сказать, «неуживчивость» «Искры» имела всегда принципиальный характер и объяснялась тем, что «дело развития классового самосознания пролетариата требует критического отношения ко всем и всяким общественным программам, из каких бы классов таковые ни выходили; оно требует со стороны политических представителей пролетариата деятельного вмешательства в процесс выработки циркулирующих в прогрессивной части общества политических идей, дабы ни одна живая революционная сила не была поглощена неревolutionным по существу движением, дабы ни одна частица собственных сил пролетариата не была отвлечена в сторону преследования бессмысленных или реакционных задач»²

Не понимая этой позиции «Искры», подсказанной ее революционной природой и классовой точкой зрения, соц.-рев. очень часто неумеренно обижались на «братоубийственную» полемику «Искры», объявляли этой последней бойкот и делали вид, что направляемые ею по их адресу неудобные для них вопросы их вовсе не касаются, или же, впадая в истерику, подымали громкий крик о поруганной с-д-ами «правде»

¹ «Искра» № 33. Статья «Благородство, вместо программы, и нервность, вместо тактики».

² «Искра», № 31. «Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма».

справедливости», пускали в ход необычайно «нравственные» сентенции, и пошлейшее декламаторство, за что и заслужили от «Искры» как нельзя более удачную кличку «Тартюфов революционной морали».

3. На фронтах внутрипартийной борьбы.

Незадолго перед появлением «Искры» пышным цветом расцвело то особое направление в недрах российской социал-демократии, которое приобрело историческую кличку «экономизма». Это было одно из звеньев оппортунизма, длинной цепью тянувшегося через всю историю пролетарской борьбы и неизбежного еще и до сих пор рабочими партиями капиталистических стран. В различных странах оппортунизм в социалистических партиях принимал самые разнообразные формы: так, например, на пороге XIX столетия он вылился в форму министерализма или мильеранизма (по имени социалиста-министра Мильерана во Франции): с точки зрения этой оппортунистической разновидности — представляющие интересы рабочего класса виднейшие социалисты должны стараться, путем проникновения в буржуазные правительства в качестве министров, способствовать проведению в жизнь необходимых для улучшения положения рабочего класса социальных реформ». В немецкой социал-демократии пустил корни оппортунизм под видом так называемого бернштейнизма — с его теорией постепенного «вращения» социализма в капитализм и с его проповедью приоритета конкретной, «реальной» практики движения над задачами и методами революционной борьбы под знаком конечных целей (известен, например, любимый афоризм Бернштейна: «конечная цель для меня ничто, движение — все»). В Англии ростки социализма систематически глушились тред-юнионистской политикой рабочей аристократии. И т. д. и т. д.

И по своим социальным предпосылкам оппортунизм не был однороден, представляя ряд различных исторических наслоений в развитии мирового социалистического движения. Так, например, английский тред-юнионизм явился давнишним продуктом особого исторического развития Англии, господствовавшей до последнего времени на мировых рынках и эксплуатировавшей добрую треть человечества на земном шаре, зажатую в тиски ее колониальной политики: от избытка получаемых таким образом «наций» благ буржуазия в Англии могла себе позволить роскошь подкупать жалкими подачками верхние слои рабочего класса своей страны, которые благодаря этому искусственно отрывались от остальной массы и привыкали продавать первородство своих общепролетарских классовых интересов за чечевичную похлебку мел-

них социальных реформ или незначительных уступок со стороны капитала в пользу привилегированной кучки квалифицированных рабочих. В России же, самой молодой из числа капиталистических стран, оппортунизм в недрах рабочей партии возник на почве иных условий. Здесь, с одной стороны, потребности быстро растущего капитализма подталкивали его предусмотрительным пророкам (напр., Струве и другим представителям «легального марксизма») соблазнительную мысль обратить марксистскую доктрину в орудие идеологического порабощения буржуазией пролетариата, предварительно выхолостивши ее и освободивши от присущей ей тенденции к революционным методам ликвидации основ капиталистического строя. С другой стороны, быстрый количественный рост пролетариата, главным образом, насчет выброшенной из деревенской колен части обнищавшего крестьянства, обусловил то обстоятельство, что далеко не везде и не всегда революционный тон в рабочей жизни задавал выварившийся в фабричном котле «потомственный» пролетарий, и на протяжении всех 90-х годов шумная стачечная эпопея проходила под лозунгом «копейки на рубль», столь понятным для серой полупролетарской массы. Что же касается «рабочелюбивой» социалистической интеллигенции, которая и сама очень часто не успевала еще изжить мелкобуржуазных настроений и навыков мысли, то она нередко оказывалась бессильной вести за собой рабочие массы и подымать их до уровня социал-демократического классового сознания; стихийность рабочего движения она готова была фетишизировать, как непреложный закон жизни, его же не преидеши.

Несмотря, однако, на это различие видовых признаков, присущих разным формам оппортунизма в недрах социалистических партий в различных странах и в различные периоды, существовал ряд общих родовых признаков для всех его разновидностей. Так, например, все представители оппортунизма имели всегда большую склонность к «критике» марксизма, к исправлению или «углублению» марксистских доктрин, к эмансипации от марксистского «догматизма», к восстанию против «доктринерских» оков «свободной» мысли. В то же самое время им постоянно казалось (и они непрестанно на это жаловались), что их «ортодоксы» не понимают и извращают их мысли. Чтобы оправдать свою позицию и свое право на критическое отношение к установленным марксистским полжениям, они чувствуют себя вынужденными заполнять пустые места в своей идеологии всякого рода отсебятиной и подпирать свое учение бесконечным множеством новых «теорий», создаваемых применительно к обстоятельствам места и времени. Таковы, например, теории постепенного вrostания социализма в недра капитализма, «социального мира», постепенного улучшения положения рабочего

класса в рамках капиталистического строя (в противовес марксистской теореме обнищания масс), теория тактики—процесса, теория стадий и т. д., и т. д.

Всем оппортунистам свойственна тенденция делать широкие зигзаги, переходя от пошлейшего и жвачного «практицизма» к крайнему (на словах, конечно, а не на деле) революционизму. Они не умеют и по природе своего мелкобуржуазного мышления органически неспособны связать в одно целое практику рабочего движения с его конечными целями; поэтому оппортунизм имеет два лица: с одной стороны, он образец солидности и положительности, ползучий реализм—его символ веры, «медленным шагом, робким зигзагом»—его любимейший лозунг, он надеется только на реформы, делает ставку на кооперативные сообщества (Бернштейн) или на организацию рабочих касс («Рабочая мысль») и т. п.; с другой стороны, он презрительно отмахивается от «постепенщины», производит революционный шум, предлагает отойти в сторону от практической политики в ожидании момента, когда сила перейдет на улицу, и «мы сразу все переделаем» («ясная, цельная, последовательная» точка зрения немецких оппортунистов—так называемых «молодых», подхваченная Фольмаром), повертывает вдруг на 180°, командует относительно «изменения тактики в 24 часа», ставит на очередь дня вопрос о терроре (под соусом «эксциративности» или каким-нибудь иным), зовет в момент собрания сая на немедленный штурм самодержавия («Рабочее Дело») и пр. и пр.

В основе же всех этих явлений лежит та общая для всех видов оппортунизма предпосылка, которая характеризует промежуточное социальное положение находящихся в сфере его идеологического влияния элементов рабочего класса. Эти элементы еще не самоопределились в смысле полной их пролетаризации, они еще сотнями нитей связаны с капиталистическим обществом какими-то призраками хозяйственной «самостоятельности», какой-то видимостью «собственности» (русские кустари или выходцы из деревни, не порвавшие еще связи с землею, английские рабочие, не расставшиеся с призраками мещанского благополучия в форме пожизненных «коттеджей», участия в прибылях предприятия и т. п.).

Поэтому они гораздо охотнее принимают проповедь профессиональной борьбы за отвоевание себе хотя бы и скромного, но «осязательного» блага именно сегодня, именно в интересах данной группочки рабочих, в пределах данного конкретного союза или фабрики, чем пропаганду социал-демократических революционных идей о систематической общепролетарской борьбе за политическую власть пролетариата в интересах полной ликвидации капиталистического строя и замены его социалистическим строем. Оппортунизм

же в социалистических партиях идеологически отображает межуточное настроение «своей» аудитории; он не только не ставит перед собою задачи способствовать раскрепощению ее от мелкобуржуазных пережитков и предрассудков, но и всеми доступными ему средствами укрепляет их, подводит под обывательские настроения толпы несознательных рабочих теоретический фундамент и приспособляет для этой цели марксизм, обрабатывая его путем «критики» «устаревшей ортодоксии». В конечном же счете он прочно облюбовывает себе историческую роль социального буфера, долженствующего смягчать силу столкновения двух смертельных врагов—буржуазии и пролетариата, вечно путается в их ногах и задерживает неизбежный финал развертывающейся во времени и пространстве великой борьбы между старым отживающим и новым нарождающимся миром.

В виду этого революционные марксисты не могут игнорировать опасность от развития оппортунистических идей в рабочих партиях и обязаны ставить на очередь дня беспощадную войну с оппортунизмом всех мастей, цветов и видов. И эту войну им приходится вести не только на почве дискредитирования в глазах рабочей массы оппортунизма вообще, не только на почве выявления вредных сторон оппортунизма во всякой классовой борьбе, в какой бы стране и в какое бы время она ни происходила, но и путем тщательного изучения и критики всех софистических ухищрений представителей наиболее близкой к ним его разновидности в определенных условиях места и времени. Поэтому группа «Искры» и «Зари» не только освещает своим ортодоксально-марксистским прожектором болезненные явления внутри рабочих партий Франции, Германии и других европейских стран, не только направляет острое своей сокружительной критики против оппортунизма, как против универсального явления, заноса время от времени свой анатомический нож над бернштейнством, миллерандизмом, жоресизмом и т. д. и т. д., но также, и даже с преимущественным вниманием, как того и следовало ожидать, присматривается к тому отечественному оппортунизму в недрах Р. С.-Д. Р. П., который выразился в форме так наз. «экономизма». Война, непримиримая, беспощадная война с «экономистами» стала одной из важнейших задач «Искры» с первого же момента ее появления на свет. Не даром в № 1 «Искры» статья о роли и значении зубатовщины («Новые друзья русского пролетариата») имеет «ехидный» подзаголовок, крайне разобидевший рабочемысленцев: „Посвящается «Рабочей Мысли»“.

В развитии «экономизма» следует различать два момента: «экономизм», как практику борьбы рабочего класса в 90-х годах, выросшую стихийно на почве первого пробуждения интересов рабочей массы к стачечным методам отвоевания у

капитала некоторых благ (повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уничтожение штрафов и т. д.), и «экономизм», как теоретическую систему, возводившую эту практику в самодовлеющий закон классового самоопределения пролетариата.

Более старовенные теоретики «экономизма» (авторы пресловутого документа «Credo», «Рабочая Мысль» и др.) договаривались до крайних логических последствий своей исходной точки зрения. Вот ход мыслей представителей либеральной рабочей политики (Кусковой, Прокоповича и К³): «Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления». Эта линия, не в пример западно-европейскому рабочему движению, которое, дескать, вступало на путь политической борьбы, подготовленный и расширенный завоеваниями буржуазии и мелкого мещанства, «у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности». «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». Отсюда вывод: «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Иначе говоря — для русских рабочих историческими судьбами предначертан путь экономической борьбы за «осязательные результаты», а политику будет делать либеральная оппозиция. Что же касается революционного марксизма, то он («марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный, пользующийся слишком схематичным представлением классового общества») должен «уступить свое место марксизму демократическому», причем стремление партии «к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении»¹. С другой стороны, более решительные экономисты из «Рабочей Мысли» проповедывали, что борьба за экономические интересы «самая упорная, самая сильная по количеству душ, которым она понятна» и что «таков закон природы». Из этого вытекает, что «политика всегда послушно следует за экономикой», и «борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения». Тут же указан и путь этой борьбы, которая ведется рабочими «не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей»: «стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба

¹ Все приведенные цитаты взяты из «Credo».

во время боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дорожке для движения, чем сотня других организаций»¹.

Нет надобности умножать еще цитаты для характеристики смелой точки зрения откровенных экономистов. Дело ясное: «закон природы (а кто же не лишенный здравого смысла, осмелится нигилистически стать в оппозицию к законам природы!), или подсказанные ходом истории предпосылки социального развития предопределяли особые пути рабочего движения в России: для рабочего класса и понятна, и целесообразна и возможна только экономическая борьба со своими хозяевами,—борьба для себя и своих детей.

На почве этих рассуждений и выводов нетрудно было бы сосчитать с откровенным экономизмом, ибо его более чем вульгарный «объективизм», с претензией на научность и даже как будто бы на марксизм, и грубая, совершенно не затуманенная тенденция бросить рабочие массы на тот самый путь исключительно профессиональной борьбы, который по иным мотивам был облюбован и Зубатовым, могли бы сыграть положительную роль с точки зрения революционно-марксистской критики, как «доказательство от противного», как образец явной уродливости подлаживающейся под марксизм либеральной или мелкобуржуазной мысли. Но оппортунизм далеко не всегда бывает достаточно последовательным и откровенным, а скорее наоборот—гибкость и гуттаперчевая эластичность формулировок, увертливость, нагромождение новых «теорий» и софистика представляют его настоящую природу. И действительно, экономизм примитивный быстро уступил свое место экономизму замаскированному, но тем более опасному. Этот вид экономизма нашел себе наиболее яркое выражение в литературных выступлениях Кричевского, Мартынова и их сотоварищей, сгруппировавшихся около органа заграничного «Союза русских социал-демократов» «Рабочее Дело». С этим-то увертливым направлением, которое, по словам автора «Что делать», представляло из себя «не столько прямое отрицание «великих слов», сколько их опошление», и предстояло выдержать нешуточный бой группе «Искры» и «Зари». В конце концов, «экономизм» был окончательно выбит из его последних позиций, и оппортунизм должен был искать новых форм, чтобы опять разеернуть свои силы, но эта новая стадия его развития относится уже к последующему расхождению двух линий, «двух тактик» в недрах Р. С.-Д. Р. П., и составляет особую страницу в истории его эволюции. А сейчас дадим место краткому изложению основных моментов идейного поединка между представителями «Искры» и «Рабочего Дела», не вдаваясь в подробности, так как яркая,

¹ Из передовой статьи в № 1 «Рабочей Мысли».

сочная аргументация «Искры» — как в фокусе — вся отображена в известном сочинении Ленина «Что делать?», к которому мы и отсылаем читателя для непосредственного ознакомления с данным эпизодом из истории нашей партии.

По поводу жалоб «Рабочего Дела» на «Искру» и «Зарю», которые якобы покушаются на «свободу критики», автор «Что делать?» тщательным анализом подлинных отношений своих идейных противников к оппортунизму в международной социал-демократии, вообще, и к русской социал-демократии, в частности, устанавливает несомненную их тенденцию брать под свою защиту этот оппортунизм под предлогом охраны принципа «свободы критики». В период теоретического шатания в партии и внесенной русскими оппортунистами смуты умов требование со стороны «Рабочего Дела» благодушного отношения к выступлениям всякого рода «критиков» марксизма лучше всего характеризовало позицию самого «Рабочего Дела», совершенно не понимавшего и не одобрявшего лозунга «Искры»: «прежде чем объединиться, необходимо сначала размежеваться».

Но самым главным аргументом «Рабочего Дела» был тезис о преуменьшении «Искрой» и «Зарей» значения объективного или стихийного элемента развития. Этот тезис был выдвинут тогда, когда рабочие были еще во власти стихийного увлечения экономической борьбой за «осязательные» результаты, когда «Рабочая Мысль» продолжала еще свою проповедь стачечных касс, которые «дороже для движения, чем сотни других организаций», когда подавление сознательности стихийностью происходило тоже стихийным путем жандармских опустошений в рядах «стариков», приверженцев ортодоксии. Но этого мало: огромная заслуга автора «Что делать?» заключается в том, что он чрезвычайно отчетливо, без теоретических уверток, поставил ребром вопрос о том, выливается ли социализм сам собою непосредственно из рабочего движения, или же привносится в это последнее извне? «Что делать?» решает этот вопрос в том смысле, что рабочее движение само по себе не порождает еще социализма, а лишь увлекается теоретиками научного социализма в сторону классовой социал-демократической борьбы. Всякое же самоотстранение социал-демократии от роли такого внешнего фактора, приносящего сознательность в стихию рабочего движения, означало бы отдачу пролетариата во власть буржуазии, которая всегда и везде подчиняет своему идеологическому господству рабочие массы там, где нет достаточно активной социалистической пропаганды.

В связи с этим вопросом «Рабочее Дело» выдвинуло «теорию» «тактики-процесса» в противовес «Искровой» позиции, которую оно характеризует, как «тактику-план». Это все те же вариации на тему о самодовлеющем рабочем движении,

которое, дескать, требует от социал-демократии приспособления к нему, а не воздействия на него.

«Рабочее Дело» старается отмежеваться от прямого, открытого «экономизма» и не идет вслед за авторами «Стедо», утверждающими, что уделом рабочего класса в России является исключительно экономическая борьба. Не только экономическая, но и политическая,—резонно устанавливает свою точку зрения «Раб. Дело». Но вся штука в том, что «политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы. Только на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации». Таким образом, здесь налицо «теория стадий»: сначала экономической борьбы, а потом уж на почве приобретенного опыта этой борьбы, политическая агитация; это та самая теория, которая в зачаточном состоянии была выдвинута еще в 90-х годах—в брошюре об агитации. Но там она была подеказана в значительной мере практикой движения среди ремесленников-евреев западного края и не претендовала на универсальное значение. Хотя некоторые бундовские комитеты долго еще умудрялись изгонять из обихода своей революционной практики политическую агитацию, тем не менее вздорность теории была ко времени 4-го съезда Бунда совершенно уже ясна для организации в целом, и в отчете о 4-м съезде констатируется следующий факт: «Не было ни одного голоса на съезде против того, что в настоящее время необходимо перейти к более интенсивной политической агитации. Старые тезисы о необходимости переходных стадий или ступеней, сначала чисто-экономической борьбы без тени политической, а потом и политической, начиная малыми дозами и кончая крупными, были отвергнуты». «Политический гнет сам по себе так бьет в глаза, что рабочий не нуждается ни в каких стадиях для уразумения его»—умозаключает автор отчета. Итак, даже Бунд, который, в общем и целом, слишком много грешил на протяжении всей своей долгой жизни, а в частности, и в период старой «Искры», оппортунистическим шатанием мысли, решительно поставил крест над теорией стадий, между тем как «Рабочее Дело» продолжало еще хвататься за нее, как за соломинку, которая должна спасти его от потопления в море безвыходных противоречий.

Точно также «Рабочее Дело», отрекшись от экономизма, всячески старается тщательно подобранной фразеологией доказать, что оно отнюдь не отмахивается от политической борьбы и даже считает необходимым «придать самой экономической борьбе политический характер». Но, чтобы сохранить во что бы то ни стало свое антиискровское лицо, «Раб. Дело» спешит отмежеваться от «Искры», которая, по его

мнению, ставит «революционизирование догмы выше революционизирования жизни»; оно пытается уложить «жизненное», реальное содержание в свою формулу о придании экономической борьбе политического характера. Для этого стоит только расширить понятие экономической борьбы: «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством... наталкивает рабочих на вопрос об их политическом бесправии». Понимает ли при этом автор этой формулы (Мартынов), что экономическая борьба с правительством—это, конечно, известный вид политической борьбы, но какой—социал-демократической или тред-юнионистской? Как бы то ни было, но его пояснение, что «наша партия могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.»—не оставляет никакого сомнения, что речь у него идет именно о тред-юнионистской политической борьбе за социальные реформы. Такого рода «конкретные требования», по словам Мартынова, «не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты (опять эти пресловутые «осязательные результаты» П. Л.), они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой». Принимая во внимание, что все это говорится с полемической целью «в пику» «Искре», легко понять, что, например, политические лозунги о поддержке протестующих студентов выступлением рабочих масс на улицу представляют «пустой звук», ибо не сулят массам «осязательных результатов». Одним словом, «Раб Дело» «неповинно в одностороннем признании за рабочим движением исключительно характера экономической борьбы (о, рабочедельцы ведь не «экономисты»!), но то диалектическое содержание, которое оно укладывает в понятие политической борьбы, ничего общего с социал-демократической борьбой не имеет и великолепно характеризует тред-юнионистскую, реформистскую природу этого направления.

Представители экономизма во главе с «Раб. Дело» очень много говорили о том, что «Искра», «насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью», переоценивая «роль идеологии (программ, теорий...), теряющая классовую точку зрения в поисках за союзниками, с которыми ее связывает «общность недовольства правительством»¹, в то же самое время не умеет решить проблемы повышения активности масс. Этот упрек по адресу «Искры» очень охотно посылало то самое «Рабочее Дело», тот самый рупор подлинного ухищренного экономизма, через который в ряды социал-демократии проникали всевозможные теории — о приоритете стихийности

¹ Все эти упреки принадлежат авторам «Письма в русские социал-демократические органы», помещенного в № 12 «Искры».

массового движения, о «тактике-процессе» и т. д. Само собой разумеется, что это означало—валить с большой головы на здоровую. Именно никто иной, как «Рабочее Дело» бесполезно пасовало перед практическим вопросом о способах повышения активности масс, ибо со своей пассивностью, со своим преклонением перед стихийностью оно имело много общего с проповедниками террора, преклонявшимися, по выражению автора «Что делать?», «перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением». Когда весной 1901 г. выплыл вопрос о терроре, заставивший «Искру» сразу же принять вполне определенную отрицательную позицию по отношению к нему (см., например, ст. «С чего начать?» в № 4 «Искры»), «Раб. Дело» в недоумении остановилось перед этим «совершенно новым» вопросом, знаменующим, по его мнению, наступление исторического момента, который, мол, диктует и русской социал-демократии «исторический поворот» на 180°. Не даром же благосклонно относящаяся и присоединяющаяся к «Раб. Делу» полуанархическая «Свобода» чувствует себя смелой и решительной в своем построении теории эксцессивного (возбуждающего) террора. По этому поводу Ленин в «Что делать?» замечает, что «и террористы и экономисты недооценивают революционную активность масс...¹ причем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях».

Относительно взгляда «Раб. Дела» на оппозиционные и либеральные движения отметим только, что, протестуя против «односторонней» обличительной тактики «Искры» и проповедуя политику абстинензма соц.-демократии по отношению к либеральной оппозиции («либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их толкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом»—говорит «Раб. Дело» устами Мартынова),—экономизм, по замечанию автора «Что делать?», проводит именно программу «Credo», ибо тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством», и пасует перед либерализмом, отказываясь от задачи активно вмешиваться в каждый «либеральный» вопрос и определять свое, социал-демократическое, отношение к этому вопросу».

В области организационных вопросов естественно было бы ожидать, что представители точки зрения «Рабочего Дела» и «Рабочей Мысли» в такой же мере склонны будут принять организационные задачи социал-демократии, в какой

¹ И это как раз весной 1901 г., когда начались крупные уличные демонстрации.

принизили политические, сведя их на борьбу с «хозяевами и правительством» за «осязательные», «конкретные» интересы рабочего класса, т. е., иначе говоря, на борьбу тред-юнионистского, профессионального характера. И действительно, это так и было. Образцом организационного оппортунизма можно считать «Устав союзной рабочей организации». В основе его лежит мысль о построении широкой и «доступной» для масс организации на выборных началах. На каждой фабрике устраиваются рабочие кружки не более 10 человек в каждом; эти рабочие кружки выбирают центральные фабричные группы, над которыми стоят районные организации, а вверх—«Комитет рабочей организации» и «Комитет СПб. Союза Борьбы», куда входят выборные от каждого района и от «исполнительных групп», выполняющих различные функции: пропаганды, сношения с провинцией, издательской деятельности, заведывания складами, кассами и т. д. И все это детализировано, регламентировано, втиснуто в десятки параграфов. Одного только в уставе нет: органов подлинно социал-демократической революционной работы. О широкой политической агитации—в уставе ни полслова. Созданная по типу легальных профессиональных союзов, эта организация на самом деле при русских политических условиях того времени не годилась даже для тред-юнионистской работы, ибо выборное начало, строгая отчетность на каждом шагу и тому подобные особенности организации представляли великолепную почву для проникновения в любую «центральную фабричную кассу» жандармских и полицейских щупальцев и выловления «крамолы».

Приверженцы экономизма, славословящие самодовлеющую стихию рабочего движения, демагогически противопоставляющие рабочих марксистской революционной интеллигенции и забывающих, что рабочих нужно подымать до уровня революционной социал-демократии, а не принижать революционеров до стихийной рабочей массы, эти представители тред-юнионистской точки зрения в недрах социал-демократической партии никак не могут возвыситься над точкой зрения мелкобуржуазного демократизма. Для них демократизм с его выборностью, отчетами и т. д. *conditio sine qua non*, или даже просто самоцель. Поэтому экономист постоянно склонен сбиваться на подмену идеи о строго конспиративной организации профессиональных революционеров мыслью о широких организациях рабочих кружков кустарнического типа; для него «выборность»—священный принцип организации, без чего соц.-демократическая партия рискует обратиться в заговорщическую организацию, напоминающую доброе старое время эпохи Ткачева или Нечаева. А когда ему напоминают о специфических особенностях самодержавного полицейского государства, его мысль тотчас же перескакивает с вопроса о

руководящей организации на вопрос о «корнях движения», и он упрямо начинает повторять свои «аргументы», варьируя их на тему: «десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Словом, он и слышать не хочет о том, чтобы партия вышла за пределы тред-юнионистского крохоборства и кустарничества, чтобы она отступила от условностей «демократизма» и самоопределилась по типу централистических конспиративных организаций, с подпольным ядром профессиональных революционеров во главе, и чтобы ее деятельность развернулась в плоскости широкой политической борьбы под знаком социал-демократических целей, вовлекая в эту борьбу не только рабочие массы, непосредственно руководимые социал-демократией, но и все, вообще, угнетенные и недовольные слои населения.

Но экономизм был далеко не единственным объектом внутрипартийной борьбы искровских теоретиков. Оппортунистическая повадка и склонность преследовать свою особую линию в интересах «независимости» своей приходской колокольни были свойственны очень многим группкам интеллигенции, присоединившимся к социал-демократии, представляя, так сказать, бытовое явление в неформальной и организационно не сплоченной Р. С.-Д. Р. П. того времени. Типичным, например, кружком в этом отношении является группа «Борьба», состоящая из нескольких социал-демократов литераторов, недурно владеющих пером, которым нельзя отказать и в марксистской выучке (с известными, впрочем, оговорками), но которые способны наговорить много пустяков, лишь бы только сохранить видимость своей самобытности и оригинальности, своей свободы от искровского «засилья», своей независимости от тягостных для них уз организационной дисциплины, диктуемой логикой борьбы. Правда, «борьбисты» отличаются от «рабочемысленцев» и «рабочедельцев» более явным тяготением к ортодоксальной точке зрения, и некоторые из будущих «борьбистов» охотно даже сотрудничают в «Искре» и «Заре» (например, перу Рязанова принадлежат в № 8 «Искры» статья «Царский каба́к» и заметка «Археология и Полиция», в № 9 «Искры» — статья «Голландия», в № 1 «Зари» — «Замечания на программу «Рабочего Дела», в №№ 2—3 «Зари» Ю. Невзоров (Стеклов) поместил статью «Социал-демократия, как носительница национального освобождения» и т. д.). Но зато группа «Борьба» очень невыгодно отличается от группы «Рабочего Дела» и в особенности — «Рабочей Мысли» в том отношении, что она не знаменует никакого ярко выраженного, определенного направления, из числа имеющих свою область распространения, свою аудиторию, своих приверженцев. Она представляет из себя чисто литературное явление, и ее буффонады против «Искры» имеют очень воинственный, но в то же время очень невинный характер, так как совер-

шенно не находят отклика в гуще масс и остаются гласом вопиющего в пустыне. Поэтому «Искра» могла позволить себе роскошь реагировать на выпады «Борьбы» лишь какой-нибудь парой насмешливых статей в том жанре, великим мастером которого был Г. В. Плеханов (см., например, его фельетоны, направленные против Рязанова, под заглавием: «Ортодоксальное буквоедство»).

Гораздо более серьезную борьбу пришлось выдержать «Искре», выступая против специфически - бундовского оппортунизма. «Бунд» — организация очень серьезная, возникшая в 1897 г. под именем «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России». С 1901 г. «Бунд» издает на русском языке свой периодический орган за границей «Последние Известия» (всего за 5 лет вышло 256 №№), выпустив за тот же период целый ряд (35—40) отдельных заграничных изданий на русском же языке. Он сумел овладеть рабочим движением среди евреев западного края, придал этому движению известную стройность, организованность, приучил членов своей организации к партийной дисциплине и в смысле положительной практической работы достиг значительных результатов. Но в то же самое время его руководители, довольно беззаботные по части теории и не обладавшие марксистски выдержанным мировоззрением, не сумели возвыситься над стихийностью движения еврейских рабочих масс и поплелись в хвосте его.

Еврейские социал-демократы в районах западного края, прежде всего и главным образом, могли опереться на среду не фабричного, а ремесленного еврейского пролетариата, появившегося лишь во вторую половину XIX в., когда массы разоряемых, благодаря общим условиям все усиливающегося политического бесправия, евреев-торговцев должны были покидать сферу торговли и переходить в область ремесленного производства, заводя мелкие мастерские. Эксплуатация этим мелким, отсталым, хищническим капиталом беззащитной, бесправной и способной доводить свои потребности до невероятного минимума еврейской бедноты не поддается описанию. Но в глазах всей еврейской массы в целом основным источником ее бедственных положений представлялись полицейские ограничения свободы конкуренции еврейского населения с христианским, поставленным в более привилегированное положение по сравнению с евреями. Ненависть этих последних к правительству, систематически душившему еврейскую народность и широко практиковавшему методы еврейских погромов, являлась очень благодарной почвой для политической агитации в массах еврейского населения, и не даром мысль о переходе от кружковой пропаганды к массовой агитации раньше всего явилась в умах социал-демократов западного края. А целый ряд удачных стачек в 90-х годах

приохотил еврейские рабочие массы к «действиям скопом», к коллективным формам борьбы. Но при всем этом идеи социализма очень медленно проникали в среду ремесленных еврейских рабочих, и местным социал-демократам предстояла большая работа по распропагандированию своей аудитории в этом отношении.

Еврейская социал-демократия, однако, пошла по линии наименьшего сопротивления. Сделавши исходной точкой своей работы борьбу рабочих с хозяевами на почве повседневных нужд той или иной группы рабочих, социал-демократы еврейской организации далеко не ушли от этого пункта и не успели поднять сознания еврейских масс до понимания солидарности своих интересов с интересами русского пролетариата на широкой основе политической борьбы с общим врагом — самодержавием, которое стояло на пути к их классовому самоопределению в решительной борьбе с капиталом. Мало того, «Бунд» стал на наклонную плоскость борьбы за национальный сепаратизм еврейских трудовых масс и скоро доказался чуть ли не до сионистской точки зрения.

Еще в 1898 г., на I-м съезде, за Бундом было признано право на автономное существование: съезд постановил, что «общееврейский рабочий союз в России и Польше входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». С такими оговорками и ограничениями каждый из комитетов мог бы считать себя автономным. Если же съезд считал нужным упомянуть специально об автономии Бунда, то это было сделано только для того, чтобы оттенить два исторически необходимых и естественных момента в самостоятельной работе Бунда: 1) необходимость вести пропаганду среди еврейской массы на еврейском языке и 2) огромное значение в этой пропаганде требования гражданского равноправия для евреев, — требования, в котором русские рабочие не были, конечно, столь непосредственно заинтересованы, как еврейские. Но тогда еще никому и в голову не приходило, что особый пункт о самостоятельности еврейской социал-демократической организации может повести ее к сепаратизму на почве националистических тенденций, «так как нельзя было представить себе возможность таких тенденций у евреев в России, страдающих, как известно, не оттого, что стесняют их национальную культуру, а оттого, что их не допускают к русской культуре»¹. И действительно, в первые годы существования Бунда никаких недоразумений на этот счет не было. На 3-м съезде Бунда в 1900 г. был поставлен вопрос о замене в программе требования гражданского равноправия более принципиальным требованием нацио-

¹ К. К. «О еврейском рабочем движении». «Заря», № 4.

нального равноправия, причем автор этого предположения, как видно из его мотивировки, под национальными правами евреев понимал право евреев говорить на еврейских собраниях по-еврейски. Съезд, считая достаточным с этой точки зрения формулу о гражданском равноправии, отклонил предложение о внесении в программу национального пункта.

Но вот, в апреле 1901 г., на 4-м съезде Бунда национальный вопрос ставится во весь свой рост и при том в плоскости разрешения национальной проблемы в духе резолюций съезда австрийских социал-демократов в Брюне. Как ни слаба, как ни поверхностна была аналогия между положением различных народностей в Австрии, где источником национальной вражды в значительной мере являлась конкуренция между собой буржуазных слоев этих национальностей, и в централизованной самодержавной России, где тормазом для прогресса являлось правительство, удушавшее всякое проявление народной самодеятельности, как ни странно звучали в устах социал-демократов речи, сбивавшиеся на сионистскую точку зрения о признании евреев нацией в политическом смысле, тем не менее 4-й съезд Бунда признал в принципе право евреев на национальную автономию и вынес решение, что Бунд входит в Р. С.-Д. Р. П. как самостоятельное целое на федеративных началах.

Сказавши А. Бунд был принужден сказать и Б. В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 янв. 1903 г.) прямо уже говорится о том, что «еврейский пролетариат сложился в самостоятельную политическую партию Бунд», которая претендует на то, чтобы другие, «посторонние» организации не смели организовывать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»¹. По этому поводу «Искра» замечает: «И ведь этот глубоко-прикорбный факт—не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации»,—вам пришлось объявить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию во что бы то ни стало. Но объявление Бунда самостоятельной политической партией есть именно доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще»².

Ответ на эти упреки орган Бунда, опираясь, главным образом, на тот аргумент, что «Бунд, со дня своего образования вплоть до наших дней, работал и развивался, как совершенно

¹ См. ст. Ленина в «Искре» № 34 «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату».

² Там же.

самостоятельная партия. Ни у кого не спрашивая (спрашивать не у кого было), справляясь с интересами еврейского пролетариата, он совершенствовал, менял и умножал свои органы, расширял поле своей деятельности, разрешал все вопросы теории и практики,—как частные, так и общие—выработал даже свою национальную программу»...

Вряд ли можно было бы отдать слишком большую дань уважения теоретической работе мысли еврейских социал-демократов. Слишком уж много эта мысль грешила в свое время и уклоном в сторону экономизма, и террористическими увлечениями (после выстрела Леккерта), и националистическими тенденциями. Вот, например, краткий «обвинительный акт» по этому поводу, принадлежащий перу Ленина: «некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть лучшее средство политической агитации... Мы боролись против террористических увлечений... Мы уверены, что минуют и увлечения национальные»¹. Но дело не в этих ошибках и не в том, что «Последние Известия» несколько программных резолюций Бунда по злободневным вопросам принимали за серьезную «самостоятельную» работу в области теории и партийной программы. А главный вопрос заключался в том, можно ли считать такого рода «самостоятельность» за отрадное или нормальное явление и следует ли ее обращать в правило жизни.

На этот вопрос «Искра» дает такой ответ: «это было неизбежно при условии раздробленности партии, но это-то обстоятельство и завело наше движение в тот тупой переулок, из которого необходимо выйти ценой героических усилий. Это-то и создало в партии ту атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических «задач», в которой движение стало задыхаться и из которой наиболее сознательные члены партии стараются его вывести. А чтобы вывести движение на новый путь, необходимо покончить с той «самостоятельностью» своего «прихода», при которой каждая отдельная организация «решает все вопросы, ни у кого не спрашивая» и считаясь с «интересами своего пролетариата», и когда важнейшие вопросы теории и программы просто ускользают из поля зрения местных деятелей или же «решаются» применительно к убожеству местных «интересов». Вот почему приходским «патриотам» заботы о действительном объединении нашей партии должны казаться злоумышлением против их собственной «самостоятельности»².

¹ «По поводу заявления Бунда», «Искра» № 33.

² «Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата», № 34 «Искры».

Но напрасны были попытки «Искры» (а впоследствии огромного большинства 2-го съезда) «усовестить» представителей бундовского национализма, заставить Бунд изжить эту болезнь. «Последним словом бундовского национализма» (см. «Искру» № 46) было решение V съезда Бунда о принятии «проекта устава», первый параграф которого гласил: «Бунд есть федеративная часть Росс. Соц.-Дем. Раб. партии». Применительно к понятию о федерации в проекте неоднократно говорится о «договаривающихся сторонах». Бунд выговаривает себе «представительство» в Ц. К. партии и позволяет Ц. К. партии сноситься с отдельными комитетами Бунда «лишь с согласия Ц. К. Бунда». Бунд оставляет за собою монополию на представительство еврейского пролетариата (§ 2 устава). И т. д. и т. д. Дальше этого, повидимому, идти было некуда.

Окончательно облюбовавши, таким образом, свою особую точку зрения на взаимоотношения между Р. С.-Д. Р. П. и Бундом, этот последний и на 2-й съезд партии послал своих представителей с вполне готовым уже решением, которое неизбежно должно было кончиться их демонстративным уходом со съезда, когда выдвинутый ими принцип федеративных отношений между партией и Бундом был остальными членами съезда решительно отвергнут.

III. «Искра» в роли передового борца за демократию¹

Мы уже видели, что и «Рабочее Дело», и авторы экономического письма (№ 12 «Искры»), и прочие оппортунисты времен «Искры» считали признаком хорошего «марксистского» тона морщить пренебрежительно нос по поводу того, что «Искра» посвящает много внимания российской оппозиционной демократии и ищет себе сомнительных «союзников» в лице либералов и интеллигенции, причем в этих поисках якобы теряет часто классовую точку зрения и затушевывает классовые противоречия. Никто, однако, из оппонентов «Искры» конкретных примеров такого затушевыванья классовых противоречий привести не смог по той простой причине, что «Искра» абсолютно была неповинна в этом грехе. Что же касается поддержки революционной партией пролетариата оппозиционных слоев в их борьбе с самодержавием и руководства этой борьбой, то «Искра» действительно считала такую поддержку и такое руководство одним из глав-

¹ Эта глава в несколько видоизмененном виде была напечатана отдельной статьей в № 14 «Пролетарской Революции» под заглавием: «Попутчики пролетариата в период старой «Искры».

нейших членов своего социал-демократического символа веры. Отказ от этой роли, по мнению «Искры», был бы равносильным выдаче социал-демократами самим себе *testimonium pauperitatis* (свидетельства о бедности), ибо если бы социал-демократия прошла мимо оппозиции, то руководящая роль в деле направления недовольства оппозиционных слоев перешла бы в руки буржуазной демократии.

Кроме того, вмешательство социал-демократии в политическую борьбу всех классов населения, если бы даже оно и не сулило непосредственных результатов в смысле обострения этой борьбы и подчинения ее гегемонии социал-демократической партии, представляет чрезвычайно важный фактор повышения уровня политической сознательности рабочего класса, который на примерах классовых взаимоотношений и на конкретных эпизодах развертывающейся во времени и пространстве борьбы различных классов лучше всего усвоит уроки истории, скорее всего поймет основы марксистского учения и с наименьшей затратой сил разрешит собственную задачу своего классового самоопределения.

«Классовое политическое сознание» — говорит Ленин в «Что делать?» — может быть привнесено рабочему только извне, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание, нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «итти к рабочим». Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны итти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии. Поэтому нельзя бояться пересолить в утверждении, «что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата».

Посмотрим теперь, в какой обстановке и как «Искра» осуществляла свою задачу по части поддержки и революционизирования главных «подутчиков» (в то время) пролетариата—

студенчества, земцев, крестьянства. Начнем с учащейся молодежи.

Было время—в эпоху 60-х и 70-х годов, когда студенчество представляло из себя как бы суррогат революционного «класса», суррогат массы, питающей живыми силами революционный боевой авангард. «Студенческая среда»—говорит в «Русской Истории» М. Н. Покровский,—«представляла как нельзя более благоприятный элемент для распространения социалистического учения, так как, очевидно, усвоить учение, отвергающее личную собственность, легче было тому, у кого собственности не было и кто обладал к тому же соответственным умственным и нравственным развитием»¹.

Но когда погасли последние огни старого революционного народничества, и над русской общественной жизнью повисла темная ночь победоносцевской реакции, тогда и университеты перестали быть очагами революционного брожения. Сжатое в тиски толстовско-деляновского режима студенчество притихло, приумолкло и облагоднамерилось. Оставались еще редкие единицы, которые продолжали подбирать крохи старого революционного наследства, время от времени неожиданными вспышками революционной энергии на минуту прорезывали яркой молнией мрак окружающей ночи и своим предсмертным боевым криком нарушали кладбищенскую тишину русской общественности: таковы, например, были Ульянов, Генералов, Швырев и другие первоапрельцы, так сказать, второго призыва². Но масса студенчества была задавлена, обезвожена и обезличена. Правда, ее хватало иногда на судорожные движения протеста против устава 1884 г. Но эти судороги выявляли лишь бессилие студенчества скольконибудь успешно бороться с порабителителями их академической свободы—при гробовом молчании запуганных и растерянных «отцов». Студенческие волнения в 1887 и 1890 г. г. ни на одну ноту не расшатывают «основ», никого не запугивают и в лучшем случае служат в некотором роде первыми предметными уроками революционного воспитания. Очень многие из молодежи впервые здесь познают жизнерадостные эмоции приведенной в мятежное состояние души и получают, так сказать, революционное крещение.

Но вот приходит знаменательное десятилетие 90-х годов, и картина резко изменяется. На историческую авансцену выступает подлинный революционный мессия—рабочий класс. Небывалая стачечная волна 95—97 гг. встряхивает отупелую царскую Россию, гальванизирует интеллигенцию, приводит в состояние большого беспокойства бюрократию, расшевеливает либеральную буржуазию, пробуждает от сна массы кре-

¹ «Русск. История». Изд. 3-е, стр. 178.

² Покушение на Александра III 1-го марта 1887 г.

стьянства, и в первую голову революционно заряжает отзывчивую студенческую молодежь. «Рабочее движение научило студентов новому способу борьбы.—«Забастовку»—это новое несвойственное студенту слово и деяние—навязали вам люди, непричастные к интересам науки и университета»,—пишут 52 московских профессора в своем «отеческом» обращении к студентам¹.

И вот, в 1899-м году 25.000 студентов 30 различных высших учебных заведений впервые в истории студенческой борьбы испытывают этот новый метод сопротивления и протеста против властных насильников, т.-е. забастовку. Правда, студенческая борьба 1899 г. носит характер чисто академического движения, но перелом в жизни высших учебных заведений уже был налицо, и толчок для дальнейших выступлений молодежи на путь революционного протеста получился достаточно сильный.

Пуценная в ход казацкая нагайка сделала свое дело и положила предел долготерпению учащейся молодежи. И с этих пор между двумя сторонами начинается обмен «любезностями». Правительство реагирует на университетские «беспорядки» массовыми арестами, ссылками и всякого вида репрессиями, в том числе и царским указом—участников беспорядков сдавать в солдаты, а студенты продолжают бросать вызов своему свирепому врагу, устраивают демонстрации, распространяют прокламации, в которых клеймят правительство и самодержавный строй.

Совершенно ничтожный эпизод—незначительная манифестация киевских студентов при проводах высылаемых 2-х товарищей осенью 1900 года—дает повод правительству привести в исполнение свою угрозу: 183-х киевских студентов оно сдает в солдаты, а вскоре после того и еще 30 человек студентов из Петербургского университета. Рептильная печать улюлюкает и рукоплещет этой мере, а настроение студенчества находит себе нравственный выход в раздавшемся 14-го февраля выстреле Карповича, уложившем министра Боголепова. Радостно взволнованное студенчество поспешило сложить по этому поводу песенку:

Радуйтесь, честные правды поборники,
Влисок желанный ковец.
Дрогнуло царство жандармов и дворняков,
Умер великий подлец.

Заглянем в 3-й номер (апрель 1901 г.) «Искры». Он почти весь посвящен обзору ярких фактов студенческого революционного выступления и открывается статьей «Бурный месяц». Что же такое случилось в этот «бурный месяц»? А вот что: 19-е февраля ознаменовалось манифестацией в Петербурге

¹ М. Лялов «История Росс. С.-Д. рабочей партии», ч. 2-я, стр. 221.

(правда, очень слабой) и в Харькове (закончившейся на Сумской улице столкновением войск с толпой городских обывателей), 23—25 февраля в Москве, на почве студенческих волнений, дело дошло до серьезных столкновений манифестирующих масс с казаками и полицией, а 4-го марта, у Казанского собора, произошла кровавая бойня: на многочисленную толпу демонстрантов из студентов и курсисток градоначальник Клейгельс напустил пьяную, озверелую орду казаков и городских. И все-таки,—может спросить читатель,—как ни драматичны эти моменты сами по себе, что же в них заключается такого особенного, что могло бы произвести огромное впечатление на социал-демократию, вообще, и, в частности на «Искру»? Ведь, избиения студентов случались и раньше. Почему же февральские и мартовские демонстрации открывают, по словам «Искры», «новую эпоху в русской истории»?

Ответ очень прост: «на безумные выходы зарвавшегося правительства (отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого)—пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем»¹. Прогноз «Искры» относительно того, что пролетариат, вопреки вещаниям «экономистов» и марксистобразных либералов, все более и более начнет втягиваться в политическую борьбу, поддерживая те или другие оппозиционные элементы,—нашел себе яркое подтверждение во время событий бурного месяца.

Передовое студенчество поняло, что «решение университетского вопроса надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса—вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни». И вот, под влиянием этого сознания, бурно настроенная учащаяся молодежь выносит свою тяжесть с самодержавной бюрократией на улицу, она прибегает к способу уличных демонстраций. И не ошибается в своем расчете: «улица» и, главным образом, население рабочих кварталов совершенно определенно выражает свои симпатии студентам и близко принимает к сердцу их, казалось бы, чисто студенческое дело. Любопытно при этом отметить, что пролетариат принял активное участие в политических демонстрациях студентов в большинстве случаев помимо своих руководителей, иногда же и вопреки воле местных социал-демократических организаций. По этому поводу «Искра» замечает: «Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия с.-д. «Союза Борьбы» в СПб., Ком. Р. С. Д. Р. П. Позволительно ли было социал-демократии не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с разъяснением его, не призвать рабочих на demonstra-

¹ Февральский листок, изданный кассой взаимопомощи студентов СПб. университета.

цию против правительства Клейгельсов и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в СПб. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали „не забегать вперед“ против неразвитых масс... С другой стороны, столичные «критики» и «берштейнианцы» играли на руку «экономистам» своим «разносом» ортодоксального марксизма»¹. В обозрении московских событий 23—25 февраля искровский обозреватель остроумно замечает по поводу выступления охотнорядцев на защиту студентов: «Уж если охотнорядцы готовы содействовать политической борьбе, то можно надеяться, что недалеко то время, когда в ней примут участие и наши «экономисты»».

Интересно отметить еще одно любопытное и характерное обстоятельство. Когда казаки и полиция набрасываются на толпу студентов и курсисток, то как бы эта толпа ни была мала всегда получается одна и та же картина: студенты пытаются остановить полицейскую удаль гневными окриками: «Не смейте трогать женщин!» Эти окрики несколько, однако, не мешают полицейской сволочи делать свое дело. Лихо работают кулаки, нагайки и палки. Демонстранты разбегаются. Курсистки реагируют на ужасы избиения истерикой. Чувствуя полную беспомощность своих жертв, казаки и полицейские еще более стервенеют, еще более входят в раж, и на опустевшей площади остается много избитых до полусмерти, плавающих в крови демонстрантов в совершенно истерзанном виде. Не то бывает, когда полицейская или казачья орда накидывается на толпу рабочих. Тут им победа достается далеко не так легко. Их встречают снежками и осколками льда. Против полицейского кулака очень часто подымается мускулистая рука рабочего. Упрямый демонстрант здесь не спешит отступить перед свирепым янычаром. И грозный полицейский вояка нередко сам отступает перед напором рабочей толпы. А если кучка рабочих, не выдерживая натиска врагов, и подается назад, то лишь для того, чтобы сгрудиться в другом месте, на соседней улице. И удивительное дело! число разбитых голов и окровавленных человеческих фигур среди манифестирующей рабочей массы гораздо меньше, чем в аналогичных случаях при нападении полиции на демонстрантов-студентов.

Еще одна особенность. В то время, когда «улица»—широкие слои городского населения и, главным образом, пролетариата—с такой революционной готовностью поддержала студенческое выступление, вожди студенчества не всегда ясно понимали и хорошо оценивали значение этого факта. Так, например, 25 февраля, в момент высшего напряжения уличной борьбы в Москве, студенческий «Исполнительный

¹ «Искра» № 3 «Из нашей общественной жизни».

комитет» выпустил воззвание с настоятельным приглашением студентов не принимать участия в уличных демонстрациях в интересах сбережения сил для проведения «обструкций» в университете. По этому поводу «Искра» замечает: «Г.г. представители «Исполнительного Комитета» испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость».

«Бурный месяц» принес свои плоды. Перепуганное уличными демонстрациями правительство отступило перед перспективами нарастания революционных настроений внутри страны и возбуждения общественного мнения в Европе¹.

Царь залепетал что-то насчет «сердечного попечения», и назначенный на место Боголепова brave генерал Ванновский поспешил «приказом» по своему ведомству всем чиновникам проникнуться немедленно сердечным попечением. Либеральная пресса, по обыкновению, стала захлебываться от восторга и превозносить до небес благожелательность к студентам «хозяина земли русской».

Но не надо было обладать даром пророчества, чтобы наперед предсказать крах этой лицемерной политики «сердечного попечения», ибо легче было верблюду пролезть через игольное ушко, чем азиатскому правительству самодержавной России изменить своим исконным традициям удушения всего живого в стране, награждения бичами и скорпионами всякого, кто осмелится поднять голос против невыносимого гнета самодержавия.

Правительство посулило студентам реформы, но и через полгода после февральских событий многие из отданных под «красную шапку» продолжали еще томиться в казематах. Обещанные реформы очень плохо вязались с такими актами, как подтверждение циркуляра о прикреплении к университетам (обязательство для студентов вступать в определенный университет—по месту окончания гимназии), отдача под надзор полиции уволенных студентов, запрещение поступления евреев в некоторые специальные учебные заведения, попытки ограничения приема евреев в университеты двухпроцентной нормой и т. д. Само собой разумеется, что от такой поли-

¹ Возмущение по поводу русских событий в феврале—марте 1901 г. и горячее чувство симпатии к выступившему на путь уличной борьбы русскому пролетариату охватили не только ряды европейского пролетариата, но и либеральную интеллигенцию Зап. Европы. Профессора и студенты почти всех стран опубликовали свои протесты. Международный соц. секретариат обратился с предложением к рабочим всех стран приветствовать на майских собраниях русских борцов. В Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции были устроены специальные собрания для выражения протеста против гнусного образа действия царского правительства.

тики сердечного попечения студенчество не могло успокоиться, и брожение в его среде не прекращалось. В конце 1901 г. снова прокатывается волна студенческих волнений (в Киеве, в Москве, в Петербурге, в Харькове, в Ярославле). И опять новые кулачные расправы полиции над демонстрантами.

Через год после «бурного месяца» 1901 г. снова наступают революционные февральско-мартовские дни.

В первых числах февраля (2—3 числа) разыгрались события в Киеве. Студенческая демонстрация носила ярко выраженный характер политической борьбы с самодержавием и в значительной мере была подсказана Киевским Комитетом с.д. партии. Студенчество открыто признавало свой союз с рабочим классом, и одна из студенческих прокламаций заканчивалась призывом:

«Пойдем к рабочему народу:
В союзе с ним нас ждет успех» и т. д.

В Петербурге 8-го февраля повторились события, напоминающие бойню 4-го марта 1901 года. Знакомая картина! «Раззудись плечо, размахнись рука—и летит на пол тщедушная женская фигура: раззудись плечо... и кубарем катится по земле студент-горняк; в течение 2 часов размахивались руки—и в результате кровь... Разбитые лица, изуродованные физиономии, с кем-то случай помешательства»...

9-го февраля снова поднялось студенчество Московского университета. Ожидалось одновременное выступление и рабочих масс, но надежда эта рухнула, когда оказалось, что 10 фабрик оцеплены войсками и объявлены на военном положении. Дело кончилось грандиозным пленением молодежи казаками в стенах университета. Бутырская тюрьма переполнилась студентами и курсистками.

Но как этот эпизод, так и студенческие волнения в Петербурге (демонстрация 8-го февраля, а потом 3-го марта), дают уж несколько иную картину «студенческой революции», чем те же месяцы год тому назад. Чувствуется, что это бедная песня «бунтующего» студенчества.

Пролетариат, видимо, не удовлетворяется уже половинчатыми формами наступления передового авангарда мелкобуржуазной демократии; он ищет уже новых методов борьбы с самодержавием, и знаменитая ростовская стачка—демонстрация в ноябре 1902 года начинает собою как бы новую эру в истории революционной борьбы. Пролетариат впервые обнаруживает тенденцию обойтись без индивидуальных «героев», или лучше сказать заменить акты индивидуального героизма актами наступления на врага совокупностью множества незаметных, рядовых единиц революционной армии. Тут нет красивых поз умирающих гладиаторов, но зато

чувствуется сплошная стена того целого, того могучего коллектива, который станет непобедим, когда его классовая сознательность достигнет достаточно высокого уровня, и когда он, прочно цементированный этой сознательностью, хорошо организованный и сплоченный боевой дисциплиной, даст решительный бой деморализованному противнику.

С другой стороны, по мере того, как революция принимает все более отчетливые формы, и пролетариат начинает действовать самостоятельно, живой революционный дух отлетает от студенчества. В 14-м № «Освобождения» помещено «открытое письмо» сосланных в Сибирь студентов Москвы и Петербурга. Опьяненные красочными эффектами студенческих историй, авторы письма, между прочим, возмущают: «Студенческие волнения заставляют правительство со скрытою боязнью задуматься над положением дела: они ставят ему преграду в его беспредельном и безудержном самовластии»... Неумирающее студенческое движение, извольте видеть, одно из лучших средств, чтобы дать понять правительству «самым решительным образом», что оно «должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Увы! это не без пафоса было сказано уже тогда, когда «неумирающее» студенческое движение, пропев в февралемарте свою лебединую песню, тихо скончалось. Таких революционных судорог, какие были в 1901—1902 гг., приумолкшее студенчество уже не переживало. «Искра» с этого времени почти проходит молчанием студенческий вопрос. Студенческая молодежь не смогла итти нога в ногу с широко шагавшим по пути революции пролетариатом. Этот попутчик его безнадежно отстал... Пришлось с грустью оглянуться на него и пойти дальше вперед.

Еще решительнее приходится «Искре» ликвидировать свое благожелательное отношение к либералу и к земскому деятелю, к персонажам русской общественности, на которых одно время можно было рассчитывать, как тоже на возможных в потенции попутчиков пролетариата в его борьбе с самодержавием.

В № 4 «Искры», в статье «С чего начать?», где набросана краткая программа практических шагов в дальнейшей работе русской социал-демократии, указывается, между прочим, на значение политического органа в руках партии, благодаря которому можно было бы «сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата». У подавленного полицейским произволом населения нет трибуны, с которой могли бы раздаваться страстные обличительные речи, нет такой силы, «к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство». Теперь такая

сила есть,—это революционный пролетариат. «Мы в состоянии теперь,—говорится в статье,—и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства».

Эти проспекты о создании «настоящей народной политической газеты» не остались простым благопожеланием и полностью осуществились на протяжении всех номеров старой «Искры». Само собой разумеется, что с этой точки зрения «Искра» не могла не уделить достаточного внимания и тем крошечным оппозиционным шевелениям, которые она имела возможность наблюдать и в земско-либеральных сферах. Она долгое время не спешит выразить недоверие к политической искренности этой «оппозиции», ее готовности «всерьез» засучить рукава против самодержавия. Она подбадривает колеблющихся, клеймит насмешкой или гневной отповедью безнадёжных соглашателей с самодержавием, явно изменяющих даже своим собственным скромным либеральным задачам защиты остатков живых «свобод» от поглощения их безудержной в своей прозорливости реакцией, она пытается провести границу между шуйцей и десницей органа либеральной оппозиции—«Освобождения», она, наконец, не пропускает ни одного конкретного случая разоблачить проделки бюрократии, направленные против земской оппозиции.

В статье «Самодержавие и Земство» (№ 4 «Искры») говорится: «Что будет с самодержавием, когда перед ним окажется не только «мягкая» оппозиция «сословно-бюрократического земства», но встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся «железная поступь» собравшихся по ее зову рабочих батальонов. Тогда гг. земцы, бросьте и вы «мягкие» речи и скажите приличествующее случаю резкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дело не станет». (Курсив мой. П. Л.).

Ясное дело, что здесь «Искра» готова аккредитовать господ земцев доверием в том предположении, что и земская оппозиция примет более резкий, более определенно-протестующий характер в обстановке пролетарской революции. Но уже в № 5 «Искры», в статье «О бессмысленных мечтаниях» газете приходится взять другой тон по поводу призывов органа либералов («России») выразить максимум доверия новому министру Ванновскому, дабы поскорее освободить молодежь от тлетворного влияния «крайних и непримиримо настроенных деятелей». Автор статьи не скупится на сарказмы по адресу неисправимых «бессмысленных мечтателей». Либерального толка русский обыватель любит помечтать, вождает конституции и даже готов—при закрытых дверях и спущенных шторах—промежду себя и присных себе «пускать революцию». Но «бессмысленно» мечтающий обыватель не умеет и главное—не желает бороться; он вечно гоняется за «блуждающим

огоньком» надежды и всего больше боится его потерять. Ах, только бы кто не помешал, и особенно эти «крайние и непримиримо настроенные» элементы: суют свой нос и непременно испортят все дело... «Он будет мечтать и паки мечтать, наш политический Митрофан, наш жалкий обыватель—Манилов. Пусть гибнут ряды за рядами истинных граждан России, он будет пассивно глазеть, того не разумея, что политические права не даруются народу, а берутся им с бою, вырываются зубами, и что каждый шаг по пути к освобождению России оплачивается человеческими жертвами».

Казалось бы, что после такой характеристики русского либерала «Искра» махнет на него рукой: что, дескать, с него возьмешь... Но нет, так нельзя, авось с нехорошей овцы хоть шерстки клочок да останется в руках. Вот, например, речь идет об одном из земских съездов (№ 8 «Искры»).

Земцы немножко разоткровенничались. Один старый землец («по слухам»), между прочим, бросил такую фразу: «Земские люди должны, наконец, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажут»... И вот, у «Искры» опять вспыхивает надежда, опять есть повод сказать свое «*ceterum censeo*». «Если лучшие земцы теперь не примут решительных мер... земство обезлюдеет и обратится в обыкновенное присутственное место».

А есть ли среди господ либералов эти «лучшие» люди? Гм... как будто есть... По крайней мере, приведенный в № 9 «Искры» секретный циркуляр министра Сипягина говорит о том, что есть еще порох в либеральных пороховницах: в циркуляре говорится «о группе лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которая, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устранившись от активной революционной деятельности, поставила себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов». К циркуляру приложен список таких лиц (50-ти человек), в котором, несмотря на разнообразие оттенков политических физиономий, в огромном большинстве чувствуются будущие типичные «левые освобожденцы».

Жизнь, однако, снесит с яркими доказательствами по-длинной, классовой физиономии русского земца, то-есть агрария, недалеко ушедшего от своих предков-крепостников. Псковские, например, земцы нашли, что переселения крестьян «крайне нежелательны в интересах уезда», и высказались за «энергичные меры борьбы» с крестьянами, норовящими улететь от псковского сладкого житья в сибирское приволье. По этому поводу «Искра», еще, очевидно, не потерявшая окончательной надежды вразумить политически «малограмот-

ного» земца поучает его: «Превращаясь в орган грубо-классовой политики крепостников-помещиков, земство лишается всякого сочувствия со стороны непривилегированных классов, его борьба против правительства теряет всякое общенациональное значение... Если «в интересах населения» земство будет хлопотать об усилении полицейского произвола царизма над населением, то это последнее с полным равнодушием будет присутствовать при той расправе, которую произведут над земством гг. Витте и Сипягин, и эту расправу, поверьте, гг. псковские земцы,—министры царя сумеют также совершить под предлогом... «интересов населения»...

Всё это так,—хочется сказать по поводу приведенной цитаты,—но вопрос весь в том, испугается ли кот-Васька «расправы» и перестанет ли есть курченка, которого подарила ему история.

Наиболее отчетливо, наиболее полно изложена точка зрения «Искры» на данный вопрос в № 18, в фельетоне—«Письмо к земцам». ¹ Автор послесловия к «Письму», Ленин, выставляет в выгодном свете этот голос практиков, далеких от политиканства à la Р. Н. С. (псевдоним Струве, автора предисловия к записке Витте) и ищущих практических путей для того, чтобы начать агитацию. Ленин не переоценивает революционной решимости и радикализма земцев (стоящих на 3-м месте в ряду общественных элементов, суб'ектов расширяющегося общественного движения: на первом месте стоят рабочие, на втором—студенты и в хвосте уже идут земцы). Но «тем хуже для нашего врага,—воскликает автор.—Чем менее революционные элементы восстают против него, тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия, и всего современного экономического строя». Поэтому он предлагает приветствовать новых протестантов, всячески поддерживать их.

«Но тут останавливают нас всякие явные и тайные сознательные и бессознательные элементы «экономизма». Для кого нужна поддержка рабочими земцев?—спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей... Для кого? Да, прежде всего и больше всего,—для самого рабочего класса.

Этот единственный действительно революционный класс современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался всяким поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях

¹ Фельетон этот перепечатан в IV томе собрания сочинений Н. Ленина

и программах были бы пустым звуком, если бы мы упустили те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники».

Мы тем более охотно приводим эту выписку, что она очень выпукло выявляет утилитарную точку зрения «Искры» по вопросу об использовании всякой веревочки, которая может пригодиться в хозяйстве.—Кто, например, там? Бунтующий студент? О, очень даже пригодится! Недовольный «старый землец», желающий пуститься на путь противоправительственной агитации? И он пойдет в дело, и его поддержим всеми доступными нам средствами.—Ну, а если вот породистый дворянин, земский начальник или предводитель дворянства, которому министр Сипягин настойчиво предлагает записаться в кадры, так сказать, дворянско-шпионского ополчения (об этом см. заметку в № 15 «Искры»: «Дворянство в роли шпиона»?.. А что же, и этот персонаж в качестве обиженного и оскорбленного может пойти на удобрение революционной почвы, если только удастся раззадорить его и затронуть в нем чувство «дворянской чести», напомнив ему «светлые образы дворян-декабристов, Волконских и Трубецких»...

Совсем, однако, другое дело, когда наш либерал, перестав быть «недовольным элементом», которому тоже приходится солоновато от самодержавия, оказывается непригодным для роли сырого материала, за счет которого могло бы происходить нарастание снежного кома общенародной оппозиции,—когда он начинает мудрить и идеологически самоопределяться в роли буферного посредника между революционным народом и посаженным самодержавием... О, в таком случае война ему, непримиримая война этому опустошенному по части революционных потенций либеральному болтуну и фрондеру, готовому в любую минуту панического ужаса буржуазии перед «красным призраком» изменить делу революции и броситься в дружеские объятия того самого самодержавия, против которого он вчера еще «дерзостно» фрондировал.

Либерализм последнего типа нашел себе яркое выражение в форме «шиповщины»,—правого крыла «освобожденцев», во главе с его лидером-председателем московской земской управы Д. П. Шиповым. Плеве пустил в ход чисто зубатовский прием и поманил Шипова обещанием созвать в начале будущего (1903) года совещание из представителей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». И Шипов клюнул червячка, отказываясь за запах чечевичной похлебки от права своего первородства, то есть, проще говоря, от осуществления конституционных во-

желдений земцев. Левое крыло освобожденцев (Антон Старицкий, земский гласный Т. и др.) протестует против позиции, занятой Шиповым, доказывая, что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции». А какую же роль в этом споре занимает само «Освобождение» в целом и, в частности, главный хозяин органа—сам Петр Бернгардович фон-Струве, тот самый Струве, который в предисловии к записке Витте успел уже выявить свою физиономию в качестве яркого представителя либерального оппортунизма?

В №№ 7—8—«Освобождения» мы еще видим Струве как будто «по сю сторону», еще как будто бы окрашенного в розоватый оттенок. Так, например, в № 8 имеется недвусмысленное осуждение политиканства Шипова. «В добрый час»—говорит по этому поводу «Искра». Но вот какого сорта характеристику «Искра» принуждена дать редактору «Освобождения», в одном из ближайших следующих номеров:

«Мы всегда указывали и готовы указать еще раз, что наша «враждебность» направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служит приютом филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говорит голосом честного гражданина-демократа, мы всегда готовы его приветствовать. Но к крайнему ущербу для собственной политической физиономии и к великому вреду для дела, которому он хочет служить, г. Струве не находит в себе отваги отказаться раз навсегда от роли литературного представителя земско-политического Massigkeitverein'a (общества воздержания) и уверенной ногой стать на единственно возможный, т. е. революционный путь освобождения родины».

Характеристика эта дана в связи с выступлением Струве против «Московских Ведомостей» в защиту Евреинова и К^о (суджанских земских деятелей), которых рептильная московская газета уподобила Добчинскому и Бобчинскому. «Искра» находит, что позиция Струве в этой полемике очень слаба и что истина на этот раз на стороне «юродивых злецов».

Приведя в высокой степени подхалимоватое письмо Евреинова к «глубокопочтиму» Сергею Юльевичу» (Витте), «Искра» посылает такую гневную реплику по адресу земцев типа Евреинова (взятых под защиту редактором «Освобождения»): «О, это земское холопство и оппозиционное лакейство!.. Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, уродливо согнутую спину либерального земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручным «представителей русского правительства», но уверенным в себе работником народного освобождения!»

Дело дошло до того, что Плеве, которому надоели стереотипные «благопожелания» сельско-хозяйственных комитетов, поспешил принять меры к тому, чтобы не позволить губер-

ским комитетам выходить за пределы сравнительной оценки методов удобрения. По поводу этого нетерпеливого министерского «довольно», вызвавшего восторг «Гражданина» и «Московских Ведомостей», представительница «хорошего тона» рептильной прессы, газета Суворина «Новое Время», пролила даже слезу: отчего бы, мол, не дать земцу выболтаться!.. Ну, поговорит милый человек в пространство, и ему полегчает на душе, что и требовалось доказать (буквально: «чем больше шансов, что так или иначе работа будет оставлена без внимания петербургскими канцеляриями, тем более чести труженикам, которые не страшатся подобной перспективы, а делают свое дело». См. № 9560 «Н. В.»).

По этому поводу «Искра» паки и паки горячо вызывает (в ст. «Законная оппозиция беззаконному правительству», № 29 «Искры»): «Так ли это, милостивые государи? Мы хотели бы, мы страстно хотели бы думать, что это не так. Мы хотели бы верить, что они, эти «милостивые государи» земской оппозиции, не позволят себя убаюкивать тем изболтавшимся либеральным публицистам легальной прессы, которые награждают их аттестатами гражданской зрелости в утешение за их бессилие... Мы хотели бы надеяться, что они сумеют потребовать у «петербургских канцелярий» внимания и уважения к своему оппозиционному голосу».

Наконец, еще раз констатируя растерянность правительства, которое, видимо, потеряло равновесие духа и бросается от методов зубатовских заигрываний на путь самых откровенных полицейских репрессий против даже «мирных либералов, открывших рот, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки»,—«Искра» пытается распровоцировать либерально-земскую оппозицию на более решительный образ действий.

Требование земского собора,—говорится в передовице «Искры» от 15 декабря 1902 г.,—должны, как справедливо указывает г. Струве, подхватить все уездные и губернские комитеты. Но этого мало. Арестом стоявших на легальной почве либералов правительство показало, какое призрачное значение имеет при русских условиях сама легальность. Пусть же и либералы спешат разбить рамки легальности. Пусть не отгораживаются попрежнему китайской стеной от того «вне-легального» народного движения, которое телько и сделало возможным их собственное выступление и которое выбило уже самодержавие из его главных позиций»... «Только заговорившие открыто об этих событиях (о «каторжных» приговорах, о массовых порках, о расстрелах безоружной толпы на улицах и т. д.) либеральные земцы покажут, что они поднялись на высоту тех исторических задач, которые стоят перед всеми серьезно работающими над освобождением нашей родины от позора самодержавия».

Но земцы не спешат оправдать доверие «Искры», и ей приходится в № 37 (15 апр. 1903 г.) снова констатировать яркий факт их позорного ползания на брюхе у ног самодержавия (в заметке «земщина» у ног «опричины»). Пресмыкающиеся и лижущие сапог «вершителя всех жребиев отчизны» орловские земцы—Стахович и К^о—лепечут косным языком перед его величеством, прося услышать голое земства, голос людей, призванных, по древнему московскому слову, «его государево земское дело укрепить и на вере поставить»...

Терпение старой «Искры», повидимому, лопается, и она, брезгливо отмахиваясь рукой от такого рода «попутчиков», почти перестает далее интересоваться земской и либеральной «оппозицией».

Посмотрим, наконец, что представлял из себя еще один несомненный попутчик революционного пролетариата—выведенное из состояния равновесия крестьянство, и каково было отношение к нему со стороны «Искры».

Прежде всего отметим одно несколько странное на первый взгляд обстоятельство. Выше была уже приведена одна цитата из № 18 «Искры» от 10 марта 1902 г., в которой устанавливается скала общественных элементов в последовательном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их революционной решимости: рабочий класс, студенты и земцы. Поражает то, что в этом перечне нет места крестьянам. Объяснить такого рода пропуск, быть может, следовало бы тем обстоятельством, что крестьянство, как сила революционная, до этого момента ничем еще не успела проявить себя, и знаменитая волна крестьянских бунтов на юге России грозно прошумела лишь в апреле того же года и застигла, повидимому, все революционные партии и даже правительство врасплох. Поэтому-то, вероятно, «Искра» и не отдала должную дань внимания деревне до момента крестьянских бунтов. Две-три малозаметных корреспонденции, помещенные о деревне до № 20 «Искры» (например, письма из Псковской губ., использованные в № 7 «Искры»), дают повод ей лишь слабо протестовать против «общераспространенного взгляда на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия». «Известная доля истины, — соглашается «Искра», — тут, конечно, есть, тем не менее такое утверждение, требует некоторых оговорок». Значит—с оговорками, а все-таки следовало бы говорить, в общем и целом, не о революционном крестьянстве, а об отсталой крестьянской массе, являющейся оплотом самодержавия. Несомненно, и сама «Искра» даже в то время не дооценивала ту картину молекулярных шевелений в крестьянстве, которые готовили из него роковую для помещичьего самодержавия, заряженную рево-

люционным электричеством, быстро надвигающуюся на политическом горизонте русской жизни, грозную тучу.

Эго обстоятельство не помешало, однако, «Искре» своевременно поставить общую проблему о крестьянстве и разрешить ее совершенно правильно с марксистской точки зрения. В статье Ленина «Рабочая партия и крестьянство» (в № 3 «Искры») говорится о двойном гнете, под игом которого стонет наше крестьянство, о кабале, в которую попал крестьянин после акта «освобождения», по существу мало отличающейся от прежней барщины («мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подражаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу» и т. д.). Кроме того, на мужика обрушились всей своей тяжестью власть денег, гнет капитала, который не только придавил крестьянство, но и расколол его.

От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться только вместе с рабочим классом в борьбе за социализм, и всякая иная постановка вопроса о защите мелкого хозяйства от власти капитала была бы реакционной, вредной, обманывающей крестьянина иллюзией. Но непримиримая борьба крестьянства с гнетом помещичьим и с остатками крепостничества не только не иллюзорна, но исторически неизбежна и «необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины». «И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка выразится, коротко говоря, во внесении классовой борьбы в деревню. Но ошибочно было бы понимать этот лозунг под знаком «экономизма». Агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу—внести классовую борьбу в деревню, когда с каждым разоблачением того и другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования».

Может ли, однако, социал-демократия бросить значительную часть своих сил для агитации в деревне? «Искра» отвечает на этот вопрос отрицательно. «Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия». Но для тех сил, которые не могут найти себе приложения иного, как только в деревне, нужны руководящие директивы и лозунги; поэтому-то «Искра» и считает себя обязанной дать свою аграрную программу. Как известно, эта программа сводилась к

различным формам борьбы с остатками крепостничества и требовала: 1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также крестьянских повинностей сословного характера; 2) отмены круговой поруки и законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей; 3) возвращения народу сумм, взятых с него в форме выкупных платежей (был подсказан при этом ряд конкретных мер для реализации этого требования: конфискация монастырских имуществ и удельных земель, обложение налогом дворян и т. д.); 4) учреждение крестьянских комитетов—для возвращения сельским обществам отрезанных при уничтожении крепостного права земель и для устранения остатков крепостных отношений там, где таковые еще сохранились (например, на Урале, на Алтае и т. д.); 5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы, объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Много пришлось «Искре» выдержать боев за свою «скромную» аграрную программу—и не только со своими естественными противниками—социалистами-революционерами, но и с некоторыми социал-демократами, в частности, даже с «искровцами». Возражения (имевшее место впоследствии и на 2-м съезде) сводились, главным образом, к указаниям на «ошибочную» тенденцию «Искры» исправить в области аграрных отношений в России «историческую несправедливость», вернуться к седой старине, дать крестьянам мизерные, урезанные, мало отличающиеся от либеральной аграрной программы, лозунги; на все эти нападки Ленин не раз отвечал по существу (например, его защита аграрной программы в № 4 «Зари»), указывая на то, что противники искровской программы забывают о реально существующих кабальных формах зависимости крестьянина от помещика и напрасно думают, что речь идет о каких-то обидах крестьянства в прошлом (например, в Саратовской губернии, на которую ссылается главный оппонент Ленина—Маслов, $\frac{2}{3}$ арендной земли представляют пресловутые отрезки, возвращения которых так настойчиво требует искровская программа); упреки в «мизерности» требований тоже основаны на недоразумении и на смешении социалистической части программы с демократической; эта последняя, не в пример навыкам мысли соц.-революционеров, не должна заключать в себе больше того, что способствует окончательному раскрепощению крестьянина и освобождению его от остатков помещичьего гнета. По поводу упрека в схождении искровской программы с либеральными аграрными тезисами—Ленин дает обстоятельный ответ в своей последней статье, напечатанной в «Искре» (№ 54).—«Народничающая буржуазия и растерянное народничество». «Сходство (либеральной и с.-д. программ),—говорится в статье,—проявляется в одинаковости ближайшей

тенденции и в однородности большинства требований. Различие состоит в двух следующих, имеющих кардинальное значение, пунктах. Во-первых, устранение остатков крепостничества (прямо выдвигаемое, как цель, обеими программами) социал-демократы хотят совершить революционным путем и с революционной же решительностью, либералы—реформаторским путем и нерешительно. Во-вторых, социал-демократы подчеркивают, что очищаемый от остатков крепостничества строй, есть буржуазный строй, разоблачают наперед уже и немедленно все его противоречия, стремятся также немедленно расширить, сделать более сознательной ту классовую борьбу, которая таится в недрах этого нового строя, прорываясь наружу уже в настоящее время. Либералы игнорируют буржуазный характер очищенного от крепостнического строя, затушевывают его противоречия, стремятся притупить тающуюся в его недрах классовую борьбу».

Но все эти споры о программе не затрагивают одного очень существенного вопроса: а как быть в том случае, когда крестьянская масса сама «своими средствами» начнет разрешать проблему о малоземельи и о ликвидации помещичьего гнета путем «ликвидации» помещичьих хозяйств. Никто не предполагал производства опытов в этом направлении со стороны косного крестьянства в массовом масштабе. А между тем, это как раз случилось.

В конце марта и в апреле 1902 г. юг и юго-восток России приковал к себе напряженнейшее внимание всех борющихся групп в России. Вспыхнуло крестьянское волнение («бунт») в Полтавской губернии, главным образом, в Константиноградском уезде (самые крупные эпизоды разыгрались в имениях князей Мекленбургских, — в Карловке, в Ковалевке и др.). Затем волнение перекинулось на Валковский уезд Харьковской губернии. Движением охвачены были: Пирятинский, Прилукский, Хорольский, Лубенский уезды. Зашевелилось, наконец, крестьянство Саратовской, Киевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, Новгородской губерний. На северном Кавказе — в Кубани — бунты приняли дикую примитивную форму уничтожения с.-хоз. машин, предмет ненависти с.-хоз. батраков, вытесняемых «проклятой» машиной. Нервно были настроены и многие другие губернии (Курская, Пензенская и пр.). Одним словом, страну охватила такая невиданная дотоле революционная мужицкая лихорадка, которая, казалось, может обратиться в начало конца.

Но судорога осталась только судорогой, и помещичье правительство путем драгонад, расстрелов и беспощадной порки крестьян успело довольно быстро прекратить крестьянские бунты, не дав им времени превратиться в настоящую крестьянскую всеокрушающую революцию.

Картина бунтов повторяется везде почти стереотипно. Совершенно обнищавшие, изголодавшиеся (особенно в районах, пораженных неурожаем), нуждающиеся в семенах для обеспечения полей, крестьяне на многочисленных подводах являются в имение и устанавливают норму распределения имеющихся в имении запасов хлеба (например, по 5 пудов на человека). Забирают хлеб без производства эксцессов, никого не подвергая насилию, никого не убивая,—чинно, тихо, методически, с сознанием своих «правов»... Иногда подвергают дележке и с.-хоз. инвентарь экономий, но земли поделить не успевают, потому что подоспевает войско, нагоняется огромное количество казаков, которых мужички встречают со спокойным недоумением, заявляя, что «теперь нет таких прав, чтобы в народ стрелять», но затем начинается расстрел толпы и жестокая розочная экзекуция. Любопытно отметить то терпение, с каким крестьяне выносят свирепую расправу с ними таких палачей, как харьковский губернатор Оболенский, полтавский Бельгард и им подобные. Они безропотно ложатся под розги, покоряются силе, но остаются при своем убеждении, что право было на их стороне.

Каково же было отношение революционных ортодоксальных марксистов к этому новому явлению в русской жизни, к пробуждению революционных настроений в многомиллионном крестьянстве? На этот вопрос мы найдем исчерпывающий ответ в двух статьях «Искры»: в статье «Крестьянское восстание» в № 21 «Искры» и «К эпилогу крестьянских бунтов» в № 27.

В первой из этих статей мы находим выражение полной уверенности, что Россия стоит накануне коренного общественного переворота. На основании исторического опыта, свидетельствующего о том, что «красный петух» крестьянского мятежа обычно предшествует и сопровождает ликвидацию крепостнически-самодержавного царя (так, например, было в эпоху Великой французской революции)—«Искра» находит, что отныне получилось последнее недостающее звено в цепи признаков надвигающейся революции—серьезные взрывы «крестьянской войны»; эти взрывы имели не случайный характер и отнюдь не революционными листовками и брошюрами были вызваны. Естественнее всего связать их с продовольственной политикой Сипягина, устранившего земство и общественную благотворительность от дела помощи голодающему крестьянству. А в общем и целом, неумение и нежелание господствующих классов ликвидировать, по пути буржуазного развития России, последствия половинчатости реформ 61-го года—рано или поздно должны были привести полукрепостническую Россию к разрешению этой проблемы усилиями снизу, т.-е. революционными методами. Инициатива в этом случае, как и следовало ожидать, попала

в руки пролетариата. «Сельскому же люду,—констатирует «Искра»,—пока еще достаются только крохи революционных идей, распространяющихся в городе. Но важно уже и то, что, не отвлекая значительной части своих сил на непосредственную пропаганду в деревне, рабочее движение все же много сделало косвенно для революционизирования последней! Сознывая это, русские социал-демократы должны возможно интенсивнее использовать для своей агитации те новые элементы революционного брожения, которые обнаружилились в мартовских «бунтах».

Далее, в статье имеется ссылка на проект социал-демократической программы, «осуществление которой во всей полноте сразу вырвет крестьянство из обстановки крепостного варварства и создаст для него условия нормального развития».

Итак, прежняя принципиальная позиция «Искры» по вопросу о деревне и после полосы крестьянских бунтов не изменилась. Та же программа, тот же взгляд на разрешение крестьянской проблемы, то же убеждение, что социал-демократы, после событий на юге России, вовсе еще не стоят перед необходимостью «непреренно перераспределить свои организованные силы и отрядить часть их в деревню», ибо «для этого у нас едва ли хватит сил, а задачи дня требуют концентрации главнейших сил на борьбу в городе». Новым, однако, явилось то, что «Искра», а вслед за ней и все революционные марксисты сразу повысили свое мнение о революционной готовности крестьянства сказать и свое веское слово в момент грозного призыва на суд истории старого самодержавного строя. Еще так недавно «Искра» почти соглашалась с тем, что крестьянство является в значительной мере одним из надежнейших оплотов русского самодержавия. Теперь же она делает такое признание: «Но с всероссийским восстанием в городах, поддержанным открытой революцией в деревне, едва ли справится самодержавие. Стоит только просмотреть описание событий в южных губерниях, хотя бы по правительственному сообщению, чтобы убедиться, что, разлившись по всей «сермяжной Руси», крестьянское движение легко обессилит самодержавие и даст возможность нанести ему в городе смертельный удар»...

Что касается статьи «К эпилогу крестьянских бунтов», то отметим только одну ее любопытную черту: «Искра» сосредоточивает здесь внимание читателя вокруг вопроса о национализации земли. В выставленном с разных сторон требовании «национализации земли» она усматривает попытку прикрыть социалистическим ореолом буржуазные требования «раздела» и «равнения», попытку дешевой ценой откупиться от кажущегося противоречия между нашей социалистической конечной целью, требующей объединения средств производства в руках общества, и ближайшими лозунгами дня,

среди которых всего громче раздается крестьянское требование о «прирезке земли».

Отсюда видно, что лозунг «национализации земли», облюбованный и, так сказать, монополизированный представителями мелкобуржуазной демократии и, главным образом, социалистами-революционерами, еще не вышел из стадии его мелкобуржуазного генезиса и полон содержания, которое укладывали в него демократы. В виду этого «Искра» резко откидывает его и защищает, в противовес ему, свои «прирезки» земли. Как известно, в 1906 г. большевистская мысль уже целиком приемлет в своей программе пункт «национализации земли». Но в 1902 г. еще не было налицо тех условий, той революционной ситуации, которая могла бы заставить социал-демократию пойти дальше требования о прирезке и поставить на твердом основании лозунг национализации земли, очистив его, конечно, от той идеологической путаницы, которую внесли в него народники. Но и тогда уже старая «Искра» принципиально не отрицала возможности национализации земли. «Не устраняя капиталистических отношений в порождаемой ею классовой борьбе,—говорится в той же статье «К эпилогу крестьянских бунтов»,—национализация земли только изменяет форму борьбы за владение одной частью средств производства, превращая ее в борьбу не с классом земледельцев, а со всем капиталистическим обществом, владеющим землей (или рентой на землю)». *«Поскольку такая перемена упрощает механизм социалистической борьбы пролетариата, она может считаться прогрессивной»* (курсив мой. П. Л.). Далее следует очередное *но*, и поясняется, почему лозунг национализации земли, под соусом народнического противопоставления лозунгу о «прирезке» земли, как, дескать, «социалистическое» требование, выдвигаемое в противовес «частичному, либеральному» насчет прирезки—социал-демократами должен быть отвергнут.

Подводя итоги сказанному, мы можем констатировать, что «Искра» самым добросовестным образом выполнила ту свою задачу, которую она поставила перед собою для осуществления завета авторств «Коммунистического манифеста» о поддержании революционным пролетариатом всех оппозиционных групп в их борьбе с реакционными остатками старины. Она достаточно нянчилась и со студентами, и с земцами. Несколько позднее она занялась крестьянством. Но чувствуется, что тут-то она нашла более длительного и более верного попутчика в борьбе с самодержавием, чем интеллигентские слои оппозиции. Еще вопрос о крестьянстве только что стал перед нею, как жгучий вопрос дня, но скоро ей—или лучше сказать порожденному ею революционно-марксистскому крылу социал-демократии—придется поставить его, как один из самых центральных вопросов революции. Лозунг «диктатуры пролета-

риата и крестьянства» в недалеком будущем заслонит меньшевистские призывы о поддержке либералов и кадетской думы и станет основным боевым лозунгом большевизма, прямого наследника старой «Искры».

IV. Рабочее движение и революционный подъем пролетариата (1900—1903 г.г.)¹

I. Общие условия труда в России в начале XX века.

Несмотря на быстрый рост капитализма в конце XIX в., Россия не далеко ушла вперед в смысле улучшений каторжных условий труда во всех видах производства. Правда, завоеванный рабочим движением середины 90-х годов закон 2-го июня 1897 г. как будто бы делает шаг вперед по части борьбы государства с наихудшими, наиболее отсталыми, наиболее бесчеловечными формами эксплуатации фабрично-заводского («подчиненного надзору фабричной инспекции») пролетариата. Но многочисленные министерские циркуляры (например, от 5 января 1898 г., от 24 февр. 1898 г. и т. д.) так «разъяснили» этот закон, что влияние его на жизнь оказалось очень слабым. Традиционная «патриархальная» система выжимания из рабочих кровавого пота и полукрепостные отношения между работодателями и рабочими продолжали быть правилом, допускавшим лишь немногие счастливые исключения.

Продолжительность рабочего дня далеко не всегда была в соответствии даже с той отнюдь не европейской «нормой», которая была установлена законом 2-го июня (11½ час. с полуторачасовым перерывом). Прибегая очень часто к системе «аккордной» (сдельной) расплаты, хозяева фактически успевали растягивать рабочий день до 12—13 часов. В некоторых же отраслях труда (преимущественно ремесленного типа) рабочий день чудовищно удлинялся до 17—18 час. в сутки. Так, например, в одном из летучих листков Киевского Комитета (№ 3) сообщается факт именно такой безжалостной эксплуатации киевских портных: «работы производились с раннего утра до поздней ночи, работали по 18 час. в сутки за самое ничтожное вознаграждение». Многочисленные стачки мелких ремесленников в западном крае и в южных городах в лучшем случае приводили лишь к 13-час. дню.

Переpletчики в Кишиневе, по сообщению корреспондента «Искры», работали по 16—18 час. в сутки, а шорники «рабо-

¹ Эта глава составлена, главным образом, на основании того фактического материала, который заключается в многочисленных корреспонденциях «Искры» с фабрик и заводов.

тали с 5 час. утра до 12 ночи, а иногда и целые ночи напролет, получая за это жалкую плату от 12 до 15 руб. в месяц. Не лучше положение и кондукторов на конно-железных дорогах даже в таком центре, как Петербург: «кондуктора должны подниматься в половине шестого утра, идти в контору за билетами и во двор—смотреть наряд: на какой вагон и с каким выпуском ехать. Выходят поезда в 7 час., идут через каждые четверть часа, и вот кондуктора с половины шестого до 12 и 1 часу ночи находятся на линии без горячей пищи, да и холодную некогда есть, так как вагон только на карточной фабрике стоит 10 или 15 минут». (Из сообщения «Искры» о положении рабочих на Невской пригородной конно-железной дороге по материалам «Рабочей Мысли»).

И таких примеров можно было бы привести сколько угодно.

Рабочая плата взрослого мужчины в более или менее «благополучное» время колебалась около одного рубля в день (если не считать тех немногих счастливцев из числа высококвалифицированных рабочих, которые успевали выколачивать по 3—5 руб. в день). Но, во-первых, эта «норма» была недостижимой в тех остальных областях производства, где для беззастенчивой эксплуатации рабочих не было никаких сдерживающих начал. Во-вторых, системой штрафов хозяева успевали условленную плату понижать в чрезвычайно опустительных для бюджета рабочего размерах. В-третьих, работодатель мог пустить в ход (и почти всегда не отказывал себе в этом удовольствии) иной вид насоса, выкачивающего жалкие гроши из кармана рабочего,—в виде фабричной лавочки. В-четвертых, кризис в промышленности и колоссальная безработица способствовали такому понижению заработной платы, которое обрекало массы рабочих на вымирание от голода.

Иллюстрируем это примерами.

Уже выше упоминалось о том, что заработок некоторых ремесленных рабочих определяется цифрой в 12—15 руб. в месяц (и это скорее правило, чем исключение). В Москве, по сообщению корреспондента «Искры», взрослые умелые рабочие на кондитерской фабрике Реноне, получают 13—20 р., а «мальчики» 16—21 г. и того меньше—11—12 руб. У Филиппова подростки—булочники (старше 16 лет) за 13—14 час. непрерывного труда получают 5 руб. в месяц «на хозяйских харчах» (т. е., как поясняет корреспондент, «с придачей тухой говядины»). Там же «взрослые рабочие получают очень низкую плату, которая иногда доходит до 9 р.». «На бумаготкацкой фабрике Бельгийского Акц. Общества в Костроме,»—говорится в другой корреспонденции,—заработок ткачей всегда был крайне низок (не больше 30—35 коп. в день). После пасхи они (ткачи) решили перейти с подневной платы на

сдельную, надеясь вырабатывать больше. Вместо этого заработок пал до того, что 15 коп. стали считать солидным заработком. Заработок взрослых женщин не превышает 9½ коп. в день».

Но если бы даже заработная плата не была столь безобразно низка, все равно хозяин сумеет отнять у рабочего заработанные им гроши путем систематического оштрафования или браковки продуктов. В какой мере из штрафных денег может получаться приличная сумма видно из того, что, например, на промыслах у Ротшильда, по словам близко стоявшего к делам предприятия крупного служащего, промысловая администрация успела сколотить кругленький капитал в 600.000 руб. Немудрено, что хозяева предприятия посмотрели на требование рабочих о возврате им штрафных денег, как на безумную претензию. Рабочему было очень трудно уберечься от штрафов. «Штрафы приняли безобразно широкие размеры,—пишет корреспондент «Искры» о порядках на вагоностроительном заводе Анонимного о-ва в Твери: штрафуют за 3 минуты опоздания, куренье во дворе, питье чая *сидя*». Другой корреспондент, указывая на то же зло в Тверской мануфактуре Берга, жалуется: «штрафы—безобразные. Пишутся они за малейший пустяк и съедают порой половину заработка. Часто бывает так: приходит мальчик из конторы, берет книжку и уносит для вписывания штрафа, а рабочий не может даже добиться, за что его оштрафовали». Протест против штрафов и браковки составляет один из самых обычных, самых частых мотивов стачки возмущенных рабочих.

Не меньшим злом для рабочих является фабричная лавочка. Вот, например, на Щелковской фабрике Раббенек рабочие *обязаны* брать продукты в лавке хозяина, в которой цены гораздо выше, чем в других лавках: «за второй сорт мяса с костями они платят 17 коп. за фунт, тогда как на стороне они могли бы иметь то же самое за 14—15 коп., а то и дешевле». Другой пример: при льно-прядельной фабрике Класена (Ярославской губ.), по словам корреспондента, имеется лавочка, причем «в вольной лавке пуд муки 90 коп., а в фабричной 95 к., масло скоромное 32 коп., а в фабричной 35 к., масло постное 18 и 18½ коп., а в фабричной 20 к., фунт мяса 8—9 коп., а в фабричной 10—12 коп. При этом рабочие должны брать тот товар, который им предлагают, некоторая же разборчивость при выборе продуктов считается вздорными претензиями». В лавке крупного фабриканта Захара Морозова (в Богородске) цены на продукты выше вольных на 25—30%, что дает хозяину доход с одной лишь мужской артели (800 чел.) до 9.600 руб. в год.—Из такого рода многочисленных показаний становится ясным, что фабрикант из той части заработной платы, которая идет на продовольственные нужды

рабочих, с помощью своей лавочки может легко вернуть в свой карман 20—30%.

Правда, цены на товары в фабричной лавке по закону должны регулироваться фабричной инспекцией, но это обстоятельство нисколько не смущает господ фабрикантов. В пряильно-ткацкой фабрике Классена (в Романово-Борисоглебске) лавка очень оригинально «считается» с утвержденной фабричным инспектором таксой: «При покупке товара в заборной лавке отмечается та цена, которая показана в таксе, *набавка же уплачивается наличными деньгами*». И рабочие все-таки дорожат этой мошеннической лавкой, как необходимым для них кредитным учреждением: «В виду редкой выдачи заработка, рабочим часто приходится для покупки товара, неимеющегося в хозяйской лавке, совершать коммерческую операцию: купить какой-нибудь ненужный товар в этой лавке и перепродать его, терпя 20% убытка».

Да и все остальные условия труда до такой степени безотрадны, что картинки из описания положения рабочих у Флеровского (в середине прошлого столетия) отнюдь не представляются анахронизмом. Бездушный, преследующий лишь одну цель наживы, не вышедший еще из стадии крепостнических форм эксплуатации, капитал совершенно не желает считаться с жизнью, с здоровьем и с духовными интересами рабочих. Санитарная обстановка труда ужасна. «На белильном заводе Сорокина,—пишет корреспондент «Искры» из Ярославля,—идут только люди, которым приходится умирать с голоду; теперь же таких людей очень и очень много. За верную смерть (месяца через два уже происходит отравление свинцовыми белилами; городская больница регулярно получает умирающих с этого завода) рабочие этого завода получают сущие гроши; хозяева ценят человеческую жизнь дешевле издержек на необходимые гигиенические приспособления».

Но может показаться, что провинциальный отвратительный заводик представляет исключительный пример санитарных безобразий, а в более культурных центрах ничего подобного мы не встретим. Заглянем, поэтому, в Петербург. Вот что сообщает рабочий с фабрики Паля: «Есть у нас товар буксин, работаем его очень гадким утком, грязным, гнилым и некрученным..... Если рабочий начнет вдвигать нитку в челнок без опаски, то получит целый рот пыли грязной, которая собирается во время хода нитки в глазке челнока..... На этом товаре рабочий не может работать более года, делается больным. И в солдаты не пойдешь, если буксина поработаешь. Воздух у нас очень плохой, вентиляции хотя есть, да и те поломанные—не действуют..... Когда пустят пар по трубам, грязь, которая на полу и по щелям набилась,

начнет испаряться; в это время пол становится горячим, воздух вонючим, хоть беги вон от станков, да бежать некуда».

Не менее типична в этом отношении и другая столица — Москва — с ее окрестностями. На Бутюгинской фабрике (в Лефортове) «в корпусе теснота, страшная пыль, вредно действующая на здоровье рабочих, и отсутствие вентиляции; в проходах навалены груды основ, грозящих падением; в трех этажах только одно отхожее место, тесное и грязное». «Девушки от 15 лет таскают пряжу весом до трех пудов на 4-й этаж, что для них очень трудно».... На Глуховской мануфактуре в Богородске (13.000 рабочих) «санитарные условия безобразны, особенно в красильной мастерской, где и работа не безопасна вследствие неряшливой постройки здания и недостаточного ремонта: потолок начал проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не остроганы, щели между досками по вершку (сделано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку из-под пола идут удушливые испарения; вентиляция недостаточна; на стенах и потолке плесень»...

Еще тяжелее рабочим на Кавказе, где долгое время не было даже никакого фабричного надзора. Например, в Батуме, «в паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочном отделении этих заводов у рабочих от керосина пухнут ноги и покрываются язвами». «На заводе у нас, — пишет тот же батумский корреспондент «Искры», — очень часты несчастные случаи. Это происходит оттого, что хозяева несколько не заботятся о безопасности рабочих при исполнении ими работ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. В жестяночных и лесопильных отделениях нефтяных заводов редкий день проходит без несчастного случая. Если случится несчастье с рабочими при исполнении работ, протоколы пишут, как ни странно это, управляющие заводов. Если рабочему отрежет станком палец, пишут, что «поранение несерьезное»; если рабочему отрежет кисть руки внезапно опустившимся ножом штампы, когда он выковыривал застрявшую жесь, которая должна была бы выбрасываться автоматически, пишут, что поранение произошло по собственной неосторожности рабочего... Рабочих, которые попадают в станок четвертый и пятый раз, попросту выгоняют, придравшись к какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознаграждения, как неспособному к труду».

«Несчастные случаи» — это бытовое явление каждой фабрики, каждого завода. Вот, например, как корреспонденция с Брянского завода иллюстрирует «жалатное» (автор постеснялся употребить слово преступное) отношение заводской администрации к своим обязанностям. 26 октября 1901 г. рабочего накрутило на вал и начало бить о стены и о железные крон-

штейны (причина—отсутствие сигнального свистка, извещающего о том, что машины пущены в ход). 11 ноября, лишенное последней опоры (по распоряжению одного из начальствующих лиц), ветхое заводское здание похоронило в своих развалинах 7 человек. 3-го декабря в чугунно-литейном цехе при отливке изложниц прорвавшаяся расплавленная масса облила двух литейщиков (один умер, другой обречен на долгий срок лечения). И так на протяжении менее 1½ месяцев 10 жертв на одном заводе по вине администрации. «Таким образом,—горько замечает автор корреспонденции («Брянский рабочий»),—благодаря тому, что начальство не хочет делать расходов для того, чтобы орудия производства были в исправности, нам, рабочим, приходится платить за это жизнью». А чтобы не расходоваться на излечение изувеченного рабочего и чтобы не выплачивать семье погибшего от «несчастного случая» законного пособия, очень многие остроумные хозяева, принимая к себе в заведение рабочего, берут наперед от него подписку, что в случае роковой для него катастрофы во время работы ни он, ни его семья к хозяину никаких претензий иметь не будут (например, на Тверской мануфактуре Берга).

Далеко не каждая крупная фабрика имеет больницу. А уж если фабрикант и решил обзавестись такой роскошью, то во всяком случае не на сладость больным рабочим. Вот как, например, описывает одна из корреспонденций больницу при известной Никольской мануфактуре Саввы Морозова. Место, выбранное для больницы, является вредным даже для невзыскательных жилых помещений. Арендатор фабричной больницы доктор Базилевич с больными обращается, «как настоящий живодер». Больные голодают в полном смысле этого слова, и сыты только те, кого навещают родные или знакомые. (Приносят, конечно, по своему усмотрению: капусту, селедки, квас...). Кормят больных по 4—5 человек из одной посуды зараз. Очень часто больной смотрит жадными глазами на посетителя и ради Христа просит кусочка хлебца. Лечение в больнице очень экономное: одной водицей и дешевенькими порошками. В родильный приют, принимают только за два дня до родов (чтобы не слишком рано приходили есть хозяйские харчи). И т. д., и т. д.

Нужно ли, упоминать, что и в отношении жилищных условий благополучие рабочих не выше общего уровня их горевой жизни. Большим счастьем для рабочего считается, если он попадает жильцом в хозяйскую казарму. Об этом мечтают многие годы. Но что же представляет из себя эта возжеленная казарма? По словам корреспондента «Орехово-Зуевца»—в Орехове-Зуеве выстроены новые казармы «по последнему слову техники». Но о скученности жильцов в этом «дворце» можно судить хотя бы по тому факту, что в обыч-

ную комнату, имеющую 3 саж. в длину, 5 арш. в ширину и 2 саж. в высоту, вселяются три семейства: два по бокам комнаты и третье на полатах. Таким образом, даже в «идеальных» по тому времени квартирных условиях рабочая семья лишена возможности жить своей особой, интимной жизнью. Каждое слово, оброненное жильцом казармы орехово-зуюевской мануфактуры, становится достоянием многочисленных сожителей. Но это-то как раз и на руку господам хозяевам и полицейскому начальству, ибо, по словам корреспондента, «зоркое око хозяйских шпионов и полицейских (открытых и тайных; тут же живут и шпионы от жандармов) наблюдает за рабочими в казармах». Такому шпионажу способствует установленный в казармах строгий режим, недалеко ушедший от картин блаженной памяти крепостничества. «Администрация старается предписывать рабочим, в какие часы и что делать. Так, придя с работы, всякий должен ложиться спать, и за этим наблюдают... Рабочим строго воспрещается собираться кучками в коридорах, проходах, комнатах и даже в отхожем месте и рассуждать о чем-либо, хотя бы даже собравшиеся и говорили вполголоса... Никто не имеет права читать вслух ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслух у себя в комнате и безграмотному соседу... Воспрещается какая-либо игра; даже живущие в одной комнате должны спрашивать нечто вроде разрешения у соседа, чтобы, например, курить табак. Воспрещается по вечерам сходиться и останавливаться вне казармы и внутри ее».

Если вспомнить, что в бурсе Помяловского школьное население имело известную «свободу слова» и «свободу игры» если даже сравнить режим в казармах г.г. Морозовых с режимом мертвого дома, описанного Достоевским, то вряд ли от такого рода сопоставления «благоустроенная» орехово-зуюевская тюрьма для десятка тысяч рабочих может что-либо выиграть. И тем не менее, у рабочих нет никакого выбора. Грязь, теснота, сырость и дороговизна частных квартир или казарм старого типа много ужаснее вышеописанного «образцового» помещения для рабочих.

Кстати, несколько слов о крепостнических замашках хозяев. Нет такого промышлевого угла, где бы раб капитала не чувствовал полной зависимости от произвола своего работодателя. Во многих местах сохранились еще те «патриархальные» отношения между хозяином и рабочими, которые в полной мере напоминают отношения крепостников былых времен к своим подданным. Кулачная расправа с рабочими—это бытовое явление чуть-ли не каждой фабрики, каждого завода. Из сотни примеров такого рода фактов выберем для иллюстрации наудачу хотя бы один.

Богородский архимиллионер Захар Морозов «страшно любит стегать плеткой и до сих пор не бросает своего варварского обычая». Однажды этот самый Морозов гетретил четырех возвращающихся из города рабочих; из кармана у одного торчала «монополька». Рабочие направились в купальню. «Но тут налетел, как ястреб, сам опричник Морозов и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: «что же вы заставляете хозяина бегать за собою? Все деньги проживаете в городе, а не у меня», а затем отправил их в сторожку. Итак,—замечает обозреватель «Искры»,—у г. Захара Морозова рабочие обязаны, «проживать» все заработанное—в его же лавках, и за нарушение этой обязанности могут попасть под арест.

Не чужда хозяевам и представителям администрации и та форма эксплуатации рабочих, которую можно квалифицировать просто как мошенничество и жульничество. Обмер и обсчет рабочего—дело обычное. На фабрике Палушина заболевшая работница, получив от администрации грубый отказ в отпуске («чорт бы тебя ободрал, дохни»), через несколько минут умерла; «собравшаяся стая (фабричная администрация) с целью выгородить себя из этой истории придумала гнусную вещь: написала отпуск для лечения, положила его в карман покойницы и отправила ее в больницу». Вообще, на фабриках Иваново-Вознесенского района очень в ходу, так сказать, сверхсчетная эксплуатация рабочих. «Мастера заставляют рабочих мыть полы и стирать белье. Основы—и те даются со взятками—не даст рабочий четвертак, будет работать самые плохие сорта и, конечно, заработает менее того, кто даст взятку». На заводе «Никополь» (близ Мариуполя) расчетные книжки рабочих всегда хранятся в конторе завода; благодаря этому не раз случалось, что рабочему задним числом проставляют расчет, лишая таким образом рабочего юридической основы для доказательства на суде своего права на двухнедельную заработную плату. И таких примеров прямого надувательства, подлогов, взяточничества и издевательства над элементарными правами рабочего можно было бы привести сколько угодно.

Впрочем более дальновидные работодатели стараются опутать рабочих более тонкими способами и делают ставку на «облагодетельствование» рабочих. Так, например, по инициативе «просвещенного» военного министра (Куропаткина) приказом, в октябре 1902 г. вводится 8 час. раб. день (чистой работы) для рабочих интендантских мастерских. По этому поводу служатся молебны о здравии царя, явившего, дескать, новое доказательство милостивого попечения о благе народа. Но весь этот большой шум был вызван, в сущности говоря, очень маленьким результатом «сердечного попечения» начальства о рабочих: «благодеение» приказа распространи-

лось только на 600 чел. из 100.000 всех занятых в военном ведомстве рабочих.

«Не без добрых душ на свете» и среди негитулованных «столпов промышленности». Вот, например, один из таких столпов—одесский чаоторговец Высоцкий. Чтобы избавиться от сознательных рабочих и обезопасить себя от неприятностей стачечной войны, а в то же время приобрести или упрочить свою репутацию «отца-благодетеля», этот юркий делец решил заменить всех в рассыпчных отделениях девочками-подростками 15 лет. Во избежание «недоразумений» с увольняемыми, эти последние получали сверх жалованья небольшое вознаграждение, но с выдачею ими подписки, что никаких претензий не имеют на своего хозяина за этот неожиданный расчет. После этого, вследствие ужасов наступившей безработицы один из рассчитанных повесился, другой распорол себе живот ножом. В то же время вся еврейская беднота бросилась пристраивать в заведение Высоцкого своих детей—девочек, начиная с 12 лет. Соблазнительным казалось не столько нищенское жалованье в 7 руб. в месяц, сколько обещание по прошествии нескольких лет службы выдавать 200 руб. на приданое. Выбор оказался большой и просвещенный капиталист отдавал преимущество прошедшим 4-х классное училище. Одна из лучших школ почти опустела (28 девочек из нее поспешили отдать себя на эксплуатацию «благодетелю» Высоцкому). На всей этой операции—замене взрослых рабочих девочками—подростками Высоцкий сэкономил в год 25—30 тыс. рублей.

Но не один «гениальный» одесский гешефтмахер предпочитает эксплуатировать более беззащитную часть рабочих в лице детей или женщин. Такую же тенденцию обнаруживают решительно все хозяева предприятий, и где только это по условиям работы возможно, спешат перейти на женский и детский труд. И действительно, если взрослый рабочий мужчина не в состоянии дать отпор зарвавшемуся хозяину и отстаивать свои элементарные человеческие права, то с женщинами и детьми, работающими в заведении, фабрикант или прислуживающий ему холоп—мастер может уже совершенно не перемониться. Так, например, «Киевский С.-Д. Листок» в № 1 сообщает, что в переплетных мастерских «много безработных среди мастеров, так как повсюду работает много мальчиков,—по 18—20 час. в сутки». И таких показаний много. Что касается женщин, то обычно предметом самой мерзкой эксплуатации является не только их физическая сила, но и их тело. В Шуе, на ситцепечатной Павлова, этот последний «имеет особых работниц, которые стараются совращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем». На Городищенской отбельной фабрике С. Морозова распорядитель фабрики Герман выбросил почти всех

рабочих мужчин (за исключением котельщиков) и заменил их более дешевым и «интересным» «рабочим мясом» — девушками и женщинами. «Действует этот нахал, — говорит корреспондент «Искры», — очень открыто: приглашает девушку или женщину к себе в кабинет и объясняется очень откровенно в своих желаниях. Если последняя сдается, то делается его жертвой, если нет, то спустя короткое время выкидывается ее паспорт со словами: «ты мне не нужна», да тут же рассчитывает и семейство, т. е. если есть родственники». «Дети ругают своих сверстников часто: «твой отец барин, иди к нему» (барином называется у нас Герман)».

И таких примеров можно было бы привести многое множество.

Но как ни плохо положение фабрично-заводских рабочих, а все же есть парии труда еще несчастнее их, — это именно рабочие ремесленных мелких мастерских (особенно в западном крае) и жертвы той системы эксплуатации, которая известна под именем Handindustrie (домашней формы промышленности). Примером этой последней может служить г. Сарапуль (Вятской губ.), где три четверти населения занято производством обуви на ряд заводов (на каждом от 200 до 500 рабочих). На самих заводах происходит, главным образом, заготовка обуви (кройка, строчка и т. п.), большая же часть работ производится ручным трудом на дому мелкими ремесленниками-сапожниками. По словам очевидца, «эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день, который перед сдачей обуви хозяевам захватывает несколько ночей подряд, низкая (поштучная) заработная плата и т. п.». Разделение труда уничтожило среди этих ремесленников тип мастера, внакомого со всеми процессами изготовления сапога от начала до конца, и это обстоятельство ставит ремесленника в кабальное положение по отношению к хозяину. В результате — «бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, скудное питание, худые бледные лица членов семьи» — вот обстановка труда сарапульского ремесленника сапожника.

Само собой разумеется, что вся вышеописанная картина обстановки промышленного труда могла иметь место только при условии крайней забитости, запуганности, отсталости рабочих, привыкших с чисто воловьим терпением нести на своих плечах ярмо, брошенное на них Колупаевыми и Разуваевыми русского капитализма.

Многочисленные корреспонденции «Искры», особенно в начале бурного «искровского» периода (в 1900—1901 г.г.), обычно начинают с того, что до последнего, мол, времени «у нас было всегда тихо и ни о каком рабочем движении не было и помину». Но более яркими показателями отсталости

и несознательности различных групп русского пролетариата являются два факта: это, во-первых, стихийность первых всплеск рабочего движения в местах его возникновения под влиянием обострившегося кризиса в начале 900-х годов и, во-вторых, те настроения среди рабочих масс, которые обеспечили на некоторое время успех «зубатовщины».

Стихийный характер первых судорожных движений долго молчавшего и терпеливо выносившего свое положение рабочего класса сказался в целом ряде бессознательных актов мести против отдельных, очертивших рабочим той или иной фабрики, представителей администрации. в разгромах фабричных зданий и машин, а также в той легкости, с которой темные рабочие массы поддавались на провокацию подкупленных или так или иначе стимулированных к «действию» рыцарей еврейских погромов. Более понятно, когда стихия «бунта» охватывает малосознательный, совершенно неорганизованный сельский пролетариат (вроде, например, крестьян, пришедших в 1902 г. на заработки в имения, расположенные по линии Владикавказской ж. д., и давших выход своему чувству раздражения и отчаяния вследствие безработицы— в форме поломки помещичьих машин). Но нередко то же настроение стихийной злобы и ненависти рабочих к эксплуататорам неожиданно и очень бурно прорывается и в центрах промышленной жизни, на фабриках с прочной традицией «тишины и спокойствия». Вот, например, что сообщает корреспондент «Искры» о Залогинской ткацкой фабрике в Твери. «Глухое недовольство там всегда налицо, но оно редко выливается наружу. Причиной тому—крайне низкий уровень залогинских рабочих, среди которых совершенно отсутствует всякая организация». Первые же попытки их к мирной забастовке в 1902 г. привели к взрыву. Когда от наехавших на фабрику по случаю забастовки властей (губернатора, прокурора, жандармского генерала) рабочие никаких удовлетворительных обещаний не получили, «настроение их начало повышаться, раздались голоса: «а, так вы к хозяину чай пить приехали, а нас и слушать не хотите!»—и, наконец, со стихийной силой вспыхнуло годами накопившееся раздражение: рабочие бросились ломать дома, машины в мастерских, фабричную пекарню, избивать мастеров, полицейских»—и т. д. Словом—развернулась обычная картинка фабричного бунта, финалом которого естественным образом было «усмирение» с помощью вызванных войск, многочисленные аресты и затем комедия царского суда над рабочими.

Такого же порядка стихийность сказывается и в тех случаях, когда рабочие, выйдя из терпения, начинают прибегать к «своим средствам», т. е. к умерщвлению отдельных представителей администрации. Такая именно террористиче-

ская волна охватила железнодорожных рабочих в Тифлисе после таинственного убийства начальника Закавказских ж. д. Веденеева. Последовал целый ряд избиений ненавистных рабочих бригадиров и других холопствующих перед начальством мелких сошек, убит старший литейщик, контужен пулей начальник депо и т. д. «Крайне печально,—прибавляет корреспондент,—что вся эта стихийная сила неудовольствия не находит более целесообразного выражения. Чувствуется сильный недостаток в интеллигентных руководителях, чтобы направить все эти ключом бьющие силы в одно общее русло всероссийского рабочего движения».

Но более печальным и опасным последствием бессознательности темных масс были вспышки племенной и религиозной вражды их против инородцев, главным образом, русских против евреев. Кишиневские события 6—8 апреля 1903 г. в яркой форме продемонстрировали перед целым миром подлый, отвратительный характер «последней карты царизма»¹. Но делать ставку на еврейские погромы российская полиция могла только потому, что тогда были еще налицо многочисленные кадры трудящихся, в которых легко было разжечь погромные инстинкты.

Подготовка к 1-му мая со стороны органов правительства шла, между прочим, и в том направлении, чтобы революционное движение толпы в день красного рабочего праздника превратить в черную картину еврейского погрома. Учитывая это обстоятельство, очень многие комитеты с.-д. партии часто принуждаемы были силою обстоятельств спешно отменять первомайские демонстрации. Вот один из примеров такого рода опасных настроений толпы. В Астрахани перед 1-м мая 1903 г. царил возбужденное настроение среди рабочих, отчасти вызванное недовольством широкой массы «ловцов» против нового рыболовного устава, а отчасти подогретое первомайскими прокламациями Организационного Комитета. В то же время,—по словам корреспондента,—существовала опасность, что «под влиянием кишиневских событий, возбуждение невосвещенной еще социал-демократической агитацией массы грозило прорваться по линии наименьшего сопротивления («начнем с жидов, потом примемся за казенки, всем достанется») и кровавое «усмирение» в «глазах широкой публики покрылось бы ореолом охраны жизни и имущества любезных верноподданных». Такое положение дел определило соответствующий характер агитации местного Комитета.

¹ В передовой статье в № 39 «Искры», под заглавием «Последняя карта царизма», попытожены все факты, неопровержимо доказывающие соучастие русского правительства в организации кишиневского погрома.

Другим показателем того, что рабочий класс во времена «Искры» еще не изжил детских болезней своего возраста, являются успехи зубатовских начинаний. Выше уже было сказано несколько слов о зубатовщине, как о попытке приспособления самодержавия к новой политической обстановке, основным фактором которой явился на рубеже XX века быстрый рост рабочего движения. Здесь мы еще раз коснемся этого вопроса, чтобы бегло осветить его с точки зрения реакции рабочей массы на провокаторскую политику дерзкого и умного вдохновителя вступившей на путь полицейского «социализма» российской охранки.

Символ веры зубатовцев заключался в следующих, формулированных самим Зубатовым, положениях: 1) замена революционного учения эволюционным (отрицание всех форм и видов насилия); 2) проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений («по внеклассовости своей» самодержавие включает в себе «начало третейское», склонное к справедливости); 3) движение социалистическое занято реформой всех классов общества, а профессиональное, «покоящееся на принципах капиталистического строя», занято «своими непосредственными интересами»; 4) границы самодержавности (масс) оканчиваются там, где начинаются права власти. Все должно направляться к власти и через власть.

Опыт, произведенный Зубатовым среди еврейского пролетариата, оказался успешным. Влияние «экономистов»¹ росло не по дням, а по часам. К августу 1901 г. они завоевали шесть цехов: переплетчиков, слесарей, столяров, каменщиков, щеточников, жестяников. Зубатовцы решили выйти из Бунда и создать новую политическую партию. Летом этого же года группа зубатовцев выпустила манифест и программу «еврейской независимой рабочей партии». Борьба Бунда с новой партией становилась все более и более затруднительной: с одной стороны, «Независимцам» помогала охранка, арестовывая пачками их противников, а с другой стороны, массы рабочих видели воочию небывалую мощь этой партии, которой в короткое время удалось добиться от запуганных хозяев предприятий ряда значительных уступок стачечникам, действовавшим под покровительством тоже «социалиста», жандармского полковника Васильева. Этот последний весьма успешно конкурировал с бундовскими агитаторами, если судить по тому, что ему удавалось собирать, вопреки усилиям Бунда помешать этому, многочисленные толпы пролетариев (например, несколько сот приказчиков в Минске летом 1901 г.) и держать перед ними пла-

¹ Под этим именем фигурировали последователи Зубатова в агентурных донесениях в департамент полиции.

менные речи о вреде политической борьбы и о выгоде бороться за свои экономические интересы с благословения и под «покровительством» царского правительства. О популярности «независимцев» свидетельствует, между прочим, и тот факт, что толпы рабочих ломились на устраиваемые ими праздничные собрания. Так, например, в октябре 1901 г. состоялся праздник независимой партии, на котором, несмотря на все противодействие Бунда, было около 1500 рабочих и много интеллигенции. Все это до такой степени окрыляло зубатовцев, что им уже мерещился «громаднейший переворот» во всей России, в особенности, если устроить съезд жандармских чинов для восприятия ими идей, а также уроков тактики и стратегии нового курса в охранной политике (NB. подобный съезд жандармских полковников действительно впоследствии был созван).

Все это не мешало, однако, развиваться в недрах самой зубатовщины тем внутренним противоречиям, которые были ей присущи, как фальшивой и играющей с огнем полицейской авантюре. Как ни казалась забитым нуждою, изголодавшимся массам еврейских рабочих соблазнительной перспективой улучшить свое положение без риска испытать прелести тюрьмы и ссылки, как ни благоприятствовали быстрому успеху «независимцев» растущая нищета и безработица, вызванная промышленным кризисом, тем не менее зубатовщина скоро стала исчерпывать свои ресурсы. Кишиневский погром подействовал на еврейские массы отрезвляющим образом и помог Бунду отколоть от «независимцев» много рабочих. Да и само правительство в лице Плеве поняло, наконец, какую опасную игру затеяла охранка. В июле 1903 г. партия «независимцев» распалась¹.

Осенью 1902 г. зубатовщина перекинулась в Одессу. Группа «независимцев» стала энергично работать под руководством известного зубатовца Шаевича. Но и здесь зубатовцы, идя по линии наименьшего сопротивления, должны были, для упрочения своего влияния на рабочие массы, способствовать размаху стачечного движения. Подогретая «независимцами» экономическая борьба скоро выросла из тех скромных рамок, которые были намечены зубатовцами, и летом 1903 г. превратилась во всеобщую стачку, начавшуюся с забастовки портовых рабочих и кончившуюся приостановкой работы на всех фабриках и заводах, типографиях, на железной дороге (по линии Одесса-Киев), словом, повсюду. «Независимцы» напрягли все силы, чтобы потушить вызванный отчасти ими же самими революционный пожар и за-

¹ Более подробно о зубатовщине в Минске см. в ст. Бухбиндера «Независимая еврейская рабочая партия» («Красная Летопись», № 2—3 1923 г.).

гнать высоко поднявшуюся волну рабочего протеста в узкое русло аполитичной экономической борьбы. Им удалось сорвать стачку. Забитая, неразвитая рабочая масса стала прислушиваться более к голосу зубатовцев, чем к призыву социал-демократов—дать бой самодержавию. Рабочие капитулировали перед капиталистами и позорно прокричали «ура» Немешаеву (нач. Юго-зап. ж. дорог). И все-таки Плеве не мог простить одесским «независимцам» той легкомысленной игры в забастовку, которую они себе позволили, не мог не почувствовать опасных последствий недовольства фабрикантов и заводчиков, раздраженных этой дерзкой игрой за их счет, и распорядился о ликвидации деятельности одесских зубатовцев, при чем сам Шаевич был арестован и выслан в Сибирь.

Наиболее энергичную деятельность развили зубатовцы в Москве под непосредственным руководством самого Зубатова. Корреспондент Искры очень удачно характеризует систему приемов «генерал-провокаатора» по части уловления слабых и доверчивых людей из революционной среды: «Зубатов хочет сменить нетерпимость революционеров к рыцарям застенка — добродушием, вражду — амикошонскими отношениями; на почве этого добродушия и амикошества он будет вселять доверие к себе в рядах нелегальных деятелей с тряпичной душой, а там—там недалеко будет и до бессознательного предательства по доверию».

Но не в этом только заключалась сила зубатовской политики, а, главным образом, в умении Зубатова овладеть симпатиями масс, внушить им идею целесообразности борьбы с капиталом при помощи легальных вспомогательных касс, обществ взаимопомощи, потребительских обществ, открытых собраний (под руководством г.г. Озеровых) и т. под. средств, позаимствованных как будто нарочно из рецептурной книжки либерального народничества или из арсенала «революционного» оружия ярых рабочемысленцев. Московское общество взаимопомощи, зародившееся по инициативе московских машиностроительных рабочих и, вероятно, по подсказке зубатовских провокаторов (вроде, напр., пресловутых зубатовцев Афанасьева и Слепова), стало типичным образцом такого рода начинаний. Устав кассы взаимопомощи был выработан при благосклонном участии г.г. Трепова и Зубатова. Любопытно отметить, что вызванное зубатовым «рабочее движение» в Москве втиснуто в рамки организации, напоминающей типичную с.д.-ую организацию того времени. Во главе организации стоит «Совет», руководимый Афанасьевым и Слеповым. Все вопросы, подлежащие обсуждению районных собраний, исходят из «Совета» и предварительно просматриваются агентурой охранного отделения. На районных собраниях присутствует для контроля член «Совета». «Совет» кон-

струируется или пополняется из числа кандидатов, выдвинутых порайонным собранием, но при наличии самого тщательного осмотра кандидатур, с точки зрения их «благонадежности». Словом, в основу зубатовской организации положен тот самый принцип «демократического централизма», который сказался наиболее сподручным и для политических антиподов Зубатова. О громадном развращающем влиянии зубатовцев на отсталые слои московского пролетариата можно судить хотя бы по известному эпизоду с патриотической манифестацией в день 19 февраля (1902 г.) перед памятником Александра II, около которого «народ» (собранный в количестве 50 тысяч человек толпа), после приличествующей случаю речи дядюшки царя, Сергея, выли и ревели, пав на колени, от патриотических восторгов.

Но политика заигрыванья охранки с рабочими и в Москве, как и в других местах, должна была в конце концов зайти в тупик. Провокатор Слепов стал договариваться в своих речах до обещаний... социалистического строя. «Правительство,—сулил он рабочим,—обещает вам восьмичасовой рабочий день, а потом... современем оно возьмет в свои руки все фабрики, отдаст их вам и вы будете хозяевами своего дела»¹. Но этого мало. Охранка делает ряд попыток подкупить рабочих и завоевать их доверие за счет интересов фабрикантов. Она провоцирует стачку и открыто поддерживает стачечников на фабрике Муси. Наряду с этим имели место стачки на шелковой фабрике Жиро, на Даниловской м-ре и у Гужона. Фабриканты, наконец, стали выражать сильное беспокойство и раздражение по поводу смелых экспериментов охранки. Они пришли к выводу, формулированному кем-то из их видных представителей так: «правительство в лице охраны хочет отвлечь рабочих от политических идей путем уступок за счет нашего кармана, но оно забывает, что антикапитализм есть тоже политический вопрос»². В виду всех этих симптомов «Искра» уже предвидит скорое полное банкротство зубатовской политики.

Из Москвы Зубатовщина перекинулась и в Петербург. Но—странное дело! Здесь, на первых порах, Зубатов натолкнулся на совершенно неожиданный для него факт недоверия петербургских рабочих к добрым намерениям охранки, и первые дебюты зубатовцев в Петербурге были более чем неудачны. «Социалиста» Слепова рабочие не захотели и слушать, другого провокатора—Соколова—исключили из общества и, перефразируя националистическую формулу этих пророков—«Россия для русских»—в более подходящий к случаю лозунг—«Петербург для петербуржцев»—предложили

¹ См. корреспонденцию в № 19 «Искры».—«Из Москвы».

² Там же.

«москвичам» убираться вон. Быть может, этот факт можно было бы объяснить тем обстоятельством, что в Петербурге более старое и более глубокое рабочее и революционное движение успело в большей мере воспитать классовое сознание пролетариата и упрочить в нем революционные традиции, чем это могло быть в отсталой патриархальной Москве. Впрочем, первые неудачи зубатовских экспериментов в северной столице вовсе еще не свидетельствовали о том, что петербургский пролетариат обладает полным иммунитетом по отношению к бацилле охранного «социализма». Впоследствии зубатовщина успела сделать Петербург центром того особого движения, которое вылилось в форму Гапониады. И только страшное кровавое 9-е января 1905 г. навсегда вылечило не только петербургских рабочих, но и пролетариат всей России от той болезни, которая долгое время одурманивала его классовое сознание и сковывала его коллективную волю, его устремление к революционной борьбе.

Такова была историческая роль зубатовщины. Но было бы ошибкой думать, что она хотя бы на один момент вытеснила другие методы полицейского государства по части искоренения революционного духа среди пробуждающегося пролетариата. Под аккомпанимент сладковатного пения охранной сирены бешено работала казачья нагайка и свистели пули, осыпая свинцовым дождем мирные толпы стачечников. У двуглавого орла были две души. Одна душа возжелала европейских форм эксплуатации трудящихся масс, а другая ничего и знать не желала, как только свирепствовать, неистовствовать и душить крамолу всеми имеющимися в распоряжении азиатского самодержавия бичами и скорпионами.

И в самом деле, с одной стороны, царский министр Витте свидетельствует в своей записке, что забастовка «не составляет еще нарушения порядка общественного», ибо «крайне трудно допустить, чтобы рабочие решились на столь убыточное для них средство, как стачка, без достаточных к тому поводов». Он утверждает, что «забастовка есть совершенно естественное явление, органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд и не могущее быть устраненным при помощи подавления и пресечения отдельных случаев его проявления». Такова была теория «европеизированного» самодержавия.

А между тем, арест и свирепая расправа со стачечниками представляли подлинную практику азиатского правительства. Эти расправы со стачечниками или стремление помешать собраниям стачечников приводили к тем кровавым бойням, которыми так богата история рабочего движения в царствование Николая II. Убийство рабочих в Ярославле («мо-

лодцами фанатиками»), финал Домбровской стачки, Максвельской, Рижской, Мариупольской, Батумской, Златоустинской, Обуховская бойня, расправы в Ростове и на ст. Тихорецкой и т. д., и т. д. — вот кровавые страницы этой истории.

А что такое представляет из себя расправа царского правительства с рабочими специфически — «казацкими» методами, это можно усмотреть из описания любого эпизода в данном жанре. Приведем для примера выдержку из искровской корреспонденции со ст. Тихорецкой:

«Казачи, с обнаженными пашками и нагайками, врезались в лежащую грудой людей, давя их копытами и рубя направо и налево. Рабочие голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на месте бойни осталась масса отрубленных частей тела, куча раненых. В бегущую толпу дано несколько залпов. 5 убито, 17 тяжело ранено. Двое убиты так: один рабочий нес на коромысле два ведра воды домой: казак прицелился в несчастного и убил его наповал, а затем и жену, выбежавшую спасать мужа. Затем начался грабеж... Одна женщина пыталась оборонять свое добро: ей рассекли пашкой живот». «Казачи неистовствовали, как звери, врывались в дома рабочих, били всех — детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабили. В одной квартире на полу найден ребенок, пригвожденный кинжалом»... И т. д., и т. д.

Можно ли сказать, что такого рода полицейское усердие было совершенно по вкусу предпринимателям, в интересах которых правительство старалось держать рабочих в ежовых рукавицах? Есть свидетельские показания, говорящие о том, что сокрушительная сила инерции полицейского аппарата в борьбе с «красою» иногда больно задевала интересы и капитала. Вот, например, на табачной фабрике Попова в Одессе работники проявили такое стачечное упорство, что хозяин охотно уже готов был пойти на уступки и просил выпустить арестованных, но получил от администрации суровый ответ: «пока нас не звали, могли сами поступать как угодно; теперь же дело наше, не мешайтесь». Кроме того, с него был взят штраф в 500 руб. за позднее заявление о стачке. Или еще пример: на ниточной фабрике Штиглица в Петербурге 23 янв. 1903 г. началась забастовка. Контора вступила с забастовщиками в переговоры, но вмешался Клейгельс, и по приказу градоначальника 3.000 рабочих было расстреляно.

Но в общем и целом, какова бы ни была своя особая логика самому себе довольствующего самодержавия, оно никогда коренным образом не нарушало интересов капитала и тем более было с ним солидарно, что и сама казна, а вместе с ним и дворцовое ведомство выступали в промышленной жизни, как капиталистические предприниматели, заинтересо-

ванные непосредственно в эксплуатации рабочих. На императорском фарфоровом заводе в селе Александровском, близ Петербурга, господствуют такие порядки, о которых корреспондент «Искры» отзывался очень определенно: «Такой произвол, такие безобразия, какие существуют на имп. фарф. заводе, трудно найти на других, даже до 1897 г.» С задельной платы путем штрафов обычно задерживается 10—15—20 рублей,—по усмотрению директора завода генерала Гурьева, причем требование закона, подписанное Николаем II, запрещающее брать сумму штрафов в размере более трети заработка, совершенно игнорируется на заводе, хозяином которого является сам законодатель. Издевательство над рабочими в царских имениях (в Ливадии) доходит до того, что за нарушение приказа, запрещающего рабочим курение в имении, виновные штрафуются в 10—25 руб. Ряд стачек в Ливадии в 1901—902 г.г. свидетельствует о том, что война труда с капиталом идет и в этом, казалось бы, вполне забронированном от «бунта» уголке. Очень горькие жалобы на беспросветное положение рабочих идут из казенного инструментального завода (в Петербурге). Пользуясь безработицей, заводское начальство «без всяких церемоний понижает расценки, увеличивает число рабочих часов, издевается над человеческим достоинством рабочих», заставляет под страхом расчета, сверх абонементов, чистить ватерклозеты, мыть полы в казенных квартирах... «И это после 13—15-часовой работы!»—негодующе восклицает корреспондент.

Одним словом, положение труда рабочих в казенных предприятиях не только не лучше, чем у частных капиталистов, но осложняется еще специфически-наглым произволом администрации, которая сама представляет плоть от плоти царского правительства и на которую жаловаться некуда.

Но не в этом обстоятельстве нужно искать основного объяснения той солидарности и той органической связи, которая существует между правительственными органами власти (в том числе и самодержавной) и представителями капитала. Каковы бы ни были «собственные пути» самодержавия, но и оно не может представлять исключения в капиталистической обстановке, в которой, по словам коммунистического манифеста, все становится продажным. Тот, кто может купить услуги чиновника, тот и является в конечном счете подлинным властителем жизни. А по части продажности чиновники его величества—русского абсолюта если кому-нибудь и уступали, то, быть может, разве только турецким рыцарям «хабары». Вот, например, как характеризует «искровский» корреспондент идиллический альянс между угледопромышленниками и местной полицией.

«Начальник Таганрогского округа Кадников вместе с своим помощником занимается торговыми операциями. Он покупает

десятками тысяч пудов уголь на рудниках, и ему, как начальнику (курсив мой. П. Л.), делается скидка в 2—3 коп. с пуда против рыночной цены угля, и этот уголь продает на заводы вверенного ему округа по цене копейки на две выше рыночной цены». «Подведомственные начальнику округа полицейские чины—заседатели, надзиратели, урядники и пр. поступают уже гораздо проще: они ежемесячно от заводов и рудников получают жалованье и в получении такового расписываются, и с ними уже проще поступают; им платят и говорят приблизительно следующее: смотрите, никаких затруднений руднику не причинять, сор из избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу,—он вас уберет». Но, скажут, есть же высшие инстанции, куда можно жаловаться на безобразия мелкотравчатых властей. Конечно, есть. Вот, например, во главе горной инспекции Обл. В. Дон. стоит начальник юго-вост. горн. управления—ген. Вагнер. Но увы, этот вершитель судеб горнозаводских дел сам спекулирует по поставке дубовых стоек из собственных лесов в крупные рудники «вверенной» ему области, причем стойки далеко не всегда имеют установленные размеры. А другой столь же большой чин—нач. южн. горного управления Зеленцов—просто «берет «хабар» в неприкрытом виде и нередко делает внушение подведомственным ему чинам горной инспекции: никаких дел с горнопромышленниками не возбуждать».

Эта типичная картинка из русской действительности описываемого периода достаточно иллюстрирует «нормальные» взаимоотношения между предпринимателями и царскими чиновниками, исполняющими функции контроля и надзора над предприятиями. Но еще характернее жалкая роль фабричных инспекторов, специальное назначение которых, по мысли законодателя, заключается в защите интересов труда от незаконных форм эксплуатации его капиталом. В лучшем случае это детище «либеральной» политики Витте жалобно стояло перед протестующими рабочими о своем зависимом положении и о своей бессилии быть им полезным в их борьбе с хозяином. В Орехове-Зуеве котлочист, обваренный паром во время работы, не только не получил никакого пособия от фабриканта, но просто был рассчитан конторой. Он обратился за защитой к своему фабричному инспектору, но тот стал сам ему жаловаться на Савву Морозова: «вот, смотрите, какое я занимаю помещение от хозяина: что я с ним могу поделатъ?» Несчастный, купленный, и, быть может, очень дешево купленный—лакей толстосума своим жалобным писком лучше всего свидетельствует о служебной импотенции фабричного инспектора. А в худшем, и далеко не редком случае, фабричный инспектор откровенно становится на сторону фабриканта, ведет себя с рабочими, как любой полицейский

держиморда, и, успев довести толпу до раздражения, спешит вызвать полицию для расправы с несговорчивыми рабочими (вроде, напр., того пом. фабр. инспектора в Иваново-Вознесенске, которого «Искра» предлагает рабочим бойкотировать за его полицейские повадки).

Немудрено, что у рабочих самое звание фабричного инспектора стало синонимом жалкой рептилии. «Ходили к инспектору,—сообщает автор корреспонденции о безобразиях на заводе Бромлея в Москве,—а известное дело, эти господа всегда тянут руку фабрикантов—им и царь-батюшка так приказывает, да и сами они не глупы, что понижают: на фрак и на брюки с бедного рабочего не получишь. Так, где же твое право, рабочий?»

На этот последний вопрос давала ясный ответ не только «Искра», не только соц. демократическая партия, но и практика разгорающегося революционного движения. Рабочие все более и более начинают сознавать, как им добиться своих прав.

2. Безработица и революционный под'ем рабочего класса

Но как ни плохо было положение рабочих, вообще, на протяжении последних десятилетий прошлого столетия, оно становится воистину ужасным во время наступления и расцвета кризиса в 1900—1903 годах. Хотя правительство и старалось затушевать размеры кризиса (как уверял Николай II,—по словам гр. Келлера на съезде горнопромышленников в Горловке—«уменьшение производительности фабрик, заводов и каменноугольных копей должно считать заминкой в производстве, но никак не кризисом»), тем не менее рабочие на своей собственной шкуре вполне определенно могли оценить, что влечет за собою для них эта «заминка».

Безработица быстро распространилась, как моровая язва, по всем промышленным районам России. Уже в конце 1900-го года в Петербурге, согласно сообщению «Рабочего Листка» (№ 4),—«как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтона и др.». В это же время в Шуйско-Ивановском районе многие фабриканты выкинули на улицу 30—50% своих рабочих. В ноябрьском номере (№ 3) 1900 г. «Южного Рабочего» сообщается о безработице на юге: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах—езде сокращение работы,... везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках». «В Николаеве общее

число уволенных доходит до 2.000 чел., в Мариуполе—до 600» и т. д. В Риге, по сообщению корреспондента «Искры» (осенью 1901 г.), «на главных заводах работает только четверть рабочих, и то—от 8 до 4 пополудни». Рабочие поселки (напр., Касперовка—предместье в Таганроге, населенное рабочими металлургического завода)—очень часто, по выражению корреспондентов, имеют вид голодающей русской деревни.

В Москве кризис особенно обострился весной и летом 1902 г. После пасхи на Прохоровской фабрике число рабочих сокращено на 900 чел., Реутовская мануфактура выбросила на улицу 1.200 рабочих, Подольский завод Московского акц. о-ва рассчитал всех своих рабочих (2.000 чел.) и т. д. На Урале (напр., в Екатеринбурге) масса безработных, и промышленники как бы танцуют на вулкане. С юга все время идут указания, что безработица продолжается. Одна из прокламаций Екатеринославского комитета сообщает, что «на Брянском заводе в бессемеровском цехе вместо прежних 600 рабочих теперь (в 1903 г.) ту же работу выполняют 300 человек, причем им часто приходится работать непрерывно 36 час.! В рельсопрокатном цехе рабочие прежде работали 26—27 дней в месяц, теперь 10—12!» В Нижнеднепровских ж.-д. мастерских за ремонт товарного вагона вместо прежних 7 руб. стали платить 1 р. 50 к., за отделку дверей в столярном цехе—вместо 18 руб.—восемь и т. д., и т. д.

Все прокламации местных комитетов вопиют об одном и том же: сотни и тысячи рабочих выбрасываются фабриками и заводами на улицу. Призрак нищеты и голодной смерти носится в рабочих семьях... А чтобы судить о моральном состоянии тех рабочих, которых судьба еще падила и которым удавалось задержаться у станка, достаточно прочесть хотя бы следующий отрывок из корреспонденции «Искры» о безработице в Петербурге:

«Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять перед пустыми тисками. Отойти нельзя; присесть невозможно: мастер пользуется всяким предлогом, чтобы потянуть к расчету. Рабочий чувствует себя так, как будто он провинился в чем-либо перед мастером. Он не смотрит в глаза мастеру, он знает, что он ненужен более, что он бессилен, что мастер может, как ему угодно, издеваться над ним. Расценки понижаются: не выработаешь и половины прежней получки... А фабричным еще труднее: рвется гнилая нитка, ноет грудь от вонючей пыли, а выработаешь в месяц 8—6 рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются одним «постным» чаем с черным хлебом,—хорошо, если можно луком скрасить эту, не идущую в рот, пищу. Но и здесь за воротами стоят кучами оборванные ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, как милости, хоть какой-нибудь работы. Исхудалые девушки просят у своих прежних товари-

щей «христа ради», с завистью провожая их глазами до ворот фабрики».

Эта безработица сыграла огромную роль революционизирующего фактора. Правда, в корреспонденциях «Искры» попадаются указания и на развращающее действие безработицы. Так, напр., в сообщении о безработице на заводах близ Мариуполя («Искра» № 40) имеется следующее интересное указание: «Безработица очень сильно индивидуализирует рабочих, и, как мало культурные люди, они иногда делают подлости, чтобы удержаться на месте. Рабочие «Никополя», так называемые «муфторезы», воруют сталь у рабочих другого цеха или покусывают, как и точилки, за свои деньги, и все боятся протестовать против такого безобразия, меж тем как эти «муфторезы» — наиболее интеллигентные и в 1899 г. они первые заявили забастовку». Но гораздо больше свидетельских показаний говорит о том, что безработица пробудила рабочих от апатии и бросила их на путь борьбы.

Всюду и везде нарастают психологические предпосылки революционных взрывов. Вот, напр., одна из множества иллюстраций этого явления. «По заводским улицам и паркам, — говорится в корреспонденции из Бежицы, Орл. губ., — то и дело видишь кучки рабочих с мрачными лицами и с сдержанной страстностью обсуждающих жгучие для них вопросы о безработице... Все причастные к заводской администрации лица спешат застраховать жизнь, а некоторые даже отправляют ценные вещи на хранение за пределы завода». Словом, настроение рабочих таково, что «достаточно стачки, чтобы запылал самый хаотический пожар в виде разгрома завода или бунта».

И это наблюдается на заводе (Брянского акц. о-ва), где в течение 25 лет (до 1898 г.) господствовали такие патриархальные порядки, что «заводская администрация не могла даже представить себе возможности иначе регулировать жизнь рабочих, чем своим абсолютным произволом». Автор очерка рабочего движения в Бежице (№№ 26 и 27 «Искры»), описывая действие агрессивной политики заводской администрации по отношению к рабочим в период кризиса, между прочим, замечает: «Рабочие представляли из себя порох, в который достаточно бросить один горячий «листок», чтобы взорвать весь завод на воздух. Но листов не появлялось, и рабочие терпели».

И действительно, при таком нервном настроении рабочих зажигательное действие революционной литературы (листов, прокламаций, брошюр и т. д.) стало очень заметным фактором революционного движения среди пролетарских слоев. — «Искра» у нас читается нарасхват, — пишет корреспондент из Орехова-Зуева, — и сколько доставлено — вся находится в ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный подъем у

рабочих»¹. В Отчете «Летучего Отряда» с-д. Союза Горно-рабочих за март 1903 г. сообщается о многих тысячах прокламаций, распространенных по заводам и рудникам Донецкого бассейна, при чем преобладают такие характеристики произведенного этой литературой эффекта: Мокеевка. Распространены «Пауки и Мухи» и «Кто наши враги?» в количестве 1.500 экз. Настроение рабочих очень хорошее. Полиция потеряла голову. Константиновка. В марте распространены «Пауки и Мухи» и «Кто наши враги?» 1.000 экз. Ждут «бунта». И т. д., и т. д.

Но не на одних рабочих «голуби» или «письма» (как рабочие окрестили прокламации и летучие листки) производили сильное впечатление. Еще более сильный эффект появление их вызывало среди полицейских чинов. В Либаве в ночь с 20 на 21 марта 1903 г. появилась масса прокламаций на латышском, русском и еврейском языках. «Полиция и жандармское управление совсем остервенели по поводу этого—говорит корреспондент «Искры».—Городовые только тем и занимались с 4-х часов утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенные прокламации». Представители администрации готовы бывают раскошелиться на значительные денежные жертвы, лишь бы изловить злоумышленника—разбрасывателя прокламаций (напр., директор Трубопркатн. и сталелит. завода в Мокеевке сулил 100 руб. за поимку такового).

Особенно сильное впечатление на обе стороны (на рабочих, с одной стороны, и на полицию и хозяев—с другой) производили первомайские прокламации. Достаточно бывает появиться пачке прокламаций даже в каком-нибудь богоспа-саемом захолустьи, чтоб вызвать необычайный переполох. В Борисоглебских ж. д. мастерских (рабочих около 1000 чел.) никакого революционного движения никогда не наблюдалось. Но вот, в 1903 г. 1-го мая были распространены в значительном количестве (около 600 экз.) прокламации Организ. Комитета. «Переполох,—пишет корреспондент,—получился страшный. Рабочие не работали. 20 июня в пятницу началась настоящая стачка». В Вышнем Волочке в том же году майские листки произвели еще больший эффект: они произвели сильное впечатление. «На улицу»—раздалось на всех трех фабриках». И в ближайшие же дни стачка охватила рабочих Прохоровской м-ры и фабрики Рябушинского. И таких примеров можно было бы привести сколько угодно.

Было бы, однако, ошибочно думать, что нервно настроенные рабочие в годы кризиса охотно прибегали к стачечному методу борьбы. Статистика забастовок говорит о том, что в

¹ «Искра», № 9. Очень характерно то, что рабочие «особенно много толкуют по крестьянскому вопросу в № 3».

период 1900—1902 г.г. забастовочная волна падает по сравнению с предыдущими годами промышленного подъема, что видно хотя бы из следующей таблицы: ¹.

Годы:	Число охваченных забастовками заведений:		Число бастовавших рабочих.	
	Абсол. число.	В ‰ к общ. числу завед.	Абсол. число.	В ‰ к общ. числу рабочих.
1895 . .	68	0,36	31.195	2,01
1896 . .	118	0,62	29.527	1,94
1897 . .	145	0,75	59.870	3,99
1898 . .	215	1,13	43.150	2,87
1899 . .	189	0,99	57.498	3,83
1900 . .	125	0,73	29.389	1,73
1901 . .	164	0,96	32.218	1,89
1902 . .	123	0,72	36.671	2,15
1903 . .	550	3,21	86.832	5,10

Число бастовавших заведений и число забастовщиков, в общем и целом, до 1899 г. повышается. Затем соответствующие числа падают, достигая минимума в 1902 г. Рассматривая трехлетие 1896—99 г.г. и следующее затем трехлетие 1900—1902 г.г., мы наблюдаем резкий скачек числа бастовавших заведений от 549 до 412 (от 0,96‰ в среднем до 0,80‰), а еще более резкий скачек числа бастовавших рабочих от 160.518 до 98.278 (от 3,56‰, в среднем, до 1,92‰).

Ясное дело, что несмотря на все ужасы безработицы пролетариат своим классовым инстинктом чувствует, что экономическая стачка ему мало поможет. И только в 1903 г. рабочее движение, принявшее характер революционной судоги, предвещающей приближение 1905 г., характеризуется поднятием стачечной волны на небывалый до того времени уровень (бастовало 3,2‰ заведений и 5,1‰ общего числа рабочих), при чем большинство крупнейших стачек имело ясно выраженный политический характер, о чем, между прочим, свидетельствуют и нижеследующие цифры:

ГОДЫ.	Число заведений, охваченных забастовками.			Число бастовавших рабочих.		
	Всего.	В том числе забаст. полит. и др. не эконом. характера.		Всего.	В том числе забаст. политич. и других не экономическ. характера.	
		абс. ч.	‰ к общ. ч.		абс. ч.	‰ к общ. ч.
1895—1897 г.	331	7	2,1	120592	756	0,6
1898—1900 »	529	27	5,1	130037	8862	6,8
1901—1903 »	837	142	17,0	155721	24584	15,8
Всего в 1903 г.	550	126	22,9	86832	19022	21,9

¹ Данные для нижеприведенных таблиц взяты из книги «Материалы по статистике труда», под ред. С. Г. Струмилина, Москва, 1920.

Судя по числу охваченных забастовками заведений, равно как и по количеству бастовавших заведений, абсолютный и относительный рост политических забастовок имеет характер быстро вздымающейся кверху волны. Правда, эта волна потом в 1904 г. резко падает (по причине войны с Японией), но с тем, чтобы в 1905 г. революционно подняться на недостижимую высоту. Особенно большим ростом политических забастовок за весь период 1895—1903 г.г. отличается последний—1903-й год. При этом любопытно отметить, что наибольшую революционность и, так сказать, политическую нервность в этом году обнаруживают рабочие, занятые в полиграфическом и бумажном производстве (из 132 забастовок, насчитываемых за все десятилетие 1895—1903 г.г., на один 1903 г. приходится 110 забастовок, что составляет 83%), в производствах по обработке металлов (119 забастовок из общего числа 319, или 37%) и в химических производствах (из 116 забастовок 91 или 79%),—в то время, как на остальные виды производства (текстильного, по обработке минеральных веществ, дерева, животных и пищевых продуктов и пр.) в 1903 г. приходится лишь 18% забастовок по отношению ко всему десятилетию.

Об эволюции рабочего движения за рассматриваемый в нашем очерке период можно судить, между прочим, по примеру, который приводится в № 38 «Искры» (корреспонденция с Урала) относительно революционизирования рабочих этого отсталого района.

«Впервые переживаемый Уралом острый кризис, сводящий заработок рабочего к голодному уровню 7—9 коп. и выкидывающий сотни и тысячи рабочих на улицу в распоряжение голодной смерти, ставит перед каждым рабочим мучительно неотвратимый вопрос—как быть? Что делать? Экономический террор, старое средство борьбы уральских рабочих, и теперь, конечно, употребляется еще в больших размерах—чуть-ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пушены в ход поджог, пуля, динамит или бомба... Но рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хоть сколько-нибудь улучшить свое положение, как не избавились от голода алапаевские крестьяне и рабочие своим одиночным нападением на заводское имущество. Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно—это первый урок, полученный уральскими рабочими от безработицы и кризиса. Но что же делать? Просить? И рабочие обращаются с просьбами ко всем властям и инстинкты, начиная с мелких полицейских властей, как в Нижне-Салдинском заводе, и кончая... архиереем, как на Верхне-Уфалейском. Темные, напрасные надежды! Мелькает, как последняя надежда, стародавняя, времен крепостного права, надежда на самого, на царя... И после полиции и администрации, после заводоуправления и архиерея, рабочие Сорянского округа отправляют телеграмму царю, жалуясь на понижение на 20% заработной платы, требуя «хлеба и работы». Время идет, растет голодная армия безработных, растут болезни и смерти (одних больных инфекционными болезнями в Пермской губ. было 13.800; в Уфимской губ. умирает 56% детей); призраком голодной смерти встает пред истомленным рабочим... А помощи

все ниоткуда, ни от кого, ни от царя небесного, ни от царя земного...

И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, самопроизвольное или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе помышлять. Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками—на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда, в поисках работы!... «Не нужно экономической борьбы. Нужна революция!»—писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все более и более распространяющееся убеждение все большей массы».

Мы привели эту длинную выписку именно потому, что она очень типична для характеристики того сдвига в рабочем движении, или, лучше сказать, той эволюции, которая в годы кризиса провела рабочую массу в России через все этапы—от смиренных челобитных по адресу полицейских властей (и даже архиереев!) к грозным выступлениям революционной улицы, под аккомпанимент ружейных залпов и свиста казацких нагаек. С одной стороны, кризис со всеми его ужасами безработицы пригнетал рабочих и доводил их до отчаяния, а с другой—способствовал их освобождению от всех иллюзий, навешенных на них проповедью господ Богдановичей и Зубатовых; с одной стороны, стачка, как орудие экономической борьбы, становилась все менее и менее целесообразным методом воздействия на капиталистов, а с другой—все более и более делалась популярными среди рабочих забастовки политические, как наиболее действительное средство сдержать бешеный напор на них капитала, растрепанного кризисом и готового ради спасения предпринимательских барышей идти на все: на локауты, на бессовестный обман рабочих и на расстрелы «бунтующей» «рабочей скотинки».

Любопытно отметить, что за рассматриваемый период все чаще и чаще возникают стачки по мотивам сочувствия и защиты интересов пострадавших от произвола фабричной администрации товарищей. В Батуме, напр., на заводе Манташева, 31 янв. 1902 г., сыр-бор загорелся из-за увольнения администрацией одного рабочего за разговоры во время работы. Забастовало 400 человек, которые твердо стояли на своей позиции, несмотря на полицейские кулаки и нагайки, а также на арест 112 чел. В то же время расчет 420 старых рабочих (в качестве «неблагонадежных») вызвал забастовку 28 февраля 1902 г. всех рабочих на заводе Ротшильда. В результате—героическая борьба забастовщиков с полицией, арест «зачинщиков», демонстрация около тюрьмы, залп в демонстрантов, десятков убитых и много раненых, после чего на всех заводах города и в Русском и в Российском обществе рабочие прекратили работу. В Кременчуге вспыхнула

стачка на табачной фабрике Зарицкого среди работниц, вступившихся за своих уволенных подруг, и т. д., и т. д. Даже штрейкбрехеры стали переводиться. Нанятые в Шуе литейщики для замены забастовщиков на чугунолитейном заводе Калашникова в Иваново-Вознесенске, как только узнали о стачке, — отказались ехать. Администрация завода поспешила сдать неотложные заказы другому, родственному ей заводу анонимного общества в Шуе. Но по просьбе рабочих Калашниковского завода Иваново-Вознесенский комитет выпустил воззвание к рабочим анонимного общества, и те тотчас же забастовали, требуя, чтобы заказы от Калашникова не принимались.

Очень часто стачечники бывают настроены более радикально, чем руководящий ими комитет. Напр., забастовавшие в Томске (в янв. 1903 г.) типографщики со второго дня забастовки настаивают на уличной демонстрации, и «комитету приходится из сил выбиваться, уговаривая рабочих выждать более удобного времени». Вообще, рабочие везде начинают входить во вкус по части демонстраций. Не говоря уже о таких крупных демонстрациях, как ростовская, любопытно, напр., отметить, что рабочие-евреи в западном крае облюбовали особый способ выявления своего политического протеста. Множество корреспонденций «Искры» из польских и белорусских городков сообщают о маленьких демонстрациях, приуроченных к похоронам, а иногда, впрочем, и к свадьбам того или иного рабочего. Около гроба собирается толпа в 300—400 человек, и растерявшаяся от внезапности импровизированной демонстрации полиция позволяет обыкновенно проходить демонстрации беспрепятственно на протяжении нескольких часов.

Революционное настроение охватывает мало по малу не только более сознательные слои рабочих, но и остальные элементы. Обыкновенно женщины из рабочей среды представляют более косную часть пролетариата, но в обстановке разгорающейся классовой борьбы рабочих с капиталистами и они, в конце концов, революционизируются. «Одним из благоприятных последствий прошлых ростовских событий, — говорится в корреспонденции «Искры» (№ 35) из Ростова на Дону, — было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, остававшиеся пассивными, в настоящее время присоединились к общему рабочему движению. Оживление среди работниц небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущих вопросов».

Очень показательно в данном отношении то движение, которое кое-где наблюдается среди домашней прислуги, т. е. в той группе пролетариата, которая всегда отличалась наибольшей забитостью и неспособностью к коллективной борьбе. Вот что, напр., сообщает корреспондент из такого воистину глухого уголка, как местечко Паричи, Могил. гу-

бернии. «Бслед за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочий день которой здесь, как и везде, ничем не ограничен. В одно прекрасное утро 25 служанок бросили работу и демонстративно прошли по улице. Ни угрозы, ни слезы (!) хозяек не помогали: прислуга требовала, чтобы в 9 час. вечера она освобождалась от работы и чтобы стирка белья не входила в круг ее обязанностей. Через два дня почти все хозяйки сдались, к остальным был применен особого рода «террор», сломивший их сопротивление. Этот «террор», к которому раньше прибегали и ремесленные рабочие, заключался в выбивании всех стекол в домах»...

Даже дети иногда не отстают от взрослых. На табачной фабрике Попова, напр. (в Одессе), подручницы—12-летние девочки—отказались работать за 30 коп. и забастовали, при этом так стойко держались, так храбро выдерживали напор полиции, которая полураздетых детей хватала на улице и тащила на фабрику, что их поведение во время стачки можно было бы поставить в образец многим взрослым рабочим-мужчинам.

За рассматриваемый период характерно то, что стачки рабочих все чаще и чаще осложняются моментом перехода мирной забастовочной картины в картину «действия», где фигурируют озверелые казаки, героические эпизоды борьбы рабочих, пули, нагайки, беспощадная расправа с пленниками... По большей части инициативу такого перехода от стачечной «индигны» к «батальной живописи» берет на себя администрация. Рабочие покидают фабрику. Возлагают большие надежды на переговоры с фабричным инспектором, исправником или губернатором. Собираются толпою. Вдруг, откуда ни возьмись—толпы полицейских или звора «донцов-молодцов»—с шашками наголо,—и пошла потеха!

Вот, напр., в начале октября 1900 г. на Прохоровских рудниках забастовало 800 чел. 3 октября на руднике № 10 рабочие остановили машину и направились к дому директора рудника для мирных переговоров. Невдалеке стояла толпа женщин и детей, семьи рабочих, в ожидании исхода переговоров. Вдруг, вызванная по телефону сотня казаков бросается без разбора дела на толпу женщин и детей и пускает в ход нагайки. Рабочие побежали на помощь к своим семьям, к ним присоединились рабочие с других шахт, и началась свалка. С утра целый день рабочие громили ненавистную контору, уничтожали все бумаги, выбивали стекла в домах служащих, пока не подоспели вызванные из Таганрога и Мокеевского завода казаки. После этого наступил час «возмездия»: загнанных в сарай рабочих (около 300 чел.) пропустили сквозь строй: свистела без устали нагайка, неистово работал во время допроса «бунтовщиков» здоровенный кулак самого начальника казачьего отряда, и даже по-

павшая под руку палача совершенно непричастная к «бунту» толпа пришлых, только что нанявшихся, рабочих подверглась на ряду с «виновниками» отвратительной экзекуции, при чем тот же герой расправы, уразумев *post factum* свою ошибку, изрек классически-великолепную фразу: «это вам, сукины дети, пусть будет авансом»...

Еще более ярким примером превращения стачечной борьбы в кровавый эпизод классовой борьбы пролетариата с его угнетателями может служить знаменитая влатоустинская бойня (13 марта 1903 г.), которая стоила очень многих жертв стачечникам рабочим (около 50 убитых и свыше 100 раненых). Здесь, в этом эпизоде, все в высшей степени характерно: и медленный, долгий путь классового самосознания политически отсталых масс, не спешивших расстаться со своим традиционно почтительным отношением к начальству, со своей верой в благожелательность «царя-батюшки»; и провокационная политика полиции, вызвавшей возбуждение толпы арестом выбранных рабочими (по приказанию губернатора) четырех депутатов; и преданность рабочих своим пленным вожакам, за освобождение которых стачечники соглашались приступить к работам на новых, продиктованных им администрацией завода, условиях; и озорство блудливого и трусливого виновника бойни—уфимского губернатора, который сначала раззадорил толпу своими мымрецовскими ухватками, пытаясь самолично выхватить из толпы и арестовать одного из рабочих, а потом, перепуганный угрожающим ропотом толпы, поспешил взбежать на крыльцо и дал сигнал к расстрелу толпы; и настроение рабочих после бойни («были дураками, поверили начальству, пришли с голыми руками»,—сетовали они по поводу преподанного им уфимским самодержцем кровавого «урока»)...

Но в 1900—1903 г.г. нередко уже случаи—и чем дальше, тем все чаще и импозантнее они становятся,—когда стачка приобретает характер активной политической борьбы, возникающей, самопроизвольно, предупреждая момент выявления эксцессов полицейского «действия», или даже разворачивается планомерно, по инициативе самих рабочих, руководимых подпольными агитаторами. Так, напр. в Петербурге, в течение мая и июня 1901 г., прокатывается волна политических забастовок. На Выборгской стороне обыкновенная забастовка, начавшаяся на ткацкой фабрике Чешера из-за дурной питьевой воды и т. под. поводов, быстро распространилась на ряд соседних фабрик (Воронинскую м-ру, Самсоновскую, зав. Лесснера и др.), причем рабочие забаррикадировали два переулочка, а запоздавшей полиции и солдатам приходится провозиться несколько часов, прежде чем они успевают одолеть эти препятствия и начать расправу. Следует заметить, что в рассказанном эпизоде более инициативные

группы рабочих заставляют насильно присоединяться к ним колеблющихся, пуская в ход камни и т. п. Такую же точно картину представляет забастовка летом 1901 г. в Серпухове. Рабочие с Коншинской мызы заставляют бастовать других коншинских рабочих, угрожая в противном случае расправиться с ними с помощью красного петуха и пустить их по миру. И здесь—вначале мирная стачка скоро перешла в действие: был подожжен склад дров Коншина, и только подоспевшие казаки успели ликвидировать дальнейший погром. Еще решительнее действуют рабочие (5.000 чел.) Воткинского завода (в апреле 1902 г.), у которых оказались очень инициативные руководители („студенты“). Бросив работу, рабочие прежде всего оборвали телеграфные проволоки, проникли в контору, вывели оттуда управляющего и доктора, держа над их головою красное знамя и, несмотря на упорное сопротивление, заставили управляющего подписать их требование 8 час. рабочего дня; затем они арестовали исправника, заставили станowego (разгромив, кстати, его квартиру) освободить из-под ареста их „студентов“, забаррикадировали плотину своего пруда, поставили на нем пушку (одну из заготовленных на заводе) и успели заразить своим настроением Ижевский казенный завод, где работало до 30.000 человек. Правда, этот революционный порыв кончился поражением рабочих и жестокой расправой с ними (35 чел. из числа арестованных рабочих были подвергнуты наказанию розгами). Тем не менее, то обстоятельство, что такие вспышки могли иметь место, очень симптоматично в смысле барометрического показателя надвигающейся революционной грозы.

Не умножая примеров в том же роде, упомянем еще о знаменитой ростовской стачке, начавшейся 2 ноября 1902 г. с забастовки котельщиков в главных мастерских Владик. ж. д. (всего в мастерской около 4.000 чел.). Выставленные забастовщиками требования имели чисто экономический характер (9 час. раб. день, повышение жалованья на 20% и т. д.). В ближайшие же дни к стачке присоединились рабочие ряда других предприятий (ж. д. депо, завода Пастухова, зав. Панина и др.). Стачка становится сразу чрезвычайно популярной, и стихия революционной вспышки торжествующего ростовского пролетариата на протяжении трех недель захлестывает жизнь сонного до того времени городка. Полиция и жандармерия растерялись до такой степени, что несмотря на целую армию „христолюбивого воинства“ (в разгар стачки из Екатеринослава было вызвано 2.000 солдат), несмотря на все победы и одоления этого воинства (9-го ноября, напр., после залпа в толпу, 7 чел. остались на месте убитыми и 15 было ранено), революционная лихорадка в городе не прекращалась многие дни и недели. Главное место митингов—Темерникская балка—становится на некоторое

время вне пределов полицейской досягаемости. Изодня в день, несмотря на всевозможные запрещения и угрозы египетскими казнями, это излюбленное место сходок в Ростове заполняется огромной толпой, которая с каждым днем становится все больше и больше. Первоначальные митинги в 3—4 тысячи скоро превращаются в грандиознейшие собрания, на которых присутствует 15—20 тысяч человек. Толпа жадно прислушивается к каждому слову, выходящему из уст неуловимого для полиции комитетского оратора, и выбрасываемые руководителями революционные лозунги становятся для наэлектризованных масс высшим законом, стилизирующим их волю. На прокламации появляется огромный спрос. „Чернь,—пишет один корреспондент,—со времени Перона не бросалась так на хлеб, как присутствующие на прокламации. Происходила ужасная давка. Один рабочий, чуть не плача, кричал: „хоть одну прокламашку“...

Влияние ростовской стачки было огромно. В целом ряде городов она отозвалась весьма заметным повышением революционной температуры в рабочих кварталах.

Самое же существенное, однако, что следует отметить в ростовских событиях, так это момент слияния в одно революционное целое „героев“ и „толпы“. По этому поводу „Искра“ замечает, что ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху массовых демонстраций. „Демонстрация „героев“,—говорится в статье „значение ростовской стачки“ (№ 32 „Искры“) —проживающихся перед „толпою“, отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми, или их вовсе не должно быть“. Иначе сказать—ростовская стачка 1902 г. свидетельствовала уже о таком глубоком заражении русского пролетариата революционной бациллой, которое позволяло „Искре“ радостно восклицать: „Весело жить в такое время!“

И действительно, демонстрация все более и более становится излюбленной формой политического протеста улицы. Если еще в 1901 г. рабочие массы выступали под чужим флагом в качестве попутчиков „бунтующего“ студенчества, то уже в 1903 г., когда студенческая жизнь вошла в русло академического мирного бытия, мы видим тысячи и десятки тысяч демонстрантов, запружающих улицы не только столиц, но и промышленных центров второго или третьего порядка. Так, напр., „мартовские иды“ в 1903 г. ознаменовались рядом крупных рабочих демонстраций на юге России—в Ростове, в Баку, в Тифлисе, в Батуме. Опять-таки Ростов Н./Д. и на этот раз представляет наиболее импозантное зрелище, когда десятитысячная толпа, запрудившая Садовую улицу, в течение полутора часов владела этой последней и расхаживала по ней со знаменами взад и вперед.

Но самым показательным явлением роста революционных настроений среди масс следует считать первомайские демонстрации и забастовки. Не нужно забывать, что к первомайским дням усиленно готовятся не только с.-д. комитеты, но и полиция¹. Обыски, аресты и высылка во всех местах, где охранники чувят „первомайский дух“, принимают обыкновенно в эти моменты бешеный характер, и тем не менее 1-е мая (по старому или новому стилю, а иногда, из стратегических соображений, не 1-е мая, а какой-нибудь воскресный день, близкий к 1 мая) все с большим и большим упорством становится днем массового выявления пролетариатом своей подлинной классовой природы.

В 1901 г. на 1-е мая откликнулись рабочие городов—Петербург, Тифлиса, Варшавы, Лодзи, Харькова, Киева, Одессы, Симферополя и некоторых других. Но более или менее внушительно этот праздник проходит только в Польше (в Варшаве была организована демонстрация в 15 тысяч, в Лодзи состоялась сходка в 30.000 рабочих) и в Тифлисе, где толпа в 3.000 чел. восторженно приветствовала знамя с лозунгами 8-час. раб. дня и объединения рабочих всех стран. Но несмотря на значительное распространение первомайских прокламаций (было выпущено около 40.000 экземпляров общей прокламации от имени ряда русских комитетов и зарубежных организаций, в том числе и „Искры“), первомайский праздник не пользуется еще той популярностью, какую он приобретает в последующие годы. Даже в Петербурге 1-е мая не будоражит рабочую массу. С Обуховского завода не вышло на работу в объявленный день праздника только 1.500 чел. (15%), и только знаменитая обуховская бойня после 1-го мая (в связи с увольнением 26 человек) оставила яркий кровавый след от этого пролетарского праздника в столице.

В 1902 г. празднование 1 мая охватило большое количество местностей. Судя по корреспонденциям в „Искре“, „Рев. России“ и „Последних Известиях“, около 35 городов стали так или иначе ареною такого празднования. Более внушительные демонстрации имели место в Саратове, Сормове, в Нижнем, Вильне, Баку. На этот раз царское правительство и его полицейские самодержцы проявили такую нервность, которая выходила из ряда вон. Целый ряд судебных процес-

¹ В одном из донесений директору Д-та полиции начальника киевского губ. жанд. упр. от 16/III 1902 г. имеется такое характерное признание: „Так как обыски 10 апр. будут сопровождаться личным задержанием только в зависимости от результатов таковых, то в конце будущего месяца, около 25-го числа, имеется в виду повторение ликвидаций, целью которых будет, главным образом, хотя бы временное изъятие из кружковой среды агитаторов, так или иначе могущих влиять на подговоров и руководство майских демонстраций, к организации коих теперь будут направлены все революционные силы“. (Дело Д-та пол. № 850, Особ. отд. „Розыска на юге России“).

сов (по поводу саратовской дем-ии, сормовской и др.) обнаружил ясную тенденцию правительства бороться с первомайской заразой путем каторжных приговоров. А в Вильне пресловутый палач фон-Валь приобрел историческую известность, подвергнув арестованных 55 человек майских демонстрантов сечению розгами, что и вызвало со стороны рабочего Гирша Лекерта ответный акт мести в форме выстрела (к сожалению, неудачного) в превосходительного негодая.

В 1903 г. первомайский праздник был отмечен почти повсеместным выступлением пролетариата в той или иной форме. Во многих городах комитеты отменили демонстрации в виду угрозы полицейских властей повторить в местах революционного выступления пролетариата опыт кишиневского погрома. Тем не менее, 1-е мая праздновалось в 63 городах. Особенно оживленно встречен был первомайский праздник на Кавказе (в Тифлисе, Баку, Кутаисе) и в Томске. Но, в общем и целом, импонировали не столько открытые выступления демонстрантов, сколько первомайские прокламации, в небывалом количестве распространенные по всем градам и весям в России. В Петербурге Комитет выпустил из своей типографии 13.000 прокламаций, но и в прочих местах—в среднем тысячи две-три прокламаций в каждом пункте первомайского движения гуляло по городу. Один лишь Организационный Комитет выпустил 300.000 прокламаций. Таким образом лозунги революционной социал-демократии: «долой самодержавие! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствует 8-часовой рабочий день» и т. д.—залетели в самые глухие уголки, повсюду пробуждая сонную мысль обывателя, повсюду подымая революционное настроение масс.

Чтобы, наконец, ответить на вопрос, какова была картина рабочего движения в территориальном разрезе, приведем нижеследующую таблицу:

Процентное распределение числа забастовок и бастовавших рабочих по промышленным округам.

Промышл. округа.	Петроградский (10 губ.).		Московский (7 губ.).		Варшавский (13 губ.).		Харьковский (11 губ.).	
Годы.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.
1895—1897	24	40	28	44	29	14	3	1
1898—1900	15	34	12	23	14	32	5	8
1901—1903	8	25	13	23	16	7	35	27
В т. ч. в 1903	5	16	13	22	11	5	45	32
За весь период (1895—1916)	31	43	12	23	33	18	12	9

Промышл. округа.	Поволжский (10 губ.).		Киевский (10 губ.).		По всем горо- дам.	
	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.
1895—1897	2	—	14	1	100	100
1898—1900	7	1	7	2	100	100
1901—1903	4	2	23	17	100	100
В т. ч. в 1903	2	1	24	24	100	100
За весь период (1895—1916)	6	3	6	3	100	100

Обнаруживается следующее обстоятельство: основными традиционными центрами движения являются округа Петроградский (гл. обр., Петроградская губ., на которую приходится 65‰ всего числа забастовок в округе и 71‰ бастовавших рабочих), Московский (гл. обр., Моск. губ.: 65‰ забастовок и 50‰ баст. рабочих) и Варшавский: на охватываемые этими округами 30 губерний приходится за весь период 1895—1916 г.г. $\frac{3}{4}$ всех забастовок (76‰) и свыше $\frac{1}{5}$ числа бастовавших рабочих (84‰), а за два первых трехлетия (1895—1897 и 1898—1900 г.г.) $\frac{4}{5}$ забастовок (на 81‰) и еще больший ‰ баст. рабочих (98‰ и 85‰). Остальные 30 губерний—юга и Поволжья—характеризуются соответственно ничтожными цифрами. Но вот наступает бурное революционное трехлетие 1901—1903 г.г. с его особо выпуклым 1903 годом, и картина резко изменяется: Петроградский и Варшавский округа перестают быть центрами движения, но за то юг (Харьковский и Киевский округа) становится новою ареною классовой борьбы пролетариата: вместо прежних скромных цифр за два трехлетия до периода «Искры» (12—17‰ забастовок и 2—10‰ забастовщиков) перед нами вдруг вырастает грандиозный показатель крупного движения в 1901—1903 г.г.: 58‰ забастовок и 44‰ баст. рабочих, а в 1903 г.—69‰ забастовок и 56‰ баст. рабочих. Одним словом, искровское трехлетие, и в особенности 1903 год, характеризуются, как пробуждение классового пролетарского самосознания в районах промышленного юга, которое отодвигает на задний план такие старые центры промышленной жизни и рабочего движения, как Петербургская губ., Варшавская и пр.

Указанное обстоятельство (перенесение центра тяжести в рабочем движении России с севера на юг) сказывается и в корреспонденциях «Искры». Петербург сравнительно спокоен. В 1901 г. импонирует один только Обуховский завод. В 1902 г. ничего заметного по части рабочих волнений в Питере не произошло. В 1903 г. наблюдается некоторое ожи-

вление: забастовка (и увольнение по распоряжению градоначальника Клейгельса) 3.000 раб. на Ниточной фабрике Штиглица, ряд слабых стачечных движений весной и летом (на фабр. Т-ва Механич. пр-ва, у Паля, у Максвеля, у Воронина, у Лебедева, на фабр. концертных пианино Оффенбахера, в Варшавских жел.-дор. мастерских) и несколько других фактов того же порядка.

Корреспонденции из Москвы и Московской губернии точно также не богаты фактами революционной борьбы рабочих. Все они полны жалоб на тяжелые условия труда, но о ярких проявлениях протеста рабочих против этих условий труда в них говорится очень мало. Преобладают пессимистические нотки: рабочие массы развращаются зубатовскими провокаторами, жертвы фабричного режима господ Морозовых продолжают реагировать на него тупым терпением и покорностью своей судьбе и т. д. и т. д. Изредка только промелькнет известие, что стачки на фабрике Муси, Жиро, на Даниловской м-ре или на машиностроительном заводе Гужона знаменуют собою то, что «рабочие начинают терять терпение»...

Иную картину представляет развитие рабочего движения на юге. 1901 год еще не знаменуется крупными событиями. Время от времени вспыхивают небольшие стачки лишь в ремесленных мастерских и на небольших фабриках (по б. ч. табачных): бастуют портные—в Одессе, Харькове, Киеве,—заготовщики (в Одессе), шорники и токари (в Кишиневе); в Тифлисе прокатывается волна мелких стачек (в янв. и февр. числом около 15) на табачных фабриках и в типографиях, там же в августе бастуют войлочники, набивщики и мундштучники,—и т. д. и т. д.

Но все это составляет как бы прелюдию к последующей борьбе. Уже в начале 1902 г. Кавказ становится ареною военных столкновений между эксплуатируемыми и эксплуататорами. В Батуме забастовка охватывает ряд нефтепромышленных заведений—Манташева, Ротшильда, Аكوпова; у Ротшильда забастовка сопровождается эпизодами кровавой расправы со стачечниками. В то же время разыгрываются крупные беспорядки в Судине (Донской обл.), на металлургическом заводе Пастухова. В Таганроге (в предм. Касперовке) бастуют доменный и листопрокатный цехи. Довольно бурно проходит традиционный май в Баку, в Харькове, в Ростове Н/Д, в Одессе. Об этой последней корреспонденция пишет: «Рабочее движение с начала нынешнего года приняло ярко политический характер». Летом то там, то сям (в Харькове, в Астрахани и т. д.) вспыхивают стачки. Наконец, в конце года весь юг начинает бить уже настоящая революционная лихорадка. Тон задает Ростов на Дону с его знаменитой ноябрьской стачкой. Отзвуки этой стачки дают себя знать в ряде

местностей (в Новороссийске, в Тихорецкой и т. д.). И затем опять Кавказ: за тифлисскими стачками в августе и сентябре следуют крупные стачки в Батуме: напр., на заводе Ротшильда (1.500 чел.) и т. д.

Наступает 1903 год, и движение необычайно ширится, все более и более приобретая характер политической борьбы. Если даже пройти мимо целого ряда более мелких фактов забастовочной борьбы в начале года (движение среди приказчиков в Одессе, забастовка 750 чел. в Таганроге на заводе Вильде и Неве и т. д.), то нельзя не отметить, так сказать, эпидемии рабочих демонстраций в «мартовские иды». Некоторые из этих демонстраций приурочиваются к 19-му февраля (напр., в Одессе), некоторые в память героического акта первомартовцев-народовольцев (ростовская демонстрация), иные к годовщине прошлогодних событий (в Батуме 9 марта), а не то и просто без всяких поводов. И опять таки Ростов и на этот раз побивает рекорд. В ростовской демонстрации 2-го марта приняли участие около 30.000 человек. Очень хорошо задуманная и очень удачно начатая (донской комитет совершенно неожиданно для полиции воспользовался для своих целей традиционными кулачными боями на Темерникской балке)—эта демонстрация обошлась демонстрантам сравнительно дешево, а между тем произвела значительный эффект, повысив настроение масс до уровня прошлогоднего подъема во время ноябрьской стачки.

Но, само собой разумеется, все это были только цветки, лишь предупреждавшие скорое появление ягодок. Летом прокатились по всему югу небывалой до того волной, похожей на 9-й революционный вал, знаменитые всеобщие стачки. Баку, Тифлис, Киев, Елисаветград, Одесса, Николаев—таков был последовательный маршрут «красного призрака», появившегося на юге России. Революционная стихия как то вдруг так властно захлестнула весь юг, что даже городовые, очень часто забывая о своем прямом назначении—давить, душить, действовать кулаками и шашками, позволяли себе выражать сочувствие забастовщикам; дворники, случалось, сбрасывали с себя знаки своего достоинства, и заявляли, что за получаемые ими жалкие гроши они несогласны подвергать свою жизнь опасности в борьбе с «внутренним» врагом¹. Интересно при этом отметить, что во многих случаях рабочие примыкали к стачке по сочувствию к товарищам, вступившим на путь борьбы. Чувство классовой солидарности давало себя знать на каждом шагу. «Братские приветствия, возгласы, полные бодрости и восторга, вольные песни, жизне-радостные шутки носились над тысячными толпами, следовавшими через весь город с утра до вечера,—пишет одес-

¹ См., напр., корреспонденцию из Баку в № 45 «Искры».

ский корреспондент «Освобождения».—Настроение было самое приподнятое, хотелось верить, что водворится новая лучшая жизнь на земле».

Но на ряду с этими положительными чертами вспыхнувшего движения нельзя не обратить внимания и на симптомы революционной незрелости рабочих масс. Так, например, в Одессе «независимцы» не без успеха пытались натравить более отсталые массы рабочих («экономистов») на сторонников политической борьбы. Такую же неорганизованность движения можно было наблюдать в Балаханах и в других местах. Наконец, по общему отзыву всех свидетелей событий, везде чувствовался недостаток штабного руководства. Напр., в Баку 7-го июля пятнадцатитысячная толпа напрасно простояла 6 часов в ожидании такого оратора, который выразил бы общее настроение и сформулировал бы требования. И партийный комитет, слишком поздно узнавший об этом собрании, и «Бакинский стачечный комитет» оказались бессильны предотвратить эту крупную неудачу, повлиявшую на исход дальнейших событий. Одним словом, было очевидно, что для России наступил уже канун революции, но не самая еще революция.

V. Организационное строительство «Искры»

1. Организационные принципы «Искры».

Организационные планы и принципы «Искры» нашли себе полное выражение в ряде статей на страницах газеты (напр., в ст. «С чего начать»), в известном «Письме к товарищу»¹ и, главным образом, в книге «Что делать» (главы IV и V). В этом отношении, как и во всех остальных вопросах социал-демократической теории и практики, главным выразителем организационных принципов старого искровства явился Ленин, который со свойственной ему тенденцией к уточнению и заострению всякого спорного вопроса в его конкретных разветвлениях, на основе широко поставленной проблемы социал-демократических задач и целей, разработал схему организационного строительства русской социал-демократии с исчерпывающей обстоятельностью. Отобразить с желательной полнотой картину его мыслей по вопросам организации партии—это значило бы уделить в настоящем очерке непропорционально много места перепечатке блестящих страниц из

¹ Письмо это написано Лениным осенью 1902 г. Поводом к «Письму» послужил проект «Организации СДР. революционной партии», набросанный одним из искровских работников (кажется, Шнейерсоном, тогда еще довольно близко стоявшим к «искровцам»).

соответствующих глав «Что делать», или из «Письма к товарищу» и т. д., чего решительно не позволяют размеры очерка. Поэтому мы ограничимся здесь указанием на основные моменты организационных принципов «Искры» и ее схемы организационного строительства.

а) Рост и развитие революционных организаций отстает не только от роста рабочего движения, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа.

б) В зависимости от целей и задач классовой политической борьбы пролетариата—его партия должна перейти от кустарничества практиков «экономической борьбы с хозяевами и правительством» к широкому размаху в деле организации рабочего класса под знаком политических выступлений его—против самодержавия в первую голову.

в) Для руководства такого рода политической борьбой как самого пролетариата, так и его социальных попутчиков, должна быть создана в высшей степени конспиративная (применительно к русским условиям), довольно узкая организация профессиональных революционеров (из среды интеллигенции или рабочих). Эта организация революционной социал-демократической партии существенно отличается от организаций рабочих масс, которые (организации) должны быть, во 1-х, профессиональными, во 2-х, возможно более широкими и, в 3-х, возможно менее конспиративными.

г) Необходимо начинать с прочной постановки крепкой организации революционеров для обеспечения устойчивости движения в его целом (в деле осуществления и социал-демократических, и, собственно, тред-юнионистских целей), а не идти в обратном направлении, сначала закладывая основы профессиональной борьбы,—что повело бы только к облегчению доступа в массы идей тред-юнионизма Зубатовского или Озеровского типа.

д) «Централизация конспиративных функций организации вовсе не означает централизации всех функций движения». В «Письме к товарищу» этот тезис сформулирован так: «Если в отношении идейного и практического руководства движением и революционной борьбой пролетариата нужна возможно большая централизация, то в отношении осведомленности о движении центра партии (а следовательно и всей партии вообще), в отношении ответственности перед партией нужна возможно большая децентрализация».

е) Не сужая политической борьбы по ее содержанию до заговора, социал-демократическая партия по своей форме должна представлять такую крепкую революционную организацию в самодержавной стране, которая может быть названа и «заговорщицкой» («конспирация»—«заговор»).

ж) Основанный на признаке полной гласности и выборности «демократический принцип» в применении к революционной организации—«в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть пустая и вредная игрушка».

з) Не только в области политической борьбы, но и специально-экономической—центр тяжести должен быть передвинут с местной на общерусскую работу.

Вот, приблизительно, те тезисы, которые легли в основу организационных построений «Искры» и которые развиты в книге «Что делать». В высшей степени любопытный, однако, документ представляет и «Письмо к товарищу», как попытка применить общие принципы организационного строительства (так сказать «алгебру» организационной проблемы) к конкретным формам этого строительства (к организационной «арифметике») — применительно, напр., к плану организации петербургской работы партии.

В этом «Письме» имеется, между прочим, очень существенное указание на то обстоятельство (не подчеркнутое в «Что делать»), что «у нашей партии могут и должны быть два руководящих центра: ЦО (центр. орган) и ЦК (центр. комитет)». При этом поясняется, что единство действий между двумя этими центрами, делящими между собой функции идейного и практического руководства, должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и составом обеих групп (надо, чтобы в обеих группах, и в ЦО и в ЦК были вполне спевшиеся между собою люди).

Что же касается местного комитета Р.С.-Д.Р.П., то он должен быть один в пределах данной местности, включая в свой состав и революционеров интеллигентов, и вожakov рабочего движения из среды самих рабочих. Число членов комитета не должно быть слишком велико—в интересах более высокого революционного уровня в составе комитета, но оно должно быть достаточно для заведывания всеми сторонами дела. Все дальнейшие учреждения, которых должно быть очень много,—районные организации, заводские («всегда и повсюду»), кружки пропагандистские, профессиональные, студенческие, литературные и т. д. и т. д.—должны быть соподчинены комитету. Всем этим подчиненным комитету кружкам и организациям должно быть предоставлено право доводить свои решения, желания, запросы до сведения как комитета, так и ЦО и ЦК.

Очень большое значение в Письме придается функции по передаче литературы (газет, листов и пр.) в заводы, в рабочие квартиры и, вообще, в область периферии. В этом отношении необходима постоянная тренировка передатчиков, которых следует приучать к выполнению своей роли исподволь, «обязательно проделывая это раза по два, по три в месяц».

В районных кружках могут иметь место совещания по всем партийным вопросам, и даже можно допустить самостоятельность районной группы в вопросах о технике передачи и распространения, но решать все общие вопросы местного движения должен только комитет, который, кстати сказать, определяет и состав подчиненной ему организации, поручая одному—двум своим делегатам подбор этого состава. Пропаганда должна быть тоже строго централизована и состав пропагандистской единой группы также определяется комитетом. По тому же типу поручений, по типу филиальных отделений комитета должны быть организованы все вообще группы, обслуживающие местное движение.

При такого рода строгой централизации не исключена возможность опасности для дела, если случайно в центре окажется наделенное огромной властью неспособное лицо. Но средством против этого не могут служить выборность и децентрализация, недопустимые в революционной работе при самодержавии, и борьба со злом, если таковое обнаружится, должна заключаться только в мерах «товарищеского воздействия», начиная с резолюций и кончая, в худшем случае, свержением неспособной власти.

Огромная роль в данной революционной схеме отводится заводским кружкам: «ведь, вся главная сила движения,—говорит автор «Письма»—в организованности рабочих на крупных заводах», из которых «каждый должен быть нашей крепостью». Но и в заводских кружках «хозяином» должна быть обязательно группа революционеров рабочих: с традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций должно порвать совершенно до заводских кружков включительно. Если нельзя составить такого революционного ядра (заводского подкомитета), то возможно ограничиться назначением одного агента от комитета. Дальнейшее расширение революционной работы на данном заводе идет по общему типу разветвления, и образования различных групп и кружков, более или менее широких и «свободных», подведомственных центральному, достаточно законспирированному, заводскому подкомитету.

Таким образом, через всю организацию проходит красной нитью система строгой централизации по типу заговорщических организаций. Здесь предполагаются самые разнообразные группы и кружки, с различной степенью оформленности и конспиративности (в зависимости от их функций),—начиная наиболее «строгой», узкой, замкнутой, и кончая «свободной», широкой, открытой и мало оформленной (lose organisation). Но и в центральных, и в периферийных группах члены партии обязаны формальной ответственностью за ведение своего дела в группе, а для реализации этой ответственности необходимо, чтобы перед Ц.К. и Ц.О. были

наиболее открыты и состав каждой группы, и весь механизм ее работы. «Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает уходить) и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п.». Вот формула, в которой хотя и метафорически, но очень характерно отобразился основной организационный принцип старого искровства и которая впоследствии была подхвачена меньшевиками, как мишень для насмешек и нападок.

К сказанному следует добавить еще, что автор «Письма», начавший с разбора наброска устава, приходит в конце концов к тому заключению, что в сущности любая местная организация может обойтись и без устава, «заменив его регулярной отчетностью о каждом кружке, о каждой функции работы». Действительно полезная и необходимая оформленность достигается не уставами, а исключительно партийной гласностью. «И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, — говорится в конце письма, — у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого опыта могут вырабатываться не бумажные уставы».

2. Заграничные организации русских социал-демократов.

Появлению «Искры» предшествовала длинная эпопея борьбы между двумя фракциями объединения эмигрантов социал-демократического направления, под именем основанного по инициативе группы «Освобождения Труда» «Заграничного Союза социал-демократов». Группа «Осв. Тр.» должна была уступить ряд своих позиций так называемым «молодым», отдала им редакцию прежнего органа «Союза», который стал выходить под новым названием (вместо прежнего «Работника» стало выходить с 1893 г. «Рабочее Дело») и вела непрекращающуюся войну с «оппозицией». Во главе рабочедельцев стояли опытные литературные работники — Кричевский, Теплов, В. Иваньшин, и около «Рабочего Дела» группировалось большинство эмигрантов — социал-демократов. К группе Плеханова примкнуло лишь несколько «свежих» сил (Лейтейзен-Линдов, Гольденберг-Мешковский, Бауман-Полетаев), а в общем и целом, в количественном отношении силы были неравны. «Рабочее Дело» не спешило явно солидаризироваться с наиболее махровыми представителями экономизма и той разновидности либерализма, с которым тесно связаны имена пресловутой парочки — Прокоповича

и Кусковой, но у него мало-по-малу образовалось из осколков рабоче-мысленства правое крыло во главе с Тахтаревым. Попытка к примирению двух лагерей на съезде «Союза» в апреле 1900 г. окончилась полной неудачей: Плеханов и его единомышленники ушли со съезда, порешив образовать новую заграничную организацию, под названием «Социал-демократ»¹. Отдельно в стороне стала небольшая «инициативная» группочка (Рязанов, Стеклов-Невзоров, Гуревич Е. Смирнов), которая поставила перед собою почтенную задачу примирить враждующие стороны, но, потерпев полную неудачу с этой стороны, повисла в пространстве в качестве самостоятельного созвездия и впоследствии самоопределилась, как независимая литературная группа «Борьба».

Неизвестно, сколько бы еще времени пришлось Плеханову вести трудную для него оборонительную борьбу против наседавших на него «молодых», если бы на горизонте не появилась вдруг подмога: летом 1900 г. в Швейцарию прибыл Ленин с Потресовым. Вскоре подоспел и Мартов. Яркой звездой первой величины засияла «Искра». Рабочедельцы и «молодые» поубавили спеси и обнаружили склонность к примирению. Само собою разумеется, что прежде всего около этого примиренческого дела с радостью и энтузиазмом стала хлопотать «инициативная группа» Рязанова и Невзорова. Казалось, что ее провиденциальная задача заключается в том, чтобы примирить «драчунишек» и создать дивную идиллическую картину мирного сожительства Кричевского с Плехановым и Лениным. В июне 1901 г. по этому поводу состоялось объединительное совещание² в Женеве между

¹ Этот раскол осложнился спорным вопросом о типографии, принадлежавшей «Союзу». Михаил Сушинский, в руках которого находилась эта типография, отказался выдать ее одной из расколовшихся частей (Кричевскому и К^ю). Впрочем, обе стороны вскоре поделили между собою типографские ресурсы «Союза», и не в этом приводящем факте, а также не в других, мало существенных эпизодах на съезде, вроде реплики Стеклова, не вполне отвечавшей правилам парламентской сдержанности в выражениях, следовало бы искать объяснения основной причины раскола, а в том, совершенно верно отмеченном впоследствии «Искрою» обстоятельстве, что «Рабочее Дело» «было неправо по существу полемике: оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ним» (см. отдел «Из партии» в № 1 «Искры»). Сторонники же «Рабочего Дела», — напр., такая «дружественная держава» по отношению к нему, как «Раб. Мысль» — продолжали рассматривать уход со съезда представителей группы «Осв. Труда» и «Социал-демократ», как случайный эпизод, как злостную выходку Плеханова, отнюдь не нарушающую цельность Союза и его правомочную роль. По этому поводу «Искра» должна была выступить с надлежащей отповедью (см. «Ответ Спб. Комитету» в № 9 «Искры»).

² Об этом совещании см. «Историю Росс. с.-д.-ин» Мартова. Несколько интересных подробностей дает помещенная в № 5 (17) «Пролетарской Революции» статья Стеклова: «В ссылке и в эмиграции».

представителями различных групп для подготовки нового заграничного съезда. На совещании были представлены «Рабочее Дело» (делегаты «Союза» Кричевский и Акимов), «Искра» (Мартов), Бунд (Коссовский), группа «Борьба» и «группа инициаторов» (Е. Смирнов, Невзоров) и группа «социал-демократ» (Кольцов). После долгих и горячих прений восторжествовала точка зрения левого крыла совещания (Мартова), и единогласно была принята платформа, в которой констатировалось, что «между представленными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации». Взамен прежних заграничных организаций предполагалась была объединенная организация «Заграничный Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии». В основу принципиального соглашения были положены следующие тезисы: 1) отрицательное отношение ко всяческим попыткам внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата (экономизма, бернштейнианства и мильеранизма). 2) Ближайшей политической задачей рабочего класса в России является низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. 3) В деле осуществления этой задачи Р.С.-Д.Р.П. стоит во главе всех угнетенных слоев нации. 4) В круг деятельности с.-д.-и входит: а) руководство борьбой пролетариата как экономической, так и политической; б) поддержка оппозиционных слоев; в) пропаганда идей научного социализма и борьба с противниками революционного марксизма. 5) Тактика с.-д.-и сводится к следующим положениям: а) низвержение самодержавия, как ближайшую политическую цель, с.-д.-и не должна упускать из виду во всех сферах своей организационной и агитационной деятельности. б) агитация должна вестись не только на почве повседневной борьбы труда с капиталом, но и на основе общего положения пролетариата и трудящихся масс, вообще—в государстве и обществе; в) содержание агитации должно быть подсказано не теорией стадий, а общим социально-политическим положением рабочего класса и с.-д. программой; г) необходимость критики тех течений, которые возводят в принцип элементарность и узость низших форм социалистической деятельности; д) средства с.-д.-ской борьбы определяются соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

Если бы рабочедельцы достаточно искренно и всерьез признали эту платформу, совпадающую с искровской линией, то объявленное на конференции объединение и в самом деле могло бы оказаться прочным и чреватым благами.

последствиями. Но, «гони природу в дверь, она войдет в другую». Перед объединительным съездом, на котором акт упомянутого соглашения должен был получить авторитетную санкцию, рабочедельцы выпустили знаменитый № 10 «Раб. Дела» со статьями Кричевского и Мартынова, снова воскресавшими экономизм, как ни старались авторы статей туманной фразеологией затушевать свою прикосновенность к этому течению. На самом съезде (в августе 1901 г.) представители «Раб. Дела» выступили с рядом поправок, существенно изменявших выработанную на конференции платформу. Искровцы еще раз имели случай убедиться в верности той истины, что «прежде чем объединиться, нужно размежеваться». Произошел раскол. Представители «Искры» и группы «Социал-демократ» покинули съезд после двухдневных горячих но бесплодных споров со своими противниками.

После этого эпизода попыток к сближению между левым и правым крылом социал-демократической заграничной группы больше не было вплоть до 2-го съезда партии. Группа «Искра» и «Социал-демократ» объявили себя отдельной организацией под названием «Заграничной» Лиги революционных социал-демократов». Искровцы и рабочедельцы поддерживали еще некоторую видимость организационно-федеративной связи, а на самом деле между обоими фракциями идет глухая, но упорная борьба за влияние в русских комитетах. Для характеристики этой борьбы приведем отрывок из конспиративного письма от 21 марта 1902 г. заграничных искровцев («от Кати») в Самару, заменив, для удобства чтения, ряд конспиративных терминов и кличек общепонятными словами.

«Съезд¹ назначен благодаря стараниям Петербургского Комитета и Бунда. Момент выбран крайне неудобный во всех отношениях—после разгрома, когда еще не вышла брошюра (только что вышла теперь)². Момент крайне неудобный, но и ПБ комитет и Бунд это прекрасно понимают, но они понимают точно также и то, что чем дальше, тем невыгоднее будет становиться их позиция и выгоднее наша. Настроены они к нам очень враждебно. Вы не знаете всех (их) козней. Агент «Рабочего Дела»³ настроил комитеты против нас, специально предпринимал для этого обезд. СПб. комитет и Бунд большие друзья «Раб. Дела». Очень вероятно, что съезд поведет к расколу»⁴.

Или вот еще характерный отрывок из другого заграничного письма (искровского) в Одессу от 2 дек. 1901 г.

¹ Речь идет о «съезде» в Белостоке весной 1902 г., превратившемся в простое совещание.

² Брошюра—«Что делать» Ленина.

³ Вероятно, Мих. Гр. Коган.

⁴ Дело Д-та пол., № 825, ч. 8, Особ. отд.

«Союзники выпустили брошюру «2 с'езда». Первый—их очередной. При описании этого с'езда они выхваляют свои великие заслуги перед отечеством; второй—объединительный. Тут они с грязью мешают «Искру». Уверяют, что «Искра» вносит повсюду дезорганизацию, приглашают комитеты положить этому конец, утверждают, что «Искра» презрительно относится к малоразвитым массам, что «Искра»—непрощенный «спаситель», от которого партия должна поскорее избавиться. Вообще, стараются о пользах отечества. По России ездит «Союзник» (вероятно, Коган. П. Л.) и агитирует. Грач (Бауман. П. Л.) писал, что у них «Союзник» требовал прекращения всяких сношений с «Искрой», говорил, что все комитеты признают только «Рабочее Дело» и т. д. Ради экстренности случая в Москве были сразу созданы два комитета (раньше они не подавали ни малейших признаков жизни),—оба комитета высказались за «Рабочее Дело»¹.

В такой атмосфере «размежевания» шла организационная работа искровской заграничной организации по объединению партии. Главная тяжесть этой работы падала на Надежду Константиновну Крупскую, которой долгое время приходилось играть роль того всевидящего ока, которое по организационной схеме Влад. Ильича должно быть присуще административному центру партии. Оттуда, из заграничного далека, шли назначения искровских «агентов». Этих последних, действительно, получилась целая «сеть». Все они были связаны с заграничным центром конспиративными адресами и шифрами для переписки. Нельзя сказать, чтобы строгая конспирация искровцев давала надежную гарантию «неприкосновенности» этой переписки. Огромная масса писем, как заграничных в Россию, так и местных революционеров за границу, попадала в руки жандармов, подвергалась перлюстрации и направлялась затем по их адресам в целях дальнейшего изловления «крамолы». Редкий шифр оставался неразобранном охранкой, ибо в случае перемены шифра корреспонденты сообщали о новом шифре посредством старого способа написания, знакомого жандармам. Конспиративные клички очень часто, путем сопоставлений и остроумных догадок, жандармами распознавались, и у них, таким образом, накаплился достаточный материал для производства в нужный момент «ликвидации» расплодившихся в данном районе или городе «злумышленников». До какой степени охранка была осведомлена о внутренних делах искровцев, видно хотя бы, напр., из того обстоятельства, что командированный по обнаруженным охранкою явкам в Ярославль, Кострому и Воронеж специализировавшийся на искровской организации, охранник Меньщиков, блестяще выполнил свою провокаторскую роль, оду-

¹ Дело Д. П. № 825, ч. I, Особ. отд.

рачил массу опытных партийных работников, выдавая себя за заграничного искровского агента, выдержал свою роль в критический для него момент встречи с подлинным искровским агентом (Ф. И. Гурвичем-Даном) и в течение нескольких дней своей «чистой» работы успел провалить весь «Северный рабочий союз».

«Средний» период работы «искровца» в России продолжался приблизительно 5—6 месяцев (от «ликвидации» до «ликвидации»). За это время нужно было много сделать, по возможности отодвигая неминуемый финал, который черным призраком гнался по пятам каждого подпольщика. На массовые провалы революционная организация старалась реагировать массовой же заготовкой нового материала—как живого человеческого, так и литературного для новой кампании. Вся игра как бы была основана на том, чье массовое производство окажется преимущественным: победит ли, в конце концов, революционную бациллу охранная «противочумная сыворотка», или же бацилла окажется настолько вирулентной, что рост жандармских мер борьбы с ней, в конце концов, отстанет от процесса ее неудержимого размножения. Если не все было благополучно по части конспирации у революционеров, то, к счастью, и жандармский аппарат далеко не был совершенным. Вот, что, например, пишет один из видных охранников в своем докладе начальству:

«Распушенность и деморализация среди служащих в разных ведомствах, до самых высших чинов включительно, достигли такого предела, далее которого идти некуда. За последнее время эта деморализация коснулась и корпуса жандармов: адъютант жандармского управления чуть ли не сам передает записки содержащихся под стражей, состоящий при охранном отделении офицер разоблачает секретную агентуру. Это только те факты, которые нам известны, а сколько таких, о которых мы никогда не узнаем или узнаем поздно... «Департамент полиции не в силах вести одну борьбу с революционными организациями, когда подведомственные ему розыскные органы, за самым редким исключением, совершенно не соответствуют своему назначению и потребностям времени. Администрация же, видимо, заботится только о том, чтобы наружно в губернии все обстояло благополучно, и для сохранения такого внешнего благополучия и спокойствия готова на всякие послабления, не предвидя от них последствий и не заботясь о них»¹.

Если даже ревностный охранник тут несколько и преувеличивает картину распушенности политической полиции в России того времени, то все же большая доля правды в его словах имеется, и при наличии растущего массового движения революционная социал-демократия, несмотря на провалы, могла все-таки делать ставку на бессилие жандармов с корнем вырвать «крамолу». Но для одоления внешних препятствий, для успешной борьбы с жандармским шпиона-

¹ Дело Д-та полиции, № 825, ч. 8. «Записка для памяти» завед. Особым отделом.

жем, с провокаторством и с периодическими «ликвидациями» необходимо было сначала изжить внутренние организационные болезни партии—кустарничество, демократизм, тенденцию к децентрализации и т. п. Руководящая группа «Искры» как раз и преследует эту цель, рассылая во все местные центры революционного движения своих «агентов», которые постепенно с большим или меньшим успехом изменяют физиономию комитетов в желательном с точки зрения искровских целей направлении.

3. Рост с.-д. организации в России.

а) В Петербурге.

«Искра» при своем появлении на свет застаёт петербургскую организацию (СПБ. Союз Борьбы) далеко еще не окончательно сдавшей свои прежние позиции, занятые ею в период расцвета рабоче-мысленства. Ее программа имеет еще двойственное направление. В «Рабочих листках» выпущенных в конце 1900 г., еще много традиционных предрассудков, унаследованных ею от «Рабочей Мысли» 97—98 годов. Она еще стоит на той точке зрения, что руководство рабочим движением принадлежит рабочей организации (в отличие от комитета социал-демократической партии) и что группы социалистов из интеллигенции должны играть роль только «исполнительных групп» при рабочих организациях.

Однако, промышленный кризис с его безработицей накладывает свою печать на агитационную деятельность «Комитета Петербургской организации». В последующих листках комитета (№№ 5—8) все более и более выявляется новая линия в политике петербургской организации: тут, напр., мы уже встречаем такие лозунги, как устройство манифестаций с требованием «права участия в составлении и издании законов и в управлении государством при посредстве своих выборных»; даже «Рабочая Мысль» начинает отдавать дань времени: в № 11 передовая («Насущный вопрос») развивает политическую программу рабочего движения, хотя и с такими оговорками, которые лишают политические лозунги «Р. М.» сколько-нибудь серьезного значения. Газета призывает рабочих не к борьбе с самодержавием вплоть до свержения его, а к попыткам добиться у самодержавия некоторых политических прав для рабочего класса (свободы стачек, собраний, личности, слова и т. д.).

К началу 1901 г. в петербургской рабочей организации насчитывалось около 300 членов. Благодаря широко применяемой системе провокации и недостаточной конспиративности организации массовые аресты в первой половине 1901 г. в значительной мере обезлюдили эту организацию. Вскоре

началась борьба из-за влияния на сознательную верхушку петербургских рабочих между искровцами и местными руководителями «Союза». Заграничная «Искра» командировала для работы в России, а в частности в Питере, нескольких своих «агентов», в том числе В. П. Ногина («Яблочков», он же «Назаров») и Сергея Цедербаума («Яков»). Они повели энергичную кампанию в Питере и успели склонить Петербургский Комитет («Союз Борьбы») к соглашению, каковое и состоялось в окончательной форме 30 сентября 1901 г. Нельзя сказать, чтобы этот договор давал очень уж выигрышные позиции для петербургского отдела «Искры». Искровцы принимаются в Пб. комитет, как «прочие члены» его, на общих основаниях (пункт 2-й соглашения); их роль сводится к посредничеству между Петерб. комитетом и «Искрою» в деле приобретения искровских изданий (п. 4), причем, члены Спб. отдела «Искры» обязуются не распространять в Петербурге литературы «без ведома и одобрения» Спб. комитета (п. 5), в пользу «Искры» отчисляется из сборов комитета 7½% и т. д.

Повидимому, представители «Искры» шли на это соглашение скрепя сердце. «Численностью,—как бы оправдывается в своем письме за границу с отчетом о соглашении В. П. Ногин,—как оказывается, все слабы: и мы, и комитет, и «Социалист». Но соединившись вместе, может быть, мы образуем нечто солидное—если только «наши разногласия» не будут большим тормазом для дела». Нужно заметить, что незадолго перед соглашением был провал «Комитета русских социал-демократов», раньше составлявших группу «Рабочее Знамя»¹. Оставшаяся после них группа рабочих (около 30 человек) выразила намерение присоединиться к «Союзу Борьбы». Можно было ожидать, что и «Ремесленная организация»²

¹ Эта группа, когда-то довольно обширная и влиятельная организация (возникла из белостокского «кружка рабочих-революционеров»), претендовавшая в 1898 г. на образование партии вокруг белостокской группы «Раб. Знамени» (об этом см. ст. Б. Эйдельмана «К истории возникновения Р. С. Д. Р. П.»), впоследствии вличила довольно жалкое существование. Петербургская группа «Раб. Знам.» в 1900-м году раскололась по вопросу о том, существовать ли ей самостоятельно в России, или перенести центр организации за границу. Для переговоров с заграничными организациями был командирован в Лондон член группы Р. З.—В. П. Ногин, который в 1901 г. вернулся (вместе с другим рабочезнаменцем Андроповым) в Россию в качестве искровца, получившего задание положить основы искровских организаций в разных местах России. Осенью Петербургская группа «Раб. Знам.» (М. Фрумкин, Шапиро и др.) провалилась. Вскоре после этого был «ликвидирован» и В. П. Ногин.

² «Ремесленная организация» в Петербурге представляла тайный кружок ремесленников социал-демократов, ставивших себе целью развитие политического сознания в среде ремесленников путем чтения нелегальной литературы. Если верить показаниям откровеника Шнейерсона, когда-то видного члена «Рем. организации», структура этой последней определялась следующим образом: «каждый цех дробился на кружки по

вступит в «Союз» на правах районной организации. Таким образом, петербургская организация социал-демократов в целом как будто снова вступала в полосу своего расцвета. Но скоро выяснилось, что здание это строилось на песке. Соглашение «Союза» с отделом искровской организации повисло в воздухе. Представители «Искры» в Питере—и В. П. Ногин, и С. Цедербаум—вскоре были арестованы, а их наследники в группе поставили перед Комитетом вопрос ребром о гарантиях того, что слияние Петербургского отдела «Искры» с Комитетом не повлечет за собою ответственности искровцев за такие шаги Комитета, которые пошли бы в разрез с принципами «Искры». Не питая уверенности в том, что Комитет прочно стал на точку зрения революционного марксизма и не поколеблется паки и паки в сторону экономизма, искровцы требовали, согласно оговоренному, но не подлежавшему опубликованию пункту соглашения, чтобы один из искровской группы был допущен в Центральный Комитет «Союза» и в редакцию «Рабочей Мысли». Это требование было сочтено Комитетом неслыханным по своей дерзости, и он даже по этому поводу апеллировал с жалобой на искровцев к широкой публике.

Однако, после этого разрыва в «Союзе борьбы» мало-по-малу началось, так сказать, накопление искровских умонстроений. Целый ряд членов комитета (В. П. Краснуха, Е. Д. Стасова, Н. Н. Штремер и др.) стали помогать «Искре» овладеть петербургской цитаделью экономизма, который, в конце концов, окопался в таком убежище, как «Комитет рабочей организации» союза. Особенно энергично стал хлопотать около дела слияния петерб. Отдела «Искры» с «Союзом» искровский «агент»—Ив. Ив. Радченко. Искровцы стали одерживать на рабочих тайных собраниях ряд побед над противниками, чему особенно помогло своего рода искровское «евангелие того времени»—книга Ленина «Что делать?», вышедшая в свет весною 1902 г.

В июле 1902 г. петербургский Комитет выступил с заявлением, что он солидаризируется с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии. Но экономисты (Токарев—

5—6 человек в каждом, и во главе каждого кружка находился избранный представитель, на обязанности коего лежало устройство собраний, руководство чтениями и доставление нелегальной литературы. Из этих представителей образовалось «агитаторское собрание», в вельение которого входило общее руководство ремесленной организацией. Агитаторское же собрание избирало из своей среды представителя в «комиссию», на обязанности которой лежало приобретение нелегальной литературы и поискание помещения для конспиративных сходок». (Дело Д-та Пол. № 1655, 1902 г. «О ком-те Сиб. группы рев. орган. «Искры»).

он же «Вышибайло и К^о») не признали себя побежденными, и 8-го сентября на собрании некоторых протестантов из Комитета и нескольких пропагандистов решено было взорвать состоявшееся соглашение «Союза» и «Искры» под флагом протеста «Комитета рабочей организации». Несмотря на то, что еще в июне на одном из рабочих собраний, где присутствовали представители всех пяти районов рабочей организации, составлявших тогда высшую инстанцию этой последней, все рабочие единогласно высказались против «экономизма» и «демократизма» и за направление «Искры», — интеллигентская кучка демагогов в рядах «рабочей организации», опираясь на часть рабочих, выпустила от имени Комитета рабочей организации листок с протестом против постановления, сделанного якобы без ведома Комитета (т. е., против июльского соглашения). «Мы, — объявил при этом Ком. раб. организации, — в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав».

Таким образом, в петербургском «Союзе» произошел раскол. Но это обстоятельство только помогло сторонникам «Искры» (Слб. комитету Р. С.-Д. Р. П.) окончательно и прочно утвердить искровскую линию даже в петербургской организации, которая проявила наибольший консерватизм в сохранении старых позиций — кустарничества, «демократизма», тред'юнионистских тенденций. Образовавшийся осенью 1902 г. искровский «Организационный Комитет» нашел и в Петербурге благоприятную почву для своей работы по организационному объединению партии под знаком искровства.

б) В Москве.

Здесь социал-демократическая организация была представлена гораздо слабее, чем в Петербурге. Да это и понятно, если вспомнить, что Москва была основной ареной деятельности Зубатова, который был большим мастером по части ликвидации революционных гнезд. Иногда народившийся Комитет не мог даже сказать про себя: «но не долгоденствие мое, он не долгоденствие твой». Время его бытия исчислялось не днями, а часами или минутами. Вот, напр., что вспоминает один из членов московского Комитета, родившегося 27 сентября 1901 г.: «Часам к восьми вечера у него (Л. Л. Никифорова) собрались все приглашенные: Базаров, И. А. Давыдов, П. П. Куняев, В. Л. Шанцер и я (И. Степанов). Л. Л. Никифоров, который лежал на постели, — его обычное положение, — приподнявшись, заявил: «Товарищи, честь имею представиться: московский Комитет с.-д. партии. Кооптирую вас всех». Таково было положение в Москве: от всего, что сделала харьковская группа «интеллигентов-пропагандистов», сохранился только Никифоров. В его лице был весь тогдашний

московский Комитет. И, совершенно естественно, приступая к расширению работы, этот Комитет всех нас кооптировал.

...«Недолго существовал наш Комитет 1901 года. Прошло не более 1½ часов с момента нашей кооптации, как раздались сильнейшие звонки в парадную и черную двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городских и охранников». Комитет был «ликвидирован»¹.

Структура московской организации рассматриваемого периода значительно отличалась от петербургской. В ней не было того дуализма—разделения на «интеллигентский» Комитет и на «Рабочую организацию», с ее особым Комитетом, который характеризует петербургский «Союз Борьбы» в период господства рабочемысли. Вот основные черты московской группы Р. С.-Д. Р. П., поскольку они выявлены в плане ее организации²: в основу организации положены кружки фабрично-заводских и ремесленных рабочих—по 4—7 человек в кружке. Кружок, разросшийся до 8 человек, разбивается на два кружка (§ 1, п. А). Главную роль в кружке играет пропагандист-агитатор, получивший предварительную подготовку по изучению теории и практики рабочего движения в так наз. агитационном кружке (§ 2). Через пропагандиста-агитатора доставляется в кружок литература (§ 2, п. Г.), через него ведутся сношения Комитета с кружком (§ 3), хотя впрочем, не непосредственно, а через доверенных лиц (§ 4). Вообще Комитет, состоящий из небольшой группы в 3—5 человек (§ 7), действует конспиративно, и сношения с ним других подчиненных организаций могут иметь место только через специально уполномоченных им лиц (§ 6). При Комитете находится как стачечная касса (§ 10), которая обслуживает руководимую им и возникшую с его ведома (§ 8) стачку, так и Центральная касса группы для покрытия расходов по деятельности этой последней (§ 13). План организации предусматривает выполнение главной задачи ее—ведение политической борьбы, причем функция руководства этой борьбой, освещение политических событий путем выпуска отдельных листов, решение вопросов о политических демонстрациях, формулировка политических требований—все это лежит всецело на обязанности Комитета (§§ 16—19). В деятельности московских групп строго проводится принцип разделения функций (§ 20). В число обязательных функций Комитета входит: а) приобретение и распространение литературы; б) сношения с с.-д. группами, находящимися как за границей, так и в России; в) необходимая собственная изда-

¹ Сборник «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 107.

² Дело Д-та Полиции № 825, ч. 7, Особ. Отд. Возможно, что автором нижеприведенного «плана» является Хинчук, входивший, кажется, в начале 1902 г. в моск. Комитет и перешедший в ряды «искровцев».

тельская деятельность; г) пополнение центральной кассы д) ведение сношения с учащейся молодежью; ж) разработка сведений отдельных фабрик, заводов и мастерских, доставляемых пропаг. и агитаторами; з) организация в случае возможности собственного печатного органа (§ 22). Кроме того, на обязанности Комитета лежит подготовка лиц, могущих образовывать, в случае крайней необходимости, новый состав Комитета (§ 24).

Весной 1902 г. в московскую организацию внедрились искровские работники. Главная забота об этом была возложена на Лидию Ос. Канцель (сестру Ю. О. Цедербаума). Большую энергию в смысле поддержания связи с «Искрой» (путем корреспонденций) и внутренней работы в духе искровства развил Хинчук¹. Любопытно отметить, что искровский «агент», появляясь на горизонте местной организации, поневоле втягивался в нее, отступая даже от своих первоначальных планов и намерений — действовать на организацию извне. «Приехала я сюда (в Москву) — пишет, напр., в своем конспиративном письме Л. О. Канцель — с твердым намерением не погружаться в местные интересы: поговорив со знакомыми, утвердилась на этом еще прочнее, а все складывается так, что я только для них и стараюсь, стараюсь и потому, что они бедны, как Иовы, и потому, что у меня есть то, чего у них нет, и еще больше потому, что у меня нет ничего определенного вне их».

Скоро однако очередной — «весенний» — провал вырвал плоды налаженной работы. В Москве жандармерия захватила широкой горстью до 70 чел. (в том числе Хинчука и Ф. Гурвича-Дана). Вслед за этим была арестована и Л. О. Канцель.

Но отмеченная уже выше «вирулентность» (живучесть) революционной бациллы и теперь сказалась в форме быстрого восстановления организационного центра московской социал-демократической группы. Появились новые работники. Заграничная «Искра» в свою очередь отплатила на смену сошедшей со сцены Канцель нового своего представителя в лице В. Гурвич (жены Дана) и «Зайчика» (Глафиры Ив. Окуловой). Правда, из перлюстрированных охранкой писем «Наташи» (В. Гурвич) видно, что искровским представителям не сразу удастся проникнуть в московский социал-демократический центр, несмотря на то, что представителем центра был человек, дружелюбно настроенный к «Искре» и враждебно к «Рабочему Делу» (С. Л. Вайнштейн, впоследствии ярый меньшевик). Тем не менее, осенью 1902 г. искровское

¹ «Федоров-Хинчук в Москве, — говорится в одном конспиративном письме от 4—6 марта 1902 г. за границу (вероятно, автор письма — искровский агент И. И. Радченко), — остается здесь, пока не соглашается выступить из местной деятельности, но обещает вскоре принять все дела о, — все дела наши».

влияние и в Москве, как почти во всех других местах, становится преобладающим. На помощь В. Гурвич подоспевает командированный искровской заграницей Н. Л. Мещеряков, в искровском же направлении действует другой крупный работник—И. А. Теодорович. Дело налаживается. Но у охраны имеются уже все нити в руках, и вскоре после осеннего провала питерцев (2-го ноября) — «ликвидируется» в конце ноября и московская группа искровцев (охранка насчитывает их 66 человек, но само собой разумеется, что в этом числе имеется много случайных жертв).

В наследство же от работы искровцев в Москве за этот период осталось пока что заявление моск. Ком.-та Р. С.-Д. Р. П.: «Признавая за литературной деятельностью Лиги Рус. Рев. С.-Д. исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опознать и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии; разделяя и признавая вполне отвечающими насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убежденными защитниками которых являются издания лиги и газета «Искра»; желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями,—моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. объявляет:

- 1) Лигу своим заграничным представителем,
- 2) «Искру» своим руководящим органом».
- в) Северный Рабочий Союз¹.

Возник «Сев. Раб. Союз» (или иначе «Сев. Союз Р. С.-Д. Р. П.») летом 1901 г. по инициативе В. А. Носкова, О. А. Варенцовой, студента Демид. лицея Доливо-Добровольского и бывшего Ив.-Возн. рабочего М. А. Багаева. Союз охватил деятельность ярославского, костромского, иваново-вознесенского с. д. Ком.-тов и Владимирской группы. Самой сильной организацией, с точки зрения прочности и широты ее связей с рабочими массами, была иваново-вознесенская. Эта организация поддерживала сношения с петербургским Союзом Борьбы, а позднее установила связи с заграничным «Союзом» (еще в 1900-м г. тяготел к «Рабочему Делу»). Другую физиономию имел ярославский Комитет. Насколько иваново-вознесенский Ком. imponировал своим пролетарским характером, настолько второй был организацией интеллигентского типа, состоящей почти сплошь из представителей земской радикальной интеллигенции, которая очень мало была связана с рабочими,—с большим, однако, количеством «сочувствующих», готовых оказывать содействие и поддержку активным работникам, очень, впрочем, немногочисленным в этой организации. Деятельность же, костромского Комитета выражалась очень

¹ Настоящая справка взята из обстоятельной статьи О. А. Варенцовой «Сев. Раб. Союзе в № 9 «Пролетарской Революции».

слабо, и в то время, как первые два Комитета довольно быстро стали ориентироваться на искровскую линию, костромской Комитет долгое время занимал примиренческую позицию, колеблясь в своих симпатиях между «Искрой» и «Раб. Делом».

В августе 1901 г. состоялось первое совещание 3-х комитетов и Владимирской группы, в тихом уездном городке Кинешме—на лоне природы. По вопросу об отношении к «Искре» на совещании было принято предложение об установлении союзных отношений с организацией «Искры», несмотря на колебания костромичей, хотя вопрос о признании «Искры» руководящим органом остался открытым—в ожидании исхода переговоров между заграничными организациями. Это кинешемское совещание очень оживило работу и вызвало подьем настроения у активных работников. Для жандармов оно осталось совершенно неизвестным.

Второй съезд членов Союза состоялся в первых числах января 1902 г. в Воронеже, который был выбран местом съезда отчасти по соображениям конспиративным, а отчасти потому, что воронежская группа (А. И. Любимов, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашов и Д. В. Костеркин, — т. называемые «американцы») была, так сказать, духовной матерью. «Сев. Союза». В порядке дня стояли: 1) Программа Союза, 2) Организационный вопрос и 3) Выборы Ц. К. «Союза». Выработанная программа, несмотря на свои погрешности (неточности, пропуски важных положений, напр., о диктатуре пролетариата и т. д.) была проникнута все-таки принципами революционного марксизма и отмежевывалась от оппортунизма. По организационному вопросу съезд, повидимому, не успел еще окончательно отрешиться от точки зрения с.-д. организаций доброго старого времени—с их тенденцией к выборности и т. п. признаков «демократизма». Во всяком случае, с некоторым основанием можно утверждать, что работу жандармов по «чистке» организаций Союза очень облегчили его организационные «маленькие недостатки механизма».

Хотя после воронежского съезда работа Союза оживилась, но над Союзом уже нависли тучи. В январе 1902 г. в Ярославле жандармерия принялась за опустошение местной организации. Затем жандармская лапа опустилась на иваново-вознесенскую организацию (привлечено было к дознанию 44 чел.). Таким образом, разгромлена была наиболее сильная и тесно связанная с массами организация. Весною же 1902 г. произошел полный разгром всего Сев. Раб. Союза в целом, благодаря тому обстоятельству, что все пароли и явки, отобранные при аресте на границе искровского агента Блюменфельда, послужили в руках очень ловкого и дерзкого охранника Меньшикова способом проникновения сначала к «сам-

риканцам», а потом и в тайники ярославской, иваново-вознесенской и костромской организаций. В несколько дней от Союза остались лишь жалкие осколки. Тем не менее деятельность Союза не прошла бесследно. «Снова ожила организационная обособленность,—говорит О. А. Варенцова¹,—но идейное влияние Союза оставило глубокие следы. Борьба, начатая в районе с экономизмом, рабочедельчеством, вообще со всеми видами оппортунизма, дала весьма ценные результаты. Комитеты и группы, входившие в Союз, и в последующие годы крепко держались позиции революционной социал-демократии, оставаясь верными ее принципам».

Короче сказать, несмотря на разгром, Союз, завоеванный искровством, остался его крепкою питаделью, что видно, между прочим, и из «Открытого письма в «Искру», за подписью «Северный Рабочий Союз», напечатанного в февральском номере «Искры» 1903 г. В этом «Письме» Союз важнейшей своей задачей признает «объединение российской социал-демократии в партию, существующую фактически, не только номинально». Главная заслуга в деле объединения партии принадлежит организации «Искры» и «Зари». В виду этого, Северный Союз, «будучи всецело солидарен с принципиальной и тактической частью программы «Искры» и «Зари» и с брошюрой Ленина: «Что делать?» и, за малыми, быть может, исключениями, с организационными их взглядами,—признает «Искру» и «Зарю» органами Р. С.-Д. Р. П.»² г. Юг России.

В связи с быстрым развитием рабочего движения на юге России в период 1900—1903 г.г., достигшим своего апогея в 1903 г., наблюдается тот же темп развития и с.-дем. организаций в этом районе. В 1900—1901 г.г. Комитеты южных городов отличаются вялостью, склонностью к оппортунизму (напр., одесский Комитет), грешат кустарничеством и идут в хвосте событий. Но чем дальше, тем они становятся живнее и полнокровнее, доходя в некоторых случаях до такого революционного напряжения сил, какое остается в этот период совершенно недостижимым для сравнительно тихого и спокойного Петербурга, не говоря уже о Москве (напр., ростовский Комитет в ноябре 1902 г.).

¹ По словам О. А. Варенцовой, «сознательные рабочие каждой фабрики составляли фабрично-заводское собрание, которое избирало коллектив из казначей, завед. партийными сборами, библиотекаря, распределяющего нелегальную литературу, и уполномоченного или представителя, связанного с Комитетом». Собрание этих выбранных уполномоченных объединяло работу на фабриках, под руководством Комитета. «Следует отметить,—признается Варенцова,—что правила конспирации соблюдались плохо. Руководителей движения знали не только члены фабричных групп, но и беспартийные рабочие» («Пролет. Рев.» № 9, стр. 29—30).

² «Искра» № 34, Отд. «Из Партии».

Выгодно юг России в это время отличается от северных районов и в том еще отношении, что он успел создать свой революционно-марксистский идеологический орган—«Южный Рабочий», который, по сравнению с петербургской «Рабочей Мыслью» занимает другой полюс в гамме современных им социал-демократических течений. Еще в начале 1901 года «Искра» «приветствует от души» это издание южных товарищей, находя вышедший в ноябре 1900 г. третий номер о «Ю. Р.» более, чем удовлетворительным («обширный и разносторонне составленный, номер производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач социал демократии, которое обнаруживает редакция»). Столь же положительный отзыв дает «Искра» и о № 4 «Ю. Р.» (вышел в марте 1901 г.). С «величайшим удовольствием» «Искра» перепечатывает в № 26 издаваемую группой «Ю. Р.» прокламацию о терроре, находя, что «веское слово этой группы окажет, без сомнения, плодотворное влияние на тех революционеров, которые сбиты с толку небывалым в нашей истории—по своей крикливости—выступлением представителей отжившего революционного мировоззрения» (т. е. нового народничества эс-эров). В свою очередь и группа «Ю. Р.» солидаризируется с «Искрой». В своем «Открытом Письме» (см. № 27 «Искры»), группа говорит: «Признавая организацию «Искры» единственной за последние два года организацией, сумевшей при господствующих спутанности и шатании сохранить строгую принципиальность и бесстрашно бороться против всяких течений, стремившихся свернуть так блестяще начавшееся революционное движение с единственно правильного пути, мы, солидарные с этой организацией в вопросах программы, тактики и организации, присоединяемся всецело к ней, обязуясь работать совместно над делом фактического восстановления Р. С.-Д. Р. П.».

Одним из ярких показателей роста южных организаций является их удачная попытка устроить в конце января 1902 г. свой съезд для установления южно-районного объединения на почве общего понимания программных вопросов и единства в тактике. Съезд был организован по инициативе группы «Ю. Р.». При выработке программной платформы съезда наиболее крупное разногласие на съезде возникло по вопросу о сущности самодержавия (об этом см. выше в главе «Искровские фронты»—1. Борьба с самодержавием). По вопросу об экономической борьбе была принята единогласно следующая резолюция:

«В виду того, что экономическая борьба и при настоящих условиях может вести к частичному, хотя и минимальному, улучшению социального положения пролетариата, тем самым улучшает его боевую позицию в борьбе за свое политическое и социальное освобождение; в виду того, что с.-д. партия немалыми вне тесной связи с массовой борьбой пролетариата; в виду того, что при русских условиях отделение политической борьбы от экономической, если даже допустить возможность этого, в значительной

мере парализовало бы борьбу партии за политическую свободу,—в виду всего этого соц.-демократия должна руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая ее в то же время от профессионального и т. п. эгоизма и пользуясь ею для революционизирования рабочей массы».

По вопросу о политической борьбе без больших прений была принята единогласно такая резолюция:

«Заявляя свою солидарность с Манифестом Р. С.-Д. Р. П. (1898) и с основными традициями русской с.-дем. м., признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. В борьбе за политическую свободу необходимо сохранить за движением его классовый характер».

Наконец, принятая после небольших прений единогласно резолюция относительно оппозиционных политических течений гласит следующее:

«Мы считаем необходимым поддерживать и углублять все оппозиционные политические движения вне рабочего класса, не затушевывая классового характера соц.-демократического движения, и пользоваться этими течениями для развития политического и классового самосознания пролетариата»¹.

Если и не все в этих резолюциях достаточно ярко и отчетливо подчеркивает противоположность революционной позиции съезда оппортунистическим уклонам мысли социал-демократов рабочемысленского и рабочеделенского толка, то попытка выпрямить изломанную зигзагами партийную линию в искровском духе совершенно очевидна.

Чтобы охарактеризовать деятельность южных комитетов еще по одному признаку, а именно, по степени продуктивности их издательской деятельности, сделаем приблизительный подсчет подпольных изданий в России газет, листовок, прокламаций за 1901—1902 г. и первую половину 1903 г.² В 1901 г. всех изданий было приблизительно около 100 (по данным из «Искры», около 80), в 1902 г.—около 140—175 (по данным из «Искры», около 140 с вероятным числом экземпляров 150.000) и за первую половину 1903 г. около 175—200 (по данным из «Искры», около 170, с вероятным числом экз. 350.000). Короче сказать, отношение в продуктивности русского типографского подполья с точки зрения числа изданий выразится в нижеследующих цифрах, если принять число изданий в 1901 г. за 100, и о второй половине 1903 г. судить по первой: в 1901 г.—100, в 1902—около 150 и в 1903 г. около 350—400. Число изданных экземпляров растет еще быстрее; так, напр., в 1902 г. в среднем одно издание расходилось в количестве 1.100 экз., а в 1903 г.—2.000 экз.

¹ Резолюции взяты из «Отчета съезда южных комитетов и организаций». Дело Д-та Пол. № 850, т. 1^й. Особ. Отд.

² Этот подсчет, сделанный на основании не всегда систематичных сведений в №№ «Искры», отнюдь не может претендовать на точность и имеет характер иллюстративный. Действительные цифры изданий, вероятно, больше приведенных.

Из всех этих изданий на южный район (на комитеты киевский, донской, одесский и др.,—не считая Кавказа) за весь рассматриваемый период приходится 57% всех изданий (в частности—в 1902 г.—69%). В одном только донском Комитете за 1902 г. было издано 46 прокламаций и листовок в количестве 60.000 экземпляров, причем на 3 недели ноябрьской стачки падает цифра в 26 прокламаций. За все же время существования Комитета до 1902 г. было всего на всего издано 19 прокламаций в количестве 10.000 экземпляров. Из этого видно в какой мере южный район выдвинулся в 1902—1903 г. вперед, как главный фокус революционного напряжения сил российской социал-демократии.

В частности, бросим беглый взгляд на два крупных центра социал-демократической работы в южном районе—Одессу и Киев.

В 1900—1901 г. Одесса была оплотом экономизма. Впрочем, долгое время в местном Комитете провалов не наблюдалось—отчасти потому, что политика «медленного шага и робкого зигзага» одесситов—социал-демократов не очень тревожила жандармов, а отчасти и благодаря удачной стратегии местных подпольщиков. Так, напр., нач. одесск. жанд. управления горько жалуется на то, что «главные распорядители сообщества установили, чтобы все сходки, совещания, а также посещения особенно важных для организации лиц делались не иначе, как от 3-х до 5 час утра», т. е. в часы уличного затишья, когда «наружное наблюдение будет тотчас же замечено»¹.

Деятельность Комитета была направлена, главным образом, на руководство организациями рабочих по отдельным цехам (переплетчиков, печатников, модисток, шляпниц и т. д.). Каждая организация имеет свою особую кассу. Цель такой профессиональной организации «способствовать объединению рабочих данного ремесла и помогать им в их борьбе за улучшение своего экономического положения» (§ 1 «Устава кассы»). «Членом кассы может быть каждый рабочий данного ремесла, безусловно честный, сознающий необходимость экономической борьбы и имеющий некоторое понятие об отношениях правительства к ней». (§ 5). Каждый кружок (члены кассы разделяются на кружки по 10 человек) «выбирает из своей среды двух распорядителей, сроком на 3 месяца, по истечении которых выбираются новые распорядители (§ 7). Все распорядители составляют правление кассы (§ 28). И т. д., и т. д.»².

Короче сказать, одесский «Устав кассы» представляет собою типичный план профессиональной организации, в роде того

¹ Дело Д-та Полиции, № 825, ч. 1. Особ. Отд., доклад дир. Д-та Пол. от 18/х 1901 г.

² Дело Д-та Полиции, № 825, ч. 1. Особ. Отд. Докл. дир. Д-та Пол. от 18/х 1901 г. Приложение к докладу: «Устав кассы».

петербургского, «Устава рабочей кассы», который служит предметом беспощадной критики в книге Ленина «Что делать?»

В конце 1901 г. Одесса привлекает внимание искровцев. Начинается обычная борьба за политическое влияние. Главные теоретические разногласия сосредоточиваются по вопросу о природе абсолютизма. В одном из своих конспиративных писем одесская корреспондентка «Искры» (кажется, Конкордия Ив. Захарова) пронизывает над комитетчиками: «меня обвиняют в народовольчестве, потому что я говорю, что с.-дем. должны идти не по пятам рабочих, а впереди». По поводу присоединения одесского Комитета к «Раб. Делу» корреспондентка реагирует на это веселым смехом: «ха-ха! Право, со смеху можно помереть. Они—и «Рабочее Дело»! Нет, голубчики, хоть «Рабочее Дело» и не знает, «что к чему», но все же, не в такой степени»¹.

Около этого же времени (в октябре 1901 г.) образовалась ставшая в оппозицию к Комитету т. наз. «Южная революционная группа социал-демократов». В выработанной этой группой декларации о выходе ее из Комитета указывается на ряд разногласий между членами группы и одесским Комитетом; эти разногласия сводятся, во-первых, как уже выше было указано, на разницу во взглядах по вопросу о русском паризме, во-вторых, на разную их ориентацию в рабочей массе: Комитет делает ставку на ремесленников, а группа—на фабрично-заводских рабочих; в-третьих, на расхождение тактических линий (экономическая борьба, как главная задача с.-дем. с точки зрения Комитета, и вовлечение рабочих в политическую борьбу, как ближайшая цель группы)².

Как уже выше было отмечено, на съезде южных комитетов в начале 1902 г. (в том числе и одесского) восторжествовала в общем и целом искровская линия (точка зрения «Южного Рабочего»). Весною же 1902 г. одесский Комитет в своем заявлении выражает полную солидарность со взглядом «Искры» и признает ее своим руководящим органом. (См. «Искру» № 38, «Из Партии»).

Что же касается Киева, то он был, пожалуй, самым значительным пунктом социал-демократической работы в южном районе. Не даром же встревоженная революционным движением охранка принимает в конце 1901 г. специальные меры к организации розыска на юге «силами филеров летучего отряда д-та полиции» и во главе этого розыска ставит пресловутого Меньшикова именно в Киеве, ибо «для южных революционных групп центром движения всегда служил и ныне служит гор. Киев»³.

¹ Там же, копия письма из Одессы от 31 окт. 1901 г.

² Там же, заявление «Ю. Р. Г. С.-Д.», от 31 октября 1901 г.

³ Отношение Дир. Д-та Пол. Зволнского к нач. Киевск. губ. жанд. упр. от 3 декабря 1901 г.

В Киеве, как и в других старых центрах с.-дем. работы, ко времени выступления «Искры» господствовало экономическое течение. Весной 1901 г. наряду с киевским Комитетом образуется новая группа «Рабочей Воли», по духу родственная «Искре». Эта группа «признала необходимым главное внимание обратить на развитие массового политического самосознания в рабочих, признала необходимым самую широкую политическую агитацию», становясь, таким образом, в оппозицию к киевскому Комитету, который, по заявлению группы, «обнаруживал склонность к «экономической» агитации в ущерб политике». Но, повидимому, это расхождение не было слишком серьезным. Просуществовав несколько месяцев и издав несколько «Листков Рабочей Воли» (на гектографе), группа «Раб. Воли» сдвинулась с Комитетом, во главе которого стали искровцы (Бауман, Крохмаль и др.). В конце 1901 г., напр., киевский Комитет представляет по отношению к «Искре» «дружественную державу» и постановляет отчислять в ее пользу ежемесячно 25 рублей.

Правда, в конце 1901 г. возникла новая группа под старой фирмой: «Киевский Комитет Рабочего Знамени». Но эта группа, душой которой была энергичная и подвижная Августа Кузнецова (направленная в Киев «Искрою»), возникла не в силу принципиального расхождения с киевским Комитетом, а только потому, что ее деятели считали для себя стеснительными «бюрократические» рамки работы слишком уж конспиративного и далекого от масс Комитета. Темпераментная Кузнецова попробовала даже, окунувшись с головой в «живую» работу приютившей ее группы («Раб. Знамени»), обосновать обособленность своей новой позиции принципиальными соображениями: «Вы всех своих «агентов», — пишет она в своем интересном письме заграничным искровцам, — хотите посадить в ту заоблачную атмосферу, в которой нет возможности работать «ни руками, ни ногами», но с которой в то же время ничего не видно и ничего не слышно, так как в такое блаженное состояние ничегоневедения неизбежно попадает на Руси всякий, «свободный» от «кустарной» деятельности интеллигент»¹.

Впрочем, и сама Кузнецова предвидит, что «в будущем произойдет слияние обоих Комитетов, как это произошло с едешней «Рабочей Волей»². И это пророчество оказалось верным. «Комитет Раб. Знамени» скоро провалился без надежды на воскресение, а восстановленный киевский Комитет продолжал свою искровскую линию.

¹ Дело Д-та Пол. № 825, ч. 3, Особ. Отд. Копия письма А. Кузнецовой от 11 янв. 1902 г.

² Дело Д-та Пол. № 825, ч. 3, Ос. Отд. Копия письма А. Кузнецовой от 11 янв. 1902 г.

4. Деятельность Организационного Комитета.

Задуманный «союзниками» (представителями «Союза Русских социал-демократов» за границей) съезд в начале 1902 г. не встретил сочувственного отношения со стороны группы «Искра» как в виду несвоевременности его после недавних провалов, так и потому, что «Искра» предвидела его односторонний характер и считала необходимым отложить его до выхода книжки Ленина—«Что делать?» Вот, напр., что пишет искровская заграничная своему одесскому агенту в письме от 14 дек. 1901 г.: «А теперь пару слов о союзниках. Ока-зывается, эти господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций. Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту. Мы предлагаем нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен, по крайней мере, до весны. К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой в связи с организационными вопросами будут рассмотрены причины разногласий¹. Созывать съезд до появления этой брошюры—значит желать решать дело, не выслушав обе стороны»².

Как известно, идея «съезда была осуществлена петербургским Комитетом по инициативе «Союза» и «Бунда» в конце марта 1902 г., но съехавшиеся в Белостоке участники не сочли возможным конституироваться, как «съезд», и объявили себя «конференцией»; на конференции присутствовал только один искровец—Ф. И. Гурвич (Дав), которому дана была инструкция—ограничить задачи конференции выпуском общепартийного первомайского воззвания и принять меры для созыва действительного съезда. На съезде присутствовали представители: Заграничного Ком. «Бунда», Центрального К-та «Бунда», Заграничного Союза, Южного Союза, екатериносл. Комитета, петерб. Ком-та и «Искры». Конференция не пришла ни к каким положительным решениям и постановила лишь выбрать Организационный Комитет по созыву II съезда из представителей от участвовавших организаций. Но участники конференции—все, кроме петербургского делегата Краснухи,—вскоре же после конференции были арестованы, и избранный «О. К.» распался.

Таким образом, «Искра» получила волею судеб некоторый мораториум для укрепления своей позиции. Мы уже видели выше, как быстро росло ее влияние и как уже осенью 1902 г. большинство наиболее влиятельных российских Комитетов признали ее идейный приоритет и выразили готовность считать «Искру» руководящим органом партии.

¹ На самом деле брошюра—«Что делать?» вышла во 2-й половине марта 1902 г.

² Дело Д-та Пол. № 825, ч. 2, Особ. Отд.

2—3 ноября 1902 г. состоялась в Пскове новая конференция для образования «О. К.» (Организ. Ком-та по созыву парт. съезда). На конференции были представители от петербургского Комитета (Краснуха), от «Искры» (Ив. Ив. Радченко) и от «Южного Рабочего» (Левин). Приглашенный представитель от «Бунда» почему-то не явился. Это обстоятельство, с одной стороны, облегчило задачу конферентов, так как бундист, несомненно, представлял бы резкую оппозицию трем остальным, вообще говоря, спевшимся между собою участникам, а с другой стороны, дало повод впоследствии к энергичным протестам со стороны «Бунда» против решений конференции, которая, по его мнению, узурпировала свои права, выбрав «О. К.» без участия «Бунда».

Тут же на конференции избранная в «О. К.» первоначальная тройка (Краснуха, Левин и Радченко) кооптировала ряд новых членов в «О. К.», а именно: Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. А. Красикова, П. Лепешинского и А. М. Стопани. Впрочем, через два дня (4-го ноября) жандармерия сузила этот состав, арестовав Радченко, Краснуху и Лепешинского¹. Но «О. К.» продолжал действовать.

В январском номере «Искры» (№ 32) появляется «Извещение об образовании «Организационного Комитета». Приветствуя этот манифест, «Искра» особенно подчеркивает, что «О. К.», «не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских социал-демократов, ограничивается тем, что предлагает свои услуги всем им». Группировка с.-д. около «О. К.» должна была иметь добровольный, а не принудительный характер.

Скоро на призыв «О. К.» получается отклик многих с.-д., сочувствующих делу объединения партии. В открытом письме «Орг. К-ту», помещенном в № 33 «Искры»—за подписью «Бывшие члены центр. группы петербургского Союза Борьбы и сотрудники прежней «Рабочей Мысли»,—авторы горячо приветствуют «О. К.» В конце февраля 1902 г. «О. К.» смог уже с гордостью объявить: 1) что представитель «Бунда» вошел в его состав; 2) что, кроме организаций, принявших участие в его образовании (Орг. «Искры», «Бунд», петербургский Комитет и группа «Южного Рабочего»), его исключительную инициативу по созыву съезда признали к 1 февраля след. комитеты: московский, киевский, харьковский, екатеринославский, донской, Сев. Союз, одесский, николаевский.

Вторую же часть его задачи (выполнение временно—до образования Центрального Комитета—общепартийных функций) признали все упомянутые организации, за исключением одесского и николаевского Комитетов.

Вскоре к «Искре» и к «О. К.» примыкает ряд новых коми-

¹ Некоторые подробности о конференции в Пскове можно найти в книге Лепешинского «На повороте» (стр. 130—132).

тетов: казанский, уфимский и др. Короче сказать—идея объединения партии под знаменем искровства уже к весне 1903 г. торжествует на всем партийном фронте.

Впрочем, как исключения, на ясном горизонте появляются иногда зловещие точки. Так, напр., долгое время никак не желает успокоиться «Бунд», считая себя жертвой хитрой дипломатии «Искры», успевшей и «О. К.» образовать без представителя «Бунда», введя этого представителя лишь *post factum*, т. е. после безболезненного конституирования «О. К.», и натравить общественное мнение партии против идей самостоятельного существования «Бунда» в партии, с которой ему угодно быть связанным лишь тонкими нитями неестественной для него федерации. Возникшая между «Бундом» и «Искрой» неприятная полемика по поводу «О. К.» лишь отчасти получила свое временное разрешение в заявлении «О. К.» от 13 марта 1903 г. «В последнее время—заявляет «О. К.»—между Ц. К. «Бунда», загранич. Комитетом «Бунда» и «Искрой» по поводу образования «О. К.» возникла полемика, которая может бросить тень на взаимные отношения «О. К.» и Бунда. Ввиду этого «О. К.» в совещании своем, в котором принимали участие представители всех образовавших его организаций («Искры», «Бунда», «Южн. Рабочего» и петерб. Комитета), обсуждал этот печальный инцидент и решил довести до сведения всех организаций Р. С.-Д. Р. П., что весь этот инцидент является плодом недоразумения. Ни со стороны «О. К.» не было намерения отстранить «Бунд» от участия в нем, ни со стороны «Бунда» не было желания мешать деятельности Орг. Ком.».

Еще пикантнее «анекдот» с воронежским Комитетом, политику которого делала в то время Лидия Махновец (на съезде Брукер, представлявшая петербургскую раб. организацию и занимавшая самую правую оппортунистическую позицию). Этот воронежский Комитет выпустил воззвание с протестом против «Извещения» «О. К.», считая, что «О. К.»—плод интриги «Искры». Чего-чего только там нет—в этом протесте—и по адресу «Искры» («Искра» — опричник с.-д., полемика ее—плетка и т. д.), и по адресу группы «Южного рабочего», которая якобы изменила своему первоначальному знамени признав «Искру», вопреки мнению какого то «главного работника» редакции «Ю. Р.», литературного участника в первых №№ этой газеты, и по адресу «О. К.», который, по мнению воронеж. Комитета «оставлен тенденциозно, по кумовству и т. д. и т. д. Ответ «О. К.» на выходку воронеж. Комитета полон достоинства. Мы приведем здесь лишь первый абзац этого «Ответа», характеризующий прочность позиции «О. К.» с одной стороны и грустное одиночество воронежского Комитета—с другой.

В своем извещении «О. К.» писал: «отношение комитетов и организаций к «О. К.» покажет, насколько правильно он посыл потребности момента». И «О. К.» в этом отношении

может считать себя вполне удовлетворенным. При поддержке организации «Искры», «Бунда», группы «Южного Рабочего», с.-петербургского Комитета, при признании его Комитетами московским, киевским, харьковским, екатеринославским, донским, северным Союзом, одеским и николаевским, он может смело взяться за выполнение поставленной им себе задачи в полной уверенности, что он доведет ее до желанного конца. «О. К.», конечно, не скрывал от себя и тех препятствий, которые ему придется встретить на пути в виде всевозможных заподозриваний в тайных замыслах, в виде инсинуации и клеветы, но твердая уверенность в настоятельности поставленной себе задачи позволяла надеяться, что в большей своей части товарищи, работающие над великим делом освобождения пролетариата, придут ему на помощь, забыв всякие счеты, если таковые имеются. И надежда эта нас не обманула. По крайней мере, до сих пор перед нами один только факт, который может быть причислен к указанным выше препятствиям; мы имеем в виду листок воронежского Комитета».

Итак, одинокий истерический выкрик воронежского Комитета отнюдь не нарушал общей картины подготовленности партии к съезду. Почти три года работы «Искры» над внедрением во все уголки партии идей революционной социал-демократии, три года борьбы с оппортунизмом, шатанием мысли в партийных кругах, с кустарничеством, с организационной разрухой, три года упорного, бьющего в одну точку, организационного строительства партии с помощью кадра преданных делу подпольщиков,—словом, три года идейной и практической работы «Искры» стали, наконец, приносить свои плоды. Еще диалектические противоречия в развитии партии не были изжиты, еще впереди партию ожидало много испытаний и прежде всего на самом съезде, где само «искровство» в лице своей редакционной шестерки окажется далеко не однородным, не монолитным куском гранита, но огромный этап «от кружковщины к партии» был уже пройден. Скоро партия и с формальной стороны и по существу будет представлять из себя не «комитетскую пыль», не кучку самостоятельно шевелящихся сегментов, а органическое целое, хотя и с наметившимися двумя центрами ее будущего развития. Протоколы 2-го съезда живо расскажут нам, как все это произошло. Отсылая теперь нашего читателя к этим протоколам, мы не можем не пожалеть, что разросшиеся размеры настоящего очерка не позволяют нам коснуться ряда других сторон, характеризующих деятельность «Искры» и «Зари», как выразителей глубоко продуманных философских основ марксизма, а также—как творцов цельной, законченной партийной программы. Но мы отчасти заполним этот пробел в соответствующих примечаниях к «Протоколам».

П. Лепешинский

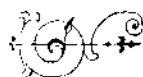
Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія.
ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ. СОВДИНЯЙТЕСЬ!

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ

ПРОТОКОЛОВЪ.

Второй очередной съездъ
Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Изданіе

Центральнаго Ком.

Типографія Партіи Genève, Coulouvrenière, 27.

*На обороте сего
в точности воспроизведена обложка
первого женеvского (1903 г.) издания
Протоколов II-го с езда РСДРП.*

ПРОГРАММА

Российской Соц.-Дем. Партии, принятая на втором съезде Партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возра-

стающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному, ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и роста общественного богатства, обуславливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост неопределенности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественной и ведя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещиком, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и несправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому, Российская Социал-демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям;

3. Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения;

4. Неприкосновенность личности и жилища;

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

6. Свободу передвижения и промыслов;

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности;

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях;

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника;

11. Выборность судей народом;

12. Замесу постоянного войска всеобщим вооружением народа.

13. Отделение церкви от государства и школы от церкви;

14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-демократическая Рабочая Партия требует: *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3. Полного запрещения сверхурочных работ;

4. Воспрещение ночного труда (от 9 ч. вечера до 6 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16-ти лет) и ограничения рабочего времени подростков (16-18 лет) 6-ю часами;

6. Воспрещение женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождение женщин от работы в течение 4-х недель до и 6-ти недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время;

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа на время не менее, чем на полчаса;

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исклю-

чая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и бражкой материала и результатов работы;

12. Надзор органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы,—в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с содержанием содержания во время болезни;

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

16. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы, в деревне партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;

3. Возвращения *крестьянам* денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей: конфискация с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и при наделявших лицам царской фамилии; а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или—в том случае, если земли переходили из рук в руки,—выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные, хизаны и

проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном Крае и в других областях государства;

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва *учредительного собрания*, свободно избранного всем народом.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ УСТАВ

Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, принятый
на втором съезде Партии.

Резолюция. Общий устав партии обязателен для всех частей партии. Исключения определяются особыми приложениями к нему.

У С Т А В.

1. Членом Российской Социал-демократической Рабочей Партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций.

2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается (по возможности не реже одного раза в два года). Советом партии. Совет партии обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

3. Представительство на съезде имеют: а) Совет партии, б) Центральный Комитет, в) Центральный Орган, г) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, д) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, е) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим два голоса; Совет же партии—всеми его членами, имеющими по одному голосу.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже, как за один год до съезда.

Примечание 2. Центральному Комитету предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

4. Съезд назначает пятого члена Совета, Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа.

5. Совет партии назначается редакцией Центрального Органа и Центральным Комитетом, которые посылают в Совет по два члена; выбывшие

члены Совета замещаются назначившими их учреждениями, пятый член замещается самим Советом.

Совет партии является высшим учреждением партии. Задача Совета согласовать и объединить деятельность Центрального Комитета и редакции Центрального Органа и представлять партию в сношениях с другими партиями. Совету партии принадлежит право восстанавливать Центральный Комитет и редакцию Центрального Органа в случае, если выбывает целиком весь состав одного из этих учреждений.

Совет собирается каждый раз, когда этого требует один из центров, т. е. редакция Центрального Органа, или Центральный Комитет, или два члена Совета.

6. Центральный Комитет организует комитеты, союзы комитетов и все другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю практическую деятельность партии.

Примечание. Члены Центрального Комитета не могут быть одновременно ни в какой явной партийной организации кроме Совета партии.

7. Редакция Центрального Органа принадлежит идейное руководство партий.

8. Все организации, входящие в состав партии, ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы.

9. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, все остальные партийные организации утверждаются Центральным Комитетом. Все постановления Центрального Комитета обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать определенные Центральным Комитетом средства в центральную партийную кассу.

10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Центральный Комитет, или в редакцию Центрального Органа или партийному съезду.

11. Всякая партийная организация обязана доставлять в Центральному Комитету и редакции Центрального Органа все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

12. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения их требуется $\frac{2}{3}$ голосов при отсутствии мотивированного протеста. На постановление организации о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Совет партии.

Кооптация новых членов в Центральный Комитет и в редакцию Центрального Органа производится единогласно. В случае, если при кооптации в Центральный Комитет или редакцию Центрального Органа не достигнуто

единогласия, вопрос может быть обжалован в Совет и, в случае кассации Советом решения соответствующей коллегии, вопрос окончательно решается простым большинством голосов.

Центральный Комитет и редакция Центрального Органа извещают взаимно друг друга о вновь кооптированных членах.

13. Заграничная Лига Русской революционной социал-демократии, как единственная заграничная организация Российской социал-демократической Рабочей Партии, имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

ПОРЯДОК ДНЯ С'ЕЗДА.

1. Конституирование с'езда. Выборы бюро. Установление регламента с'езда и порядка дня. Доклад Организационного Комитета и выбор комиссии для определения состава с'езда.

2. Место Бунда в Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

3. Программа партии.

4. Центральный Орган партии.

5. Делегатские доклады.

6. Организация партии.

7. Районные и национальные организации.

8. Отдельные группы партии.

9. Национальный вопрос.

10. Экономическая борьба и профессиональное движение.

11. Празднование первого мая.

12. Международный социалистический конгресс в Амстердаме 1904 г.

13. Демонстрации и восстания.

14. Террор.

15. Внутренние вопросы партийной работы:

а) постановка пропаганды,

б) постановка агитации,

в) постановка партийной литературы,

г) постановка работы в крестьянстве,

д) постановка работы в войске,

е) постановка работы среди учащихся,

ж) постановка работы среди сектантов.

16. Отношение Российской Социал-демократической Рабочей Партии к „социалистам-революционерам“.

17. Отношение Российской Социал-демократической Рабочей Партии к русским либеральным течениям.

18. Выборы Центрального Комитета и редакции Центрального Органа Партии.

19. Выборы Совета партии.

20. Порядок оглашения решений и протоколов с'езда, а равно и порядок вступления в исполнение своих обязанностей избранных должностных лиц и учреждений.

РЕГЛАМЕНТ С'ЕЗДА.

1. С'езд заседает два раза в день: с девяти часов утра до часу дня и с трех до семи часов вечера.

2. Каждый оратор может говорить не более десяти минут, докладчики не более получаса *), а лица, вносящие мотивированные предложения и резолюции, не более 20 минут.

3. По каждому вопросу никто не имеет права говорить более трех раз, но в это число не входит первая речь докладчика.

4. По вопросам о порядке заседания говорит не более двух ораторов за и двух против внесенного предложения.

5. Протоколы с'езда составляются секретарями при участии бюро. Каждое заседание с'езда начинается с утверждения протокола предыдущего заседания. Каждый оратор обязан не позднее как через два часа по окончании заседания представить в бюро с'езда конспект каждой своей речи.

6. Голосования по всем вопросам, кроме выбора должностных лиц, должны быть открытые. По требованию не менее, чем десяти голосов производятся именные голосования, с записью всех поданных голосов в протоколе.

7. Во всех, без исключения, голосованиях принимают участие лишь члены, имеющие решающий голос, причем имеющие два мандата подают два голоса.

8. Предложение считается принятым, если за него высказалось абсолютное большинство голосов. При отсутствии абсолютного большинства производится перебаллотировка, причем решает относительное большинство, но в исключительных случаях с'езду предоставляется передавать вопрос в комиссию.

9. Все резолюции, за исключением тех, которые касаются вопросов формального характера, вносятся в бюро письменно.

БЮРО И КОМИССИИ С'ЕЗДА.

Председатель—*Г. В. Плеханов.*

Вяце-председатели—*Ленин и Павлович.*

Секретарь бюро—*Фомин.*

Комиссия по определению состава с'езда: *Дейч, Колыцов, Ленин, Саблина и Юдин.*

Программная комиссия: *Аксельрод, Егоров, Ленин, Мартынов, Плеханов, Старовер и Юдин.*

Организационная комиссия: *Ленин, Мартов, Глебов, Егоров и Попов.*

Комиссия по просмотру делегатских докладов: *Фомин, Засулич и Попов.*

Комиссия для обсуждения проекта договора с социал-демократической партией Польши и Литвы: *Фомин, Мартов, Егоров, Плеханов и Русов.*

*) В исключительных случаях возможны отступления.

ГЛАВНЕЙШИЕ РЕЗОЛЮЦИИ,

принятые на втором съезде Российской Соц.-Дем.
Рабочей Партии.

О месте Бунда в Партии.

Принимая во внимание: а) что теснейшее объединение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает, безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта—второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России, и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда „Устав“, как проект части общепартийного устава, съезд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

О центральном органе Партии.

(Резолюция членов группы „Южный Рабочий“ и др.).

Принимая во внимание: а) заслуги „Искры“ в деле идейного объединения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями в нашей партии, а также с течениями, стремивши

мися совлечь движение рабочего класса с единственно верного пути; б) роль „Искры“ в деле руководства практической партийной работой, и в) руководящую роль „Искры“ в объединительной работе;—второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии объявляет „Искру“ своим Центральным Органом.

О районных организациях.

Съезд признает допустимым учреждение районных организаций в виде союзов комитетов, в тех областях России, которые отличаются крупными особенностями в отношении языка, состава населения и т. п. Утверждение устава таких организаций поручается Центральному Комитету Партии.

О местных организациях.

По отношению к местным организациям съезд признает необходимым существование лишь одной руководящей организации в каждом центре деятельности Партии и поручает Центр. Комитету принять меры к установлению такого единства. Что же касается не местных организаций—военной, издательской и т. п., то существование таких организаций съезд признает возможным под условием утверждения их Центральным Комитетом Партии.

О работе среди сектантов.

Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, второй съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантства в целях привлечения их к социал-демократии.

Съезд поручает Центр. Комитету заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе тов. Бонч-Бруевича.

О показаниях на следствии.

Принимая во внимание: а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров, служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата—второй съезд. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии рекомендует всем членам Партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии.

Об отношении к либералам.

(Старовера)

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия—самостоятельная политическая партия пролетариата,—исходя из того положения своей программы, которое гласит, что Партия „поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России

общественного и политического порядка", не отказывается вступать и если к тому представится надобность, вступит при посредстве своих центральных учреждений во временные соглашения с либеральными или либерально-демократическими течениями, при том, однако, условии: а) что эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии; б) что они не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание и в) что своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право.

Об отношении к либералам.

(Плеханова)

Принимая в соображение: а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; на что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность;—второй очередной съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на анти-революционный и противно-пролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве.

О социалистах-революционерах.

Принимая во внимание: а) что интересы российского пролетариата вообще и его освободительного движения в особенности требуют, чтобы он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; б) что только деятельность, направленная на объединение пролетариата в такую силу, вносит социалистически-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; принимая далее во внимание: в) что „социалисты-революционеры“ теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии;—съезд констатирует, что „социалисты-революционеры“ являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции „социалисты-революционеры“ преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционная фракция, оказываются совершенно несостоятельными, съезд считает их деятельность

вредной не только для политического развития пролетариата, но и для обще-демократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, съезд безусловно осуждает всякие попытки затушевывать принципиальное и политическое значение разногласий между „социалистами-революционерами“ и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимым, как в интересах развития политической самостоятельности российского пролетариата, так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выяснили и подчеркивали буржуазные тенденции „социалистов-революционеров“ и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

В виду вышеуказанных соображений съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с „социалистами-революционерами“, признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условие таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета.

О демонстрациях.

Принимая во внимание: а) что, при существующих в России условиях, политические демонстрации представляют одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; б) что демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; в) что, постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготавливая тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя,—съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты пользовались удобными случаями для организаций политических демонстраций.

Вместе с тем съезд констатирует, что в прежней постановке этого вопроса на практике замечались существенные недостатки, для устранения которых съездом рекомендуется: 1) комитеты должны широкой предварительной агитацией стараться обеспечить сочувственное отношение к целям демонстрации самых широких слоев населения и осведомленность их о задачах партии; 2) для организации демонстраций следует пользоваться такими моментами, когда существует подходящее для этого настроение рабочих масс, избегая искусственного возбуждения демонстраций при отсутствии такого условия; 3) активное ядро демонстрантов должно быть достаточно многочисленно, хорошо организовано и подготовлено к своей роли; 4) должны быть применяемы меры для того, чтобы, в случае необходимости, демонстранты могли давать активный и, по возможности, вооруженный отпор полицейским ордам; 5) ввиду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов.

Второй съезд Р. С. Д. Р. П. признает желательным, чтобы Цен. Ком. направлял и объединял усилия местных комитетов по организации демонстраций и взял в свои руки организацию обще-русских политических демонстраций по одному общему плану.

О профессиональной борьбе.

Принимая во внимание; а) что профессиональная борьба рабочих является необходимым следствием положения пролетариата в капиталистическом обществе; б) что эта борьба рабочих является одним из главных средств для противодействия тенденции капиталистического строя к понижению жизненного уровня рабочих; в) что эта борьба, поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов;—съезд признает, что задачей Р. С. Д. Р. П. в области профессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом—объединение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса.

Вместе с тем, в виду все более выясняющегося стремления царского правительства под фирмой „легализации рабочего движения“ захватить в свои руки экономическую борьбу рабочего класса и, развратив его политически, сделать игрушкой своей политики; в виду того, что эта, так называемая, „зубатовская политика“, помимо ее реакционно-политической подкладки и полицейски-провокаторских методов ее проведения, есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов, съезд рекомендует всем товарищам продолжать неустанную борьбу против зубатовщины во всех ее видах, разоблачать пред рабочими своекорыстный и предательский характер тактики зубатовских демагогов и призывать рабочих к объединению в одном классовом движении борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата. В интересах этой задачи съезд признает желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реактивного характера союза рабочих с самодержавием.

Об антиеврейских погромах.

Ввиду того, что движения, подобные столь печально известному кипишевскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции средством, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата, съезд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитических и всяких других национально-шовинистических подстрекательств.

О фабричных старостах.

Исходя из положений, развитых в революции о профессиональной борьбе и принимая во внимание: а) что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом, б) что, как и все попытки правительства к „легализации рабочего движения“—этот закон может и должен стать исходным пунктом для агитации против самодержавия и для развития классового самосознания пролетариата,—с'езд рекомендует всем организованным товарищам принимать участие в выборах фабричных старост согласно новому закону и вести агитацию при таких выборах для проведения наиболее надежных представителей рабочих и для разоблачения тактики властей и капиталистов при этих выборах.

О постановке пропаганды.

Принимая во внимание: а) что рост рабочего движения в России далеко обгоняет рост кадра сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть руководителями все осложняющейся борьбы российского пролетариата; б) что конспиративно полицейские условия в высшей степени затрудняют правильную постановку кружковой пропаганды в сколько-нибудь широких размерах; в) что такого рода пропаганда встречает значительные препятствия в отсутствии достаточного количества опытных и умелых пропагандистов;—с'езд признает необходимым, чтобы местные комитеты обратили самое серьезное внимание на правильную постановку пропаганды, руководясь при этом прежде всего задачей выработки сознательных и активных агитаторов с определенным революционным мировоззрением. С'езд предлагает местным комитетам обратить особое внимание на подбор умелых пропагандистов и поручает Центр. Комитету принять все необходимые меры для систематизации и объединения пропагандистской работы на местах, как-то: систематические указатели для занятий в кружках, ряд систематически подобранных брошюр пропагандистского характера и т. д.

Об отношении к учащейся молодежи.

Второй с'езд Рос. Соц.-дем. Рабочей Партии приветствует оживление революционной самостоятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям Партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлении организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащейся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического мировоззрения; серьезное ознакомление, с одной стороны, с марксизмом, а с другой стороны, с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы.

Об Амстердамском конгрессе.

Международные социалистические конгрессы должны не только свидетельствовать о солидарности рабочих всего мира, но в известной мере и руководить идейной и практической борьбой пролетариата. Поэтому второй съезд Рос. Соц.-дем. Раб. Партии рекомендует Совету Партии позаботиться о соответствующем представительстве на Амстердамском конгрессе 1904 года, чтобы и там защищать те принципы революционной социал-демократии, которыми Партия руководствуется во всей своей деятельности.

О партийной литературе.

Принимая во внимание: а) что развитию рабочего движения вширь должно соответствовать возможно более ясное понимание рабочими массами ближайших и конечных целей социал-демократии; б) что насущной задачей Партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей, и, считаясь с состоянием партийных сил в данное время;—съезд признает необходимым: 1) чтобы Ц. О. Партии уделял возможно более места вопросам политической и общественной жизни в форме, возможно более доступной широкому кругу читателей, с устранением, по возможности, статей чисто-теоретического характера; 2) чтобы в этих видах и в целях более систематического выяснения вопросов социалистической теории „Заря“ превращена была в орган Партии, при чем об условиях издания этого органа съезд поручает Центр. Ком. согласиться с редакцией Цен. Органа; 3) чтобы была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда по вопросам тактики.

Съезд поручает центральным учреждениям Партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений.

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ ¹⁾.

(Присутствует 48 лиц).

По поручению Организационного Комитета тов. Плеханов открывает второй очередной съезд Рос. Соц.-дем. Раб. Партии следующей речью:

„Товарищи! Организационный комитет поручил мне открыть второй очередной съезд Р. С.-Д. Р. П. Я об'ясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице Организационный Комитет хотел выразить свое товарищеское сочувствие той группе ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать лет тому назад, в 1883 году, впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе ²⁾. За это товарищеское сочувствие я от лица всех этих ветеранов приношу Организац. Комитету искреннюю товарищескую благодарность. Мне хочется верить, что по крайней мере некоторым из нас суждено еще долгое время сражаться под красным знаменем, рука об руку с новыми, молодыми, все более и более многочисленными борцами. Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже восклицал словами рыцаря-гуманиста: *„весело жить в такое время!“* Ну, а когда весело жить, тогда и охоты нет переходить, по выражению Герцена, в минерально-химическое царство, тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу, в этом и заключается весь смысл нашей жизни.

„Я сказал, что положение дел теперь чрезвычайно благоприятно для нашей партии. Эти слова могут показаться преувеличением в виду многих неурядиц, несогласий и разногласий, так сильно дававших себя чувствовать в последние пять лет. Эти неурядицы, несогласия и разногласия были, без сомнения, очень велики и прискорбны. Но они не мешали нашей партии стать—и в теоретическом, и в практическом отношении—самую сильную партию из всех существующих в России революционных и оппозиционных партий. Несмотря на все наши разногласия и несогласия, мы одержали уже не одну славную теоретическую победу и имели уже много крупных практических успехов. Двадцать лет тому назад мы были ничто, теперь мы уже большая общественная сила,—я говорю это, конечно, имея в виду русский масштаб. Но сила обязывает. Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения. Мы должны дать этой *стихийной* силе сознательное выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации. Это и есть задача нашего съезда, которому предстоит, как видите, чрезвычайно много серьезной и трудной работы.

Но я уверен, что эта серьезная и трудная работа будет счастливо приведена к концу и что этот съезд составит эпоху в истории нашей партии. Мы были сильны, съезд в огромной степени увеличит нашу силу. Объявляю его открытым и предлагаю приступить к выбору бюро". (Продолжительные аплодисменты).

Затем съезд приступает к выборам бюро: председателем избирается тов. Плеханов раг асселation, вице-председателями избраны по запискам тов. Ленин и Павлович; секретарем бюро тов. Фомин.

Съезд утверждает представленный Организационным Комитетом список десяти секретарей для ведения протоколов съезда.

По окончании выборов член Организационного Комитета читает доклад о созыве съезда:

„В... 1902 года, по инициативе Бунда и Петербургского Комитета, собралась конференция некоторых организаций нашей партии. В конференции приняли участие: Бунд, Петерб. Ком., Екатеринославский Ком., Искра, Союз Р. С.-Д. за границей, Нижегородский Ком. и Союз Южных Комитетов и Организаций³⁾).

„Инициаторами конференции предполагалось обратить ее в партийный съезд, если бы в ней приняло участие значительное большинство организаций. Это предположение не могло, однако осуществиться. Поэтому конференция ограничилась редактированием общей майской прокламации и выбором Организационного Комитета, которому она поручила дело созыва второго съезда партии, устройство обще партийного транспорта и издание от имени партии прокламаций. Организационный Ком. был составлен из представителей трех организаций: Искры, Бунда и Союза южных комитетов и организаций⁴⁾. Затем конференция разошлась, а вслед за этим сейчас же начались аресты... В течение всего лета Орг. Комитет не начинал своей деятельности и значительное число организаций даже не знало о его существовании.

„Конференция, между прочим, постановила, что в случае провала Орг. Ком. возобновление его должно быть делом всех участников конференции. Поэтому, осенью Петерб. Ком. Партии, не зная о существовании одного члена Организацион. Ком., взял на себя вторично инициативу нового восстановления Организацион. Ком. и обратился с приглашением съездаться к тем организациям, которые были участниками первой конференции, между прочим и к Бунду. На этот съезд являлся представитель Петерб. Ком., Искры, Группы „Южный Рабочий“ Киевского Ком. и Северного Союза, при чем представитель Груп. „Южный Рабочий“ заявил, что Союз Южных Ком. и Организаций уже не существует. Представитель Бунда не явился⁵⁾.

„На совещании было решено образовать Организ. Ком. из представителей тех организаций, которые вошли в состав Организ. Ком. по постановлению конференции, и затем пополнить его кооптацией нескольких новых членов. Такова связь настоящего Организацион. Ком. с конференцией 1902 года.

„Организацион. Комитету нужно было прежде всего заручиться доверием по крайней мере значительного большинства организаций. Начало в этом отношении было не совсем удачно. Мы упомянули уже, что представитель Бунда не явился на осеннее совещание. Причины этого были неизвестны

Организ. Ком., но он надеялся, что Бунд не откажется в дальнейшем принять участие в его деятельности, и в этом смысле было написано известное примечание в обращении к организациям. Инициаторы совещания пригласили Бунд 1) письмом в Центр. Ком. Бунда и 2) лично, через Виленский Комитет. Письмо не было получено Центр. Комитетом Бунда, а личное приглашение было передано Виленскому Ком. уже после совещания. Таким образом, представителя Бунда на совещании не было. Чтобы привлечь Бунд к участию в Организац. Ком., к Бунду был отправлен делегат. В переговорах с делегатом представитель Центр. Ком. Бунда заявил, что Бунд не откажется принять участие в Организ. Комитет, и что его отсутствие может быть заменено до некоторой степени участием в редактировании извещения и в подписи под ним. Делегат Организац. Ком., согласившись на это, немедленно отправил письмо о том, чтобы печатание или распространение извещения Организац. Ком. было задержано и чтобы оригинал его был представлен Центр. Ком. Бунда для подписи, если обстоятельства позволят. К сожалению, это тоже не могло быть исполнено, так как еще раньше некоторым комитетам случайно уже были доставлены печатные экземпляры извещения. Центр. Ком. Бунда было отправлено об этом письмо, но, как оказалось впоследствии, оно также не было получено. Поэтому Центр. Ком. Бунда, не зная о причинах неприсылки извещения, усмотрел в этом желание устранить его от участия в Организац. Ком., а примечание в извещении Организац. Ком., касающееся Бунда, показалось Центр. Ком. Бунда двусмысленным, и поэтому Центр. Ком. Бунда выпустил особое заявление, в котором укорял инициаторов совещания в том, что они слишком мало заботились о приглашении Бунда. Как бы там ни было, несомненно, однако, что Орган. Ком. отнюдь не думал устранять Бунд от участия в его делах, так как иначе он не посылал бы к нему одного за другим двух делегатов с приглашением прислать делегата. Впоследствии, на втором совещании О. К., на котором принял участие и представитель Бунда, были выяснены все недоразумения, обусловленные случайным стечением обстоятельств (неполучением писем, замедлением личных сношений за неимением адресов), и представитель Бунда признал, что Орг. Ком. был образован правильно и что с его стороны не было желания отстранить Бунд. А, между тем, инцидент с Бундом уже разросся в обширную полемику, которая могла быть окончена только раз'яснением в деталях всего инцидента, но неполное раз'яснение деталей Организац. Ком. считал неудобным и ему ничего не оставалось делать, как только просить Искру и Загр. Ком. Бунда прекратить полемику в виду того, что 1) недоразумения с Бундом уже улажены и 2) что полемика эта может дать повод к ложному толкованию отношений Орг. Ком. к Бунду и обратно.

„Немедленно после опубликования извещения Комитеты партии были опрошены об их отношении к Орган. Ком. Опрос этот дал следующий результат: Орг. Ком. был признан во всех своих функциях Комитетами—Петербург., Моск., Киев., Харьков., Екатеринослав. и Довским, Северным Союзом и Союзом Горно-заводских рабочих, Комитетами—Тифлис., Бакинск., Тульск., Саратов., Брянским и Сибирским Союзом. Одесский же и Николаевский Ком., признавая инициативу Орган. Ком. в деле созыва партийного съезда, находили нежелательной попытку Орг. Ком. исполнять неко-

торые функции Центр. Комитета. Совершенно исключительную позицию занял Воронежский Ком.: он выпустил длинное заявление, суть которого заключалась в том, что Орг. Ком. есть не что иное, как интрига Искры. Останавливаясь на заявлении Ворон. Ком. мы не будем в виду того, что оно не имело решительно никаких последствий, если не считать протеста 2-3 комитетов, возмущенных неприличным тоном заявления. В общем же выяснилось, что Орг. Ком. несомненно пользуется доверием Партии, в виду чего он мог немедленно приступить к дальнейшему осуществлению своих задач.—На втором совещании был выработан проект устава партийного съезда; при уставе обсуждалось предложение Бунда, выраженное в его печатном заявлении, что предстоящий съезд нужно рассматривать, как съезд учредительный, и что, следовательно, к участию в нем надо привлечь и другие национальные социал-демократические организации. Предложение было отклонено всеми остальными членами Орг. Ком., который рассматривал съезд, как съезд очередной. Вслед затем был предпринят вторичный обезд комит. Обсуждение Комитетами устава (см. приложение VI) дало следующие результаты: устав был принят целиком без всяких изменений Комитетами—Харьковским, Донским, Тифлесским и Союзами—Северным, Сибирским и Горнозаводским. Николаевский Комит. внес только редакционную поправку к примечанию § 1, не изменяющую смысла примечания, Петербургский Ком. предложил изменить только § 19, о порядке утверждения устава, предлагая дать Орг. Ком. полномочие утвердить устав без баллотировки его комитетами; самый же устав эти два комит. оставляли также без изменений. Екатеринославский, Киевский, и Московский Комитеты внесли изменение в § 4, предлагая—первый и второй—вычеркнуть из списка Группу „Освобождение Труда“, а третий—Лигу революц. соц.-дем. Одесский Ком. внес поправку к § 2, предлагая другую формулировку пункта второго, к § 4, предлагая включить группу „Борьба“ к § 10, предлагая дать два решающих голоса даже тем организациям, которые действуют в пределах одного города, и к § 19, предлагая принять §§ 2 и 19 баллотировкой всех входящих в партию организаций. Бакинский Ком. предлагал исключить примечание к § 1, предложил пригласить группу „Борьба“, исключить § 3, лишающий права голоса организаций, объединенные в союз, и увеличить число голосов Бунда. Кроме того, прислали свои замечания Брянский, Полтавский и Смоленский Комитеты. Не прислали замечаний Комитеты Нижегородский и Тульский. Бунд предлагал исключить § об императивных мандатах. В общем при баллотировке, произведенной в бюро Организационного Комитета, из 16 организаций, которые принимались в счет Орг. Ком., каждый § в отдельности был принят весьма значительным большинством, не менее как в $\frac{2}{3}$. Проект устава был принят, и об этом было объявлено всем организациям. Вместе с тем, Орг. Комитетом был составлен список местных организаций, имеющих право на участие в съезде на основании § 2. В список этот вошли следующие организации: Петербургский Комитет, Северный Союз, Московский Комитет, ...ский Ком.*), Саратовский Ком., Сибирский Союз, Кавказский Союз *).

*) В виду того, что от всех кавказских организаций поступило официальное заявление о несуществовании Кавказского Союза, то вместо него в список были внесены три комитета (Тифлесский, Бакинский и Батумский).

Довской, Екатеринославский, Харьковский, Киевский, Одесский и Николаевский Комитеты и Бунд. Всем другим организациям, а именно: Тульскому, Уфимскому, Второму Петербургскому, Кишиневскому Комитетам, Петербургской Рабочей Организации, Союзу горнозаводских рабочих, организации „Рабочая Воля“ в Одессе, Крымскому Союзу, Воронежскому Комитету, организациям Полтавы, Кременчуга, Елисаветграда, Херсона, Самары, Казани, Смоленска и Брянска—было сообщено, что не внесены в список.

„Из перечисленных организаций девять первых заявили протест против того, что Организационный Комитет не внес их в список. Протесты эти были разрешены следующим образом. Что касается Тульского Комитета, то первоначально Орг. Ком. не внес его в список, не имея точных сведений о том, удовлетворяет ли он условиям, перечисленным в § 2. Туда был послан один из членов Орг. Ком., после чего оказалось, что никаких оснований к исключению его из участия в с'езде не имеется.

„Одесская группа „Рабочая Воля“ не была внесена в список, так как, по сведениям Орг. Ком., группа эта представляет крайне ничтожную организацию, возникшую, правда, еще до 1-го мая прошлого года, но не проявлявшую почти никакой деятельности до осени прошлого года. С этого же времени „деятельность“ „Рабочей Воли“ была известна Одесскому Комитету только по 3-4 прокламациям, распространенным в весьма небольшом количестве. Что касается других организаций, работающих в соседних городах, то ни Николаевский, ни Кишиневский Комитеты решительно ничего не знали о „Рабочей Воле“, кроме того, что она отделилась когда-то от Одесского Комитета. Никаких сношений с другими социал-демократическими организациями группа „Раб. Воля“ не вела, так что других свидетельских показаний Орг. Ком. собрать не мог. Что касается личных бесед с представителями „Раб. Воли“, то эта организация отнюдь не производила впечатления солидности. В виду этого, Орг. Ком. сообщил ей, что он не внес ее в список организаций, имеющих право участвовать на с'езде, и предложил ей третейский суд, если она недовольна постановлением Орг. Комитета. „Рабочая Воля“ ответила, что она протестует против невнесения ее в список, но в то же время не желает и третейского суда по двум причинам: 1) она думает, что суд будет простой комедией и что Орг. Ком. в конце концов поставит на своем и 2) она „не признает“ вообще этих параграфов о третейском суде. В ответ на это представитель Орг. Комитета указал „Раб. Воле“, что весь устав, предложенный Орг. Ком., принят целиком, и что если „Раб. Воля“ не признает его, то об участии ее в с'езде не может быть и речи. Затем представитель Орг. Ком. спросил „Раб. Волю“ об ее отношении к предстоящему с'езду, предлагая ей представить с'езду письменный протест против действий Орг. Ком. „Рабочая Воля“, после обсуждения этого предложения, ответила, что предстоящий с'езд она не будет признавать с'ездом Партии, и что протест она представить не намерена ?).

„Во всех других случаях протеста состоялись третейские суды; приводим их решения:

1. Уфимский Комитет решено пригласить на с'езд (Текст резолюции по этому поводу не мог быть доставлен с'езду).

2. Относительно Петербурга решено отнять один голос у СПб. Комитета и передать его Комитету рабочей организации (называющему себя также СПб. Союзом Борьбы), а другой группе, также именующей себя СПб. Комитетом, предоставлено ходатайствовать перед с'ездом о допущении на с'езд ее представителя, от какового ходатайства означенная группа отказалась. (Текст резолюции по этому поводу не печатается по конспиративным причинам ^{а)}).

3. Союз горнозаводских рабочих получил право полного участия в с'езде (см. резолюцию I в прилож. VII).

4. Кишиневскому Комитету в праве участия в с'езде было отказано (см. резолюцию II в прилож. VII).

5. Относительно Крымского Союза постановление третейского суда о приглашении данной организации на с'езд состоялось на основании знакомства с ее деятельностью в Керчи, Мелитополе, Ялте, Феодосии и Симферополе.

„Таким образом первоначальный список был пополнен еще пятью организациями, и в с'езде принимают участие 21 местная организация, включая сюда и Бунд, всего 27 организаций: 1) Петербургский Комитет, 2) Петербургская Рабочая Организация, 3) Московский Комитет, 4) Северный Рабочий Союз, 5) Тульский Ком., 6) Харьковский Ком., 7) Киевский Ком., 8) Одесский Ком., 9) Николаевский Ком., 10) Екатеринославский Ком., 11) Донской Ком., 12) Союз Горнозаводских Рабочих, 13) Бакинский Ком., 14) Тифлиссский Ком., 15) Батумский Ком., 16) Саратовский Ком., 17) Уфимский Ком., 18) Сибирский союз, 19) Крымский союз, 20) Бунд, 21) группа „Освобожд. Труда“, 22) Русская организация „Искры“, 23) Лига Русск. Революционной Социал-демократии, 24) Союз Русских Соц.-дем. за границей, 25) Заграничный Комитет Бунда, 26) Группа „Южного Рабочего“ и 27) один комитет, делегаты которого на с'езд не явились.

„Так как на основании § устава, гласящего, что Орг. Ком. должен открыть с'езд, если на него явится не менее половины полноправных организаций, то настоящий с'езд, на который явились представители всех организаций, кроме одной, должен считаться законным“ ^{а)}).

Акимов. В дополнение к отчету Организационного Комитета считаю нужным отметить, что, по постановлению белостокской конференции 1902 г., в состав Организационного Комитета должны были войти представители трех заграничных организаций: Искры, Союза Русских Социал-демократов и Заграничного Комитета Бунда. После ареста русских товарищей заграничные организации пытались восстановить Орг. Ком., но эти попытки не были поддержаны русскими товарищами, о чем приходится чрезвычайно сожалеть, так как в этом случае дела пошли бы скорее и успешнее. В докладе Орг. Ком. указано, что по выработке проекта устава последний был разослан всем организациям. Однако, Союз русских социал-демократов

^{а)} На основании указаний, сделанных бакинскими и батумскими делегатами докладчик Организационного Комитета сделал следующие поправки к своему докладу:

1) Бакинский Комитет не предлагая приглашать Борьбу на с'езд.

2) Батумский Комитет признал Орг. Ком. во всех его функциях и принял устав целиком без изменений

проекта не получил. Этим объясняется, между прочим, и то, что, несмотря на просьбу Воронежского Комитета ходатайствовать о приглашении его на съезд, мы, долго не имея устава и списка полноправных организаций, обратились к Организационному Комитету слишком поздно, чтобы можно было назначить третейский суд. Предлагаю поэтому вести в комиссию вопрос о присутствии Воронежского Комитета на съезде, на что названный Комитет, по моему мнению, имеет все права.

Брукер. Неверно, что в Организационный Комитет вошел представитель Петербургского Комитета, так как в Петербурге существовало два комитета; кроме Комитета был еще „Союз Борьбы“ от которого я являюсь представителем на астоящем съезде. Извещение об образовании Орг. Комитета „Союз Борьбы“ получил очень поздно—в феврале. И тогда же „Союз“ ответил, что признает Орг. Комитет только при условии участия представителя от „Союза Борьбы“ в Организационном Комитете. В этом Орг. Комитет нам отказал. Тем не менее „Союз Борьбы“ впоследствии признал Орг. Ком. и принял участие в съезде. „Союз Борьбы“ получил право участия в съезде только через третейский суд. Сверх того, я протестую против того, что Орг. Ком. называл все время „Союз Борьбы“ организацией, хотя третейским судом он был признан продолжателем первого Петербургского Комитета. Воронежский Комитет, членом которого я случайно состоял, никакого извещения о том, что он не принят на съезде, не получил. Я энергично протестую против выражения, употребленного Организационным Комитетом в его отчете, по поводу заявления Воронежского Комитета, что весь Орг. Комитет—„интрига“ „Искры“. „Искра“, перепечатав отдельные фразы из заявления Воронеж. Комитета, дала неверное представление об этом заявлении. Никаких злобных затей в заявлении Воронеж. Комитета не было.

По предложению председателя, съезд решает передать все претензии по поводу состава съезда в комиссию по проверке мандатов, в которую избраны по запискам: Дойч, Саблина, Ленин, Юдин и Мартов, а за отказом последнего его место занимает следующий кандидат—Кольцов.

Съезд переходит к обсуждению *регламента* съезда. § 1 принимается без прений. § 2 касается вопроса об ограничении времени для речей ораторов.

Мартинов находит неудобным ограничить время для речей по всем вопросам. Для некоторых вопросов, в виду важности их, необходимо предоставить съезду определить продолжительность речей.

Либер согласен с Мартовым относительно установления специального *modus'a* во время обсуждения отдельных вопросов. Кроме того, он не может согласиться с ограничением числа речей для каждого оратора. Съезд многолюден и во время дебатов будет выдвигаться множество новых возражений, на которые невозможно ответить при ограничении числа речей. В крайнем случае он может еще согласиться на ограничение времени речей, но не их числа.

Орлов спрашивает, сколько времени отведено для внесения и защиты мотивированных предложений, т. е. для резолюций или поправок к ним с формулировкой. В этих случаях требуется больше времени, по крайней мере 20 минут.

Мартов согласен с товарищем Орловым, что мотивировка требует больше времени, чем простое участие в прениях. В видах экономии времени он присоединяется к предложению об ограничении числа речей, находя, что в исключительных случаях съезд может уклониться от общего правила. Он протестует против отдельного *modus'a* по отдельным вопросам.

Дейч предлагает для первой речи 15, а для второй десять минут. С ограничением числа речей согласен.

Либер. Докладчик должен иметь всегда последнее слово.

Председатель. Это всегда так делается, поэтому не внесено в регламент.

Ланге предлагает присоединить пункт о желательности в исключительных случаях отступления от того пункта, который устанавливает время для речей докладчиков.

Большинством 22 голосов против 13 для докладчиков установлено время в полчаса. Предложение товарища Ланге также принято.

Для внесения мотивированных предложений принято время в 20 минут. Принимается ограничение числа речей тремя.

Мартов поднимает вопрос о праве лиц с совещательным голосом участвовать в голосовании регламента.

Вопрос решается утвердительно.

Гусев предлагает для первой и второй речей по десять минут, для третьей пять минут.

Принимается для всех трех речей по десять минут.

§ 2 Регламента съезда принимается.

Мартов вносит предложение, чтобы по всем вопросам формального характера, т. е. по вопросам, касающимся порядка заседания (*Geschäftsordnung*) голосование происходило по числу наличных членов, т. е. предлагает включить и лиц с совещательным голосом. По существу же вопросов, занимающих съезд, голосование должно быть по мандатам.

Ленин находит, что это затруднило бы подсчет и предлагает единообразный подсчет голосов, т. е. по мандатам.

Принято последнее предложение.

Либер замечает, что лица с совещательным голосом уже принимали участие в голосовании.

Ленин поясняет, что это касалось только регламента съезда.

Принимаются §§ 3, 4 и 5 регламента.

Юдин спрашивает, принимаются ли резолюции абсолютным или относительным большинством.

Муравьев. Как быть с воздержавшимися? Если часть воздержалась, то, значит, она считает себя некомпетентной в вопросе. Предлагаю поэтому решать вопросы большинством голосующих.

Махов. Независимо от числа воздержавшихся абсолютное большинство может не получиться также и в том случае, когда голоса разобьются на нескольких резолюциях.

Плеханов предлагает для таких случаев перебаллотировку, результат которой принимается независимо от числа воздержавшихся.

Либер. Резолюции съезда будут иметь огромное значение. Отсутствие абсолютного большинства по некоторым резолюциям умалило бы их значение. Поэтому предлагаю принимать резолюции только абсолютным большинством. В противном случае, т. е. если абсолютного большинства не получилось, вопрос сдается в комиссию, которая и вырабатывает общую резолюцию.

Председатель. А если и затем не будет абсолютного большинства?

Либер. То не принимать совершенно никаких резолюций.

Посадовский. Решения съезда обязательны для всей партии. Поэтому, в том случае, когда резолюции принимаются немногими представителями партии, лучше их совсем не принимать.

Махов предлагает, при неполучении абсолютного большинства за одну из резолюций, производить перебаллотировку, результаты которой признаются решающими во всяком случае.

Мартос. Пункты, подобные предлагаемым товарищами Либером и Посадовским, ни в каком регламенте не проводятся. Предлагаю принимать резолюции после перебаллотировок, хотя бы получилось вновь лишь относительное большинство, так как и оно делает резолюции законными. Воздержание от голосования показывает, что воздержавшийся не хотел связать себя с решением большинства, но не идет в своем протесте настолько далеко, чтобы присоединиться к меньшинству. В таком случае—делить голоса воздержавшихся пополам, так как мы не должны давать возможности проваливать резолюции воздержанием.

Гусев. Здесь смешивают три понятия: относительное, абсолютное и простое большинство. Относительное большинство возможно, но только при трех резолюциях. При двух же резолюциях может быть только простое большинство.

Мартынов. Немыслимо принять постановление о непринятии решений, так как в данном случае из программы, напр., пришлось бы, может быть, исключить весьма существенные пункты. Предлагаю: при относительном большинстве необходимо передавать решения в комиссию и, если затем не получится абсолютное большинство, всетаки принимать решения. Отдельные члены партии могут быть некомпетентны в решении вопросов, но социал-демократическая партия в целом не может отказаться от принятия решений.

Колызов. Возвращение в комиссию излишне, так как эти резолюции выйдут из комиссий, в которых, надо полагать, будут представлены различные мнения. Лучше произвести перебаллотировку.

Ленин. Предлагаю, чтобы все вопросы решались простым большинством поданных голосов.

Либер. Мнения выясняются только во время дебатов. Может быть, вопрос не настолько выяснен, чтобы голосовать сразу. Отказываясь от своего предложения, присоединяюсь к предложению о том, чтобы резолюцию, не получившую абсолютного большинства, передавать в комиссию из представителей различных мнений и вторичное голосование съезда признавать окончательным даже при относительном большинстве.

Съезд принимает предложение товарища Махова (см. § 8 регламента). § 8 реглам. принимается.

Кольцов предлагает, для облегчения работ бюро, письменное внесение резолюций, за исключением тех, которые касаются вопросов формального характера.

Это предложение принято (см. § 9 реглам.), а также весь регламент целиком.

Съезд переходит к рассмотрению *списка вопросов*, подлежащих его обсуждению. Такой список предложен Орг. Комитетом (см. порядок дня).

Либер. Что понимать под пунктом—национальный вопрос? Почему он выделен из пункта: проект программы? Как понимать, что национальный вопрос—вопрос тактики? Почему этот вопрос не отнесен к числу кардинальных вопросов?

Ленин. По плану вопрос о программе поставлен на второе место. Национальный вопрос входит в программу и решается при ее обсуждении. Вопрос о районных и национальных организациях вообще—вопрос организационный. Вопрос же об отношении к национальностям в частности есть вопрос тактический и представляет применение наших общих принципов к практической деятельности.

Мартов. Национальный вопрос связан с вопросом тактики постольку, поскольку социал демократия, как партия, определяет свое отношение к различным национальным протестам. Верно, что подобные вопросы не могут быть окончательно решаемы независимо от решения принципиальных вопросов, но это не мешает выделять их.

Гусев. Предлагаю внести еще одну рубрику: разные вопросы, на случай возникновения непредусмотренных вопросов.

Мартов. Предлагаю или предварительное отведение подобной рубрики или внесение вопросов, возникших в связи с обсуждением уже поднятых вопросов или вытекающих из них, в бюро съезда.

Ленин. И то и другое излишне, так как по требованию большинства съезд всегда вправе поднимать подобные вопросы.

Либер. Что понимается под пунктом: национальные организации? Этот вопрос поставлен как бы независимо от вопроса о положении Бунда в партии.

Ленин. Первый пункт списка *) относится специально к организации Бунда. Шестой **) же касается организации партии. По установлении общего закона по отношению к местным районным, национальным и другим организациям ставится специальный вопрос: какие же именно организации и на каких условиях привлекаются в партию?

Список вопросов съездом принят. Новые вопросы могут быть подняты по требованию не менее десяти голосов.

Съезд переходит к обсуждению порядка вопросов (смотри порядок дня съезда).

Либер. Порядок дня, предложенный Орг. Ком. не удовлетворителен. Почему вопрос „о положении Бунда в партии“ поставлен перед всеми другими вопросами? Ведь Бунд фигурирует на этом съезде, как автономная часть, т. е. на основании положений первого съезда. Следовательно, вопрос

*) Пункт 2-ой порядка дня.

**) Пункт 7-ой порядка дня.

об изменении положения его в партии может обсуждаться лишь наряду и в связи с остальными вопросами об организации партии. Такой способ обсуждения необходим еще и потому, что взгляд на положение Бунда в партии, в значительной степени, если не вполне, вытекает из взгляда на общие вопросы об организации партии. — Порядок дня, предлагаемый мною, таков: 1) отчеты, 2) программные вопросы, 3) вопросы об организации партии и в связи с ними вопрос о положении Бунда в партии. Этот порядок дня имеет следующие преимущества. Прежде чем приступить к обсуждению разных вопросов, необходимо иметь понятие о положении движения в разных частях страны; это тем более необходимо, что между первым и вторым съездом партии прошло более пяти лет, а за это время картина движения резко изменилась. Затем докладчики в своих отчетах обыкновенно отмечают те вопросы, указывают на те стороны движения, которые более всего нуждаются в освещении и т. д. Второе место должны занять программные вопросы. Прежде чем приступить к обсуждению других вопросов, необходимо столкнуться на почве принципиальной, на почве программы. Ведь, в сущности, Рос. Соц.-Дем. Раб. Парт. до сих пор официальной программы не имела, ей теперь только предстоит принять такую, и само собой понятно, что прежде всего должно быть достигнуто единство именно на почве программы. Тот или другой характер программы может, кроме того, иметь сильное влияние на организационный принцип партии.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ.

(Присутствует 51 лицо).

Продолжается обсуждение порядка дня.

Ленин. Я хочу сделать одно замечание. Говорят, что неправильно ставить на первое место вопрос о Бунде, так как на первом месте должны быть доклады, на втором месте программа, а на третьем—Бунд. Соображения за этот порядок не выдерживают критики. Сводятся они к тому, что партия в целом не столкновалась еще с программой: может случиться, что именно по вопросу о программе мы разойдемся. Эти слова меня удивляют. Правда, у нас нет теперь принятой программы, но предположение о разрыве по вопросу о программе является до последней степени гадательным. В партии, по сколько-нибудь вопросу идет о литературе ее, в последнее время отражавшей мнения партии наиболее полно, таких течений не замечалось. Мотивы для постановки вопроса о Бунде на первое место имеют и формальные, и моральные. Формально мы стоим на почве Манифеста 1898 года, а Бунд выразил желание изменить коренным образом организацию нашей Партии. Морально многие другие организации выразили несогласие с Бундом по этому вопросу; таким образом возникли резкие разногласия, вызвавшие даже полемику. Нельзя, поэтому, приступать к дружной работе съезду, не устранив этих разногласий. Что касается докладов делегатов, то возможно, что вообще их не будет вовсе. Поэтому, я поддерживаю порядок вопросов, одобренный Организационным Комитетом.

Акимов. Я поддерживаю предложение Либера. Мне кажется совершенно невозможным обсуждать вопрос о положении Бунда в Партии, пока не решен вопрос об организации Партии. Бунд имеет свою демократическую, республиканскую организацию. Если наша Партия будет организована по иному принципу, то я защищал бы все меры, которые сохранят хотя бы для Бунда ту прекрасную организацию, которую я хотел бы видеть у всей нашей Партии. Наоборот: если наша организация будет демократической, я стоял бы против всяких мер, обособляющих Бунд от Партии. Кроме того, я предлагаю вопрос о Центральном Органе поставить после вопроса об организации, так как нельзя признать тот или иной орган партийным, пока еще неизвестно, в каком отношении будет состоять Центральный Орган к Центральному Комитету, будет ли редакция выборной, будут ли ей даваться инструкции, будет ли редакция ответственна за исполнение этих инструкций и проч.

Либер. Товарищ Ленин совершенно неправильно осветил вопрос о Бунде. Остальные организации Партии, кроме Искры, не высказывали своего отношения к этому вопросу. А, между тем, постановка вопроса о Бунде на первое место является уже предрешением его. Ленин не ответил на вопрос, который был поставлен. Бунд явился на съезд, как автономная часть Партии. В уставе 1898 года об организации Партии ничего не сказано. Бунд вносит теперь новое предложение, но вносит его в отдельные части порядка дня, напр., о районных и национальных организациях и проч. Нам предстоит целиком конструировать организационный устав Партии, и потому выделение вопроса о Бунде является предрешением его. Изменение было внесено на четвертом съезде Бунда, который выразил желание видеть Партию построенной на федеративных началах. Вопрос ставился в общей форме, а не только в отношении к Бунду. И потому я предлагаю съезду вопрос о Бунде не ставить на первом месте.

Махов. Полагая, что Бунд настаивал на постановке „вопроса о Бунде“ на первое место, я должен был мириться с этим порядком рассмотрения вопросов, в виду, так сказать, печальной необходимости. Оказывается, представители Бунда не только не предъявляют прав на исключительное внимание съезда, но даже протестуют против такого преимущества. Полагая, с своей стороны, что нельзя решать вопроса о Бунде, не исходя наперед из тех или иных теоретических предпосылок на все вопросы теории и практики, я думаю, что при рекомендуемом порядке дня придется поневоле развивать общие соображения. Я полагаю, что обсуждение вопроса о Бунде на первом месте будет сопряжено с непроизводительной потерей времени. Если же необходимо покончить с Бундом, как можно скорей, то...

Председатель. Вопроса никто так не формулировал.

Троцкий. Либер указал на то, что первый съезд дал только кардинальные штрихи программы, тактики и организации. Второму съезду предстоит разрешить целый ряд вопросов, входящих в эти три рубрики. Поэтому, вопрос о месте Бунда в Партии не подлежит выделению: он входит в рубрику организации Партии. Я этого мнения не разделяю. Первый съезд дал только „кардинальные штрихи“ организации, но он их дал. Мы от них исходим. Раз в Партии всплыли глубокие разногласия, касающиеся этих „кардинальных штрихов“, эти разногласия в интересах дальнейших работ должны быть исчерпаны в первую голову. Если бы в Партии накопились разногласия по коренным вопросам программы и тактики (классовый характер Партии, террор и пр.),—мы бы и их выдвинули на первое место: ибо не имеет смысла совместно обсуждать детально разработанную программу, тактику и организацию, раз мы разногласим в основах партийной жизни. Но такое основное разногласие имеется только по организационному вопросу: единая организация с той или другой степенью самостоятельности частей („автономия“)—или союз самостоятельных организаций („федерация“)? Раз этот вопрос встал перед нами,—а он встал—мы должны его исчерпать, мы не должны его откладывать.

Мартов. Упускается из вида одно обстоятельство: если бы съезд принял федеративную организацию, мы бы тем самым оказались распавшимися на ряд самостоятельных организаций, и перед русскими товарищами

станет задача сначала организоваться, чтобы быть в равноправных условиях с Бундом, при обсуждении общепартийных вопросов. Я признаю затруднения, указанные товарищами Акимовым и Маховым, но ими надо поступиться в интересах экон мии сил во время дальнейших дебатов.

Тьвов. Либер сказал, что Бунд решил вопрос о федерации только в принципе. Это неверно. Бунд это постановление проводил в жизнь в отношениях к Союзу русских социал-демократов за границей. Неверно также, что русские организации, кроме Искры, не определили своего отношения к Бунду. Они его выразили заявлениями своей солидарности с Искрой.

Акимов повторяет еще раз свои прежние доводы против обсуждения вопроса о Бунде в первую голову и указывает, что в случае, предусмотренном выше Мартовым, мы лишились бы возможности обсуждать организацию Партии с такими опытными товарищами, как представители Бунда.

Махов. Предыдущими ораторами признается в равной мере, как и мною, что обсуждение вопроса о Бунде на первом месте представляется нелогичным. Тов. Троцкий выдвигает лишь то основание для постановки вопроса о Бунде на первом месте, что вопрос о Бунде является большим местом. Я полагаю, что больших мест может оказаться более, чем мы думаем, например, вопрос о демократическом устройстве или, наоборот, о централизме, и потому постановка вопроса о Бунде на первое место по этой причине не выдерживает критики.

Плеханов. Товарищ Мартов, соглашаясь с Акимовым, допускал, что есть некоторая нелогичность при постановке вопроса о Бунде на первое место. Такой нелогичности, в сущности, нет. Есть нелогичность, только кажущаяся, нелогичность, создаваемая положением дня. Одно из двух: или наш съезд очередной, или он учредительный. Если съезд очередной, — в чем не может быть ни малейшего сомнения, — то жизнь Партии должна идти по тому руслу, которое уже проложено первым съездом. Если же предлагают жизнь Партии коренным образом изменить, то прежде всего надо решить вопрос, согласны ли мы на это? Перед нами стоит дилемма: автономия или федерация! Разногласие прежде всего организационное. Но ведь и всякое количественное различие постепенно переходит в различие качественное.

Либер (к порядку) указывает, что Плеханов пункт регламента о положении Бунда в Партии переименовал в пункт — автономия или федерация.

Плеханов. Все равно, вопрос сводится к Бунду.

Список ораторов закрывается. Большинством 30 против 10 вопрос о Бунде решено рассматривать в первую очередь *).

Акимов поддерживает свое мнение о желательности рассмотреть вопрос об органе после вопроса об организации Партии.

Мартов. Пункт третий списка *) говорит только о назначении органа, а организационные отношения между Центральным Органом и Центральным Комитетом должны быть рассмотрены особо при обсуждении вопроса об организации Партии вообще.

*) Пункт 4-ый порядка дня.

Акимов. Что значит „назначение органа“? Будет ли признан орган уже существующий или будет выбрана редакция?

Егоров. Чем вызвана постановка вопроса о Центральном Органе на третье место? Раньше это имело свое значение, так как неясно было отношение большинства к тому, каков должен быть Центральный Орган. Теперь, когда в Партии установилось идейное единство, вопрос этот можно обсудить в связи с организацией Партии.

Ленин. После того, как съезд решил вопрос о первом пункте в нашем порядке дня, единственным оспоренным вопросом относительно порядка дальнейших пунктов является вопрос о третьем пункте. Этот пункт гласит: „создание Центрального Органа Партии или утверждение такового“. Некоторые товарищи находили, что этот пункт следует отодвинуть куда-либо дальше, ибо, во-первых, нельзя говорить о Центральном Органе, пока не вырешены вопросы об организации Партии вообще и ее центра в частности и т. п., а во-вторых, по существу этого вопроса многие комитеты уже высказались. Я нахожу неправильным последний довод, ибо заявления комитетов для съездов не обязательны и формально решающего голоса на съезде не имеют. Другое возражение неправильно, ибо прежде, чем решать вопрос об организационных деталях, об уставе Партии и проч., необходимо вырешить окончательно вопрос о направлении русской социал-демократии. Именно по этому вопросу мы были разделены так долго, и устроить все разделяющие нас разногласия по этому вопросу нельзя одним утверждением программы: этого можно достигнуть, только решив немедленно после вопроса о программе вопрос о том, какой Центральный Орган Партии должны мы создать заново или какой именно утвердить старый с теми или иными изменениями.—Вот почему я поддерживаю тот порядок дня, который был утвержден Организационным Комитетом.

По предложению председателя все пункты порядка дня принимаются с 11 часов 36 голосами против шести при одном воздержавшемся.

Съезд переходит к выслушиванию отчета комиссии по проверке мандатов и по определению состава съезда.

Докладчик (Кольцов). На съезде присутствуют 42 делегата, имеющих 51 мандат, следовательно восемь делегатов (Бакинского, Батумского и Тифлисского Комитетов, Горнозаводского Союза, Крымского Союза, Николаевского Комитета, Организации „Искры“, Лиги Революционной Социал-демократии) имеют по два мандата. Все остальные организации: Московский, Тульский, Харьковский, Киевский, Одесский, Екатеринбургский, Донской, Саратовский и Уфимский Комитеты, Северный и Сибирский Союзы, Группа „Освобождение Труда“, Союз Русских Социал-демократов за границей, Заграничный Комитет Бунда и Группа Южного Рабочего послали по два делегата. Исключение составляют только Петербургский Комитет и Петербургская Рабочая Организация, имеющие по одному делегату с одним мандатом, и Бунд, имеющий двух делегатов с тремя мандатами. Все мандаты комиссией проверены и признаны правильными. Кроме того, на съезде присутствуют с правом совещательного голоса восемь членов различных организаций, приглашенных Организационным Комитетом на основании предоставленного ему права.—Жалобы поступили от Воронежского Комитета и группы „Борьба“.

Известно, что Воронежский Комитет относился отрицательно к самому факту появления Организационного Комитета. В двух прокламациях он не только критиковал состав Орг. Комитета, но и оспаривал за ним право на существование. Воронежский Комитет, по словам его защитников, делал попытки вступить в сношения с Орг. Комитетом по вопросу о его допущении на съезд, но тем не менее просьба о третейском суде от него поступила лишь за два дня до открытия съезда. Само собою разумеется, что эта просьба не могла быть выполнена, в виду невозможности теперь найти судей и свидетелей. Комиссия опрашивала также Орган, Комитет и некоторых представителей соседних организаций о деятельности Воронежского Комитета. На основании всего этого она считает возможным предложить съезду следующую (см. прим.) резолюцию *).

Следующая жалоба, поступившая в комиссию, исходит от группы „Борьба“. От этой группы поступило следующее послание (см. Приложение I). Письмо, посланное группой „Борьба“ Орг. Комитету, последним получено не было. Письмо, посланное этой группой в заграничное бюро Орг. Комитета товарищу Дейчу, было им получено за несколько дней до съезда.—Что касается существа дела, то комиссия, выслушав представителей Орг. Комитета, приняла к убеждению, что оценка, сделанная в примечании к одному из § проекта устава второго съезда Росс. Соц.-дем. Рабочей Партии и говорящая о значении группы „Борьба“, вполне соответствует действительности. Русские организации, за очень редкими исключениями, вовсе и не думали о приглашении этой группы, несмотря на то, что вышеуказанное примечание прямо обращало их внимание на существование подобной группы. В виду этого в тут отношении комиссия не могло не быть отрицательным **).

Кроме этих жалоб, комиссии было доложено письмо одного польского товарища из Соц.-Дем. Партии Польши и Литвы следующего содержания (см. приложение II). Так как между Соц.-Дем. Партией Польши и Литвы и Организационным Комитетом давно велись переговоры по поводу участия Социал-демократии Польши и Литвы на нашем съезде, так как, с другой стороны, из данного письма не видно, в какие отношения к Российской Партии хочет стать Польская Социал-демократия, то комиссия решила предложить съезду следующую (см. прим.) резолюцию по этому поводу ***).

*) В виду того, что Воронежский Комитет не признавал Организационного Комитета, а также устава, на основании которого был созван съезд, второй съезд Российской Социал-демократической Рабочей Партии находит, что Орг. Ком. имел несомненное право не приглашать на съезд означенный Комитет. Третейский суд, официально предложенный Воронеж. Комитетом только за два дня до открытия заседаний съезда, не может иметь места, в виду отсутствия в данный момент условий для такого суда. Что же касается вопроса о правоспособности Воронежского Комитета, то и в этом отношении никакой несправильности в действиях Организационного Комитета съезд усмотреть не мог.

**) Резолюция: Второй съезд Российской Соц.-дем. Рабочей Партии, вполне соглашаясь с мнением Организационного Комитета, что группа „Борьба“ не представляет особого течения в социал-демократии и не пользуется влиянием среди социал-демократических организаций России, постановляет, что приглашение этой группы излишне.

***). В виду восстановления Организационного Комитета и в виду важности участия на съезде организаций, признающей „дело объединения Партии социал-

Все решения комиссии были приняты единогласно четырьмя ее членами. Что же касается пятого члена, то он: 1) в вопросе о Воронежском Комитете соглашался с первыми тремя пунктами резолюции, а пункт четвертый предлагал заменить другим, гласящим: „Нет достаточных данных для того, чтобы прийти к решению по вопросу о правоспособности Воронежского Комитета“, 2) по вопросу о группе «Борьба» пятый член комиссии заявил, что он совершенно незнаком с этой группой, но находил нужным предоставить ей один совещательный голос; 3) наконец, по вопросу о приглашении польских социал-демократов он находил, что решение этого вопроса не входит в компетенцию комиссии.

Егоров. Вопрос о „Борьбе“ для меня—новый. А потому я прошу перерыва на пять минут для того, чтобы переговорить с товарищами.

После совещания бюро, председатель заявляет, что перерыв разрешен, но в виде исключения.

По возобновлении заседания, слово имеет Мартынов: Не входя в оценку „исторических заслуг“ группы „Борьба“, в которой мы не сходимся с самой группой, не входя в оценку формальных прав группы на присутствие ее на съезде, я настаиваю на ее присутствии исключительно с точки зрения интересов партии и съезда: съезд заинтересован во всестороннем обсуждении программы, а участие группы будет этому содействовать. Это единственная социал-демократическая группа, выступившая с критикой программы, предложенной редакцией „Зари“ и „Искры“. Как бы ни относиться к брошюре Рязанова, она побудила тов. Плеханова более определенно высказаться по двум вопросам: об отношении к оппозиционным течениям и об общине. Критика, значит, оказалась полезной и с точки зрения тех, которые во всем безусловно согласны с проектом „Искры“. Возражения против ее участия несостоятельны. „Свобода“ или „социалисты революционеры“ не приглашаются, потому что они не социал-демократы, а насчет Рязанова сам тов. Плеханов заявил косвенно в конце своего фельетона, что им не руководят мотивы принципиального разногласия. „Жизнь“ не была приглашена, потому что она ничего не высказала заслуживающего внимания, между тем как против Рязанова тов. Плеханов счел нужным выступить в „Искре“, и потом с возражениями по существу.—Участие группы „Борьбы“ не может угрожать организационному единству Партии, потому что она очень мала и бессильна; у нее есть только „особое мнение“ в пределах социал-демократических принципов, а всякое такое мнение съезду полезно выслушать и обсудить.

Плеханов. Как в письме группы „Борьба“, так и в речи тов. Мартынова есть указание, что я заявил, будто критика Рязанова является результатом личных счетов. Это неверно. Напоминаю, что у меня была поставлена дилемма: или критика Рязанова является продуктом его умственной бедности, или — желанием путать вопросы по соображениям личного

демократии во всей России делом первостепенной важности“, второй съезд Росс. Соц.-дем. Рабочей Партии с удовольствием приглашает на съезд товарищей из Социал-демократии Польши и Литвы, с представленным ей совещательного голоса, впредь до представления съезду принятой ею резолюции об ее отношении к Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии“ 10).

свойства. Первой части дилеммы группа „Борьба“ не приняла, на что имела право. Оставалась вторая часть. Но для меня дилемма остается.

Акимов. Тов. Ленин указал, что в нашей Партии нет программных разногласий. Это неверно. Всем известно, что такие разногласия имеются, и было бы в высшей степени полезно, чтобы различные взгляды были высказаны на съезде. В этом отношении присутствие группы „Борьба“ было бы желательно на съезде. Это тем более важно, что вообще группы, несогласные с большинством Партии, не имели достаточного влияния на подготовку съезда. Довладчик несколько раз отметил, что обращения к Орг. Ком. не доходили по назначению, и это понятно, так как ни одна из групп, несолидарных с большинством, не была представлена в Орган. Комитет. На такое представительство имел право Спб. Комитет. Под именем Комитета в Спб. существуют две организации, из которых только одна была представлена в Орг. Комитете, другая же „Союз Борьбы“, который был признан третейским судом продолжателем старого комитета, и несолидарный с большинством Партии—нет. Точно также „Заграничный Союз русских социал-демократов“, который имел право, по постановлению конференции 1902 года, иметь представителя в заграничном отделении Орган. Ком., на самом деле в нем не принимал участия, и самое предложение Союза создать заграничное отделение было отклонено Орг. Комитетом. Воронежский Комитет устранен от участия на съезде. Если будет устранена и „Борьба“, то все группы, так или иначе выступавшие против господствующего течения, будут в большей или меньшей степени отстранены от работ съезда. Между тем, группа „Борьба“ выпустила целых три книжки по вопросу о выработке программы, и потому ее присутствие было бы тем более полезно, что иных изданий по этому вопросу не было.—Все организации Партии должны будут подчиниться решениям съезда, но они имеют неотъемлемое право быть выслушанными и иметь возможность защищать свое мнение перед Партией.

Ланг. Если допустить на съезд группу „Борьба“, то мы должны будем допустить на съезд всякого издателя, всякого автора, выпускавшего книгу или брошюру. Мы уделяем этому вопросу больше времени, чем стоило бы.

Мартов. Недостаточно сказать нечто о программе, чтобы быть приглашенным на съезд. Критические замечания посланы и другими социал-демократами (Икс, южно-русская группа и др.). Для того эти критические замечания и публикуются, чтобы товарищи могли с ними ознакомиться. Таким образом, содействие группы „Борьба“, как опубликовавшей свою критику, объединительной работе Партии уже обеспечивается в достаточной мере так же, как оно обеспечено для других критиков. Следовательно, „Борьба“ „выслушана“ Партией, о чем так ходатайствует Акимов.—Если наш идеал—присутствие по возможности всех групп на съезде и если этот идеал невозможно осуществить из-за русских условий, то следует позаботиться о том, чтобы не создавалась неравномерность представительства тех социал-демократов, которые живут в России, и тех, которые живут за границей. В России целый ряд групп, не соответствующих определенным условиям, без протеста подчинились изъятию их из числа участников съезда. Хорошо ли будет дать привилегию маленькой группе, которая, благодаря

своему заграничному происхождению, может настойчиво добиваться своего введения на съезд, но присутствие которой на съезде ничем не полезнее присутствия тех русских кружков, которые лишены этого права? Тот факт, заявляемый в письме „Борьбы“, что за полтора года существования „Борьбы“ она не приобрела настолько сторонников в России, чтобы их точка зрения была представлена на съезде какой-либо русской организацией, лучше всего говорит об эфемерности этой группы. Группа „Борьба“ действительно, как сказал Акимов, включает „наших старых товарищей“ ибо члены „Борьбы“ были в равное время товарищами всех, переходя из организации в организацию и нигде не уживаясь. Гр. „Борьба“ является воплощением того периода организационного хаоса в истории нашей Партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими принципиальными соображениями. Предлагаю votar резолюцию комиссии.

Список ораторов закрывается.

Брукер. Защищая интересы Воронежского Комитета, я не удовлетворен и не доволен. Сведения Орган. Ком. не верны. Он ни разу не обращался к Воронеж. Ком. непосредственно. Поведение свое Орг. Ком. оправдывал тем, что Воронеж. Комитет его не признает. Это неверно: Воронеж. Комитет высказал мнение о неудовлетворительном составе Орг. Комитета; Орг. Ком. мог обидеться на это, но не имел права игнорировать социал-демократический комитет. После того как Орг. Ком. признал большинство, он не считался уже частным учреждением. Группу „Борьба“ можно было бы пригласить на съезд, в виду отсутствия других критических брошюр на программу.

Паслович. Съезд не дискуссионное, а деловое собрание революционеров, а потому аргументы в пользу „Борьбы“ считаю несостоятельными.

Сорокин. Я осуждаю способ „объединения“, практикованный „Борьбой“. „Борьба“ никаких принципиальных отличий при своем выступлении не имела, и разрыв с „Искрой“ объясняется желанием Невзорова быть одним из редакторов. Съезд резко должен осудить такой способ объединения при помощи разделения. И настойчивость „Борьбы“—я не хотел назвать резко нахальством... ¹¹⁾.

Председатель останавливает оратора.

Сорокин (продолжая)... по такую смелость мы должны осудить.

Троцкий. Все высказывавшиеся в пользу „Борьбы“ отговаривались, что лично они не разделяют взглядов этой группы и даже не считают их ценными. Таким образом, каждый оратор предполагал, что эти взгляды интересны для кого-нибудь другого, но не для него самого. Впрочем, тов. Мартынов высказал одно вполне конкретное соображение в пользу приглашения группы „Борьба“. Эта группа бессильна и приглашение ее не грозит расколом. Таким образом, приглашение должно явиться как бы дипломом бессилия. Такая точка зрения, конечно, неприемлема, хотя бессилие „Борьбы“ несомненно. Эта группа бессильна и фактически, и морально-политически. Фактически—ибо не нашлось комитетов или комитета, который дал бы ей представительство. Морально-политически—ибо ее позиция никогда не была принципиальной, определяясь всегда конъюнктурой данного момента. В самый разгар борьбы „Искры“ с экономизмом группа „Борьба“

занимала примирительную позицию. Ей казалось, что „Искра“ преувеличивает разногласия. Когда революционно-социал-демократическое направление берет верх— „Борьба“ делает решительный поворот и в книге Рязанова обвиняет „Искру“ в экономизме. Один из представителей революционной социал-демократии оказывается даже типичным экономистом, хотя и самым талантливым. В этой переметчивости и кроется корень морально-политического бессилия „Борьбы“. Но за такое бессилие не выдают дипломов. Оно подлжет каре. Карой явится отказ в приглашении на съезд. Такой приговор будет не только нравственным осуждением „Борьбы“, но и предупреждением всякой группке, которая в интересах своей политической карьеры захочет просунуть свою групповую физиономию в ту или иную идейную расщелину, пользуясь трагическим положением Партии. (Аплодменты).

Мартов (к порядку) предлагает голосовать весь доклад.

Либер (к порядку) Предложение не может быть принято. Можно согласиться с результатами, но не соглашаться с мотивировкой.

Егоров. Я предлагаю дать заключительное слово Орг. Комитету, так как, в противном случае, я буду поставлен в затруднение при голосовании по этому вопросу.

Мартов. По прочтении доклада Организационного Комитета, ему был сделан ряд упреков, на которые он ответит. Улучшение должно быть исправлено. Организационному Комитету должно быть предоставлено слово, иначе голосование невозможно.

Ленин. Это само собою разумеется. Дело в том, что во время перерыва произошло заседание Организационного Комитета, которое вносит новое обстоятельство в порядок обсуждения.

Вносятся и принимается предложение о закрытии списка ораторов по вопросу о „Борьбе“.

Егоров. Заседание Орг. Ком. во время перерыва не нарушает порядка съезда, как указывает тов. Ленин. Никто не имеет права запретить Орг. Комитету собираться во время перерывов. Я настоятельно требую, чтобы было заслушано постановление Орг. Комитета, принятое только-что. Оно может оказать влияние на голосование.

Ленин. Список ораторов закрыт. Дебаты закончены. Мыотируем вопрос о группе „Борьба“. Поэтому, требование тов. Егорова не может быть выполнено.

Егоров. Я предлагаю до голосования заслушать заявление Орг. Комитета.

Председатель. Прения закончены и я недоумеваю, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании. Во всяком случае, бюро обсудит этот вопрос.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

(Присутствует 50 чел.).

Заседание открыто чтением протокола первого заседания съезда.

Брукер просит дополнить в протоколе своей речи, что „СПБ. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса“ получил представительство на съезд лишь путем третейского суда, который признал „СПБ. Союз Борьбы“ Комитетом Партии, а не организацией. И тем не менее в докладе Орг. Комитета—„СПБ. Союз Борьбы“ систематически называется организацией, а не комитетом.

Паслович подчеркивает, что в резолюции третейского суда сказано „так называемый Союз Борьбы“.

Попов. Третейский суд признал себя некомпетентным решать вопрос, является ли „Союз Борьбы“ Комитетом Партии или нет, предоставляя это сделать партийному съезду.

Брукер не настаивает на своем утверждении, так как он не участвовал в третейском суде.

Протокол первого заседания утверждается.

Председатель. Утреннее заседание было прервано заявлением тов. Егорова, которое могло повлиять на ход (а не на исход) прений. Заявление о новом заседании Орган. Комитета, принявшего определенное решение, могло это сделать. Заявление это привело бюро в недоумение, из которого оно до сих не вышло. Формально мы могли бы продолжать прения, но бюро решило, что самое лучшее в таких случаях товарищеское объяснение. И мы обращаемся к представителю Орг. Комитета—пусть он выскажется по этому поводу.

Попов. Во время перерыва состоялось заседание Орг. Комитета, на котором было постановлено: Орг. Комитет предлагает съезду пригласить Рязанова с правом совещательного голоса. Орг. Комитет сам не принимает такого решения 1) потому, что съезд уже заседает и 2) потому, что в дебатах съезд уже коснулся этого вопроса.

Паслович. Я должен выразить свое недоумение. Я, член Орг. Ком. и вместе с тем делегат Киевского Ком. В моей душе борются два голоса. Я знаю, что императивн. мандатов не существует. Между тем, я, как член Орг. Ком., оказываюсь в ненормальном положении, благодаря последнему заявлению Орг. Ком. Я обращаюсь к съезду с вопросом: имеет ли право Орг. Ком., как коллегия, участвовать в съезде, что не предусмотрено уставом. Ведь, представитель Орг. Ком. присутствует здесь по случайным при-

чинам, так как он одновременно является и делегатом от Южн. Рабочего.— Новое постановление Орг. Ком. противоречит его прежнему решению. Заменить „Борьбу“ Рязановым,—значит произвести давление на с'езд. Я спрашиваю, имеет ли право Орг. Ком. выходить из роли под'отчетного лица и, как коллегия, выносить решения после своего доклада?

Егоров. Товарищ Павлович заставляет меня своим поступком выступить с заявлением, которое мне крайне нежелательно было сделать. Орг. Ком. в своем сегодняшнем заседании обсуждал протест тов. Павловича и принял, согласно своему уставу, предложение не доводить до сведения с'езда отдельное мнение тов. Павловича. Конечно, Орг. Ком. не мог присвоить себе прерогативу лишать кого бы то ни было права апеллировать к с'езду, поэтому он предложил тов. Павловичу довести до сведения с'езда, что имеется протест одного члена, который Орг. Ком. не считает себя обязанным сообщать с'езду. Если же с'езд хочет познакомиться с протестом, то Орг. Ком. его, конечно, сейчас сообщит. Товарищ же Павлович не обратил никакого внимания на постановление Орг. Ком. Это является нарушением партийной дисциплины. Тов. Павлович мог в общей форме, при дебатах, поставить вопрос о праве Орг. Ком. принимать подобное решение. Указание на то, что тов. Павлович является делегатом Киевского Ком., представляет софизм.—Перехожу к существу. По моему, Орг. Ком. существует, пока не объявлено на с'езде, что он прекратил свое существование. Орг. Ком. не случайно участвует на с'езде. Он знал, что несколько человек из его состава будут все равно участвовать на с'езде. Но если бы он даже не участвовал, то вопрос о присутствии Орг. Ком. был бы каким-нибудь иным путем решен. Он мог бы заседать где-нибудь отдельно и принимать те или иные решения. Пока с'езд занимается техническими вопросами, Орг. Ком. существует. Указание на нелогичность и на невозможность отменять свое прежнее решение является несостоятельным, так как у Орг. Ком. могли явиться новые соображения, он мог забыть внести кого-нибудь и т. д. Орг. Ком. принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе „Борьба“, но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации Партии при первых шагах ее деятельности.

Плеханов. Заявление тов. Егорова вышло мягким по форме, но резким по существу. Если я не остановил тов. Павловича, то вина падает на меня, как на председателя. Но я потому не остановил тов. Павловича, что не видел в его словах нарушения дисциплины. Императивных мандатов у нас нет. И говоря о партийной дисциплине, мы должны выяснить относящиеся сюда понятия. Дисциплина каждой коллегии является обязательной по отношению к посторонним и низшим инстанциям, но не по отношению к высшим. Я спрашиваю: во-первых, является ли с'езд посторонним к Организ. Ком., во-вторых, находит ли с'езд, что он, по отношению к Орг. Ком., есть низшая инстанция? Нет, с'езд есть самая высшая партийная инстанция, и тов. Павлович, доложив с'езду этот инцидент, ни в коем случае не нарушил партийной дисциплины. (Шумные аплодисменты). Говоря о дисциплине, я не знал, как смотрят на нее теперь товарищи, работающие в России. И вот я вижу, что большинство товарищей разделяет мое мнение. Поэтому я думаю, что поступил правильно,

не остановив тов. Павловича, так как в его словах не было нарушения дисциплины. Наоборот, заявление тов. Егорова должно считаться нарушением дисциплины по отношению к съезду.

Попов. Мотивы, по которым Орг. Ком. сделал свое последнее постановление, были признаны пятью членами, при чем пятый член предложил лишь особый способ приглашения тов. Рязанова. Я являюсь здесь не случайным, а официальным представителем Орг. Ком., уполномоченным всеми голосами, кроме товарища Павловича, который не протестовал против этого. Съезд не уничтожил еще Орг. Ком., и потому мы нашли возможным внести предложение.

Павлович. Я признаю законными заседания Орг. Ком., которые могут дать съезду материал, но не могу допустить активного вмешательства в дела съезда, давая на его решения. Я отрицаю законность собрания и потому в голосовании не участвовал. Посему, никакая дисциплина не может заставить меня подчиниться решению заседания, законность которого я отрицаю.

Кольцов. Я хочу напомнить товарищам, что съезд обсуждает теперь доклад комиссии, имевшей целью определить состав съезда. Как только доклад этой комиссии будет принят, полномочия Орг. Ком. кончатся. Но есть один пункт, где эти полномочия уже кончены: с того момента, как съезд выбрал комиссию для определения состава съезда, всякие предложения, сюда относящиеся, могут вноситься только через комиссию. Я обращаю еще внимание на то, что комиссия приняла свое решение относительно „Борьбы“, опросив предварительно членов Орг. Комитета.

Егоров. Мне брошено обвинение, которого я не заслужил. Дело было неправильно понято. Я совершенно не говорил, что есть инстанция выше съезда. Вопрос в следующем: если мы признаем, что Орг. Ком. есть организация, то у него существует устав, который его члены не должны переступать. Тов. Павловичу дана была возможность заявить, что он остался при особом мнении, и лишь тогда, когда съезд потребует, доложить суть заседания, он мог бы это исполнить. Постановление подобного рода было принято Орг. Комитетом, и тов. Павлович своим заявлением нарушил его. Такой же вопрос уже однажды обсуждался Орг. Комитетом по поводу предложения другого члена, и тов. Павлович был солидарен с нами. Товарищу Павловичу дан был способ высказаться, но лишь в известной форме. Хотя рукоплескания косвенно как бы порицают меня, но я не чувствую за собой никакой вины.

Ленин. Я не могу согласиться с тов. Егоровым. Именно он нарушил устав съезда, именно он отрицает пункт об императивных мандатах. Я не сомневаюсь в существовании Орг. Комитета, как не сомневаюсь в существовании организации Искры. У ней есть также своя организация и свой устав. Но, как только был доложен устав съезда, с ее стороны было заявлено ее делегатам, что они имеют полную свободу действий на съезде. В каком положении находимся мы, члены комиссии по проверке состава съезда, вчера выслушавшие двух членов Орг. Комитета, товарищей Штейна и Павловича, а теперь выслушивающие совсем новое предложение. Здесь есть опытные товарищи, не раз участвовавшие в международных конгрессах. Эти товарищи могли бы все рассказать вам, какую бурю негодования

всегда вызывало такое явление, когда люди в комиссиях говорят одно, а на съезде другое.

Абрамсон. Я совершенно не согласен с Плехановым и Лениным в их определении партийной дисциплины. Соглашаясь с тов. Егоровым, я не могу не назвать поступок товарища Павловича иначе, как нарушением дисциплины, как это понимают в России действующие товарищи. Аплодисменты по поводу речи Плеханова относятся не к его определению партийной дисциплины, а к его утверждению, что съезд является высшей инстанцией партии. (Крики: „неверно!“)

Мартов. Меня удивляет, что тов. Абрамсон, как делегат Бунда, находит, что товарищи в России признали бы поступок тов. Павловича нарушением партийной дисциплины. Я сомневаюсь в этом; но если бы они так смотрели, это доказывало бы, что они в представлении о партийной дисциплине не идут дальше обязанностей революционера к той группе низшего порядка, в которую он входит. Разумеется, в пределах единой партии возможны свободные группировки, определяемые убеждениями и требованиями совести, которые собирают тех или иных членов партии по тем или другим вопросам. Но никакая принудительная группировка внутри единой партии недопустима; такое подчинение низшей группы шло бы в разрез с обязанностями члена партии ко всей партии в целом. Тов. Егоров сделал огромную ошибку, и товарищу Павловичу не оставалось ничего другого, как сделать то, что он сделал. Отмечаю, что самый этот вопрос возник во время перерыва, потребованного товарищем Егоровым для того, чтобы дать ему возможность осведомиться о положении дел, так как он только что приехал. Вместо того, перерывом воспользовались для заседания, в результате которого от имени Орг. Комитета внесено предложение, идущее в разрез с докладом комиссии и с предыдущими предложениями Орг. Комитета. У нас принято вносить все предложения в бюро. Если бы Орг. Ком. обратился к бюро, последнее разъяснило бы ему, что оно подлежит сдаче в комиссию для проверки состава съезда. Товарищ Егоров говорит, что цель нового предложения—оградить будущий центральный комитет от ненужных подводных камней. Вчера Орг. Ком. этого не боялся, когда исключал группу „Борьба“ и не включал Рязанова в число приглашаемых с совещательным голосом. Что случилось нового, чтобы сделать нужной переделку? Следовало изложить эти новые данные, а не отговариваться мелким доводом о подводных камнях, т. е. о том, что скажут люди! Когда наше направление было всюду в меньшинстве, мы не боялись того, что могут сказать люди. И я советую Орг. Ком. и теперь, когда наше направление стало силой, не бояться того, что люди скажут.—Чтобы покончить с инцидентом, предлагаю резолюцию: „Съезд, приглашая всех товарищей при внесении отдельных предложений вносить их в бюро съезда—считает инцидент, вызванный заявлениями тов. Павловича и Егорова, исчерпанным“.

Плеханов. Тов. Егоров указывал, что я бросил ему тяжкое обвинение. Несомненно, однако, что обвинение это не менее тяжело, чем то, которое он бросил тов. Павловичу. Любишь кататься—люби и саночки возить. Я никого не обвинял, а лишь оправдывался, как председатель, допустивший будто бы неуместные заявления. А оправдываясь, я должен был

высказать те соображения о партийной дисциплине, какими я руководствуюсь. Тов. Абрамсон сомневается в солидарности российских товарищей со мной в определении партийной дисциплины. Я думаю, что российские товарищи согласны со мной, как согласна со мной и логика. Над низшими обязательствами властвуют высшие. Переходя к печальному инциденту, я должен заявить следующее: все мы, как и бюро, вполне признательны Орг. Комитету за его труды по созыву съезда, но., „Платон мне друг, а истина мне больший друг“. Теперь Орг. Ком. существует как группа, дающая отчет в своей деятельности. Нельзя одновременно давать отчет и продолжать деятельность.

Фомин. (К порядку). Мартов внес резолюцию о переходе к очередным делам. Я присоединяюсь к нему и предлагаю закрыть список ораторов.

Предложение Фомина принято. (Записанные раньше ораторы еще могут говорить).

Попов. Орг. Комитет думал, что он существует, пока съезд его не распустит. Но раз высказывается сомнение в его существовании, то я предлагаю съезду высказаться по этому поводу.

Павлович. Поддерживаю свой вопрос, имеет ли право Орг. Ком. заседать, как самостоятельная коллегия? Отрицая законность заседания Орг. Ком., я не обязан был подчиняться его решениям. Рекомендацию съезду Рязанова должно было внести через комиссию.

Мартынов. В виду тяжкого обвинения, которое прямо или косвенно было высказано против 4 членов Орг. Ком., я должен заметить, что здесь смешаны два вопроса: вопрос об общих правилах партийной дисциплины и вопрос о регламенте съезда. Я полагаю, что товарищи из Орг. Ком. не поступили против общих правил партийной дисциплины. В армии, где дисциплина наиболее строгая, всякий солдат имеет право апеллировать к высшей инстанции только в известной установленной форме, через посредство нижней инстанции. С этой точки зрения, члены Орг. Ком. имели право требовать от своего товарища Павловича, чтобы он апеллировал к съезду против своей коллегии в известной форме, именно через посредство этой коллегии. Ошибка товарищей из Орг. Ком. заключалась лишь в том, что они поступили лишь против регламента съезда: они продолжали исполнять ту функцию, которая с открытием съезда перешла к нему.

Егоров. Напрасно председатель принял на свой счет мой упрек. Он не мог знать решения Орг. Ком. Относительно же упрека, что я воспользовался перерывом не для той цели, для которой просил, должен заявить, что сделал я это после частного разговора с председателем, который мне сказал, что это дело Орг. Ком. Следовательно, обвинение относится не ко мне, а к Орг. Ком.

Троцкий. Тов. Мартынов по вопросу о партийной дисциплине стоит на точке зрения военной дисциплины, основанной на принципе: чин чина почитай. Там чин нижней инстанции не может обратиться в высшую, минуя инстанцию промежуточную. Но в данном случае не было инстанции, стоявшей над Орг. Ком. и под съездом, в которой тов. Павлович мог бы апеллировать. Я считаю инцидент исчерпанным и поддерживаю резолюцию Мартова.

Махов. Несмотря на различное понимание партийной дисциплины, тов. Павлович оправдывался лишь тем, что считал решение Орг. Ком. незаконным. Это его дело. Но все же так и он Орг. Ком. признавал существующим, и мне кажется, что было бы тактичнее спросить у съезда, законно ли заседание Орг. Ком. Я нахожу, что нетактичность тов. Егорова вызвана нетактичностью тов. Павловича.

Председатель замечает оратору, что тов. Павлович не находится на скамье подсудимых.

Махов. Только что дело обстояло так же в отношении тов. Егорова. Резолюция Мартова принята единогласно.

Чтобы определить положение Организационного Комитета в данный момент, Попов вносит следующую резолюцию: „Съезд объявляет, что с момента его открытия, Орг. Комитет считается распущенным и должен совершенно прекратить свою деятельность“.

Кольцов вносит другую резолюцию: „С выбором комиссии, назначение которой состоит в определении состава съезда, Орг. Ком. потерял право влиять, в качестве коллегии, на состав съезда, и деятельность его, как коллегии, по этому пункту считается прекратившейся“.

Павлович считает резолюцию тов. Попова неудачной. По ней Орг. Комитет считается распущенным, тогда как он должен существовать для сдачи отчета.

Дейч предлагает принять резолюцию тов. Попова, заменив слово „распущенным“ словами: „деятельность... приостановленной“.

Попов. Слово „распущен“ нужно понимать в том смысле, что Орг. Ком. не имеет права принимать никаких решений. Между тем у Орг. Ком. есть дела в России по транспорту, технике и т. п. Должен ли Орг. Ком. этим заведывать?

Плеханов. Резолюция тов. Попова не может быть принята по соображениям, указанным самим же тов. Поповым. Деятельность Орг. Ком. должна быть прекращена лишь по вопросу о созыве съезда. Поддерживаю предложение Кольцова.

Дейч вносит свой проект резолюции: „Съезд признает, что с его открытием деятельность Орг. Ком. прекращается“.

Юдин предлагает свою резолюцию: „С того времени, как Орг. Ком. сдал съезду отчет о своей деятельности по составу съезда, деятельность его как коллегии, по этому пункту считается прекратившейся“.

Штейн просит разъяснить значение резолюции: остается ли Орг. Ком. как коллегия, или он этой резолюцией совершенно уничтожается? Орг. Комитету была предоставлена практическая деятельность. Если признать за ним право на практическую деятельность, то этим признается за ним право собираться для обсуждения этих вопросов.

Ленин. Орг. Ком. может собираться, но не как коллегия, влияющая на дела съезда. Практическая деятельность Орг. Ком. не прекращается, прекращается лишь его влияние на съезд помимо комиссии.

Штейн. Я совершенно не оспаривал резолюции, но находил нужным яснее ответить, какая деятельность остается за Орг. Комитетом.

Голосованием принята резолюция Кольцова большинством 32 голосов. За резолюцию Юдина подано 16 голосов, за резолюцию Попова—один и за резолюцию Дейча—один голос¹²⁾.

Председатель. Приглашаю лиц, предложивших пригласить Рязанова с совещательным голосом, обратиться для этого в комиссию.—Нашему обсуждению теперь предстоит вопрос об участии польских товарищей на съезде.

Либер. Предложение, внесенное комиссией, есть нарушение устава съезда. Все ораторы указывали, что съезд этот есть очередной. Бунд же в своем заявлении говорил, что съезд должен быть учредительным и на нем должны быть представлены все национальности. Нам отвечали, что съезд,—съезд российских соц.-дем. организаций. Теперь приглашают представителей социал-демократии Польши и Литвы, которая есть организация самостоятельная. Здесь говорят, что Польская социал-демократия хочет объединиться, но кто же не хочет этого? Этого хочет и „Борьба“. Когда Бунд предлагал пригласить литовских и латышских социал-демократов, то это было отвергнуто; почему же нужно сделать исключение для соц.-дем. Польши и Литвы? Если бы то же самое предложили латышским и литовским социал-демократам, то, по всей вероятности, это предложение было бы ими принято.

Попов выражает удивление, что резолюция комиссии о приглашении социал-демократии Польши и Литвы начинается словами: „В виду постановления Орг. Ком.“, тогда как Орг. Ком. не делал такого постановления.

Штейн выражает свое изумление по тому же поводу. Давая показание вчера, он заявил комиссии, что Орг. Ком. отклонил приглашение социал-демократии Польши и Литвы на съезд, предоставляя это сделать самому съезду.

Дейч. Через меня велись переговоры с Польской социал-демократией и я заявлял Польской социал-демократии, что съезд, быть может, пригласит их. Если я переступил свои полномочия, в таком случае беру всю ответственность на себя.

Егоров. Официально переговоры с Польской социал-демократией не велись. Судя по настроению русских товарищей, Орг. Ком. думал, что желательно присутствие Польской социал-демократии на съезде, а потому считал нужным дать понять это польским товарищам.

Ленин. Комиссия в своем докладе находит присутствие на съезде польских товарищей желательным, причем лишь с правом совещательного голоса. По моему, это совершенно правильно, и мне кажется вполне резонным начать резолюцию комиссии именно с этого заявления. Очень желательно было бы также присутствие латышей и литовцев, но, к сожалению, это неосуществимо.—Польские товарищи всегда могли бы заявить свои условия объединения, но это ими сделано не было. Орг. Ком. поэтому правильно поступал, будучи сдержан по отношению к ним. Прочитанное здесь письмо Польской социал-демократии опять-таки не выясняет вопроса. В силу этого, предлагаю пригласить польских товарищей в качестве гостей.

Мартов. Официальные отношения между Орг. Ком. и Польской социал-демократией были, и велись они при посредстве организации „Искры“, которая передала письмо Орг. Ком. польским товарищам и получила на него ответ. Таким образом, нельзя ставить литовцев и латышей наряду

с Польской социал-демократией, которая делала шаги к объединению, чего-то не делали. Считаю нужным отметить, однако, что шаг, сделанный Польской социал-демократией, незначительный, так как ей было поставлено на вид, что она должна недвусмысленно высказать свое отношение к вопросу о вступлении в Российскую Партию. Этого сделано не было. Орг. Ком. не мог взять на себя ответственности по приглашению Польской социал-демократии. Съезд же должен высказать свое отношение по этому поводу.

Егоров присоединяется к мнению Мартова и находит ссылку на устав съезда неудачной. По отношению к литовской партии также была сделана попытка и велись переговоры, но пока к решению не пришли.

Абрамсон. Я не выступаю принципиально против объединения с Польской социал-демократией, но резолюцию комиссии нахожу неправильной. Было уже указано, что она не удовлетворяет формальным условиям, которых придерживался Орг. Ком. при выработке устава съезда, которых он придерживался во все время своей деятельности и из которых исходил и съезд наш до сих пор. Польская социал-демократия до сих пор не объявила себя частью партии, несмотря на то, что ей неоднократно предлагали это сделать, как мы узнали здесь из слов тов. Мартова. Она в этом отношении проявила очень большую осторожность, она эту осторожность соблюла и теперь в своем письме, присланном съезду. Нам неизвестно, какое объединение Польской социал-демократии желательно, в каком виде она представляет себе партию, приняла ли она резолюцию на своем съезде по этому вопросу или нет, и какую резолюцию. Обо всем этом умалчивает доставленное нам письмо. Резолюция комиссии говорит, что, в зависимости от резолюции Польской социал-демократии, ей можно будет предоставить и право решающего голоса на съезде. Но ведь резолюция может быть такова, что их совсем придется удалить со съезда. Следовательно, логично было бы прийти комиссии к другому выводу, а именно постановить: вытребовать от Польской социал-демократии выработанную ею резолюцию.—Тов. Ленин неверно истолковал резолюцию Орг. Ком. о Польской социал-демократии. Орг. Ком. вовсе не постановлял ходатайствовать перед съездом о приглашении Польской социал-демократии, как это подтвердил сейчас и представитель Орг. Ком. Поэтому и неверно утверждение комиссии, будто ее резолюция находится в согласии с постановлением Орг. Комитета *).

Троцкий. Мне непонятны возражения против приглашения на съезд польских товарищей, возражения, основанные на уставе созыва съезда. Этот устав был выработан Орг. Ком. на основании норм, созданных первым съездом, и служил ему руководством. Но раз съезд создан, он вправе приглашать новых товарищей, если найдет это нужным. Польских товарищей предлагают пригласить с совещательным голосом. Если польские товарищи заявят нам, что они считают себя частью Российской Партии, у нас не будет оснований не дать им решающего голоса. Возражают, что это преждевременно: наш будущий Центральный Комитет вступит с ними в сношения и сделает все для объединения. Конечно! Но если поль-

*) Резолюция тов. Абрамсона: „Съезд предлагает Польской социал-демократии прислать резолюцию, принятую на ее съезде по вопросу об отношениях ее к Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии, необходимую для решения вопроса об ее (Р.-С.-Д.) участии на втором съезде Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии“.

ские товарищи заявят о своей принадлежности к Партии, то будет делом справедливости дать им возможность влиять на образование самого Центр. Ком. Настаиваю на приглашении Польской социал-демократии.

Тибер. Аргументация Троцкого очень странна. Если Орг. Ком. не имел права пригласить Польскую социал-демократию, то съезд это право имеет. С этим мнением я не согласен. Съезд не может отвергнуть всю предварительную работу и изменить устав. Если бы Орг. Ком. предпринял шаги к сближению с латышами и литовцами, то дело обстояло бы иначе. Судя по докладу Орг. Ком., этого сделано не было. Организации являлись на вполне определенный съезд, который не может смотреть на себя, как на инстанцию, которая может изменить решительно все, даже устав. Польские товарищи не представили никакой резолюции, которая уяснила бы нам желаемое ими отношение к Российской социал-демократии и нет никаких оснований пригласить их.

Ленин. Я не вижу веских доводов против приглашения. Орг. Ком. сделал первый шаг к сближению польских товарищей с русскими. Пригласив их на съезд, мы сделаем второй шаг по этому же пути. Никаких осложнений я от этого не вижу.

Прения по этому вопросу прекращаются. Съезд переходит к обсуждению резолюции, касающейся Воронежского Комитета.

Акимов. Я нахожу, что заявление о непризнании Воронежским Комитетом Орг. Ком. неправильно. Воронеж. Ком. заявил лишь, что Орг. Ком. составлен неправильно, что повредит его деятельности. Если было высказано кое-что против устава съезда, то и на это он имел право. Воронеж. Ком. имел право даже и на съезде заявить, что он находит состав Орг. Ком. неудачным. Требование третейского суда Воронеж. Ком. было своевременно заявлено и через Петерб. Союз Борьбы, и через заграничное бюро Орг. Ком., и не вина Воронеж. Ком., что это требование официально было предъявлено за два дня до съезда. СПб. Комитетом это требование было заявлено члену Орг. Ком. своевременно. Виною всему неудачное конституирование Орг. Ком., а также то, что Союз не был осведомлен о времени съезда. Не знаю, удастся ли Воронеж. Ком. прислать своих делегатов, но съезд должен принципиально высказаться по этому поводу.

Елоров. Не могу признать заключительной части резолюции комиссии. Не приглашая на съезд Ворон. Ком., Организационный Ком. не руководился тем соображением, что Ворон. Ком. отказался его признать.

Брукэр. Ворон. Ком. проявил интерес к съезду, как никакая другая группа. Он предпринял активные действия для того, чтобы повлиять на подготовительные работы к съезду. И за это Орг. Ком. не имел права наказывать Воронеж. Ком., не пригласить его на съезд. Я не согласен также с мнением комиссии, что Воронеж. Комитет слабо проявил свою деятельность.

Ленский. Предшествующий оратор заявил, что Ворон. Ком. очень деятельно работал и проявил много живости и энергии в вопросе о съезде. Но это постыдная энергия. Из двух писем, полученных Еватеринославским Ком., моральная физиономия Воронеж. Ком. выяснилась в довольно неприглядном виде. Эти письма не более, как пасквиль...¹³⁾.

Председатель (останавливая оратора). Предлагаю не употреблять таких выражений по адресу товарищей по партии, хотя бы и отсутствующих.

Брукэр. Очевидно, мы расходимся во вкусах, мне моральная физиономия Воронеж. Ком. по этим заявлениям представляется в привлекательном и симпатичном виде. Я хочу добавить еще, что Орг. Ком. наводил справки у враждебной нам организации. Кроме того, Орг. Ком. доставлял литературу не всем организациям.

Орлов. Соглашусь с тов. Брукэр, что Воронеж. Ком., пожалуй, очень энергично действовал, беда только в том, что вся его энергия тратилась на разъезды и „дружеские послания“ к „дружеским“ комитетам. Для иллюстрации приведу следующий факт: Екатеринослав. Ком. был одним из упорнейших, в смысле борьбы или, вернее, индифферентизма к направлению Искры. Ясно, что он был очень любим Воронежем, вся цель которого заключалась в борьбе с этим направлением в Российской социал-демократии. Узнав, что Екатеринослав. Ком. начинает изменять свою прежнюю позицию, Воронеж. Ком. поспешно шлет свое дружеское послание в Екатеринослав, советует не увлекаться красотой и стройностью модных взглядов. Неблагодарный Екатеринослав не ответил совершенно на это „братское увещание“. Еще интересный факт: при своем выступлении, как комитет Партии, Воронеж. Ком. обратился в Екатеринослав с просьбой напечатать его прокламацию о своем образовании. На вопрос Екатеринослав. Ком., какие комитеты признали эту организацию комитетом Партии, воронежский товарищ, приехавший по вышеуказанному поводу, указал на Ростов. Просьба была исполнена, но вскоре обнаружилось, что никакого согласия Ростов на это не давал, и что в Ростове говорилось то же самое по отношению к Екатеринославу. За все время о деятельности Воронеж. Ком. мне известны лишь три прокламации, напечатанные в типографиях других городов. Я не говорю уже о тех прокламациях, вследствие которых комитет стал всероссийской известностью. Все это, кажется, достаточно ясно и отчетливо рисует солидность и моральную физиономию Воронежск. Комитета.

Брукэр. Если Воронеж. Ком. является убежденным противником Искры, то естественно, что он старается влиять на другие комитеты дружественными письмами. Кроме того, предыдущий оратор хотел, по всей вероятности, доказать, что в Воронеже типографии не существует. Действительно это так. Сведения его о выпуске прокламации не верны. Воронеж. Ком. выпустил не 3, а 7 прокламаций. Заявления, что Воронеж. Ком. яко бы был утвержден Екатеринослав. и Дон. Комитетами, я услышал только вчера, и хотя таких утверждений не требуется, но все же Воронеж. Ком. был утвержден Петерб. Союзом „Борьбы“ и Заграничным Союзом Рус. Соц.-Дем.

Прения закрываются, и заключительное слово получают докладчик комиссии и докладчик Орг. Ком.

Кольцов. Прежде всего считаю должным извиниться перед товарищами за некоторые недочеты в моем утреннем докладе: наша комиссия работала всю ночь и немудрено было чувствовать себя после этого очень усталым. На некоторые из этих недочетов было мне указано, и я постараюсь их теперь исправить. Прежде всего надо констатировать, что неполученное О. Ком.

письмо гр. „Борьба“ было отправлено заграничным бюро Орг. Ком., о чем имеются соответствующие документы. Затем, я забыл упомянуть, что Орг. Ком. ответил на это письмо группы „Борьба“, как только это письмо было им получено. Ответ этот я прочитаю (см. прилож. III). — Перехожу теперь к тем возражениям, которые были тут сделаны. Прежде всего о группе „Борьба“. Надо признаться, что возражения, приведенные здесь ее немногочисленными защитниками, меня очень удивили: тов. Мартынов всячески опасается, чтобы его не отождествили с этой группой, и все-таки он настаивает на приглашении группы, которую он, повидимому, ставит не очень высоко, лишь потому, что в этом случае программные дискуссии будут полнее. Но ведь то, что „Борьба“ имела сказать, она изложила в книжке, которую все могут прочесть и, следовательно, воспользоваться приводами в ней доводами. Особенно удивил меня тов. Акимов. Дело в том, что во всех наших „объединительных“ апопеех, в которых группа „Борьба“, по ее собственным словам, всегда играла роль примирителя, мы всегда натакивали на вопрос о том, какую роль в новой организации будет играть группа „Борьба“, получит ли она место редактора, будет ли председательствовать на съезде и т. д. И вот, мне припоминается, по одному из таких поводов, тов. Акимов ответил одному из членов „Борьбы“: „Кто виноват, что вы стоите вне организаций? Вы были везде, везде вам были рады, но вы отовсюду ушли“. Но теперь, говорят, за этой группой, кроме амбиции, числится еще книжка, критикующая программу „Искры“ и „Зари“. По моему мнению, в этой книжке новое неверно, а верное не ново. Но если бы даже ценность этой книжки была очень велика, все-таки съезду не следует создавать прецедента, на основании которого на будущее время, всякий, выпустивший какую-нибудь книжку, будет заявлять претензии присутствовать на съезде.

По поводу Ворон. Ком. я скажу, что из выпущенных им прокламаций, особенно из второй, действительно явствует, что он Орг. Ком. не признавал, не признавал за ним права на созыв съезда, и приходится только спрашивать, каким же образом думал он понасть на съезд? — О том, что этот комитет проявлял особенно живую деятельность, мы слышали здесь от представителей Екате́рин. Ком. и вчера в комиссии от представителей Донского Ком., по словам этих представителей, деятельность Ворон. Ком. была очень незначительна, но зато очень много энергии было потрачено на поездки по различным городам в целях впечатления той или другой прокламации.

Еще несколько слов по вопросу о приглашении Польской социал-демократии. Во-первых, комиссия согласна выбросить из резолюции первую фразу, говорящую о постановлении Орг. Комитета. Что касается сделанных возражений, то я отвечаю, что мы не приглашаем других национальных групп, потому что они не изъявляли желания работать вместе с нами над объединением Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. С другой стороны, мы приглашаем Польскую соц.-демократию только с совещательным голосом, так как она до сих пор все-таки не заявила, в какое отношение намерена она стать к Рос. Партии. — В виду всего сказанного, я рекомендую съезду принять резолюцию в том виде, как она предлагается комиссией.

Попов (как докладчик от Орг. Комитета). По поводу приглашения группы „Борьба“, я от имени Орг. Ком. указываю, что Орг. Ком. отнюдь

не отказался от своего прежнего мнения о группе „Борьба“, когда он вносил предложение пригласить с правом совещательного голоса Рязанова.

Относительно инцидента с Ворон. Ком. могу сообщить следующее. Со стороны Ворон. Ком. выдвигалось обвинение против Орг. Ком. в том, что он не дал Ворон. Ком. возможности своевременно протестовать и требовать третейского суда. Обращаю внимание на то, что образование Орг. Ком. было известно Ворон. Ком. еще в феврале. И Ворон. Ком. имел полную возможность вступить своевременно в переговоры с Орг. Ком. Ворон. Ком. много и долго ходил вокруг Орг. Ком., собирая сведения о его составе, образовании и т. п., но не вошел в сношение с самим Орг. Ком. Вообще в отношениях Ворон. Ком. к Орг. Комитету было мало логики. На известие Орг. Ком., в котором он говорит о себе как о частной организации, Ворон. Ком. отвечает письмом, в котором смотрит на Орг. Ком., как на партийный орган, и требует, поэтому, представительства, в нем для Союза Рус. с.-д. за границей. Когда же Орг. Ком. был признан почти всеми комитетами и стал учреждением партийным, Ворон. Ком. пишет второе письмо, начинающееся словами: „к группе, именующей себя Орг. Ком.“, — но вслед затем опять обращается к Орг. Ком., как к учреждению партийному, требуя третейского суда. Нельзя после этого обвинять Орг. Ком., что он не завязал никаких сношений с Ворон. Ком. Что же касается замечаний тов. Акимова о том, что Орг. Ком. мог бы сообщить список организаций, имеющих право участвовать на съезде, заграничному Союзу, то Орг. Ком. не знал, что Союз заграничных соц.-дем. находится в тесных сношениях с Ворон. Ком. Требование третейского суда, предъявленное к Орг. Ком. здесь, не могло быть исполнено потому, что Орг. Ком. не мог уже доставить суду материалов, а также и потому, что, раз съезд заседает, то устраивать у его дверей третейский суд не имеет смысла.

Относительно приглашения польских соц.-дем. могу заявить, что Орг. Ком., принимая решение не приглашать Польскую соц.-дем. даже с правом совещательного голоса, отнюдь не хотел устранить Польскую соц.-дем. от участия в съезде, он только не решился приглашать организацию, не причисляющую себя к партии.

Вслед за этим голосуются резолюции комиссии по проверке состава съезда. — Резолюция о „Борьбе“ принята 42 голосами против четырех. Резолюция Юдина, предлагавшая пригласить одного из членов группы „Борьба“ с совещательным голосом, отклонена 41 голосом против 5. — Резолюция о Воронежском Комитете принята 37 против 3, при 4 воздержавшихся. Отвергнуты: предложение Акимова вычеркнуть из резолюции указание на то, что требование третейского суда поступило за два дня до съезда, и предложение Либера (29 голосами против 9) выбросить из мотивировки слова: „так как не признавал Орг. Ком.“. — Резолюция комиссии о Польской социал-демократии принята 37 против 6, при 5 воздержавшихся, а резолюция Абрамсона отвергнута 35 против 8, при 5 воздержавшихся. Внесено и принято 29 голосами предложение, чтобы Польская социал-демократия послала не более двух делегатов.

Председатель. Итак, все предварительные работы съезда закончены. Съезд окончательно конституирован, его решения безусловно обязательны

для всей Партии и отменяют все противоречащие им решения первого съезда. Предлагаю выразить Орг. Комитету глубокую благодарность съезда за энергичное, умелое и тактичное выполнение им своих обязанностей. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Председатель. По поводу доклада Орг. Комитета, в бюро представлен проект резолюции, составленной в следующих выражениях: „Второй съезд Российской Социал-демократической Рабочей Партии, заслушав отчет о деятельности Орг. Ком. по восстановлению организационного единства Партии, выражает Орг. Ком. глубокую благодарность Партии за умелое и тактичное выполнение задачи, взятой им на себя в силу решения мартовской конференции 1902 года“.

Председатель. Желающих принять эту резолюцию прошу встать (Все встает).

Либер. Проект резолюции снабжен подписями нескольких делегатов. Прошу или занести этот проект резолюции в протокол без подписей или лать резолюцию подписать всем желающим.

Председатель. Это само собой разумеется. Резолюция будет занесена в протокол без подписей. Помимо того, желающим она будет предложена для подписей.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Присутствуют 42 делегата с 51 решающим голосом и 8 лиц с совещательным голосом).

Председатель, сделав собранию некоторые сообщения, передает затем просьбу кавказских делегатов о допущении на с'езд с правом совещательного голоса их товарища, который с самого зарождения социал-демократического движения на Кавказе принимал в нем участие¹³).

Мартос предлагает запросить по этому вопросу Орг. Ком.

Махов, ничего не имея против приглашения новых товарищей, указывает, что с'езд только теряет время на обсуждение таких вопросов.

Попов. Для того, чтобы Орг. Ком. мог ответить на запрос о приглашении нового товарища, следовало бы отменить вчерашнюю резолюцию, так как по ее смыслу Орг. Ком. не имеет права влиять на состав с'езда после его конституирования. А высказать мнение по поводу приглашения нового товарища—значило бы повлиять на состав с'езда.

Карский. Если Орг. Ком. уже не имеет права влиять на состав с'езда, то это вовсе не означает, что он должен потерять память.

Либер предлагает закрыть дебаты.

Предложение принято.

Затем принято предложение представителей Кавказа о приглашении их товарища с правом совещательного голоса.

Читается следующее заявление товарища Мартынова: „Я должен сделать поправку к речи представителя Орг. Ком. тов. Попова. Он сказал: „Я не знал, что Воронежский Комитет и Заграничный Союз одно и то же“. Напоминаю ему по этому поводу, что согласно уставу с'езда тов. Акимов все время говорит от своего имени, а не от имени Союза. К тому же тов. Акимов этого не говорил“.

Мартос предлагает избрать комиссию для разработки вопросов программы. В виду необходимости серьезной подготовительной работы, можно было бы уже теперь начать составление списка кандидатов.

Акимов находит эту систему неудобной. Необходима сначала общая дискуссия, а затем в комиссию будут избраны представители различных направлений, которые выяснятся во время дискуссий.

Карский. Ждать дискуссий для выяснения направлений излишне, ибо направления уже очень ясны. Кроме того, после дискуссии останется мало времени для работ комиссии.

Бюро присоединяется к мнению тов. Акимова.

С'езд переходит к обсуждению второго пункта своего порядка дня — о месте Бунда в Партии.

Либер (докладчик). Мне предстоит трудная задача—обоснование предложения Бунда. Во-первых, повидимому, у большинства составилось определенное мнение по обсуждаемому вопросу, а, во-вторых, организационные вопросы (вопросы о национальных и районных организациях) в литературе не были разобраны. Правда, по этому вопросу была жесткая полемика, но по существу ничего не было сказано. Я напому в нескольких словах историю этого вопроса. На основании Манифеста 1898 года Бунд входит в Росс. Соц.-Дем. Рабочую Партию на автономных началах. Российская Партия, как известно, тотчас же после с'езда 1898 года перестала юридически существовать, и поэтому организационные отношения между частями Партии определялись совершенно случайно. Различные части Партии выступали независимо друг от друга. И юридически никаких форм отношений Бунда к другим организациям установлено не было. Затем на четвертом с'езде Бунда возник вопрос об оформлении этих отношений, о началах, на которых должна быть организована Российская Партия. По этому вопросу была принята известная вам резолюция. На состоявшемся недавно пятом с'езде Бунда,—отчета о котором мы не могли дать до сих пор, в виду непринятия предложенного нами порядка дня,—вновь обсуждался тот же вопрос (о положении Бунда в Партии), и с'езд выработал договор, к обоснованию которого я и перехожу.

Манифест 1898 года установил принципы партийной организации и отношений Бунда к ней. Но никакого оформленного выражения этим принципам дано не было. И теперь, предлагая выработанный пятым с'ездом Бунда устав, мы не вносим изменений, мы только предлагаем устав*), который

*) § 1. Положение Бунда в Партии определяется следующими пунктами:

§ 2. Бунд есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя.

§ 3. В Центральный Комитет Партии, Заграничный Комитет Партии и на с'езды Партии Бунд избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция с'ездов Бунда. Способ представительства Бунда должен быть основан на принципах, одинаковых для всех частей, входящих в Партию.

Примечание. Организации местные и районные не признаются в этом отношении отдельными частями.

Компетенция Бунда.

§ 4. Программой Бунда является общепартийная программа, которую он по вопросам, обусловленным особым положением еврейского пролетариата в России в взаимоотношениях общественных сил в среде еврейской нации, имеет право дополнять для себя особыми пунктами, не противоречащими партийной программе.

§ 5. Бунд имеет свои с'езды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, и свой Центральный Комитет.

§ 6. Бунд имеет право разрешать, руководствуясь программой Партии, также общие вопросы, по которым партийными с'ездами не вынесено резолюций. Решения эти имеют лишь временную силу до постановлений общих с'ездов по соответствующим вопросам.

§ 7. Бунду предоставляется свободное распоряжение делами своей организации.

является осуществлением и дальнейшим логическим развитием принципов Манифеста первого съезда. Мы несогласны с выражением „автономия“, потому что он неопределен, и в него может вкладываться различное содержание. Но мы не стоим также и за термин „федерация“, который столь же неясен. И в самом деле, если мы анализируем пункт Манифеста I-го съезда, касающийся Бунда (Бунд—автономная часть Росс. Партии), то мы приходим к выводу, что иное, гораздо более широкое содержание влагает в понятие „автономия“ Польская Социалистическая Партия, требующая ее у Германской Социал-демократической Партии.

Пункт Манифеста первого съезда, касающийся Бунда, неясен еще в том отношении, что он не определяет: по отношению к кому автономна организация, кто автономен и в каких вопросах автономен?

Если организация еврейского пролетариата автономна по отношению к Партии, т. е. к ее центральным органам, то такая автономия должна применяться ко всем частям Партии, которые в своих районных делах также автономны. Для того, чтобы ответить на второй вопрос (кто автономен?) необходимо было бы определить район деятельности Бунда. Этого сделано не было. И здесь возможны два предположения: 1) одни предполагали, что Бунд должен стать районной организацией; 2) другие думали, что Бунд должен работать среди всего еврейского пролетариата.

Возникает прежде всего вопрос, зачем нам нужна организация еврейского пролетариата? Она может быть оправдана, во-первых, теми особо

§ 8. Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках, с обращениями к пролетариату другой национальности Бунд имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей Партии; к пролетариату же всей страны—с согласия Центрального Комитета Партии.

Примечание. При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других входивших в Партию частей требуется согласие Центрального Комитета Бунда.

§ 9. а) Бунд имеет право вступать во временное соглашение для практических предприятий с революционными организациями, не входящими в состав Партии и относительно соглашения с которыми нет специального запрета ни со стороны съезда, ни со стороны Центрального Комитета Партии. О каждом таком соглашении Цент. Ком. Бунда доводит до сведения Центр. Ком. Партии. Совместное выступление в литературе с не социал-демократическими организациями недопустимо. б) С особого на то разрешения Центрального Комитета Партии Бунд имеет право вступать в постоянные соглашения с не входящими в Партию соц.-дем. организациями для совместного выполнения некоторых сторон революционной работы.

§ 10. Съезд партии имеет право отменять все постановления съездов Бунда, за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции. Если Центральный Комитет Партии усматривает в каких-либо действиях Центрального Комитета Бунда противоречие с постановлениями общих съездов Партии, то он (Ц. К. П.) имеет право потребовать от него объяснений.

§ 11. В случаях необходимости Цент. Ком. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Цент. Ком. Бунда. Как должны вестись эти сношения, в каждом отдельном случае определяет Цент. Ком. Бунда.

§ 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменены, дополнены и отменены лишь с взаимного согласия входящих в партию частей.

Примечание. Организации местные и районные не признаются в этом отношении частями Партии.

тяжкими правовыми условиями, в которых находится весь еврейский пролетариат, без отношения к языку, на котором он говорит; во-вторых, тем, что соотношение общественных сил среди еврейской нации совершенно своеобразное; так, напр., там нет дворянства, землевладельцев и крестьянства. И поэтому всякая мысль о том, чтобы превратить Бунд в районную организацию (не говоря уже о том, что мы вообще противники районных организаций, потому что они ведут к децентрализации), уничтожает всякий смысл его существования.

Основывать необходимость особой организации еврейского пролетариата на языке немислимо. Ибо, зачем тогда Бунд автономия? Вопрос о языке—вопрос технический, и можно было бы просто создать техническую комиссию.

Таким образом, единственным условием, определяющим автономию Бунда, являются рамки еврейского пролетариата, как такового в его целом. И мы думаем, что в Партии Бунд должен занимать место представителя еврейского пролетариата. Но этим мы вовсе не хотим сказать, что другие социал-демократические организации не должны работать среди еврейского пролетариата.

Возникает вопрос, можно ли разграничить сферу вопросов, в которых организация автономна? По Манифесту первого съезда „Бунд есть организация, автономная в вопросах, касающихся еврейского пролетариата“. Какие же это вопросы? Возьмем, для примера, вопрос о правовом положении еврейского пролетариата. Разве этот вопрос не находится в теснейшей связи с другими политическими вопросами? А раз это так, то возможно одно из двух: или Бунд действительно автономен, т. е. имеет полную свободу обсуждения всех вопросов, или Центральный Комитет будет весьма ригористичен по отношению к Бунду и сузит его свободу.

Здесь возникает также другой вопрос, верховная ли инстанция съезд Бунда по вопросам, касающимся еврейского пролетариата? На этот вопрос мы отвечаем—нет. Бунд должен быть компетентен во всех вопросах, но над ним будет высшее контрольное учреждение.

На это обыкновенно возражают, что, если это так, то зачем еврейскому пролетариату самостоятельная организация? Но при этом забывают, что еврейский пролетариат гораздо сильнее заинтересован в борьбе против исключительных стеснений, налагаемых на него, чем остальной пролетариат, и что поэтому он явится и более активным борцом против такого угнетения.

Итак, в силу всех приведенных выше соображений мы не находим возможным организацию Партии на автономных началах. Каковы же должны быть отношения различных частей Партии? Я скажу, что они должны быть основаны на принципе федерации. Одна часть Партии представляет сумму русских комитетов, другая—Бунд, организованный, отдельный Союз. Нам обыкновенно указывают, что эти части неравномерны, несоизмеримы, и поэтому их объединение на федеративных началах крайне трудно. В Австрии вполне возможен на началах равноправности федеративный союз национальных соц.-демокр. организаций. Принципиально и мы могли бы требовать того же.

Наши противники думают, что федерация и децентрализм—синонимы. Это не верно. По нашему мнению, нет более высокой формы централизации, как федерация. И совершенно не верно, что автономия—форма более централистическая, чем федерация. Пролетариат известной нации только тогда имеет централистические тенденции, когда он видит в центре разрешение всех своих запросов и в особенности его специальных национальных нужд. Устроив автономную организацию на началах выделения этих национальных нужд из центра, мы тем самым не только уничтожаем его централистические стремления, но и отвлекаем его от стремлений, общих всему пролетариату, сосредоточивая его внимание на узко-национальных вопросах и его собственной организации. Такое отделение общих вопросов от национальных вредно. Федеративная организация уничтожает это разделение и, следовательно, лучше всего обеспечивает централизацию.

Либер переходит затем к чтению и более детальному обоснованию устава, выработанного пятым съездом Бунда.

Мартов (содокладчик). После выслушанного нами доклада никто не станет сомневаться, что съезд поступил чрезвычайно благоразумно, поставив вопрос о Бунде на первое место порядка дня. Как это видно, часть Партии говорит о договоре между двумя самостоятельными организациями—евреев и не евреев. Последняя формулировка, по моему мнению, гораздо точнее, чем разговоры о взаимных отношениях разных национальных организаций. Пятый съезд Бунда и занялся выработкой проекта договора между еврейским пролетариатом и остальным российским пролетариатом. Для представителей Бунда настоящий съезд является, повидимому, учредительным. Но не далее, как вчера, когда речь зашла о приглашении польских товарищей, они настаивали, что этот съезд не учредительный, а очередной. Я говорю, что представители Бунда представляют себе настоящий съезд учредительным, потому что они говорят о договоре между двумя частями Партии, о чем не может быть речи на очередном съезде, на котором допустимо лишь говорить о союзе с другой партией, но не о договоре между частями партии. До последнего времени, Бунд представлял часть Партии и, повидимому, смотрел на себя, как на часть Партии, принимая участие в Орган. Комитете, который признал что съезд очередной и представляет съезд не отдельных национальных организаций, а частей Партии. Тов. Либер говорил: „мы не вносим изменений, мы только предлагаем устав. Первый съезд Партии установил только принцип отношений Бунда к Российской Партии, и теперь мы впервые формулируем устав“. Это верно, и я не стану этого отрицать, но этот устав, который нам представлен, ставит вверх дном основы партийной организации, установленные съездом 1898 года. В Манифесте первого съезда вполне точно установлено, что организации, представители которых присутствуют на съезде, сливаются в единую организацию. Автономия, которая была предоставлена Бунду первым съездом, не представляла исключения, так как она была предоставлена всем комитетам, но в более узких рамках¹⁵⁾.

Четвертый съезд Бунда принял известную резолюцию*). Но в ней не было слова „будущего“, которое тов. Либер прибавил, приводя эту резо-

*) См. прилож. VI.

люцию. Это слово появилось только в 1903 году. В письме Центрального Комитета Бунда в Искру было разъяснено, что именно эту резолюцию о федеративном устройстве Партии Бунд намерен внести на съезд Партии. Но когда вопрос о созыве съезда стал практическим вопросом, товарищи из Бунда собрались на пятый съезд, разработали резолюцию четвертого съезда, и теперь говорят нам о договоре,—выражение, употребленное тов. Либером. Между тем, когда мы обсуждали порядок дня, то именно по вопросу о Бунде товарищи из Бунда рассматривали себя не как свободную сторону, не как отдельную самостоятельную организацию, а как часть Партии и, основываясь на этом, возражали против выделения этого вопроса на первое место порядка дня.

Я не считаю для съезда возможным заняться рассмотрением проекта представленного договора, по которому никаких предварительных сношений Партии через посредство ее органов не было.

А то, что представленный проект является договорным условием, почему мы не можем и не должны его рассматривать, я сейчас покажу. В основе проекта лежит предположение, что для еврейского пролетариата нужна самостоятельная политическая организация, которая представляла бы национальные интересы в рядах Российской Социал-демократии. Независимо от вопроса об организации Партии на федеративных или автономных началах, мы не можем допустить, чтобы та или другая часть Партии могла представлять групповые, профессиональные или национальные интересы каких-либо слоев пролетариата. Национальные различия, в виду общих классовых интересов, играют подчиненную роль. И какой вид приняла бы наша организация, если бы, например, в одной и той же мастерской рабочие разных национальностей думали прежде всего о представительстве своих национальных интересов?

Особо тяжкие правовые условия, в которых приходится жить еврейскому пролетариату, не должны быть основанием для его выделения, а могут явиться только поводом для более расширенной автономии, для организации руководства борьбой еврейского пролетариата. Но расширенная автономия ничего общего не имеет с принципом предоставления национальным организациям представительства.

Положение Бунда противоречиво. Но это не компрометирует ни Бунд, ни Российскую Партию, потому что это противоречивое положение явилось результатом ряда печальных исторических обстоятельств. И это ненормальное положение не может быть устранено одной героической резолюцией. Мы это хорошо знаем, но именно поэтому, мы не должны закрывать глаза на это ненормальное положение, мы должны его игнорировать.

Мысль о том, что федерация есть лучшее средство для централизации, которую так отстаивал тов. Либер, никаким подобием доказательства не была обоснована. Тов. Либер только показал нам, что могут быть и бывают ненормальные автономные отношения.

Перехожу теперь к характеристике устава. Возьмем § 3. Что случилось бы с нами, если бы район действия каждой организации, входящий в Партию, не был бы ограничен никакими рамками? Между тем, по предположению составителей проекта, район деятельности Бунда ограничен лишь преде-

лами Российской империи. Организация Партии в таком случае была бы даже не федерацией.

Далее, § 3. Последовательнее было бы, чтобы эта норма была принята по отношению ко всем частям нашей Партии. Если недопустимо, чтобы представители еврейского пролетариата были задавлены большинством, то, очевидно, это недопустимо по отношению к представителям биевского, петербургского и всех других комитетов. Тогда необходимо было бы Центральный Комитет составить из представителей всех организаций и Центр. Ком. превратился бы в учреждение, весьма сходное с польским сеймом, где veto одного лишало весь сейм возможности внести какое-либо решение.

§ 5 идет в разрез со всяким стремлением к централизации Партии. Ставить Центр. Ком. Бунда, как преграду между Центр. Ком. Партии и местными группами Партии, это значит вносить в Партию страшную дезорганизацию. И опять-таки и эту норму последовательно было бы применить ко всем частям Партии. Что получилось бы тогда?

§ 12 очень ясно говорит, что мы имеем дело с договором, потому что, принимая этот устав, мы сможем только предлагать изменения в нем, входить по поводу этих изменений в соглашение с Бундом; но не отменять пункты этого устава.

Таков предлагаемый нам устав. И поэтому, прежде чем перейти к его обсуждению, прежде чем устанавливать отношения Бунда к Партии, нам необходимо получить ответ на вопрос: с кем же мы имеем дело, с частью Партии или с свободной стороной, предлагающей нам договор, по отношению к которой мы также являемся свободной стороной?

Перехожу к разъяснению внесенной мной резолюции *). В первом пункте мы подчеркиваем, что решение всех политических и социальных вопросов возможно только при теснейшем единстве всего пролетариата. Во втором пункте мы повторяем то, что говорилось на Брюссельск. междунар. конгрессе 1891 г. В третьем пункте указывается, что извест-

*) Резолюция Мартова: „Принимая во внимание: а) что теснейшее объединение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает, безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство несколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта,—второй съезд Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас, и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще и в частности еврейского пролетариата России, и потому решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Российской Партией и Бундом, как ее составной частью, съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой Российской Социал-демократической Рабочей Партии положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава. В виду изложенного, рассматривая предложенный делегатами Бунда „Устав“, как проект части общепартийного устава, съезд, относя обсуждение его к § 6 порядка дня, переходит к очередным делам.

ная самостоятельность организации евр. пролетариата нисколько не исключается. Но расширение автономии Бунда мотивируется не национальными требованиями, а только удобствами революционной агитации. Наконец, в заключение мы говорим, что мы отвергаем всякие попытки перестройки Партии на федеративных началах, как полагающие преграду дальнейшему сближению между еврейским и русским пролетариатом.

Троцкий. К резолюции, предложенной тов. Мартовым, нахожу бесполезным добавить, что под резолюцией подписаны имена товарищей-евреев, которые, работая в Российской Партии, считали и считают себя также представителями еврейского пролетариата.

Либер. Среди которого они никогда не работали.

Троцкий. Проншу и мое заявление и возглас тов. Либера занести в протокол.

Либер. Проншу занести в протокол, что председатель не остановил тов. Троцкого, когда последний своим заявлением совершил грубую бестактность.

Председатель. Особое занесение этого обстоятельства в протокол излишне, т. к. все равно видно будет из протокола, что я не остановил тов. Троцкого.

Либер. Настаиваю на занесении этого обстоятельства в протокол.

Председатель. Тогда будьте любезны внести ваше заявление письменно в бюро съезда.

Либер вносит заявление следующего содержания:

„Отмечаю, что председатель не остановил тов. Троцкого, когда он заявил о принадлежности к еврейской национальности лиц, внесших резолюцию, совершившего грубую нетактичность, перенося весь спор по этому вопросу на почву национальных страстей“.

(Перерыв).

Председатель. Прежде, чем продолжать заседание, я должен обратиться к съезду с следующим разъяснением. Я уже имел честь поставить на вид тов. Либеру, что председатель, действительно, должен остановить оратора, когда тот делает бестактное замечание. Но судьей в таких случаях является именно председатель, а не отдельные члены собрания. И же, как председатель, в заявлении тов. Троцкого ничего бестактного не вижу. Что собственно бестактно? То ли, что он упомянул о своем еврейском происхождении, или то, что, упомянув о своем еврейском происхождении, он указал, что считает себя представителем и еврейского пролетариата? Что же касается до перенесения спора на почву национальных страстей, то, если это невинное заявление тов. Троцкого может раздуть национальные страсти, очевидно, эти страсти очень близки к национальному фанатизму..

А я не имел права предполагать национальный фанатизм ни в ком из здесь присутствующих. Но, так как, все-таки, в настояниях тов. Либера я вижу неодобрение моему поведению, то переношу этот вопрос на обсуждение съезда и с своей стороны предлагаю выразить президиуму доверие, без которого мы не можем продолжать заседание.

Акимов находит, что не следует создавать инцидента и что необходимо приравнять заявление тов. Либера к личному замечанию.

Штейн. Замечание Троцкого я нахожу не грубой нетактичностью. Оно просто было неуместно...

Председатель. Речь идет не о замечании тов. Троцкого, а о доверии к президиуму.

Либер. Вопрос в моем заявлении идет не о поведении председателя, а о том, тактично или нетактично заявление тов. Троцкого.

Акимов вносит резолюцию следующего содержания: „Выслушав замечание тов. Либера по поводу речи тов. Троцкого и раз'яснение председателя, съезд переходит к очередным делам“.

Ланге и Муравьев вносят резолюцию следующего содержания:

„По поводу заявления тов. Либера съезд вотирует доверие бюро и переходит к очередным делам“.

Обе резолюции вотируются. Резолюция тов. Акимова отклонена. Резолюция тов. Ланге и Муравьева принята всеми голосами при пяти воздержавшихся.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ.

(Присутствуют 42 делегата с 51 решающим голосом и 8 лиц с совещательным голосом).

Читается и утверждается протокол второго заседания.

Затем продолжаются прения по второму пункту порядка дня.

Карский. Недостаток времени не позволяет мне коснуться многих пунктов из доклада товарища Либера, относительно которых я хотел бы представить свои возражения. Я остановлюсь только на следующих положениях товарища из Бунда.

Бунд желает быть представителем не только той части еврейского пролетариата, которая живет на определенной территории и говорит на жаргоне, но быть единственным представителем всего еврейского пролетариата, как такового, целиком. Таким образом, район деятельности Бунда—везде, где только обитает рабочий, принадлежащий к еврейской национальности. Вот то основное положение, которое выставляет и защищает Бунд. Такая точка зрения есть точка зрения националистическая, а не социалистическая. Бунд не опирается на технические условия и не считает с тем, что евреи живут в разных частях обширной России и говорят на разных языках. Нет, все это не важно для Бунда. Вопрос для него решается только тем, что часть пролетариата принадлежит к еврейской национальности. Тут мне припоминается утопический проект одного армянина, предлагающего объединить в одну армянскую социал-демократическую партию армянский пролетариат, живущий в Америке, на Кавказе, в Турции, Персии и т. д. Этот армянин является последовательным социалистом-националистом, но за Бундом нельзя признать этой последовательности.

Меня удивляет требование Бунда составить какое-то государство в государстве; ведь не требуем же мы, грузины, армяне и т. д., особой грузинской, армянской и пр. организаций, и однако, это не мешает нам работать в рядах Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и работать с успехом, как показывает история последнего времени: всякие национальные предрассудки у нас на Кавказе подрываются в корне.

Русов. Мне приходится работать на одной из окраин, которая по разнородности состава населения подходит к тем условиям, при которых работает Бунд. Я с удовольствием подчеркиваю тот факт, что у нас совершенно отсутствует организационный сепаратизм, проявляющийся так сильно в Бунде за последнее время. В каждом из наших городов существуют Комитеты партии, работающие на нескольких языках, до сих пор на трех (русский, грузинский и армянский), а если понадобится, и на четырех

(еще татарский). И несмотря на это, до сих пор никаких неудобств от этого не создавалось и успех движения на Кавказе не ослаб. По моему, тенденция, которая господствует сейчас в Бунде, ничего общего с социализмом не имеет. Существование особой еврейской организации в партии пролетариата, ошибочно допущенное первым съездом, имеющее, может быть, свое историческое оправдание, привело к очень нежелательным результатам. Не отрицая заслуг Бунда в организации еврейского пролетариата, я нахожу со стороны интересов Партии большим упущением, что до сих пор на западе нет комитетов Партии, работающих на всех языках. И такое наше положение сейчас объясняется только ошибкой первого съезда. Там ведется работа среди евреев, а поляки, литовцы, латыши, русские остаются вне партийной агитации. Положение это ненормально. Что резолюция первого съезда не имела почвы под собой (кроме разве исторической, т. е. существования сильной еврейской организации уже при объединении Партии), я это постараюсь доказать. Причины существования отдельной организации могут быть двоякие: технические (язык, район) и принципиальные (различие политической задачи). Рассмотрим первую. Еврейство в различных местах говорит на разных языках (польский, грузинский, татарский), и поэтому единая организация еврейского пролетариата не необходима. Наконец, мы знаем такие организации, где производится агитация на нескольких языках. Что касается ссылки на территорию, то этот аргумент опровергается самим Бундом, как не имеющий места для еврейского пролетариата. Значит, тут дело не в технических условиях. Рассмотрим принципиальные причины: особое правовое положение еврейства, антисемитизм, ограничительные законы против евреев,—вот на что нам постоянно указывают. Но исключительные законы существуют не только для евреев, но и для других инородцев России. Это исключительное положение угнетенной национальности, давая громадный материал для агитации, не служит достаточной причиной образования самостоятельной организации. Я думаю, что для существования отдельной национальной организации этого недостаточно. Если есть выгодные условия для политической агитации, то обязанность всякого чуткого и хорошего революционера использовать эти моменты для агитации. Если бы я попал в черту оседлости, то ничуть не меньше Бунда вел бы агитацию, пользуясь особым правовым положением еврейства. Если бы мы руководились подобными соображениями, то принуждены были бы организовать особые организации для сектантов, для всех инородцев и т. д., а это повело бы не к объединению Партии, а к разложению. Почему, например, Виленский Комитет, работая среди всех пролетариев города, как и Кавказские Комитеты, не может вести усиленную агитацию на почве особого правового положения еврейства? В уничтожении ограничительных законов так же заинтересован весь российский пролетариат, как и еврейский. Вот почему это требование есть общепролетарское, а не специально еврейское. Все российские товарищи до сих пор всегда относились к товарищам из Бунда, как к хорошим практикам. Обращаясь к ним, как к хорошим практикам: не должны ли они признать, что существование в одном городе двух различных организаций, как бы они тесно не были связаны, ведет в момент борьбы к нежелательным замедлениям и осложнениям. Исторические условия требуют ско-

рого и быстрого решения, а тут еще нужно входить в соглашение друг с другом. Это, наконец, вредит и ведению пропаганды, затемняя классовой характер борьбы национальным *). В речи товарища докладчика промелькнула другая принципиальная причина существования особой организации еврейского пролетариата. Он все время говорил о Бунде, как о представителе еврейского пролетариата в Партии. Такое особое представительство имело бы смысл, если бы мы допустили мысль, что интересы еврейского пролетариата, хотя бы в одном пункте, противоречили интересам пролетариев других национальностей России. Я думаю, что такого противоречия не существует и никогда не может существовать, если только мы говорим, опираясь на классовую точку зрения, а не на национальную. Я считаю, что каждый член Партии является представителем всего пролетариата всей России. Если же мы будем признавать каждого нашего делегата, как представителя национальных групп пролетариата, то мне придется считать себя представителем русского, грузинского, армянского, татарского и еврейского пролетариата, населяющего Кавказ, но от такого длинного титула я отказываюсь охотно, чтобы взять на себя лестное название представителя российского пролетариата. Как вытекает из всего мною сказанного, я стою за тот тип организации, при котором в каждом городе, в каждом районе существовали бы организации единой Партии, ведущей агитацию на тех языках, какие потребуются. Но, считаясь с историческими условиями, создавшими особое положение Бунда, я принужден присоединиться к резолюции товарища Мартова. (Аплодисменты).

Костич. Исходя 1) из резолюции четвертого съезда Бунда: „Съезд признает, что понятие национальность применимо и к еврейскому народу“ и 2) из того, что еврейская национальная культура получит свободное развитие только в государстве, построенном на началах национальной автономии,—Бунд достижение последней считает возможным лишь при федеративном отношении к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Не касаясь вопроса о национальной культуре евреев, хотя он мне представляется совсем не в таком свете, как Бунду, я думаю, что достижение сущности требуемого Бундом находит свое полное выражение в политическом строе, обеспечивающем все те права, о которых говорит проект программы Искры. Но не при федеративных отношениях в Партии Бунд добьется этой сущности, а только при отсутствии федеративного начала, только при полном объединении своем с Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией. Ведь Бунд, по моему мнению, при общей программе, мог считать себя единственным носителем освобождения еврейского пролетариата от специфического гнета только при наличии следующих трех практических соображений. Предположим, что революционная социал-демократия не будет действительно бороться за некоторые требования программы, она не будет всеми силами звать пролетариев на борьбу за эти требования. При таком положении революционная социал-демократия не вполне сознательна, и тогда Бунду не обособляться надо, а как можно теснее с ней слиться, стараться поднять ее до того

*) Здесь товарищ Русов был прерван председателем, так как его время истекло, но, с разрешения съезда, он продолжал.

высокого уровня классового самосознания, на котором находится он. Не федерация, а единение.

Может быть, мы и будем звать на борьбу, но эти требования будут так туго прививаться не-еврейской рабочей массе, они будут так далеки от них, что демократическая конституция, которой мы добьемся, явится именно в этих частях урезанной. Но не федерация исцелит от этого зла, она только его увеличит, обособляя не-евреев от евреев и отдаляя одних от других специфически бундовской агитацией, лежащей в основе федерации. Только полное единение даст возможность развивать классовое сознание пролетариата в этом отношении. Остается последнее предположительное положение: и революционная социал-демократия, и руководимые ею пролетарии будут всеми силами бороться за вышеуказанные требования, но не добьются требуемого ими. Только, я думаю, федерация бундовская сама этого наверно не добьется.—Я упомянул выше о вреде, который наносит делу развития классового самосознания пролетариата бундовская агитация в той части, где она неразрывно связана с рекомендуемым федеративным принципом. Я этот вред имел возможность видеть в Одессе, где имеется возникшая несколько месяцев тому назад бундовская организация. Мотивирует свое возникновение Бунд тем, что Одесский Комитет не удовлетворяет потребностям еврейского рабочего движения; потребности же эти Бунд понимает в особом смысле, не в духе Манифеста первого съезда, так как в этом смысле Одесский Комитет до сих пор ведет усиленную агитацию среди евреев. Наоборот, Одесский Комитет только два года тому назад упрекали в том, что он обращает исключительное внимание на работу среди евреев. Бундовская группа возникла, и агитация ее скоро приняла следующую форму: мы—евреи, мы должны, полагаясь на свои силы, объединяться в еврейскую организацию и т. д.¹⁶⁾ Вот эта-то агитация, неизбежная при федерации, и является, по моему мнению и мнению товарищей-агитаторов, как евреев так и не-евреев, противовесом той агитации, которую только и должны вести социал-демократы по национальному вопросу: „нет ни эллинов, ни иудеев“ в революционном социал-демократическом движении. Думая так, я всецело присоединяюсь к резолюции Мартова. Что касается инцидента с Троцким, то я считаю заявление последнего вполне уместным, так как и мне неоднократно на высказывавшуюся мною мысль о вреде федерации возражали: вы не еврей и т. д. Такое отношение к противникам федеративного принципа проглядывает и в брошюре: „К вопросу о национальной автономии“.

Ланге. После обстоятельной речи товарища Мартова и речей предыдущих ораторов я не буду распространяться много. Я хочу только указать на то положение, какое занимают отдельные еврейские группы рабочих по отношению к пролетариату прочих национальностей и по отношению к социал-демократам, работающим вне района Бунда. Я в этом отношении имею некоторый опыт, вынесенный из различных местностей нашего севера. Этим опытом я и хочу поделиться. Отмечу, что у нас группы еврейских рабочих, среди которых мы встречали почти всегда рабочих-бундистов, как руководителей, занимали очень обособленное положение, мало интересуясь всем происходящим среди пролетариата прочих национальностей. Работающим социал-демократам всегда стоило не малого труда разыскать

их и завязать с ними связи, и всегда надо было много бороться, чтобы вывести их из состояния национальной обособленности. В этом, несомненно, сказывается и та закваска, которую руководители этих кружков—бывшие бундисты—получают под влиянием воспитания, полученного в Бунде. Само собой разумеется, что подобные результаты бундовского воспитания (вытекающего из основ их устава) не могут способствовать делу победы пролетариата (как русского, так и еврейского) над общим врагом. Кроме того, мне непонятно, вправе ли комитет того места, где имеется такая маленькая группа еврейских рабочих, завязать с ней сношения помимо Центрального Комитета Бунда и руководить ей. Из положений устава пятого съезда, который был здесь прочитан товарищем Либером, выходит, что—нет, между тем это противоречит всем основам нашей программы и простой здравой логике. Пока национальный вопрос не будет отодвинут Бундом на задний план, трения неизбежны.

Мартинов. Мы—социал-демократы—обязаны руководствоваться принципом, выставленным в Коммунистическом Манифесте: „Коммунисты в движении пролетариев различных наций выделяют и отстаивают общие, независимые от национальностей, интересы всего пролетариата“. Бунд, судя по проекту устава, предложенного нам, „выделяет и отстаивает“ именно национальные интересы пролетариата. Он стремится к национальному обособлению еврейского пролетариата. Я не буду останавливаться на доказательствах этого положения, я приведу только те места из их проекта, которые явно это обнаруживают. (Прочитывает отдельные места из §§ 2, 3, 10, 11 и 12 резолюции Бунда). — В виду такого характера проекта „Устава“ Бунда, я вполне разделяю резолюцию, предложенную товарищем Мартовым, но я считаю ее недостаточной. Мы должны бороться против вредной тенденции Бунда к национальному обособлению еврейского пролетариата, но не против Бунда вообще. Мы ценим его крупные исторические заслуги и не желаем сломить этой исторически сложившейся силы, мы желаем только подчинить ее партии и это должно быть выражено в резолюции.

Абрамсон. Товарищ из Одессы представил нам деятельность Бунда в странном и „ужасном“ виде. Мы всюду приносим с собою разлад, мы сепаратисты, националисты и т. д. В подтверждение своих слов, он привел нам разного рода анекдотические рассказы о том, как какие-то бундовские агитаторы на каких-то собраниях произносили какие-то ужасные речи, а затем он ссылался на свои личные беседы с какими-то бундовцами. Поскольку он счел нужным здесь на съезде оперировать такими «фактами»,—ему и отвечать не стоит. Чтобы действительно охарактеризовать роль Бунда, надо обратиться к его истории, к истории всероссийского революционного социал-демократического движения, о которой товарищ из Одессы имеет очень смутное представление. Я не стану приводить здесь нашей истории, я только напому такие общеизвестные факты, как участие Бунда в созыве первого съезда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и в последней партийной конференции, имевшей место в прошлом году и давшей нам идею Организационного Комитета.—Бунд обвиняют в том, что он проповедует недоверие к нееврейскому пролетариату. Это обвинение основывают на том, что он организует отдельно еврейский пролетариат.

С этой точки зрения, тут один товарищ назвал «печальной ошибкой» тот факт, что Бунд первый съезд Партии предоставил автономию. Отвечать на подобные обвинения тоже излишне. — Товарищ Мартов выразился, что самое образование Бунда происходило при ненормальных условиях. Отсюда можно сделать тот вывод, что теперь-то, когда условия сделались нормальными, Бунд потерял свой *raison d'être*. Я бы попросил товарища Мартова объяснить, каким критерием он пользуется для определения нормальных исторических условий. Находит ли он, что и сейчас, например, мы живем при нормальных условиях?

Возражали против § 2 нашего устава, будто он исключает возможность для всех, кроме Бунда, работать среди еврейского пролетариата. Подобное мнение основано на недоразумении. Требуя, чтобы Бунд в партии был единственным представителем еврейского пролетариата, мы отнюдь не говорим, чтобы никто другой не смел работать среди еврейских рабочих. Мы только указываем на то, что Бунд единственная организация, работающая исключительно среди еврейского пролетариата, и потому за ним должно быть признано право быть его единственным представителем. Товарищ Мартов, разобрав все пункты нашего устава, пришел к выводу, что во всех их сквозит идея договора, и, как таковой, он не приемлем. Мой товарищ по делегации уже указывал и я теперь снова заявляю: мы устав наш предлагаем не как ультиматум, но как базис для обсуждения его по пунктам, — причем некоторые пункты могут быть изменены здесь на съезде.

Лядов (к иллюстрации тактики Бунда): В Берлине, на собрании, имевшем целью выразить протест против Кишиневских событий, члены Бунда, присутствовавшие на этом собрании, постарались обратить это собрание общего протеста в собрание исключительно еврейское.

Русов. Я взял слово, чтобы защитить себя от некоторых нападок товарищей из Бунда. Ни я, ни один из говоривших товарищей не указывал на Бунд, как на вредную организацию; никто, наконец, не хотел умалять значение Бунда в Партии. Я только указал на тот нежелательный результат, к которому привело постановление первого съезда: вместо того, чтобы иметь на западе организации единой партии, работающие на всех местных языках, мы имеем только пропаганду на еврейском языке. Это я считаю явлением ненормальным и только. Далее, факт основания бундовского комитета в Одессе подтверждал мою мысль о существовании организационного сепаратизма: Бунд учредил в Одессе свой комитет потому, что местный комитет партии не удовлетворяет потребности еврейского пролетариата, т. е. недостаточно вел агитацию и пропаганду в этой массе. Отсюда был один естественный выход: предложить местному комитету принять в свой состав группу своих внепартийных людей. Это далеко до учреждения своего комитета. Товарищ из Бунда заявлял, что русские товарищи ничего не имеют против работы среди евреев, но они «фактически не могут». По моему, это совершенно неверно. Для нашей партийной работы необходимо, во-первых, быть социал-демократом, во-вторых, знать местный язык, а если не знаешь, иметь переводчика. А для этого нет надобности существовать отдельной национальной организации. Я нахожу, что существование Бунда создало сепаратизм; сила Бунда не дает ему права жить исключительно

для еврейского пролетариата. Я просил бы товарища из Бунда объяснить мне, отчего возможна на Кавказе работа и русских товарищей, и товарищей других национальностей в одной организации. Наш Центральный Комитет, по уставу Бунда, не есть верховное учреждение, в нем должны представляться мнения членов различных организаций, а не просто членов партии. Среди бундовцев есть опытные практики, которые могут войти в Центральный Комитет, но не как члены Бунда, а как опытные революционеры. Место центрального органа, по уставу Бунда, занимает федеративный парламент.

Орлов. Вполне присоединяясь к словам товарища из Баку, я хочу отметить те вредные последствия, какие имеют попытки Бунда образовать свои комитеты на юге России. Примером беру случай этого рода, происшедший сравнительно недавно в Екатеринославе. Там, как известно, с давних пор ведется агитация и пропаганда среди еврейских ремесленников. Уже в 1896 году мы встречаем планомерную деятельность комитета в этом направлении. За все это время мы не знаем никаких жалоб и не выражалось никакого недовольства со стороны еврейского пролетариата на неудовлетворительную защиту его интересов и на неудовлетворительную постановку агитации, в смысле игнорирования правового гнета. Работали еврейские товарищи рука об руку с русскими; вместе боролись с эксплуатацией капитала, вместе выражали свой протест против существующего строя и политического бесправия. Общность интересов и одинаковая экономическая зависимость являлись связующим звеном между городским - ремесленным и фабрично-заводским пролетариатом. Никому и в голову не приходило, что существуют особые специальные интересы еврейского пролетариата, которые не были бы вместе с тем и интересами всего пролетариата. Повторяю, жалоб на комитет в этом отношении не было, я, казалось, Бунду, следуя даже резолюции четвертого съезда, здесь делать нечего было. Не так, однако, думали наши товарищи из Бунда. И вот, несколько месяцев тому назад, приезжает в Екатеринослав представитель от Бунда со специальной целью устроить здесь свой комитет. Должен оговориться, что все это сделано было неофициально, но такова вообще тактика Бунда в последнее время; предварительно подготавливается почва, а потом, когда уже существует некоторая организованный группа, то она и выступает, как комитет. Понятно, что в Екатеринославе, как и вообще на юге России, при вышеприведенных условиях, агитация для выделения еврейского пролетариата в особую организацию должна была вестись в духе существования особых интересов еврейского пролетариата, которые будут защищаться в достаточной степени сплоченной организацией лишь этого же пролетариата. Агитация эта вызвала бурю негодования передовых рабочих-евреев и неевреев: они указывали на то, что подобная деятельность возбуждает недоверие и национальную рознь среди членов одной и той же семьи; что дробление это ведет к ослаблению движения, что нет особых интересов еврейских рабочих и т. п. Являясь на массовые рабочие собрания, мне приходилось отвечать на вопрос, почему нужна отдельная организация для евреев: ведь работали же мы, говорили рабочие, столько времени и не чувствовали никакого неудобства от этого, а лишь одну пользу, и, вдруг, говорят, что мы должны объединиться—евреи должны организоваться отдельно, не-евреи — отдельно.

Почему нужно все это? Для чего вообще существует Бунд? Я сказывался в неудобном положении: с одной стороны, я знаю устав 1898 года, по которому Бунду дана автономия лишь в вопросах, касающихся еврейского пролетариата, т. е. автономия чисто технического свойства (вопросы агитации и пропаганды); эта автономия обуславливалась тем, что Бунду приходилось работать среди пролетариата, говорящего лишь на жаргоне и живущего в своеобразных условиях. Название: «Общевр. Рабоч. Союз в России и Польше» не говорит еще, что район деятельности этой организации неограничен, ибо здесь, напр., не указан главный район деятельности Бунда—Литва; очевидно, что Литва обвиняется словом «Россия». С другой стороны, существуют налидо комитеты Бунда на юге России. Итак, если я и мог объяснить целесообразность и законность существования Бунда, как отдельной организации в Литве и Польше, то я бы этого не мог сделать по отношению к России. В такое же неудобное положение был поставлен весь Екатор. Комитет. Ему ничего не оставалось делать, как выступить резко и открыто против сепаратистских тенденций Бунда и его национальной программы. В таком смысле и был решен этот вопрос на комитетском собрании, где решено было устраивать кассовые собрания, на которых выяснен был бы вопрос о национализме и интернационализме и, затем, о национальной программе Бунда и его принципе федерации. К счастью, этого по некоторым причинам не удалось провести. Говорю: «к счастью», ибо бундовская попытка потерпела и без того поражение. Екатеринбургские товарищи, оказалось, лучше понимали интересы евр. пролетариата, чем руководители из Бунда.

Переходя теперь к вопросу о месте Бунда в Партии, я, понятно, безусловно отрицаю как возможность, без ущерба движению, так и необходимость расширения района Бунда. Но в то же время я оспариваю вообще необходимость существования отдельной еврейской организации. Ведь мы знаем, что Бунд в последнее время начал работать и среди рабочих других национальностей, как русские, поляки, латыши и др. Будучи логичным, Бунд должен был бы выделить эти группы в особые комитеты, так как эта организация является защитницей интересов и представительницей еврейского пролетариата, как она сама говорит. Существование же двух комитетов привело бы к вечным раздорам и несогласиям, что ослабляло бы движение российского пролетариата. Нам—защитникам идеи централизма—лишним кажется доказывать тот вред, который влечет за собою существование в одном городе двух руководящих центров. Исходя из всего этого, я предлагаю организовать в районе Польши и Литвы районный союз, который можно было бы назвать «Северо-западным Союзом Рос. Соп.-Дем. Раб. Партии». В эту территориальную организацию и вошел бы Бунд, как часть его. В каждом городе мы имели бы тоже один комитет этого союза, который работал бы среди пролетариата всех национальностей. Это внесло бы плановость в работу нашей партии и коренным образом разрешило бы, так называемый, бундовский вопрос; это разрешило бы также наше отношение к возможному объединению с социал-демократией Польши и Литвы. Социал-демократия Польши и Литвы, как работающая в том же районе, вошла бы также в эту организацию. Выяснив таким образом свое отношение к, так называемому, бундовскому вопросу, я тем самым являюсь рез-

ким противником предложенного пятым съездом Бунда устава и поддерживаю предложение Мартова.

Брукер. Мне кажется, что уже обнаружилась та «логичная нелогичность», в силу которой обсуждение вопроса о положении Бунда в партии было поставлено на первом месте в нашем порядке дня. Съезд решает, что никаких договоров с Бундом, как со стороны, он делать не может и, однако, обсуждает этот договор, разбирает его. С другой стороны, Бунд утверждает, что его устав не есть договор одной из сторон, однако, его предложение относится только к Бунду, как к какой-то особенной части, неодинаковой со всеми другими частями партии, и устав свой они предлагают только для себя, для Бунда. Я не могу принять федеративный принцип организации, но если бы Бунд предложил общий план организации и в нем провел те демократические тенденции, которыми проникнута его организация, и принцип представительства для всех районов партии, я бы поддерживал его в этих тенденциях и в этом принципе. Бунд, как единственное доказательство необходимости организовать еврейский пролетариат, особо приводит особенности его правового положения. Думаю, что именно эта особенность его правового положения должна заставить желать самого тесного сближения еврейского пролетариата с пролетариатом других наций. Для еврейского пролетариата, особенно угнетаемого, в его национальных интересах, назрела и, мало того, вполне им сознаана потребность в национальных правах, и потому совместная работа его с пролетариатом других наций будет способствовать росту сознания потребности общественных прав и у пролетариата других наций.

Либер. Я констатирую тот факт, что здесь обсуждается вопрос, нужна ли самостоятельная организация еврейскому пролетариату. Поднят странный вопрос, нужен ли Бунд вообще. Поднимать теперь подобного рода вопрос, поднимать этот вопрос на шестом году со времени основания Бунда, после того, как он играл столь видную роль во всей истории нашей партии, могут лишь люди, родства не помнящие (*Председатель просит быть спокойнее*). Я удивляюсь, что здесь история Бунда изображена таким образом. За время существования Бунда возникла прямо грандиозная картина еврейского рабочего движения. Революционная волна разлилась по всему району, где живет еврейский пролетариат; париев Бунд обратил в огромную революционную силу, но этого наши товарищи не видят. Нужно с горечью отметить, что правительство лучше оценивает результаты нашей работы, чем наши товарищи. Пусть нам докажут, что тактика Бунда противоречит принципам интернационального социализма. Если мы говорили о партии еврейского пролетариата, то не в такой плохой уж компании мы находимся. Роза Люксембург и Vorstand Германской Соц.-Дем. Партии тоже употребляют выражение «Партия польского пролетариата». Товарищ с Кавказа говорит нам, что Бунд националистичен, ибо старается организовать отдельно рабочих одной национальности. По пункту об организации, Роза Люксембург предлагает: организация Польской Соц.-Дем. должна заниматься всеми делами, касающимися всех польских рабочих, живущих в Германии. Товарищ с Кавказа боится, что Бунд, желая организовать еврейский пролетариат, не ограничиваясь районными рамками, может скоро перешагнуть и границы Российской империи. О, ужас!

Нам говорят, что там, где Бунд работает, он работает националистическим образом. Как мог товарищ с Кавказа забыть обо всех проявлениях солидарности со стороны еврейского пролетариата? Наконец, Бунд работает в некоторых городах и среди христиан.

Троицкий. Я с удивлением слышал, когда товарищ Либер говорил о желании нашем уничтожить Бунд. Что это значит? Хотим ли мы уничтожить тех физических лиц, которые входят в организацию Бунда? Хотим ли мы уничтожить ту плодотворную работу по развитию сознания еврейского пролетариата, которую совершает Бунд и на которую напирал тов. Либер? Или же мы хотим «уничтожить» в Бунде лишь специальную форму его положения в Партии?

Бунд, как единственный представитель интересов еврейского пролетариата в Партии и перед Партией, — или Бунд, как специальная организация Партии для агитации и пропаганды среди еврейского пролетариата? Так может быть поставлен вопрос. И, признавая необходимость самостоятельного существования Бунда в этом втором смысле, можно ввести его в Партию, как подчиненную организацию с определенной сферой самостоятельности в пределах поставленной задачи. В этом случае не может быть и речи о специальных гарантиях для Бунда от посягательств со стороны Партии. А именно такие гарантии и хочет создать Бунд. Совершенно открыто это выражено в пресловутом § 12 предложенного устава. Это не что иное, как уставным образом формулированное недоверие к Партии, как к целому. Конституция нашей Партии может — по замыслу товарищей из Бунда — изменяться не обычным порядком, вотумом большинства, а, с согласия *заинтересованных сторон*, дабы мы — так говорил докладчик — не могли на следующих съездах подавить Бунд, т. е. «интересы еврейского пролетариата». Если Бунд, не доверяя Партии, этому воплощению «идеи четвертого сословия», требует гарантий — это можно понять. Но как подписаться нам под этим требованием? Это значило бы связать свободу своих решений и решений наших преемников. Зачем? Чтобы избежать подавления законных интересов еврейского пролетариата со стороны Партии, т. е. чтобы застраховать себя от предательства. Принять такие условия значило бы для нас признать свое нравственно-политическое банкротство, значило бы совершить нравственно-политическое самоубийство. Съезд этого не делает.

Товарищ Мартынов нашел резолюцию Мартова недостаточной, ибо она не определяет будущей позиции Бунда. Но это не ее задача. Она должна только категорически отвергнуть договорное (федеративное) начало, как принцип партийной организации. Поэтому, я к ней присоединяюсь. Отвергнув федерацию, мы оставим пред собой задачу: выработать формы жизни Бунда, как части внутри единой Партии. Это будет сделано при обсуждении партийной организации. Мы отвергаем федеративный принцип, хотя товарищ Либер в первой речи заявил, а во второй повторил, что федерация есть высшая форма централизма. Оба раза без доказательств. А они были бы не лишними. Если бы я заявил, что романовская помпадурья есть высшая форма осуществления республиканских свобод, я сказал бы не больший парадокс, чем товарищ Либер. В каждой из *федерирующихся организаций* (партий), впрочем, может быть проведен прин-

ции централизма. Но *единую* централизованную партию федерация, конечно, исключает.

Несколько слов об инциденте, вызванном моим утренним заявлением по поводу резолюции Мартова. Тов. Штейн назвал мое заявление неуместным, но он не успел объяснить, почему именно, так как его собственная речь оказалась «неуместной» по ходу дебатов и была прервана председателем. Тов. Либер назвал мое заявление грубой бестактностью. Что я сказал? Притязанию Бунда на роль единственного представителя еврейского пролетариата я противопоставил указание на то, что многие товарищи, работающие и работающие среди еврейских рабочих, не входят в Бунд и считают себя тем не менее представителями еврейского пролетариата, как пролетариата. Я подчеркнул, что эти товарищи—евреи. Зачем? Чтобы предупредить специальный аргумент публицистов Бунда, аргумент бедности, о незнакомстве противников позиции Бунда с психологией «еврейского пролетариата». Где же грубая бестактность?

Но тов. Либер вскрикнул, что эти евреи никогда не работали среди еврейского пролетариата. Значит-ли это, что он заподозрил правдивость моего заявления? Конечно, нет. Такое предположение было бы слишком оскорбительно для товарища Либера. Остается предположить, что работу среди еврейского пролетариата, не стоящую под контролем Бунда, тов. Либер не считает работой. Предоставляю ему самому разъяснить это недоумение.

В ответ на нападки тов. Либера на принятый нами порядок дня скажу, что я, наоборот, нахожу, что этот порядок был самый лучший. Правда, вопрос о «месте Бунда в Партии», поставленный нами, в первую очередь, по необходимости осложнился историческими справками, программными и тактическими дискуссиями. Но тут виноват не порядок дня, а сам характер вопроса. Если бы мы отодвинули его за программу и тактику, осложнения не устранились бы. Они *замаскированы*, и потому *незаконно*, давали бы на все наши программные, тактические и организационные работы. Исчерпав коренное разногласие, мы развяжем себе руки для дальнейших заятий.

Кончаю. Ограничить ли Партия Бунд определенным районом или признает его, как всероссийскую организацию пропаганды и агитации на еврейском языке—в обоих случаях Бунд должен быть подчиненной частью Партии, а не договаривающейся стороной. Предлагаемый нам устав, выработанный на пятом съезде Бунда, имеет своей задачей, как метко заметил в беседе один товарищ, построить между нами и Бундом стену и посыпать ее сверху битым стеклом. Против этой стены съезд должен высказаться с полным единодушием.

Муравьев. Вполне присоединяюсь к мнению тов. Троцкого, что такие заявления, как то, что «нет высшей формы централизации, чем федерация»—недостаточно только высказывать, но необходимо и доказывать. Далее, я надеюсь, что тов. Либер в настоящее время уже вполне ясно понимает разницу между понятиями «автономия» и «федерация». В виду того, что вопрос, подлежащий теперь решению съезда, сводится к вопросу, автономия или федерация—я нахожу нужным указать, как я понимаю то и другое. Автономия предполагает, что отдельные автономные части целого безу-

словно подчинены этому целому. И, наоборот: единство, которое известно под именем федерации, характеризуется тем, что взаимные отношения частей его составляющих, могут быть изменены лишь при условии согласия на то всех отдельных частей. Пора начать называть вещи их собственными именами. Тот проект договора, который предлагают нам делегаты Бунда, является именно проектом переустройства Партии на федеративных началах. В настоящий момент мнения съезда, мне кажется, настолько определились, что можно бы, пожалуй, перейти к постановке вопроса на баллотировку. Между тем, делегаты Бунда очень недостаточно и неопределенно высказывались до сих пор по поводу тех принципиальных предпосылок, которые выдвинуты ими в защиту необходимости их «проекта» и которые достаточно подробно разбирались только их противниками. Так, например, мне очень хотелось бы знать, что хотел сказать тов. Либера словами: «соотношение общественных сил в еврейской нации количественно иное, нежели среди других национальностей». Далее, по мнению того же оратора, особый жаргон еврейского пролетариата «облегчает лишь техническую работу, и для этого не нужно автономии». Без ответа со стороны делегатов Бунда остался и тот довод их противников, что исключительное положение евреев, как граждан России, не может служить доводом к выделению Бунда в федерацию. Точно также, по мнению тов. Либера, не могут служить основанием для требования автономии территориальные условия жизни еврейского пролетариата, ибо с этой точки зрения всякая местная организация должна быть столько же автономной, как и Бунд. Наконец, фраза тов. Либера, что «нет вопросов в сфере организационной, которые не задевали бы еврейского пролетариата»,—следовательно, он автономен во всех вопросах организации—такая фраза именно потому, что она высказана в столь общей форме, является бессодержательной. Вследствие сказанного, очень желательно, чтобы делегаты Бунда обстоятельнее высказались по вопросу о федерации с принципиальной точки зрения.

Степанов. Товарищи, я позволил себе воспользоваться своим правом голоса. Но так как товарищ из Баку сказал все, что можно было сказать по этому поводу с практической стороны этого дела, то мне остается рассказать о немногих, правда, своих наблюдениях. И, представитель киевской организации, воочию убедился на ее примере в том вреде, которому причина—обособленность еврейского пролетариата. Для того, чтобы сгладить эту обособленность, Киевский Комитет за последнее время предпринял ряд мер для соединения ремесленных организаций, состоящих из евреев, с организацией заводской, чисто русской. Камнем преткновения для этого соединения явился вмешательство Бунда. Бунд считал нужным вмешаться, так как мол, Киевский Комитет не удовлетворяет требованиям еврейского пролетариата.

Это дал ясно понять присланный официально от Ц. К. Бунда представитель, которому Киевский Комитет заявил, что Ц. К. Бунда нарушает постановление первого съезда. Постановление это указывает, что Бунд не может в виде самостоятельной организации вести революционную работу в тех местностях, где уже существует организация смешанного вида. Представителя Цен. Ком. Бунда это не остановило, и в настоящее время существует организация Бунда, правда неофициально, но есть таковая,

результат работы которой мне неизвестен, но я глубоко убежден, что это принесет вред: когда русские рабочие узнали об открытии отделения Бунда, то были глубоко возмущены этим фактом недоверия к русским товарищам, совместно борющимся с общим врагом—русским самодержавием. Да и сами еврейские рабочие отрицательно отнеслись к учреждению самостоятельной еврейской организации (*Аплудисменты*).

Львов. Товарищи, здесь продолжают упрекать нас в нелогичности за то, что мы поставили в первую очередь вопрос о Бунде. Нас обвиняют, что мы таким образом, превращаем наш съезд в учредительный. Нет, товарищи из Бунда, это вы превратили наш очередной съезд в учредительный, предложив нам проект «договора», который мы услышали здесь сегодня утром. Ведь вы хотите совершить в нашей партии революцию! И только благодаря избранному нами порядку дня, мы узнали замыслы Бунда так скоро! Тов. Либер между прочим в своей горячей речи назвал нас „непомнящими родства“. Я самым энергичным образом против этого протестую! Я сам работал в российских соц.-дем. организациях, подготовлявших первый съезд партии и прекрасно знаю, какую почетную роль сыграл Бунд в деле основания нашей партии. И подавляющее большинство предыдущих ораторов говорило то же. Тем более поучительно сопоставить прежнюю роль и место Бунда в партии с тем, что произошло после известного четвертого съезда. До этого времени Бунд состоял в самых тесных и оживленных сношениях, насколько я знаю, со многими южными организациями, оказывая нам многие услуги в деле транспорта и техники, сосредоточивая свою деятельность в Литве и Белоруссии. По мере приближения четвертого съезда и особенно ярко после этого съезда, когда Бунд стал открыто на точку зрения федерализма, отношения между нами испортились. Бунд стал чуждаться российских организаций, стал самостоятельно работать в тех местах, где уже ранее образовались российские комитеты; начались повсюду раздоры; благодаря Бунду, пропасть, отделявшая христиан от евреев, еще более увеличилась. Вот каковым стал Бунд в последнее время.

Мне кажется поучительным напомнить, к чему привела сепаратистская политика Бунда в Польше, его отчужденность в Литве и Польше от польских и литовских социалистов. Польские социалисты с самого возникновения Бунда требовали слияния бундовцев с польской организацией. Сепаратизм Бунда создал в Польше благодатную почву для постоянных раздоров и обострил отношения между христианскими и еврейскими пролетариями. То же грозит нам, если Бунд не сольется с нами теснейшим образом. Как представитель Горнозаводского Союза, не могу не отметить в дополнение к сказанному южными товарищами, что у нас, несмотря на существование порядочного количества еврейских ремесленников, отсутствие бундовской организации несколько не повредило делу. Наоборот, отношения между заводскими и евреями ремесленниками самые лучшие. Союз ведет деятельную пропаганду среди ремесленников, и они оказывают ему большие услуги. Появись Бунд, все они замкнулись бы в свой кружок, а дело общей социал-демократической агитации сильно бы пострадало. Тов. Либер ссылается на Розу Люксембург. Но ссылка на Германию с ее конституционным строем, где и эти национальные союзы, о которых говорит Роза

Люксембург, носят зачастую чисто культурный характер, совершенно неубедительна. Мы—в России, и наши организации немислимо столь механически сравнивать с европейскими. Тов. Либер закончил свою речь патетическим напоминанием о великой роли Бунда в деле нашего объединения. Я уже говорил, как высоко я ценю заслуги Бунда в деле образования нашей партии. Но тем больше видеть происходящее теперь. Кавказские товарищи сказали, что нельзя простить себе той ошибки, которую мы допустили, предоставив Бунду столь привилегированное положение в партии. Я скажу с своей стороны, что нельзя не пожалеть, что наши российские организации столь отстали в своем развитии от роста Бунда, дав ему таким образом возможность совершенно отстраниться от партии и развить в себе пагубные тенденции.

Поскольку в конце девяностых годов Бунд играл в Партии роль объединителя, постольку теперь он действует в ней разлагающим образом. Бунд не объединяет, а раз'единяет нас. Сегодня вы, товарищи из Бунда, открыли нам, наконец, свою настоящую физиономию. Мне остается от всей души поблагодарить вас за то, что вы открыли нам, наконец, свои карты!

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ.

(Присутствует 42 делегата с 51 решающим голосом и 8 лиц с совещательным голосом).

Председатель. В виду того, что протокол не готов, приступаем к прениям без чтения протокола. Слово принадлежит тов. Карскому.

Карский. Свои замечания начну в хронологическом порядке. Прежде всего отвечу тов. Абрамсону, который уверяет нас, что устав предлагается только на обсуждение, а не как ультиматум. Однако то, что он предлагается не в виде ультиматума, еще не значит, что в основе его не лежит националистическая точка зрения. Далее, тов. Либер особенно резко, даже сердито возражал мне, так как я неосторожно задел больное место. Он ссылался на цитату из Розы Люксембург и в то же время сам нападал на Мартынова, приведшего цитату из Коммунистического Манифеста, и заявлял, что цитатами нас не запугаешь. Да, цитатами не запугаешь. Если бы Роза Люксембург согласилась с проектом Бунда, то другое дело, но думаю, что она отнеслась бы к этому проекту отрицательно. Товарищ Либер уверял, будто бы я сказал, что с тех пор, как Бунд организовался, он выступил из рамок социал-демократии. Но я только утверждал, что он делает это за последние два года. Нам говорят, что мы умаляем значение Бунда в деле социал-демократического движения. Это неверно. Все мы уважаем деятельность Бунда, но он сам умаляет свое значение, отступая от принципов социал-демократии. Прежде, чем перейти к рассмотрению доводов Либера, скажу несколько слов по новому тов. Брукера, который утверждал, что только Бунд, стоит на высоте понимания национальных прав, еврейский пролетариат сознал эти права, русский—не сознал; это дает Бунду *raison d'être* для самостоятельного существования. Думаю, что Бунд не станет защищать этой позиции. Такая точка зрения предполагает слишком низкий уровень сознательности руководителей движения. Повторю некоторые положения тов. Либера: Бунд желает быть представителем не только территориально ограниченного пролетариата, но и всего вообще еврейского пролетариата, притом единственным представителем. Такой принцип я не могу назвать иначе, как националистическим, ибо здесь Бунд руководствуется не общими основами социал-демократии, а только принадлежностью пролетариата к известной нации. Исходной точкой является не язык, не условия быта, не уровень сознания, а принадлежность к еврейской национальности, к еврейской религии. Этот принцип может быть назван националистическим. Странно, что Либер сердился, когда я так называл этот принцип, вместо

того, чтобы доказать, что он не лежит в основе их устава. Если он выставит другой принцип, я возьму назад свои слова. Напомню, что года два тому назад мне вместе с Либером приходилось выступать против сионистов, на которых он тогда нападал за их националистические принципы. Еврейская нация — это фикция, говорил он. Теперь он выставляет националистический принцип, как базис своей программы. Перехожу к вопросу, как устранить трение, создаваемое параллельным существованием двух организаций, как без трений будут вылаиваться из общей массы элементы для каждой из них. Для этого пришлось бы указать на различие интересов того и другого пролетариата. Невозможно создать два комитета, не оттеняя этого различия. Таким образом, мы создали бы условия, ведущие не к объединению, а к выделению особой партии. С другой стороны, мы ослабили бы Партию, вырывая из нее такой сильный элемент, как еврейский пролетариат.

Бекон. Товарищ Либер сказал, что оппоненты забывают заслуги Бунда, и даже назвал нас непомнящими родства. Я протестую против этого заявления. Никто не забывает заслуг Бунда. Но это не значит, что мы признаем крупной заслугой и вчерашнее предложение Бунда. Либер полагаю, согласится, что соц.-дем. должна стремиться к объединению и слиянию всех организаций, не допуская без крайней необходимости появления национальных организаций. Чтобы доказать, что Бунд и другие организации могут существовать или нарождаться вновь, нужно показать, есть ли условия для зарождения новых и существования старых национальных организаций. Здесь приводилось соображение, что основанием отдельного существования Бунда, как национальной организации, является: 1) различие соотношения обществ. сил и 2) различие правовых условий. На первом соображении Либер не останавливался, он указал только на отсутствие среди евреев крестьянства и дворянства. Но как отсюда перейти к существованию особой национальной организации? На 2-ое соображение достаточно возражали вчера. Напомню только, что всякая соц.-дем. борется против всякого гнета, то же, следовательно, делает и Росс. соц.-дем. Говоря в защиту отдельного существования Бунда, Либер вчера защищал обратное положение. Бунд, говорил он, агитирует не только среди еврейского пролетариата, но и среди рабочих других национальностей. Это, действительно, крупная заслуга, но почему тогда выдвигать пункт, согласно которому ни одна организация не имеет права обращаться к пролетариату еврейскому без разрешения Бунда? Здесь Бунд идет наперекор запросам жизни, заставляющим его самого расширить пределы агитации. Но вот тов. Либер делает последнюю попытку обосновать свои взгляды на необходимость существования национальных организаций путем аналогии. На это можно было бы ограничиться тем возражением, что аналогия не есть доказательство. Тем не менее скажу, что ссылка на Розу Люксембург и в этом смысле является совершенно неуместной; что П. П. С. не согласилась с формулировкой Розы Люксембург, это само собой понятно, но не менее понятно и то, что Роза Люксембург этой формулировкой желала лишь сделать шаг к сближению с П. П. С. Товарищ Либер, должно быть, не сомневается в том, что Роза Люксембург, как и всякий социал-демократ, своим идеалом имеет слияние всех национальных организаций в одну единую сильную партию. Такую аналогию можно допустить и относительно кавказского пролетариата. Думаю,

однако, что одного факта существования национальности недостаточно для доказательства права возникновения национальных организаций. Между прочим, должен сказать, что союз армянских соц.-дем. не существовал и не существует. Это была только фирма.

Абрамсон. Я должен сделать фактическую поправку к вчерашней речи представителя горнозаводских рабочих. Делаю некоторые фактические поправки. Товарищ представитель Горнозаводского Союза с целью дискредитировать Бунд и доказать то «разлагающее влияние» (слова представителя Горнозаводского Союза), которое Бунд производит везде, упомянул об отношениях Бунда к П. П. С. в Польше. Но факты, о которых он говорил, говорят совершенно другое. История отношений между Бундом и П. П. С. есть история борьбы Бунда с этой партией, борьбы, которая в рядах нашей партии всегда встречала одно только сочувствие. Но, даже и с П. П. С., Бунд старался входить во временные соглашения для практических предприятий, как это было и в этом году по поводу празднования 1 мая. Соглашение не состоялось потому, что П. П. С. требовала, чтобы Бунд выступал во время демонстрации под ее (П. П. С.) флагом, с чем мы не могли согласиться. В противовес фактам, приводимым представителем Горнозаводского Союза, мы должны указать на отношения наши к польской социал-демократии. Отказываясь совместно выступать с П. П. С. мы выступали на демонстрациях совместно с польскими социал-демократами. История отношений к П. П. С. послужит уроком для всех противников Бунда, которые желают его во что бы то ни стало уничтожить, и относятся с презрением к Бунду (*протесты*).

Председатель. Протестую против заявления тов. Абрамсона и прошу занести мой протест в протокол.

Ленин. Мне кажется товарищем Львовым было сказано, что Бунд говорит о презрении к еврейскому пролетариату. Товарищ же Абрамсон повидимому понял, что говорят о презрении к Бунду. (*Протест*).

Ленин. Прошу занести это в протокол.

Абрамсон. Беру свои слова назад.

Ленин. Обратить на это внимание при чтении протокола.

Абрамсон. Далее, в ответ на разглагольствования екатеринославского представителя об организациях Бунда в Екатеринославе, я категорически заявляю, что никаких организаций Бунд в Екатеринославе не устраивал. Имеем ли мы на это право—это другой вопрос. Думаю, что имеем. Но ничего подобного мы не делали. Товарищ говорил, что Бунд устраивает будто бы неофициальные организации и не хочет нам верить. На это я уже ответил. По поводу речи Карского которая пестрит словами национализм, буржуазность... (*Протесты: слова «буржуазность» не было.*

Абрамсон. (продолжает) Должен сказать, что товарищ подменяет слово национальный словом националистический. По его мнению достаточно пролетариату какой-нибудь нации создать свою организацию, чтобы стать на националистический путь. Доказывать ложность этого взгляда нет никакой надобности. Кстати об армянском союзе. Неважно, существует он или нет. Важно, что он опубликовал манифест Союза армянских соц. дем. и «Искра» приветствовала этот новый национальный союз и не нашла в нем ни шовинизма, ни национализма, ни других подобных грехов, которыми с такой

щедростью дарит всем национальным организациям тов. Карский¹⁷⁾. Вопрос, как устранить трение, создаваемое существованием двух организаций,—такой вопрос может задать тот, кто имеет слабое представление вообще о совместном существовании организаций. У нас есть пример Риги, Лодзи, где созданы организации среди немецких рабочих. «Трение» в Киеве и Одессе ничего не доказывает. Это только следствие общих ненормальных отношений. Другой товарищ с Кавказа говорил так: Бунд сам начал работать среди христиан и в то же время требует ограничения обращений со стороны других национальностей. Но пункт, на который он указывает, говорит не то: Бунд также не имеет права обращаться к пролетариату других национальностей без разрешения соответствующих организаций именно во избежание трений.

Мартынов. Вчерашние прения еще более убедили меня в основательности того, что я говорил относительно резолюции тов. Мартова. Мы должны бороться с тенденциями Бунда к национальному обособлению, но бороться мы не должны ломать ту реальную организованную силу, которую создал в Западном крае Бунд. Возражения Абрамсона меня не убедили. В 1-м пункте проекта Бунда говорится, что Бунд входит в Партию, как единственный представитель еврейского пролетариата. Я подчеркиваю, как единственный, хотя Абрамсон делает ударение на словах: входит в Партию. И это не только фраза. В проекте имеются конкретные выводы из этого пункта, именно: Ц. К. Партии не имеет права обращаться к еврейскому пролетариату без разрешения Ц. К. Бунда. Перехожу к представительству: не в том дело, что Бунд должен иметь представителя в Ц. К. Партии, а в том, чем является этот представитель. Он является представителем еврейского пролетариата по вопросам специально еврейским,—в качестве какого-то консула, с мандатом защитника интересов своего государства, а не как каждый из нас—в качестве представителя Партии вообще. Здесь мы видим тенденцию Бунда, нарушить единство соц.-дем. Партии. Мы не говорим уже о попытке связать свободу съезда. Я не сомневаюсь в сепаратистских тенденциях Бунда. Считаю их вредными и предлагаю съезду высказаться против них. Но, повторю, мы не боремся против Бунда, как организации сильной и имеющей исторические заслуги, а желаем сохранить его. Что и это должно быть высказано в резолюции, мне показала речь екатеринославского товарища, который вычеркнул Бунд из карты рос. соц.-дем. Предложение весьма фантастическое. Относительно Бунда, по моему, должна быть принята резолюция Мартова с дополнением, что Бунд вступает в Партию...

Мартов. Он уже в Партии.

Мартынов. Да, но он должен быть подчинен общепартийной организации. Вступает в настоящее время в Партию в том виде, в каком он был организован до четвертого съезда, т. е. до того времени, когда он стал проводить в жизнь федералистические принципы.

Мартов. Я хочу сказать по поводу последних слов Мартынова. Я не считаю возможным вотировать его предложение о вступлении Бунда в Партию. Он уже входит в нее. Нечего также говорить о намерении сохранить Бунд, так как никто не хотел его уничтожить, и фраза о сохранении Бунда не могла бы успокоить бундовцев, ибо ясно, что мы спорили не из-за вопроса

об уничтожении Бунда. Говорить о ненормальном положении Бунда в силу исключительных исторических условий, еще не значит говорить об его уничтожении. Наши отношения к Бунду выразились во фразе о затруднениях, которые представляет такое положение, к теснейшему сближению с еврейским пролетариатом. Мы надеемся, что в дальнейшей работе удастся выработать новые отношения. Отсюда, однако, еще далеко до предположения о механической переделке того, что сложилось годами. Далее, мы не отрицаем заслуг Бунда вообще, в частности — в деле объединения. Именно в виду воспоминания о тех временах, временах первого съезда, мне хотелось бы коснуться теперешних отношений. Совсем недавно произошел пятый съезд. Нормально-ли чтобы на съезде, собирающемся перед нашим партийным съездом, не было выслушано мнение русских товарищей? Ведь представитель Бунда входил в О. К. Знал-ли О. К., что готовится съезд, на котором желательно было бы заслушать мнение русских товарищей. Я тут не хочу останавливаться на том, что тов. из Бунда не вспомнил о существовании О. К. Я хочу только показать, почему создаются щекотливые положения, как теперь с внесением договора. Отвергая этот договор, мы ставим товарищей-бундовцев в щекотливое положение. Этого не было бы, если бы они заранее познакомились с мнением русских товарищей по данному вопросу. Я не коснусь других фактов, характеризующих теперешнюю политику Бунда, столь отличную от политики 1898 года. Выражаю уверенность, что нынешние дебаты устранят препятствия к сближению между Бундом и Рос. Партией. Товарищи должны были видеть наше отношение к сепаратизму. Надеюсь, что в дальнейшем они станут разговаривать с нами, не как сторона со стороны, а как товарищи. Вот почему я считаю, что принятие нашей резолюции вызовет не обострение отношений, а создаст почву для взаимного понимания и прекратит вооруженный мир. Перехожу к частностям. Тов. Либер цитирует Р. Люксембург об отношении германского Vorstand'a к польским товарищам. Зачем же ссылаться на мнение Р. Люксембург по поводу польско-немецких отношений когда можно сослаться на ее мнение, одинаковое с нашим, по поводу русско-еврейских отношений? Ненормальность условий развития польско-немецких отношений совершенноная, чем ненормальность положения Бунда в Рос. Соц.-Дем. Партии. Аналогия не дает ничего. Затем товарищи здесь делали указания на невыгоды в смысле централизации от совместного существования бундовских и русских комитетов. В ответ на это товарищи из Бунда задают вопрос, почему мы не касаемся Лодзи, Риги и др. Но там бундовцы работают с польскими соц.-дем., которые едва ли скажут, что такое обособление выгодно. Как раз наоборот. Что касается Риги, то здесь, так называемое, объединение трех организаций ведет к тупиковому движению на одной точке. Соединяясь для отдельных актов протеста, в повседневной работе они остаются изолированными. Тогда как слабая латышская и русская организации работают в огромной массе пролетариата, хорошо поставленная еврейская организация, имея много организаторских сил, стоит вне движения русских и латышей, ограничивает свою деятельность исключительно кучкой еврейских ремесленников и только иногда соединяется с этими двумя организациями для совместного выпуска прокламаций. Результаты те же, как если бы существовали три совершенно разрозненные организации.

Костич. Я не понимаю удивления тов. Абрамсона по поводу слов моих о специфически бундовской агитации. Ведь он сам говорил вчера: «мы не отрицаем возможности работы других групп среди евреев». Он даже напоминает, что были случаи, когда группа Бунда сталкивалась с комитетом в своей деятельности. Как же он себе представляет агитацию Бунда в этом случае? К какой организации предлагал бы примыкать рабочим сам тов. Абрамсон? Я думаю, что к бундовской организации. Ну, а какие он представлял бы доводы в пользу такого предложения? Я думаю, что те же, какие приводятся хотя бы в брошюре «О национальной автономии», т. е. он вел бы агитацию, которая составляет основу федерации. И вот эти-то мотивы я считаю безусловно вредными для развития классового сознания. Но тов. Абрамсону пужны факты, и вот они. Я приведу два характерных инцидента; один, я думаю, тов. Абрамсону известен: он нашел полное отражение на страницах «Последних Известий», — это столь прошумевшая история с приказчиками. Другой инцидент: диспут на собрании малосознательных рабочих между членом комитетской организации и бундовцем. Во время этих споров со стороны членов бундовской организации выдвигались такие доводы, которые я иначе, как специфически бундовскими и вредными, назвать не могу. Но вреда, конечно, тов. Абрамсон не видит. Он видит даже пользу не только для еврейского рабочего движения, но и для общерусского. Комитеты могут тогда отдать все силы своей работе среди христиан. И этот довод не новый. Мы, мол, разделим, говорят бундовцы, между собой работу: вы — среди христиан, а мы — среди евреев и т. д. Но я отвечу вам: если вы искренно добиваетесь роста революционного движения остальных слоев народа, то вы все свои силы должны предоставить в распоряжение единой Партии, которая и использует их для этой цели. Тов. Либер! Не нас «родства непомятыми» называйте: мы родство с Бундом, каким он был до четвертого съезда, не забудем. Но не ручаюсь за то, что о родстве с Бундом после четвертого съезда мы будем помнить. Вы же родства с принципами революционной социал-демократии не забывайте.

Акимов. Скажу несколько слов по поводу последнего упрека. Блестящая организация Бунда всегда поддерживала, защищала и проводила именно принципы революционной социал-демократии. Смешно учить ее этим принципам. Несколько товарищей хотели разобрать те причины, которые выдвинули вопрос о положении Бунда в партии: но, мне кажется, они не ставили точки на i.

Я считаю, что все эти причины сводятся к двум: национальным задачам Бунда и его организационным задачам. Евреи составляют особую нацию, резко отличную от всех других наций: она сохранилась в течение тысячелетий, несмотря на все преследования, и выдвинула из своей среды целый ряд гениев во всех областях знания и искусства. Еврейский пролетариат представляет интересы еврейской нации. Никто никогда не отрицал роли пролетариата в жизни нации вообще. По отношению к национальным интересам должен сказать, что никакой другой класс, кроме пролетариата, не может так ярко выразить не только свои интересы, но и интересы нации.

Товарищ с Кавказа указывал, что у евреев нет сословий—дворянства и крестьянства—и потому они не нация, но я считаю это неверным: у

еврейства есть классы—пролетариат и буржуазия; среди еврейской буржуазии возникло националистическое движение, сионизм; он выставляет себя защитником интересов всего еврейства и может увлечь за собою менее сознательную часть рабочих. Поэтому, партия еврейского пролетариата должна бороться против своей буржуазии и доказывать, что даже в борьбе за национальные интересы евреев пролетариат является самым передовым классом. После тысячелетий порабощения, евреи возрождаются для национальной жизни, подобно чехам, и это осложняет задачи еврейского пролетариата, создает для него потребность в национальной социал-демократической организации, подобной организациям социал-демократии других наций. Бунд стремится к этому, и в этом стремлении есть только национальные, но не националистические побуждения. С другой стороны, Бунд обладает теперь организацией, исторически развившейся, и он должен позаботиться о том, чтобы она могла беспрепятственно продолжать развиваться, между тем, наши товарищи из Бунда получают от речей на этом съезде впечатление, и, на мой взгляд, совершенно правильное, именно, что здесь имеют в виду изменить эту организацию богатырским взмахом руки. Тов. Мартов прямо назвал современное положение Бунда не имеющим смысла и созданным ненормальными условиями, между прочим борьбою Бунда с П. П. С. Эта борьба действительно должна быть для нас поучительной. П. П. С. не хотела считаться с запросами еврейских товарищей, и это повело к бесконечной борьбе, из которой Бунд вышел безусловно победителем. Подобные же тенденции имеются здесь на съезде. Чувствуется, что товарищи полагают, что эта организация впоследствии ассимилируется со всеми другими, сравнится с остальными организациями Росс. Соц.-Дем. Партии.

Мартов. Какое преступление со стороны товарищей!

Акимов. Я не рассматриваю этого с этической точки зрения, с которой это только могло быть преступно... В противоположность мнению товарищей думаю, что на съезде не ликвидируются столкновения с Бундом, а только открывается эра этих столкновений. В виду всего сказанного, мы должны отнестись к данному вопросу с величайшей осторожностью.

Горбан. Прежде всего несколько слов об одном обвинении по нашему адресу, которое особенно выдвигалось тов. Мартовым: дескать мы выступили, как сторона. Это ни что иное, как сваливание с большой головы на здоровую. Значительное большинство съезда настояло на постановке вопроса о положении Бунда в Партии на первое место и этим оно показало, что оно не рассматривает Бунд, как часть Партии, отношения с которой должны быть урегулированы в общем организационном уставе. С первого же абзуга на съезде образовалось компактное большинство, которое выступило по отношению к нам, как сторона.

Теперь я перейду к докладу тов. Мартова или, вернее, к его критическим замечаниям по поводу доклада тов. Либера, так как никакого доклада тов. Мартов нам не дал. Критика тов. Мартова относилась, главным образом, к двум пунктам: к пункту о том, что Бунд не ограничен никакими районными рамками и входит в партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата и к пункту о представительстве. Тов. Мартов любит подчеркивать свою общероссийскую точку зрения, исходя из

которой, он настаивает на ограничении Бунда районом: Бунд может работать в Литве и Польше, но на юге России ему нечего делать, там существуют и должны существовать только русские комитеты. Он знает, что в Литве и Польше Бунду приходится сталкиваться с литовским и польским рабочим движением, но ему нет до этого дела, он предоставляет этот район в распоряжение Бунда, его интересует только юг России, который он желает обеспечить от поползновений Бунда. Тов. Мартов покинул общероссийскую точку зрения и стал на точку зрения южного района. Тов. Мартов выступил против того пункта, что Бунд входит в партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата, и тем самым впал в противоречие с манифестом Партии, о солидарности с которым он нам неоднократно заявлял. В манифесте сказано: Бунд входит в партию, как автономная часть, самостоятельная в вопросах, специально касающихся еврейского пролетариата. Что это значит? Это значит, что из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, выделяется часть вопросов, которые мы условно называем специальными, и предоставляется в ведение организации еврейского пролетариата, и в этом уже заключается признание, что данная организация является единственной представительницей еврейского пролетариата в партии. Таким образом пункт о единственном представителе есть логический вывод из пункта манифеста о Бунде. Спрашивают, почему Бунд является единственным представителем еврейского пролетариата. Потому, что он единственная организация, организовавшая под своим знаменем большие массы еврейского пролетариата и специально и систематически ведущая работу среди еврейского пролетариата. Указывают, что еврейские рабочие входят в некоторые русские комитеты, но этим, т. е. комитетам, так же мало дает право на представительство еврейского пролетариата, как бундовским организациям, работающим местами среди немецких, польских, русских рабочих,—на представительство польского, немецкого, русского пролетариата, не эта работа для них характерна; то, что определяет характер и содержание деятельности бундовских организаций—это систематическая работа среди еврейского пролетариата. Что касается представительства Бунда в центральных органах Партии, то оно должно возбудить у него больше интереса к общим делам и говорить как раз против той обособленности, о которой здесь распространялись.

Я не стану больше останавливаться на предложенном нами уставе, потому что теперь речь идет не об этом уставе, а о том, должен или не должен существовать Бунд. На съезде обнаружилась ясная тенденция к уничтожению Бунда. Эта тенденция сквозила во всех речах ораторов. Выразилось сожаление, что Бунд так быстро развивался; приводились против Бунда мелкие факты анекдотического характера. Не то характерно, что раздавались такие речи. Характерно то, что эти речи встречались дружными аплодисментами большинства съезда. И если еще оставалось сомнение, что против нас выступила сторона, то это сомнение должно было окончательно рассеяться после этих аплодисментов. В виду этого приходится пожалеть, что референт Мартов не сказал нам, чего именно хочет это большинство. Более или менее определенные проекты, касающиеся Бунда, мы находим в речах товарищей Троцкого и екатеринославского делегата.

Тов. Троцкий нарисовал нам такую схему: Бунд занимается организацией рабочих, говорящих на еврейском языке; небундовские комитеты выделяют группы для работы среди еврейских рабочих. Эти группы образуют одно целое, имеют свои с'езды и посылают делегатов на с'езды Бунда. Кажется, не стоит говорить о практичности этого плана. Я только недоумеваю, как это тов. Троцкий, стоящий за комитеты с группами для еврейских рабочих, делает исключение для бундовских комитетов и оставляет их нетронутыми. Это имело бы смысл только в том случае, если бы бундовские комитеты действовали в местах, исключительно населенных евреями. Но ведь этого нет. Тов. Троцкий знает, что там, где работают бундовские комитеты, живут не только евреи, но и поляки, литовцы, немцы, русские, отсюда логически вытекает, что комитеты Бунда должны быть заменены общими комитетами, ведущими работу среди рабочих всех национальностей данной местности, т. е., что Бунд должен быть уничтожен. Тов. Троцкий почувствовал, что тут что-то неладно, и попробовал вынудиться из затруднения таким приемом: как! воскликнул он, нам говорят, что мы хотим уничтожить Бунд. А классовое сознание еврейского пролетариата? Разве мы хотим его уничтожить? Затем он взял еще два идеальных элемента, показал, что на них никто не посягает, и умозаключил, что об уничтожении Бунда никто не думает. Нет, тов. Троцкий, это софизм. Бунд материально выражается в комитетах, организациях, с'ездах, и, уничтожая комитеты и пр., мы тем самым уничтожаем и Бунд. Делегат из Екатеринославского Комитета предлагает устроить северо-западный союз, долженствующий состоять из общих комитетов, работающих среди рабочих всех национальностей. В этот союз должен, по его мысли, войти Бунд. Как можно вдвинуть Бунд в организацию, предполагающую его уничтожение, это тайна. Очевидно, у екатеринославского товарища не хватило смелости открыто высказаться за упразднение Бунда.

Мартов. Слово для личного замечания. Товарищ спрашивает меня, почему я не заявил о желаниях „компактного большинства“. Я высказывал свои личные мнения, а выражать желания „компактного большинства“ я не имею полномочий.

Львов. Гофман затронул интересный вопрос, каковы логические выводы из речей товарищей. Да, выводы таковы, что комитеты из разных национальностей должны быть повсюду. Но, в виду того, что мы теперь только складываемся, приходится считаться с существующими уже величинами. Я не говорил о презрении к Бунду, к которому я отношусь с величайшим уважением. Затем, мои замечания относительно П. П. С. Я знаю, что П. П. С. на территории русской Польши стремилась создать общепольскую организацию, аналогичную общерусской. Этой аналогией я хотел сказать, что Бунд, отрезываясь от всепольской организации, иллюстрировал вред сепаратистских стремлений, создавших разнь между польским и еврейским пролетариатом. Допустив отдельное существование Бунда, мы повторим историю Польши.

Карский. Кто-то из бундовских товарищей сказал, что большинство выступило на с'езде, как сторона. Однако, если большинство и высказалось за выдвигание на первый план вопроса о Бунде, то это еще не значит, что с'езд разделился на две договаривающиеся стороны, а только то, что

большинство нашло так удобнее. Далее, второй аргумент Бунда за то, что Бунд является единственным представителем еврейского пролетариата, есть соображение о работе Бунда исключительно среди еврейского пролетариата. Но эта работа еще не дает права на то, чтобы Бунду подлежало все еврейское население. В одном пункте Акимов сошелся с Бундом, именно относительно различия национального и националистического. Мы знаем о существовании этого различия. Но национальное, нарастая, переходит в националистическое. Сепаратистские стремления Бунда обнаруживают его националистическую подкладку. Далее, мы слышали, что еврейская масса выдвинула много талантливых людей. Странно высказывать подобные мнения на социалистическом съезде. Мы все знаем, что Маркс—еврей. Но это еще не значит, что Маркс был бы в рядах бундистов. Бундовцы говорят, что их противники хотят ассимилировать еврейский пролетариат, уничтожить Бунд. Из создания единой партии не вытекает, однако, та ассимиляция, которой боится Бунд—ассимиляция обрусительная.

Брукер. Я думаю, что возражения тов. Карского относятся не ко мне. Он повторяет мои слова, что еврейский пролетариат лучше сознал свои права, чем русский. Отсюда я сделал только тот вывод, что сознание более развитого пролетариата должно прийти на помощь, чтобы поднять отсталое сознание. Говоря об отсталом сознании, я не хотел принизить вожаков, а имел в виду только сознание масс. В виду существования этих малосознательных элементов и желательна совместная работа с еврейским пролетариатом. В противоположность тов. Карскому, я предполагаю, что стихийно растет не только протест пролетариата, но его сознательность. Из всего сказанного, повторяю, вытекает только то, что еврейский пролетариат, как более сознательный, должен прийти на помощь русскому.

Ленин. Я воснусь прежде всего речи Гофмана и его выражения «компактное большинство». Тов. Гофман употребляет эти слова с упреком. По моему, не стыдиться, а гордиться должны мы тем, что на съезде есть компактное большинство. И еще больше гордиться будем мы, если вся наша партия будет одним компактным и компактейшим, 90% большинством (а п л о д с м е н т ы). Большинство поступило правильно, поставив вопрос о положении Бунда в партии на первое место: бундовцы тотчас же доказали эту правильность, внося свой так называемый устав, а по сути предложив федерацию. Раз есть в партии члены, предлагающие федерацию, и члены, отвергающие ее, то иначе и нельзя было поступить, как поставить вопрос о Бунде на первое место. Насильно мил не будешь, и нельзя говорить о внутренних делах партии, не решив твердо и неуклонно, хотим ли мы идти вместе или нет.

Суть спорного вопроса иногда не совсем правильно излагалась в прениях. Дело сводится к тому, что, по мнению многих членов партии федерация вредна, федерация противоречит принципам социал-демократии, в их применении к данной русской действительности. Федерация вредна, ибо она узаконяет особность и отчужденность, возводит их в принцип, в закон. Между нами действительно существует полная отчужденность, и мы не узаконять ее должны, не прикрывать фиговым листком, а бороться с ней, мы должны решительно признать и заявить необходимость твердо и ве-

уклонно идти к *теснейшему* единству. Вот почему мы в принципе, с порога (по известному латинскому выражению), отвергаем федерацию, отвергаем *всякие* обязательные перегородки между нами. В партии всегда и без того будут разные группировки, группировки неполно единомыслящих товарищей по вопросам и программы, и тактики, и организации, но пусть по всей партии будет *одно* деление на группы, т. е. пусть все мыслящие одинаково соединяются в одну группу, а не так, чтобы сначала группы образовались в *одной части* Партии, отдельно от группы в *другой части* Партии, а потом соединялись между собой не группы разных взглядов и оттенков взглядов, а части Партии, совмещающие разные группы. Повторяю: никаких *обязательных* перегородок мы не признаем и потому федерацию в принципе отвергаем.

Перехожу к вопросу об автономии. Тов. Либер говорил, что федерация есть централизм, а автономия—децентрализм. Неужели тов. Либер считает членов съезда за шести-летних ребят, которых можно угощать такими софизмами? Неужели неясно, что централизм требует *отсутствия* всяких перегородок между центром и самыми отдаленными, самыми захолустными частями Партии. Наш центр получит безусловное право доходить непосредственно до каждого отдельного члена Партии. Бундовцы посмеялись бы только, если бы им кто-либо предложил *внутри* Бунда такой „централизм“, чтобы Ц. К. Бунда не мог сноситься со всеми ковенскими группами и товарищами *иначе, как* чрез посредство Ковенского Комитета. Кстати о комитетах. Тов. Либер восклицал с нафосом: „к чему говорить об автономии Бунда, как подчиненной одному центру организации? Ведь не дадите же вы автономию «какому нибудь Тульскому Комитету?» Ошибаетесь, тов. Либер: мы безусловно и непременно дадим автономию и «какому нибудь» Тульскому Ком., автономию в смысле свободы от мелочного вмешательства центра, при чем, разумеется, обязанность подчинения центру остается. Я взял слова „мелочное вмешательство“ из бундовского листка: «автономия или федерация?»—Бунд выставил эту свободу от «мелочного вмешательства», как пункт *условия*, как *требование* к партии. Выставление таких смешных требований само по себе показывает, до чего запутанным представляется спорный вопрос Бунду. Неужели Бунд думает, что партия допустит существование центра, который «мелочно» вмешивался бы в дела *какой бы то ни было* организации или группы Партии? Неужели это не сводится именно к тому «организованному недоверию», о котором уже было говорено на съезде? Такое недоверие сквозит во всех предложениях и во всех рассуждениях бундовцев. В самом деле, разве, например, борьба за *полную* равноправность и даже за *признание* права наций на самоопределение не составляет *обязанности* всей нашей Партии? Следовательно, если бы какая бы то ни было часть нашей Партии не исполнила этой обязанности, то она безусловно подлежала бы осуждению в силу наших принципов, она безусловно должна бы была вызвать *поправку* со стороны центральных учреждений Партии. И если бы эта обязанность не исполнялась сознательно и умышленно, несмотря на полную возможность ее исполнить, то неисполнение было бы *изменой*.

Далее тов. Либер патетически спрашивал нас: *как доказать*, что автономия в состоянии обеспечить движению еврейских рабочих безусловно

необходимую для него самостоятельность? Странный вопрос! Как доказать, верен ли один из предлагаемых путей? Единственное средство—пойти по этому пути и испытать его на деле. На вопрос тов. Либера я отвечаю: *идите с нами*, и мы беремся доказать вам на деле, что все законные требования самостоятельности удовлетворяются вполне.

Когда идут споры о месте Бунда, мне всегда вспоминаются английские угольные копи. Они превосходно организованы, лучше остальных рабочих. И они хотят за это провалить общее требование о 8-ми часовом рабочем дне, предъявляемое всеми пролетариями. Угольные копи понимают единство пролетариата так же узко, как паши бундовцы. Пусть печальный пример угольных коп послужит предостережением товарищам из Бунда.

Либер. Мне редко приходилось быть на собрании, где бы так часто злоупотребляли словами: «принципы рев. социал. демократии», как это происходит на нашем съезде. Но уже давно сказано: не всякий, говорящий «Господи, Господи!» видит в царствие небесное! Не всякий, поминающий принципы революционной социал-демократии, действительно их отстаивает.

Не хотят считаться с следующим явлением. Внутри известных национальных организаций имеются различные общественные классы; классы эти, вступая между собою в борьбу, группируются в различные партии, в которых проявляется, как их классовый характер, так и принадлежность их к определенной нации. Можно указать на такие специфически национальные буржуазные движения, как русский либерализм, польская «*Nagodowa Demokracja*» или еврейский сионизм. Тов. Ленин нам говорит, что федеративный принцип организации партии противоречит принципам социал-демократии. Но где был тов. Ленин, когда это ужасное нарушение принципа произошло в Австрии? Тов. Ленин говорит, что практика не доказала никаких преимуществ федерации, но практика Исполнительного Комитета Австрийской Социал-демократии, отмеченная в его отчете, говорит обратное. По мнению И. К., благодаря этой форме организации, удалось достичь блестящих результатов, как в росте движения, так и в его единении. Тов. Ленин говорит, что раз'единение якобы вносимое нами в партию, незачем прикрывать «*фиговыми* листочками федерации». Что касается «*фиговых* листочков», то можно лишь благодарить тов. Ленина за то, что он сорвал *фиговый* листок со слов тов. Мартова и Троцкого. Тов. Ленин прямо говорит о необходимости уничтожить Бунд. Конечно, он, быть может, оставит Центральный Комитет Бунда, как организацию контрабанды, но нам И. К. нужен не для этого: он нужен нам, как вождь еврейского пролетариата.

Нам постоянно говорят об «общерусских интересах», но наши оппоненты «своеобразно» их понимают. Они сперва вычеркивают из этих «общерусских» интересов все то, что специально касается пролетариата той или другой нации, и думают, что полученный ими остаток и будет выражать общерусские интересы. Тов. Ленин говорит: мы хотим Бунда, но другого Бунда. Считаю нужным напомнить, что в полемике Бунда с П. П. С., помещенной некогда в журнале «Работник», редактированном Плехановым, изложено наше теперешнее *profession de foi* без оговорок, без тех нападок, которые оно встречает теперь.

Мы говорили тогда, что российская социал-демократия превратится в вождя всего пролетариата, когда она будет руководителем всех национальностей. Ленин говорит теперь, что нам не нужно Бунда, как руководителя еврейского пролетариата, и так нетактично сравнивает нас с дурегейскими углекопами. Из всех противников, говоривших о принципах революционной социал-демократии, никто не доказал нам противоречия нашего предложения с этими принципами. Это, по меньшей мере, легкомысленное обвинение со стороны тов. Ленина. У наших товарищей, претендующих на монополию революционного социал-демократизма, мы хотели бы спросить следующее: всякий социал-демократ должен признать, что социал-демократия в разных национальностях группируется в разные партии с разными физиономиями. Еврейская буржуазия организуется. Не естественно ли, что против этой буржуазии должна бороться та сила, которая возникла в недрах еврейства — еврейский пролетариат. Эта сила выдвигается деятельностью Бунда. Вы нам противопоставляете фикцию общерусских тенденций, но эти интересы — высшая сумма, конечно, не арифметическая, интересов пролетариата всех национальностей. Как иллюстрацию ваших общерусских тенденций, мы видели практику общерусского органа «Искры», который уделял так мало места интересам окраин, что было отмечено и Одесским Комитетом. Я утверждаю, не в упрек товарищам из «Искры», ваша воля будет разбиваться до тех пор, пока ваша партия не будет удовлетворять интересов отдельных национальностей. Нам хотят создать интернациональный социализм без интернационального движения и забывают, что мы — представители пролетариата еврейской национальности — превратили таких, по выражению Каутского, парней среди других национальностей, как евреи, в могучую революционную силу.

Егоров. После страстной речи тов. Либера мне трудно выступить с моими хладнокровными рассуждениями. Но думаю, что доводы мои, тем не менее будут приняты во внимание. Страстность дебатов указывает на серьезность вопроса, показывая нам, что здесь затронуты глубочайшие основы социал-демократии. Необходимо помнить, что нужно обращать внимание не только на то, что говорят, но и на то, что скрывается под высказанным. Я не стану утверждать, что товарищи из Бунда — националисты, но я думаю, что, если бы товарищи могли провидеть все последствия своих планов, могли угадать, чем чревато их предложение, они увидели бы, что под ним скрывается националистическая подпочва. Все затруднения, которые встречала социал-демократия на своем пути, объясняются тем, что у нас не было общей, твердо установленной программы, что мы шли ощупью и не могли предвидеть, к чему ведут наши шаги. На этой почве возникали увлечения экономизмом, терроризмом *et cetera*. Люди шли за жизнью, а не впереди ее. Не желая оскорблять уважаемых товарищей, я должен сказать, что их теперешние стремления пахнут таким же оппортунизмом. Из факта существования еврейской нации, которую, конечно, смешно отрицать, они выводят принципиальное обоснование своей программы. Но одного факта существования чего-либо недостаточно для внесения в деятельность совершенно новых принципов. Если вы, товарищи, хладнокровно обесудите вопрос, если вы поверите, что все мы искренно хотим объединения, если вы отрешитесь от мысли, что здесь собрались

разбойники, которые во что бы то ни стало хотят погубить этот злокозненный Бунд, если, далее, вы примете во внимание всю важность момента, исключительное значение нашего настоящего съезда, являющегося, правда, вторым по счету, но первым по роли его в нашей будущей истории, если, повторяю, вы вспомните все это, вы не станете вносить столько раздражения в наше совместное обсуждение. Итак, будем же хладнокровны. Сознание массы—не жеребец, которого одним движением узды можно направить сейчас в одну, потом в другую сторону. Если мы внесем теперь хоть тень разделения на евреев и не-евреев, то это положит такой отпечаток на психологию массы, с которыми потом не легко будет разделиться. Недостаточно говорить в своих программах, что мы не националисты, недостаточно говорить рабочим о солидарности масс, необходимо доказать это всей своей деятельностью. Разве И. П. С. вносила в свою программу националистический принцип? И она оправдывает требование отделения Польши чисто практическими соображениями, и тем не менее он сквозит во всем существе ее деятельности. Факты сильнее слов. Посмотрите на социалистов-революционеров. Они тоже говорят «не вместо», а «вместе». Они отводят террору самую незначительную роль в своей программе, но мы знаем, что факты имеют свою логику, и если в программе где-нибудь открывается дверь террору, он неминуемо начинает первенствовать над всей программой. Жизнь помимо вашей воли начинает вас толкать туда, куда вы не хотите идти. Достаточно обратиться к истории Бунда, чтобы увидеть, как и он приходил не туда, куда хотел. В начале 90-х годов, теперешние представители Бунда-были продолжателями традиций 70-х годов. представителями русских революционеров. Первые кружки еврейских рабочих воспитывались в духе русской революционности, эти рабочие были российскими революционерами в лучшем смысле этого слова. Я сам воспитанник Бунда, и до сих пор сохраняю глубокое уважение к моим учителям, которых вижу здесь в делегации. Взгляды их с тех пор сильно изменились. В дальнейшей работе, расширяя свою деятельность, основатели Бунда перешли к агитации на еврейском языке. Отмечаю, что Бунд не считался тогда с «жизнью». Масса спропагандированных рабочих протестовала против агитации на еврейском языке. Но тогда, повторяю, Бунд не апеллировал к жизни. Новые формы деятельности оправдывались чисто практическими соображениями, а отнюдь не национальными особенностями. Вопросы о выделении Бунда в особую организацию еще не возникало. Однако, прошло немного времени, и уже стали раздаваться фразы об особых обязанностях еврея интеллигента по отношению к еврейской массе. Националистическая нотка стала прорываться. Я не стану проследивать дальнейшей истории и возьму только заключительное звено. Что же оказалось? Те же еврей-революционеры, рабочие и интеллигенты, которые являлись до сих пор продолжателями русской революционности, выделили себе особый уголок, ушли в свою национальную скорлупу. Интересы русского пролетариата стали оцениваться постольку, поскольку они обеспечивают интересы еврейского пролетариата. Вы говорите о необходимости объединения, но исключительно потому, что без этого объединения вы не найдете выхода из тупого угла, в который вы зашли. Предложенный вами проект соединения,

но справедливому замечанию Мартова, пахнет ультиматумом. Если бы вы последовательно развили принципы, положенные в основу этого договора, вы пришли-бы к голому национализму. Правда, жизнь, может быть, не допустит возникновения его. Но это другой вопрос. Ваша последовательно проведенная программа, повторяю, логически породила бы национализм. Если бы существование особой еврейской организации вы мотивировали только особенностями положения еврейского пролетариата, то на почве этого практического вопроса было бы легко сойтись. Можно было бы выделить особую группу для работы среди еврейского пролетариата, чтобы использовать эти особенности, но это была бы только практически необходимая организация внутри революционной организации, а не национальная организация пролетариата. Мы утверждаем, что опасно разделять массу по каким-то особым признакам, особенно, если этот признак — национальность. Вы все указываете на несчастный пример Австрии, забывая, что, может быть, именно особенности государственного устройства ее, то печальное положение вещей, которое остановило весь ее государственный механизм и не дает ему правильно развиваться, обеспечили успех такой формы организации. Но от этого еще далеко до признания ее принципиальной правильности. Это лишь зло, это может быть, компромисс, вызванный обстоятельствами. Разве вы станете утверждать, что успехи Партии соответствуют там, силе и значению пролетариата? И, вообще, подобные ссылки на факты мало убедительны. Вы до сих пор не выставили принципа вашей обособленности. Не мы, а вы должны доказать, что ваши тенденции не стоят в противоречии с нашей программой. *Opus probandi* лежит на вас. Мы выдвигаем общий принцип: всякие рамки, профессиональные или национальные, безразлично — способствуют раздвиганию сознания. (*Аплодисменты*). Далее, мне кажется, что национальный принцип проводится у вас не только в скрытом виде. В ваших доказательствах звучит явная националистическая нотка, которая может разрастись в националистический аккорд. Да позволено мне будет сослаться на частные беседы, в которых указывалось, что в своей деятельности мы не должны стремиться к уничтожению национальных особенностей. Если в устах руководителей такие фразы не опасны, то в сознании массы они могут иметь опасное значение. Да и не только малосознательной массы. Ярким примером служит то, что часто русские товарищи в ответ вам признают себя некомпетентными решать вопрос об интересах еврейской массы и тем самым оттеняют, следовательно, националистичность этих интересов. Нет, товарищи, мы должны категорически заявить, что национальный элемент стоит у нас вне сферы этики. Нас не интересует, что будет с евреями, поляками, русскими и т. д., как таковыми. Вопрос о национальности возникает только у угнетенной нации и только тогда он принимает этический характер. Но мы думаем, что интересы национальности обеспечиваются сами собой при достижении нашего идеала. Заложенные в нации особенности могут развиваться на почве общеевропейской культуры. Правда, вы не выдвигаете здесь сохранения национальности, как принцип, но, может быть, потому, что вы вообще не дали нам никаких принципиальных соображений. Ваша ссылка на особую группировку

общественных сил не дает никакого права на особое существование Бунда. Разве нет особой группировки общественных сил в Малороссии, например, где нет общинного хозяйства, где были совершенно особые исторические условия развития. Вы слишком часто апеллируете к частностям, и это я называл оппортунизмом. Товарищи! Рассмотрите же вопросы хладнокровно, не смотрите на нас, как на врагов, верьте нашей готовности работать сообща и прежде, чем сказать «нет», подумайте о тех последствиях, к которым приведет ваше решение (*Продолжительные аплодисменты*).

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

(Присутствует 42 делегата с 51 решающим голосом и 8 лиц с совещательным голосом)

Читается и утверждается протокол третьего заседания.

Львов заявляет, что получена телеграмма об утверждении Горнозаводским Союзом второго делегата, и делает съезду предложение допустить данного делегата на заседания. Мотивирует он это тем, что по этому поводу он обращался к тов. Дейчу, а тот предложил члену Орг. Комитета проверить мандат.

Дейч подтверждает это заявление.

Егоров. По уставу съезда, делегаты, заявленные и утвержденные Орг. Ком., не могут быть заменены другими. Может ли быть допущено отступление: ведь Орг. Ком. по правилу должен предварительно ознакомиться с делегатом. Предлагаю вопрос этот передать в комиссию по проверке мандатов.

Вопрос о передаче в комиссию решается съездом в утвердительном смысле. Затем съезд переходит к продолжению дебатов по второму пункту порядка дня.

Либер. Прежде чем приступить к продолжению дебатов, прошу дать мне слово для заявления и внесения предложения. (После того, как слово дается). Товарищи, мы приняли во внимание все происшедшие здесь дебаты и, несмотря на то, что остались при своем прежнем мнении относительно всех пунктов предложенного нами устава, в интересах объединения, которое, как мы уже неоднократно указывали, нам чрезвычайно дорого, мы решили внести в наш проект устава значительные изменения, на которые и прошу обратить внимание *). В третьем пункте, как видите, выброшены слова о

*) Видоизмененный устав, предложенный делегатами Бунда:

1. Положение Бунда в Партии определяется следующими пунктами:
2. Бунд есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя.
3. В Центр. Комитет Партии, в Загр. Ком. Партии и на съезды Партии Бунд избирает свое представительство.
4. Программой Бунда является общепартийная программа.
5. Бунд имеет свои съезды для разрешения всех вопросов, касающихся специально еврейского пролетариата, свой Ц. К. и свой З. К.
6. Бунду предоставляется свободное распоряжение дедами своей организации.

способе выступления наших представителей в центральных органах; эти слова вызвали много спора, и, выбрасывая их, мы лишним раз подчеркиваем ту нашу мысль, что являясь представителями Бунда, эти представители, становясь членами центральных органов, выступают уже там, как члены всей Партии. Из остальных пунктов отмечаю поправку, внесенную в § 9. Нам говорили, что в прежней редакции § соответствующий этому, особенно характеризовал предложенный нами устав, как договор, и вот мы изменяем его так, что отменяться устав наш может $\frac{2}{3}$ голосов участников с'ездов. Это квалифицированное большинство мы предлагаем только для соблюдения хоть некоторой гарантии прочности этого устава. Замечаю, что, если этот пункт против кого-либо направлен, то уж гораздо скорее против нас, т. к. нам-то уж, наверное, трудно будет получить за свои предложения эти $\frac{2}{3}$ голосов. Итак, товарищи, как вы видите, мы сделали все, что только возможно, для об'единения; дальше этого идти мы уже не в состоянии. Без оставшихся пунктов невозможно самое существование Бунда (В ответ на вопрос председателя, следует ли понимать это заявление, как пред'явление ультиматума, Либер продолжает)—считаю вопрос председателя совершенно излишним. Мы прекрасно знаем устав с'езда и явились сюда так же, как и остальные товарищи, без всяких императивных мандатов; я только сказал, что по нашему мнению, без принятия этих пунктов дальнейшее существование Бунда невозможно. Это наше общее убеждение.

Председатель. Я не спорю, я прошу только раз'яснение тов. Либера занести в протокол.

Акимов. Во вчерашней моей речи я указал, что вопрос о положении Бунда в Партии возник вследствие повятого стремления Бунда обеспечить за собой возможность выполнения двух задач: национальной и организационной. Мне возражали, что бесполезно говорить о том, что евреи есть нация, т. к. это само собою понятно. Но в литературе много раз высказывался обратный взгляд, и, именно, только что Каутский заявил, что он не считает евреев нацией. Возражали, что излишне говорить о заслугах этой нации перед историей человечества, но мне кажется это полезным, чтобы противопоставить мой взгляд мнению тов. Егорова, будто о национальных правах евреев говорят чуть ли не из сострадания к этой нации. Евреи есть такая же нация, как и все другие, и потому к ним должен быть применен пункт нашей программы, обеспечивающий право самоопределения за всеми нациями. Те изменения, которые сделали теперь товарищи из Бунда в их проекте, только подтвердили мое мнение, что в нем не было никаких националистических тенденций, а только те мотивы, о которых я говорил. Я согласен, что в стремлении своем обеспечить себе необходимые условия для деятельности, Бунд в некоторых пунктах устава допустил неприемлемые сепаратистские тенденции. Но в новом виде я считаю их проект вполне приемлемым, и многие его пункты я буду защищать при обсуждении организации Партии

7. Бунд имеет право на беспрепятственное издание—кроме литературы на еврейском языке—и литературы на других языках.

8. С'езд Партии имеет право отменять все постановления с'ездов Бунда.

9. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть заменяемы, дополняемы и отменяемы большинством двух третей голосов участников С'ездов Партии.

для всех ее частей. Я предложил бы только слово «представительство Бунда» заменить словами «представители Бунда». Этим будет дана необходимая и достаточная гарантия для Бунда, что его интересы будут достаточно представлены во всех партийных органах.

Мартов. Новое предложение, внесенное товарищами из Бунда, изменяет положение вопроса, который занимал нас в пункте втором порядка дня. Прежний устав давал цельный и ясный принципиальный ответ на вопрос о месте Бунда. Поэтому, в нашу принципиальную резолюцию мы включили принципиальную оценку первого устава. Второй проект такого точного ответа не дает—в нем принципы автономии сплетены с федералистическими началами. Мы теперь не можем обсуждать и вотирировать подробно параграф проекта одной части устава Партии, ибо эти детали должны определяться характером общепартийной организации. Не зная этой организации теперь, мы этих деталей определить не можем. Если, поэтому товарищи из Бунда не возьмут назад из обсуждения в пункте втором порядка дня нового проекта, то нам в своей принципиальной резолюции придется в той или другой форме отвергнуть новый устав целиком! Если Бунд хочет чтобы он обсуждался детально, он должен теперь взять его назад. Если он взят назад Бундом не будет, то мы, вычеркнув из проекта резолюции слова о первом уставе, скажем: «выраженные даже и в измененном виде».

Либер. Предложение Мартова принято быть не может. Он заявляет, что в нашем проекте предлагаются федеративные отношения; я же говорю, что нет, хотя я и сторонник федерации. И в виду того, что принципиальная резолюция предпринимает вопрос о том новом уставе, который мы внесли, я настаиваю на детальном рассмотрении нового устава. Да и как можно принять общую резолюцию, если мы еще не разобрались, есть ли федеративный принцип в новом уставе, да и никто не говорил против федеративного принципа принципиально. Мы также вопроса не предпринимали, и не хотим федеративный принцип пронести контрабандой, поэтому Мартов напрасно становится у рогатки, предлагая против нас буллу.

Плеханов. Практическое предложение Либеры сводится к тому, чтобы не принимать принципиального решения. Я протестую против этого предложения. Я не думаю выступать против определенного предложения Бунда. Мы хотим соглашения с этой партийной организацией, но, к сожалению, в нашей партийной литературе возник вопрос: автономия или федерация. Этот вопрос казался столь важным съезду, что он решил его обсуждение поставить в первую голову. И после двухдневных споров, после того, как мы выслушали соображение Либеры о прелестях федерации, было бы странно не подвести итогов тому, к чему мы пришли. Раз большинство высказалось против федеративного принципа, то отклонять резолюцию было бы странно, нецелесообразно и нелогично; раз федеративный принцип считается вредным, вносящим разложение, смерть, то резолюция должна быть принята, и в ней должно быть сказано: мы отвергаем федерацию. Прав Мартов, когда говорит, что не обсуждая подробностей устава, мы в принципиальной резолюции должны сказать: поскольку федеративный принцип есть в предложении товарищей из Бунда, постольку мы его отрицаем. Хотя в новом предложении и есть уступки, но в основе его лежит федератив-

ый принцип—таково, по крайней мере, мое личное мнение. Если мы высказываемся против федерализма, то мы этим же высказываемся против указанных пунктов, относя обсуждение подробностей предложенного устава к тому времени, когда станет на очереди пункт шестой порядка дня.

Мартов. Тов. Либер не соблюдает принятый порядок дня. Мы поняли первый устав, как ответ Бунда на вопрос «о положении Бунда в Партии». Второй же устав ответа на поставленный вопрос не дает. Поэтому я предлагаю взять его обратно и предложить его во время выработки общепартийного устава. Теперь же он может быть принят или отклонен только целиком. Но так как мы этого делать не можем, в виду того, что второй проект прямого ответа на поставленный вопрос не дает, то Бунд должен взять его обратно. Нашей же принципиальной резолюцией мы даем ответ не только Бунду, но и другим организациям.

Гофман. Я должен констатировать, что товарищи Плеханов и Мартов сделали попытку изменить порядок дня. Мы настаивали на том, чтобы вопрос о Бунде обсуждался в связи с организацией Партии. Но большинство съезда решило поставить его на первое место. Нам говорили, что по организационному вопросу в Партии существует коренное разногласие, которое во что бы то ни стало должно быть прежде всего устранено и этим мотивировали необходимость выделения вопроса о Бунде из общего вопроса об организации партий. Вопрос был выделен, и теперь хотят его опять перенести в организационный устав. Первый пункт порядка дня гласит: «место Бунда в Партии». Место Бунда может быть определено только в конкретном смысле, мы внесли к этому пункту вполне конкретное предложение, и пока это предложение не обсуждено,—мы не можем перейти к следующему пункту порядка дня. В течение дебатов не возвращается принимать принципиальные резолюции, но съезд не имеет никакого права снять с очереди вопрос о Бунде и заменить его принципиальным вопросом: «автономия или федерация». Конечно, большинство съезда может поступить, как ему заблагорассудится и насильно изменить порядок дня,—против этого ничего не сделаешь; но это будет с его стороны незаконно.

Теперь несколько слов о резолюции тов. Мартова. Нас упрекали в желании произвести организационную революцию. Я сейчас покажу, что в этом вы стремитесь пунктом третьим резолюции Мартова, который гласит: «такое единство несколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, обуславливаемых особенностями языка и условий быта». В «Манифесте» говорится об автономии в вопросах, специально касающихся еврейского пролетариата. Теперь хотят сузить эту самостоятельность и свести ее к технической автономии, которой пользуется любой комитет. Хотят приравнять Бунд к простому комитету с той только разницей, что техническая автономия будет осуществляться в Бунде на большем пространстве. Это значит совершить организационную революцию.—Если хотят обсуждать резолюцию Мартова, то в ней должно быть ясно оговорено, что принятие ее не исключает возможности обсуждения внешнего нами устава.

Троцкий. Не понимаю, почему товарищи из Бунда восстают против принципиальной резолюции. Нам был предложен проект устава в освобод

которого, как заявляет сам докладчик, положен принцип федерации. Наши дебаты, обнаружившие несомненно отрицательное отношение съезда к принципу федерации, заставили товарищей из Бунда взять обратно свой проект. Этот этап в наших дебатах мы, как «доктринеры», и хотим закрепить резолюцией. После этого — вопрос о федерации — пройденная ступень.

Но почему же эта принципиальная резолюция в связи с Бундом? говорят нам. Но когда же вообще мы выносим принципиальные резолюции? Когда того требует партийная жизнь. Мы не академики — мы политики. Нам необходимо выразить теперь свое отношение к принципу федерации. Почему мы связываем этот вопрос с Бундом? Потому, что Бунд связал себя с этим вопросом.

Мы «доктринеры». Первый проект устава мы рассматривали по пунктам не для того, чтобы стороваться по частям, а для того, чтобы на анализе этих пунктов выяснить принципиальную основу проекта, федерализм, — и отвергнуть проект en bloc. Товарищи из Бунда вносят новый проект. Они хотят, чтобы мы рассматривали его по пунктам. Зачем? Чтобы принять или отвергнуть его по частям. Как «доктринеры», мы этого не сделаем. Мы готовы его рассмотреть, но лишь для того, чтобы проконтролировать его с принципиальной стороны, и в зависимости от нее либо отвергнуть целиком, либо перевести к моменту обсуждения обще-организационных вопросов.

Товарищ Гофман, в своем возражении товарищу Мартову, спрашивал с ужасом: значит, автономия для Бунда вы понимаете так же, как и для местных Комитетов, т. е. чисто технически. Да, с нашей точки зрения, автономия Бунда принципиально не отличается от автономии каждого Комитета. Если проведение в жизнь общепартийной программы, в рамках принятой на съездах тактики, назвать техникой, то автономия каждого Комитета, как и Бунда, будет чисто технической. Но автономия Бунда шире, поскольку шире район его работы, поскольку самая работа простирается в специальных условиях специальной среды.

Я еще должен указать на один прием, который неизбежно повторяется в речи каждого товарища из Бунда. Это — указание на неудобство принятого нами порядка дня. В доказательство — ссылаются на ненормальный ход наших дебатов. Товарищи из Бунда забывают, что у нас нет возможности произвести конкретное сравнение, ибо мы не можем произвести дорого стоящий опыт дискуссии в том порядке, который отстаивался делегацией Бунда. На основании же тех общих соображений, которые я развил в свое время, думаю и утверждаю, что наш порядок лучше того, при котором все осложнения, всплывшие при дискуссиях, давили бы на наши дебаты замаскированным путем.

Плеханов. Я сделаю два замечания товарищу Гофману. Первое по вопросу о технической автономии. Все, выходящее за пределы этой автономии, мы считаем федерализмом и отвергаем в качестве такового. Но пределы технической автономии могут быть шире или уже. И мы не имеем намерения суживать их. Нам говорят, что мы изменили порядок дня. На самом деле никакого изменения нет. Его видят в том, что мы хотим стать на принципиальную почву. Пункт второй очередного порядка гласит: «место Бунда в Партии»; мы хотим ответить: место Бунда не

должно определяться федеративными принципами. Будет ли это уклонением? Нет, это будет ясным, категоричным и недвусмысленным ответом на второй очередной вопрос. Такой ответ не понравится Бунду, но мы не обязаны ему нравиться, и съезд может со спокойной совестью принять предлагаемое ему решение.

Либер. Я поддерживаю заявление Гофмана и повторяю: товарищи Плеханов и Мартов изменяют очередной порядок. Я это поясню. Ставя вопрос: «автономия или федерация», предрешают отнесение проекта нашего устава к тому или другому виду, между тем как может быть третий вид. Мало сказать: мы против федерации; мы должны дать и положительный ответ, за что мы именно стоим. Этот ответ мы даем в нашем проекте устава, а никто другой его еще не дал. Нам говорят, что этот вопрос был так поставлен в литературе Бунда, но это не довод: об этом мы будем говорить в разборе нашей литературы. Ведь и в «Искре» подымался вопрос: «нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату?»—и ответ на это давался отрицательный, но теперь мы с этим не считаемся.

Резолюция Мартова должна быть отвергнута, так как она, отвергая федерацию, ничего положительного не дает. Ответ, нами даваемый, не перестает быть принципиальным из-за того, что выражен не в одном слове, как того хочет товарищ Плеханов, а в целом уставе. Резолюцию Мартова мы не принимаем, потому что это «положительное» очень туманно и неясно. Товарищ Плеханов и Троцкий более последовательны. Мы принимаем резолюцию, которая отвергает 2-3 пункта, но мы не будем так наивны, что будем второй раз вносить то, что отвергнуто. Предлагаю или совсем не разбирать, или разбирать по пунктам.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ.

(Присутствует 42 делегата с 51 решающим голосом и восемь лиц с совещательным голосом).

Дебаты по второму пункту очередного порядка продолжаются.

Русов. Товарищи из Бунда, особенно тов. Либер, постоянно указывали, что нужно рассматривать устав, предложенный ими, по пунктам, а не стараться в нескольких словах найти принципиальную обосновку и вынести ту или иную резолюцию. Товарищ Либер говорит, что рассмотрение проекта устава по пунктам само по себе будет принципиальным решением вопроса. По моему, тут какой-то напрасный страх перед принципиальностью. Невозможно писать устав, не руководясь каким-нибудь определенным принципом, если только устав сам не беспринципен, каковую характеристику, я думаю, товарищи из Бунда не дают своему предложению. Будем же искать не совсем открыто выраженную принципиальную обосновку предложенного нового устава. Во втором пункте предложенного устава мы встречаемся с мыслью, которая противоречит основному положению международного социализма о солидарности классовых интересов пролетариата. Там требуется особое представительство интересов еврейского пролетариата. Такое представительство имело бы смысл, если бы классовые интересы евр. и рус. пролетариата хоть в чем-нибудь противоречили друг другу. Этого нет и не может быть. Другое дело, если говорят о групповых интересах, как напр., столкновение интересов американских рабочих и пришлых китайских или батуменских и пришлых из Турции. Такие противоречия ничего общего с классовыми интересами не имеют. Соглашаться на этот пункт, признавая который, мы логически должны признать и федерацию, значит как верно выразился товарищ Троцкий, подписать себе недоверие. Но не в одном этом проглядывает принцип федерации в предложенном уставе. Согласно третьему пункту, Бунд выбирает своего представителя в центральные учреждения партии, хотя при этом тов. Либер разъясняет, что представитель Бунда, войдя в Центральный Комитет, этим уже делается членом партии. Если только он будет членом партии, то к чему, спрашивается, его непременно происхождение от Бунда. Не ясно-ли тут, что товарищи из Бунда желают сохранить и в центральных учреждениях партии свое особое представительство для защиты интересов своей организации. Что же это такое, как не федерация? Я еще в первой своей речи указал на организационный сепаратизм Бунда, и теперь это ясно прояви-

лось в обиженном тоне тов. Гофмана при упоминании о том, что Бунд приравнивается к районной организации или к Комитетам Партии. На это уже возразили товарищи Троцкий и Плеханов, в мнению которых я присоединяюсь. Тов. Либер указывал все время, что никто из говоривших не высказался, как он представляет себе отношения Бунда к Партии. Мне кажется, что всеми было ясно подчеркнуто, и я открыто высказал это раньше, что идеальной организацией Партии было бы существование единых комитетов Партии по всем городам, работающих на тех языках, на каких потребуется. Этот принцип было бы желательно распространить и на Западный Край, но нам приходится считаться с исторически сложившимися условиями. Вот почему приходится присоединиться к резолюции тов. Мартова.

Троцкий. Вопрос о месте Б. в П. с самого начала встал, как вопрос о федерации или автономии. Поставлен этот вопрос Бундом, и большинство высказалось против федерации. Бунд предложил новый устав, в котором сам докладчик не констатировал никакого принципа. Напрасно докладчик утверждает, что, отвергнув федерацию, мы не даем никакого позитивного принципа партийной организации: «ибо—говорит докладчик,—кроме принципа федерации может быть и целый ряд других». Это—недоумение. Повторяю, вопрос стоял так: федерация или автономия? Отвергнув первую, мы устанавливаем положительное определение: единая Партия с большей или меньшей, конкретно определяемой автономией частей. Вот почему если бы второй предложенный нам устав был построен на принципе федерации, мы должны были бы отвергнуть ее en bloc. Но, по утверждению тов. из Бунда, раз этого нет, нам остается установить нашу принципиальную позицию, отнестись к детальному разбору предложенного устава к общеорганизационным дебатам, предусмотренным пунктом шестым нашего порядка дня. Тогда мы детально установим степень и пределы автономии Бунда. Вот почему я настаиваю на принятии нижеследующей резолюции, подводящей полный итог нашим дебатам (читает вторую часть резолюции Мартова).

Вносится предложение о закрытии списка ораторов.

Акимов. Полагаю, что закрывать списки ораторов не нужно, так как вопрос уже в достаточной мере выяснен и едва ли прения могут затянуться. А, между тем, после речей уже записавшихся ораторов может оказаться необходимость отвечать на них.

Решено список ораторов закрыть.

Либер. Среди каких «разных» рас живет еврейский пролетариат? Насколько известно, он живет не среди рас, а среди наций. Что означает в резолюции «самостоятельность еврейского рабочего движения»? Если еврейское рабочее движение самостоятельно, то оно должно иметь самостоятельную организацию.

Троцкий. Может быть, товарищ Либер внесет поправку к резолюции?

Либер. Я не могу внести поправку, пока не получил разъяснения: может быть, объяснения как раз опровергнут предлагаемую резолюцию.

Троцкий. Ничего нового сказать не могу. Обязанность товарища Либера, раз он не находит мою мысль достаточно ясной,—внести поправку.

Ведь резолюции съезда пишутся не только для его членов, но для всех интересующихся съездом.

По предложению председателя, тов. Троцкий раз'ясняет, что под словами: «самостоятельность еврейского рабочего движения» — разумеется самостоятельность организованная, т. е. автономия Бунда.

Плеханов. Желательно было бы, чтобы тов. Либер точнее изложил нам свои этнографические воззрения, потому что его «критика» не выдерживает критики. В современной науке, по крайней мере, нет точного определения понятий: раса и нация и одинаково можно сказать: литовская раса и литовская нация.

Мартов. Повидимому, тов. Либер придерживается старого деления на пять рас, принятого в некоторых сочинениях...

Троцкий. Особенно в школьных учебниках...

Мартов. Да, в школьных учебниках.

Посадовский. Уже в настоящее время еврейскому пролетариату приходится жить с такими же не-евреями пролетариями, относительно которых даже с точки зрения примитивных учебников не может быть сомнения, что они принадлежат к другой расе, чем евреи. Например, на Кавказе с татарами, как известно, относимыми к монголам, в Казани с татарами же, в Сибири с бурятами, китайцами и т. п. Поэтому, я настаиваю на сохранении в резолюции тов. Мартова слова расы, как расширяющего ее значение.

Гофман. Настаиваю от имени товарищей, чтобы съезд обсуждал немедленно наше предложение, так как оно является прямым ответом на второй пункт порядка дня.

Мартов. Действительно, нам необходимо дать ответ на второй пункт порядка дня, так как мы обсуждаем вопрос о месте Бунда в партии и наша резолюция даст совершенно прямой принципиальный ответ на этот вопрос. Между тем, ответ, предложенный Бундом, дает нам восемь взаимно противоречащих пунктов. Поэтому, мы должны пройти мимо предлагаемого «проекта», отложив его обсуждение до 6 пункта порядка дня. Детальный разбор предлагаемого проекта для нас в настоящее время никакого значения не имеет. Деловое обсуждение вопроса о месте Бунда в партии невозможно до тех пор, пока мы не определим принципиально место Бунда в общепартийной организации.

Ленин. Не понимаю, какое практическое значение имеет предложение тов. Гофмана? Он говорит, что мы своей резолюцией не отвечаем на вопрос, поставленный на порядок дня, тогда как вся разница состоит в том, что в порядке стоит слово «место», а в резолюции употреблено слово «положение». Пока нет третьего предложения, мы не можем поступить иначе, как определив наше отношение принципиально, оставив за собою право, когда следует, обсудить его конкретно.

Юдин от имени делегатов Бунда просит назначить перерыв для их совещания.

После перерыва слово получает тов. Либер, который от имени делегации Бунда, настаивает на немедленном обсуждении их предложения: если же это предложение будет отвергнуто, то мы внесем к третьему пункту резолюции Мартова — с которой мы целиком несогласны — сле-

дующую поправку: «...что такое единство несколько не исключает самостоятельности, во всех вопросах, касающихся специально еврейского преследования, предоставленной Бунду первым съездом Российской Социал-демократической Рабочей Партии». Мотивирую это тем, что наша поправка является повторением резолюции первого съезда; поэтому надо сохранить и формулировку ее данную этим съездом.

Мартынов вносит поправку к третьему пункту резолюции Мартова, мотивируя это тем, что в измененном виде последняя менее определена, чем та, которую он, Мартынов, предлагает *).

Ланге вносит к третьему пункту резолюции Мартова дополнение: после слов «особенности языка и быта» добавить: «в местностях, где эти особенности имеются».

Докладчик Либер и содокладчик Мартов отказываются от заключительного слова, при чем Либер мотивирует этот отказ тем, что «у нас сейчас принципиально обсуждается не тот вопрос, который обсуждался вчера».

Мартов. Также отказываюсь от слова. Я хочу только указать, что поправка Либеря постольку неясно определяет положение Бунда в партии, постольку оно неясно формулировано на первом съезде.

После кратких дебатов о порядке голосования, съезд приступает к голосованию поправок. За поправку Ланге подан один голос. За поправку Либеря (делегация Бунда) 13 голосов против—26..

Вносятся и принимаются предложение, подписанное десятью делегатами, о повременном голосовании резолюции Мартова. Голосование дало следующие результаты: за резолюцию—45 голосов, против—пять голосов **).

Голосуются и отвергаются большинством 41 голоса против пяти голосов предложение делегатов Бунда о немедленном рассмотрении по пунктам внесенного проекта устава.

Резолюция Мартынова получила один голос.

Съезд переходит к обсуждению третьего пункта порядка дня: Программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

Мартынов. Предлагаю из нескольких проектов остановиться на проекте программы «Искры» и «Зари». Что касается самого способа обсуждения, то следует сначала обсуждать принципиальную часть общей программы en bloc, а затем уже — остальную часть. При обсуждении принципиальной части программы, за генеральной дискуссией должно сле-

*) Поправка Мартынова к резолюции Мартова: Второй очередной съезд Партии постановит, чтобы Бунд оставался в настоящее время в Партии, как нечто целое в том виде, который он представлял из себя до четвертого съезда Бунда, т. е. до того момента, когда он начал фактически проводить в жизнь принципы федеративных отношений, при чем он безусловно подчиняется всем центральным учреждениям партии.

**) Голосуют за: Русов (2 голоса), Беков (2 гол.), Карский (2 гол.), Махов (2 гол.), Львов (2 гол.), Гусев, Царев, Осипов, Костяч, Медведев, Иванов, Павлович, Степанов, Панян, Сорожин, Белов, Лядов, Горин, Фомин, Муравьев, Ланге, Дедов, Троцкий, Посадовский, Ленский, Орлов, Попов, Егоров, Горский, Брукер, Акимов, Мартынов, Плеханов, Дич, Ленин (2 гол.), Мартов (2 гол.), Герц, Браун; против: Гофман, Гольдблат, Юдин, Либер, Абрамов.

довать обсуждение отдельных пунктов этой части, а в заключение поправки к отдельным пунктам принципиальной части программы.

Мартов. До выбора программной комиссии должен производиться общий разбор программы, а поправки вносить при обсуждении проекта в комиссии.

Съезд решает взять за основу программу «Зари» и «Искры» и приступает к обсуждению общей части¹⁸).

Мартынов. В принципиальной части проекта программы «Искры» есть одна характерная особенность, отличающая ее от всех других европейских социал-демократических программ. Во всех этих программах указывается в той или другой форме, — в строгом согласии с принципами марксизма, что развитие капиталистического общества необходимо, создает не только материальные, но и духовные условия осуществления социализма, т. е. содействует развитию классового сознания пролетариата, обостряет его борьбу против всего капиталистического строя. В проекте программы «Искры» это положение нигде не высказывается.

В принципиальной части гедистской программы, составленной очень сжато, сказано только в общей форме:

«Considerant que la forme collective, dont les éléments matériels et intellectuels sont constitués par le développement même de la classe capitaliste» и т. д.

В австрийской гайнфельдской программе мы читаем: «während gleichzeitig für die Form des gemeinsamen Besitzes die notwendigen geistigen und materiellen Vorbedingungen geschaffen werden»... Затем дальше: «Der Träger dieser (geschichtlich notwendigen) Entwicklung kann nur das Klassenbewusstsein und als politische Partei organisierte Proletariat sein».

В эрфуртской программе мы читаем:

«Он (т. е. общественный переворот) может быть делом только рабочего класса... Борьба рабочего класса против капиталистической эксплуатации есть, по необходимости, борьба политическая. Рабочий класс не может вести своей экономической борьбы и развивать своей экономической организации без политических прав. Он не может произвести перехода средств производства в общественную собственность, не достигнув предварительно обладания политической властью».

В этом абзаце определяется содержание понятия «борьба рабочего класса против капиталистической эксплуатации». Оно включает в себя и борьбу профессиональную, обуславливающую борьбу за известные политические права, и борьбу за экономическое освобождение, обуславливающую завоевание политической власти; оно, стало быть, означает борьбу за социализм.

В следующем абзаце указывается, что задачей социал-демократической Партии является именно развитие этой неизбежной тенденции пролетариата — бороться за социализм. «Организовать эту борьбу рабочего класса, объединить ее, сделать ее сознательной и указать ей необходимую ее конечную цель — это задача социал-демократической Партии». Базисом деятельности Партии здесь является, таким образом, объективно неизбежная политическая борьба пролетариата.

Наконец, в новейшей венской программе австрийской социал-демократической Партии читаем:

«В то же время пролетариат приходит к сознанию, что он должен содействовать этому развитию и ускорять его, что переход средств производства в общественную собственность всего народа должен быть целью, а завоевание политической власти—средством его борьбы за освобождение рабочего класса».

Итак, во всех социал-демократических программах указывается на духовные предпосылки социализма на неизбежную тенденцию рабочего класса к борьбе за социализм.

В проекте программы «Искры» этого положения нет.

В том месте, где по смыслу программы должно было бы говориться о духовных предпосылках социализма, об активной роли пролетариата, сказано только:

«Растет число и сплоченность пролетариев и обостряется их борьба с их эксплуататорами».

Но очевидно, что «борьба пролетариев с их эксплуататорами» не покрывает понятия «борьба рабочего класса с капиталистической эксплуатацией». В то время, как последнее выражение, употребляемое эрфуртской программой, охватывает все содержание классовой борьбы пролетариата, первое выражение означает скорее всего одну ее элементарную форму—профессиональную борьбу. Проект утверждает лишь то, что сам по себе пролетариат неизбежно вступает в профессиональную борьбу с капиталистами. Такое толкование этого места тем более удивительно, что в проекте программы нигде не говорится о развитии классового сознания пролетариата, как о необходимом последствии развития капиталистического общества.

Чем же объяснить то, что в проекте программы «Искры» умалчивается принципиальное положение, которое так или иначе высказано во всех социал-демократических программах?

Несомненно, что тут отразилось влияние недавней борьбы с так называемым экономизмом и в частности влияние того основного теоретического аргумента, который выдвинул в этой борьбе тов. Ленин, автор брошюры «Что делать».

Посмотрим же, какова научная ценность этого тезиса.

Товарищ Ленин пишет:

«Стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии..., ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, есть *Nur-gewerkschaftlerei*, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазии... История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства тех или иных необходимых для рабочих законов» и т. п.

Такова скромная, более того, отрицательная роль, которую товарищ Ленин уделяет пролетариату в выработке его собственной социалистической идеологии. По его мнению, «о самостоятельной, самими рабочими массами в ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи»...

«Социал-демократическое сознание могло быть принесено только извне... Учение социализма выросло из тех философских, исторических и экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма Маркс и Энгельс принадлежали и сами по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции...»

Если это верно, если пролетариат стихийно стремится навстречу буржуазной идеологии, если социализм вырабатывается вне пролетариата, то распространение социализма в рабочей среде должно вылиться в форму борьбы между идеологией пролетариата и его собственными стихийными стремлениями, и товарищ Ленин этот вывод делает: «Наша задача, задача социал-демократа состоит в борьбе с стихийностью, состоит в том, чтобы вовлечь рабочее движение в этого стихийного стремления трудящихся под крылышко буржуазии...»

Товарищ Ленин констатирует антагонизм между идеологией пролетариата и миссией пролетариата: я же хочу констатировать антагонизм между тезисом Ленина и тем, что неоднократно высказывали Маркс и Энгельс.

Послушаем, что говорит Маркс в «Ницше философии»:

«По мере того, как подвигается вперед история, а вместе с тем и яснее обнаруживается борьба пролетариата, для них (социалистов) становится излишним это искание науки в собственных головах; им надо только отдать себе отчет в том, что совершается на их глазах и стать выразителями действительных событий».

Энгельс в «Научном социализме» говорит еще определеннее:

«Современный социализм есть не что иное, как умственное отражение этого фактического противоречия между производ. силами и способом производства, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, т. е. класса рабочих... Научный социализм является теоретическим выражением рабочего движения».

В «18 Брюмера» Маркс высказывает общее положение об отношении между идеологами всякого класса и самим классом: «Их (демократов) делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и представляемым классом».

Так говорят Маркс и Энгельс. Но тов. Ленин нас уверяет, что «опыт, всех стран доказывает» и т. д.

Остается предположить одно из двух: либо, что опыт всех стран свидетельствует против приведенных слов Маркса, либо, что тов. Ленин не сумел осветить «опыт всех стран», с точки зрения Маркса. Я склоняюсь к последнему мнению. Мне опыт всех стран говорит, что современный социализм возник, как продукт движения пролетариата и что «стихийное рабочее движение идет к подчинению» не буржуазной идеологии, а

современному научному социализму. Чтобы найти подтверждение этому взгляду в истории, не следует, прежде всего, давать ему наивного толкования, не следует представлять себе, что пролетариат вырабатывает свою идеологию только на основании опыта своей внутренней жизни, независимо от унаследованных им традиций и от современной окружающей его социальной обстановки, не следует представлять себе, что он вырабатывает свою идеологию подобно тому, как паук вытягивает свою паутину из собственной спины.

Оспаривая мнение Прудона, что все предшествующие столетия провиденциально были предназначены для осуществления идеи равенства, Маркс тем не менее не находит возможным утверждать, что эта идея выросла, как Минерва из головы Юпитера: творческая роль современного поколения, по его мнению, выражается в том, что оно преобразовывает результаты, добытые предшествующими поколениями. «Экономисты», говорит он, «очень хорошо знают, что та же самая вещь, которая является окончательным продуктом труда одного лица, другому служит лишь сырым материалом для нового производства». Ту же мысль высказывает Энгельс в своем «Фейербахе»: «Во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими отношениями людей, делающих эти изменения. И этого для нас достаточно».

Итак, если мы, марксисты, утверждаем, что пролетариат самостоятельно вырабатывал свою социалистическую идеологию, то мы этим хотим сказать, что пролетариат самостоятельно преобразовывал идеологию, заимствованную им из его окружающей среды, согласно со своими классовыми интересами.

Выделившись и обособившись в отдельный класс из массы «демократии», пролетариат вместе с тем преобразовал прежнюю борьбу демократии с феодальным строем в новую борьбу рабочего класса с буржуазным строем.

Выделившись и обособившись в отдельный класс из массы «демократии», пролетариат вместе с тем преобразовал прежнюю борьбу демократии с феодальным строем в новую борьбу рабочего класса с буржуазным строем.

Следя за историей возникновения современного социализма, мы видим как легко, пролетариат перерабатывал экономическую и политическую борьбу, социальные идеалы и философское мировоззрение демократии начала XIX века в соответственные элементы современного социалистического движения.

Во время великой революции экономическая борьба демократии была борьбой бедного потребителя против привилегий, монополий, ростовщичества и пошлин. С выделением из массы демократии пролетариата, это форма экономической борьбы преобразуется в борьбу труда с капиталом. В Англии первая четверть XIX века наполнена борьбой пролетариата за свободу стачек, которую он, наконец, завоевывает в 25-м году; затем наступает период образования «великих национальных рабочих союзов» (1825-50 гг.). Во Франции, в 1831 году вспыхивает восстание лонских ткачей; в Германии в 44 году — восстание силезских ткачей.

Параллельно с этим европейский пролетариат, составлявший раньше арьергард буржуазии в ее политической борьбе с аристократией, путем опыта доходит до сознания необходимости самостоятельной полити-

ческой борьбы, и притом против всех господствующих классов. В Англии парламентская реформа 31 года, давшая преобладание буржуазии над землевладельцами, была завоевана при содействии пролетариата, угрожавшего неплатежом податей. Обманутый реформой и озлобленный законом 34 года о бедных, пролетариат порывает с средней буржуазией и в союзе с радикалами вступает в политическую борьбу за хартию. Это первый шаг в развитии политического сознания пролетариата; за ним вскоре следует второй шаг. Дальнейший опыт показывает пролетариату, насколько мелкая буржуазия неспособна к решительной революционной борьбе и насколько различны их экономические интересы (пролетариат требует десятичасового дня, мелкая буржуазия — отмены хлебных законов). Таким образом, в 43 г. в чартистском движении происходит разрыв между пролетариатом и мелкой буржуазией. Пролетариат делает второй шаг и выступает, как самостоятельная политическая партия с девизом — социальное благополучие наша цель, политическая свобода наше средство. То же самое происходит во Франции. Во время июльской революции пролетариат еще помогает буржуазии одержать верх над землевладельцами. Предательство крупной буржуазии дает урок пролетариату; оно толкает его на союз с радикальной мелкой буржуазией. В парижском восстании 32 года, в лионском и парижском восстаниях 34 года, и в восстании 39 года пролетариат выступает как революционная сила, а полурадикальные, полусоциалистические общества (*Société des droits de l'homme, Société des Saisons*) являются его политическими вождями. Но и этот союз непрочен. Перипетии февральской революции, а особенно июльское восстание, открывают пролетариату глаза на мелкую буржуазию. Десятого декабря Гора делает последнюю попытку выступить самостоятельно на ряду с пролетариатом. В тот же день голосование за Распайя и против Ледрю-Роллена было, говоря словами Маркса, «первым актом отделения самостоятельной политической партии пролетариата от демократической». Таков был первоначальный процесс развития политического сознания пролетариата. В то время, как европейский пролетариат, выделяясь из демократии в отдельный класс, вырабатывал формы своей классовой экономической и политической борьбы, передовые слои его преобразовывала усвоенные ими идеи буржуазного социализма в новую идею пролетарского революционного коммунизма. Социализм как проблема, естественно возник до того, как выросла революционная сила пролетариата, способная решить эту проблему. Быстрое распространение социализма было неизбежным следствием противоречия между тем, что великая революция сулила демократии, и тем, что она ей дала. Но пока на историческую арену не выступил пролетариат — истинный носитель социализма, — социализм имел и неизбежно должен был иметь характер либо утопический, либо мелкобуржуазный. Но вот наступают тридцатые годы, пролетариат повсюду поднимает голову, и мы ясно видим, как под его напором и при его участии идеи социализма быстро начинают менять свое содержание. Лабораторией для этого преобразования служит серия французских тайных обществ, к которым аффилируются и немцы: *Association pour la défense de la presse patriote* и *Deutscher Bund zur Vertheidigung der Pressfreiheit* уступают место *Société des Droits de l'homme* и *Bund der Geächteten*. Их заменяют *Société des Si-*

sions и Bund der Gerechten. Серия эта завершается Союзом Коммунистов, издавшим Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса. Эти общества первоначально чисто радикальные, постепенно пополнялись членами из рядов пролетаризированных ремесленников. В зависимости от этого, они меняли свой характер. Из замкнутых заговорщических обществ они превращаются в общества открытой пропаганды, а господствующие в них идеи буржуазного радикализма и мелкобуржуазного социализма уступают место идее пролетарской социальной революции. В Bund der Gerechten эти два мировоззрения еще борются в лице Венелея и Шустера, в Bund der Gerechten идея социальной революции получает, наконец, свое яркое выражение в произведениях Вейтлинга, под впечатлением которых Маркс сказал: «Германский пролетариат является теоретиком европейского пролетариата, как английский является его экономистом, а французский его политиком».

Итак, история первой половины XIX в. наглядно показывает, как пролетариат, доходя путем опыта до сознания своих классовых интересов, преобразовывал все старые формы демократического движения в новые формы классового рабочего движения. Ко времени появления Коммунистического Манифеста элементы современного социалистического движения — борьба труда с капиталом, политическая борьба пролетариата под собственным знаменем и идея социальной революции, — уже были налицо; но эти элементы, выработанные различными слоями пролетариата, не были еще связаны между собою. Экономическая борьба пролетариата была оторвана от его политической борьбы: профессиональные союзы в Англии, напр., относились несочувственно к чартистскому движению. Политические движения пролетариата, в свою очередь, не стояли еще в ясной связи с идеей социальной революции. Социальные идеалы чартистов и французских, так называемых, «социал-демократов» были весьма смутные. Первые мечтали о частичной национализации земли, о развитии мелкой аренды, о государственной помощи ассоциациям. У вторых бродили неясные идеи о «праве на труд», об «организации труда». Они мечтали осуществить социализм рядом с буржуазным строем, а не на развалинах его. Наконец, те пролетарии, которые сознали необходимость социальной революции (вейтлингианцы), не умели связать с этой идеей сознания необходимости политической борьбы. Таким образом, главные элементы современного социалистического движения хотя и были готовы, но не были координированы, а пока они не были координированы, пролетариат не мог освободиться окончательно от буржуазного влияния, не мог идти твердой поступью к своему полному освобождению.

Для увенчания здания социализма, необходимо было свести в одно стройное целое указанные его элементы и дать теоретическое обоснование всему движению. Эта великая работа была выполнена основателями научного социализма Марксом и Энгельсом.

Подобно тому, как экономические, политические и социалистические элементы пролетарского движения были преобразованиями соответствующих форм радикально-демократического движения, и высшая идеологическая надстройка пролетарского движения — теория научного социализма, явилась результатом переработки теории буржуазных философов и ученых. Но в то

время, как выработка вышеуказанных форм была преимущественно продуктом опыта и мысли тех или других слоев пролетариата, создание теории научного социализма предполагало такую обширную научную подготовку, которой могли обладать только профессиональные интеллигенты — выходцы из имущих классов. Таковыми и были творцы научного социализма Маркс и Энгельс. Все-таки мы и их творения не уступим буржуазной интеллигенции. Для того, чтобы совершить революционный переворот в общественной науке, они предварительно должны были покинуть точку зрения буржуазного радикализма и стать на точку зрения пролетариата своего времени. Другими словами, они должны были предварительно примкнуть идейно и нравственно к исторически сложившемуся уже движению пролетариата. Их великая революционная работа не могла быть и не была плодом одного кабинетного мышления. Энгельс говорит в своем Фейербахе: «Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых сознательно или бессознательно зависят побуждения исторических деятелей,... то надо иметь в виду не побуждения отдельных лиц, хотя бы самых замечательных, а те побуждения, которые приводят в движение большие массы: целые народы или целые массы народа». Биографии Маркса и Энгельса вполне это подтверждают. Эти биографии показывают нам, как революционное движение пролетариата вырвало Маркса и Энгельса из рядов буржуазной демократии и дало новое направление их теоретической мысли. Еще в 1843 году они были в значительной степени буржуазными радикалами, стояли на идеалистической точке зрения и смотрели на коммунизм, как на догматическую абстракцию. Маркс писал тогда Ругэ: „Я не желаю, чтобы мы выставили какое-нибудь догматическое знамя... К догматическим абстракциям относится в особенности коммунизм... Мы желаем влиять на своих современников и прежде всего на современных нам немцев. Не подлежит сомнению, что теперешняя Германия, главным образом, интересуется, во-первых,—религией, во-вторых,—политикой! Эти то два предмета, каковы бы они ни были сами по себе, мы должны взять исходной точкой, а не противопоставлять им какую-либо готовую систему вроде „Voyage en Icarie“. Так рассуждали в то время Маркс и Энгельс. Им нужно было главное всего найти революционную силу, которая бы опрокинула старую политическую систему Германии. Но уже в то время единственным революционным классом был пролетариат, и это для них обнаружилось, как только они перешли границу своей родины. Естественно, что Маркс в своих революционных поисках пришел в соприкосновение с движением французского пролетариата, а Энгельс — с движением английского, с чартизмом. Энгельс принял даже участие в чартистском движении, как сотрудник Northern Star. В результате этого-то соприкосновения и совершилось быстрое и глубокое преобразование во взглядах Маркса и Энгельса. Уже в 1845 г. они издают *Die Heilige Familie*, — сочинение, в котором впервые заложены основы экономического материализма, в котором вместе с тем ярко сказывается пролетарская точка зрения.

Итак, история дает нам право сказать: во-первых, весь современный социализм есть продукт рабочего класса, хотя материалы для него были изготовлены еще буржуазной демократией; во-вторых, при выработке современного социализма различные по степени сознательности слои рабо-

чего класса доходили практически, ощупью до отдельных задач и решений, которые их идеологи открыли, синтезировали и обосновали теоретически. Эти положения имеют огромное значение. Они стоят в противоречии с тезисом, выставленным тов. Лениным в его брошюре „Что делать?“, но они вытекают из основ марксизма; они в том или другом виде формулированы во всех соц.-дем. программах. Они должны быть также ясно выражены и в нашей программе. В виду этого, я предлагаю приведенное выше место в проекте программы видоизменить следующим образом:

«Растет число, сплоченность и сознательность пролетариев и обостряется борьба рабочей массы с эксплуатацией».

О других соответственных, но менее важных поправках к принципиальной части программы я сейчас говорить не буду. Здесь я только замечу, что основной взгляд, который я до сих пор развивал, со мной разделяют все мои товарищи по организации. Относительно же выводов из этого взгляда мы не все согласны. Поэтому, я в дальнейшем буду говорить только от своего имени.

Я уже говорил, что указанный мною пробел в программе «Искры» является отражением недавней борьбы со «стихийностью», с «экономизмом» и с «кустарничеством». Теперь я спрашиваю, может ли это практическое соображение служить оправданием для такого теоретического провала в программе? Безусловно, нет. Та правильная марксистская формулировка вопроса, которую я предлагаю, никоим образом не открывает двери ни преклонению перед стихийностью, ни экономизму, ни кустарничеству.

Она не открывает двери преклонению перед стихийностью.

Утверждая, что современный социализм является лишь наиболее полным и сознательным выражением стихийной тенденции классовой борьбы пролетариата, мы не только не умаляем активной роли сознания и теории в нашем движении, мы, напротив, доводим ее до maximum'a. Именно благодаря нашей уверенности, что развитие пролетариата идет со стихийной силой законов природы навстречу осуществлению наших теоретических принципов, мы можем твердо и непоколебимо отстаивать эти принципы и отвергать всякие теоретические компромиссы из мимолетных практических соображений. Странно мне доказывать редакции „Искры“ то, что доказывал нам Бельтов; странно мне доказывать, что maximum свободы, активности и личной инициативы там, где maximum необходимости. Для того, чтобы предохранить движение от преклонения перед временными настроениями тех или других слоев пролетариата или интеллигенции, социал-демократия располагает только одним средством: она согласует свою деятельность с общими тенденциями борьбы всего рабочего класса.

Предлагаемая мною, обычная в международной социал-демократии, формулировка вопроса не открывает также дверь „экономизму“. Я знаю, и я говорил уже, что та или другая отдельная форма классовой борьбы пролетариата сама по себе, оторванная от других форм его классовой борьбы, неспособна освободить пролетариат от буржуазных влияний. Поэтому-то буржуазные партии и идеологи буржуазии так стараются затуплять необходимую связь между социальной революцией, политической и

экономической борьбой пролетариата. Но я, конечно, и не утверждаю, что современный социализм выражает тенденцию одной какой-либо обособленной формы классовой борьбы пролетариата, напр. изолированной профессиональной борьбы. Напротив того, я говорю, что научный социализм является синтезом и теоретическим выражением всех основных форм классовой борьбы пролетариата. Такая формулировка, очевидно, обязывает нас к решительной борьбе против всякой попытки сузить содержание и уменьшить размах исторически неизбежного движения пролетариата в целом.

Наконец, предлагаемая мною формулировка не может также служить прикрытием для федерализма и местного кустарничества. Если современный социализм синтезирует различные формы движения пролетариата и отражает лишь общую его историческую тенденцию, то, очевидно, что с этой точки зрения организация соц.-дем. партии должна быть достаточно централистической, чтобы обеспечить преобладание общих интересов соц.-дем. движения в целом над его местными интересами. Итак, никакие практические соображения не давали составителям программы основания для отступления от общепринятой формулировки разбираемого вопроса. Но они, очевидно, были другого мнения; они, очевидно, считали, что общепринятая формулировка не дает достаточных гарантий против стихийности, экономизма и кустарничества. Поэтому, они дали такую неясную формулировку, которая легко может быть истолкована в смысле положения, защищаемого в брошюре «Что делать?», в смысле антагонизма между социаль-демократией и стихийным развитием рабочего движения. Что же практически достигается этой теорией Ленина? Она, правда, дает очень острое оружие против указанных тактических ошибок и пробелов. Но зато она открывает двери другим опасным тактическим ошибкам, проводя глубокую борозду между руководящими элементами движения и рабочей массой, между деятельностью замкнутой партии и широкой борьбой рабочего класса.

Об этих ошибках не приходится говорить гадательно, потому что они уже достаточно обнаружались, особенно в течение одного-полутора лет революционного подъема России, начавшегося с мартовских событий.

Если раньше слишком недостаточно обращали внимание на теоретическое развитие руководящих элементов движения, то с этого момента стали слишком пренебрегать средствами для развития классового сознания широких кругов рабочих; популярная литература и политическая самодеятельность относительно широких слоев рабочих были взяты под подозрение, как явления способные вульгаризировать наше движение.

Если раньше движение страдало экономической узостью, то в этот момент оно стало страдать политической расплывчатостью. Усиление политической агитации и расширение ее содержания были, конечно, громадным шагом вперед. Но, во-первых, на беду в нашей политической агитации слишком сильно стало подчеркиваться то, что объединяет пролетариат с другими оппозиционными элементами общества, слишком слабо стало подчеркиваться то, что его отделяет от них, как самый революционный класс. Во-вторых, на беду политическая агитация у нас стала отрываться от социально-экономической. Читая прокламации и листки того времени Киевского Комитета, а особенно Одесс. Южн. Рев. Союза, сплошь и рядом затрудняешься определить, что в них специфически социал-демократиче-

ского, почему их с равным правом не могли бы издать политические радикалы. В них, очевидно, кое-что существенное не досказывалось. Это было тем большим недостатком, что в то же время с разных концов России получались сведения, что у кружковых рабочих оживает интерес к вопросам чисто социалистическим, вроде, напр., вопроса о прибавочной стоимости, о рабочем дне и т. д. Об этом писалось в *Arbeiterstimme*, об этом нам писали из Саратова и из других мест.

Если раньше наше движение страдало разбродом и кустарничеством, то в этот период, в противовес ему, был выдвинут и нашел себе сочувствие заговорщический, якобинский план организации, который по существу своему приговорен не для классовой партии пролетариата, а для радикальной партии, опирающейся на разношерстные революционные элементы.

Несомненно, что в общем соц.-дем. движение рассматриваемого периода сделало громадный шаг вперед в сравнении с прошлым. Но и соц.-демократия этого периода стихийный рост революционных сил России застал врасплох, и потому брошюра Ленина отразила в себе в большей или меньшей степени указанные недостатки данного момента, поскольку она занималась не критикой, а строила теории и давала положительные проспекты.

К счастью, жизнь сама вскоре стала вносить коррективы в нашу критику. Быстро сложившиеся партии «Освобождения» и соц.-рев. заставили нас размежеваться с ними не только теоретически, но и практически. С другой стороны, разлившиеся широкой волной революционные движения рабочих масс заставили нас вновь искать укреплений своей связи с ними. И я должен признать, что „Искра“ с большой чуткостью откликнулась на эти запросы жизни, что в последний год она освободилась от многих недостатков, которыми она страдала в период борьбы с эконолизмом. Но пусть же это дело будет доведено последовательно до конца и пусть оно будет принципиально закреплено.

Наше движение выходит окончательно из своего младенческого возраста. Оно начинает освобождаться от односторонности и скачков. Поэтому я полагаю, что и наша принципиальная программа не только должна, но и может не носить следов прошлых крайностей. Она должна служить прочным базисом всей нашей будущей тактики и должна быть формулирована так же объективно, как и программы передовых европейских соц.-дем. партий¹⁹).

Мартов. Меня удивляет, что все те соображения, которые привел тов. Мартынов, не дали в результате ничего, кроме предложения вставить слово «сознательность» и заменить слово «эксплуататоры» — «эксплуатацией». Не могу усмотреть связи между одним местом из книги Ленина и пропуском слова «сознательность». Против вставки этого слова я ничего не имею. Соображения тов. Мартынова против фразы Ленина основаны на смешении двух вопросов, лежащих в различных плоскостях. Цитаты, приведенные тов. Мартыновым, именно это и доказывают. Что говорит, например, Маркс в «Восемнадцатом Брюмера»? Он устанавливает отношение между идеологией определенного класса и этим классом. Но Маркс ничего не говорит о том, каков тот процесс, которым совершается выработка рабочим классом того мировоззрения, которое выражает собой условие исторического существования рабочего класса.

Горин. Мы знаем две серьезные формы воззрения на исторический процесс: материализм и идеализм. Комбинация их, как эклектическая форма, должна считаться вульгарной. К вульгарному же типу нужно отнести тот идеализм и материализм, которые понимаются в грубом, непосредственном их смысле. Представителем вульгарного идеализма у нас является социал-революционизм, вульгарный материализм представлен экономизмом. По воззрениям последнего, ни идея, ни личность, ни сознательность не имеют никакого значения. Рабочедельчество является четвертым типом — эклектикой с большим приближением к экономизму. Тов. Мартынов, испытанный в дискуссиях об экономизме, заявляет себя враждебным ему, но он только несколько изыщнее хочет выразить этот четвертый тип. Я не стану допытываться, для чего ему нужно было цитировать бесконечно Маркса, Энгельса, Каутского и др. на разных языках, среди которых, я боюсь, окажется и испанский. Ибо, видите-ли, упущен идеальный момент. Употребляются только экономические термины: эксплуататоры, эксплуатация, и нет терминов, касающихся другого. Для восполнения тов. Мартынов предлагает слово: сознательность. Далее, он ополчается на тов. Ленина за то, что тот приписывает самостоятельной идеологии пролетариата стихийное происхождение. Положение тов. Ленина, что сознательный элемент вносится лишь идеологами, он считает неверным и доказывает, что, наоборот, теории идеологов вырабатываются под влиянием пролетариата, и этим он в сущности пытается доказать, что теории эти стихийного происхождения. А на самом деле факт состоит лишь в том, что теории эти не свалились с неба, а представляют некоторую индукцию из объективного процесса. Я не решаюсь утверждать, насколько верны положения тов. Ленина. Вопрос слишком сложен и слишком мало разработан. Но в общем, думаю, намечен верный путь процесса. Сам тов. Мартынов не выдержал своей точки зрения о самостоятельности пролетариата и заявляет, что, предоставленный самому себе, он, пролетариат, подпадает под влияние буржуазии. Этим он нехотя признал, что пролетариат неспособен без воздействия идеологов подняться над чисто — инстинктивной оппозицией.

Либер. Товарищи! Я полагаю, что задача нашего пункта порядка дня сводится не только к тому, чтобы вносить некоторые изменения в проект программы, но также и к тому, чтобы требовать некоторых разъяснений. Не все мы достаточно компетентны, чтобы разрабатывать программу, но всем нам, конечно, необходимо иметь ясное и одинаковое представление о каждом пункте программы. Вот с просьбой о подобного рода разъяснении я и обращаюсь. В третьем абзаце, на третьей странице сказано, что «социал-демократы разных стран вынуждены себе ставить неодинаковые ближайшие задачи как по тому, что этот (капиталистический) способ (производства) не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке». Возникает вопрос, одинакова ли социально-политическая обстановка во всех частях такой, напр., страны, как Россия, где одна часть ее, именно Польша, развивалась в прошлом совсем особым путем, а потому может ли быть этот пункт общим для программы всей страны? Далее, в том абзаце, где говорится об остатках докапиталистического строя, говорится

о таких пережитках, как остатки крепостного права. Но, например, еврейскому пролетариату, приходится бороться против таких пережитков, как посредничество и т. п. Эти пережитки налагают резкий отпечаток на всю борьбу еврейского пролетариата. Здесь опять возникает вопрос: может ли быть та общая характеристика России, которая дается в этом абзаце, приложена ко всем частям страны? Вот на этот вопрос я и хотел бы получить разъяснение.

Лядов. Я взял слово, чтобы ответить тов. Либру: он просил разъяснить тот пункт программы, который говорит о необходимости особой организации социал-демократов в различных странах. Он полагает, что в соответствии с этим пунктом еврейский пролетариат имеет право на самостоятельную организацию, так как взаимные отношения классов среди евреев совершенно иные, чем в остальной России. Я полагаю, что нельзя согласиться с тов. Либром. Русский политический строй является отражением всего комплекса экономических условий различных частей России. Соотношение классов среди евреев составляет одну из частиц того, что составляет всю классовую физиономию России. Я думаю, что пролетариат, живущий по всей России, одинаково страдает от остатков докапиталистических отношений, защитником которых является одно и то же правительство. Враг у всего пролетариата—общий, поэтому и борьба с ним должна быть общей. Что касается специальной, якобы, борьбы еврейского пролетариата против особого, якобы, вида эксплуатации, то я должен заявить, что буквально тот же вид эксплуатации проявляется всюду, где только имеется домашняя форма промышленности, где имеется кустарный способ производства. Особый вид эксплуатации, который, по словам тов. Либера, является особенностью еврейского пролетариата, буквально в той же форме существует в Московском, Владимирском, Павловском районах.

Вслед за тем, съезд приступает к выбору комиссии для обсуждения программы. В комиссию избраны: Плеханов, Ленин, Аксельрод, Старовер, Юдин, Мартынов и Егоров.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ.

(Присутствует 42 делегата с 51 решающим голосом и 8 лиц с совещательным голосом).

По прочтении и утверждении протокола четвертого заседания съезд продолжает общую дискуссию по вопросу о программе.

Горин: Я не имею никакого намерения заниматься критикой предложенного проекта программы. Последний хорошо формулирует принципы социал-демократии. Но я нахожу в нем некоторые неточности. Желательно, чтобы наша программа отличалась по возможности не только принципиальной выдержанностью, но и редакционными достоинствами, чтобы не дать лишнего оружия в руки досужей критики. В третьем абзаце вместо слов: «на основе капиталистических производственных отношений», я предлагаю читать: «на основе господства капиталистических производственных отношений». Эта редакция будет более подходящей для характеристики современного буржуазного общества, внутри которого сохранилось мелкое производство. В четвертом абзаце после слов: «крупных предприятий», я прибавляю: «и одновременный рост объема общественного капитала, делая каждый раз тесными прежние сферы приложения последнего». Одно только «хозяйственное значение крупных предприятий», само по себе, есть необходимое, но недостаточное условие вытеснения мелких производителей. Последнее имеет место лишь поскольку одновременно рост капитала делает тесными прежние собственные сферы его и гонит его в сферы, занятые мелким производством.

К четвертому абзацу в конце я прибавляю: «помимо прямой к этому тенденции, зависящей от постоянного удешевления средств воспроизводства товара—рабочей силы». Ведь, рост уровня эксплуатации прежде всего зависит от удешевления средств существования рабочих. И только добавочным является влияние в том же направлении, создаваемое падением спроса относительно предложения рабочих рук. С признаваемым в этом абзаце законом падения спроса относительно предложения рабочих рук я согласен, поскольку здесь предполагается рост резервной армии рабочих над регулярной и поскольку этот последний рост ставится в зависимость от того, что рекрутируется вся армия рабочих в момент абсолютного производства, т. е. предельного напряжения производительных сил общества, а потом отпускается часть в резерв в момент когда производство ставится в нормы, определяемые общественным потреблением.—Дальнейшие редакционные поправки я имею в виду внести в специальную комиссию.

Мартынов. Мне возражали товарищи Мартов и Горин. Товарищ Мартов защищает положения, которые я подвергал критике, товарищ Горин критиковал те положения, которые я развивал. Начну я с возражений тов. Мартова. Прежде всего он утверждает, что я произвольно истолковал цитируемое место программы в смысле тезиса, выставленного тов. Лениным в брошюре «Что делать». Он говорит, что цитируемое мною возражение следует понимать в широком смысле классовой борьбы пролетариата, а не в смысле одной лишь профессиональной борьбы, тем более, что в программе даже всей трудящейся массе приписывается недовольство существующим порядком. На это я отвечаю. Во-первых, недовольство мелкой буржуазии существующим порядком не может иметь ничего общего с классовым сознанием пролетариата. Во-вторых, в пользу моего толкования говорит не только процитированное мною место, но и некоторые другие места программы, на которых я сейчас останавливаться не буду. Затем тов. Мартов пытается защитить тезис тов. Ленина. Он пытается использовать цитированное место из «18-го Брюмера» в духе тов. Ленина. При этом, он доказывает на основании слов Маркса, что идеологи одного класса могут по своему общественному положению принадлежать другому классу. Против этого я, конечно, и не думал спорить. И почему же тов. Мартов не объяснил нам, как с точки зрения тов. Ленина можно согласиться со второю частью цитируемой фразы Маркса: «общественный класс приходит практически к тому, к чему его идеологи» и т. д.?

Затем тов. Мартов говорит, что у тов. Ленина вопрос рассматривается не в той плоскости, как в программе: в последнем случае речь идет о тенденции рабочего класса, в первом, о внутреннем процессе выработки этой тенденции. Признать, что рабочий класс имеет неизбежную тенденцию к социализму, не значит еще отвергнуть, что эта тенденция осуществляется путем воздействия интеллигенции на рабочую массу. Я согласен с этим. Но я утверждаю, что тов. Ленин, именно, ложно изображает процесс выработки тенденции рабочего класса к социализму. Чтобы отстоять теорию тов. Ленина, тов. Мартов ее предварительно подправляет. Он говорит: в массе пролетариата имеются противодействующие тенденции — к социализму и буржуазности, — и вот дескать, интеллигенция совершает искусственный подбор в этих тенденциях. Я утверждаю, что и в этом исправленном виде теория товарища Ленина ложная. Тенденции к буржуазной идеологии рабочее движение вообще не имеет. Оно постольку носит буржуазный отпечаток, поскольку оно еще не освободилось от влияния буржуазной атмосферы, в которой оно выросло и в которой оно развивается. Тов. Ленин же утверждает, что стихийное рабочее движение не то, что исходит, а идет к подчинению буржуазной идеологии, а это безусловно неверно.

Плеханов. Я хочу обратить ваше внимание вообще и тов. Мартынова в частности, что он перевел спор на ту почву, на которой спорить неудобно, на которой спор становится не производительной тратой сил. Замечание, сделанное им против программы, имеет в виду одну фразу в одном из произведений одного из редакторов проекта программы. Предположим даже, что эта фраза была неудачна. То и тогда, следовательно, это доказывало бы, что все остальные наши идеи превосходны. Прием

тов. Мартынова напоминает мне одного цензора, который говорил: дайте мне «Отче ваш» и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу—и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить. Но все упреки, направленные против этой злополучной фразы, и не одним товарищем Мартыновым, а многими и многими другими, основаны на недоразумении. Тов. Мартынов приводит слова Энгельса: «Современный социализм есть теоретическое выражение современного рабочего движения». Тов. Ленин также согласен с Энгельсом, а если бы он не был согласен с ним, то его, действительно, следовало бы повесить. Но ведь слова Энгельса—общее положение. Вопрос в том, кто же формулирует впервые это теоретическое выражение. Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что либо рабочим, именно потому, что она—«революционная бацилла», т. е. что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу» то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне. Если бы вы хотели быть справедливы к Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то увидели бы, что он именно это и говорит. Так, говоря о профессиональной борьбе, он развивает ту же самую мысль, что широкое социалистическое сознание может быть внесено только из-за пределов непосредственной борьбы за улучшение условий продажи рабочей силы.

Акимов. Я внесу в комиссию поправки к проекту программы, а теперь хочу изложить те общие соображения, которыми я руководствуюсь, внося каждую из них.

Я вполне согласен с тов. Мартыновым, что в том пункте проекта, о котором он говорил, целиком отразились своеобразные взгляды тов. Ленина на антисоциалистичность пролетарской идеологии, как таковой, и вытекающие из них выводы.

Мне кажется ошибочным мнение тов. Плеханова, что ссылка на книжку Ленина неосновательна; невозможно, говорит он, критиковать программу по поводу одной фразы в одной книге одного из составителей проекта. Фраза тов. Ленина, которую критиковал тов. Мартынов, является не отдельной фразой, но выражает основную мысль книжки «Что делать», и эта мысль, как мне кажется, нашла себе выражение в проекте программы. Эта мысль совершенно не совпадает с тем, что писал Плеханов в своих комментариях. И я убежден, что Плеханов не согласен с Лениным (смех). И я думаю, что тов. Ленин сам не откажется подтвердить, что это его мнение, а не отдельное место, не случайная фраза. Вот, напр., еще одна выдержка из брошюры «Что делать». Обратите внимание на слова, что теория научного социализма выросла «совершенно независимо от рабочего движения». Да, конечно, не стачечники выработали теорию научного социализма (Смех).

Я не согласен с тов. Мартыновым, что нужна только одна или две поправки в указанном им абзаце проекта. Мне кажется, что ошибочная мысль очень последовательно и цельно проведена во всей принципиальной части проекта, от первого его слова до последнего. Исторические условия, при которых возникла эта программа, наложили на нее резкую печать. Это был период сильного подъема политического радикализма во всех слоях рус-

ского общества. Это выразилось в том, что специфически пролетарские формы борьбы были отодвинуты на второй план, роль других слоев угнетенного населения в вашей партии была преувеличена, и самые методы борьбы выдвигали действующим лицом не класс, а организацию его, партию, у которой от этого сгладились, затушевались ее классовые черты и массовый характер ее деятельности.

В общей дискуссии я не могу указывать все поправки, которые я намерен внести, укажу только несколько, чтобы комментировать то, что я сказал.

Проект говорит о том, идет или не идет абсолютное ухудшение положения рабочего класса с развитием капитализма. Этот вопрос связан с вопросом о методах деятельности партии. В западно-европейской литературе указывалось, что «теория обнищания» противоречит существующим приемам агитации. Наша программа должна ответить на этот вопрос совершенно определенно и тем дать руководящее начало для партии в ее руководстве политической и экономической борьбой пролетариата. В проекте же этот вопрос разрешен уклончиво и, в конце концов, в том смысле, по которому борьба за улучшение положения пролетариата становится для партии посторонним делом и интересует ее лишь как конъюнктура, в которой она действует. Таким образом, в этом пункте программы проявилась тенденция обособить нашу партию и ее интересы от пролетариата и его интересов²⁰).

Еще ярче это проявилось в абзаце о задачах партии. Там понятия — партия и пролетариат совершенно обособлены и противопоставлены, первая, как активно действующее коллективное лицо, второй, как пассивная среда, на которую воздействует партия, поэтому в предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата, как дополнение (Смех).

Точно так же абзац о завоевании политической власти получил по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами такую редакцию, что может быть истолкован, и действительно толковался Плехановым, в том смысле, в котором роль руководящей организации должна будет отодвинуть вазадруководимый ею класс и обособить первую от второго²¹). И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной Воли».

Зато пункт о непролетарских слоях населения, если бы он был проведен в жизнь, сделал бы нашу партию не пролетарской, а партией всех угнетенных и эксплуатируемых слоев, т. е. партией, которая и не революционна, и не социалистична.

Поэтому все мои поправки будут иметь целью изменить самый дух программы. Многие из них в отдельности представляются мелочными, но в сумме, если бы они были приняты, внесли бы существенные перемены.

Мартов. Совершенно непонятно, где в нашем проекте Акимов мог усмотреть тенденцию к умалению значения рабочего движения. Не этот ли проект, напротив, упрекали в том, что он в своей теоретической части слишком мало говорит о частных задачах данного политического момента в России и, главным образом, трактует об общих задачах мирового дви-

жения пролетариата. Странная идея усматривать в положении о других слоях трудящихся приближение к соц.-рев. Последние, напротив, говорили, что этот пункт они бы привяли, если бы вместо «точки зрения пролетариата» стояло: «точка зрения социализма». Классовый характер партии здесь выражен достаточно ясно. Слова «рабочего класса» здесь поставлены для того лишь, чтоб избежать повторения в одной фразе дважды слова «пролетариата». Не знаю, что имеет в виду Акимов, когда говорит, что в программе получило свое выражение пренебрежительное отношение к экономической борьбе рабочих. И хочет ли он, чтобы вместо борьбы за общую экономическую цель всего рабочего движения—социальную революцию, мы говорили о частных задачах разных групп пролетариата? Место о, так называемой, «теории обнищания» указывает, в каких пределах при капиталистическом строе мыслимо улучшение положения рабочего класса, она показывает, что задача этой борьбы за непосредственное материальное улучшение есть противодействие деградирующим тенденциям капиталистического развития, а часть программы, перечисляющая фабричные реформы, служит лучшим ответом на упрек в игнорировании борьбы за непосредственное улучшение.

Где усмотрел Акимов наше излишнее упование на другие общественные движения? О них говорится лишь в конце проекта, где сказано, что мы будем поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против царизма. Разве против этого выступает тов. Акимов? Что же касается до его мнения, что «Искра» теперь отказалась от задачи агитации среди всех слоев населения, то он ошибается: мы, напротив, надеемся, что, именно, с восстановлением партии, мы сможем расширить сферу своего воздействия, и я не теряю надежды, что в будущем именно тов. Акимов будет отряжен партией вести пропаганду среди пресловутых «предводителей дворянства», которые некогда были поставлены «Искре» в особую вину.

Карский. Для меня является совершенно непонятным, каким образом только один пролетариат, рабочий класс в своей повседневной борьбе, в борьбе за свои ближайшие интересы мог доработаться до создания стройной философской системы—научного социализма, охватывающего всю философию социального развития?! Для меня является совершенно непонятным, каким образом та часть общества, поле зрения которой ограничено и замкнуто в известных рамках, не охватывающих все разнообразие общественных явлений, в состоянии выполнить такую задачу? В таком положении находится рабочая масса, которая своими силами, на основании знакомства только с собственным положением не может создать теорию научного социализма. Она могла быть создана на известной стадии развития капитализма гением, изучившим и уяснившим себе законы этого развития. Этот переворот в социальной философии мог совершить только тот, который стал за точку зрения пролетариата и в то же время имел возможность построить свое здание на изучении условий современного капитализма исторически. В этом смысле, конечно, теория социализма принесена в рабочий класс извне. И странно слышать против этой точки зрения возражение. Но мне кажется, что на несогласных с нами оказывает влияние известное представление о «стихийности» и о «стадиях». Конечно, кто защищает «сти-

хийность», тот тем самым защищает стихийную выработку теории социализма и наоборот.

В связи с вышеуказанным вопросом безусловно находится другой вопрос, о противопоставлении партии рабочему классу. Тов. Акимов полагает, что партия не должна быть поставлена выше рабочего класса. Такая постановка вопроса мне кажется и неправильной, и неуместной. Из среды рабочего класса выделяется борющаяся, сознательная сила — партия, которая является носителем и проводником социалистических идеалов, и, как таковая, партия не может не стоять выше «рабочего класса» постольку, поскольку сознательная часть является руководителем бессознательной и малосознательной.

Третьим чрезвычайно важным пунктом я считаю возражение тов. Акимова по поводу «теории обвиняния». Эта теория в нашем социалистическом мирозерпании должна занимать центральное место.

Мартынов. Тов. Карский сказал, что мой взгляд на отношение рабочего класса к социалистической идеологии сводится к тому, что рабочий класс сам дорабатывается до теории научного социализма. Я ничего подобного не говорил. Я только указывал, что разные слои пролетариата вырабатывали самостоятельно формы экономической и политической классовой борьбы и преобразовали идеи буржуазного социализма в коммунистические. Роль же идеологов заключалась в том, что они синтезировали эти элементы классовой борьбы — теоретически обосновали эту борьбу. Эта работа была совершена, понятно, не рабочими, а Марксом и Энгельсом и заключалась она в преобразовании прошлых философских и научных теорий в теорию научного социализма. Но и эту теоретическую работу Маркс и Энгельс могли выполнить лишь после того, как они порвали с радикализмом и стали на точку зрения пролетариата, т. е. применили к его движению.

До этого пункта мы сходимся во взглядах с тов. Акимовым. Но выводы мы делаем из них различные. Я не отрицаю ни теории обвиняния, ни диктатуры пролетариата. Это я считаю необходимым подчеркнуть. Затем, тов. Акимов, ссылаясь на меня, указал, что период, наступивший после эпохи экономизма, обладал крупным недостатком — политическим радикализмом. В освещении этого момента мы не совсем сходимся. Движение, по моему мнению, сделало шаг вперед в этот момент и именно потому, что оно вылилось в политическую форму. Но при этом в движении обнаружили и крупные пробелы. Политическая агитация на практике мало связывалась с социализмом слишком подчеркивалось то, что объединяет латин политические интересы с интересами буржуазной оппозиции, слишком мало подчеркивалось, что их разделяет.

Панге. вносит предложение голосовать программу en bloc и для окончательной редакции передать ее в комиссию.

Троцкий. предлагает закрыть список ораторов.

Акимов. высказывается категорически против вотирования en bloc. Программа в таком случае потеряла бы все ее важное значение. Вероятно, у каждого из делегатов найдется какой-нибудь пункт, в котором он не согласен с проектом программы. Вотируя за всю программу, он будет считать этот пункт необязательным для себя.

Мартов находит возможным вотировать программу en bloc после того, как в нее будут внесены поправки и она будет провотирована по отдельным пунктам.

Акимов против закрытия списка ораторов по такому важному вопросу, как программа.

Мартов не видит неудобства в закрытии списка ораторов: по возвращении программы из комиссии вновь начнутся дискуссии по отдельным пунктам.

Мартынов требует, чтобы ему было предоставлено как, докладчику, последнее слово.

Мартов. Реферат тов. Мартынова касается только одной поправки, и теперь при общей дискуссии его заключения не имеют значения. Гораздо удобнее предоставить докладчику последнее слово по окончании прений.

Мартынов. Последнее слово не зависит от содержания реферата, и регламент съезда никаких ограничений в этом отношении не делает.

Брукер против закрытия списка ораторов. В списке ораторов значатся Ленин и Плеханов. Им, вероятно, захотят возразить.

Троцкий. Я не имел в виду совершенного закрытия дебатов. После возвращения программы из комиссии дебаты возобновятся, но будут носить более планомерный характер.

Предложение Троцкого принято. Предложение тов. Ланге отвергнуто.

Плеханов. Воззрения тов. Акимова на теорию обнищания логически и неизбежно должны привести к оппортунизму. По мнению тов. Акимова, если я его правильно понял (Акимов: вот именно, вы меня не поняли), положение рабочего класса в буржуазном обществе не только не ухудшается абсолютно, но не ухудшается и относительно. Тов. Акимов полагает, что уже в современном обществе возможно улучшение материального положения пролетариата в его целом и что эти постепенные улучшения в материальных условиях существования рабочего класса могут привести к социализму.

Из этих заявлений тов. Акимова логически вытекает отрицание «увеличения зависимости наемного труда от капитала», отрицание «повышения уровня эксплуатации»; из заявлений тов. Акимова логически вытекает отрицание роста общественного неравенства, небезопасности существования, роста безработицы и пр. В самом деле, если современный капитализм, существование института частной собственности не ведут к относительному и даже к абсолютному ухудшению положения трудящихся масс, если они не ведут с одной стороны к концентрации капиталов в немногих руках и, с другой — пролетаризации масс все в более и более широких размерах, если это так, то спрашивается, почему должен расти дух недовольства, революционное настроение среди рабочего класса, почему должен развиваться антагонизм среди классов, почему должны обостряться классовые противоречия? Отрицание теории обнищания равносильно молчаливому признанию теории оппортунизма. Буржуазные экономисты в духе Бастиа, напр., Гиффен или Леруа-Болье в их учении в борьбе против революционного социализма прежде всего доказывают то самое, что доказывает нам тов. Акимов, т. е. отрицают теорию обнищания и уверяют нас в прогрессивном улучшении положения трудящегося класса в проч. Буржуазные писатели правильно поняли, какое значение имеет эта

теория. С другой стороны, отрицание этой теории привело Бернштейна и его сторонников к бернштейнианизму и жоресизму, т. е. к оппортунизму. В самом деле, если положение рабочего класса постепенно улучшается, если это улучшение и теперь достижимо для все более и более широких масс, то естественно, что социалисты-реформисты имеют все шансы и все права явиться истинными выразителями и защитниками интересов пролетариата, а революционной социал-демократии остается только стать под знамя оппортунизма. Но нет, тов. Акимов, мы туда не пойдем; нас зовет беспрерывно совершающееся и относительное, и абсолютное ухудшение положения все более и более широких масс пролетариата под знамя революционной социал-демократии. Мы и стоим, и останемся под этим знаменем.

Горин. Собственно экономизм исчез. Но осталось направление, которое можно назвать федеративным отношением к экономизму. Это направление неспособно понять нашу точку зрения. Делавшееся заявление, что русский социал-демократизм возник независимо от рабочего движения, они поняли, как наше утверждение в абсолютном, метафизическом смысле, и делают нам соответственный упрек. Наше утверждение касалось факта, не выражая никакой социальной философии—исторической точки зрения. Мы просто утверждали, что русский социал-демократизм был вначале лишь импортированным учением и предшествовал рабочему движению в России. Но он русский социал-демократизм, не свалился с неба. Возникши, как народолюбивое учение рядом с другими русскими революционными учениями, он принял социал-демократическую форму под давлением западно-европейского рабочего движения и западно-европейского научного социализма, и только впоследствии русский социал-демократизм связал себя и практически с русским рабочим движением.

Важно отмежеваться от вульгарной формы материализма, понимающего зависимость идеологии революционеров от внешней обстановки в смысле зависимости ее от самопроизвольной идеологии пролетариата. Если иметь в виду не вульгарных революционеров, то их идеология вырабатывается по другим нормам. Объяснимся. Средний человек может быть приравнен к близорукому, который видит лишь узкий круг около себя и об остальном пространстве судит по аналогии от своего пункта. Человек, по уму исключительный, дальновзорок, и видит все в пространстве более или менее одинаково. Вот почему гениальные люди способны отрешиться от идеологии своего класса и стать на общечеловеческую точку зрения, находясь лишь под давлением объективных фактов и состояния науки. Истинные идеологи пролетариата занимают среднее положение между исключительными людьми и человеком массы. Они в значительной степени объективны, но окончательно вырабатывают пролетарскую идеологию, поскольку они, до известной степени, приближаются экономически к пролетариату. Пролетариат en masse не способен к этому. Как же обстояло бы дело, если бы пролетариат был предоставлен самому себе? Дело было бы аналогично тому, что имело место накануне буржуазной революции. Никакой научной идеологии не было у буржуазных революционеров. И тем не менее буржуазный строй возник. Пролетариат без идеологов, конечно, в конце концов работал бы в сторону социальной революции, но инстинктивно. Крупные хозяйства растут. В борьбе с кризисами буржуазия в каждой отрасли сливается в один

синдикат с монопольными ценами на производимые ими товары. Синдикатам приходится вступать в соглашение относительно норм обмена. Исчезает обмен и товарные отношения между капиталистами. С другой стороны, синдикат капиталистов противостоит синдикату всех рабочих. Приходится раз навсегда установить отношение рабочей платы к прибавочной стоимости. Исчезает товарный характер рабочей силы. Понятно, что синдикат капиталистов может быть заменен синдикатом рабочих. Пролетариат и инстинктивно практиковал бы социализм, но у него не было бы социалистической теории. Процесс был бы лишь медленный и более мучительный, чем при содействии революционных идеологов, ставящих определенные цели, проводящих, куда мы идем.

Либер. Я тоже не согласен с разбираемой здесь идеей, высказываемой тов. Лениным. Я полагаю, что в ряду объективных причин, под влиянием которых складывается идеология социал-демократической интеллигенции, выходцев из буржуазии, тов. Ленин недостаточно оценивает влияние пролетарской психологии. Но так как я не могу проследить в предложенном нам проекте влияние этой мысли тов. Ленина, то и на ней подробнее и не останавливаюсь.

Перехожу к разбору двух мест в предложенном нам проекте, в которых, как мне кажется, недостаточно резко проведена демаркационная линия между нашей точкой зрения на пролетариат и точкой зрения «социалистов-революционеров». В одном месте говорится, что социал-демократия должна разоблачать перед пролетариатом «противоположность интересов» эксплуататоров и интересов эксплуатируемых». В капиталистическом строе эксплуатируется не только пролетариат; что же отличает пролетариат от других эксплуатируемых слоев,—это специфический характер той эксплуатации, которой он подвергается. Далее, в конце этого же абзаца говорится: «Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата». Мне кажется, что этот тезис может вызвать недоумение. В самом деле, могут ли непролетарские слои населения, как целые слои, переходить на точку зрения пролетариата? Мне кажется, что никогда. Конечно, в борьбе за свою минимальную программу социал-демократия сможет привлекать на свою сторону симпатии и других слоев населения, которые в ней видят наиболее решительную сторонницу демократии, но за максимальную программу, за социализм может бороться и будет бороться только пролетариат и лишь отдельные лица из других слоев могут решительно переходить на точку зрения пролетариата.

Ленин. Прежде всего, я должен отметить чрезвычайно характерное смещение тов. Либером проводителя дворянства с слоем трудящихся и эксплуатируемых. Это смещение знаменательно для всех дебатов. Везде смешивают отдельные эпизоды нашей полемики с установлением принципиальных базисов. Нельзя отрицать, как это делает тов. Либер, что возможен переход и слоя (того или иного) трудящегося и эксплуатируемого населения на сторону пролетариата. Вспомните, что в 1852 г. Маркс, имея в виду восстания французских крестьян, писал (в «18 Брюмера»), что крестьянство выступит то представителем прошедшего, то представи-

телем будущего: к крестьянину можно апеллировать, имея в виду не только его предрассудок, но и его рассудок. Припомним дальше, что Маркс признавал совершенно правильным утверждение коммунаров, что дело коммуны есть также дело крестьянства. Повторяю, нельзя сомневаться в том, что, при известных условиях, переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата отнюдь не невозможен. Все дело в том, чтобы точно определить эти условия. И в словах «переходят на точку зрения пролетариата» условие, о котором идет речь, выражено с полной точностью. Именно эти слова отграничивают нас, социал-демократов, самым решительным образом от всяких, якобы социалистических, течений вообще и от так называемых социалистов-революционеров в особенности.

Перехожу к тому спорному месту из моей брошюры «Что делать?», которое вызвало здесь столько толкований. Кажется, после всех этих толкований, вопрос выяснился уже настолько, что мне остается добавить немного. Очевидно, что здесь смешивалась принципиальная установка крупного теоретического вопроса—(выработка идеологии) с одним эпизодом борьбы против экономизма. И притом эпизод этот передавался совершенно неверно.

В доказательство этого последнего положения, я могу сослаться прежде всего на говоривших здесь товарищей Акимов и Мартынова. Они показали наглядно, что именно об эпизоде борьбы с экономизмом идет здесь речь. Они выступили с воззрениями, которые были уже названы (и справедливо названы) оппортунизмом. Они дошли и до «опровержения» теории обывашизма и до «оспаривания» диктатуры пролетариата и даже до «Erfüllungstheorie», как выразилась тов. Акимов. Правда, я не знаю, что это значит. Не хотел ли тов. Акимов сказать об «Aushöhlungs-theorie», «о теории опорожнения» капитализма, т. е. об одной из самых популярных ходячих идей бернштейнианской теории. Тов. Акимов в защите старых базисов экономизма выступил даже с таким, невероятно оригинальным, доводом, что у нас в программе слово пролетариат не стоит ни разу в именительном падеже. Самое большее—воскликнул тов. Акимов—что пролетариат стоит у них в родительном падеже. Итак, оказывается, что именительный падеж самый почетный, а родительный стоит на втором месте по почетности. Остается только передать это соображение—может быть, через посредство особой комиссии—тов. Рязанову, чтоб он свой первый ученый труд в буквах дополнил вторым научным трактатом о падежах.

Что же касается до прямых ссылок на мою брошюру «Что делать?», то мне очень нетрудно доказать их вырванность из связи. Говорят: Ленин ни о каких противоборствующих тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда «идет» к подчинению буржуазной идеологии. В самом деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение влечется к буржуазности при благосклонном содействии Шульце-Делячей и им подобных? И кто разумеется здесь под «подобными»? Никто иной как экономисты, никто иной, как люди, говорившие, например, тогда, что буржуазная демократия в России есть фактом. Теперь легко так дешево говорить о буржуазном радикализме и либерализме, когда образцы их все видят перед собой. Но то ли было прежде?

Левин не принимает вовсе во внимание, что рабочие участвуют в выработке идеологии. В самом деле? А не говорится ли у меня много и много раз, что именно величайшим недостатком нашего движения является недостаток вполне сознательных рабочих, рабочих-руководителей, рабочих-революционеров? Не говорится ли там, что выработка таких рабочих-революционеров должна стать нашей очередной задачей? Не указывается ли там на важность развития профессионального движения и создания специальной профессиональной литературы? Не ведется ли там отчаянная борьба против всяких попыток принизить уровень передовых рабочих до уровня массы или до уровня середняков?

Заключу. Все мы знаем теперь, что экономисты согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал. Я уверен, что русская социал-демократия всегда будет с энергией выпрямлять палку, изгибаемую всяческим оппортунизмом, и что наша палка будет всегда поэтому наиболее прямой и наиболее годной к действию.

Троицкий. Наиболее принципиальные соображения по поводу проекта программы «Искры» и «Зари» были здесь высказаны тов. Мартыновым и Акимовым. Но относительно первого уже указывали на полное несоответствие его общего размаха и его конечных выводов; говоря словами Щедрина, он обещал большие кровопролития, а вместо того чирика с'ел. Размах тов. Акимова был тоже очень широк, но, к сожалению, совершенно не связан с проектом программы. Только в одном пункте тов. Акимов вполне ясно и принципиально противопоставляет себя разбираемому проекту,—это в пункте о диктатуре пролетариата. Ошибка проекта в том, что он незаконно переносит центр тяжести с повседневной борьбы на революционную диктатуру, с класса на партию... Что это значит? Разбираемый проект заключает в себе минимальную программу, не меньшую—по сумме реформ—минимальных программ других социал-демократических партий. Но революционная социал-демократия, борясь за реформы, совершает свою основную реформу—реформу в головах пролетариата, подготовляемого к революционной диктатуре. Мы не можем достаточно энергично подчеркивать момент пролетарской диктатуры,—ибо самые реформы, представляющие не свободное политическое творчество пролетариата, а уступки господствующим классам в его пользу, делаются лишь под угрозой социальной революции. Тов. Акимов делал попытки сближения разбираемого проекта с программой позиции социалистов революционеров. Его упрек можно возвратить ему сторицей. Именно социалисты-революционеры «переносят центр тяжести» с социальной революции, которую они объявляют «фантастическим прыжком», на ежедневную борьбу, которая фигурирует у них, как «плановое восхождение» в царство социализма. Я мог бы привести для сведения тов. Акимова соответствующие цитаты. Его пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс—противопоставление которых его так смущает—будут наиболее близки к отождествлению. Диктатура пролетариата будет не конспираторским «захватом власти», а политическим господством организованного рабочего класса, составляющего большинство

наций. Отрицая диктатуру, тов. Акимов впадает в обычный социал-реформизм ²²⁾).

Плеханов: Тов. Либер спрашивает, может ли какой-нибудь общественный слой целиком перейти на сторону пролетариата. Это как бы возражение против того, что сказано в нашей программе. Но она не затрагивает этого вопроса; она говорит условно: мы, партия пролетариата, приглашаем в свои ряды все другие слои трудящегося населения, *поскольку* они переходят на нашу точку зрения. Тов. Либер думает, что тут мы выражаемся недостаточно точно. Но так говорит и Манифест Коммунистической Партии: все другие слои становятся революционными лишь постольку, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. Тов. Либер захотел быть ортодоксальнее самого Маркса. С отдельными людьми это бывает, но целой партии в этом нет ни малейшей надобности. Мы выразились достаточно точно, чтобы отмежевать свой взгляд, например, от взгляда социалстов-революционеров. Эти последние хотят привлечь к себе крестьян, не переводя их на точку зрения пролетариата; мы же говорим, что крестьянство может идти с нами только в том случае, если оно покидает свою крестьянскую точку зрения. Это составляет главную черту, отличающую нас от социалстов-революционеров. — Что касается тов. Акимова, то я замечу вот что. Он утверждает, что весь наш проект пронитан духом столько раз цитированной здесь фразы Ленина. Но говорить так может только тот, кто не понял ни этой фразы Ленина, ни нашего проекта. В самом деле, какая мысль лежит в основе нашей программы? В ее основе лежит коренная мысль исторической теории Маркса, — та мысль, что развитие производительных сил определяет собою развитие производственных отношений, которые в свою очередь определяют собою все развитие общества. При чем тут фраза Ленина? Вообще тов. Акимов удивил меня своею речью. У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь что и он не намерен разводиться со мною. (Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой). ²³⁾ Перехожу, наконец, к тов. Мартынову. Он говорит: социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая сюда и сознательную его часть, т. е., поясняет он, всех тех, которые перешли на его сторону. Если тов. Мартынов хочет сказать это, то я не вижу основания разводиться не только с Лениным, но и с ним. При такой формулировке пролетариат охватывает и знаменитую бациллу — а тогда не о чем и спорить. Тогда остается обратиться к тов. Акимову, чтобы он окончательно выяснил нам, в каком надежде следует говорить о пролетариате вообще и о бацилле в частности.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ.

(Присутствует 43 *) делегата с 51 решающим голосом и восемь совещательными голосами).

Лениным и Троцким вносится предложение о сдаче в комиссию всей программы (не только общей части). Тов. Брукер предлагает до комиссии открыть генеральные дебаты по остальной части программы. Предложение о сдаче в комиссию принимается 24 голосами.

Дейч объявляет о прибытии польских товарищей.

Председатель Илеханов. Товарищи! На наш съезд прибыли два делегата от Соц.-дем. Партии Польши и Литвы. Горячо приветствуя их появление здесь, я даю слово одному из них, тов. Варшавскому.

Варшавский. Товарищи! Вы пригласили нас на ваш съезд, и мы привезли Вам от польских товарищей братский привет и пожелания успешной и плодотворной работы на пользу общего дела. Так как наш партийный съезд, который на днях закончил свои заседания, не имел еще официального известия о Вашем съезде, ни приглашения выслать делегатов на Ваш съезд, то он, конечно, не мог принимать определенных решений по отношению к задачам нынешнего съезда, а только формулировал в общей форме отношение Польской Соц.-дем. к будущей, объединенной Всероссийской Соц.-дем. Партии.

В этом духе съезд наш назначил моего товарища и меня представителями нашей организации для ведения переговоров, будь то на общероссийском съезде, будь то при других обстоятельствах. Ваше приглашение поспело поэтому как раз кстати.

Я сейчас прочту Вам упомянутое решение, принятое нашим съездом. Нужно отметить, что решение это не есть продукт данной минуты. Напротив того, оно представляет вывод из той принципиальной позиции, которую Польская Соц.-демократия заняла от самого начала своего существования.

Уже наш первый партийный съезд, имевший место в Варшаве в марте 1894 г., принял по вопросу об отношении к русскому рабочему движению резолюцию, признающую необходимость общей и солидарной классовой борьбы польского и русского пролетариата. В этот момент, когда мы при-

*) Начиная с настоящего заседания, на съезде присутствует третий делегат Бунда, так что Бунд имеет трех делегатов с тремя мандатами, кроме двух представителей от его Заграничного Комитета.

символи эту резолюцию, не было еще массового рабочего движения в России, и русская социал-демократия находилась лишь в зачатке.

Наши политические противники, польские националисты, объявляли нас тогда утопистами, фантазерами, а пролетарское революционное движение в России несбыточной мечтой.

Целые годы пришлось нам отстаивать идею объединения всего рабочего класса России без различия национальности, учитывая вперед результаты общественного развития в России, на которое мы твердо рассчитывали, как «ортодоксальные» марксисты.

Считаю нужным здесь отметить, что наше отношение к русскому социал-демократическому движению вытекает не только из того механического взгляда, в силу которого борьба против общего врага самодержавия требует объединения всех революционных сил в России, но также из нашего взгляда на весь процесс социального развития, который сплачивает все более капиталистическую Польшу и капиталистическую Россию в один экономический организм, создавая таким образом историческую почву для слияния польского и русского пролетариата в общей классовой борьбе под знаменем одной и единой социал-демократии.

Поэтому, отношение к русскому рабочему движению есть для нас обратная сторона отношения к польск. национализму, который, наоборот, стремится отделить польский пролетариат от русского и организовать его на почве утопических национальных стремлений. В этом смысле мы придаем объединению с Социал-демократической Партией России большое значение, видя в нем реализацию наших основных взглядов, которые мы защищали в течение десяти лет и поэтому то для нас прежде всего важен самый факт объединения. Формы этого объединения, как они ни важны, с практической точки зрения, уходят в виду этого факта на второй план.

В этом именно духе съезд наш принял следующую резолюцию:

Согласно резолюциям первого съезда 1894 г., а также третьего 1901 г. Соц.-демократии Царства Польского и Литвы, высказавшим необходимость общей и солидарной политической борьбы рука об руку с пролетариатом всего русского государства против царизма, четвертый съезд С. Д. Ц. П. и Литвы решает: желательна одна общая Соц.-Дем. организация на все российское государство. Эта главная задача настоящего момента имеет основное значение, в виду чего форма организации — вопрос второстепенный, решение которого зависит от положения и нужд не только движения в Польше и Литве, но и в России, а потому с успехом может быть проведена только путем соглашения социал-демократии всего государства. Ввиду этого четвертый съезд С. Д. Цар. Польск. и Литвы вопрос о формах организации оставляет открытым.

В интересах социал-демократического движения в Польше желательно:

1. Совершенная самостоятельность Польской Соц.-Демократии во всех делах внутренних, касающихся агитации и организации в Царстве Польском и на Литве, собственные съезды, комитеты и литература.

2. Чтобы общая Соц.-Дем. Партия приняла официальное название: Социал-демократическая Рабочая Партия России, при чем Польская Соц.-Дем. сохраняет, как подзаголовок, свое теперешнее

название Социал-демократия Царства Польского и Литвы.

3. Другие польские социалистич. организации могут входить в состав общей для всего государства Партии только путем присоединения к Социал-демократии Царства Польского и Литвы.

4. Чтобы в состав редакции Центрального Органа вошел член польской организации, который совместно с остальными членами редакции руководил бы центральным органом в вопросах, касающихся польских дел партийных и общественных.

5. Замена формулировки § 7 программы Российской Партии точной формулировкой, исключающей интерпретацию в националистическом духе.

6. Требование автономии для польск. и литовск. провинций.

7. Принятие резолюции высказывающей отношение Рос. Соц.-Дем. к польскому социал-патриотизму в духе С. Д. Ц. П. и Литвы.

Прочитанная мною резолюция формулирует в главных пунктах желание нашего съезда и мы надеемся, товарищи, что вы призваете их справедливость и целесообразность. Но некоторые из этих пунктов отмечены нашим съездом, как обязательные для нас при всех условиях, как необходимое условие нашего присоединения к общей Социал-демократической Рабочей Партии.

Эти пункты следующие: первый, подчеркнутая часть второго и пункт третий.

Товарищи! Вы пригласили нас с правом совещательного голоса вплоть до заявления нами решений, принятых нашим съездом по отношению к вашей, уже объединенной первым съездом, партии. Мы считаем это решение вполне понятным, но находим уместным заявить со своей стороны, что мы не сможем считать решений настоящего съезда для нас до тех пор обязательными, пока не узнаем вашего ответа на упомянутые основные три условия нашего объединения.

В заключение прибавляю, что при данном положении нашего движения в Польше, мы придаем, особое значение соединению с Социал-демократической Партией России в виду его морального значения. Если бы в ближайшем будущем наша практическая совместная работа даже ограничивалась поневоле единичными моментами, то зато самый факт политического единства польского и русского пролетариата является фактом историческим и в то же время достойным ответом на целое столетие притеснения польского народа официальной самодержавной Россией.

До сих пор над Польшей веяло только трехцветное знамя русского абсолютизма, как символ порабощения. С момента нашего объединения, над Польшей будет веять красное знамя общероссийской социал-демократии, как залог грядущего освобождения. В надежде, что настоящий съезд осуществит этот нами давно ожидаемый момент, мы приносим вам еще раз пожелания успеха, пожелания, чтобы нынешний съезд стал предвестником смерти нашего общего ближайшего врага—самодержавия.

Председатель (Плеханов). Договор, проект которого предложен нам нашими товарищами, социал-демократами Польши и Литвы, должен быть рассматриваем, как первый шаг к нашему взаимному сближению. Что же касается до его оснований, то они будут рассматриваемы, когда мы пе-

рейдем к обсуждению проекта устава Польши. Тогда же мы дадим нашим польским товарищам и точный ответ на их предложения. Теперь же мы просим их остаться на нашем съезде с совещательным голосом. Предлагаю съезду выбрать комиссию для рассмотрения предлагаемого польскими товарищами договора.

Горбман находит, что председатель не имеет права самочинно решать вопроса о комиссии.

Председатель заявляет, что это только предложение, а не решение.

Либер находит, что без предварительных дебатов нельзя вопрос этот дать в комиссию, ибо вопрос этот коренной.

Егоров спрашивает, что должна делать комиссия.

Председатель. Комиссия должна рассмотреть вопрос о договоре.

Ленин отвергает обвинение председателя в незаконном действии. Никто, как я слышал, не предлагал, заменить решение съезда решением комиссии. Никто не имел в виду скрывать что-либо. Комиссия избирается для того, чтобы выслушать польских товарищей, обсудить предложенный ими договор и представить на утверждение съезда свое мнение по этому поводу.

Гольдблат. Съезд, должен обсудить этот вопрос в общей форме, чтобы генеральные дебаты доставили комиссии необходимые материалы. Настаиваю на открытии генеральной дискуссии. Так делается во всем свете.

Председатель. Неизвестно, что вкладывает тов. Гольдблат в слова «весь свет». На всех международных конгрессах работы комиссии предшествуют дебатам.

Оба предложения ставятся на голоса, и большинством 32 голосов против шести принимается предложение президиума. Предложение тов. Либеры отвергнуто.

Предложение о выборе комиссии из пяти лиц принято (37 голосов против шести).

Председатель. Открываю прения по пункту четвертому очередного порядка: Центральный Орган Партии.

Горин. Предлагаю Центральным Органом признать «Искру» в виду того, что «Искра» выполняла и выполняет фактически роль руководящего органа революционной социал-демократии.

Акимов предлагает раз'яснить, о чем будет речь в этом пункте: решается существование одного органа, или решается вопрос также о местных органах.

Ленин раз'ясняет, что пункт касается утверждения старого или создания нового органа.

Акимов (к порядку). Из раз'яснения Ленина вытекает, что мы не можем сейчас обсуждать этот вопрос. Нельзя обсуждать вопрос об органе, не покончив с вопросом о программе.

Егоров. Прежде всего отвечу тов. Акимову. Понятно, что орган должен будет считаться с нашей программой. Не об этом речь в данный момент. Третий пункт нашего порядка дня очень важный. Он должен разрешить вопрос, как нам обеспечить единство и принципиальность в деятельности Партии, как нам получить уверенность, что та точка зрения, которая здесь восторжествует, действительно проведется в жизнь без колебаний, без спатаний. Именно это, по моему мнению, имел в виду О. К.,

когда поставил вопрос об органе на третьем месте. Нам предстоит в данный момент высказать свое отношение к «Рабочему Делу» и «Искре» не столько в смысле принципиальной точки зрения того или другого органа, сколько в смысле постановки дела. В течение всего времени своего существования «Искра» неуклонно и твердо, без страха вызвать недовольство в широких кругах читателей, без боязни рассердить своих друзей, проводила свою строго принципиальную точку зрения. Нельзя, конечно, этого сказать про другой орган. В «Искре» нам именно дорога эта устойчивость. Недостаточно нам выработать программу — необходимо ее проводить. Необходимо помнить, при каких условиях нам приходится работать. Разрозненные, разединенные, лишенные возможности свободно сообщаться, мы предоставлены каждый самому себе. Нужно, чтобы было идейное ядро, которое устойчиво руководило бы нашими разрозненными действиями, придавало бы им единство, стояло бы на страже строгой принципиальности.

Акимов предлагает не вести дебаты по существу. Согласен с тов. Егоровым, но полагает, что нельзя утверждать органа только потому, что он постоянен.

Костич. Товарищ Акимов не прав. Для него не тайна настроение большинства. Для чего оттягивать из-за формалистики? Все согласны приблизительно во всем. Этот вопрос ясен. Я высказываюсь за то, чтобы этот вопрос был сейчас обсужден.

Брукер. Не понимаю, почему тов. Ленин не понял тов. Акимова. Разумеется, пока программа не принята, мы не можем утвердить органа, — я предлагаю не обсуждать вопроса об органе до тех пор, пока программа не будет принята.

Акимов вносит предложение, гласящее так: «нахожу, что съезд нарушил бы свое собственное постановление, только что мотивированное тов. Лениным, если бы перешел к вопросу об органе прежде, чем обсуждена программа партии, и предлагаю съезду отсрочить свои собрания и дать комиссии время работать».

Предложение Акимова съездом отклонено.

Костич. Я согласен с товарищем Егоровым. Признание «Искры» руководящим органом показывает, что «Искра» является именно тем, что мы требуем от партийного органа. Правда, «Искра» до сих пор не могла ответить на все запросы, которые предъявляют ей читатели. Но теперь исчезло все то, что мешало ей в этом. Присоединяюсь к предложению тов. Егорова и предлагаю признать «Искру» Центр. Органом.

Кольцов. Тов. Егоров говорит, что Искра была устойчива в своих взглядах. Но этого мало. Нужно отметить, что она была устойчива в проведении определенных принципов, принципов революц. социал-демократии. Именно я предлагаю признать Искру Центр. Органом.

Муравьев. В дополнение к словам тов. Костица, я хочу подчеркнуть, что «Искра», как руководящий орган, признана не только делегатами съезда, но и большинством русских комитетов, а следовательно — всеми товарищами, составляющими эти комитеты. Этим признанием «Искры» комитетами не могло помешать и не помешало плохое, или даже подлое, незнание с ее программой, ибо признание касалось области выражаемых «Искрой» принципиальных, тактических и общеорганизационных идей рус-

ской соц.-дем.; совокупность же этих идей в свою очередь с логической необходимостью должна была обуславливать общепартийную программу «Искры».

Либер. Я полагаю, что вопрос о Ц. О. не сводится только к тому, какие принципы должны отстаиваться Ц. Органом. Остается еще вопрос о форме Ц. О. Центр. Органом считается Рабочая Газета. Пока не отменена Рабочая Газета, мы не можем назначить новый орган.²⁴⁾ Я думаю, что несмотря на те недостатки, которые я усматриваю в «Искре», она должна быть признана Центр. Органом. Другой вопрос о том, достаточно ли нам одного органа. Отвечала ли «Искра» на все запросы читателей? Я отвечаю—нет. Р. С.-Д. Р. П. не достаточно иметь один Ц. Орг. Ей необходимо руководство одного Ц. О. Но неужели полагают, что нет необходимости в рабочей газете? Удивляюсь, как товарищи, до меня говорившие, не отметили этой необходимости. Газета должна не только руководить, она должна также и поднимать ряд вопросов, которые волнуют рабочих. Нуждается ли рабочая масса в руководящем органе,—для меня в этом нет сомнения. Мы должны создать такой орган, который был бы понятен широкой массе. Местные органы не могут заменить Ц. О. для рабочей массы. Предлагаю высказаться по вопросу о том, находят ли товарищи необходимым второй орган—рабочую газету для популяризации идей в рабочей массе.

Акимов. Я знаю, что «Искра» будет признана партийным органом. Но я высказываюсь против этого. Я хочу, чтобы из протоколов съезда было видно, что вопрос об органе предreshен. Мне говорят, что признание комитетами «Искры» руководящим органом уже предreshает вопрос о том, что «Искра» будет признана партийным органом. Значит ли это, что Центр. Орган будет носить имя «Искры», или остается ее редакция, или принимаются ее принципы. Мы должны, мне кажется, прежде всего спросить у группы «Искры», согласна ли она передать свою фирму съезду. Согласится ли она подчиниться инструкциям съезда? Я считаю уместным этот вопрос, принимая во внимание стойкость убеждений «Искры». Мне говорят, что о выборах в Центр. Орган мы будем говорить в конце. Но я думаю, что этот вопрос следует поставить сейчас.

Егоров. То, что сказал Кольцов, само собою разумеется. Нельзя быть принципиальным, не имея принципов. Если же я все-таки здесь подчеркнул заслуги «Искры» не со стороны проводимых ею взглядов, а со стороны способа их проведения, то это я сделал потому, что в данный момент, при обсуждении третьего пункта порядка дня, нам именно важно обратить внимание на это. Нам необходимо указать, как должен вестись партийный орган. Обращаюсь к возражениям тов. Акимова. Я думаю, что нам нечего играть в прятки. Сегодня своей резолюцией мы хотим высказать свое отношение к той важной работе, которую совершила «Искра».

Товарищи! Обратите внимание на положение дел нашей Партии в последние два года. Общая хаотичность, неуверенность и шатание—вот характерные признаки этого периода. И если мы все-таки оставались единой Партией, если мы сегодня заседаем здесь, как члены одного единомышлящего коллектива, то всем этим мы обязаны тому, что группа лиц, по своей собственной инициативе, создала орган, который во всей господствующей сумятице держал высоко знамя революционного соц.-демократизма, не под-

даваясь никаким модным веяниям. Орган, сумевший отстоять наши позиции в такое смутное время, сумеет, конечно, охранять их и при лучших условиях. Я потому предлагаю признать Центральным Органом Партии—«Искру». Привыкая товарищей высказаться за признание «Искры» органом Партии, я полагаю, что таковым нашим решением мы обеспечим себя на будущее время от всяких неожиданностей. (Аплодисменты).

Лядов. Я вполне присоединяюсь к мнению тов. Егорова. Нам необходим руководящий орган, а таким органом является только «Искра». Вопрос о популярном органе следует, я нахожу, отнести к пункту о партийной литературе.

Попов. Я хотел бы прибавить несколько слов к речи моего товарища по делегации, тов. Егорова. Он характеризовал значение «Искры» и указывал ее роль в будущем. Я хочу вспомнить ее историю. Я вспоминаю объявление об издании «Искры», в котором редакция, указывая на шатание умов, говорила, что первым шагом к созданию партии должно быть создание партийного органа. Я вспоминаю статью в 3 или 4 № «Искры»—«С чего начать». ²⁵⁾ Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной, другим этот план казался фантастическим, и большинство объясняло его только честолюбием. Я вспоминаю затем то озлобление, к которому относилось к «Искре» большинство комитетов, вспоминаю целый ряд расколов. Справедливость требует отметить, что во всех расколах несмотря на то, что всякий раскол сильно вредит организации—в этих расколах всегда была хорошая сторона: они вносили свежую струю в деятельность комитетов. Я вспоминаю, наконец, как с прошлого года, считая его от 1 мая, один за одним комитеты стали выражать свою идейную солидарность с «Искрой». Я вспоминаю, наконец, деятельность Орг. Ком., работавшего под руководством «Искры».

Ликвидация периода кустарничества шла вперед и вот здесь на с'езде мы видим единую Партию, созданную, в значительной степени, деятельностью «Искры». «Искра» создала Партию и я думаю, что Партия должна признать ее своим органом.

Муравьев. Указав на факт признания «Искры» в качестве руководящего органа большинством русских комит., я отнюдь не думал ставить это обстоятельство в какую-нибудь связь с «императивностью» или «не императивностью» делегатских мандатов, как это полагает тов. Акимов; я лишь указывал на этот факт, как на веский аргумент в пользу признания с'ездом «Искры» руководящим органом Партии. Конечно, делегаты комитетов вполне свободны в выражении своих взглядов, но я должен все-таки сказать тов. Акимову, что если бы, напр., делегаты с'езда признали своим руководящим органом «Рабочее Дело», то им, без сомнения, пришлось бы горько раскаяться в принятии такого опрометчивого решения в тот самый момент, когда они вернутся к своим комитетам... Тов. Акимов очень близко к сердцу принимает вопрос о будущей редакции Ц. О., а его участливое отношение к организации «Искры», которой предстоит несчастье лишиться такой воистину дорогой собственности, как газета «Искра», признаюсь, приятно поразила меня. Но уже если так, то я должен признаться тов. Акимову, что в глубине души я несколько не сомневаюсь в полной готовности группы «Искры

пожертвовать, если понадобится, своим правом частной собственности для пользы общего дела.

Горин. Тов. Либер высказал такого рода соображение. Недостаточно, говорят он, признавать принципиальность органа; следует еще принять во внимание формы проведения принципов. Он принимает во внимание, по-видимому, экономию революционного рабочего времени. Рабочими трудно понимается «Искра». Но при том условии, чтобы «Искра» могла стоять на высоте своих принципов, чтобы она могла проводить принципы научного социализма, она не может быть популярной. Чтобы избежать трудностей стилистического характера, для этого руководители могут взять какую-нибудь статью из «Искры» и читать ее с рабочими. Что же касается полемических приемов, в которых обвиняют «Искру», то здесь не место об этом говорить, так как здесь мы не собрались для того, чтобы судить о приличиях. Отмечу, что «Искре» предстоит еще большая работа—предпринять издательство популярной брошюрной литературы.

Павлович. Акимов я не совсем понял, когда он задавал свои вопросы. Избрав из существующих органов—орган Партии—мы будем иметь тот конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов.

Что касается педоумения тов. Акимова подчинится ли организация «Искры» решениям съезда, то пусть вспомнит тов. Акимов, что не все на заголовке газеты «Искра» стоит Р. С.-Д. Р. П. Все, что носит этот заголовок, есть собственность Партии, должны подчиняться решениям Партии. Здесь мы только решим, какую часть этой идейной собственности желаем видеть, как идейную выразительницу взглядов Партии, точно так же как Партия может аннулировать существование другой части партийной собственности. Каким образом тут может возникнуть недоумение, пусть объяснит тов. Акимов.

Троцкий. Тов. Акимов спрашивает: Что утверждаем мы в «Искре»,—раз мы не утверждаем редакции,—имя?

Я, товарищи, хотя и присутствую здесь, как делегат Сибирского Союза, но имею честь принадлежать вместе с тем к организации «Искры». Членов этой организации как и ее идейных сторонников вообще, называли и называют «искряками». Это не просто имя—это направление. Направление, которое сплотило определенных лиц, направление которое заставило всех встать к нему в определенную позицию. И это было тем важнее, что «Искра» выступила в момент идейной смуты в наших собственных рядах.

Вспомним, как быстро овладел марксизм умами интеллигенции в начале 90 годов. Для большинства этой интеллигенции марксизм был орудием идейной эмансипации нашей демократии от устаревшей народнической идеологии. Он обеспечивал за ней право с свободной совестью пойти «на выучку к капитализму». Но марксизм выдвинул скоро свое истинно революционное содержание в рабочем движении. Чем больше развивалось это последнее, тем настоятельнее становилась для демократии потребность оформить свое отношение к нему. Но сама демократия успела вырасти, окрепнуть и получить вкус к самостоятельным политическим нотам. Идеология пролетариата была ей не в пору. Начинается критический поход против марксизма. Официальная цель этого—освободить марксизм от некритических,

«догматических» переживаний. Истинная задача похода — освободить демократию от гнета марксистской идеологии. «Критика» «подкопала» все основы марксизма. От обаяния марксизма не осталось и следа. Разлагающее влияние этой «критики» сказалось и в наших рядах, в рядах социал-демократии. Начался период сомнений, шатаний и разброда. Мы уступали буржуазной демократии одну позицию за другой.

В этот-то критический момент и выдвинулась группа «Искры» и «Зари», предпринявшая за свой страх и риск дело сплочения партии под знаменем революционного социализма. В начале своей работы, эта группа была «в меньшинстве». Теперь положение радикально изменилось. И если «Искра» была для нас руководящим органом в эпоху партийной смуты, то призывав ее теперь центральным органом, мы лишь формулируем ее победу, победу нашего направления. Не и м я утверждаем мы, тов. Акимов, а з н а м я, вокруг которого фактически сплотилась наша партия! (А п л о д и с м е н т ы). ³⁶⁾

Мартынов. Вопрос об органе, как здесь указывали, есть вопрос о нашем знамени, о нашем направлении. Поэтому, я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании «Искры», как газеты известного направления, нашим центральным органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции; об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня. Итак, я буду касаться только направления «Искры».

Здесь говорилось много о заслугах «Искры» перед нашим движением; говорилось о том, что «Искра» была у нас проводником идей революционной социал-демократии, говорилось об ее стойкости, об ее принципиальной выдержанности, о той смелости и страстности, с которой она проводила в жизнь свои взгляды. Все эти заслуги «Искры» перед нашим движением я вполне признаю. Но, отмечая заслуги органа, мы обязаны отметить и его недостатки. Мне кажется, что ключ к объяснению главных недостатков «Искры» нам дал вчера один из ее редакторов, тов. Ленин.

Говоря об эпизоде борьбы «Искры» с экономизмом, тов. Ленин нам сделал признание: лук был перегнут в одну сторону и потому мы его перегнули в другую. Этими словами тов. Ленин не имел в виду излишнюю страстность или беспощадность в борьбе с экономизмом. Этого никто, и я в том числе не поставили бы в вину «Искре»: степень страстности борьбы свидетельствует лишь о степени убежденности борца. Тов. Ленин по всему смыслу дебатов имел в виду другое: борясь против ложной теории и ложных принципов тактики, «Искра» перегнула лук в этой же области, в области теории и принципов тактики. Такого рода политический прием по моему убеждению, вреден, и, как я уже говорил, характер нашего движения в момент, непосредственно следовавший после периода экономизма, явно обнаружил опасность такой системы перегибания лука. Я здесь подробно на этом вопросе останавливаться не буду. Прибавлю еще следующее. Когда будет поставлен на голосование вопрос о признании «Искры» центральным органом, я буду votar за «Искру», и я прошу съезд в этом вотуме усмотреть признание направления «Искры» с указанной оговоркой.

Бружэр. Присоединяюсь к тов. Егорову в том, что члены редакции Партийного Органа не должны принадлежать ни к какому комитету, так

как в обратном случае, проникнутые местными нуждами, они невольно будут отражать их. Но в противоположность тов. Егорову, я думаю, что «Искра» ни в коем случае не может быть призвана Центральным Органом. Тов. Егоров сказал только-что, что «Искра» не боялась не только врагов, но и друзей. То, что она не боялась врагов, не составляет ее особенности: кто же из нелегальных изданий считался с мнением правительства или либеральными течениями: того, с кем борются, уже нечего бояться, с ним уже нечего считаться. Но то, что она не считалась и с друзьями—это надо ей поставить в упрек. «Искра» была представительницей одного из социал-демократических течений и стремилась уничтожить все соц.-дем. организации, которые не пели с ней в унисон. Для этой цели она не стеснялась в выборе приемов борьбы: желая их дискредитировать она выступала против них с совершенно несправедливыми и неверными обвинениями и таким образом совершила против несогласных с нею соц.-дем. течений целый ряд преступлений (крики: «Ого!»), преступлений и с вашей точки зрения—вашей—большинства: два дня тому назад тов. Орлов обвинял Воронежск. Комитет, что он убеждал других в том, в чем он сам убежден, и большинство присоединилось к нему в этом обвинении.—насколько же больше с вашей же точки зрения должны быть преступления, «Искры», которая для борьбы с несогласными с нею течениями, не останавливалась ни перед чем, бросала в них грязь и в размерах полемики с ними и в качестве приемов перешла все границы добросовестности. Замечу, что при обвинениях Ворон. Ком. не шла речь о тех заимствованных у «Искры» приемах, к которым он прибег в первом своем листке против Орг. Ком. Эти приемы не были одобрены и их сторонниками, упрекнувшими их в том, что они начинают, как говорят, «об'искривляться». Признавая этот орган партийным, мы тем самым признаем, во-первых, что вся партия во всем с ним солидарна и, во-вторых, что она берет на себя ответственность за все прошлое этого органа. Можем ли мы сказать, что все солидарны с направлением «Искры» или сможем ли мы сказать с уверенностью, что большинство работающих в России соц.-дем., работающих, говорю я, с нею солидарны. Нет, ни в коем случае. То, что большинство комитетов заявило себя сторонниками «Искры», еще не говорит противное: в большинстве городов на ряду с комитетами существует другое течение, и мы еще не знаем, которое из них есть действительно реальное соц.-дем. движение и которое из них составляет большинство. Здесь же представлено лишь одно течение—«Искры», и выбор ее же партийным органом будет насильственным навязыванием своих взглядов одним течением другому. Во-вторых, можем ли мы принять на себя ответственность за прошлое «Искры», как газеты, за все те ошибки и безтактности, которые совершила группа частных лиц, ею руководившая. Безтактности, я уже не говорю по отношению к соц.-дем. другого течения, но и по отношению к соц.-революц. (иронические аплодисменты). Да, те приемы, к которым прибегала «Искра», заставляли краснеть за нее. Тов. Попов только-что сказал, что большинство товарищей, читая некоторые статьи «Искры», признавали их безтактными (крики: «они уже раскаялись!»). Не знаю, раскаялись ли его товарищи или просто утирали представление о тактичности, но мне до последнего времени прихо-

дилось слышать от своих товарищей выражение негодования на приемы «Искры» и заявление, что после выходов «Искры» против соц.-рев. им стыдно с ними встречаться (аплодисменты). Если вы, солидарные с ней во всем и даже одобряющие ее приемы, можете взять на себя ответственность за ее прошлое, то вы не имеете права изваливать эту ответственность на плечи тех, которые были ее всегдашними противниками. Поэтому я предлагаю отклонить предложение тов. Горина признать «Искру» партийным органом — или создать новый орган, или восстановить прежний партийный орган «Рабочую Газету».

В заключение, я считаю долгом предупредить товарищей, что признание «Искры» партийным органом будет служить одним из больших препятствий для объединения всех соц.-демокр. течений в одну Партию (Восклицания: «ого!» «Вот как!»).

Либер. Я высказал свой взгляд на заслуги, которые чьются за «Искрой» в прошлом, как и на ту группу, которая ею руководила. Но нахожу, что и на этом солнце были пятна. «Искра» не умела отличать своих врагов от друзей. Та полемика, которую вела «Искра» против своих друзей—Бунда—вредна. «Искра» внесла своей полемикой горечь в свои отношения с Бундом. Она не всегда вела себя тактично с ним. Теперь, желая видеть «Искру» центральным органом, я думаю, что, став таковым, она научится отличать врагов своих от друзей.

Акимов. Меня не удовлетворил ответ тов. Егорова. Он отмечал, какую важную роль сыграла «Искра», как орган принципиальный. Но это не убедительно. Такой орган должен был появиться и появился. Спрашивается, насколько тактично и умело он проводил эти принципы. Если бы орган этот был тактичнее, он гораздо скорее и прочнее провел бы свои принципы. Здесь отмечают что большинство стоит на стороне «Искры». Но не следует забывать, что большое меньшинство не на стороне «Искры».

Орлов. Я не упрекал Воронежский Комитет за его борьбу с направлением «Искры», а за тот способ, которым эта борьба велась. Ее жесткость, в форме «дружеских писем», и не тактичные заявления казались мне предосудительными и характеризовали солидность и моральную физиономию Воронежского Комитета.

Попов. Я кратко отвечу товарищам, указавшим на пятна на солнце. «Искру» упрекают в нетактичности, причем тов. Брукэр ссылается на мои показания. Но он неверно передает их: я говорил, что «Искрой» возмущались только те, кто упорствовал в своих заблуждениях. Вы говорите о нетактичности. Тов. Либер говорит, что «Искра» не отличала своих от чужих. Да, она отличала только принципы. Она нетактична... Но тут, мне кажется, мы должны говорить не о тактичности, а о политическом такте. Не будем разбирать отдельных статей «Искры» или «Последних Известий» Бунда. Отметим только, что политическим тактом «Искра» обладала несомненно. Именно этот такт требовал самого резкого выступления в полемике и, благодаря этой тактике, мы видим теперь такое единство в партии. А о товарищах Акимове и Брукэре я скажу вот что: они добивались настойчиво, чтобы их возражения против «Искры» занесены были в протокол. Пусть читатели видят, что они отстаивали свою позицию до последней капли крови. Мне же по этому поводу вспоминается одна сцена из «Ре-

визора». Бобчинский просит написать о нем в газетах: пусть, мол, все знают, что на свете есть Петр Иванович Бобчинский (*Анлодисменты*).
Список ораторов исчерпан.

Русов. Если первый съезд утвердил «Рабочую Газету», то второй ее отменяет.

Председатель. Ясно, что съезд, назначая Центральный Орган, тем самым, отменяет прежде существовавший.

Либер. Объяснение тов. председателя правильно. Но можно принять центральным органом «Искру» и «Рабочую Газету».

Колцов. Центр. Орг. может быть только один. Могут быть еще общепартийные органы, но Центр. Орган—один.

Ленин. Предлагаю выдать «Рабочей Газете» свидетельство о смерти, и тогда тов. Либер будет удовлетворен.

Либер. Неверно, что может быть только один Центральный Орган.

Илеханов: Представление о двух центрах противоречит законам геометрии.

Мартынов. Я думаю, что тов. Либер предлагает второй орган. Может быть единственный Центральный Орган, но могут быть и другие общепартийные органы. Я прошу отметить это в резолюции.

Муравьев. Это, мне кажется, сейчас к делу не относится. Об этом мы будем говорить, когда будем обсуждать вопрос об общедоступной литературе.

Председатель. Съезд констатировал, что «Рабочая Газета» перестала существовать.

Мартов. В виду того, что «Рабочая Газета» перестала существовать, я предлагаю съезду признать «Рабочую Газету» не существующей. (Вносит резолюцию *).

Тов. Акимов и Брукер вносят свою резолюцию **).

Резолюция тов. Акимова и Брукера ставится на голоса: за нее высказываются всего двое. Ставится на голоса и принимается резолюция Мартова и Штейна.

Вносится резолюция, подписанная членами группы «Южный Рабочий» (товарищи: Попов, Егоров, Иванов и Медведев) и тов. Царевым, Львовым, Барским, Русовым, Бековым и Степановым ***).

*) Резолюция Мартова и Штейна: «Съезд отменяет решение первого съезда о признании «Рабочей Газеты» центральным органом Партии».

**) Резолюция тов. Акимова и Брукера: «В интересах устранения всяких препятствий для полного объединения всех действующих в России социал-демократов, съезд отклоняет предложение признать партийным органом «Искру», как представительницу только одного течения. Съезд восстанавливает «Рабочую Газету», признавая первым съездом Российск. Соц.-Дем. Раб. Партии партийным органом».

***) Резолюция членов группы «Южный Рабочий» и других: «Принимая во внимание: а) заслуги «Искры» в деле идейного объединения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями в нашей Партии, а также с течением, стремившимся совлечь движение рабочего класса с единственно верного революционного пути; б) роль «Искры» в деле руководства практической партийной работой; и в) руководящую роль «Искры» в объединительной работе;—второй съезд Российской Социал-демократической Рабочей Партии объявляет «Искру» своим Центральным Органом.

Мартынов. Предлагаю разделить резолюцию на две части и вотировать каждую часть отдельно. Мотивирую: я могу голосовать за вторую часть, но от голосования за первую часть я воздержусь.

Бюро соглашается на предложение тов. Мартынова и ставит на голосование сначала вторую часть резолюции членов группы «Южный Рабочий». За нее подано 44 голоса, против два, редакция «Искры» воздержалась. При голосовании первой части этой же резолюции, 35 голосов подано за, два—против и 11 воздержалось (в том числе редакция «Искры»). Затем голосуется вся резолюция целиком: за—подано 38 голосов, против—два, воздержалось—два (в том числе редакция «Искры»). (Аплодисменты).

Тов. Либер вносит след. заявление, подписанное тов. Либером, Абрамоном, Гофманом, Юдиным и Гольдблатом: «Мы воздержались от голосования по поводу мотивировки к резолюции, так как не согласны с отдельными пунктами этой мотивировки, в том толковании, которое им придали товарищи, внесшие резолюцию».

За принятием резолюции членов гр. «Юж. Раб», резолюция тов. Горина оказывается излишней *).

Председатель. Предлагаю перейти к очередным делам, т. е. к докладам делегатов (пункт пятый порядка дня).

Возникают дебаты о том, читать ли доклады целиком или излагать их кратко. По этому поводу съезду предложены две резолюции: резолюция, предложенная тов. Костиным **), принимается большинством 27 голосов против 14; резолюция предложенная тов. Маховым ***), отвергнута 26 голосами против 24.

*) Резолюция Горина: «Съезд признает «Искру» Центральным Органом Партии по следующим мотивам: во-первых, «Искра» удовлетворяет всем требованиям, могущим быть предъявленными органу в деле теоретического и практического проведения социал-демократических принципов; во-вторых, фактически она уже выполняла до сих пор функции Центр. Орг.».

**) «Съезд выбирает специальную комиссию для просмотра докладов и определения того, какие из них должны быть прочитаны на съезде. О ходе дел в остальных организациях должны быть даны устные краткие доклады». (Рез. тов. Костича).

***) Рез. тов. Махова: «Съезд просит делегатов сделать краткое устное сообщение съезду о ходе дел в их организациях. Самые же доклады передать в бюро съезда».

ЗАСЕДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 решающим голосом и десять *) с совещательным голосом).

Заседание открывается чтением протокола пятого заседания.

Мартос (к порядку). В виду того, что протоколы занимают у нас много времени, я предложил бы порядок чтения их изменить. На германских партийных съездах протоколы на заседаниях не читаются, а каждому оратору предоставляется право прочитывать протоколы и вносить в них изменения с согласия секретаря. Предлагаю подобным же образом поступать и нам.

По этому поводу поднимаются прения, в которых между прочим указывается, что германская социал-демократия имеет свою ежедневную печать, в которой печатаются отчеты о съезде, так что необходимые поправки могут быть сделаны сейчас же. В конце концов, съезд решает сохранить старый порядок чтения и утверждения протоколов.

Председатель. Кто имеет поправки к прочитанному протоколу пятого заседания?

Либер указывает, что в речи тов. Львова отсутствует приведенное им доказательство сепаратизма Бунда, а именно: тов. Львов указывал, как на сепаратизм Бунда, его отдельную от П. П. С. майскую демонстрацию в Варшаве.

Абрамсон указывает на отсутствие в протоколе, в речи тов. Львова, его утверждения, что—«отношения к Бунду были хороши, лишь пока он сидел у себя дома, и испортились, когда он начал расширять район деятельности».

Троцкий разъясняет, что мысль тов. Львова была следующая: «сепаратизм Бунда был не вреден для Партии, пока Бунд удовлетворялся районом своей деятельности, но он оказался вредным, когда началось расширение, со стороны Бунда, района его влияния».

Кольцов. Вносить дополнения к речам ораторов нельзя. Можно лишь во время речи просить занести то или другое утверждение оратора в протокол и только.

*) Прибавилось два представителя Социал-демократической Партии Польши и Литвы.

Абрамсон ставит на вид, что нельзя заранее знать, что будет внесено в протокол и что нет.

Председатель. В виду отсутствия тов. *Львова*, предлагаю внести дополнения *Либер* и *Абрамсона*, а также раз'яснение *Троцкого* в протокол сегодняшнего заседания; прочитанный же протокол не исправлять и считать утвержденным.

Предложение это принимается с'ездом.

Секретарем бюро далее сообщается список лиц, избранных в комиссию по обработке комитетских и других докладов. Избранными оказались: *Засулич*, *Попов* и *Фомин*.

Председатель спрашивает у с'езда, желает ли он отложить четвертый пункт программы с'езда до того, как доклады выйдут из комиссии, и перейти к следующему пункту или же прервать заседания с'езда.

Лядов предлагает прочитать доклад Московского Комитета, в виду того, что он готов и должен быть интересен для всех присутствующих, его можно не сокращать поэтому и читать целиком.

Плеханов указывает, что дело комиссии решить, какой доклад должен быть прочитан целиком и какие должны быть сокращены.

Ленин предлагает сделать перерыв, после которого возможно, что комиссия представит какой-нибудь доклад.

Объявляется перерыв, после которого слово получает докладчик выбранной комиссии.

Попов. По просьбе товарищей из Бунда и в виду того, что доклад их готов и должен представлять интерес для всех присутствующих, комиссия находит нужным чтение его целиком и предлагает начать чтение с него.

Слово получает докладчик от Бунда *).

По выслушании доклада Бунда тов. *Мартов* указывает, что у многих по поводу прочтенного доклада возникли вопросы, на которые интересно было бы получить сейчас же ответ. Поэтому, предлагает всем желающим задать вопросы докладчику и получить на них ответ.

Предложение *Мартова* принимается.

Тов. *Либеру* задается целый ряд вопросов со стороны многих делегатов: почему был введен в устав Бунда пункт о праве Центрального Комитета налагать вето на каждого выбранного комитетом делегата с'езда? Среди организаций, с которыми Бунд находился в сношениях, была ли организация социалистов-революционеров? Каковы источники доходов Бунда? В каких городах существуют полноправные комитеты Бунда? Как группировались по голосам делегаты на пятом с'езде? Существовали ли различные теоретические течения в Бунде? Существуют ли, так называемые, цеховые организации в настоящее время? Имел ли Бунд сношения с «Освобождением»? По какому организационному принципу составлены местные комитеты: существует ли выборное начало? Какое количество голосов подано за каждую резолюцию, принятую на пятом с'езде? Входят ли в число 30 тысяч организованных рабочих члены профессиональных союзов и сколько именно членов профессиональных союзов? Почему уменьшается число мест-

*) Доклады будут изданы отдельно.

ных органов и каков должен быть характер органа, утвержденного пятым съездом?

Горин. Я бы хотел предложить один вопрос товарищам из Бунда. Когда я проезжал Белосток, не-еврейские рабочие (поляки и немцы) одной ткацкой фабрики этого города устроили забастовку. Хозяин завода пригласил на их место евреев, работающих на ручных станках. Еврейские рабочие, озлобленные тем, что их стачки постоянно срываются не-еврейскими рабочими, поговаривали, что следовало бы принять предложение, и только стеснялись тем, что евреям, на которых все валят, штрейкбрехерство неподходяще. Надо иметь в виду, что половина белостокских рабочих состоит из евреев, но все они работают на ручных станках: их не принимают на фабрики хозяева, их не допускают не-еврейские рабочие. Между еврейскими и не-еврейскими рабочими обостренные отношения. Я хотел бы знать, что предпринял Бунд по отношению к такому положению вещей в Белостоке, считающемся крупным центром рабочего движения *).

Ланге. Помогал ли Бунд транспортировке «Освобождения»?

Абрамсон. «Освобождение» обращалось с этим предложением к Бунду и предлагало очень выгодные условия, но Бунд отказал в этом. Это относится также и к социалистам-революционерам.

Муравьев. не удовлетворен ответом Либера. Хочет знать число делегатов от местных комитетов и таковое от Центр. Комитета. Когда введено veto?

Либер. Число членов Центр. Ком. никому неизвестно, так как он имеет право кооптации.

Председатель указывает на то, что осталось всего 20 мин., а нужно решить еще некоторые практические вопросы.

Мартос предлагает закрыть прения по докладу о Бунде.

Плеханов спрашивает товарищей из Бунда, каково их мнение, вынесенное из практики, применимы ли принципы, так называемого, теперь у нас демократизма в местных комитетах.

Либер. На основании практического опыта мы находим невозможным ввести принципы демократизма, предлагаемые и отстаиваемые некоторыми нашими товарищами.

После этого вопросы по поводу доклада прекращены. Слово дано докладчику комиссии по составу съезда.

Кольцов. Членам съезда известно, что в комиссию поступило предложение о допущении на наши заседания второго делегата Горнозаводского Союза. Как выяснилось, в комиссии дело состоит в следующем. Горнозаводский Союз имел право послать на съезд двух делегатов. Эти два делегата были своевременно выбраны, а также два кандидата. Но один из делегатов по некоторым, чисто личным причинам, на съезд не явился. Тогда явившийся на съезд депутат предложил Союзу признать своим вторым делегатом другое лицо, на что Союз дал свое согласие. Надо заметить, что это лицо не находилось также в числе избранных в свое время Союзом кандидатов. Кроме того, очевидно, что выборы в данном случае произошли при несколько других условиях, чем выборы всех прочих делегатов съезда. Затем, надо

*) Ответа докладчика Либера на эти вопросы в протоколах не оказалось.

прибавить, что комиссии не удалось получить никаких сведений о работе на месте предлагаемого делегата. В виду этого комиссия предлагает съезду принять следующую резолюцию *).

Левов выражает сожаление, что Горнозаводский Союз не позаботился о доставлении сведений о новом делегате, и полагает, что Горнозаводский Союз подчинится решению съезда.

Резолюция комиссии принята большинством.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 решающим голосом и 11**) с совещательным голосом).

Все заседание посвящено чтению докладов делегатами Бабинского и Саратовского Комитетов, Союза Горнозаводских Рабочих, русской организации «Искры» и группы «Южный Рабочий».

ЗАСЕДАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 11 с сов. гол.).

Читаются доклады делегатами Донского Комитета, Екатеринославского, Тульского, Тверского (Северного Союза) и Московского Комитетов. Читается и утверждается протокол шестого заседания.

*) «Хотя никаких неблагоприятных отзывов о предложенном Горнозаводским Союзом делегате в комиссию не поступило, но, в виду того, что а) срок, установленный Организационным Комитетом для назначения делегатов, давно прошел, и что б) комиссии удалось собрать лишь весьма скудные сведения о работе данного лица на месте, — второй съезд Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии находит невозможным допустить на свои заседания предложенного делегата». (Резол. комиссии).

**) Прибыл приглашенный тов. Костров.

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

(Присутствует 43 делегата с 51 мандат. и десять *) с сов. гол.)

От имени комиссии по определению состава съезда, тов. Ленин предлагает пригласить двух товарищей с правом совещательного голоса.

Съезд принимает это предложение единогласно.

Читается заявление польских товарищей **).

Решено обсуждать это заявление в связи с докладом комиссии по переговорам с польскими товарищами, который отнесен к восьмому пункту порядка дня.

Принимается предложение тов. Попова немедленно перейти к обсуждению организационного устава.

Ленин (докладчик) дает объяснение по поводу предложенного им проекта устава ***). Основной идеей устава является разделение функций. Поэтому, напр., деление на два центра не есть результат разделения этих центров по месту (Россия и граница), а логическое следствие разделения по функциям. Центральному Комитету принадлежит функция практического руководства, Центральному Органу—идейного руководства. Для объединения же деятельности этих двух центров, для избежания разрозненности между ними и, отчасти, для разрешения конфликтов, необходим совет, который вовсе не должен носить характер чисто третейского учреждения. Параграфы устава, касающиеся отношений между Центральным Комитетом и местными и определяющие сферу компетенции Центрального Комитета, не могут и не должны перечислять все пункты, в которых Центральный Комитет компетентен. Такое перечисление невозможно и неудобно, потому что нелегко предвидеть все возможные случаи и, кроме того, перечисленные пункты как будто бы не будут подлежать компетенции Центрального Комитета. Необходимо предоставить Центральному Комитету самому определять сферу своей компетенции, потому что во всяком местном деле могут быть затронуты обще-партийные интересы, и необходимо предоставить Центральному Комитету возможность вмешаться в местные дела, вопреки, быть может, местным интересам, но в целях обще-партийных.

*) Тов. из Польской Соц.-Дем. Партии не присутствуют, присутствует т. Глебов, еще до открытия съезда приглашенный Организационным Комитетом.

**) См. Приложение IX.

***) См. Приложение XI.

Попов. Тов. Ленин, защищая свой доклад, раза два упомянул о проекте устава, составленном мною. Я не представляю его на съезд, потому что он был составлен слишком поспешно, а также и потому, что в составлении особого проекта целиком я не вижу надобности: те изменения, которые я хочу предложить, касаются почти исключительно центрального пункта в уставе—вопроса об организации центральных учреждений Партии. В частных беседах с отдельными членами съезда я выступал сторонником полного слияния в один центр редакции Центр. Орг. и Центр. Ком. Я мотивировал целесообразность слияния 1) тем, что деление руководства Партией на «практическое» и «духовное» искусственно, что руководство в сущности одно, и что единство в руководстве может быть достигнуто только тогда, когда оно исходит из одного центра, а 2) тем, что участием редакции в делах Центр. Ком. гарантируется способность Центр. Ком. осуществить возложенные на него обязанности. Как видите, я хотел слияния Центр. Орг. и Центр. Ком. не для того, чтобы Центр. Ком. принимал участие в делах редакции, а для того, чтобы редакция принимала участие в делах Центр. Ком. Я обращаю на это ваше внимание, потому что здесь на съезде тов. Акимов уже неоднократно заявлял себя сторонником «самой строгой централизации». Централизация, которую будет защищать тов. Акимов, совершенно особого порядка. По отдельным замечаниям его мы знаем, что она будет соединена с демократически-выборным началом в местных комитетах. Там, в России, тов. Акимов будет защищать выборное начало, чтобы ослабить влияние Центр. Ком.; здесь, на вершине Партии, он будет защищать «самую строгую централизацию», чтобы ослабить влияние Центр. Орг., в чем, собственно, и заключается весь смысл такой системы. Такой централизации я не только не защищаю, но я готов всячески с нею бороться, потому что она — знамя оппортунизма. Но попрежнему настаиваю, что если мы хотим единства в руководстве Партией, мы должны создать один руководящий центр. Если мы не можем слить в одно учреждение редакцию Центр. Орг. и Центр. Комитет — вследствие ли того, что это практически неосуществимо, так как редакция должна находиться за границей, а Центр. Ком. — в России, или вследствие того, что мы опасаемся нашествия варваров на редакцию, если мы, повторяю, не можем совершенно слить Ц. О. и Центр. Ком. в одно учреждение, то все же мы должны так или иначе позаботиться о том, чтобы руководство нашей Партией исходило из одного центра. Проект старается достичь единства созданием третьего центра, причем роль его формулирована в проекте крайне неясно и неточно. Прежде всего: Совет Партии назван «Верховным» учреждением. «Верховный» — равнозначущее с словом «суверенный», т. е. безответственный. Таким органом может быть только один съезд. Двух верховных, т. е. суверенных, органов вообще быть не может и потому Совет должен быть ответствен перед съездом, если мы не ограничиваем деятельность Совета только судебными функциями. Затем, по моему мнению — и проект как будто с этим согласен — Совету, помимо функций примирительной камеры, должно быть вообще предоставлено право делать указание Центр. Комитету, и пожалуй, редакции Центр. Органа. А разве мы дадим Совету право давать свои руководящие инструкции Центр. Ком., то мы должны дать ему и право

наблюдать за исполнением этих инструкций. Мы должны сделать Центр. Ком. ответственным перед Советом и вместе с тем должны дать Совету право отменять решения Центр. Комитета. Таким образом, мы наделяем Совет функциями Центр. Ком., а Центр. Ком. низводим до роли Исполнительного Комитета. Я ничего против этого не имею, я только хочу, чтобы в уставе это было совершенно ясно выражено. Итак, руководство Партией будет осуществляться из одного центра. Если вам кажется, что этим мы подвергаем опасности неприкосновенность редакции, то пусть в этом центре три члена будут от редакции и два члена от Центр. Ком. Это вопрос второстепенный, важно же то, чтобы руководство, высшее руководство Партией, шло из одного источника. Задачи Центр. Ком. громадны. Теперь в организации все еще царит совершенный хаос, и Центр. Комитету придется начинать с того, чтобы организовать самого себя, создать тот механизм, посредством которого он будет осуществлять свои функции. Тов. Троцкий в частных беседах утверждал, что жизнь создала два центра: редакцию заграницев и, если не центральный, то по крайней мере Орг. Ком. в России. Я всегда соглашался с тов. Троцким наполовину. Жизнь создала один центр — редакцию, потому что О. К. ничем не руководил: его роль была ролью комиссии по созыву съезда и ролью организатора чисто технической стороны дела. Теперь мы создаем Центр. Комитет. Ему предстоит громадная задача. Было бы наивностью думать, что он исполнит ее без ошибок. Ошибки неизбежны, и мы можем отчасти даже предусмотреть их. Мне кажется, прежде всего можно опасаться, что Центр. Ком. потеряет перспективу партийной работы, увлечется мелочами, забыв общий план, это вполне естественно, когда нет механизма общей организации, когда нужно организовывать каждую мелочь. Участие редакции в общем руководстве Партией, несомненно могло бы предохранять от этого. Другим средством, которое оказало бы большие услуги Ц. К. было бы указание со стороны съезда функций Центр. Комитета. Вот, почему я полагаю, что параграф об обязанностях Ц. Ком. должен содержать более точное указание области его работы. Я пыталась формулировать отношения высших партийных учреждений между собою и их задачи в восьми параграфах, которые я, вместе с другими поправками, внесу в комиссию.

Егоров. Тов. Ленин, исправив свой проект, сделал шаг в сторону проекта тов. Попова, но шаг весьма небольшой; если бы тов. Ленин захотел быть последовательным до конца, то он должен был бы признать, что по его проекту и Центр. Ком., и Центр. Орган являются только исполнительными органами, а обще-руководящий орган, правящий и направляющий — это Совет. Ввиду такой важной и ответственной роли, какая дается Совету, необходимо, чтобы Центр. Орган и Центр. Комитет были представлены в нем совершенно одинаково. Поэтому пятое лицо, войдя в Совет, должно выйти из ред. Центра и из Центр. Комитета. — Существенным недостатком проекта тов. Ленина является то, что он признает какие-то организации, совершенно нигде непричисленные. Если, например, съезд признает желательным учреждение популярного органа, то разве редакции подобного органа не будет предоставлено право участия на съезде? Я полагаю, что устав должен быть отредактирован общее. — Ошибочным представляется мне мнение Ленина, что не следует точно опре-

делять границы компетенции Ц. К. Такой взгляд есть результат смешения двух вопросов о централизации и вмешательстве. Практически отсутствие определения сферы компетенции Центр. Ком. поведет к целому ряду конфликтов.

Либер. Тов. Ленин заявил нам по поводу своего устава, что он перегнул палку в другую сторону. Это верно, но можно сказать, что никогда еще палка не была перегнута так сильно. Употребляя выражение тов. Троцкого, можно было бы сказать, что проект устава тов. Ленина представляет собою «организованное недоверие». И в самом деле, центральные органы создаются так, как будто бы до них ничего не существовало, как будто бы центры не вырастают естественно из работ русских товарищей, а создаются уставом. Второй характерной чертой предложенного проекта устава централизованной Партии являются его децентралистические тенденции. Несомненно, что в проекте два центра, а не один, как думают некоторые, и это крупнейший недостаток проекта. Необходимо было бы, чтобы Совет был назван Ц. К., а то, что тов. Ленин называет Центр. К. и Центр. Орг. было превращено в исполнительные группы Партии. Центр. Ком. должен руководить всей общепартийной жизнью, как это делает Центр. Комитет «Бунда». Приходится только удивляться, как мог предложить отделение функции идейного руководства от практического, тов. Ленин, который так хорошо знает, какой вред принесло отделение практиков от теоретиков. И на примере «Искры», которым пользуется тов. Ленин для доказательства необходимости разделения этих двух функций, мы видим, наоборот, что это отделение немыслимо, потому что «Искра» была не только идейным центром, но и практическим. Отделение же функций практического руководства в сферу ведения Центральн. Комитета и лишение его других функций свело бы его роль на роль приказчика.

Акимов задает вопрос как будут создаваться местные комитеты? Будут ли они, например, назначаться Центр. Ком.?

Ленин разъясняет, что вносить специальный пункт об этом в устав совершенно излишне, так как у нас уже существует целый ряд комитетов, а следовательно, и вопроса не может быть об их создании.

Мартов дополняет, что вопрос тов. Акимова относится к другому пункту порядка дня—утверждение списка парт. организации. Относительно же дальнейшего изменения состава партийных организаций необходимо предоставить дело в руки Центр. К. ²⁷⁾ Соглашаясь с общеорганизационными взглядами тов. Либер, я не могу согласиться с выводами, которые он из них делает и, наоборот, присоединяюсь к выводам тов. Ленина. Только в двух вопросах я расхожусь с последним. Первый вопрос—о способе составления Совета—гораздо лучше было бы разрешить выбором от каждого центра по два лица, которые и выбирают единогласно и пятое лицо из Центр. Ком. или Центр. Органа. Искать это пятое лицо вне центров, как предлагает тов. Егоров, совершенно нельзя. Во-первых, найдем ли мы такое лицо вне центров, куда стекнутся лучшие силы, во-вторых, если даже и найдем, то будет ли оно достаточно самостоятельно. Второй пункт, в котором я не согласен с тов. Лениным, это то, что я против единогласной кооптации. Я полагаю, что можно было бы установить четыре пятых или даже лучше две трети голосов.

Акимов. Я считаю настоящий проект неудовлетворительным в двух отношениях: 1) совершенно не формулированы пункты об организации местных комитетов и о сфере их компетенции. О последнем даже сознательно и намеренно умалчивают. Местные комитеты по проекту должны явиться не более, как агентами Центр. Ком., которые могут быть всегда сменяемы. Центр. Ком. предоставлено право менять состав местных комитетов и этого права для него достаточно, чтобы не нуждаться в других правах. Такой план несомненно поведет к тому, что несколько организаций окажутся вне Партии. Например, придется заменить петербургский выборный Комитет новым, несоответствующим желанию большинства организации. Это поведет к расколу. Единственным приемлемым планом, который я предлагаю, является предоставление комитетам самим право изменения своего состава. Предлагая этот пункт, я заранее твердо уверен, что он не будет принят и что за него будет, быть может, самое большее 2-3 гол. Тов. Попову представляется такое выступление с проектом, который наверное не пройдет, в виде Добчинского, желающего, чтобы о нем услышали по всей России, и иначе не может объяснить себе это, как пошлыми мотивами. Меня изумляет как не может понять тов. Попов, что могут быть иные мотивы. Второй пункт, по которому я считаю проект неудовлетворительным, это Совет. По проекту Центр. Орг. обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а Центр. Ком.—переменный. Благодаря этому может произойти, что Центр. Орган разойдется во взглядах с русскими товарищами, что поведет к расколу.

Попов. Тов. Акимов говорил, что я приписал ему пошлые мотивы. Это неверно, я только констатировал, что он выступает, как Добчинский. Сделав это примечание, перехожу к вопросу по существу. Из дебатов выяснилось, что существует в организационном вопросе два направления. Все сходится в том, что слить в один центр Ц. О. и Центр. Ком. невозможно и что, потому, необходимо учреждение Совета, но в вопросе о роли Совета все расходятся. По проекту тов. Егорова и Мартова Совет должен быть только третейским учреждением, по проекту Ленина—руководящим. Я же предлагаю считать его руководящим центром Партии и тогда совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от Центр. Органа или от Центр. Ком.

Троцкий. Тов. Акимов задавал вопрос об отношении местных Ком. к Центр. Ком. и сфере компетенции последнего. Устав, говорил он, определяет сферу компетенции Центр. Ком. недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку Партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами.—Тов. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, «организованное недоверие». Это верно. Но это выражение было употреблено мною по отношению к предложенному представителями Бунда уставу, который представлял «организованное недоверие» со стороны части Партии ко всей Партии. Наш же устав представляет «организованное недоверие» со стороны Партии ко всем ее частям, т. е. контроль над всеми местными районными, национальными и другими организациями. ²⁵⁾

Глебов. Перечисление функций Центр. Ком. излишне в уставе, кото-

рый должен быть составлен в общих чертах. Необходимо предоставить местным организациям право обжалования в Совет при их распусчении. Тов. Либер опасался, что влияние Центр. Ком. при существовании Совета уменьшится. Он позабыл только, что в Совете будут не чужие люди, а также члены Центр. Ком.; затем, вообще влияние Центр. Ком. не может быть создано уставом. Оно находится всецело в зависимости от его деятельности и только гарантируется уставом.

Акимов. Я опять обращаю ваше внимание на вопрос о местных комитетах. Необходимо предоставить им большую свободу деятельности; необходимо, чтобы никакое решение Центр. Ком., Центр. Органа или Совета не могло быть проводимо в жизнь помимо местных комитетов. Местные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной местности как избирается Центр. Ком. представителями всех активных организаций в России. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будет ограничено число членов, назначаемых Центр. Ком. в местные комитеты, остальные же члены должны кооптироваться самими комитетами. Иначе Центр. Ком. может целиком уничтожить местный, например, Воронежский Ком. Но цели своей вы этим все равно не добьетесь, потому что, хотя распускаемые и представляют в Партии меньшинство, но в районе их деятельности они выражают взгляды большинства товарищей, избравших их.

Список ораторов предложено закрыть.

Гольдблат и Либер указывают, что вопрос о Бунде входит, как часть, в обсуждаемый пункт, как это было решено с'ездом, списки ораторов закрывать не следует, не обсудив этого вопроса: это будет нарушением постановлений с'езда.

Мартов. Вопрос о Бунде должен обсуждаться особо. Устав дает общие указания, но не детали отношений. И напрасно товарищи из Бунда так волнуются по этому поводу, как будто с'езд хочет устроить против них западню.

Предложение закрытия списка ораторов принято.

Егоров. Отмечаю, что закрытие списка ораторов было формальным нарушением со стороны с'езда своего постановления по второму пункту порядка дня.

Представители Бунда вносят следующее заявление: «Просим занести в протокол, что постановление с'езда относительно перенесения вопроса о Бунде в шестой пункт порядка дня осталось невыполненным, в силу того, что генеральные дебаты были закрыты прежде, чем этот вопрос был поставлен на обсуждение». Подписались: Либер, Юдин, Гольдблат, Гофман, Абрамсон.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Курский. Недоразумение относительно Совета, мне кажется, рассеивается тем, что каждое центральное учреждение выбирает по два человека, а они сообща выбирают пятого. Тогда Центр. Ком. в роли приказчика не явится, чего так боятся тов. Акимов. Его же предложение о местных комитетах проводит китайскую стену между Центр. Ком. и местными комитетами и потому совершенно неприемлемо. Что же касается положения о союзах, то я думаю, что их к местным комитетам приравнять нельзя, и число их голосов должно быть больше двух.

Ланге. Уместно в проекте устава коснуться вопроса о популярном органе, который отличается от вопроса о партийной литературе, этот вопрос нужно поставить в связь с вопросом о Центральном Органе.

Гольдблат. Спорные вопросы, порожденные предложенным уставом, совершенно ошибочно было бы сводить к равногласию между защитниками и противниками централизации. У нас, в Бунде, вполне последовательно проведена централизация, все мы являемся ее убежденными сторонниками и тем не менее я, не задумываясь, назову проект тов. Ленина—чудовищным. Централистический принцип предполагает контроль высших органов Партии над низшими, наблюдение и руководство ими, но ни в каком случае не может и не должен вести к уничтожению последних. Контроль может быть совмещен с существовавшим подлежащих ему учреждений, если поставлены хоть какие-нибудь границы его действию и определена хоть какая-нибудь компетенция тех организаций, которые ему подчинены. Контроль центральных органов должен сводиться к наблюдению за тем, чтобы партийные организации не нарушали бы постановления съездов, не действовали бы вразрез с партийной программой и основными принципами; в виду тех или иных временных и местных условий власть центра может быть и несколько расширена, но таков должен быть, по крайней мере основной принцип. Но совершенно не таков принцип, на котором построен проект Ленина. Он насквозь проникнут стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все, что делает каждая отдельная организация; он не ставит этому вмешательству абсолютно никаких пределов и, уничтожая всякую компетенцию

для отдельных, подчиненных организаций, подрывает возможность самого их существования; организации не могут существовать, если им предоставить одно лишь право: повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше. Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты. На таких началах не может держаться никакая организация. Мне приходится лишь удивляться тому, что не находится ни одного делегата от комитета, который протестовал бы против такого чудовищного проекта. Но это дело их, этих делегатов, не мне брать на себя роль адвоката комитетов, не находящихся пужным или возможным обеспечить себе хоть какой-нибудь *raison d'être*. Я перехожу специально к вопросу о том положении, которое, в силу предлагаемого устава, должен был бы занять в Партии Бунд. Тов. Мартов пытался показать, что принятие этого устава не предвещает еще вопроса о правах Бунда. Тов. Ленин вполне ясно опроверг этот взгляд. Он объяснил нам, что желает предварительного принятия только с тем, чтобы затем выработать пункты, определяющие положение Бунда, пункты, которые будут строиться на основании этого устава, как прямой вывод из выраженных в нем принципов. В виду этого разъяснения тов. Ленина, я считаю пужным указать на то, что принятием этого устава заранее исключается возможность принятия предложенных нами в свое время пунктов, при чем подобного рода предрешение вопроса совершается без того, чтобы данные пункты были даже поставлены на обсуждение. Что устав тов. Ленина исключает эти пункты,—это несомненно, так как этот устав делает совершенно необеспеченным и самое существование Бунда, который, по усмотрению Центр. Ком. может быть в любой момент распущен, и свободу распоряжения делами своей организации, в которые Центр. Ком. может (согласно объяснению тов. Ленина) вцепиваться без всяких ограничений и т. д. Я желал бы знать мнение об этом автора проекта и ставлю тов. Ленину следующие вопросы: не находит ли он, что его устав исключает возможность принятия предложенных бундовской делегацией пунктов; не находит ли он, что, во ясному смыслу его устава, Центр. Ком. Партии имеет право изменять состав Центр. Ком. Бунда, распускать его, отменять постановления бундовских съездов и т. д. и т. д.. Я жду на это определенного ответа.

В заключение я обращаю внимание тех, которые хотят сделать невозможным принятие наших предложений без их обсуждения, на крайнюю серьезность момента. Если наши предложения, представляющие минимальные условия для существования Бунда, будут отклонены, тем самым будет решен вопрос о выступлении Бунда из партии. Это говорю и я лично, это же говорит и вся бундовская делегация.

Либер. Как я слышу, со стороны многих товарищей раздаются возгласы неудовольствия и удивления по поводу заявления, моего товарища по делегации, Гольдבלата, но это совершенно напрасно: я уже, внося «проект» сделал аналогичное заявление, я говорил, что проект наш заключает такие принципиальные положения, без принятия которых Бунд в Партии оставаться не может. После этого краткого разъяснения, перехожу к разбору вопроса по существу. Еще и еще раз при-

ходится указать, что постановка вопроса о Бунде в предлагаемом тов. Лениным организационном уставе предрешает вопрос о Бунде, и напрасно тов. Мартов это отрицает. Когда я предложил тов. Ленину выбросить из соответствующего пункта устава слова «национальные организации», он от этого отказался, так как полагал, что все, что им было сказано в соответствующем пункте, должно относиться и к этого рода организациям. Итак, не разобрав еще вопроса о национальных организациях, нам предлагают уже определенное решение его в проекте товарища Ленина, и делается, это конечно, вполне сознательно. Нам говорят, для Бунда будет сделано исключение. Но мы этого не хотим, мы не хотим, чтобы был принят принцип, по которому в любой момент Центр. Ком. Партии мог бы распустить Центр. Ком. Бунда или даже окончательно его упразднить. Конечно, сразу, может быть, этого и не попытаются сделать, но здесь уже намечается известный процесс, здесь определяется известный путь, который должен вести к уничтожению Бунда, этой, по выражению тов. Мартова «исторической ненормальности». И тут еще приходят в негодование от наших «ультиматумов». Но оставим в стороне вопрос, был ли в данном случае «ультиматум» или нет. Разве без всяких ультиматумов любая организация не выступила бы, если бы на съезде были, против ее мнения, приняты принципы, отвергающие самые основы ее существования. Разве, напр., редакция «Искры» не выступила бы, если бы был отвергнут ее организационный принцип и принят так наз. «демократический»? Конечно, здесь им не приходится этого делать, ибо они имеют за собой огромное большинство. Но у нас этого нет. Что предлагает нам товарищ Ленин? Он пишет нам смертный приговор, но исполнение его отсрочивает на некоторое время, причем определение срока исполнения «приговора» передается Центр. Ком. Но неужели вы, товарищи, были так наивны, что могли хоть на минуту предположить, что при принятии подобного рода устава мы останемся в Партии?.. Что мы добровольно подпишем себе смертный приговор?! Нет, этого не будет никогда. Мы еще не собираемся умереть, напротив, мы чувствуем у себя приток свежих сил! И мы уверены, что если наши товарищи сумеют стать на точку зрения действительных интересов рос. соц.-дем. движения, а не какого-то фантома-организации генералов без армии, они поймут наше поведение и наше отношение к предлагаемому нам уставу.

Ленин. Заключительное слово я возьму после обработки устава в комиссии.

В комиссию выбраны: Ленин, Мартов, Егоров, Попов и Глебов.

Съезд переходит к обсуждению программы. Сначала обсуждается общая часть по пунктам.

Абзац первый—комиссия оставила в первоначальном виде (см. проект ред. «Искры» и «Зари»).

Мартынов предлагает формулировать первый абзац так: «тесная связь между капиталистическими странами цивилизованного мира и общие интересы пролетариата должны были сделать и сделали движение международным» и т. д.

Акимов. Когда я приступил к изучению проекта программы, который мы теперь разбираем, я выписал на отдельные листы каждый ее отдель-

ный тезис. Затем, я стал искать соответственных тезисов в программах Готской и Эрфуртской, Гайнфельдской и Венской, Гедистской, Бельгийской, Итальянской, Шведской, Уставе Интернационала. Я нашел, что почти по всем пунктам проект отклоняется от всех других программ, иногда явно, иногда в выражениях. Сравнивая все эти отклонения, я заметил, что все они сделаны в одну и ту же сторону, проникнуты одною и тою же тенденцией,—отрицания за пролетариатом значения творческой силы в деле развития социал-демократии, умаления его активной роли.

Иногда эти отступления, как, например, в том случае, о котором теперь идет речь, не являются особенно важными, но они все же должны быть исправлены именно потому, что они тенденциозны, и что тенденция их ошибочна.

В первом пункте проекта речь идет о причинах международного характера нашего движения.

Этот характер обуславливается двумя причинами. Во-первых, одинаковостью интересов и жизненных отношений пролетариев разных стран, несмотря на различие политических форм, при которых им приходится бороться, и, во-вторых, взаимной зависимостью экономической жизни всех капиталистических стран.

Связь между отдельными местностями Маркс считал только последним моментом, объединяющим борьбу, уже и без того однородную. Он говорит, между прочим, в Манифесте: «Улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение работников различных местностей... только и нужно, чтобы борьбу рабочих различных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в классовую борьбу всего народа» (стр. 12, пер. Плеханова).

Затем (на стр. 23) Маркс обобщает эту мысль от национального до интернационального движения: «национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже и теперь все больше и больше исчезают, благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, разнообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений».

Поэтому в Уставе Интернационала Маркс подчеркнул именно единство интересов тех наций, где возникает рабочее движение: «освобождение рабочих является не местной только или национальной задачей, но, напротив, затрагивает интересы всех цивилизованных наций».

Точно также в Эрфуртской программе сказано: «Интересы рабочего класса во всех странах капиталистического производства тождественны». В Венской программе сказано: «Борьба против угнетения должна быть международной, как и само угнетение», т. е. в тех странах, где совершается одинаковое угнетение,—капитализм, там и движение возникает одинаковое, международное; и это место программы сохранено еще из Гайнфельдского текста.

В проекте «Искры» отменен только один момент: связь, устанавливаемая между народами обменом. Другого же момента, именно того, который только и указан в других программах, в проекте нет.

Это одностороннее объяснение международного характера нашего движения является типичным для всего проекта. В проекте совершенно упу-

щены факторы, которые создают характерную, резко выраженную психологию пролетария и пробуждают классовое самосознание его. Поэтому необходимо исправить первый пункт проекта.

Русов. Предлагаю составить из всех поправок тов. Акимова программу, так они в сущности составляют таковую, принципиально отличающуюся от программы «Искры».

Акимов (к порядку). В комиссии я физически не мог защищать свои поправки, так как был ограничен пятью минутами, я не все поправки буду теперь вносить; я, действительно, мог бы их целиком, все вместе представить, но для этого мне надо 2—2½ часа.

Мартов. Я говорю в качестве делегата, дорожащего успешностью съезда. Почему тов. Акимов в течение года не мог представить свой контр-проект в русской прессе. Я не знаю никакого выхода, но ставлю на вид огромное неудобство превращать съезд в ученые заседания.

Председатель. Тов. Акимов совершенно верно заметил, что это вопросы важные. И поэтому нам необходимо принять практические меры, чтобы время даром не уходило. И эта практическая мера есть регламент, которому необходимо строго следовать. В регламенте сказано, что каждый имеет право говорить десять минут; я понимаю это в том смысле, что говорить можно десять минут обо всей программе.

Акимов требует прочтения регламента и, не получив ответа, вносит следующее заявление: «Прошу внести в протокол, что председатель, ставя на голосование свою интерпретацию регламента, отказал мне в требовании прочитать текст регламента. Председатель просил обратиться к секретарю».

Мартов. Предлагаю говорить по каждому пункту один раз по пять минут.

Предложение *Мартова* принимается.

Вотруется и принимается 42 голосами первый абзац программы (см. проект прогр. ред. «Зари» и «Искры»).

Акимов. Я нахожу совершенно невозможным обсуждение программы по пунктам ограничить такими мерами. В пять минут невозможно изложить свою мысль и бесполезно ее формулировать, если нельзя взять вторично слово для защиты себя против возражений. Указание Плеханова на многочисленность поправок, мною внесенных, неосновательно. Я действительно внес в комиссию 21 поправку, но перед съездом я желаю защищать только пять или шесть, имеющих особо важное принципиальное значение...

По регламенту я имею право говорить по десять минут три раза о каждой поправке, т. е. по полчаса в сумме. Шесть поправок взяли бы всего три часа, если я даже воспользовался всеми правами полностью для каждой поправки. Кроме моих поправок внесено очень немного, и большинство из них, по заявлению их авторов, не принципиального характера. Поэтому съезд может выслушать мою мотивировку поправок. Указание *Мартова* на то, что я должен был обосновать свои взгляды раньше в печати, опять-таки не имеет значения. Я был связан организ. дисциплиной, теперь же я могу и хочу защищать свои взгляды.

Затем *Акимов* вносит следующее заявление:

«Согласно регламенту съезда, каждый член съезда по поводу каждого вопроса, подлежащего голосованию, имеет право брать слово три раза и говорить каждый раз по десяти минут.

Когда во время общих дискуссий о программе было внесено предложение закрыть лист ораторов, то председатель, на запрос тов. Мидова, заявил, что после обсуждения проекта в комиссии, когда он поступит на обсуждение по пунктам, говорящие будут иметь возможность снова высказываться вообще о программе.

В настоящее время большинство съезда лишает возможности меньшинство защищать свои поправки к проекту тем, что, вопреки регламенту и вопреки прошлым заявлениям председателя, ограничило ораторов пятью минутами при защите поправок, т. е. таким временем, в течение которого нет физической возможности привести сколько-нибудь существенные доводы за вносимые поправки.

Констатируя факт, что большинство съезда совершило насилие над меньшинством отказавшись выслушать его доводы против проекта, я отказываюсь вносить свои поправки к проекту, которые защищать у меня отняли право».

Второй абзац программы принимается 44 гол., причем слова «свою партию» заменены словом «себя».

Относительно третьего абзаца комиссия предлагает первое предложение выделить в особый абзац и после слова «характером» вставить слово «современный». В этой форме третий абзац принят 43 гол.

Остальная часть третьего абзаца (ныне третий bis) принята единогласно.

К четвертому абзацу Мартынов вносит поправку, заменить последнее предложение следующей фразой: «ставя в прямую или косвенную зависимость от капитала».

Поправка отклонена и четвертый абзац принят 39 гол.

Пятый абзац принят единогласно.

В абзаце шестом комиссия предлагает заменить слова: «или даже», словами: «а иногда и».

Абзац шестой с поправкой комиссии принят 27 голос. против 11.

Седьмой абзац принят 41 гол.

В восьмом абзаце комиссия (двумя голосами против одного) приняла поправку—вставить после слов: «число и сплоченность» еще слово «сознательность».

Ленин. Эта вставка вносит ухудшение. Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность. В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих вне влияния социал-демократии.

Горин. Я считаю эту вставку неуместной, так как здесь говорится о процессе стихийного роста, который нужно отделить от частного процесса—ускорение естественного процесса.

Мартов. Тов. Горин вполне прав. Теоретически нельзя оторвать стихийный рост от сознательного воздействия (деятельность акушера), но в программе деятельности Партии их необходимо отделить. Если же приписать сознательности социалистический характер, то произойдет смешение, мето-

дологически неправильное и архитектурно невыдержанное. Если же понимать сознательность, как стихийную, то тогда это теоретически неправильно, потому что это не есть сознательность.

Либер. «Недовольство», если его понимать как нечто бессознательное, не растет, а уменьшается. Как процесс же сознательный, оно растет.

Мартинов. Этот тезис так неясно формулирован, что сами его составители разное его толкуют. Но всякое место в программе должно иметь одно определенное, резкое толкование. Тут необходимо представить весь процесс в целом, включая и деятельность социал-демократии, а этим мы несколько не умаляем активной роли социал-демократии.

Приступают к голосованию. Поправка отклонена и первоначальная редакция принята большинством.

Принимаются без изменения абзацы—девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый.

В абзаце тринадцатом, по предложению Мартова, принято: вместо «на каждом шагу встречаются еще остатки», сказать: «сохранились еще очень многочисленные остатки». Выброшено слово «общественного» перед словом «порядка».

Абзац 14 принят в старой формулировке, а в абз. 15, по предложению Либер и Плеханова, перед словом «республикой» прибавить: «демократической». а в конце читать: «конституция которой обеспечивала бы»...

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

На очереди прения о программе Партии, а именно, об общеполитической ее части.

§ 1 в редакции комиссии гласит: «самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, образующего одну палату и составленного из представителей народа».

Троцкий предлагает стилистическую поправку, а именно—читать конец § 1 так: . . . «в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату».

Лядов предлагает оставить формулировку комиссии, вставив в нее слова «в руках единого и нераздельного законодательного собрания»,

Страхов предлагает заменить слова: «самодержавие народа» словами: «верховенство народа», потому что «верховенство народа» лучше определяет ту мысль, которую необходимо выразить в данном случае. Здесь идет речь, конечно, о самодержавии парламента или, вернее, о верховенстве народа при посредстве самодержавия парламента. Поэтому, термин «самодержавие народа» в применении к данному случаю является неудачным и юридически неправильным.

Гусев поддерживает поправку тов. Страхова, хотя исходит из других мотивов. Мы во всех своих прокламациях восклицаем: «долой самодержавие»!, и этим как бы хотим самое слово «самодержавие» сделать ненавистным народу.

Ленин находит поправку Страхова неудачной, так как формулировкой комиссии подчеркивается именно воля народа.

Горин предлагает формулировать § 1 так: „Самодержавие в руках однопалатного законодательного собрания народа.

Мартов возражает против мотивировки тов. Гусева, указывая на то, что, наоборот, выставление принципа самодержавие народа против принципа царское самодержавие имеет агитационное значение.

Поставлены на вотирование поправки:

- 1) тов. Лядова: отвергнута громадным большинством.
- 2) тов. Троцкого: принята большинством 20 против 7.
- 3) тов. Горина: отвергнута большинством против 1.
- 4) тов. Страхова: отвергнута 25 голосами против 8.

Голосует весь параграф в формулировке комиссии с поправкой Троцкого. Принят.

Докладчик комиссии, *Егоров*, читает § 2: «Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; пропорциональное представительство; жалование народным представителям.

Мартов предлагает выкинуть пункт о пропорциональном представительстве.

Муравьев считает лучше вместо слов: «граждан и гражданок» читать: «граждан обоого пола».

Кольцов предлагает прибавить слова: «двухгодичный парламент», так как это есть повод к частой агитации.

Карский предлагает прибавить после слова «гражданок» слова: «без различия нации и религии».

Егоров поддерживает пункт о пропорциональном представительстве, как наиболее точное выражение соотношения общественных сил. Что касается двухгодичного парламента, то он находит, что нельзя принципиально доказать целесообразность именно двухгодичного парламента. Могут быть условия, при которых партии невыгодно связывать себе рук именно двухгодичным парламентом.

Попов поддерживает предложение тов. Кольцова, указывая на то, что соц.-демократия Европы борется за укорочение срока парламента, так как это лучше обеспечивает ответственность депутатов перед народом.

Троцкий. Поддерживаю предложение Мартова об исключении требования «пропорционального представительства», ибо это требование не принципиальное. Могут быть условия — при однородных избирательных округах — когда мы не будем требовать пропорционального представительства, ибо это последнее обеспечивало бы за всяким оттенком партийного течения возможность иметь свое представительство и тем поддерживало бы политику групп и нюансов, препятствуя образованию больших политических партий.

Старовер находит необходимым для социал-демократии бороться за короткий срок парламента, но полагает нецелесообразным устанавливать срок.

Фомин. Я не могу согласиться с возражениями тов. Троцкого против пропорционального представительства. Опыт тех стран, где оно существует, совершенно не оправдывает опасений, высказанных Троцким. Так, в Бельгии, где действует система пропорционального представительства, хотя и искаженная множественными вотами, наблюдается почти полное отсутствие мелких политических групп и фракций, в то время как в Германии, где

нет пропорционального представительства, такие фракции очень многочисленны.

Гусев говорит, что в Бельгии существование множественного голоса сильно затемняет значение пропорционального представительства. Поэтому, пример Бельгии неудачен и ничего не доказывает.

Посадовский. Заявления, сделанные здесь за и против поправок, представляются мне спором не из-за деталей, а серьезным разногласием; несомненно, что мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии (восклицания: «и неприкосновенность личности?»). Да! и неприкосновенность личности! Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели—социальной революции, мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить.

Поэтому, я высказываюсь против внесенных поправок, как могущих в будущем сузить свободу наших действий.

Плеханов. Вполне присоединяюсь к словам тов. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишила когда то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: *salus revolutionis suprema lex*. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—своего рода *chambre introuvable*, — то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если-бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели.

(Рукоплескания, на некоторых скамьях шиканье, голоса: «вы не должны шикать!» Плеханов: Почему же нет? я очень прошу товарищей не стесняться! Егоров встает и говорит: раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать).²⁹⁾

Егоров. Тов. Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции—другие. Мы пишем свою программу на случай конституции.

Гольдблат находит слова тов. Плеханова подражанием буржуазной тактике. Если быть логичным, то, исходя из слов Плеханова, требование всеобщего избират. права надо вычеркнуть из нашей программы.

Голосуются поправки: 1) *Муравьева*—отвергнута огромным большинством. 2) *Мартова* — принята большинством 16 против 10. 3) *Кольцова*—принята 22 против 14. Весь § 2 с поправками Мартова и Кольцова принят огромным большинством.

Читается § 3 в редакции комиссии: «Широкое местное и областное самоуправление».

Ленин против слова «областное», ибо это очень неясно и может быть истолковано в том смысле, что социал-демократия требует разделения всего государства на мелкие области.

Либер стоит за слово «областное», так как слова «местное самоуправление», есть самоуправление деревень и городов, область же есть союз деревень и городов.

Мартов несогласен с аргументацией тов. Либера, так как она не имеет ничего общего с социал-демократической аргументацией. За самовольные союзы общин мы стоять не можем. Но громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления даст нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ. Поэтому он вносит в резолюцию поправку и предлагает читать весь § 3 таким образом: «Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских местностей».

Костров поддерживает предложение тов. Мартова и считает, что включение его в программу Партии будет иметь широкое агитационное значение и привлечет в Партию новые силы. В некоторых местах, и в том числе у них на Кавказе, идея областного самоуправления очень популярна.

Карский находит, что областное самоуправление необходимо именно потому, что некоторые местности очень сильно отличаются по своим бытовым условиям и могут развиваться лишь при предоставлении им автономии.

Русов. Я присоединяюсь к предложению товарища Мартова о введении требования областного самоуправления и необходимости особого указания на наши окраины. Разнообразие бытовых условий и состава населения создают для наших окраин такую обстановку, при которой необходимы соответствующие этим условиям местные учреждения. Что нельзя

под одну рубрику подводить центры и окраины, признало даже русское самодержавие, хотя и выполняет это уродливо. Польские товарищи свое требование автономии Польши мотивировали необходимостью широкого самоуправления, обеспечивающего возможность культурного развития, так что этот пункт их вполне удовлетворит. Это требование будет также ответом тем националистам, которые думают, что решение окраинного вопроса может только быть в политическом обособлении. Наконец, это решение, не противоречащее нашим основным принципам, даст нам оружие в борьбе с такими националистическими организациями, какой явилась недавно, например, «Грузия». Требуя автономии Грузии для развития национальной культуры, они хотят организовать все общественные классы под национальным флагом. Указание же нами лишний раз, что обеспечение национальной культуры не противоречит интересам всего пролетариата России, совершенно застрахует рабочих от влияния таких элементов. Имея принципиальное значение в смысле решения окраинного вопроса, введение этого добавления в программу будет иметь также указанные практические результаты. Вот почему я обращаю особенное внимание товарищей на это предложение.

Троцкий. Высказываюсь против поправки тов. Мартова. Поскольку она имеет чисто техническое значение, она излишня: местное самоуправление может охватить и «область»,—термин не предредрает границ района. Поскольку она имеет принципиальное значение,—она утопает в 7 п. политической программы.

Мартинов находит, что слову «самоопределение» нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление.

Страхов предлагает выкинуть слово «областное», как излишнее в этом § и как вносящее лишь путаницу в понятие о широком местном самоуправлении.

Дебаты по § 3 прекращены и ставятся на вотирование

1) Поправка товарищей Ленина и Страхова—читать § 3-ий так: «широкое местное самоуправление».

Отвергнуто 26 гол. против 14.

2) Предложение комиссии.

Отвергнуто 25 гол. против 17.

3) Предложение товарища Мартова.

Принято 28 гол. против немногих высказавшихся против.

§ 4 в редакции комиссии гласит: «Неприкосновенность личности и жилища».

Параграф этот принят без прений единогласно.

§ 5 совпадает с § 4 старого проекта.

Либер предлагает после слова «печати» прибавить: «и языка». (Смех). Хотя это вызывает веселое настроение, однако, я нахожу это принципиально важным. В комиссии уже тов. Лениным предлагалось отнести это указание «языка» к пункту шестому. Находили это отнесение неуместным, ибо преследуется не гражданин за употребление языка, а преследуется самое право употребления языка, стесняется свобода всякого

гражданина говорить в каждом учреждении своим языком, отличающимся от государственного языка. Так, например, поляки пользуются гражданским равноправием в Германии, а в то же время преследуются их язык.

Мартов находит термин «свобода языка» неясным, вследствие его каламбурного характера. Равноправие всех граждан подразумевает свободу говорить на каком угодно языке. Оратор указывает, что в Германии, в Силезии, поляки требуют именно «равноправия».

Корский не соглашается с аргументацией Мартова и находит, что право говорить на родном языке очень необходимое и важное право, а не мелочи. Особенно это важно при судопроизводстве и в местных учреждениях.

Голосуются поправка тов. Либера. Отвергнута огромным большинством.

Ставится на вот весь § 5 и принимается огромным большинством.

§ 6 в редакции комиссии совпадает с § 5 старого проекта.

Этот параграф принят без прений единогласно.

§ 7 в редакции комиссии гласит: «Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы, национальности и языка».

Либер находит нелепым внесение слова «языка» в этот параграф и требует выделения его в отдельный пункт; преследуются не граждане за употребление языка, а самое его право говорить на своем языке.

Ленский предлагает прибавить к § 7 «право всякого гражданина изъясняться на своем языке повсюду: в государственных учреждениях и школах».

Гольдблат присоединяется к тов. Либеру на счет выделения вопроса об языке в отдельный пункт.

Егоров соглашается, что прибавка к формулировке комиссии слова «языка» не говорит ничего о равноправности языка. Раз в Польше, Малороссии и проч. существует запрещение говорить на родном языке в собраниях, на суде, в почтовых учреждениях, то мы должны выставить ясное и положительное требование равноправности языков.

Внесено предложение о прекращении дебатов и отклонено. Предложение закрытия списка ораторов принято.

Мартов считает фетишизмом, когда ораторы настаивают на равноправности национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены прав пользоваться родным языком.

Львов считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый охранниками, очень серьезным. Важно, что мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов.

Костич полагает, что ограничениями урезывается равноправность граждан в пользовании конституционными правами, а не то, что урезывается только право употребления языка.

Либер предлагает выбросить из § 7 проекта комиссии слова: «и языка» и создать особый абзац к § 7—о равноправности языка.

Троцкий (к порядку) просит сначала вотировать вопрос о желательности особого пункта о равноправии языков.

Голосование дает 23 за и 23 против. Поименное голосование дает те же результаты *).

Троцкий спрашивает, можно ли результаты голосования считать отрицательными, раз голосуется совершенно новое предложение и голосование дает равное число голосов *за* и *против*.

Либер протестует против подобного толкования и требует равноправия сторон.

Происходит вотирование внесенных поправок.

1) тов. *Либер*а (см. выше). *За*—17; *против*—23,—отвергнута.

2) Тов. *Ленского*—«право всякого гражданина изъясняться на своем языке повсюду: в государственных учреждениях, школах...». *Отвергнута* огромным большинством.

3) Тов. *Егорова*—«Равноправие всех языков, не исключающее существования государственного языка».

За — 21, *против* — 24.

Перебаллотировка „ 22, „ 24.

Отвергнута.

4) Тов. *Кострова*. «Равноправие языков во всех школах, учреждениях и собраниях». *За*—24, *против*—24.

При баллотировке по именам предложение *Кострова* принимается 24 голосами против 23 **).

(Заседание закрывается).

*) Голосовали *за*: Русов (2 гол.), Беков (2 гол.), Карский (2 гол.), Махов (2 гол.), Львов (2 гол.), Медведев, Посадовский, Ленский, Попов, Егоров, Горский, Брукер, Мартынов, Гофман, Гольдблат, Юдин, Либер, Абрамсон; *против*: Гусев, Осипов, Костич, Павлович, Панин (2 гол.), Сорокин, Белов, Лядов, Горин, Ожгин, Муравьев, Ланге, Дедов, Троцкий, Орлов, Плеханов, Ленин (2 гол.), Мартов (2 гол.), Герц, Браун; *воздержались*: Царев, Степанов, Дейч; *отсутствовали*: Иванов, Акимов.

**) Голосовали *за*: Русов (2 гол.), Беков (2 гол.), Карский (2 гол.), Махов (2 гол.), Львов (2 гол.), Медведев, Белов, Посадовский, Ленский, Попов, Егоров, Брукер, Мартынов, Дейч, Гофман, Гольдблат, Юдин, Либер, Абрамсон; *против*: Гусев, Осипов, Костич, Павлович, Степанов, Панин (2 гол.), Сорокин, Лядов, Горин, Ожгин, Муравьев, Ланге, Дедов, Троцкий, Орлов, Плеханов, Ленин (2 гол.), Мартов (2 гол.), Герц, Браун; *воздержались*: Царев, Горский; *отсутствовали*: Иванов, Акимов.

ЗАСЕДАНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Читаются и утверждаются протоколы седьмого и восьмого заседаний.

Затем съезд переходит к дальнейшему обсуждению § 7 программы.

Гольдблат вносит поправку: исключить из § 7, как он редактирован комиссией, слова: «и языка».

Поправка принята 24 гол. против 14.

Затем ставится на голоса весь § 7 с поправкой товарища Кострова. При первом голосовании за высказывается 22 голоса, *против* 20; при перебаллотировке: за—24 и *против*—24.

Возникает вопрос, что делать с § 7.

Ленин предлагает снова передать § 7 в комиссию, и если она не сумеет удовлетворить все стороны, то отложить вопрос до следующего съезда.

Либер протестует против передачи в комиссию: раз отдельные части параграфа приняты, то, тем самым, и весь параграф принят.

Председатель разъясняет, что после голосования по частям, параграфы голосуются и en bloc.

Карский отклоняет передачу параграфа в комиссию и предлагает выбросить весь параграф.

Гольдблат тоже отклоняет предложение сдать параграф в комиссию в виду того, что это поведет только к искусственному составлению того большинства, которого теперь нет, чтобы отвергнуть весь параграф; требует немедленной новой перебаллотировки.

Попов предлагает сдать параграф в комиссию для более удачной формулировки, ибо невозможно отвергать весь параграф из-за нескольких слов.

Панин предлагает кончить обсуждение вопроса и перейти к очередным делам.

Мартов считает всю поправку неудачной, не только с точки зрения стилистики, но и логики.

Плеханов предлагает оставить в программе параграф об уничтожении сословий и равноправности граждан, а вопрос об языке оставить до будущего съезда; по его мнению, очевидно, этот вопрос еще недостаточно созрел и требует выяснения в партийной прессе.

Егоров. Предложение тов. Плеханова противоречит желанию с'езда. Раз с'езд уже поставил на обсуждение и принял поправку о языке, то он, тем самым, признал себя компетентным по данному вопросу.

Карский считает оскорбительным самое предположение, что такой жгучий вопрос, как вопрос об языке, считается незрелым и немогущим быть разъясненным на с'езде.

Мартынов предлагает внести поправку в комиссию для стилистического исправления.

Попов предлагает новую перебаллотировку.

С'езд переходит к голосованию. Предложение тов. Ленина отклонено 26 голосами против 24. Предложение т. Плеханова отвергнуто 28 голосами против 17. Принято предложение тов. Попова 28 голосами.

Вновь голосуется параграф седьмой с поправкой тов. Кострова и отвергается большинством 25 голосов против 24.

Троцкий и *Нанин* предлагают перенести в комиссию добавление к § 7.

Либер предлагает выбрать сейчас же комиссию для выработки формулировки § 7.

Мартынов настаивает, чтобы было поставлено на вот его предложение.

Вносится и принимается предложение о закрытии прений.

Тов. *Либером* предложено с'езду ответить на три вопроса: а) следует ли данный параграф снова вернуть в комиссию? б) если да, то в старую комиссию, или выбрать новую? и в) зачем сдается пункт в комиссию?

Предложение а)—вернуть в комиссию принимается единогласно. По вопросу о цели передачи сделаны два предложения: 1) тов. Ленина—передать параграф в комиссию без специального указания и 2) тов. Мартынова—передать для редактирования и соглашения отдельных частей.

За предложение тов. Ленина подаво 25 гол., а за предложение тов. Мартынова (при поименном голосовании) 26 гол.¹⁾ Последнее, таким образом, принято.

27 гол. против 24 решено поручить это старой программной комиссии²⁾.

С'езд переходит к обсуждению § 8 общеполитической части программы, который в редакции комиссии гласит:

«Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства».

Гольдблат. Против «право на самоопределение» ничего возразить нельзя. В случае, если какая либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россией, то ей нельзя мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах. Но «право на самоопределение» еще не предотвращает тех трений и столкновений, которые могут возникнуть. Нам говорят: достаточно тех пунктов нашей программы, которые

¹⁾ При поименном голосовании за предложение тов. Ленина голосовали: Гусев, Осипов, Павлов, Степанов, Нанин (2 гол.), Сорокин, Лядов, Горян, Фомин, Муравьев, Ланге, Дедов, Троцкий, Ленский, Орлов, Горский, Плеханов, Дойч, Ленин (2 гол.), Мартов (2 гол.), Герц и Браун, а за предложение тов. Мартынова—Русов (2 гол.), Беков (2 гол.), Карский (2 гол.), Махов (2 гол.), Львов (2 гол.), Царев, Костиц, Иванов, Медведев, Белов, Посадковский, Попов, Егоров, Брукер, Акимов, Мартынов, Либер, Гольдблат, Абрамсон, Юдин, Гофман.

обеспечивают демократическую конституцию. Я думаю, что нет. Демократическая конституция лишь развязывает руки для борьбы, потому необходимо еще, чтобы были специальные требования, обеспечивающие права национального меньшинства. В параграфе об областном самоуправлении съезд признал их необходимость для приспособления государственного строя к специальным местным условиям. Но понятие «областное самоуправление» не совпадает с тем, о чем говорится в § 8, ибо нация не всегда совпадает с территорией; потому областное самоуправление может лишь обеспечить самоуправление всех наций, живущих на известной территории, но не обеспечивает свободное развитие национального меньшинства. Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей и потому предлагаю прибавить к § 8—«и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития».

Мартынов указывает на то, что общия учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особого учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальности.

Егоров. В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность развиваться, как таковая. Это—дело стихийного процесса.

Колызов. Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходят речь об их национализме. Между тем, та поправка, которая внесена тов. из Бунда, чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают.

Либер. Раз жупел национализма выплыл на сцену, то мы, вместо того, чтобы его бояться, должны поставить себе вопросы: существует ли национальный гнет? Должны ли мы его устранить? Или мы предоставляем той или другой национальности выселяться? Конечно, если какая либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей Партия препятствовать не будет. Но в России есть целый ряд национальностей, которые не желают уходить; однако, они страдают от гнета. Как мог бы русский пролетариат развиваться, если бы интеллигентные классы русского общества не давали бы ему ничего от своей культуры? Между тем, еврейский пролетариат не получает никаких благ от своей угнетенной интеллигенции. Следовательно, ради блага пролетариата необходимо гарантировать каждой национальности право на культурное развитие в рамках государства; иначе у нее явится желание выйти из его пределов.

Принято предложение о закрытии списка ораторов.

Мартов. Тов. Либер хотел бы видеть в нашей демократической конституции гарантии свободы национального развития. Но эти гарантии не даются одной фразой, а тов. Либер не указал конкретно, каковы должны быть те учреждения, которые могли бы обеспечить эти права.

Костич. Каждая нация должна иметь такие учреждения, говорит тов. Либер, и эти учреждения находятся в тесной связи с тем организационным планом, который предлагает Бунд.

Съезд переходит к голосованию. Поправка Гольдблата отвергнута большинством против трех. Предложение Либера формулировать § 8 так: «Признание за всеми нациями, входящими в состав государства, права на самоопределение и на свободу их культурного развития» — отклонено большинством против четырех.

§ 8 в редакции комиссии принят подавляющим большинством при нескольких воздержавшихся.

§ 9 в редакции комиссии совпадает с § 8 старого проекта.

Фомин вносит поправку: после слова «гражданину» прибавить: «равно как и иностранцу».

Ленин находит прибавление слова «иностранцу» излишним, так как само собой подразумевается, что соц.-дем. партия будет отстаивать распространение этого параграфа и на иностранцев.

Либер. Тов. Ленин говорит, что «само собой подразумевается», что социал-демократия будет отстаивать закон, по которому всякий иностранец может привлекать к суду чиновников. Нет, это не «само собой подразумевается»; как на пример, можно указать на то, что наши немецкие товарищи, когда происходят случаи ареста русских революционеров в Германии, заковывание их в кандалы и т. п., протестовали лишь против отдельных случаев, а никогда не вносили в парламент проекта подобного закона.

(Троцкий. Прошу занести слова тов. Либера в протокол).

Мартов. Так как слова тов. Либера будут занесены в протокол и, быть может, опубликованы и станут известны за границей, то я считаю нужным протестовать против заключающейся в них мысли, будто немецкие товарищи безучастно относятся к судьбе русских социал-демократов. Дело не в нежелании немецких товарищей, а в германской конституции. Я протестую против заявления тов. Либера, считая его шовинистической выходкой.

Царев предлагает придать § 9 такую формулировку: «непосредственную ответственность перед судом присяжных всех чиновников по жалобе всякого лица».

Плеханов предлагает в редакции комиссии заменить слово «гражданину» словами: «всякому потерпевшему».

Страхов желал бы формулировать весь параграф так: «право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника».

Герц дает другую формулировку: «предоставление права каждому преследовать всякого чиновника перед судом присяжных без жалобы по начальству».

При голосовании предложение Фомина получает 3 голоса, предложение Царева — 12 гол., предложение Плеханова — 8 гол., предложение Страхова — 30 гол. и предложение Герца — 13 гол.

Принята, поэтому, формулировка Страхова.

Комиссия затем предлагает § 11 следующего содержания: «Бытность судей народом».

Брукср предлагает прибавить: а) уничтожение специальных судов; б) подсудность всех лиц общему суду в общем порядке; в) отмену смертной казни; г) бесплатную юридическую помощь.

Либер поддерживает пункт об отмене специальных судов; он приводит в пример Францию, где социалистам приходится бороться против специальных военных судов.

Троцкий считает этот пункт излишним, т. е., требуя выборных судей, мы требуем тем самым уничтожения всяких специальных судов.

Мартов. Мы требуем отмены постоянного войска; а не будет войска,— не будет и военных судов, равно, как не будет судов дворянских при уничтожении сословий. Не следует вводить мелких требований об уничтожении военных судов, раз мы против милитаризма.

Плеханов разъясняет, что введение милиции еще не уничтожает военных судов, чему пример мы видим в Швейцарии.

Махов. Недостаточно выборных судей; необходимо определить самый характер судов; на примере Англии мы знаем, что и выборные судьи могут быть буржуазными.

Лядов против всяких специальных пунктов, раз принимается пункт о выборности судей.

Горин предлагает в редакции комиссии выбросить слово «народом».

Кольцов предлагает в той же редакции прибавить «и присяжных».

Съезд переходит к голосованию. Предложение Брукера голосуется в четыре приема: пункт а) отвергнут 24 гол. против 17; пункт б) — большинством против одного; пункт в) (восклицание из среды делегатов: а для Николая II?) отклонен большинством против десяти и пункт г) — большинством против одного. Поправка Горина отклонена большинством против пяти и поправка Кольцова — большинством против десяти.

§ 11 в редакции комиссии принят единогласно.

Либер (для личного замечания). Считаю необходимым заявить следующее. Истолкование, данное тов. Мартовым моим словам, и его определение моего заявления, как «шовинистической выходки», я не могу иначе называть, как выходкой демагогической и притом с самыми скверными целями. (Председатель останавливает оратора, но Мартов просит «предоставить оратору свободу языка»). Я замечаю, что мои слова вызывают волнение нашего бюро. Напрасно только оно не реагировало подобным же образом на оскорбление, брошенное по моему адресу товарищем Мартовым; тогда оно было спокойно. Конечно, если товарищ Мартов заявит, что он сказал эти слова лишь в раздражении,—я, в свою очередь, возьму свои слова обратно; если же тов. Мартов скажет, что он употребил выражение «шовинистическая выходка» вполне сознательно, то я еще раз повторяю: я иначе не могу назвать его образ действия в данном случае, как демагогической выходкой и притом с самыми скверными целями.

Мартов (для личного замечания). Объяснение, данное товарищем Либером, по поводу его слов о германской социал-демократии, не разубедило меня в том толковании, которое я дал его словам. Мою речь он назвал демагогической выходкой. Я не совсем понимаю, где тот «народ», пред которым я упражнялся в этой демагогии. В виду попытки так характеризовать мои слова, я не могу их взять обратно.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Читается § 12 *общеполитической части* программы, совпадающий в редакции комиссии с § 9 старого проекта (редакции «Искры» и «Зари»).

Либер. У нас нет термина «милиция», Всеобщее вооружение и милиция не одно и то же. Всеобщее вооружение может быть обычным, оно может быть объявлено во время войны, но это не то, что существует в Швейцарии. Предлагаю заменить слова «всеобщее вооружение» словом «милиция», а первые слова поставить рядом в скобках.

Ленин. Слово «милиция» ничего нового не дает и вносит путаницу. Слова «всеобщее вооружение народа» ясны и вполне русские. Я нахожу поправку тов. Либеру излишней.

Поправка Либеру большинством отклонена и § 12 в редакции комиссии принят.

Затем принимается без прений § 13, соответствующий § 10 старого проекта.

Докладчик комиссии читает § 14, совпадающий с § 11 старого проекта, и заявляет, что предложенные в комиссии поправки не получили там большинства.

Либер. Предлагаю второй абзац этого пункта выбросить. В понятие дарового и общеобязательного образования само собой входят и учебники, так как без них учиться нельзя. Затем, деление детей на богатых и бедных обидно, на что указал верно и Поссе.

Лидов. Я согласен с Либером, но по другим мотивам. Я нахожу, что это—детализация, несогласная с духом нашей программы.

Егоров. Я и в комиссию вносил ту же поправку. Здесь часто ссылаются на «само собою разумеется». Если мы введем в демократическом государстве обязательное образование, то постараемся, чтобы все и учились. Нельзя обязать, если нет средств. Это само собою разумеется. Не вносим же мы, например, пункта о даровой юридической помощи.

Мартов. Я советовал бы осторожнее соглашаться с пустомелей Поссе ³⁴⁾, иначе легко попасть в дурную компанию. Для социалиста и революционера не может быть обидно, что есть бедные и богатые. Для слезоточивых демократов этот факт нужно замазать. Дети бедных рабочих все равно бу-

дут знать, что они бедные. Социалистические партии Запада, введшие этот пункт в свои программы, не боялись подчеркивать, что есть бедные и богатые, и не считали его деталью. Для социал-демократов особенно важен вопрос о народной школе. Нужно, чтобы и эти детали оставались, как и детали фабричного законодательства. Я предлагаю только сделать в этом пункте одно добавление: «на родном языке». Это облегчит работу комиссии. Вопрос о школе уже «равноправия» языков, но очень важен. Преподавание страдает от непонимания детьми языка, на котором учат в школе.

Плеханов. После Мартова мне остается только прибавить, что если обидно напоминание о бедных, то и подходящий налог надо стесняться вводить. Всеобщее образование вовсе не предполагает даровых учебников, что видно на примере Швейцарии. Это одно из противоречий, свойственных капиталистическому обществу. Я жил в Швейцарии; отсутствие даровых учебников доставляет там беднякам массу унижений. Относительно же пищи, укажу на свидетельство швейцарского инспектора Шулера. По его словам, дети бедных должны часто идти в школу голодными. Вопрос об образовании я считаю основным вопросом, это гарантия прав пролетария.

Карский. После слов тов. Плеханова мне нечего повторяться. Замечу только, что все, что подразумевается, выполняется буржуазными правительствами.—Я против прибавления в этом § слов на «родном языке». Я нахожу это добавление излишним, так как тем самым упраздняется особый §. Мы хотим для этого отдельного параграфа. Замечание тов. Мартова о дурной компании неуместно.

Председатель просит тов. Карского воздержаться от таких выражений.

Егоров. Я категорически высказываюсь против прибавления Мартова. Это значило бы разменять на мелочи серьезный вопрос и создало бы затруднение в согласовании § 7 с этой добавкой. Я вижу здесь ясно выражаемое желание подвести большинство с'езда.

Председатель просит тов. Егорова взять последние слова обратно.

Егоров. Я их беру, но замечу, что всякий, вносящий поправку, должен подумать.

Председатель. Это общее правило.

Мартов. Если дали второй раз слово тов. Егорову, то я тоже должен возразить: моей поправке придано не то значение.

Троцкий находит предложение Мартова целесообразным и присоединяется к нему.

Мартов. Внося свое предложение, я исполнял поручение комиссии. Я долго думал, какую найти формулировку, чтобы удовлетворить все желания. Я нашел возможным по логическим соображениям внести сюда этот пункт. Он формулирован резко и определенно. Я никак не ожидал, чтобы мое желание удовлетворить ту сторону было истолковано, как политический прием. Я поставлю на вид тов. Егорову, что при излишней подозрительности и дипломатичности можно попасть впросак.

Гольдблат. С этой поправкой мы не можем согласиться. Из общего пункта выхвачена часть и вносится сюда. Тем самым идет на смарку

все остальное. Из заявлений Мартова и Троцкого выходит, что большинство должно удовлетвориться «языком» в школе. Подобное предложение клонится к тому, чтобы раздробить пункт и выбросить большую часть существенного.

Ленин. Я против предложения Мартова. Поправки в различных пунктах будет удобнее внести после работ в комиссии.

Русов. Вчера мы говорили о равноправии языков, имея в виду не школы, а все местные общественные учреждения. Говорить о равноправии языков в школе не имеет смысла, так как в каждой школе должен быть один господствующий язык, иначе выйдет не школа, а чорт знает что! Удобное выражение этого пункта есть признание необходимым преподавания на родном языке. Что же касается равноправия языков, то оно должно быть признано во всех местных правительственных учреждениях, т. е. должно быть признано за населением право требовать ведение дел в местных правительственных и общественных учреждениях на родном языке наряду с государственным. Вот почему я думаю, что поправка Мартова не исключает возможности признания равноправия языков.

Попов. В общей формулировке подразумевалось преподавание на родном языке не только в первоначальной школе, а и в университете. Я выражаю сожаление, что по поводу пустяков создается такая атмосфера. Желательно, чтобы она прекратилась.

Старовер говорит по поводу заявления тов. Гольдблата, что, как член программной комиссии он может заявить, что предложение Мартова, разбиравшееся в комиссии, отнюдь не имело в виду поставить на смарку вопрос о равноправии языков.

Троцкий предлагает в данный § прибавить: «Преподавание на родном языке, по требованию населения».

При голосовании предложение *Либер* («выбросить второй абзац») отклонено, поправка *Троцкого* принята 30 против девяти. Весь § 14 с поправкой *Троцкого* принят единогласно.

Принимается затем абзац об отмене косвенных налогов и т. д.

Затем ставится на обсуждение с'езда часть программы, касающаяся охраны рабочих.

Дебатируются сначала: введение и §§ 1 и 2.

Лядов требует непрерывного отдыха в 42 часа, так как 36 часовой отдых и теперь существует на многих заводах.

Егоров. В комиссии это было отвергнуто. В иных производствах, в виде исключения, существует шестичасовой рабочий день, но мы требуем восьми часов.

Либер находит, что в программе ничего не говорится о надзоре в мелком производстве.

Егоров. В комиссии говорилось об этом, но пришлось бы очень расширить программу по разнообразию условий. Как быть с теми производствами, где работают не наемные рабочие, а родные дети.

Ленин ничего не имеет против 42 час. отдыха, а *Либеру* замечает, что в программе говорится о надзоре за всеми производствами. Если ука-

вать размер, то это только ограничит смысл. Когда наша программа будет законопроектом, тогда внесем детали.

Либер предлагает добавить слова: «без отношения к размеру производства».

Троцкий предлагает продлить воскресный отдых до 42 часа.

Махов. В Николаеве уже существует отдых в 40 час.

Царев. На юге в механических заводах отдых больше 36 часов.

Костров. В Батуме 37 час. отдыха.

Муравьев предлагает в § 2 выбросить слова: «во всех отраслях народного хозяйства».

Съезд переходит к голосованию: введение и § 1 приняты. Поправка к § 2 *Либер*а — *отвергнута*, *Муравьева* — *отвергнута* и *принята* поправка *Лядова* о 42 час. отдыхе. Весь § 2 с поправкой *Лядова* затем принят.

Принимаются также §§ 3 и 4 (с поправкой, вместо «5 часов» читать: «6 час. утра»).

Обсуждается § 5.

Глебов предлагает запретить нанимать детей в школьном возрасте. Такое требование заинтересует культурные элементы.

Кольцов за запрещение также и родителям эксплуатировать детей. На Цюрихском конгрессе (1897 г.) клерикалы были против вмешательства в домашний труд, а соц.-дем. воевали с ними за надзор за домашним трудом.

Махов присоединяется к *Кольцову*, но находит, что и родители бывают предпринимателями, и за такими семьями надо учредить надзор. Няньчить же запретить нельзя. Надо исключить слово «наемный».

Лядов и *Царев* требуют для подростков шесть час. работы, а не четырех, ибо последнее усилило бы власть родителей.

Гольдблат возражает тов. *Глебову*: нельзя одурачить Земский Собор, либералы заметят. Они временно согласятся; когда же дело дойдет до конкретизирования школьного возраста, то тут-то его и ограничат.

Егоров. Я не против предложения тов. *Глебова*, но не согласен с его мотивировкой: понятие школьный возраст показывает, что цифры взяты не произвольно.

Съезд переходит к голосованию. Поправка *Махова* (исключить слово «наемным») *принята*; поправка *Кольцова* (выбросить слова: «предпринимателям» и «наемным») *отклонена*; поправка *Попова* (шестичасовой рабочий день для подростков) *принята*; поправка *Кострова* («совершенное запрещение ночн. работы для лиц обоего пола, не достигших 18-ти летнего возраста») *отклонена*. Весь § 5 с принятыми поправками *принимается*.

§ 6 комиссией изменен: вместо слова «рожениц» вставлено «женщин»; вместо «двух недель до и четырех после родов» принято: «четыре недель до и шести недель после родов» и прибавлено «с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время».

Со всеми этими поправками § 6 *принимается*.

Один из делегатов. Между 6 и 7 §§ в комиссии решено вставить § о яслях для грудных и малолетних детей и об их кормлении. Я был

против этой детали. Я думаю, что этот пункт предreshает обязательное устройство фабричных больниц и увеличит приложение женского труда и тем сыграет в руку фабрикантам. Кроме того, этот вопрос требует обсуждения и потому должен быть отдан в комиссию и отложен до будущего съезда. Я, как врач, думаю, что смертность детей не увеличивается от превращения кормления грудью. Это вопрос спорный, и так думают от пристрастия к «естественности».

Либер находит, что в яслях, устроенных при фабриках, не будет применена гигиена. В Швейцарии, напр., ясли устроены при специальных гигиенических условиях.—Предлагаю этот пункт выбросить.

Другой делегат. Мотивы, заставившие меня предложить дебатруемый сейчас пункт, я излагал в комиссии. Здесь ответу на сделанные сейчас товарищами возражения. Они сводятся к следующему. Во-первых, говорят, что это — деталь. Я решительно не согласен с этим. Дело идет о целом многочисленном слое пролетариев, о всех детях грудного возраста и первых годов жизни. Наша программа так тщательно детализирующая все требования в интересах охраны рабочих взрослых и подростков, совершенно игнорирует детей пролетариата в этом возрасте, а, между тем, в этот период этот самый многочисленный слой пролетариата наиболее нуждается в охране. Ужасающая детская смертность давно уже обратила на себя внимание науки, и статистические исследования, предпринятые для выяснения причин этой смертности, доказали, что главной причиной является неправильное питание. Товарищ, высказавшийся против моего предложения, основывает свои возражения на данных медицинской науки и мне приходится пойти за ним в область медицины. Я утверждаю, что товарищ совершенно неправ, когда говорит, что в настоящее время не доказано, что самая подходящая пища для детей—это молоко матери. Я утверждаю, что это в медицине уже твердо установленный факт, это не фетишизм перед естественностью, как думает товарищ, а факт, установленный статистикой, наблюдением и вполне согласный с нашими научными познаниями. Гг. профессора давно уже проповедают со всех кафедр, что всякая мать должна кормить своего ребенка грудью, так как лучшая пища для ребенка—молоко женщины. Те суррогаты, которые так щедро предлагаются техникой, никогда не могут заменить женского молока. И это даже при той педантической тщательности, которая необходима при искусственном вскармливании и которая, понятно, может быть проведена только в относительно состоятельных семьях, а не в семье пролетариев. Господа профессора в своих лекциях забыли о тех женщинах, которых нужда вырывает из семьи, отрывает от ребенка и гонит на фабрики. Если профессора о них забыли, то не должна забыть о них рабочая партия. И это тем более важно, что с каждым годом увеличивается потребление женского труда в производстве, с каждым годом все большее число женщин ввергается в фабрики и заводы и все большее число детей лишается этим единственно-пригодной для них пищи. Я считаю поэтому необходимым, чтобы в нашей программе нашло себе место следующее требование: чтобы ни одна мать не могла быть лишена возможности кормить своего ребенка грудью. Исходя из этого, я предлагаю регламентировать условия труда женщины, кормящих грудью своих детей. То-

варищ Либер указывает, что я, сказав в своем проекте «при заводах и фабриках должны быть устроены ясли и т. д.», помещая ясли в гигиеническое место, так как, мол, известно, что на фабриках и заводах не благоприятны гигиенические условия. Но я, говоря «при заводах» и т. д., не имел в виду топографическое определение, я хотел сказать, что там, где применяется труд женщины, там должны быть приняты указываемые меры. Место же, где построят ясли, понятно, должно быть выбрано удовлетворяющее требованиям гигиены.

Вот почему я продолжаю настаивать на внесении в программу предлагаемого мною пункта.

Лядов подтверждает правильность выводов говорившего перед ним товарища о детской смертности. Но, вследствие неразработанности вопроса, предлагает его сдать в комиссию и отложить до будущего съезда.

Брукер. Ясли уменьшают смертность, это вещь известная.

Егоров. Предлагаю оставить вопрос об яслях до следующего съезда.

Предложение первое отклонено. Пункт об яслях принят и входит в программу, как § 7.

§§ 7 и 9 проекта программы «Искры» и «Зари» комиссия соединила в один (см. § 8 программы).

Посадовский. И в прежнем проекте, и в теперешней его редакции мне представляется, что весь этот седьмой пункт неудачен и совершенно не соответствует тому положению, какое наша партия должна занять по отношению к вопросу об ответственности предпринимателя за несчастие с рабочими и потерю рабочими трудоспособности (полной или частичной). Прежде всего, здесь не проводится принципа уголовной ответственности предпринимателя за потерю рабочими трудоспособности. Рабочий страдает не только, как производитель ценности, он страдает и как индивидуум, и жизнь и здоровье его должны быть защищены. Пункт 14 проекта, устанавливающий уголовную ответственность предпринимателя за неисполнение законов об охране труда,—представляется мне совершенно не обнимающим всех случаев, где предприниматели должны подлежать уголовной ответственности. Не только тогда, когда рабочий пострадал при неисполнении предпринимателем законов, охраняющих рабочего, но и в тех случаях, где закон не предусмотрел, а предприниматель сам не принял мер предосторожности, хотя и мог их предпринять,—он должен подлежать уголовной ответственности. По отношению к вопросу: «когда предприниматель подлежит гражданской ответственности?» проект и комиссионная формулировка дают неправильное и, во всяком случае, неопределенное решение. Я думаю, что несомненно, что предприниматель должен нести всегда гражданскую ответственность. Какое дело рабочему до того, виновен предприниматель или нет? Данное производство должно окупать все разбитые в данном процессе производства существования. Только в одном случае предприниматель освобождается от гражданской ответственности: это в случаях, если рабочий сознательно, умышленно причинил себе увечье. Тогда уже все общество в целом несет ответственность.

Если мы эти два принципа положим в основание и, исходя из них, установим свое отношение к данному вопросу, то мы разобьем все случаи потери рабочими трудоспособности на три категории:

1) Рабочий потерял трудоспособность, при чем предприниматель не принял всех тех мер предосторожности, какие он мог бы принять (не только те, что указаны законом). В таком случае он подлежит и уголовной, и гражданской ответственности.

2) Рабочий потерял трудоспособность, причем предприниматель принял все возможные меры предосторожности. Предприниматель освобождается от уголовной, но подлежит гражданской ответственности.

3) Рабочий сознательно, умышленно причинил себе увечье. Предприниматель освобождается и от уголовной, и от гражданской ответственности. А рабочий уже получает пенсию от государства. Приняв в соображение все вышесказанное и поставив непременно условием, что (onus probandi) «необходимость доказать» должна всегда лежать на предпринимателе, я вношу прилагаемый проект редакции этого пункта программы.

Егоров. Я против предложения Посадовского: 1) уголовная ответственность—это требование самого отсталого законодательства в том числе и русского: если рабочий упал с лесов, то хозяин привлекает к ответственности архитектора; 2) нахожу, что детализация вопроса излишня. Я думаю, что вопрос вытекает не из воли предпринимателя—вносить индивидуальную ответственность нельзя—надо расплачиваться всем капиталистам вместе. Приходится каждый раз потерпевшему предъявлять жалобы, это очень тяжело. Вопрос решается особыми кассами и инспекцией. Следует меньше субъективировать вопрос; увечный рабочий должен быть вознагражден, виновен ли капиталист или нет, отвечать должен весь класс капиталистов. Предприятия, в которых работа опасна, должны быть обложены большим налогом.

Михов. Незачем соединять гражданскую и уголовную ответственность, хотя последняя пугает фабрикантов, и заставляет их идти на уступки; но существуют на фабриках директора «по неприятностям»—их специальность—сидеть в тюрьме. Следовательно, уголовная ответственность ничего не дает. Поэтому, я стою за государственное страхование.

Горин по тем же мотивам высказывается за личную ответственность.

Лядов. Я не за личную ответственность—хозяин обанкротится, и рабочие лишатся пожизненной пенсии. Поэтому, я за общий налог на фабрикантов.

Львов. Высказываюсь за государственное страхование и предлагаю прибавить: «обязательного применения всех усовершенствований техники, предохраняющих рабочих от несчастных случаев (особенно при горных работах)».

Орлов. Я за уголовную ответственность: она дает толчок развитию техники по ограждению рабочих; денежная же пеня быстро уплатится—это дешевле, чем применять дорогую машину.

Егоров предлагает прибавить: «путем специального, прогрессивно увеличивающегося в зависимости от опасности данного предприятия налога на предпринимателей».

Мартынов предлагает в поправке тов. Егорова после слова «опасности» прибавить слово «неустройства».

Посадовский предлагает весь § формулировать так: «Установление законом гражданской и уголовной ответственности нанимателей за полную

или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства».

Примечание. «От уголовной ответственности наниматель освобождается лишь в том случае, если докажет, что он не мог предвидеть потерю рабочими трудоспособности. От гражданской ответственности наниматель освобождается лишь в случаях, если докажет, что рабочий намеренно причинил себе увечье и лишил себя трудоспособности».

При голосовании, предложение Посадовского и все поправки отклоняются. Весь параграф восьмой в редакции комиссии принимается.

§ 9, совпадающий с § 8 старого проекта, принят с следующими поправками: после слова «расплаты» прибавить слово «деньгами» и перед словом «договором» прибавить: «без исключения».

Принято предложение тов. Лядова поставить после § 9—§ 15 прежнего проекта.

§ 15 (отныне § 10) принят.

Затем принимается § 11 (отчасти совпадающий со старым § 10).

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

По открытии заседания читается § 11 проекта программы (редакции «Искры» и «Зари»), т. е. § 12 принятой программы.

Лядов предлагает вставить следующие три пункта:

1) Учреждение аграрной инспекции для наблюдения за всеми теми сельскими хозяйствами, в которых имеются наемные рабочие.

2) Пункты 1-13 распространяются и на все сельское хозяйство с наемным трудом.

3) Арендаторы, снявшие землю исполу или под условием обработки помещичьей земли, считаются наемными рабочими, и, как таковые, подлежат ведению аграрной инспекции.

Лядов. Мне кажется необходимым внести эти пункты: хотя сельские хозяйства, как следует из предыдущего, и подлежат ведению фабричной инспекции, но это необходимо подчеркнуть. Кроме того, я считаю нужным учреждение особой аграрной инспекции. 3 пункт показывает, что арендаторов мы считаем пролетариями. Вся наша аграрная программа касается не пролетариата, а в этом пункте мы выделяем пролетариев.

Ленин. Высказываюсь против поправки тов. Лядова. Первые две его поправки излишни, так как в нашей программе мы требуем охраны труда для всех отраслей хозяйства, следовательно, и для сельского в этом числе. Что касается третьей, то она целиком относится к аграрной части, и мы вернемся к ней при обсуждении нашего проекта аграрной программы.

Председатель. По просьбе Лядова голосуем его поправку по частям.

Две поправки большинством всех против одного отклоняются, третью Лядов берет обратно. Затем голосуется и единогласно принимается двенадцатый §.

Читается § 13.

Гусев. Не ясно, учреждается ли за счет предпринимателей санитарный надзор или это относится только к медицинской помощи. Предлагаю вычеркнуть «и» после слова «труд» и поставить точку с запятой.

Поправка ставится на голоса и принимается 18 против 3.

Махов. Дело в том, что, как это ни странно при настоящих порядках, при бесплатной медицинской помощи на фабриках принято во все

время болезни сохранять за рабочими получаемое ими содержание. В программе наших требований мы не говорим об этом, а между тем этого пункта исключить нельзя.

Егоров. Нельзя ничего иметь против такой поправки, но тогда нужно определить время, в течение которого рабочий должен получать содержание. Можно болеть и десять лет.

Посадовский вносит поправку:

Прибавить к этому пункту: «при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей».

Ставится на голоса поправка Махова: «с сохранением содержания во время болезни». Принято 20 голосами против 3.

Махов. Поддерживаю поправку Посадовского, так как зависимость врачебного персонала ведет к массе злоупотреблений.

Голосуются поправка Посадовского и принимается 25 против 4.

Голосуются весь § 13. Принимается единогласно.

Читается § 14.

Махов. Во всех законодательствах установлена уголовная ответственность предпринимателей. В § 14 нужно включить не это, а то, что всякий имеет право привлечь к суду предпринимателя за нарушение закона об охране труда.

Костич. Считаю поправку излишней. Сейчас нет ответственности предпринимателей.

Махов берет поправку назад.

Голосуются и принимается единогласно весь § 14.

Читается § 15.

Либер. Что значит «промысловый суд»? Составляется ли он по отраслям труда?

Ленин. Да, конечно.

Читается и принимается единогласно весь § 15.

Читается § 16.

Костров. Биржи труда имеют важное значение для рабочих, а потому должны состоять исключительно из рабочих.

Либер. Предлагаю поправку: «посреднические конторы во всех отраслях производства находятся под управлением представителей рабочих организаций».

Мартов. Хочу сказать несколько слов в объяснение, почему принята такая редакция. Мы хотели предусмотреть устройство таких бирж труда и для сельско-хозяйственных рабочих. Так как последние представляют наиболее отсталый элемент и притом кочевой, то предоставить им заведение биржами труда было невозможно, и потому мы приняли такую редакцию, надеясь, что каждый раз мы ставем бороться за более активное участие рабочих в биржах труда.

Егоров. Присоединяюсь к этому замечанию. Ведь, биржа труда — это посредническая контора, на обязанности членов которой лежит посредничество. Никакой закон не может возложить этой обязанности на частные рабочие организации.

Илеханов. Полагаю, что тов. Егоров не понял тов. Либер. Нельзя возражать против этой поправки с точки зрения ее осуществимости. В Швейцарии, напр., биржа труда уже находится в заведывании рабочих. Скорее прав Мартов.

Малов. При организации пунктов для найма сельскохозяйственных рабочих существует правило давать им пищу. Безработные принимаются в расчет, несмотря на протест земцев. А мы в нашей программе забыли о безработных.

Муравьев. Предлагаю поэтому поправку: «учреждение врачебно-производственных пунктов в местах временного (сезонного) скопления рабочих».

Вотруется поправка Либер: после слова «производства» вставить: «находящиеся под управлением рабочих организаций».

Отклоняется 19 против 10.

Голосует и отклоняется большинством всех против одного поправка Муравьева. Голосует и отклоняется большинством всех против одного поправка Кострова: «а биржи труда для промышленных рабочих находятся в полном заведывании последних».

Голосует и принимается большинством § 16.

Читается вводная часть к аграрной программе.

Либер. Мы полагаем, что будет доклад.

Ленин. Должен сказать, что доклада у нас не вышло. Комиссия оказалась не в состоянии справиться с этим вопросом.

На вопрос Егорова, председатель заявляет, что при обсуждении аграрной программы восстанавливается общий порядок дебатов, т. е. принятый в начале съезда регламент.

Ленин. Предлагаю поправку: вместо «будет добиваться» — «требуется прежде всего».

Егоров. Не знаю, как можно вести дебаты в порядке этих пяти строк. Вопрос об аграрной программе не выяснен. Предлагаю хотя бы прочесть всю программу, и потом вести общие дебаты. Пять строк выясняют идею автора, но связь их со всей программой остается непонятной.

Голосует и принимается это предложение.

Читается аграрная программа.

Мартынов. В основу предлагаемой нам аграрной программы положен совершенно правильный принцип. Мы находимся накануне революции, которая должна окончательно ликвидировать отживший сословно-крепостной строй и уступить место буржуазно-демократическому. Эта революция может и должна раздаться революционным способом, т. е., не считаясь с исторически-приобретенными правами, со всеми отношениями, выросшими на почве старого строя; эта революция не затронет основ нового строя, момент ликвидации которого еще не назрел. Предстоящая революция есть по существу историческая миссия буржуазии. Но партия пролетариата должна взять на себя выполнение и тех революционных задач, которые должна была выполнить, но не выполнила буржуазия. Таков основной принцип программы. Но не трудно убедиться, что некоторые существенные пункты этой программы вовсе не вытекают из этого принципа. Я имею в виду два пункта: возвращение крестьянам выкупных платежей, взим-

мавшихся от 1861 года и возвращение крестьянам земли, отрезанной у них в 1861 г. Я нахожу, что эти два пункта имеют целью не уничтожение сохранившихся в настоящее время полукрепостных отношений; они имеют целью лишь исправление исторической несправедливости. По отношению к первому пункту это очевидно. Но это так же верно и по отношению ко второму пункту: во-первых, ничем не установлено, что в момент освобождения крестьян земли отрезывались преимущественно для сохранения кабальных отношений. Во-вторых, за истекшее время деревня пережила глубокую экономическую эволюцию; многие из отрезков, которые имели некогда такое значение, теперь его утратили; наоборот, многие неотрезанные земли с тех пор приобрели такое значение орудий закабаления. Наконец, современные кабальные отношения между арендаторами и землевладельцами не укладываются уже в старые сословные рамки оппозиции крестьянина к дворянину-помещику. Таким образом, возвращение отрезков достигает той цели, которую себе поставили составители программы, а цель, которую эти меры действительно достигают, мы себе не можем ставить. Мы не можем требовать произвольно исправления именно данной исторической несправедливости, если мы этим косвенно как будто освящаем другие исторические несправедливости. Мы не можем требовать, чтобы крестьянам были возвращены именно те земли, которыми они пользовались в 61 г., потому что мы в принципе не признаем за помещиками права и на те земли, которые они до 61 г. награбили. Если мы в настоящее время не выставляем требований национализации всей земли, то мы при этом руководимся соображениями ничего общего не имеющими с вопросом о правах. Если мы хотим последовательно провести тот принцип, который выставлен в программе, мы должны определить какие земли и угодья в настоящее время служат крупным землевладельцам средством для поддержания полукрепостной зависимости окрестного населения и экспроприировать их независимо от того, как и когда эта земля к ним попала.

Горин. Четвертый пункт аграрной программы защищается теми соображениями, что свободная мелкая собственность является социальным переворотом в отношении полукрепостной аренды отрезных земель. Но свободная мелкая аренда не хуже в разбираемом отношении, чем свободная мелкая собственность. Эта свободная аренда (отрезных земель) может быть организована в замену предполагаемой мелкой собственности: 1) межеванием, 2) нормированием аренды. Нормирование должно быть: 1) качественным, — в смысле замены натуральной аренды (трудовой и продуктивной) — денежной, 2) количественным, в виде определения суммы денежных уплат. Но установленная таким образом свободная мелкая аренда отрезных земель имеет и преимущество перед свободной мелкой собственностью, преимущество экономическое, — в том, что мелкая аренда, будучи по отношению к техническим средствам производства (средствам производства минус земля) также мелкой собственностью, есть экономич. форма, более близкая к пролетарской, вследствие того, что здесь часть собственности, земля, уже экспроприирована. Далее, мелкий арендатор менее прикреплен к деревне и, следовательно, скорее освободится от деревенского идиотизма. Наконец, поскольку часть крестьянства, полупролетарская, может стать на точку зре-

ния пролетариата, надеждой на отрезки насильственно удерживается в атмосфере антипролетарской идеологии. Надо еще припомнить, что по существу, в деле уничтожения полукрепостных отношений, возвращение отрезков ничего не изменяет. Полукрепостные отношения на почве отрезков создаются вследствие чрезмерного перенаселения в деревне, которое не может быть поглощено отсталым производством. Но то же отсталое производство и после возвращения отрезков, вследствие неизбежной марцеляции земли, заставит распахать эти отрезки и лишит их специфического значения—служебных земель. Крестьянство снова принуждено будет искать последние у соседних землевладельцев и подпасть снова под полукрепостную власть. Можно справедливо указать, что настоящий момент слишком исключителен, как момент капюна революции. В этот момент нельзя не рискнуть мелочью, раз этим создаются сильные шансы придать революции размах, приравняющий ее великой революции Франции (соображение тов. Аксельрода, высказанное им в частной беседе). Конечно, признав это, мы в количестве не переходим за ту меру, когда это количество становится качеством, после которого нас можно упрекнуть в профессиональной демагогии, в духе соц.-рев. Но в таком случае мы должны сознаться, что четвертый пункт имеет чисто агитационное значение.

Аксельрод. Должен напомнить тов. Горину, что мои слова, на которые он ссылается, относятся ко всей программе в целом. Я прибавил, надо иметь в виду агитационное значение отрезков для ускорения процесса и обострения отношений, приводящих нас к окончательному перевороту.

Егоров. Дебаты значительно затруднены отсутствием предварительного доклада. Вся социал-демократическая программа для нас не нова. Но именно аграрная программа наименее выяснена. Правда, она обсуждалась в литературе, но все-таки желательна была-бы, хотя бы кратко формулированная, мотивировка. Мне не ясно, каково значение этой программы. Есть ли это программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной. Аграрный вопрос—один из существеннейших вопросов. Предстоящая нам революция по отношению к крестьянству, если не вполне аналогична, то имеет много общего с великой французской революцией. Крестьянский вопрос будет ликвидирован прежде всего, и крестьянство примет участие в этой ликвидации. Крестьяне, конечно, выставят ряд требований, которые отчасти будут удовлетворены. Итак, социал-демократия в своей программе, может быть, прежде всего выясняет себе, что может дать экономический процесс крестьянству в момент революции. Возможно, что именно это имели в виду авторы программы. И я согласен с ними, что это чрезвычайно важно. Но если они имели в виду вовлечь крестьян в дело ликвидации, бросить им активный лозунг, то в таком случае их программа несостоятельна, так как здесь социалисты-революционеры скорее побьют рекорд, выдвигая раздел земель, что будет гораздо более сильным призывным кличем, чем отрезки. Переходя к частностям, спрашиваю: если бы даже было доказано статистически, что там, где существуют отрезки, крестьянам живется хуже, то можно ли было бы сказать с уверенностью, что бедственное положение крестьян в данном месте зависит именно от отрезков. Можно ли доказать, что положение хуже там, где отрезков больше?

Либер. Я хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров. Конечно, гораздо легче указать, чего не должно быть в программе, чем то, что должно быть. Но я хотел бы отметить общую черту, отличающую нашу аграрную программу от остальной—это мизерность требований. Тогда как в других частях программы мы требуем максимумов, здесь выставляется одно требование—необходимость устранения остатков феодальных отношений. Но если жизнь в России сложилась так, что у нас в буржуазном строе сохранился ряд остатков крепостного права, то наша программа должна заключать не только отрицательное отношение к ним, но и позитивную часть: радикальные реформы для крестьянства или определенных элементов в нем. Далее, достаточно ли существования одной аграрной программы для всей Рос. С.-Д. Раб. Партии? Пока говорилось о максимальных требованиях, то понятно было, что они относятся ко всему пролетариату. Но переходя к минимальным требованиям аграрной программы, нужно принять во внимание специальные условия работы в той или другой местности. Аграрные отношения в Польше, например, сложились в другой исторической обстановке, чем в России. Отдельные пункты аграрной программы Партии могут оказаться несоответствующими условиям отдельных частей России. Как на пример, можно указать на П. П. С., которая, несмотря на отсутствие у польского крестьянства таких остатков крепостного права, которые могли бы объединить для борьбы с этими остатками все слои крестьянства, несмотря на то, что в среде этого крестьянства, дифференциация пошла уже очень далеко в своей агитации среди крестьянства, как это видно из ее органа «Gazeta Ludowa», обращается всегда ко всему крестьянству, а не к сельскому пролетариату. Итак, что может оказаться вполне правильным и целесообразным для русской социал-демократии, то оказывается вредным, не отвечающим классовой точке зрения в программе П. П. С., против чего мы должны бороться, как боремся против программы соц.-рев. Итак, наша аграрная программа должна быть или общей для всей России,—тогда нужно выдвигать только общие тезисы, или программа будет их конкретизировать, и тогда она будет программой только русской социал-демократии. Поэтому, в последнем случае она должна разрешить национальным и областным группам Партии представить свои программы. Должен заметить, между прочим, что в нашей программе нет ни одного пункта, включаемого в западно-европейские программы. Более целесообразно, по моему, наметить главные основные принципы, с которыми мы подходим к крестьянам; а что касается конкретных мер, то—заполнять программу по мере выяснения вопросов.

Троцкий. Наша аграрная программа отличается качественно от нашей общей программы, сказал тов. Егоров. Конечно, и это отличие формулировано в тех самых пяти, и даже не пяти, а в трех отколах принципиальной части, о которых иронически упоминал тов. Егоров: «В целях устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, Партия будет добиваться... Наша общая минимальная программа представляет максимум того, что мы можем требовать от капиталистического порядка. Наша аграрная программа требует очищения путей этого капиталистического порядка в целом от

феодалных пут. И в этом — возражение тов. Либеру, который удивляется «мизерности» требований аграрной программы. С чем мы пойдем к крестьянству? спрашивает тов. Либер. Почему нам ограничиваться аграрной программой, направленной только против остатков крепостного права? Почему не создать кроме того аграрную программу, приспособленную к капиталистическому режиму вообще? Но остается поставить вопрос, нужна ли социал-демократии такая программа. Может быть тов. Либер признает, что область аграрных отношений представляет экономическое гетто или экономическую Аркадию, — как угодно, — для которых законы капиталистической эволюции не писаны. Мы этого не признаем. И постольку не нуждаемся в общей аграрной программе. Но мы пойдем к крестьянству не только с нашей «мизерной» аграрной программой, преследующей, специальною целью, а и со всей нашей социал-демократической программой, принципиальной и минимальной. Сочинять специальный «аграрный социализм», в духе кооперации и проч., мы не способны. Это задача соц. рев.

Но имеет ли наша «мизерная» программа всеобщее значение? Можно ли доказать, спрашивает тов. Егоров, что положение крестьян всегда хуже там, где имеются отрезки? Допускаю, что нет. Но что же из того? Нельзя доказать, что положение пролетариата всегда и везде хуже при распродаже товаров. Это не препятствует нам требовать запрещения такой формы распродажи, хотя бы она сохранилась в $\frac{1}{10}$ части страны.

Тут я сталкиваюсь с товарищем Либером который говорит: когда речь шла об общей программе, тогда отрицали необходимость выработать специально-местные и специально-национальные требования. В аграрной же программе говорится об устранении «остатков крепостного права на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства». Но тов. Либер не понимает различия между всеуравнивающим характером капиталистической эволюции (которую имеет в виду наша общая программа) и детальным характером феодальных переживаний, отличающихся чрезвычайной пестротой, юридически закрепленной (таковые переживания имеет в виду аграрная программа). С этой пестротой мы обязаны считаться. Если бы крепостное право сохранилось в одной Тверской губ., мы должны были бы выдвинуть требование: «уничтожение крепостного права в Тверской губернии». Если в Польше, как заметил Либер, нет тех переживаний, которые живы на Алтае, это не поставит нас в затруднительное положение при агитации среди польского крестьянства. Мы пойдем к польскому крестьянству с общедемократической частью нашей программы, мы пойдем к сельской бедноте с пропагандой социализма. Мы будем «пролетаризовать» ее политически, прежде чем она пролетаризована экономически.

Ленин. Укажу прежде всего на одну частность, выплывшую в дебатах. Тов. Егоров выражал сожаление по поводу того, что нет доклада, который мог бы значительно облегчить и направить все наши дебаты. В докладчики был предложен я, и по поводу отсутствия доклада мне приходится как бы защищаться. И я скажу в свою защиту, что доклад у меня есть: это мой ответ тов. Пксу, который отвечает как раз на самые распространенные возражения и недоразумения, вызываемые нашей аграрной программой, и который был роздан всем делегатам съезда. Доклад не перестает быть до-

кладом оттого, что он печатается и раздается делегатам, а не читается перед ними.

Перейду к содержанию речей ораторов, которые, к сожалению, не принимали во внимание именно этого моего доклада. Тов. Мартынов, например, не принял во внимание даже более равней литературы о нашей аграрной программе, когда он опять и опять говорил об исправлении исторической несправедливости, о напрасном возвращении за 40 лет назад, об уничтожении феодализма не современного, а феодализма, бывшего в 60-х годах и т. д. Приходится повторяться, отвечая на эти доводы. Если бы мы опирались только на принцип «исправления исторической несправедливости»,—мы руководились бы одной демократической фразой. Но мы ссылаемся на существующие вокруг нас пережитки крепостничества, на современную действительность, на то, что сейчас стесняет и задерживает освободительную борьбу пролетариата. Нас обвиняют в возвращении к седой старине. Это обвинение показывает только незнание самых общеизвестных фактов о деятельности соц.-дем. всех стран. Везде и повсюду они выставляют и осуществляют задачу: завершить то, чего не доделала буржуазия. Именно это делаем мы. А чтобы делать это, необходимо приходится возвращаться к прошлому, и соц.-дем. каждой страны делают это, возвращаясь всегда к своему 1789, к своему 1848 году. Русские соц.-дем. точно также не могут не возвращаться к своему 1861 году и возвращаться тем энергичнее и тем чаще, чем меньшую долю демократических преобразований осуществила наша крестьянская, с позволения сказать, «реформа».

Что касается тов. Горина, то он равным образом делает обычную ошибку, забывая о реально-существующей крепостнической кабале. Тов. Горин говорит, что «надежда на отрезки насильственно удерживает мелкого крестьянина в антипролетарской идеологии». Но ведь на деле-то не «надежда» на отрезки, а теперешние отрезки насильственно удерживают крепостническую кабалу, и нет иного выхода из этой кабалы, из этой крепостнической аренды, кроме превращения якобы-арендаторов в свободных собственников.

Наконец, тов. Егоров поставил авторам программы вопрос о ее значении. Является ли программа, спрашивал он, выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований (в этом случае тов. Егоров мог бы согласиться с нами). Или же наша программа является практически агитационным лозунгом, и тогда нам не побить рекорда перед соц.-рев., тогда эта программа должна быть признана неправильной. Я должен сказать, что не понимаю этого различия, проводимого тов. Егоровым. Если бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна, и мы не могли бы принять ее. Если же программа верна, то она не может не дать практически пригодного лозунга для агитации. Противоречие между двумя дилеммами тов. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение обеспечивает прочный успех в агитации. А мы стремимся именно к прочному успеху и несколько не смущаемся временными неудачами.

Тов. Либер равным образом повторял давно отвергнутые возражения, удивляясь «мизерности» нашей программы и требуя «радикальных реформ» и в аграрной области. Тов. Либер забыл о различии между демократической и социалистической частями программы: он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только соц.-рев. с характеризующей их беспринципностью могут смешивать и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их.

Горин. Тов. Ленин не ответил мне. Я не спорил по существу. Я только находил, что § 4 избавляет нас от крепостных отношений не наилучшим способом. Моя система лучше. Так как на это не возражали, то я и считаю себя не опровергнутым. Я говорю: признавая, что отрезки являются причиной полукрепостных отношений, я не думаю, что возвращение отрезков, уничтожат эти отношения. Я полагаю, что уничтожение отработочной системы, платы натурой и т. д. лучше обеспечит уничтожение крепостных отношений. При возвращении отрезков мы скоро вернемся к этим отношениям, так как малоземелье заставит прибегнуть к аренде дворянских земель. При моей же системе есть только свободные арендаторы, нанимающие землю не на крепостных началах. Я, следовательно, предлагаю такое положение, при котором часть крестьян являлась бы только владельцами технических средств производства и была бы, следовательно, более пролетаризирована. Кроме того, земля, как известно, более прикрепляет крестьянина. При моей системе этого не будет. Я превращаю крепостную аренду в аренду буржуазную.

Мартынов. Тов. Ленин возражая мне, стучался в открытую дверь. «Пролетариат должен доделать то, чего не доделала буржуазия», говорит он. Я подписываюсь под этим обеими руками. Но как понять это полуженит? Значит-ли это, что если буржуазия не казнила Людовика XVI, мы и в царствование Людовика XVIII должны казнить не настоящего живого представителя монархии, а прежнего, который уже умер. Я полагаю, что нет. Если буржуазия, в свое время не уничтожила или не вполне уничтожила феодализм, но феодализм в той форме, в какой он существует теперь, а не в той форме, в какой он существовал сорок лет тому назад. Но тов. Ленин мне возражает: «земли, отрезанные в 1861 году, до сих пор служат источником кабалы; статистика показывает, что между распространением отрезков и распространением кабальных отношений существует полный параллелизм». Я утверждаю, что такого полного параллелизма не только нет, но и быть не может. Даже в момент освобождения крестьян, правительство и помещики при отрезывании земель вовсе не руководились желанием сохранить именно крепостные отношения. Статистика доказывает, что при отрезывании земель, по общему правилу имелось в виду другое соображение: там, где промыслы были обильны, а земля худая, там выкупные платежи были чрезмерно увеличены, а отрезки были незначительны. Там же, где промыслы были скудные, а земля хорошая, там были относительно ниже выкупная норма и относительно выше %

отрезпой земли. Таким образом, параллелизм может существовать не между распространением отрезков и кабальной арендой, а между распространением отрезков и доходностью земли. И, действительно, на юге, в Новороссии, господствует не кабальное, а капиталистическое сельское хозяйство, а между тем, там относительно максимальный % земли был отрезан у помещичьих крестьян.

Таким образом, мера, предлагаемая нам составителями программы, вовсе не соответствует тому правильному общему принципу, который выставлен в этой программе, требующему от нас революционного уничтожения всех сохранившихся крепостных отношений. Мера, предлагаемая нам, мизерная, но вовсе не потому, что она мало дает крестьянам. Мы не можем руководиться критерием социалистов-революционеров, считающих более революционными тех, которые больше обещают крестьянину. Эта мера мизерная, потому что она фактически исходит не из революционного, а из мизерного принципа, из желания исправить одну из исторических несправедливостей.

Егоров. Что касается теоретической части программы, то ответы Троцкого и Ленина удовлетворили меня. Я совершенно согласен, что двух экономических процессов нет. Перехожу к Либери. Не понимаю, зачем он повсюду вносит свою особую точку зрения. Россия есть единое экономическое целое, и потому требования, касающиеся одной части крестьян, относятся ко всей России. Но я не получил ответа на главный вопрос. При своей пропаганде в крестьянстве, как мы будем конкурировать с социалистами-революционерами? Товарищ Троцкий сказал на это: отживающим классам мы говорим, или переходите к нам, или мы ничего для вас сделать не можем. Он, конечно, прав: но неужели он думает что подобная фраза может служить призывным лозунгом? Нет! в крестьянстве мы много сделать не можем. Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом. Вы не заставите батрака бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина.

Костров. Я вполне согласен с основными частями проекта аграрной программы. Нам безусловно необходимо уничтожение всех остатков крепостного порядка, в какой бы форме они не были. Так что с этим спорить мне не приходится. Но дело в том, что крестьянская жизнь выдвигает вопросы, не только касающиеся старого порядка, но и нового. У нас крестьянское движение началось не там, где сильны остатки крепостного права, а там, где они очень слабы: например в Гурнии. Ясно, оно есть результат не только старой жизни, но и новой. Это — модернизированные крестьяне, если можно так выразиться, которые стоят во главе крестьян и толкают их на новый путь. Следовательно, говорить им, что революция должна устранить только остатки, значит ничего не говорить. Они требуют большего, чем это, и наверное во время революции ухватятся за землю. Как нам быть в таком случае? Одно из двух: или мы должны их усмирить или объявить — «моя хата с краю». В первом случае мы сыграем роль революционеров, во втором — роль простых зрителей, и революция будет совершенно помимо нас. Вот это нужно принимать во внимание при обсуждении аграрной программы. Тов. Ленин в своем напе-

чатанном докладе говорит: «мы бы перенесли классовую точку зрения протетариата, если бы допустили в нашей программе, что «крестьянство» (т. е. богатей плюс беднота) пойдет вместе дальше уничтожения остатков крепостного права». Хорошо. Но отсутствие его в программе не значит отсутствие его в жизни. Я говорю: если крестьянство на самом деле пойдет «дальше»,—что нам делать? Тов. Егоров заявил, что мы наверное не будем иметь успеха в крестьянстве, и во главе его станут разные авантюристы. Я энергично протестую против этого. Нам нужно стать во главе крестьянского движения и вести его под знаменем пролетариата, а не предоставить его на произвол судьбы. Словом, наша аграрная программа должна выражать требования, как отрицательная, так и положительная; устранение остатков старого порядка и водворение нового социалистического,—вот из каких принципов должны мы исходить во время работы среди крестьян.

Плеханов. В течение своих десяти минут я, конечно, не в состоянии возразить на все, что здесь говорилось. Отвечу прежде всего тов. Мартынову. Речь его была очень остроумна. Он внес в наши дебаты приятное оживление, спросив нас, как бы мы поступили с Людовиком XVI, если бы буржуазия с ним не разделалась. Совершенно согласен с ним, что если бы буржуазия не отрубила Людовику XVI головы, то нам было бы немновжко поздно доделывать это. Но сделаем другое предположение: Людовик XVI остался и. На троне у нас два Людовика, XVI и XVIII, один современный представитель конституционного режима, другой—представитель феодального строя, призрак прошлого. Что сделали бы мы в таком случае? Я думаю, что мы прежде всего разделались бы с заветом старого, с Людовиком XVI, и продолжали бы неуклонно бороться с Людовиком XVIII. Так поступили мы в нашей программе, стремясь к модернизации нашего общества. Посмотрите на Пруссию, Австрию, Венгрию. В каждой из них в 1848 году пришлось раздвливаться с теми историческими несправедливостями по отношению к крестьянству, которые не были устранены предшествовавшими реформами. Это чисто практический вопрос: на плечах наших крестьян лежит ярмо, которое трет его плечи и которое должно быть разбито. И вот мы хотим разбить его. Тов. Мартынов говорит, что отрезки не везде имеют одинаковое значение, так так местами помещики налегали особенно на выкупные платежи. Но здесь мы подкованы на обе ноги, потому что мы требуем возвращения и отрезков, и выкупных платежей. Поскольку же кабальные отношения вытекают из современного положения вещей, способ борьбы с ними указывается другой частью программы. Нам говорят, наконец, что наши требования мизерны. Это напоминает возмражения, делаемы нам анархистами, которые говорят нам, что слишком мизерны требования, подобные, например, требованию сократить рабочий день. По их мнению, надо начать с социализации средств производства. Но это, конечно, только смешно. Когда нас упрекают в том, что мы будто бы против обращения земли в общественную собственность, то забывают, что наша конечная цель именно и заключается в передаче всех средств производства в общественную собственность, но на пути к этой конечной цели мы добиваемся ряда частных реформ. Требование возвращения отрезков принадлежит к числу частных требований. Но оно имеет

одну особенность. Оно имеет целью модернизацию нашего общества. Только такие требования и заключает в себе наша аграрная программа. Когда речь идет о новейшем буржуазном обществе, мы стоим на точке зрения Каутского и не считаем нужным вырабатывать особую аграрную программу. Мы далеки от оппортунизма à la David.

Перехожу к возражению тов. Либера. Действительно, все те составные части Росс. С.-Д. Р. II, которым приходится работать в особых условиях, вправе выставлять требования, выдвигаемые этими условиями. Но мы, составители программы, должны критиковать эти требования с точки зрения принципов научного социализма и принимать или не принимать их, смотря по тому, соответствуют ли они этим принципам.

Либер. Я хотел начать с заявления, что я не был так счастлив, как тов. Егоров, которому Ленин и Троцкий все разъяснили. Но последние слова Плеханова дали мне ответ, по крайней мере, на один вопрос, и ответ этот меня вполне удовлетворил. Я, конечно, и сам всегда считал, что всякие требования в программе отдельных национальных организаций должны подвергаться критике и отвергаться, если не удовлетворяют требованиям научного социализма. Теперь отвечаю на отдельные, сделанные мне, возражения. Прежде всего коснусь примера, так неудачно приведенного Мартыновым и еще более неудачно использованного Плехановым. Не нужно забывать, что в данном примере мы имеем дело с Людовиком XVIII, который кое-что унаследовал от Людовика XVI, и трудно представить себе дело так просто, что стоит только устранить папашу, и сыночек может спокойно продолжать царствовать. Хорошо было бы рассуждать так, если бы строй можно было персонифицировать. Но я полагаю, что нельзя просто выдернуть из капиталистического строя остатки феодального строя, как больной зуб из челюсти, предполагая, что все остальное будет пребывать неизменным. Нет, все связано тысячами путей. Вы забыли, что наши отрезки могут попасть в руки именно богатых крестьян. Наряду с теми остатками, которые, действительно, являются только пережитками крепостного права, имеются и такие дореформенные остатки, которые капиталистический строй усел приспособить к себе. Задевая эти остатки, вы должны будете задеть и современный капиталистический строй. Будучи согласен с Лениным принципиально и заявляя, что эту принципиальную часть я и хотел бы видеть в программе, я предлагаю исключить из нее конкретные требования. Они или излишни, или неправильны. Тов. Мартынов хочет показать нам, что он паника, что он как следует понимает, в чем сущность революционности, и противопоставляет свое понимание моему, которое будто сосредоточивается исключительно на количественной стороне. Нет, я не потому назвал эти требования мизерными, что они слишком мало дадут. а потому, что они не отвечают на целый ряд вопросов, выдвигаемых современной крестьянской жизнью. Троцкий возражал мне, что достаточно было бы, если бы эти остатки существовали только в двух губерниях России для того, чтобы мы требование об устранении их выставили в нашей программе. Конечно, не мне отрицать это. Но особенно об этом нужно помнить Троцкому, выдергивающему разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен. Когда я указывал на целый ряд особенностей, отличающих

положение еврейского пролетариата, и говорил, что все они должны быть приняты во внимание, Троцкий говорил как раз обратное. Но дело здесь не в том, должны ли мы принимать во внимание особенности, существующие, допустим, в двух губерниях, а в том, должны ли эти особенные остатки крепостных отношений в отдельных частях России наложить свою печать на всю программу. Троцкий решает вопрос очень просто: так как в сельском хозяйстве уже происходит капиталистическая эволюция, то ясно, что нам не нужно специальной программы для крестьян. Но это неверно. Конечно, мы можем и должны дать один общий принципиальный ответ на вопросы, возникающие в обеих этих отраслях хозяйства. Но это еще не значит, что нет специальных вопросов как в той, так и в другой области. Укажу на то, что и Каутский в своей «Agrarfrage», и Ленин в своей лекции указывали на одинаковый по существу процесс капитализации, происходящий как в промышленности, так и в сельском хозяйстве; формы же, в которые выливается этот процесс, являются существенно отличными. Целый ряд требований может касаться специально сельского пролетариата, благодаря специальным техническим условиям его труда. Достаточно указать на то, что в нашей—как Ленин ее называет—рабочей программе есть целый ряд таких требований, которые вытекают из специальных технических условий труда промышленного пролетариата, а, между тем, ни одного такого требования нет в аграрной программе. Припомню, что на предложение тов. Лядова вставить в рабочую программу ряд конкретных требований, касающихся сельского пролетариата, сам Ленин ответил предложением отнести их к аграрной программе. Итак, не подлежит сомнению, что, несмотря на единство одного и того же процесса капитализации в обеих этих отраслях народного хозяйства, необходимо еще существование специальной аграрной программы, которую нельзя сводить только к устранению остатков крепостного права.

Махов. В течение довольно продолжительного времени я слушаю дебаты по поводу нашей аграрной программы и замечаю, что большинство говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа, и какие цели она преследует. Таким образом, несмотря на то, что аграрной программе предшествует довольно недвусмысленная надпись, гласящая: «се лев, а не собака», иначе читаемая: «в целях устранения остатков крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия будет добиваться», никто не хочет обращать внимания на эту этикетку и все упорно принимают льва за собаку. Неужно отдавать справедливость: предлагаемая аграрная программа в целом, действительно, нуждается в надписи: «се лев, а не собака», иначе ее трудно считать за социал-демократическую аграрную программу. Не касаясь таких требований, как отмена выкупных платежей и законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей, т. е. §§ 1 и 2 программы, против которых, конечно, ничего нельзя иметь и которые, несомненно, выставлены с целью устранения остатков крепостного права, я не могу не обратить внимания на пункт третий: «возвращение народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей» и т. д. Что это? И с какой целью это введено в аграрную программу Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии? В целях ли устранения остатков крепостного порядка или в интересах

свободного развития классовой борьбы в деревне? Ни то, ни другое. Возвращать народу какие бы то ни было суммы и каким бы то ни было образом—это не значит устранять остатки крепостного права; но возвращение в том виде, в каком это предлагается, не поможет и делу свободного развития классовой борьбы в деревне, так как употребление тех или иных сумм на образование особого фонда для культурных и благотворительных нужд сельских обществ нисколько, конечно, не обязательно для того, чтобы классовая борьба в деревне свободно развивалась. Далее, не говоря уже о финансовой нелепости образования особого фонда для культурных и благотворительных нужд сельских комитетов, я не могу понять, —зачем понадобилось образование этого фонда окрестить, «возвращением народу выкупных и оброчных платежей»; предполагали ли, что сумма взысканных с народа платежей выкупных и оброчных как раз совпадает с ценой конфискованных имуществ? Если нет, а это, конечно, само собой разумеется, то спрашивается, зачем же конфискация определенного рода имуществ с определенной целью—названа возвращением выкупных и оброчных платежей, с которыми она ни в какой зависимости не находится? И тут я должен сказать, что, не говоря уже о том, что этот прием несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей, на что здесь уже указывалось, этот прием накладывает и на всю предлагаемую меру оттенок демагогии и авантюризма. А что, если крестьяне, восприняв мысль о возврате выкупных платежей, пожелают употребить конфискованные имущества не для образования особого фонда, а решат просто разделить их между собой? Пойдут ли составители проекта программы и в таком случае за крестьянами? Ведь необходимо надо рассчитывать на такой исход и определить свое отношение. Я знаю нашего крестьянина, да крестьянина и везде таков, всякое зернышко он захочет положить в горлышко. И никогда не удовольствуется тем, что из конфискованных имуществ будет образован особый фонд, хотя бы и для поднятия культурного уровня деревни. Он скажет: «давайте нам то, что вы сами считаете справедливым вернуть, а культурный уровень подымайте особыми мерами». Вся программа ясно свидетельствует, а брошюра тов. Ленина подтверждает это, что с крестьянами хотят оперировать, как с чем то единым по составу, а так как крестьянство уж давно расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь делается авантюрой.

Мартов. Тов. Махов думает, что третий пункт совершенно не затрагивает ни одного пережитка крепостных порядков. Нет, он, как явствует из аргументов тов. Махова, затрагивает один такой пережиток: это—предрассудок, что «мужик глуп». Этот предрассудок проскальзывал и в других местах. Думают, что мужик не способен понимать политических программ, а потому наше определенное предложение непременно-де перетолкует в форме присвоения себе даже отнятых у дворян денег. Точно также думают, что раз мы заговорим о земле, крестьяне непременно поймут это предложение, как передел всех земель. Но одно дело фантастическое, полумистическое представление о всеобщем равенстве, и другое дело—реальное предложение реформ. Думают, что крестьяне, жаждущие общего передела, не захотят и слышать об отрезках. Я этого не думаю. Когда перед крестьянами

станут различные политические программы земельной реформы в буржуазном духе с выкупом, которые представляют крестьянам перспективу удовлетворения нужды в земле помощью союза с буржуазными партиями, тогда мы убедимся, что нам надо еще революционизировать сознание крестьян, чтоб поднять их до такой «мизерной» реформы, как возвращение отрезков.

Гусев. После ряда речей, посвященных аграрной программе в ее целом, мне несколько неудобно выступать по поводу одного частного и небольшого вопроса, мельком затронутого в речах предыдущих ораторов. Но как ни мал этот вопрос, он чрезвычайно важен, и в особенности для русских товарищей. Я говорю о тех опасениях, о том пессимизме, с которым тов. Егоров относится к нашей пропаганде в деревне. «Нам придется побить рекорд у соц.-рев.», говорил тов. Егоров. «Нам придется вести борьбу с политическими шарлатанами из-за влияния в деревне,—а в нашей аграрной программе мы можем предложить крестьянам гораздо меньше, чем соц.-рев. Наш лозунг, который мы несем в деревню, слишком мал по сравнению с обещаниями авантюристов». Такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне мне приходилось встречать нередко среди действующих в России товарищей. Я думаю, что этот взгляд ни на чем не основан. Во-первых, лозунг, предлагаемый нами крестьянству, не так узок или «мизерен», как выразился тов. Либер. Наш лозунг вовсе не исчерпывается нашей аграрной программой. Общую часть нашей программы—все наши демократические требования—мы также понесем в деревню. Можно смело сказать, что наш лозунг очень широк,—и ни одна политическая партия в Европе еще не предлагала крестьянству сразу такой обширной программы. Во-вторых, в зависимости от этого и наша агитация в деревне не будет заключаться только в обращении к крестьянам, как к таковым. Наоборот, главное содержание нашей агитации будет заключаться в нашей общей программе, и с нею мы будем обращаться к крестьянству не как к крестьянству, а как к пролетаризованной и пролетаризирующейся массе, способной переходить на пролетарскую точку зрения. Наконец, в третьих, необходимо не забывать, что нашими лучшими пропагандистами и агитаторами в деревне будут городские пролетарии, которые гораздо скорее привлекут на сторону пролетариата пролетаризованные массы деревенского люда, чем авантюристы, ничего общего не имеющие с классовыми интересами пролетариата.

Таким образом, опасения тов. Егорова не имеют никаких оснований, и я считаю очень важным для русских товарищей рассеять эти опасения. И я думаю, что вполне прав товарищ Ленин, который, слушая речь тов. Егорова, воскликнул: «Ну, это мы еще посмотрим». Это мы еще посмотрим.

В бюро поступает предложение о закрытии списка ораторов.

Акимов. Думаю, что съезд не может принять аграрной программы в виду неразработанности вопроса. То, что я здесь слышал, только подтверждает мой взгляд. Все товарищи говорили, что программа им не ясна. Полагаю, что при таких условиях нельзя закрывать списка ораторов.

Вопрос вотируется. *Принято*—закрыть список ораторов.

Плеханов. По мнению тов. Махова, возвращение выкупных платежей не только нежелательная, но и демагогическая мера. Чтобы успокоить

его, напомним ему требование, выставленное в 48 году Марксом в *Neue Rheinische Zeitung*, требование о возвращении силезских миллиардов. Таким образом, в ответ на упрек в оппортунизме, скажу только, что этот упрек относится и к Марксу. Но и в самой аргументации тов. Махова нет и намёка, что эта мера демагогическая. Пусть даже крестьяне разделят между собой полученные деньги. Я не вижу ничего худого в том, что сотни миллионов пойдут на улучшение крестьянского хозяйства. Такое улучшение, конечно, только увеличит дифференциацию между крестьянами, но не мы будем этого бояться. Что касается Либера, то должен сказать, что вторая его речь не похожа на первую. Сначала он говорил нам об общих требованиях по отношению к крестьянам, а затем уже упрекал в отсутствии требований по отношению к сельскохозяйственному пролетариату, т. е. требовал конкретизации. Мы, конечно, не думаем, что в нашей программе нет пробелов, но тов. Либер этих пробелов не указал.

Перехожу к вопросу о знаменитом черном переделе. Нам говорят: выставляя требование о возвращении отрезков, вы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это несколько не пугает. В самом деле: выясним себе значение черного передела. Интересно мнение Энгельгардта по этому поводу: «В деревне, говорит он, черный передел энергичнее всего пропагандируется именно богатыми кулаками, которые надеются, что отобранная у помещиков земля будет делиться «по деньгам», т. е. перейдет к богачам». И действительно, такое движение в пользу передела было бы движением в пользу буржуазии. Мы, конечно, не обязаны активно выставлять программу для буржуазии, но если бы в борьбе против остатков крепостных отношений крестьянство пошло по этому пути, то не мы стали бы задерживать это прогрессивное движение. Наша роль состояла бы только в том, что в отличие от наших противников социалистов-революционеров, которые видят в нем начало социализации, мы направили бы все силы, чтобы не оставить у пролетариата никаких иллюзий насчет результатов этого движения, разоблачить буржуазный характер его. Признавая возможность такого движения, мы должны себе сказать, что не мы, революционные социал-демократы, остановим этот процесс, крикнув ему, как некогда крикнул Архимед римским войнам: «остановись! Ты испортишь нашу схему».

Костров. Я вполне присоединяюсь к тов. Плеханову. Крестьянское движение не остаток старого порядка, а результат новых веяний. Но мы должны использовать это движение, должны позаботиться, чтобы революционное руководство крестьянами принадлежало нам, а не каким-нибудь авантюристам.

Ланге. Я, конечно, не против того, чтобы пролетариат боролся с остатками феодализма. Но мне не ясно значение отрезков. Я не знаю, какую роль в деле закабаления играют отрезки, а какую остальной земельный фонд. Если мы возьмем Западный край, где большая часть отошла к крестьянам, то увидим, что кабала там процветает. Способ, предложенный в программе по отношению к отрезкам, не вытекает из роли отрезков. Отрезки, по моему мнению, играют другую роль, чем остатки дворянских имений, против экспроприации которых социал-демократия не будет возражать. Я не знаю, почему бы не потребовать экспроприации всех

земель. Необходимо заметить, что мы не должны очаровываться нашей программой. Она, конечно, будет пропагандироваться в кружках, но в смысле массовой пропаганды среди крестьян роль ее будет ничтожна.

Егоров. Не буду говорить особенно много, чтобы не отнимать времени у собрания, тем более, что для большинства товарищей вопрос, повидимому, ясен. Отвечу только тов. Гусеву. Вопреки его уверениям, я не настроен пессимистически, не считаю программу оппортунистической. Возможно, что выставленное требование есть максимум того, что может быть дано, согласно ходу экономического развития. Я только полагаю, что оно не побьет рекорда в сравнении с авантюристскими требованиями. Я прибавлю далее, что я далек от увлечения редакцией крестьянским движением, увлечения, после крестьянских волнений, охватившего многих социал-демократов. В этом отношении убедительным доказательством является для меня пример Западной Европы. Там, несмотря на несравненно лучшие условия пропаганды, несмотря на лучшие условия жизни крестьянина, проповедь социализма все-таки не имеет успеха. Я не сомневаюсь, что крестьянство будет играть большую роль в движении, но роль чисто стихийную. От этого, однако, еще далеко до утверждения, что мы, вводящие в свою программу социализм, будем иметь успех в крестьянстве.

Махов. Существует предрассудок, — говорит тов. Мартов—что мужик глуп; к устранению то этого остатка крепостного права и направлен наш третий пункт. Если этот пункт направлен только к устранению этого пережитка, и товарищ Мартов полагает, что я держусь этого предрассудка, то я советую ему вотировать против третьего пункта, так как я вовсе не думаю, что мужик глуп; наоборот, я думаю, что мужик умен; он умен, но умен, как всякий мелкий буржуа. Нельзя назвать мужика глупым только потому, что его идеал—идеал мелкого буржуа. Но именно потому, что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела. Если, говорит тов. Мартов, мужик поймет общее наше требование национализации земли, то он тем более поймет требование национализации тех имуществ, о которых идет речь в третьем пункте, и с указанной в нем целью. Но кто же сказал тов. Мартову, что его поймут даже и в первом случае? Я, наоборот, полагаю, что если иметь в виду всю крестьянскую массу и притом не тот или иной класс в этом крестьянстве, а именно всю массу крестьянства в целом, — а только о таком крестьянстве и идет речь в нашей аграрной программе,—то она не поймет ни общего требования национализации земли, ни требования, изложенного в пункте третьем, не поймет, конечно, в социал-демократическом духе. Но они поймут его в мелкобуржуазном духе, будут стоять за национализацию земли и за раздел ее. «Что за беда», говорил тов. Плеханов. «Если крестьяне захотят поделить всю землю, то это уж будет революция, и не мы будем ей противиться, а, если они потребуют возврата выкупных и прочих платежей и разложат их по карманам, то эти суммы ведь пойдут на улучшение их хозяйства, и беды от этого большой не будет». Я не знаю, конечно, что называть бедой? Но революция эта, если ее можно так назвать, будет неревolutionонной. (Посадовский и. Прошу записать это выражение в протокол!) Я сказал бы

правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта. Эта революция отбросит нас назад, и только лет через двадцать мы вернемся к современному положению. (Плеханов. Смотри «Революционную Россию!»). Смотри! (Смех). Я вижу, многим товарищам не нравится точное определение числа лет, и потому я могу сказать в более неопределенной форме. Подобная революция отбросит нас назад, и потребуются известное время для того, чтобы вновь прийти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции (иронические аплодисменты), мы имеем социал-демократическую партию. (Смех). Раздел земли и возвращенных сумм, выкупных и других платежей, окажет то же влияние, которое оказала бы конфискация фабрик и заводов и раздел их между пролетариатом или, даже еще хуже, между всем народом.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 голосом и 12 лиц с совещательным голосом).

Карский. Ошибаются те, которые говорят, что во главе крестьянского движения могут быть оппортунисты и даже, некоторые говорили, «авантюристы». Это несправедливо, и я должен защищаться, потому что на Кавказе мы с товарищами стали уже во главе крестьянского движения, а мы не изменили нашим основным принципам. На Кавказе есть уже крестьянское движение. В Турии, например, оно охватило почти все крестьянство. Началось оно там, благодаря выселенным из городов рабочим, внесшим в деревню те идеи, которые они получили в городах. Они стали во главе крестьян, и они не обещали им раздела земли, а выставляли требования, аналогичные требованиям в городах: уменьшение аренды аналогично уменьшению рабочего дня. Но они говорили им, что полное освобождение возможно только при социализме. Мы не говорим им об отрезках потому, что у нас нет соответствующего явления.

Троицкий. Тов. Карский говорил о том, что на Кавказе социал-демократы, вопреки пессимизму некоторых товарищей, стоят уже в известной мере во главе крестьянского движения. «А говорили ли вы крестьянам об отрезках?», спросил его тов. Егоров. Точно—отрезки центр тяжести социал-демократической программы. Мне вспоминается, что в Париже, после нескольких соответственных рефератов, сопровождавшихся дискуссиями, студенческая публика пришла к убеждению, что отрезки — базис социал-демократии. Точка зрения тов. Егорова напоминает мне этот эпизод.

Отрезки занимают свое определенное место в определенной части нашей программы. А что они его занимают по праву, это несомненно. Я советовал бы всем товарищам прочесть статью Нечетного во второй книге «Вестника Русской Революции». Там собраны интересные факты, которым придают, конечно, ложное толкование. Факты эти свидетельствуют, что все серьезные крестьянские бунты, протесты и пр. и пр. обязаны своим происхождением не полумистическим понятиям крестьян об их праве на всю землю, не их представлениям о Беловодной и Праведной Земле, а вполне конкретным земельным утеснениям, какому-нибудь отрезному лугу, лесу, водопою и пр. и пр. Но ведь после 61 года, говорит Мартынов, экономическая жизнь не остановилась. Роль отрезков в деле кабалы изменилась. Но разве мы запрещаем крестьянским комитетам разбираться в тех кон-

решительных изменений, которые произошли с отрезками? Мы не составляем карты, на которой «отрезки» обозначены красным революционным цветом,—если крестьянские комитеты прихватят не «отрезной» земли... Напрасно тов. Либер объяснял нам, что нельзя извлечь все поддерживающие кабалу отрезки одним ударом, точно больной зуб выдернуть. Мы отнюдь не претендуем на роль политических дантистов. Одним декретом мы не думаем уничтожить земельную кабалу. Это—работа крестьянских комитетов. Они прекрасно знают, какой зуб болит, и сделают все, что требуется.

Но тут встает тов. Махов, который опасается, как бы мы не растрепали мужика. Не шекочите мужичьей пасти, уговаривает нас товарищ Махов,—иначе мужик разжадничается и потребует земельного передела, а это задержит концентрацию. Концентрацию сельскохозяйственного производства? Точно она зависит только от распределения земли, точно самое распределение земли не будет отвечать запросам капиталистического сельскохозяйственного производства.

То же предостережение: не шекочите мужичьей пасти! — выдвигается тов. Маховым, когда речь заходит о возвращении выкупных и оброчных платежей для поднятия культурного уровня деревни. Это требование кажется тов. Махову совершенно случайным, демагогическим и даже авантюристским,—я уж, во всяком случае, принципиально не связанным с вопросом об уничтожении остатков крепостничества. Это не совсем так. Низкий культурный уровень нашего крестьянства определяется не только общими условиями жизни деревни в буржуазном обществе, но также и тем сверхчеловеческим гнетом, который возложен на деревню крепостническим государством. Оброчные и выкупные платежи выгачивались из деревни с 61 года. Вернуть их деревне для поднятия ее культурного уровня—этот вывод вытекает из общего принципа аграрной программы.

Но были ораторы, которые, помимо критики аграрной программы, выдвигали такое соображение: не следует самообольщаться насчет нашего успеха в крестьянстве. Там будут иметь успех демагоги. Поменьше иллюзий!.. Пример Запада... и пр. и пр. В таких советах сошлись тов. Махов, тов. Егоров и тов. Ланге. Но их благожелательный совет слишком отдает филистерством. Разве мы можем заранее учитывать свои успехи? Да и какое влияние это может иметь на нашу программу и на нашу агитацию? Наша программа определяется определенным принципом, наша агитация—характером современных политических задач. Перед нами революционизирующиеся крестьянские массы. Конечно, крестьянство — благоприятная почва для демагогии. Но тот мыльный пузырь, который из учтивости называется партией социалистов-революционеров, слишком несерьезный конкурент. Либеральная оппозиция земцев, конечно, не прочь бы воспользоваться крестьянством, как тараном. Но она сама боится реальных последствий демагогии. Это отсутствие серьезных соперников облегчает нашу задачу. На Западе, говорят нам, социал демократия не имеет успеха в крестьянстве. Но на Западе партия пролетариата выступила тогда, когда революционное крестьянство уже dokonчило свою роль. У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством,—как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах

сах пролетариата. Перед лицом этой задачи, скептицизм и политическая «дальновидность» товарищей Махова и Егорова вреднее всякой близорукости. В настоящей работе среди крестьянства я бы пожелал нашей Партии не этой дальновидной осторожности, а дерзости, дерзости и дерзости!..

Ленин. Прежде чем перейти к деталям, хочу возразить на некоторые общие положения, и прежде всего тов. Мартынова. Тов. Мартынов говорит, что мы должны бороться не с тем феодализмом, который был, а с тем, что теперь есть. Это справедливо, но я напомним ответ мой Иксу. Тот сослался на Саратовскую губернию, я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600.000 десятин, т. е. $\frac{2}{5}$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900.000 десятин; следовательно, $\frac{2}{3}$ всей арендной земли — отрезки. Значит мы на $\frac{2}{3}$ восстанавливаем землепользование. Мы значит, боремся не с привидением, а с реальным злом. Мы пришли бы к тому, что и в Ирландии, где повздорилась современная крестьянская реформа, превращающая фермеров в мелких собственников. На аналогию между Ирландией и Россией уже указывалось в экономической литературе народников. Тов. Горин говорит, что предлагаемая мной мера не лучшая, что лучше перевести в состояние свободных арендаторов. Но он ошибается, думая, что перевод полусвободных арендаторов в свободные — лучше. Мы не выдумываем переход, а предлагаем такой, где юридическое землепользование делается соответствующим фактическому, и этим уничтожаем современные кабальные отношения. Мартынов говорит, что мизерны не наши требования, а мизерен тот принцип, из которого они вытекают. Но это похоже на доводы, которые приводят против нас соц.-революционеры. В деревне мы преследуем две качественно-различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых, вести борьбу пролетариата. Задача наша, вопреки предрассудкам соц.-революционеров, указать крестьянам, где начинается революционно-пролетарская задача крестьянского пролетариата. Поэтому, несостоятельны возражения тов. Кострова. Нам говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего товарищей Махова и Кострова.

Заканчиваю. Товарищ Егоров назвал химерой нашу надежду на крестьян. Нет, мы не увлекаемся, мы достаточно скептики, мы поэтому и говорим крестьянскому пролетариату: «ты сейчас борешься за одно с крестьянской буржуазией, но ты должен быть всегда готов к борьбе с этой самой буржуазией, и эту борьбу ты поведешь совместно с городскими промышленными пролетариями».

В 48 году Маркс сказал, что у крестьян есть не только предрассудок, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех. Мы верим, что в виду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов.

Костич. Никто из возражавших не касался принципиальной части. Все возражавшие касались поверхности, так как логически солидарны.

Тов. Махов находил программу демагогичной и выводил это из одного пункта. Не говоря уже о том, что если один пункт демагогичен, то нельзя этого обобщить на всю программу; но где же в этом пункте демагогия? В том ли, что создается особый фонд для культурных и благотворительных целей? Он сам говорит, что в крестьянстве есть особые предрассудки, что крестьянин, если ему скажешь: «на один рубль», все захочет положить в карман. Да, если он не прибавит, на какие цели пойдут эти рубли. Почему же он спорил? Потому, что он был крайне невнимателен, и поэтому повторил ошибку либералов, тоже называющих нашу меру демагогичной. Тов. Махов говорил об особой психологии крестьян, о черном переделе, и боялся, что крестьяне переварят социал-демократов. Но откуда такая неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости. Либер говорил о мизерности, причем он начал с особых специальных задач. Любопытно, что всегда тов. Либер сводит все к особым, специальным программам для отдельных областей. Говорит «мизерность», но, когда предлагают: «расширить», то ничего нового прибавить не могут. Егоров отказывается понять аграрную программу и, относясь очень пессимистически к крестьянам и к возможности социал-демократам взять на них, отключает всю аграрную программу. Это не логично. В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки. Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы. Карский правильно сказал, что ничего существенного по существенной части аграрной программы противниками ее не сказано.

Председатель. Список ораторов исчерпан. Дебаты по общей части кончены. Переходим к детальному разбору. Внесено несколько поправок, но предлагаю прежде всего обсудить предложение тов. Махова, как самое радикальное.

С согласия с'езда слово предоставлено тов. Махову.

Махов. Когда шел вопрос о языках, тов. Плеханов предлагал оставить вопрос до будущего с'езда. Почему? Потому что не могли решить, и, следовательно, вопрос еще не выяснен. Но дебаты тогда меня убедили, что обе стороны с'езда достаточно продумали свои положения. Что же касается аграрной программы, то, как защита, так и возражения против нее, убеждают меня, что она не вполне продумана. Я, например, говоря, имея в виду одну половину России, а Ленин—другую. Тов. Карский поддерживал программу. Почему? Потому что он судил по Кавказу, где условия аграрные совершенно отличны от остальной России. Если мы рассмотрим всю нашу аграрную программу, то мы увидим, что то, что мы требуем для крестьян, вытекает из других частей нашей программы. Отмена выкупных платежей сама собой вытекает из реорганизации нашей финансовой системы. Отмена круговой поруки—из уничтожения сословий. Возвращение денежных сумм излишне, так как, если требуем самодержавия народа, то, значит, он сможет все и деньгами распоряжаться. Значит, этим только суживаем. То, что требуем для всех, требуем и для крестьян. Что касается пятого пункта, то даже закон современный и сейчас преследует, так называемые, недобросовестные сделки, но только темнота крестьян не дает

ему подняться до знания законов и умения им пользоваться. Итак, вся программа аграрная—лишняя. Поскольку мы пойдем к крестьянскому пролетариату, мы можем подойти с нашей общей частью программы; поскольку же мы желаем подойти к другой части, непролетарской, крестьянства, мы ничего ей дать не можем. Поэтому, предлагаю отвергнуть всю аграрную программу целиком.

Лядов (в порядке) предлагает закрыть список ораторов по поводу предложения тов. Махова, так как прения по этому поводу—это повторение вчерашних дебатов.

Акимов не считает возможным принять предложение тов. Лядова, так как аграрный вопрос очень важный и, по его мнению, большинству съезда неясен (возрас: неверно!) и отмечает, что по поводу всякого сложного вопроса вносится такое предложение.

Предложение тов. Лядова о закрытии списка ораторов ставится на голоса и принимается 27 голосами.

Либер (вносит предложение и получает слово для его мотивировки). Предложение тов. Махова неприемлемо. Мы не можем уклониться от того, чтобы дать аграрную программу, так как другие партии, например, соц.-революционеры дают ее. Да и тому же у нас единство по поводу общей части нашей аграрной программы. И в этом отношении Акимов не прав. В этом отношении вопрос для съезда выяснен. Не выяснен вопрос о деталях, о конкретизации этих общих принципов. Поэтому, я предлагаю общую часть изложить обширнее и полнее, чем в пяти строках. Это поручить комиссии. А детальную часть выбросить.

Мартов. Соглашаясь с Либером, что предложение тов. Махова неприемлемо, я не согласен с его мотивировкой. Не потому мы должны дать аграрную программу, что ее дали соц.-революционеры, не потому, что мы должны этого устыдиться, а потому, что вопрос этот выдвинут жизнью. Не дать ответа, значит, уклониться от ответа. Но предложение Либеров тоже есть предложение уклониться от ответа. Поэтому, высказываюсь против обоих предложений.

Махов берет обратно свое предложение и присоединяется к предложению Либеров. Ставится на баллотировку следующее предложение Либеров:

«Второй съезд Российской Соц.-Дем. Раб. Партии вырабатывает ряд общих принципиальных тезисов об отношении своем к аграрному вопросу в России, отказываясь вместе с тем от детальной формулировки отдельных конкретных требований».

Отклоняется 38 голосами против девяти.

Ставится на обсуждение первый абзац.

Ленин вносит поправку: вместо «будем добиваться» поставить «требуем прежде всего». На рефератах во время дебатов указывали, что в проекте сознательно сказано «будем добиваться», чтобы этим подчеркнуть, что это мы намерены делать не сейчас, а в будущем. Чтобы не дать оснований для подобных недоразумений, вношу эту поправку. Словами «прежде всего» я хочу сказать, что, помимо аграрной программы, мы еще имеем требования.

Аксельрод вносит предложение вставить слово «непосредственно», чем хочет указать, что есть еще и посредственно страдающие.

Мартынов вполне поддерживает предложение Ленина, но не соглашается с его мотивировкой. Словами прежде всего Ленин хочет указать, что идет еще и с социалистической программой. Поправка служит расширением, и потому исправлением проекта.

Мартов поддерживает предложение Аксельрода посредством остатков крепостничества задевают и городской пролетариат, например, круговая порука.

Горин. Я не могу присоединиться к заявлению Карского, будто кавказские комитеты ведут агитацию в духе § 4 аграрной программы «Искры». Нет, они ведут ее как раз в духе моего проекта. Ни о чем аналогичном возвращению отрезков, на Кавказе агитация не ведется. Агитируется замена личных обязательств крестьян денежными и нормирование этих денежных уплат. Затем ответу тов. Ленину. Он указывает на то, что его проект не есть праздная выдумка, что в Ирландии, сходственной в разбираемом отношении с Россией, теперь осуществляется нечто в роде возвращения отрезков. Скажу, что и мой проект далек от праздных выдумок. История знает оба способа перехода от феодальных отношений к капиталистическим. Сошлюсь также на авторитет Маркса, по которому, помимо свободной мелкой собственности и свободной мелкой аренды, переход может совершаться и непосредственно. Ссылка на Ирландию неубедительна. Я остаюсь в хорошей компании Маркса, когда, в противоположность тов. Ленину, не отношусь к одному способу перехода к капиталистическим отношениям, как к чему-то, абсолютно нормальному. И тот и другой может быть и нормальным и ненормальным, смотря по социальной обстановке. Для Ирландии переход через мелкую собственность безусловно необходим. Ирландский лендлордизм не есть простое дворянское землевладение, но и политическое господство над Ирландией. Кроме того, ирландское землевладение, благодаря огромной концентрации земли, представляет случай монополии землевладельцев в отношении не только мелких арендаторов, но и капиталистических фермеров. Оно является абсолютным тормазом в деле развития капиталистических отношений. В России я ничего подобного этому не вижу. Во Франции обогащение мелких собственников на счет феодалов было результатом революции, а потому не может идти в счет. Но мои возражения против проекта не относятся к тем, которые были здесь высказаны. Я лишь считаю свой проект лучшим, и если он будет отвергнут, я буду ветировать за проект тов. Ленина, так как я признаю переход от феодальных отношений к капиталистическим, через мелкую собственность, также революционным актом. И нельзя предоставить это дело собственному течению. Я настаиваю вместе с тов. Троцким, что Партии крайне важно связать себя с крестьянством. Тов. Ленин как-то указывал, что мы переживаем канун нашего 48 года. Я вполне согласен с ним. Но я бы прибавил, что мы одновременно отчасти переживаем и канун, во-первых, нашей великой революции, поскольку мы имеем дело с самодержавием и др. феодальными пережитками, во-вторых, нашей коммуны, поскольку, благодаря Западно-Европейским социальным и идеологическим воздействиям, у нас имеются революционный пролетариат и рабочая партия (в лице С.-Демократии), может быть, неравные таковым в Зап.-Европе,

но, во всяком случае, обещающие нам отчасти наш 71 год. Но в таком случае нам нужно, по возможности, устранить те невыгодные условия, в которых очутился пролетариат Западной Европы во всех упомянутых революциях, благодаря тому, что он не был связан с крестьянством.

Костров. Горин заявил, что на Кавказе ведется пропаганда среди крестьянского населения *только* против остатков крепостного права. Но это неверно. Вчера я сказал, что во главе крестьянского движения у нас стоит культурнейшая часть края, а именно Западная Грузия, в частности — Гурия. Здесь нет вопроса об отрезках; здесь слабы остатки крепостного порядка; движение это создано на почве новейших идей, благодаря городским рабочим, высланным из Батума по поводу стачки. Во главе движения стояли наши товарищи и начали пропагандировать не только уничтожение всех остатков крепостного порядка, но и социализацию земли. Я знаю, например, случай, когда на сходе один из простых крестьян держал речь об уничтожении частной собственности на землю и социализации ее. Словом, у нас наряду с пропагандой уничтожения всех остатков крепостного порядка, идет пропаганда социализма.

Карский. Удивляюсь словам тов. Горина. Когда мы редактировали воззвание к крестьянам, мы составляли его в духе нашей пропаганды. Тов. Горина там не было. Если мы не касались вопроса об отрезках, то не потому, что мы против них, а потому, что этот вопрос у нас на Кавказе не существует. Я имею по этому поводу специальный доклад, который предоставляю вниманию желающих.

Баллотируется поправка Ленина. Принята всеми против одного.

Баллотируется поправка Аксельрода. Принята единогласно.

Первый абзац в целом принят единогласно.

Следует обсуждение первого пункта.

Лядов предлагает добавить: «или на других сельских обывателей, как на податные сословия».

Посадовский считает поправку Лядова неприемлемой, так как этим нарушается цельность всего отдела аграрной программы, выраженного в первом абзаце, где сказано, что дело идет о крестьянах.

Мартов защищает целесообразность вставки, рекомендуемой Лядовым, так как здесь дело идет о крестьянах, как социально-экономическом целом, в которое можно включить и всех сельских обывателей.

Плеханов присоединяется к толкованию Посадовского, так как, что касается других сословий, то их право гарантируется другими частями нашей программы.

Лядов. Крепостные отношения существуют не только у крестьян, но и у других сословий.

Посадовский. Крепостные отношения сохранились не только в деревне, например, чиншевики; целые города еще находятся в чиншевой зависимости (город Бердичев и др.).

Мартов согласен, что последняя мотивировка тов. Лядова неправильна, но не может признать правильными доводы Плеханова.

Махов. Раз аграрная программа не отклонена, мы должны все в нее вписать. Вся Новороссия населена после 61 года и крепостнических

отношений в ней не было. О крестьянстве, как о чем-то едином, нельзя говорить.

Илеханов. Тов. Махов преждевременно торжествует. Здесь речь идет о выкупных и оброчных платежах, но это совсем иная вещь, чем общая податная система. Тов. Махов недоумевает. Но я докажу это примером: в Ирландии выкуп и податная система не имеет ничего общего. Окончание параграфа, как повторение, хотя не необходимо, но бесполезно.

Ленин. Я против предложения тов. Лядова. Мы лишем не проект закона, а лишь указываем общие признаки. У нас среди городских обывателей есть тоже принадлежащие к податным сословиям; кроме того, есть посадские и друг., и, чтобы все это поместить в нашей программе, мы должны были бы говорить языком IX тома Свода Законов.

Мартов против вставок, лишающих программу характера аграрной программы, но вставка тов. Лядова не лишает ее этого, поскольку касается обширного слоя сельского населения не крестьянского.

Муравьев. У нас есть в четвертом пункте указание на учреждение крестьянских комитетов для уничтожения остатков крепостного права на Урале и прочее. Следов., и вставка в этот параграф излишня.

Баллотируется поправка тов. Лядова добавить: или на других сельских обывателей, как на податные сословия.

Отклонена 25 гол. против 15.

Ставится на баллотировку весь первый пункт. Принят единогласно.

Обсуждается второй пункт.

Костров и Ланге вносят поправки *) в этот пункт.

Мартынов. Этот пункт косвенно намекает, но не дает ответа на нечто важное. Как понимать слова: «его землей»? Из последних комментариев «Искры» и «Зари» следует, что крестьянин может не только выделиться, но и взять себе надел. След., возможны два толкования: 1) всякий крестьянин имеет право выкупа, тогда интересы общины не нарушаются; 2) всякий крестьянин имеет право присвоить себе землю без выкупа. Я требую ответа, как понимать это? Есть-ли это нежелание дать ответ?

Ленин. Вопрос Мартынова мне кажется лишним. Вместо выставления общих принципов нас заставляют вдаваться в частности. Если бы мы это делали, мы бы никогда не кончили с'езда. Принцип вполне определен: всякий крестьянин имеет право распоряжаться своей землей, все равно общинной или частновладельческой. Это есть только требование права для крестьянина распоряжаться своей землей. Мы настаиваем, чтобы не было особых законов для крестьян; мы хотим не одного только права выхода из общины. Все частности, какие нужны будут при проведении этого в жизнь, мы не можем теперь решать. Я против дополнения тов. Ланге; мы не можем требовать отмены всех законов о пользовании. Это уже слишком.

Мартынов. Меня совершенно не поняли. Я говорю не о деталях, а об общем принципе. Кто собственник земли? Община или крестьянин распоряжающийся ею? Если община, то, считая ее стеснительной для эконо-

*) Поправки см. ниже.

мического развития, мы стоим за право выкупа. Если крестьянин, то выкупа не надо.

Лядов. Вводя в программу, согласно предложению тов. Ланге, свободу пользования, мы можем дойти до манчестерского принципа.

Ленин. Мартынов очевидно в недоразумении. Мы добиваемся одинакового применения общего законодательства—того которое теперь принято во всех буржуазных государствах, а именно исходящего из оснований римского права, признающего и общую собственность и личную. Общинное землевладение мы хотели бы рассматривать, как общую собственность.

Илеханов. Считаю нужным добавить, что в программе группы «Освобождение Труда» было сказано о праве отказа крестьянина от надела. Новейшая литература по этому предмету выяснила, что в настоящее время осуществление такого требования шло бы, вследствие его недостаточности, в разрез с интересами беднейшей части крестьянства.

Ланге. Поддерживаю свою поправку, так как считаю недостаточным данный на счет ее разъяснения. В области землепользования есть еще много остатков крепостного права. Например, принудительное землепользование.

Возражения тов. Лядова несостоятельны, так как с таким рассуждением можно везде дойти до манчестерства.

Баллотируется поправка тов. Кострова—выбинуть «круговой поруки».

Принято единогласно.

Баллотируется поправка Ланге—добавить «отчасти и пользования», отклонена громадным большинством.

Баллотируется второй пункт целиком. Принято единогласно.

Переходят к обсуждению третьего пункта.

Махов вносит предложение об отклонении третьего пункта. Третий пункт не выясняет всей аграрной программы и не имеет с ней ничего общего. Поднять культурно-материальный уровень крестьянства мы можем и другими средствами. Нечего играть такой фразой, как «возвращение народу выкупных платежей». Мы хотим получить деньги для известных целей,—так и скажем. А что мы сделаем с остатком денежным, если сумма денег от конфискации будет больше, чем нам потребуется? Поэтому я считаю это предложение чисто демагогическим.

Предложение тов. Махова о совершенном исключении этого пункта отклонено всеми против четырех голосов.

Русов. Конфискация имуществ монастырских и удельных не находится ни в какой связи с этим пунктом. Если бы не было разговора о выкупных платежах,—все равно нужно было бы конфисковать эти имущества. Предлагаю выделить конфискацию в отдельный пункт.

Мартынов. Я не понимаю, почему нужно возвращать крестьянству только то, что взято с него после 1861 года, а не то, что взято раньше. Это есть исправление исторической несправедливости, но она началась для крестьянства не только со времени эмансипации. Мы не можем стоять на точке зрения исправления исторических несправедливостей. Мы должны сделать все, что можно, для культурного подъема крестьянства, и первая часть этого пункта ограничивает лишь это основное требование.

Муравьев. Идет речь об устранении остатков крепостного права. Я бы охотно стоял за то, чтобы потребовать обратно все, что было взято с

крестьянства и до 61 года, но я не вижу ни организации, ни людей, к которым можно было бы обратиться с этим требованием, поэтому я его не выставил бы.

Мартюв. Нам говорят, что возвращением отрезков не уничтожить кабальных отношений. Как тут быть? Кажется, что здесь мы даем ответ. Я стою за сохранение здесь слова «благотворительных»; его нужно сохранить, так как это будет борьба с науперизмом, который вырос на почве дарственных наделов 61 года.

Мартынов. Я бы, как тов. Муравьев, стоял за то, чтобы взять все с эксплуататоров, что можно. Поэтому, я против ограничений нашей программы. Поэтому, если наша цель сделать все для крестьян за счет эксплуататоров, то незачем ограничивать наших требований экспроприацией земель только помещиков. И я не вижу, почему не распространить эту экспроприацию и на землю Фальц-Фейнов и целых групп новых эксплуататоров. Мы не должны связывать себе рук.

Муравьев. Согласен. Но не все, что желательно, возможно. С теми эксплуататорами, о которых говорит Мартынов, мы боремся подходящими налогами. Суммы, вызвавшие бедность, должны пойти на поднятие культурного уровня.

Костров. Я предлагаю третий пункт разбить на две части и каждую часть голосовать отдельно, так как товарищи, поддерживающие первую половину, могут быть против второй половины. Я безусловно стою за конфискацию монастырских и удельных имений. Эти имения носят даже кабальный характер. Например, Боржомское имение великого князя Михаила Николаевича обязывает крестьян, проживающих на землях этого имения, свои продукты продавать только конторе имения. Контора сама устанавливает цены на эти продукты,—и крестьянин должен подчиниться производству конторы. Что касается второй половины пункта—это несправедливо и не реально. Ведь многие дворьяне, получившие выкупную сумму, уже прокутили имение; оно почти за бесценок приобретено кулаками. И как же с этих обедневших дворян взять особые налоги (если только возьмем), а кулаков оставить в покое. Это несправедливо и даже невозможно.

Русов. Из сказанного до сих пор ясно, что здесь многие, высказываясь за конфискацию, не согласны с остальной частью этого пункта. Поэтому, настаиваю на требовании разделить параграф и баллотировать каждый отдельно.

Гусев. против предложения тов. Русова. Отдельно не может быть в аграрной программе пункта о конфискации, как ничего общего с аграрной программой не имеющего.

Лядов предлагает прибавить слова «церковных и таких, что имеют латифундиарный характер». Укажем этим, что желаем вернуть не только то, что после 61 года, а и то, что до 61 г. взято с крестьян.

Посадовский. Согласен с тов. Лядовым и предлагаю прибавить «церковных, а также и кабинетских». Не согласен с тов. Лядовым на счет включения латифундиарных, так как тогда мы уже, значит, вносим требование об экспроприации крупных землевладельцев, а это не вытекает из основания этой части нашей программы minimum.

Костров предлагает прибавить «имения, принадлежащие царской фамилии».

Махов. Хочу задать вопрос. Есть имения уделов и имения, составляющие личную собственность членов царской фамилии. Одно и то же ли это? Последние достигают громадных размеров. Например, Николаю II принадлежат обширные земли в Сибири. Михаил Николаевич, во время управления Кавказом, весь почти Кавказ раскредитовал и имеет крупные латифундии также и в Херсонской губернии.

Егоров разъясняет вопрос об удельных и кабинетских землях.

Костров. Все имения царской фамилии не куплены, а украдены у народа; обязательно надо включить все имения царской фамилии.

Ленин. Я не уверен в правильности толкования тов. Егоровым различия между удельными и кабинетскими имениями, но так как тов. Егоров настаивает—я ничего не имею против.

Баллотируется предложение Русова: слова «конфискация монастырских и удельных имений для общегосударственных целей» выделить в отдельный пункт Отклонено 19 гол. против 11.

Баллотируется предложение Мартынова: формулировать третий пункт так—«конфискация монастырских имуществ и удельных имений. Обращение сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных нужд сельских обществ».

Отклонено 22 гол. против 8.

Принято предложение Аксельрода—в третьем пункте, в конце четвертой строки выбросить слово «крупных».

Принимается единогласно предложение Глебова вставить: «конфискация монастырских и церковных имуществ, а также имений: удельных, кабинетских и всех лиц царской фамилии».

Поправка Фомина: к поправке Глебова прибавить «и принадлежащих» принята единогласно.

Отклонена всеми против 2 поправка Махова к принятой поправке Глебова: выбросить слово «кабинетских».

Отклонено предложение Горина читать § 3 так:

«Конфискация монастырских имуществ, удельных имений и земель, отрезанных у крестьян при уничтожении крепостного права. Обложение налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой. Обращение сумм, добытых этим путем, в фонд, из которых 1) должны быть возвращены народу деньги, взятых в форме выкупных и оброчных платежей; 2) будут удовлетворяться культурные и благотворительные нужды сельских обществ».

Поправка Лядова—прибавить: «и крупных латифундий»—отклонена всеми голосами против 4.

Поправка Ланге: добавить «равно и других крупных землевладельцев» с предоставлением им права искать убытков с первоначальных собственников-дворян», отклонена всеми против 1.

Поправка Лядова: выкинуть в конце слова «сельских обществ» отклонена всеми голосами против 1.

Поправка Плеханова: Вместо «возвращения народу», читать «возвращения крестьянам» принята.

Весь пункт принят всеми голосами против 4.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Костров указывает, что на Кавказе сохранились крепостнические отношения, вылившиеся в иные формы, чем в остальных местах России. Там есть тысяч 150 временно-обязанных крестьян, не выкупивших еще своих наделов. Желательно уничтожить эти отношения, и потому необходимо внести в программу требование об отмене этих отношений.

Мартынов. Для этого достаточно включить в пункт четвертый слова «и на Кавказе».

Костров. Нет. Важно подчеркнуть именно этот вид крепостничества.

Русов. Введение таких частичных требований только удлинит программу, не сделав ее полной, так как, перечисляя отдельные виды крепостничества, многое можно упустить. Где бы остатки крепостничества ни существовали,—все они подходят под формулировку: «во всех частях России». Поэтому в программе следует ограничиться только общими указаниями.

Лядов. Я вполне согласен с тов. Русовым. Но в четвертом пункте речь идет об учреждении крестьянских комитетов только для урегулирования земельных отношений. Между тем, остатки крепостничества сохранились не только среди крестьян. У нас есть чиншевики, сибирские ямщики и пр. Поэтому, необходимо второй пункт § 4 выделить в особый параграф и формулировать таким образом: «уничтожение остатков крепостных отношений, где бы они не оказались».

Илеханов. Чиншевики и ямщики тоже крестьяне.

Лядов и Костров присоединяются к поправке т. Русова и Кострова таким образом. Вставить в § 4 слова «и на Кавказе», такой поправкой будет предусмотрено, что это входит в компетенцию крестьянских комитетов. Если же этого недостаточно, то особенно важные случаи можно оговорить в особом пункте, например, о том, что земля временно-обязанных должна перейти в их собственность.

Либер. Мое предложение исключает необходимость всех этих поправок, исключая пункт четвертый весь. Я прошу разъяснения: что такое крестьянские комитеты? На какое время они будут учреждены? На момент революции? Или они будут превращены в постоянное учреждение? Если это длительный процесс, то зачем полагаться весь этот пункт? Если уничто-

жение крепостнических отношений будет произведено революционным путем, то зачем попадались комитеты? Тов. Плеханов говорит, что нужно предоставить крестьянам право вернуть отрезки. Но здесь забывают, что уже теперь крестьянство достаточно дифференцировалось. Из кого будут составлены эти комитеты: из деревенской бедноты или из кулаков? Какую позицию по отношению к ним займем мы, социал-демократы? Что мы предпримем в защиту угнетенных? Иначе ведь земля попадет к кулакам, которые, как более влиятельный слой населения, станут хозяевами в комитетах. Повторяю свой вопрос: о ком мы хлопочем.—о кулаках или о сельском пролетариате? Второй вопрос: почему мы должны возлагать надежды на революционность крестьянских комитетов? Такая вера ни на чем не основана. Почему социал-демократия сама не может уничтожить остатки крепостничества революционным путем? Итак, этот пункт построен на вере в революционность крестьянских комитетов, и роль социал-демократии в нем совершенно не отмечена. Если бы здесь говорили социалисты-революционеры, тогда это было бы понятно. Для них крестьянство однородно. Итак, я нахожу этот пункт совершенно неудовлетворительным.

Председатель. Вы забыли сказать о предложении т. Кострова.

Либер. Само собою, предложение это будет излишне. По счастью здесь присутствуют представители Кавказа, которые смогли указать на существующие в их крае остатки крепостничества. Но здесь нет представителей ни от Польши, ни от латышей. А на этом основании мы не можем забывать о существующих там ненормальностях. Поэтому, предлагаю совсем исключить эту часть параграфа.

Карский находит предложение Лепина о введении особого пункта—неудобным.

Лядов. Тов. Либер ссылаясь на то, что латыши здесь отсутствуют, и потому мы не знаем достаточно подробно о существующем в их крае крепостничестве. Но это заблуждение. У латышей существуют чисто капиталистические формы отношений. Никакого крепостничества там нет. Поэтому, наши латышские товарищи не имеют особой программы для крестьян.

Ланге утверждает, что среди латышей существуют крепостнические отношения, которые простираются даже на семейные отношения и открыто врываются в личную жизнь крестьянина.

Плеханов. Наша программа—программа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии—имеет в виду, главным образом, русские отношения. Это произошло отчасти потому, что в нашу Партию входит только Бунд, который не имеет дела с крестьянами, и Кавказ, который не представил еще по этому поводу никаких соображений. Конечно, в программу могут быть внесены пункты, касающиеся отдельных окраин. Пусть товарищи с каждой окраины разрабатывают свои требования, и если они не противоречат нашим общим принципам и не слишком мелки, то мы их с удовольствием включим в программу.

Лядов. Среди латышей нет крепостнических отношений. Там крестьяне были освобождены без земли и теперь существуют с одной стороны лэнд-лорды, а с другой—батраки.

Костров. У нас еще сохранилось внушительное количество временно-обязанных крестьян (около 100.000 душ в Тифл. губ. и около 50.000 в

Кутаис. губ.) и так называемых хизанов, положение которых нужно изменить. Скажу несколько слов о хизанах. Под именем хизанов известна особая категория крестьян, живущих в Тифлисе и Кутаис. губ. числом около 48.000 душ. Хизанство возникло еще во время крепостного права следующим образом: крестьянин, гонимый со своего местожительства голодом или какими-либо иными несчастьями, искал приюта у какого-либо помещика и, получив от него в пользование землю, отбывал ему лишь поземельные повинности. Он не отбывал, подобно крепостному, личных повинностей; он не был крепостной, поэтому реформа 1861 года их не коснулась: закон их не признал. Но частые столкновения с помещиками, желавшими согнать хизанов со своих земель, обратили внимание правительства на этот вопрос, и в 1891 году оно издало «Положение о хизанах». По этому положению помещик мог согнать хизана с земли только по обоюдному согласию. А т. к. хизаны ни за что не хотели уступить своей обработанной и застроенной земли помещикам, то последние обратились к правительству и просили «защитить крестьян от притеснения». Результатом этих происков явилось положение 1900 года, по которому помещики получили полное право согнать хизана с земли, когда им (помещикам) заблагорассудится, заплатив хизану стоимость построек. Этим правом широко пользуются помещики и на этой почве возник ряд аграрных преступлений, крестьянских движений и т. д. Этот вопрос может быть решен только революционным путем, признав хизанов собственниками тех земель, которыми они владеют искони веков и стоимость которых они несколько раз заплатили. Поэтому, я предлагаю немедленное уничтожение, как временного обязательства крестьян, так и хизанства. Сообразно с этим предлагаю следующую формулировку: б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются как временно-обязанные, хизаны и пр., в) то что в проекте было б.

Ленин. У нас идет вопрос о редактировании дополнения пункта четвертого по отношению к Кавказу. Желательно внести после пункта а это дополнение. Имеются два проекта резолюций. Если мы примем поправку тов. Карского, то пункт слишком потеряет в своей конкретности. На Урале, например, тьма остатков, там настоящее гнездо крепостничества. Относительно латышей можно сказать, что они подходят под формулу «и в других областях государства». Поддерживаю предложение тов. Кострова, именно: необходимо вставить требование о переходе земель в собственность хизанов, временно-обязанных и проч.

Карский берет свою поправку назад.

Либер. Пункт б есть тавтология с принципиальной частью аграрной программы, где уже говорится об уничтожении крепостничества. Остается вопрос о крестьянских комитетах. Но об этом не стоит даже говорить в программе. Почему вы, товарищи, каждый раз выставляете новые принципы. То вы утверждаете, что программа не должна страдать конкретностью, то, наоборот, требуете конкретизации. Теперь вы дошли до того, что внесите в программу пункт, не заключающий в себе абсолютно ничего социал-демократического. Нечего писать в программе о том, что мы издаем в день читаем в «Новостях», «Рус. Вед.» и т. п. либеральных органах. Все равно, если бы Ленин внес в программу пункт об уничтожении

розог и кутузки. Тов. Ленин очень любит в некоторых случаях говорить «само собою разумеется». Здесь, более, чем где-нибудь уместны слова — «само собою разумеется», — но Ленин почему-то находит необходимым конкретизировать программу указанием на Урал, Алтай и т. д.

Ланге предлагает вставить в этот пункт слова «на Кавказе и в прочих местностях».

Троцкий находит нецелесообразным вставку о хизанах. ^{9/10} съезда может не знать о положении хизанов и поставить свое решение, à discrétion, только на основании требования одного лица.

Ленин. Тов. Либер напрасно удивляется. Он требует от нас одной общей меры, но такой меры не существует. Приходится выдвигать один раз одно, другой раз — иное. У нас нет шаблонов. Либер указывает, что наше требование об уничтожении крепостничества совпадает с требованиями либералов. Но либералы не говорят о том, как это требование будет проведено. Мы же говорим, что оно должно быть проведено не бюрократией, а угнетенными классами, а это есть уже путь революции. В этом наше коренное отличие от либералов, которые своими рассуждениями о преобразованиях и реформах «испакощивают» народное сознание. Если бы мы стали конкретизировать все требования об уничтожении крепостничества, то у нас получились бы целые томы. Поэтому-то мы указываем только на важнейшие формы и виды закрепощения. А наши комитеты в различных местностях, в развитие общей программы, выставят и разработают свои частичные требования. Указание Троцкого, что мы не можем касаться местных требований, — неверно в том отношении, что вопрос о хизанах и временно-обязанных не только местный вопрос. К тому же о нем известно в аграрной литературе.

Карский. Вполне присоединяюсь к мнению Ленина. Такие вопросы не могут быть неизвестны нашим товарищам. Мы явились на съезд с докладом, и не наша вина в том, что мы не могли его прочесть. Я настаиваю на том, чтобы перечислить все те области, где существует крепостничество в особенно резкой форме.

Либер. Я вынужден говорить в третий раз. Я сказал, что не считаю себя компетентным в данном вопросе. Тов. Плеханов и Ленин использовали это заявление в том смысле, что раз я не компетентен, то не следует отвечать мне на вопросы. Но я думаю, что обязанность компетентных товарищей, составивших программу, — ответить на возникшие сомнения и недоумения. Ленин не сказал, где его вера в революционность крестьянских комитетов. В первый раз слышу, что требования угнетенных классов обязательно революционны. Наоборот, эти требования часто реакционны. Прошу товарищей, если они удостоят меня ответом, пояснить, во-первых, почему верят в революционность крестьянских комитетов, и во-вторых, почему они думают, что кулаки не ограбят крестьян? Мне напоминаются кубышки, о которых говорил тов. Плеханов. Далее, почему здесь, говоря о кабале политической, умалчивают о кабале экономической? Откуда явилась уверенность, что кулаки, которые будут ховяйничать в крестьянских комитетах, не предадут интересов остального крестьянского населения? Далее, в интересах архитектурного строя программы, нельзя

каждый раз выбирать новую перспективу. Нужно или включить все специальные требования или ни одного.

Мартынов. Я уже доказывал неприемлемость пункта о возвращении отрезков. Теперь я прибавлю только следующее. Сами авторы проекта косвенно призвали пробел в этом пункте программы. Тов. Ленин внес поправку к общей части аграрной программы: «В интересах уничтожения остатков крепостного права... мы будем требовать *прежде всего* и т. д.». Ленин уверяет нас, что это только разъяснение программы, я же нахожу, что это исправление ее. Тов. Ленин толкует слова «прежде всего» в том смысле, что мы прежде всего хотим уничтожить крепостнические остатки, а затем у нас остается для деревни еще общая социалистическая программа-максимум. Это толкование неверное. Исправленный текст, будет гласить: «в интересах уничтожения остатков крепостничества мы будем требовать *прежде всего*»... Очевидно, что Ленин признал возвращение отрезков недостаточным и для уничтожения крепостнических остатков, что и в этом деле возвращение отрезков является лишь первым шагом. В том же смысле писала «Искра» в одном номере, в том же смысле писал тов. Плеханов в своих комментариях к программе. В этих статьях говорится, что мы не исключаем и экспроприации и других земель, мы только не приписываем ей того значения, которое ей приписывают соц.-рев.; она не уничтожит деревенский капитализм, а будет содействовать его расцвету. В своей статье против Рязанова, тов. Плеханов сказал, что размеры экспроприации в момент революции будут зависеть только от соотношения общественных сил. В виду всего этого, я не вижу основания для того, чтобы мы связали себе руки пунктом об отрезках. Мы должны дать будущим крестьянским комитетам только общую принципиальную директиву: они должны передать самим обществам те земли и угодья, которые служат в руках крупных землевладельцев средством для поддержания крепостнических отношений, независимо от того, где и когда эти участки земли попали в руки крупных землевладельцев.

Попов. Я возвращаюсь к невыясненному вопросу, существует ли кабала у латышей. По моему, прав и Либер, и Ленин, и Ланге, и Лядов. Действительно, латышские крестьяне освобождены без земли, но там все-таки существуют крепостнические отношения. Закабаление там не является остатком крепостного права. Насколько помнится, у Каутского есть указание, что в сельском хозяйстве Германии есть категория пролетариев, которых эксплуатируют по-крепостнически. Очевидно и при капиталистических отношениях встречается кабала.

Ставится на баллотировку предложение о закрытии списка ораторов. За закрытие высказывается 17 голосов и против 12. При перебаллотировке большинством 18 голосов против 16 список ораторов закрывается.

Мартов. Либер выразил претензию, что ему не на все вопросы отвечают, но не из всех его вопросов вытекает, что собственно он желает выяснить. Требуется ли, например, он устранения пункта об отрезках, в зависимости от того, будут ли революционны крестьянские комитеты? Очевидно, Либер впал в такое же недоразумение, как и любой из анархистов, спрашивающих нас, откуда наша вера в революционность Земского Собора. Несомненно, Земский Собор будет революционен, но степень его

революционности нас не удовлетворит, и с первых же дней нам придется, вероятно, уличать его в реакционности. Обще-политические и обще-экономические вопросы будут решаться в общих учреждениях, а детальное выяснение их должно быть предоставлено местным учреждениям. Несколько крестьянские комитеты будут революционны—предсказать теперь трудно. Но мы должны внести в деревню классовую борьбу и организовать сельский пролетариат, тогда влияние соц.-дем. несомненно отразится в крестьянских комитетах. Напрасно Либер дает нам дилемму: либо включить все детали, либо никаких. Есть детали важные и детали несущественные. На наиболее отсталые формы крестьянских отношений необходимо указать. Отсталость сельскохозяйственных форм производства часто порождает кабальные отношения. Нет почти ни одной страны, где не существовало бы кабалы. Наш пункт четвертый не уничтожит окончательно крепостнических отношений, но только ослабит их.

Махов. Здесь говорят о крестьянских комитетах. Термин этот не удовлетворителен, так как целая треть сельских жителей не принадлежит к крестьянскому сословию.

Ленин. Тов. Либер предлагает уничтожить пункт об отрезках на том только основании, что ему не нравятся крестьянские комитеты. Это странно. Раз мы сошлись на основном вопросе о том, что отрезки закабаляют крестьян, то учреждение комитетов является частностью, из-за которой нелогично отвергать весь пункт. Странен также вопрос, как мы будем влиять на крестьянские комитеты. Надеюсь, соц.-дем. тогда с меньшими трудностями смогут устраивать съезды и на них сговорятся, как действовать в каждом данном случае.

Аксельрод предлагает переставить часть пункта относительно крестьянских комитетов в конец. Принято говорить сперва о цели, а потом о средствах.

Ланге. Существует много безземельных местностей. Поэтому не следует ограничиваться отрезками, а добавять «но и те земли, которые служат для этой цели».

Русов. Вносит поправку, по которой комитеты учреждаются всюду, где есть полукрепостнические отношения, а не только отрезки. Затем необходимо добавить, что крестьянские комитеты уничтожают не только отрезки, но и вообще все условия закабаления. Зачем связывать руки крестьянским комитетам? Может быть, им придется акпропринировать отдельные мнения.

Ставятся на баллотировку все внесенные к этому параграфу поправки.

Поправка Кострова принята большинством 27 голосами.

Отклоняется поправка Бекова, излагавшая пункт б) так: «для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, в Западном крае, на Кавказе (временно-обязанные, хизаны и др.) и в других областях государства».

Отклоняется поправка Мартынова, излагавшая пункт а) так: «для отдачи сельским обществам тех земель и угодий, которые служат в руках крупных землевладельцев средством поддержки полукрепостнических отношений».

Отклоняется поправка Ланге, который предлагал заменить слово «остатков»—словом «пережитков» и слово «уцелевших»—словом «существующих».

Вторая поправка Ланге, предлагавшая перед словами: «и в других государствах» добавить «и на Кавказе» — также отклоняется.

Отвергается третья поправка Ланге, предлагавшая редактировать параграф четвертый так: «Учреждение крестьянских комитетов для упразднения и ослабления всего того, что создает закабаление крестьянства и тем поддерживает старые дореформенные отношения: а) вместо «тех земель, которые отрезаны...» — «тех из отрезанных при уничтожении крепостного права земель, которые служат в руках помещиков орудием для закабаления, и б) экспроприация в распоряжение крестьянских комитетов всех других земель (вод, дорог, и т. д.), являющихся, как и большая часть отрезков, орудием закабаления».

Отклоняется поправка Русова: «Учреждение крестьянских комитетов для уничтожения крепостных отношений, уцелевших в некоторых местах государства, так и условий, служащих в руках помещиков орудием крепостнической кабалы (отрезки, хизанство и пр.)».

Отклоняется поправка Либера, предлагавшая, во-первых, в пункте четвертом читать: «возвращения сельским обществам» и т. д.; во-вторых пункт б) выбросить.

Аксельрод берет свою поправку обратно.

Пункт четвертый с поправкою Кострова принимается целиком большинством 30 голосов против 1.

Съезд переходит к обсуждению § 5.

Костров. Жалоба в суд — целая кавитель. Мне кажется, лучше будет учредить *conseils des prud'hommes*.

Ленин. § 5 находится в связи с § 16 рабочей программы: это предполагает именно суды, состоящие поровну из рабочих и предпринимателей; мы должны требовать особого представительства от батраков и от беднейшего крестьянства.

Мартов. Я ставлю вопрос: следует ли обращаться к промысловым судам сельскохозяйственному пролетариату, когда его нужно еще организовывать? Может быть, окажется, что удобнее будет ввести суд присяжных. Вот почему я предлагаю оставить ту неопределенную формулировку, которая сделана в программе.

Либера. Может быть, в установлении арендной платы можно будет прибегнуть к таксам? Я бы поэтому предложил предоставить судам право устанавливать арендные цены.

Ленин. Мне кажется это излишним, так как непомерно расширилась бы компетенция судов. Мы преследуем цель — понижение арендной платы, а установление такс дало бы возможность землевладельцам ссылкой на определенные факты доказывать свою правоту. Понижение арендных цен исключает всякую мысль о повышении их. Каутский, говоря об Ирландии, указывает, что там введение промысловых судов дало некоторые результаты.

§ 5 ставится на голосование и принимается большинством 35 голосов при 11 воздержавшихся.³²⁾

Читается первый абзац заключительной части программы.

Махов. Что значит «поддерживать оппозиционное и революционное движения»? Если это значит способствовать развитию, то я решительно против: у нас единственный революционный класс — пролетариат, остальные — так

себе: с боку припека (общий смех)... Да, с боку припека, и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать. Мы будем вытаскивать для них каштаны из огня.

Аксельрод. У нас нет революционных партий, но есть оппозиционные элементы, и мы должны эксплуатировать их в своих целях.

Либер. Меня смущает неточность в одном месте: «всякое оппозиционное движение». Не всякое оппозиционное движение идет по линии пролетариата. Пример—Шарапов. Относительно таких реакционных элементов имеются, правда, достаточные оговорки. Но есть другой вид реакционеров, говорящий об опеке помещиков, о добром старом времени. О нем ничего не сказано. Кроме того, в этом абзаце не указано, что рекомендуемое отношение к известным течениям должно относиться только к периоду до завоевания политической свободы. После падения самодержавия окажутся другие течения, например, аграрии, которые в известных случаях пойдут по той же линии, что и пролетариат.

Плеханов. Выражение, о котором шла речь, почти буквально взято из «Манифеста Коммунистической Партии». И мы считали полезным повторить его в нашей программе. Мы считали это полезным потому, что хотели оттенить различие своих взглядов от взглядов народников и социалистов-утопистов. Народники и социалисты-утописты высказывались против политической борьбы буржуазии, будучи убеждены, что торжество политической свободы упрочит экономическое господство буржуазии. Мы готовы поддерживать это движение, потому что оно облегчает нашу собственную борьбу с существующим политическим порядком. Но поддерживая его, мы согласно тому, что говорится в том же Коммунистическом Манифесте, ни на минуту не перестаем развивать в умах рабочих сознание враждебной противоположности их интересов с интересами буржуазии. И вот почему наша поддержка его не заключает в себе ничего опасного для нас.

Старовер. Тов. Либер жестоко ошибается, полагая, что в проекте нашей программы не указано точно и ясно, какое оппозиционное или революционное движение мы будем поддерживать. Нет, в этом проекте говорится, что мы поддерживаем «всякое движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка»; другими словами, что нашу поддержку встретит только движение, которое поставит себе целью низвержение самодержавного строя. Таким образом, отпадают все ссылки тов. Либер на немецких аграриев или на г. Шаропова у нас в России. Будущие аграрии могут быть очень резки в своей критике, они могут решительно нападать на того или иного министра, но тот или иной предложенный правительством законопроект, наконец, на все направление в данный момент правительственной политики, но они стоят на почве существующего политического порядка. Они—консерваторы. «Славянофилы», говорит тов. Либер, но славянофилы нападали только на бюрократическое «средостенне», которое залегло между царем и народом, которое искажает идею самодержавия, самодержавие же было для них неприкосновенно.

Глебов предлагает вместо «полицейско-чиновничьей» сказать «полк-цейско-сословной опеки».

Либер предлагает вставить «всякое прогрессивно-оппозиционное и революционное движение».

Обе поправки ставятся на голосование и отклоняются.

Махов вносит предложение выбросить слово «оппозиционное» и мотивирует его так: мы должны поддерживать всякое революционное движение, тогда как, например, крестьянские войны времен реформации носили реакционный характер, хотя и были оппозиционным движением, равно как и наши крестьянские волнения. Кажется, у Маркса не говорится об «оппозиционном движении», так что мое предложение соответствует духу учения Маркса.

Старовер. Зачем нам связывать так себе руки по отношению к оппозиционным течениям, идущим в том же направлении, которому следует и революционный пролетариат?

Лядов. Единственный революционный класс — пролетариат, крестьянские войны не были революционными.

Мартынов. Я согласен с Старовером. Но какие же движения имеют революционный характер? — только демократические. Если же движение только будирует, — его не надо поддерживать. Поэтому я вношу поправку: перед словом «оппозиционное» вставить «демократическое». В этом смысле высказывается и «Искра» в статье «О городском самоуправлении». Если же оппозиционеры хотят компромисса в смысле, например, ценового ограничения, то мы не должны их поддерживать.

Плеханов. Я не понимаю о чем, собственно, мы спорим. Тов. Мартынов говорит, что мы должны поддерживать только демократические движения. Ну, а как быть с либеральными движениями? Выступать против них? Этого мы не можем, не уподобляясь тем немецким «истинным социалистам», над которыми так едко смеется Маркс в Манифесте Коммун. Партии. Тов. Мартынов говорит, что мы не должны поддерживать либералов и поясняет это. Мы должны критиковать их, разоблачать их половинчатость. Это верно. Но это мы должны делать также и по отношению к, так называемым, социаль-революционерам. Мы должны разоблачать их узость, их ограниченность; мы должны показать пролетариату, что истинно революционно теперь только социал-демократическое движение. Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснять пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что, поэтому, он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции. Повторяю, поддерживать движение, направленное против существующего порядка, не значит говорить пролетариату, что оно достаточно широко, и этого отнюдь не говорит наша программа.

Мартынов. Не подлежит сомнению, что мы, в отношении к либералам, расходимся в двух существенных пунктах со старыми народниками: во-первых, мы не боимся буржуазной конституции, а, напротив, считаем ее огромным и неизбежным шагом вперед, во-вторых, мы не игнорируем силы либералов потому что мы видим в них представителей известных слоев буржуазии, которая будет неизбежно господствовать в освобожденной России. Так как мы обязаны развивать политическое сознание пролетариата, то мы, очевидно, должны знакомить его с характером предстоящей революции, и с

соотношением общественных сил этой революции, а, стало быть, должны знакомить его и с либеральным движением. Но поддерживать оппозиционные движения мы должны лишь, поскольку они революционны, или поскольку они преследуют общую с нами ближайшую цель — завоевание демократической свободы. Но, поскольку либеральное движение уже теперь становится в лице Евреиновых между революцией и реакцией, поскольку оно стремится путем компромисса остановить развитие революционного движения, мы должны бороться. Если мы хотим стоять во главе всего революционно-демократического движения, мы должны бороться с либеральной партией за сферу нашего влияния, за влияние на демократию.

В виду всего этого я предлагаю в разбираемом абзаце перед словом «оппозиционное» вставить слово «демократическое».

Троцкий. Несомненен этот факт, что развивающийся и революционизирующийся пролетариат чисто стихийным путем революционизирует другие общественные классы и слои... Несомненен тот факт, что и возникновение широкого политического движения студенчества, и появление, так, называемых «эс.-эр.», и под'ем либеральной оппозиции, все эти явления, характеризующие последнее пятилетие нашей жизни, выросли на почве движения русского пролетариата. Но поддержка, которую оказывал и оказывает пролетариат другим оппозиционным движениям, определялась главным фактом существования рабочего движения. Теперь эта поддержка должна стать орудием нашей партийной тактики. То, что делалось стихийно, должно делаться сознательно... (Мартынов: но как, каким образом?) А вот я сейчас приведу пример. Когда Мартынов — не вы, а ваш однофамилец, Мартынов, Воронежск. селско-хоз. ком. — высказался за конституцию, он был арестован. Этот факт мы должны были сделать всеобщим достоянием. Мы должны были оповестить народные массы о смысле и характере требований, выставленных оппозиционными Мартыновыми. Этим самым мы придаем заявлениям этих Мартыновых политический вес. Конституционные требования земской оппозиции, таким образом, оказываются ни ни мал'ной частью общенародных требований. Провести эту идею в сознание пролетариата, значит одновременно и отметить свою Партию от всех других оппозиционных и революционных движений и в то же время поддерживать эти последние. Такова задача поддержки, которую Мартыновы революционные должны оказывать Мартыновым оппозиционным.

Закрывается список ораторов.

Либер. Троцкий так разъяснил вопрос, что с ним ни один соц.-дем. не согласится. В нашей прокламационной литературе замечается, что нападая на самодержавие, мы забываем о рабочем движении, о его классовом характере. Да, нужно поддерживать движение против самодержавного строя, но самая лучшая поддержка состоит в том, что мы придаем классовому движению пролетариата более резкий характер. Не тем, что мы печатаем произнесенную однофамильцем тов. Мартынова в земстве речь, мы способствуем развитию классового движения пролетариата, а тем, что сообщаем об его незаконном аресте, о том, как он себя держал. Нужно поддерживать либералов, подгоняя их критикой. Непосредственная же поддержка оппозиционных движений вредна. Почему бы тогда не распространять

«Освобождения»? Обращать всякий протест в революционный протест—вот наша поддержка.

Страхов. Одно из двух: либо соц.-дем. движение должно встать во главе революционного движения, либо нет. Если—да, то мы должны оказывать поддержку всяким враждебным полицейско-чиновничьей опеке движениям. Для меня, поэтому, пункт вполне ясен. Я предложил бы только вставить: «которые мирятся с полицейско-чиновничьей опекой, так сильно стесняющей самостоятельность рабочего класса».

Махов. Слова «революционное» вполне достаточно. Лядов неправ, говоря о революционности только пролетариата. Будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной—когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками. Но есть группы, которые всегда реакционны—таковы ремесленники. Я возражаю против аграрной программы и опасаясь выступления огромной массы крестьянства. Есть известные группы, идеалом которых является цезаризм.

Илеханов. Я могу быть краток, потому что последние возражения дали нам немного нового. Тов. Мартынов указывает на существование таких оппозиционных слоев, которые могут стать между революцией и настоящим порядком вещей. Он указывает вам на то, что мы должны разоблачать эти слои в глазах пролетариата. Я спрашиваю, стоит ли говорить столь известные вещи на съезде, который обязан дорожить своим временем? Первым словом пропаганды, разъясняющей пролетариату необходимость существования нашей партии, должна быть критика всех других, не социал-демократических, революционных и оппозиционных партий. Отказаться от такой критики значило бы для нас подписать смертный приговор. Если бы теперь встали из гроба монтаньяры 1793 года, то мы и их должны были бы критиковать с точки зрения наших принципов. Но это не значит, что мы не должны были бы их поддерживать в их борьбе с существующим порядком. Тов. Мартынов говорит, что мы должны противопоставить себя буржуазным партиям—это неоспоримо. Весь вопрос в том, каким образом мы станем делать это. Социалисты-утописты, например, так называвшиеся „истинные“ немецкие социалисты, противопоставляли себя буржуазным партиям, доказывая пролетариату, что ему не нужна буржуазная политическая свобода. Говорить так значило противопоставлять себя либеральной буржуазии, поддерживая не ее, а полицейское государство. И точно таким же образом противопоставляли себя либеральной буржуазии наши народники и субъективисты. Мы противопоставляем себя ей иначе. Мы поддерживаем ее, доказывая пролетариату, что ему не бесполезна, а недостаточна, та политическая свобода, которую дает ему либеральная буржуазия, и что, поэтому, он сам должен ополчаться ради завоевания нужных ему прав. Поясню мою мысль примером. Вообразите квартального, олицетворяющего полицейское государство, рядом с ним вообразите буржуа, вступающего в борьбу с квартальным и желающего отвоевать у него некоторые права для себя, но не для рабочего класса, и, наконец, представьте себе пролетария, который смотрит на борьбу буржуа с квартальным и спрашивает себя: «что же мне делать»? Социалисты-утописты отвечали: «не вмешивайся в эту борьбу, это семейная ссора твоих врагов, кто бы из них ни победил, ты ничего не выиграешь или

даже много потеряешь». Мы, стоящие на точке зрения современного научного социализма, скажем пролетариату: исход этой борьбы не безразличен для тебя, каждый удар, получаемый квартальным от буржуа, есть шаг вперед по пути прогресса и потому он принесет тебе пользу. Но, борясь с квартальным, буржуа думает не о тебе, а о себе, к тому же он не справится с квартальным, поэтому ты должен сам вмешаться в борьбу, вооружившись, по французскому выражению, до зубов, для того, чтобы не только повалить квартального, но и быть в состоянии дать отпор буржуа, когда тот захочет лишить тебя плодов победы. Вот и все. Если, по словам тов. Либера, в прокламациях нашей Партии недостаточно оттягивалась противоположность интересов буржуазии и пролетариата, то об этом мы поговорим, когда речь пойдет о нашей партийной прессе. К программе этот упрек не имеет ни малейшего отношения. И уже, во всяком случае не редакцию «Искры» и «Зари», составившую проект программы, можно подозревать в стремлении замалчивать различия, существующие между нами и другими партиями. В чем обвиняли нас так часто и в печати, и в письмах, и на собраниях? В том, что мы слишком падки на полемику. Но почему же мы были так падки на нее? Потому что мы дали себе слово бить, по выражению Лассалля, уместной дубиной всякого, кто станет между пролетариатом и ясным пролетарским самосознанием. В виду того нет оснований бояться нашей будто бы склонности к компромиссам. От первого до последнего слова наш проект программы является истинно революционным в духе Маркса и Энгельса, и вот почему вы можете принять его с совершенно спокойной совестью.

Голосуются и отклоняются поправки Страхова, Мартынова, Махова и Либера, предложившего, во-первых, прибавить «прогрессивно» оппозиционные... и, во-вторых, после слова «порядка» вставить: «противопоставляя вместе с тем этой оппозиции революционное движение пролетариата и отвергая»...

Весь абзац принят большинством голосов при нескольких воздержавшихся. ³³⁾

Читается последний абзац программы.

Страхов предлагает после слов «низвержение самодержавия» читать «и заменой его народовластием». Поэтому своим первым политическим требованием Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия ставит созыв учредительного собрания, свободно избранного всем народом». Мотивирует свое предложение тем, что созыв учредительного собрания еще не обеспечит нам наших стремлений, и лишь народовластие гарантирует нам их торжество.

Мартов. Считаю поправку излишней, так как все положения программы будут проведены обязательно лишь при условии Учредительного Собрания.

Старовер предлагает вместо слов «твердо убеждена» вставить слово «полагает».

Плеханов предлагает вставить «и заменой его самодержавием народа».

Мартов высказывается против поправки Плеханова; повторять еще раз «самодержавие народа» здесь странно.

Акимов. Я просил бы мне раз'яснить, что подразумевается под выражением «самодержавие народа»? Та ли власть, которая нами будет завоевана в ближайшую революцию, или та, которая явится в результате социальной революции. Если первое—я думаю, что именно первое — то как совместить с этим требование диктатуры пролетариата. Будем ли мы ее добиваться для того, чтобы отменить самодержавие народа?

Гусев. Весь пункт ничего не говорит нового по сравнению со всей программой. Если некоторые мысли подчеркнуты, то для этого есть достаточные мотивы.

Страхов. Я хотел указать, что формулировка Плеханова «народное самодержавие» неудобна—отдает народничеством.

Троцкий. Я хочу дать объяснение Акимову. При самодержавии «народа» диктатура принадлежит буржуазии. Когда же социалисты получат большинство, тогда настанет эпоха диктатуры пролетариата.

Горин. Нахожу, как и Мартов, в высшей степени неудобным говорить здесь о «самодержавии народа».

Плеханов берет свою поправку обратно.

Голосуются поправки Страхова и Старовера.

Съезд отклоняет обе.

Принимается последний абзац программы.

Далее слово предоставляется докладчику программной комиссии, Егорову, по поводу возвращенного в комиссию седьмого пункта общей программы.

Егоров. Комиссия постановила следующее: 1) в конце § 6 оставить слово «и языка»; 2) вставить новый параграф: «право населения получать образование на родном языке; право каждого гражданина объясняться на родном языке в собраниях, общественных и государственных учреждениях и 3) из § 11 вычеркнуть фразу относительно языка.

Гольдблат. Второй пункт не удовлетворяет меня: на предыдущем заседании говорилось: что слова «и языка» нужно оставить лишь в том случае, если остальное будет отвергнуто.

Карский. Я хочу указать некоторые неточности в формулировке; у нас на Кавказе уже есть право говорить на родном языке; дело не в этом: по моему, эта формулировка должна была включать нечто большее. Получая налоги и подати с населения, государство или обществен. учреждения должны будут давать и средства на устройство таких школ. Отмечаю один пропуск: необходимо указать, что судопроизводство должно вестись на родном языке—по крайней мере в низших инстанциях.

Костров присоединяется к словам Карского.

Плеханов. Недостатки, указанные Гольдблатом и Карским, мне кажется, были бы устранимы моей поправкой, гласящей: «обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ».

Карский. У нас города уже имеют право устраивать свои школы, но в деревнях родной язык вытесняется, равно как и в городских учебных заведениях, содержащихся на счет государства.

Беков. Это неверно: есть только несколько дворянских школ на родном языке. Тов. Карский. должно быть, забыл варварские способы,

какими были закрыты армянские школы; это была настоящая эпопея царского самодержавия. Программой населению гарантируется право говорить на родном языке и широкое областное самоуправление: это достаточно высокая гарантия. О чем же еще говорить? Ведь, программа пишется не для Кавказа.

Пункт принимается съездом в таком виде, как он формулирован комиссией, с некоторыми поправками (см. § 8 обще-политических требований программы). Предложение 1) комиссии отвергнуто, и предложение 3) принято. Затем съездом, путем поименного голосования, принимается вся программа. В голосовании принимают участие и лица, присутствующие на съезде с совещательным голосом. Программа, принята всеми присутствующими, за исключением товарища Акимов, который воздержался, и по этому вносит следующее заявление:

«При голосовании программы в целом я воздержался от голосования и желаю мотивировать это воздержание.

Возражая в общих дискуссиях о программе на мою речь, тов. Плеханов сказал, что я ошибочно считаю основной мыслью проекта взгляд Ленина на пролетариат, лишь как на среду, в которой действует социал-демократия; что на самом деле основной мыслью проекта является взгляд Маркса на законы развития общества, который Плеханов резюмировал в выражениях предисловия к *Zur Kritik*.

Это было, на мой взгляд, не серьезное возражение, так как я не отрицаю, что проект программы является социал-демократической программой, и, поскольку в нем проведены основные положения социал-демократии я разделяю его, и потому не могу вотировать против него. Но я также не могу вотировать за, в виду того, что проект в нескольких, очень важных своих частях, отступает от западноевропейских программ социал-демократии, между тем съезд санкционировал эти отступления, почти не обсуждая принципиальную часть программы и не дав возможности делегатам, не солидарным с проектом, защищать свои взгляды.

Вопреки регламенту съезда, вопреки заявлению председателя, после которого было принято съездом прекращение общих дискуссий, у членов съезда было отнято право обсуждать поправки при голосовании программы по пунктам.

В самом деле, было дано каждому члену всего пять минут для каждого пункта и, притом, брать слово можно было лишь один раз по каждому пункту. Чтобы показать, что в этот промежуток времени не было физической возможности изложить свое мнение, я указу хотя бы на вопрос о «наполнении» пролетариата социализмом (*Erfüllungstheorie*). Съезд принял формулировку проекта (абзац девятый) и тем стал на точку зрения ультра-Каутского, отклонив взгляды Адлера, поддержанные австрийским партийтагом и нашедшие себе выражение в Венской программе.

Товарищи в России не могли достаточно ознакомиться с протоколами Венского партийтага и с рядом статей в *Neue Zeit*, *Vorwärts* и *Leipziger Volkszeitung*, подготовивших и резюмировавших решения наших австрийских товарищей по этому вопросу, и было бы легкомысленно пытаться изложить этот вопрос в пять минут.

Точно так же вопрос «об обнищании (Verelendungstheorie)» разрешен в нашей программе в противоречие с Венской программой и с новейшими сочинениями западноевропейской социал-демократической литературы и в частности с трудами Каутского и Бебеля. Решение этого вопроса в ту или иную сторону кладет резкую печать на все проявления деятельности социал-демократии, ее политической и экономической борьбы. Изложить свои соображения против проекта в этом пункте опять-таки невозможно в пять минут.

Но этого мало. Ни один убежденный человек не может удовольствоваться кратким резюме своего мнения, он нуждается в праве защищать свой взгляд. Между тем, съезд лишил возможности брать слово второй раз для ответа на возражения, часто искажавшие мысль говорившего. Насколько бесполезно было при подобных условиях налагать свои взгляды показывает следующий пример.

Тов. Либер обратил внимание съезда на необходимость выражения «поскольку» в тексте проекта об отношении соц.-дем. к другим слоям народа. Тов. Плеханов ответил ему, что это выражение употреблено в соответствующем месте Манифеста Коммун. Партии. На самом деле это не так. Этого выражения нет в Манифесте и оно употреблено лишь в неточном переводе Плеханова Манифеста на русский язык. Но тов. Либер не мог отвести это решающее вопрос возражение Плеханова, так как не мог говорить вторично.

Зато съезд покончил с принципиальной частью программы чрезвычайно быстро: он уделил всего одно заседание на общие дискуссии и одно на голосование, то есть, в сумме, один день.

При таких обстоятельствах я не мог принять участие в обсуждении программы, а потому не могу и голосовать за нее».

Председатель. Это неверно. Тов. Акимов в комиссию внес целых 21 поправку—считайте по 5 минут на каждую—и то выйдет немало времени. Что касается остальной части программы, которая комиссией не рассматривалась и разбиралась *in pleno*, то условие обсуждения ее всем известны. Каждый делегат имел право говорить по каждому пункту три раза по десяти минут. Тов. Акимов же ни разу не взял слова. Регламент был принят большинством съезда.

После принятия решения о выражении благодарности редакции «Искры» за выработку проекта программы, слово берет председатель.

Плеханов. Товарищи, Партия сознательного пролетариата, Российская Социал-демократическая Партия, отныне имеет свою программу. Против некоторых ее частей было сделано довольно много возражений. Тем товарищам, с возражениями которых съезд не согласился, остается подчиниться большинству. Члены нашей Партии обязаны признавать ее программу. Это не значит, конечно, что раз принятая программа не может подвергаться критике. Но кто желает оставаться членом Партии, должен даже и в своей критике оставаться на почве программы. Как бы там ни было, но вопрос, так долго нас занимавший, окончен, и мы можем с законной гордостью сказать, что принятая нами программа дает нашему пролетариату прочное и надежное оружие в борьбе с врагами.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандат. и 12 лиц с совещ. гол.).

На очереди стоит обсуждение организационного устава Партии.

Читается резолюция, служащая введением к уставу: «Общий устав обязателен для всех частей партии. Исключение составляют те пункты, которые предусмотрены особыми приложениями к уставу, устанавливающими отношение частей к Партии».

Посадовский предлагает другую редакцию, которая и принимается (см. Устав Партии).

Либер. Я не буду говорить по существу. Резолюция не может быть принята, ибо нельзя принимать общие пункты, не зная исключений, которые будут приняты потом.

Мартов. Не понимаю, о чем говорит тов. Либер. Припав резолюцию, мы перейдем к обсуждению каждого пункта устава отдельно и будем обсуждать их, исходя из одного, уже принятого нами, принципа. Наша принципиальная позиция определена и думаю, что для Бунда удобнее разобрать сначала общий устав Партии, так как он сможет выяснить свою принципиальную позицию. Напоминаю тов. Либеру, что наш организационный принцип—не широкая автономия, а строгая централизация.

Гольдблат. Рассуждения Мартова неправильны и по существу и формально. Формально мы имеем право требовать обсуждения нашего устава при пункте шестом очередного порядка, как было уже решено, а по существу нам важно, чтобы положение Бунда было ясно и определено. Нам предлагают разбить устав Бунда на части и связать эти отдельные части с отдельными пунктами общепартийного устава. Но так поступать невозможно, так как в нашем уставе имеются такие пункты, которые ни к каким пунктам общепартийного устава приурочены быть не могут. Если же, значит, это предложение пройдет, то мы должны воздержаться от принятия участия в обсуждении общепартийного устава, пока не обсужден наш устав.

Мартов (к порядку). От чьего имени говорит тов. Гольдблат? Как понимать слово «мы»?

Акимов. Я нахожу невозможным ставить такой вопрос. Перед нами не какая-то корпорация, а делегаты, которые, конечно, говорят каждый за себя.

Мартов. Если Бунд согласен с Акимовым, то от имени какого же «мы» говорят Гольдблат?

Либер. Учинять вопрос неуместно. Если съезду угодно, то мы, конечно, дадим ответ на этот вопрос.

Плеханов. Я не удовлетворен ответом Либеря. Если нельзя допрашивать, то этим как бы хотят сказать, что предположение верно... Кто же, наконец, те «мы», от имени которых говорил Бунд? Мы потому и настаиваем на этом, что с особенным вниманием относимся к делегации Бунда.

Съезд решает предложить Бунду высказаться по этому поводу.

Либер. Продолжаю находить весь этот инцидент неуместным. Но раз ответ требуется, мы его дадим. Мы требуем и настаиваем на том, чтобы наш устав обсуждался раньше, не потому, что это поправка, а потому, что мы стоим на принципиально различных позициях, и нам нужно уяснить себе отношение съезда к тем принципам, которые руководят нами. Мы давно уже требовали обсуждения устава Бунда. Съезд отклонил это требование. Еще раз обращаю внимание съезда на это незаконное отношение к нашим требованиям. Предупреждаю, что мы будем вносить поправки лишь постольку, поскольку это касается общего устава.

Ланге. Бунд предлагает отложить обсуждение общепартийного устава. Это неудобно, потому что нам неизвестна та общая точка зрения, с которой мы должны обсуждать частный устав Бунда.

Троцкий. Мы не уклоняемся от обсуждения устава Бунда. Мы вырабатываем порядок обсуждения. Нам нужно выработать общий устав Партии и с этой точки зрения определить место Бунда в Партии. Не Партия для Бунда, а Бунд для Партии.

Егоров. Присоединяюсь к тому, что сказал Ланге. Но он не понял, чего хотел Бунд, хотя я нахожу, что Бунд неправ. Мы вовсе не хотим раздроблять устав Бунда. Мы будем обсуждать его в целом, но только после устава Партии.

Либер. Я не согласен ни с тов. Егоровым, ни с тов. Троцким. Предостерегаю съезд от попытки злобно и тенденциозно истолковать наши слова...

Председатель призывает его к порядку.

Либер (продолжая). Я утверждаю, что истолкование Троцкого не соответствует истине. Нас обвиняют в том, что мы говорили, что Партия для Бунда. Это неверно. Мы стоим на двух принципиально различных позициях. Нам говорят, что принцип, на котором стоит большинство — автономия, и думают, что этим сказали что-нибудь. Ведь вопрос в том, к кому хотят применить автономию. Мы ставим свой устав не выше устава Партии, а только во главу обсуждения устава Партии. Раз у нас есть принципиальное различие и если вы — люди принципов, то выясните же эти принципы.

Ленин. Не знаю, вправе ли я занимать внимание съезда тем, что ясно само по себе. Неслыханно, чтобы часть выступала раньше целого.

Список ораторов закрыт.

Горин. Я согласен с Троцким и думаю, что и Бунд также с ним согласится. В сущности, они предлагают свой проект устава Партии. Это нарушение порядка дня. У нас уже есть проект, который обсуждается.

Либер. Я имею сделать заявление, что мы будем принимать участие в обсуждении устава, но оставляем за собою право в свое время говорить об исключениях, касающихся Бунда.

Докладчик уставной комиссии, Глебов, указывает, что в комиссии голоса разделились, так что пункт первый устава предлагается в двух формулировках (см. устав и резолюцию Ленина *).

Елоров указывает, что выяснилось существование двух течений в определении понятия «Партия». Формулировка Ленина суживает это понятие; формулировка Мартова (см. устав) расширяет его до того, что раскрывает двери «демократизму». Не надо забывать, что мы, являясь конспиративной организацией, в то же время связаны с широкой массой. Я боюсь, чтобы после *А* не пришлось сказать *Б*.

Аксельрод. Я думаю, что нам нужно разграничить понятия — Партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно. Вспомним о строго-конспиративных и централистических организациях прошлого: «Земля и Воля» и «Народная Воля». Вокруг «Земли и Воли» группировался целый ряд лиц не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами Партии. «Народная Воля» была еще разборчивей, но и она придерживалась того же принципа. Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации. И, в самом деле, возьмем, например, профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом. Если мы примем формулу Ленина, то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами Партии. Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов Партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы Партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне Партии людей, сознательно, хотя и, быть может, не совсем активно, примыкающих к этой Партии.³¹⁾

Мартов. Вопрос, на котором мы остановились, чрезвычайно важный. Чем более мы хотим быть революционерами, тем резче мы должны отметить то, о чем говорил тов. Аксельрод. Мы являемся сознательными выразителями бессознательного процесса. Партийная организация — маховое колесо, приводящее в движение работу Партии в нашем смысле. Вопрос о правах и обязанностях разрешается заявлением: «вот вам работа». Я не боюсь «заговорщической» организации. Право у члена Партии, по нашему проекту, одно — доводить до сведения центра свои мнения и желания. Другое право — составлять общественное мнение, и, чем больше «заговорщики» будут считаться с этим мнением, тем меньше опасность, что поднимется вопрос о «правах». Пусть будут множественные организации — они должны расти. Они не могут вступить в партийную организацию, но без них нельзя обойтись в Партии. Чем шире будет распространено название члена Партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет обя-

*) Резолюция Ленина: «Членом Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию личным участием в одной из партийных организаций».

влиять себя членом Партии. Заговорческая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая Партия.

Костров указывает на выяснившиеся два течения в истолковании понятия «Партия» и на то, что организация и Партия не одно и то же, и предлагает соединить обе формулировки.

Посадовский. Уже определились две точки зрения на задачи Партии. Одна суживает ее размеры—другая расширяет. Нельзя ограничивать всю сумму членов Партии суммой заговорщиков, но выражение «под контролем» неясно определяет соотношение внутри Партии, и я предлагаю заменить его выражением «под руководством».

Карский находит, что разница в формулировках очень важна. Первая формулировка лишает всех, не принимающих непосредственного личного участия в организации, возможности не только считать себя членом Партии, но и, что гораздо важнее, помогать, чем кто может. Вторая формулировка устраняет это неудобство. Я присоединяюсь к ней, но согласен с тов. Посадовским, что слова «под контролем» надо заменить словами: «под руководством».

Бруксэр. Обсуждая первый параграф устава, мы приступили к вопросу огромной важности—организационному вопросу. Я не согласен со всем уставом и со всем его духом. Я стою за тот тип организации, по которому построена местная организация, в которой я принадлежу—Петербургский Комитет Союза Борьбы, и хотел бы применять этот тип и к организации Партии.

В этом году организационная работа была одной из главных и, по моему мнению, наиболее продуктивных работ Комитета. К концу года мы выработали организацию, которую признаем вполне хорошей, я бы сказал, совершенной, если бы перед нами, как перед всеми живыми организациями, не вставали новые вопросы. Еще до раскола, подьем революционного движения вызвал у всех сознание необходимости централизации, но, тогда как большинством Комитета и одно из течений Петербургского Комитета роптали его в пользу заговорщического типа—типа Народной Воли, мы стояли и стоим за право всех активных членов организации влиять на дела Комитета, право, соответствующее их обязанностям, прямо или косвенно влиять на выбор в Центральный Комитет и в районные. Теперь мы можем сказать, что у нас нет членов без прав, как нет их без обязанностей. Что же касается тех сочувствующих, которые так или иначе, время от времени, оказывают нам услуги, то они не могут быть признаны членами, так как в нашей Партии могут быть только активные члены. Этим сочувствующим мы оставляем право называться социал-демократами и сочувствующими социал-демократической Партии, чего, кстати, мы и не можем их лишить, а также можем им милостиво даровать то право, которое тов. Мартов предлагает дать, как единственное право, всем членам Партии, кроме ее администратий—право высказывать свое мнение и не только между собою но даже и доводить его до сведения Ц. К. Все же активные члены принадлежат к той или другой части организации (комитетские группы и т. п.), которая охватывает все роды работ, необходимых для всей организации. Опыт этого года дал нам убеждение, что право влиять на дела

есть громадная объединяющая сила, исключая всякую возможность недовольства внутри организации, а тем самым и возможность раскола; оно воспитывает интерес к работе, привлекает к делу и развивает все активные силы; только при наличии этих прав, Центральный Комитет является действительным выразителем мнения всех работающих членов, а следовательно, всей организации и действует в согласии с ней. Сила организации не только в обязанностях, которые несут ее члены, но и в правах, которые она им дает. То же должно быть и в Партии. Все члены ее должны иметь права; права же могут быть даны только активным членам, активные же члены не могут быть вне связи с организацией. Эту связь должно упорядочить. Я стою поэтому за ту формулировку, по которой все члены должны войти в одну из организаций. Что же касается демократизма, то, конечно, как таковой, он не может пугать ни одного сознательного социал-демократа. Но тов. Мартов говорит о «так называемом демократизме», выдуманном в пылу полемики, демократизме, доведенном до абсурда, который, как и все, доведенное до абсурда, конечно, абсурд, а, потому, и вздор, как выразился тов. Мартов, и в этом я с ним согласен, но я нахожу, что тип, который он предложил, есть тоже фантастическая и вздорная выдумка.⁸⁵⁾

Троцкий. Я опасаясь, что формула Ленина создаст фиктивные организации, организации, которые будут давать лишь своим членам *ценз*, но не будут служить средством партийной работы. Создадутся «боевые организации», вроде Томской, устав которой некоторые из нас читали, организации, целью, сущностью и основой которых будет не та или иная практическая задача, а сам *устав* организации.

Ленин вкратце защищает свою формулировку, подчеркивая в особенности, что она дает стимул: «организовуйтесь!». Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*. Необходимый признак партийной организации—утверждение ее Центральным Комитетом.

Лядов находит, что необходимо прибавить требование материальной поддержки Партии, находя крайне важным хоть этим определить признак принадлежности к организации.

Либер. Я вполне согласен с тов. Аксельродом и Мартовым. Они правильно поставили вопрос. Тов. Ленин ничего не опроверг и ничего не доказал. Я обращаю внимание съезда на то, на чем еще никто не остановился.

Есть социал-демократы, признающие программу, но не могущие и не желающие войти в организацию, так как они находят, что вне организации они могут больше пользы принести. Партия должна использовать такие элементы, ибо помощь их зачастую очень существенна. Тов. Ленин смешивает вопрос об организации с вопросом об отдельных личностях. Наша задача—не только организовать организацию; мы можем и должны организовать Партию.

Попов. Прослушав речи товарищей Мартова и Аксельрода, я не хотел больше говорить по этому вопросу, но теперь, после речи тов. Ленина, которая, как я заметил, произвела смуту в умах, я снова беру слово,

чтобы поставить снова вопрос так, как он был поставлен тов. Мартовым. Два проекта отличаются следующими словами: в одном, у тов. Ленина, говорится о «личном участии», у тов. Мартова — о «личном содействии». И Ленин, и Мартов имеют в виду важность организующего значения этого пункта. Как говорил уже т. Мартов, он вводит этот пункт для того, чтобы всосать в Партию те элементы, которые теперь состоят не то в Партии, не то вне ее. Тов. Ленин преследует, по его словам, ту же цель. Ему говорят на это: вы слишком суживаете размеры Партии, смешивая ее с конспиративной организацией. Он отвечает: я даю этим стимул организоваться. Троцкий, предвидя это, сказал: будут создаваться дутые организации. Ленин отвечает: этого не может быть, потому что организации утверждаются Центр. Комитетом. Ц. Ком., как «дух всюду сущий и единый» (*Ленин: „кулак!“*), или, если этого хочет тов. Ленин, как кулак, всюду сущий — пролезет во все уголки, каждого припишет к организации, каждому даст работу. Но есть очень обширные слои, которые принимают очень живое участие в работе, но не могут войти в организацию. Я не буду говорить о профессоре тов. Аксельрода, — на профессора как раз, может быть, не стоит обращать внимания, — но зато такое внимание следует обратить на тех гимназистов, о которых говорит Либер, и на очень обширные круги рабочих, о которых хочу сказать я. Всюду в Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя. И тут большое различие у нас в самом понимании принадлежности к организации. Для меня членом организации является тот, кто несет ответственность за ее действия. А если он несет ответственность, то он должен принимать участие и в обсуждении и решении вопросов.

Страхов. Раньше всего я должен заметить, что не могу согласиться с одним из только что говоривших товарищей, объяснявшим прохождение так называемого демократизма отсутствием контроля над деятельностью местных организаций. По моему, условия возникновения демократизма были совершенно иные. По крайней мере, поскольку дело идет о Петербурге, то тут на первый план должно быть поставлено недопущение в организацию Союза деятельных работников этой организации и непризнание за ними права на членство, а равно и находящееся, в связи с этими отрицательными тенденциями тогдашнего Союза, его неумение удовлетворять предъявленные к нему со стороны рабочих запросы. Впрочем, я не считая возможным говорить об этом в данный момент. Что же касается до поставленного вопроса о членстве, то я должен сказать, что тов. Мартов считает меня сторонником своей резолюции лишь по недоразумению. Предлагаемую тов. Мартовым формулировку членства я считаю неудовлетворительной. Предлагаемый им контроль неосуществим. Как я уже говорил раньше, по моему мнению, единственно действительный и надежный контроль — есть контроль организации над своими членами. В этом отношении я присоединяюсь к тов. Ленину. Вообще замечу, что мне кажется, что товарищи говорят здесь о различных вещах, понимая членство двояко. Одни, кажется мне, понимают слова: «член Партии» в более тесном

смысле слова, как членов центральной организации Партии. Другие принимают более широкое определение, подразумевая под членами Партии вообще людей, разделяющих программу Партии и готовых содействовать ей. Нисколько не отвергая практического значения первого определения, я должен указать на важность более широкого определения. Дело в том, что наша Партия, как совершенно правильно указал в своей речи тов. Ленин, необходимо должна включить в себя целый ряд самых разнообразных организаций, начиная с центральной партийной организации и кончая профессиональными рабочими союзами, входящими в Партию. Члены всех таких союзов, принимающих программу и входящих в состав нашей Партии, должны считаться ее членами. Такое широкое определение членства Партии кажется мне имеющим большое значение. Оно делает для всех очевидным, что Партия, в состав которой входят рабочие организации всех родов, является действительной защитницей всех правильно понятых интересов рабочих. А раз это станет очевидным в глазах масс рабочих, то это тем самым в значительной степени вырвет почву из-под ног зубатовцев и прочих лицемерных защитников «истинных» интересов рабочих. Все дело заключается в том, желаем ли мы оставаться на положении заговорщической организации, или мы желаем создать настоящую рабочую Партию. Я желаю последнего и предлагаю считать членами Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии каждого работающего в любой из организаций, входящих в состав Партии.

Аксельрод. Ленин напал на самый слабый пункт в моей речи. Но я нарочно взял такой крайний пример, как профессор, безусловно признающий нашу программу и даже тактику, чтобы иллюстрировать неразумность формулировки. Но как поступить с кружками революционной молодежи и вообще с группами, вполне разделяющими программу и тактику Партии, подчиняющимися постановлениям ее центральной организации и заявляющими, что они принадлежат к Партии. Никакими декретами нельзя запретить им и отдельным лицам называть себя социал-демократами и даже считать себя частью Партии. Я отстаиваю резкое разграничение между Партией и организацией в интересах последней. Можно быть искренним и преданным делу членом социал-демократической Партии, но быть совершенно неподходящим для боевой организации, строго централизованной, состоящей из профессиональных революционеров. С другой стороны, Партию пролетариата нельзя уже потому ограничивать тесными рамками заговорщической организации, что пришлось бы сотни и даже тысячи сознательных пролетариев считать вне Партии, не считать их членами ее. В формулировке Ленина первый параграф является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью, с задачами социал-демократической Партии пролетариата. Но я замечая, что стучусь в открытую дверь, потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию. Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться.

Мартынов. Странную картину нам приходится наблюдать. Товарищи, защищающие резолюцию Мартова, которая расширяет рамки нашей Партии, ссылаются в своей аргументации на брошюру Ленина «Что делать». Они утверждают основательно, что по смыслу этой брошюры наши организации

должны состоять только из профессиональных революционеров. При этом же условии, говорят они, вся Партия не уместится в рамках организации. Автор же брошюры «Что делать?», который хочет своей резолюцией сузить пределы Партии, признавши на днях, что он перегибал лук, теперь уверяет нас, что он не так узко понимает организацию, что, дескать, по смыслу его брошюры, в Партии, наряду с организацией профессиональных революционеров, будут иметь место и *lose Organisationen*. А в таком случае не страшно, дескать, сузить Партию до пределов ее организации. Очевидно, что нам не трудно было бы столкнуться на счет границ Партии, если бы мы недвусмысленно решили вопрос, какого типа организации мы хотим иметь в этой Партии. На этот же счет у нас обнаружилось удивительное смещение понятий. Здесь говорили, что наша организация должна быть централизованная и конспиративная. Стало быть, заговорщическая. Я утверждаю, что это вовсе «не стало быть», что это вовсе не одно и то же, хотя по-французски слово «конспирация» употребляется одинаково и в смысле «заговора», и в смысле «подпольной» деятельности. Признавая, что наша организация должна быть централизованной и крайне конспиративной, я вместе с тем помню, что она должна принципиально, коренным образом отличаться от заговорщической. Эти два типа организации предполагают совершенно различные классовые основы. Заговорщической может быть не пролетарская, а радикальная Партия, опирающаяся на разношерстные элементы демократии, которые подтверждены переходящим и меняющимся политическим настроением. Наша же Партия опирается на пролетариат, на общественный класс с определенной исторической тенденцией. Так как заговорщиками не стоит масса, объединенная однородными и прочными тенденциями, то заговорщики мало чем связаны в своей деятельности, они действуют скрыто, за спиной тех, чьи интересы они защищают, они пользуются их меняющимися настроениями для произвольных политических комбинаций. Иное дело — соц.-дем. революционная организация. Она является только сознательной выразительницей классовых движений пролетариата. Она не действует за спиной пролетариата, она им только руководит, помогая ему сознать свои интересы и сознательно, целесообразно бороться за них. Вследствие этого, социал-демократическая организация профессиональных революционеров (центрального и местных комитетов), в отличие от заговорщической, — должна быть органически связана с массой, а именно с пролетарской массой, целой сетью более или менее широких, более или менее сплоченных организаций. Повторяю, соц.-дем. организация должна быть всегда строго централизована, а при русских политических условиях, она должна быть, кроме того, строго конспиративной, но по самому существу своему она никогда не может быть заговорщической. Если бы мы этот принцип организации недвусмысленно признали, то нам нетрудно было бы решить вопрос насчет пределов нашей Партии.

Акимов. Я соглашаюсь с тем, что говорил тов. Мартов и желаю, чтобы это не послужило ему во вред. Я присоединяюсь к формулировке, данной Мартовым, не потому, что она точно определяет желательное для меня соотношение между Партией и организацией, а только в виду того, что она делает шаг вперед по пути к правильному решению вопроса.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Мартов. Из всех возражений, направленных против моей формулировки, я остановлюсь на возражении о неосуществимости моего § 1, т. е. контроля партийных организаций над членами Партии. Я думаю, что дело обстоит как раз наоборот. Контроль осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней. Неосуществима, наоборот, в сущности, цель, которую ставит себе устав Ленина. Для Ленина нет иных организаций в Партии, кроме «партийных организаций». Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров. Ленин думает, что Центр. Ком. утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но тов. Брукер хорошо понимает, что жизнь возьмет свое и что Ц. К., чтобы не оставить вне Партии множества организаций, должен будет их легализировать, несмотря на их не вполне надежный характер; поэтому тов. Брукер и присоединяется к Ленину. Я же думаю, что если такая организация согласна принять партийную программу и партийный контроль, то мы ее можем ввести в Партию, не делая ее тем самым партийной организацией. Я бы считал большим торжеством нашей Партии, если бы, например, какой-нибудь союз «независимых» определил, что он принимает точку зрения социал-демократии и ее программу и вступает в Партию, что не значит, однако, что мы включаем союз в партийную организацию. Я поддерживаю мысль Ленина, что нам, кроме организаций профессиональных революционеров, нужны и *lose Organisationen* разных родов. Но только наша формулировка выражает стремление к тому, чтобы между организацией профессиональных революционеров и массой был ряд организаций. Для нас рабочая Партия не ограничивается организацией профессиональных революционеров. Она состоит из нее плюс вся совокупность активных передовых элементов пролетариата. ³⁶⁾

Плеханов. Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то овий на бок гнется». Но чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов,

тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина. Весь вопрос сводится к тому, какие элементы могут быть включены в нашу Партию. По проекту Ленина, членом Партии может считаться лишь человек, вошедший в ту или другую организацию. Противники этого проекта утверждают, что этим создаются какие-то излишние трудности. Но в чем заключаются эти трудности? Говорилось о лицах, которые не захотят или не смогут вступить в одну из наших организаций. Но почему не смогут? Как человек, сам участвовавший в русских революционных организациях, я скажу, что не допускаю существования объективных условий, составляющих неодолимое препятствие для такого вступления. А что касается тех господ, которые не захотят, то их нам и не надо. Здесь сказали, что иной профессор, сочувствующий нашим взглядам, может найти для себя унизительным вступление в ту или другую местную организацию. По этому поводу мне вспоминается Энгельс, говоривший, что когда имеешь дело с профессором, надо заранее подготовиться к самому худшему. (Смех). В самом деле, пример крайне неудачен. Если какой-нибудь профессор египтологии, на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые предъявлялись египтянами быку Апису, сочтет, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то нам не нужно этого профессора. Говорить же о контроле Партии над людьми, стоящими вне организации, значит играть словами. Фактически такой контроль неосуществим. Аксельрод был неправ в своей ссылке на семидесятые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами Партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии семидесятых годов, а избегать ее. Противники проекта Мартова говорят, что право называть себя членом Партии имеет большое нравственное значение. Но я с этим не могу согласиться. Если где и полезно вспомнить пример семидесятых годов, то именно в этом случае. Когда Желябов заявил на суде, что он не член Исполнительного Комитета, а только его агент четвертой степени доверия, то это не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета. То же будет и теперь. Если тот или другой скажет, что он сочувствовал нашей Партии, но не принадлежал к ней, потому что, к сожалению, не мог удовлетворить всем ее требованиям, то ее авторитет только возрастет.

Не понимаю я также, почему думают, что проект Ленина, будучи принят, закроет бы двери нашей Партии множеству рабочих. Рабочие, желающие вступить в Партию, не побоятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, навсвоем пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить олотом против их вторжений в Партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма. ³⁷⁾

Русов. Я не имею особой симпатии к оппортунистам и бернштейнцам и не желал бы их видеть в Партии, однако, согласиться с тов. Пле-

хановым не могу. По моему, опасность, которая представляется тов. Ленину от принятия второй формулировки, совершенно напрасна. Тот титул «члена Партии», который дает устав, не передает в руки лица, носящего его, никаких прав на Партию, а обязанностей массу. При отсутствии выборного начала во всех партийных организациях, при строгой централизации, при ответственности каждого работающего для Партии перед ее центральными учреждениями, нет никакого основания бояться вторжения опасных для чистоты принципов элементов. Ведь те члены, о которых говорит формулировка Ленина, уже находятся в партийных организациях, зарегистрированы, имеют обязанность в сфере компетенции той организации, к которой они принадлежат. Для того, чтобы их считать в Партии и вменить им в обязанность содействовать Партии, нет необходимости устанавливать нового титула. Логичен был бы тов. Ленин, если бы вычеркнул весь первый пункт, или заменил бы его пунктом, указывающим, что основная единица Партии есть некоторый коллектив, некоторая организация, утвержденная центральными органами Партии и выполняющая какую-либо партийную функцию. Но, признавая это, мы оставили бы вне Партии ту массу пролетариата и отдельных городских обывателей, которые, не входя в те или иные организации Партии, служат орудием в руках организаций для осуществления их задач. Всякий практик, здесь присутствующий, если только постарается припомнить всех лиц, работающих на местах, согласится, что таких лиц много, особенно среди рабочих. Прикрепление их к Партии, не вредя ничуть работе и идейной чистоте Партии, вместе с тем дает возможность каждую минуту знать, на какую минимальную силу можем мы рассчитывать. Кроме того, это прикрепление дает возможность требовать от всех этих лиц безусловного выполнения обязательств, наложенных Партией на ее членов. Таковыми обязательствами могут быть те или иные резолюции Партии, а также постановления центральных органов. Еще раз напоминая товарищам, что член Партии никаких прав не имеет, а, наоборот, массу обязанностей по отношению к Партии, приглашаю присоединиться к резолюции тов. Мартова.

Павлович. Я всегда с некоторой осторожностью отношусь к заявлениям тов. Брукера о солидарности с нами по какому-либо поводу. В данном вопросе тов. Брукер солидарен по недоразумению. Весь организационный план тов. Ленина объединен централистической идеей. Но тов. Ленин старался, чтобы отрицательные стороны централизма достигали минимума. Сторонник «демократизма», тов. Брукер, первым пунктом устава был введен в заблуждение. Нам вовсе не выгодно разжижать ряды Партии сомнительными элементами. Мартов заботится, чтобы наш устав охватывал эти сомнительные элементы, я понимаю его добрые намерения... Но ошибка его заключается в том, что он процесс роста соц.-дем. рассматривает не динамически, а статически. Ведь признание программы обуславливается довольно высоким уровнем политического сознания. Уж если идти путем Мартова, то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании программы, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять. Параграф ленинского устава предусматривает признание не только программы его, но и уставных отношений. В переводе на простой язык это значит (перевод этот, может быть, не понравится тов. Либери): раз ты хо-

чешь быть членом Партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения. Тут нам говорят о тех единицах, профессорах и чиновниках, которые не побоятся пойти под сень мартовской резолюции и испугаются тов. Ленина. Но, товарищи, устав Партии пишется не для профессоров, а для пролетариев, которые не так робки, как профессор, и, я надеюсь, они не испугаются организованности и коллективной деятельности. Для единиц вообще уставы не пишутся, они пишутся для коллективов. Я сказал бы больше: эти единицы, не имея санкции никакой из партийных организаций, совершенно никак не могут ни формально, ни по существу называться представителями Партии. Что касается примыкающих организаций, как гимназисты, писатели, корреспонденты и т. д., о которых так заботится Либер, то ему скажу, что дело именно одной из наших организаций определить степень их социал-демократизма, дать им соответствующие функции и ответственность в данном пределе функции, и в пределе этих то функций они должны согласовать свои действия с действиями нашими. Если же эти гимназисты и студенты станут на свою буржуазную точку зрения, то я и тут не вижу убытка для социал-демократии. Принимая же формулировку Мартова, мы пускаем анархическую массу в члены Партии безответственно. Мы не должны исходить из того предположения, что Россия представляет *tabula rasa*. И теперь уже нет ни одного сколько-нибудь значительного пункта в России, где бы не было организации или элементов ее. Как согласовать представление о нашей Партии, разветвившейся по всей России, с существованием действующих на ряду с нею каких-то членов безответственных и самих себя зачисляющих в Партию, и как согласовать эту анархическую концепцию со словами самого Мартова, что наша Партия должна быть сознательной выразительницей процесса—предоставляя решить товарищам.

Муромов. Мне кажется несомнительным возражение тов. Русова против проекта Ленина, что многие останутся за пределами Партии. Проект Ленина охватывает, кроме «партийных организаций» в собственном смысле, целый ряд других организаций, куда легко могут войти различные кружки и одиночки.

Троцкий. Я был очень удивлен, когда тов. Плеханов предлагал вводить за формулу тов. Ленина, как за верное средство против оппортунизма. Я не знал, что можно создавать уставные заклинания против оппортунизма. Я думаю, что оппортунизм создается более сложными причинами.³²⁾ Я, наконец, не знал, что оппортунисты органически неспособны к организации. Я знаю партию жоресистов—этот организованный оппортунизм. Я не забыл организаций наших экономистов. Нет, я думаю, что спор гораздо менее принципиален. Почему не может войти то или другое лицо в наши организации, раз оно признает нашу программу?—спрашивает тов. Плеханов и отвечает: тут очевидно интеллигентский индивидуализм, а против него надо бороться. Вот в том-то и дело, что формула Ленина, направленная против интеллигентского индивидуализма, попадает совсем в другую цель. Интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче завести себя в списки Партии. Гимназические союзы, организации Красного Креста, и особенно студенческие землячества гораздо долговечнее всяких

широких (lose) рабочих организаций. Землячества существуют в течение целого ряда лет, тогда как широкие рабочие организации разрушаются ежедневно, под влиянием стачек, кризисов, передвижения рабочих масс. Таким образом, определение тов. Ленина ставит в неравные условия интеллигенцию и рабочих. Автор этого определения утверждает, что оно даст возможность всегда знать, какие силы мы можем повести в бой, но я боюсь, что, когда тов. Ленин обратится в критическую минуту к своим спискам, он найдет в них студенческие землячества и барышней, очень хороших социал-демократических барышней, группирующихся в Красном Кресте... Я отнюдь не придаю уставу мистического значения и не думаю, что он передвинет центр тяжести нашей работы в среду студенческих землячеств и барышней Красного Креста. Нет, полем нашей работы по-прежнему останется, разумеется, пролетариат. Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута. Повторяю: она попадает мимо цели. Ее автор и особенно ее защитник тов. Плеханов хотят сделать ее удавной петлей для тех политически развратных и политически развращающих субъектов «интеллигентной» среды, которые называют себя соц.-демократами, группируют молодежь и предадут ее Петрам Струве. Поверьте, товарищи, что я первый ухвачусь за всякую формулу, которая будет удавной петлей для этих господ, я первый затяну ее с энтузиазмом. Но разве эти господа не смогут войти в какую-нибудь широкую (lose) партийную организацию? Разве они не смогут сами составить ту или иную организацию? Вы говорите, что Ц. К. ее не признает. Почему? Очевидно, не из-за характера самой организации, а из-за характера лиц, в нее входящих. Значит Ц. К. будет знать М. М. и Н. Н., как политические индивидуальности. Но тогда они не опасны. Тогда они будут удалены общепартийным бойкотом, но какой смысл, скажу я, стеснять в правах состояния тех интеллигентных одиночек, которые стоят на почве партийной программы и в одиночку оказывают услуги Партии, под руководством ее организаций. Неужели же член Ц. К. должен будет отвечать каждой такой социал-демократической одиночке, проживающей в г. Пензе: «Прежде, чем реализовать твои минимальные права, как члена Партии, тебе надлежит связать себя с такими же одиночками в Самаре и Калуге. Ибо ныне выдумана формула для удавления твоего интеллигентского индивидуализма».

Ленин. Я прежде всего хотел бы сделать два замечания частного свойства. Во-первых, по поводу любезного (говорю это без иронии) предложения Аксельрода «стоповаться». Я охотно последовал бы этому призыву, ибо вовсе не считаю наше разногласие таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть Партии. От плохого пункта устава мы еще далеко не погибнем! Но раз уже дошло дело до выбора из двух формулировок, то я никак не могу отказаться от своего твердого убеждения, что формулировка Мартова есть ухудшение первоначального проекта, ухудшение, которое может принести Партии, при известных условиях, немало вреда. Второе замечание относится к тов. Брукер. Совершенно естественно, что желая провести повсюду выборный принцип, тов. Брукер принял мою формулировку, которая одна только определяет сколько-нибудь точно понятие члена Партии. Мне непонятно, поэтому,

удовольствие тов. Мартова по поводу согласия со мной тов. Брукера.

Неужели тов. Мартов в самом деле за руководство для себя признает обратное тому, что говорит Брукер, без разбора его мотивов и аргументов? Переходя к существу дела, я скажу, что тов. Троцкий совершенно не понял основной мысли тов. Плеханова и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена Партии? Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидел бы, что моя формулировка суживает это понятие, а мартовская — расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а тов. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов немало, что есть они и в рабочем классе. Охрана твердости линии и чистоты принципов Партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве Партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста Партии. Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать?», когда говорил, что Партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых конспиративных и самых узких и, кончая сравнительно широкими и свободными (lose). Он забыл, что Партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в Партию. Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает тов. Троцкий в силу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей не принадлежности к Партии, то странной была бы наша Партия! Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение тов. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-либо опытного революционера могло бы радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу — законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам

до последней степени трудно, почти невозможно, отграничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса, мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка тов. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится в с е х и к а ж д о г о сделать членами Партии; тов. Мартов сам должен был признать это с оговоркой—«если хотите, да», сказал он. Именно этого и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами Партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом Партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова. Мне возражали, что прав то членам Партии мы никаких не даем, и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение несостоятельно: если у нас не указано, какие именно особые права получает член Партии, то заметьте, что у нас не приведено и никаких указаний об ограничении прав членов Партии. Это, во-первых. А во-вторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член Партии ответствен за Партию и Партия ответственна за всякого члена. При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической организованности, было бы прямо опасно и вредно давать не-членам организации право членства и возлагать ответственность на Партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Тов. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не-член партийной организации не вправе будет, несмотря на свою энергичную работу, назвать себя членом Партии. Меня это не пугает. Серьезным вредом было бы, наоборот, если бы на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом Партии, не надежда ни к одной из партийных организаций. Невозможно опровергнуть, что такое лицо работало под контролем и руководством организации, невозможно именно в силу расплывчатости термина. Фактически—в этом не может быть сомнения—слова «под контролем и руководством» приведут к тому, что не будет ни контроля, ни руководства. Никогда Ц. К. не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организации. Наша задача—дать фактический контроль в руки Ц. К. Наша задача—охранять твердость, выдерживать чистоту нашей Партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена Партии выше, выше и выше—и поэтому я против формулировки Мартова.

Костров. Устав существует для жизни, а не жизнь для устава. Посмотрим, на сколько проект устава Ленина согласуется с действительным положением вещей. У нас существуют соц.-дем. комитеты, состоящие из нескольких передовых революционеров. Этот комитет стоит во главе местного рабочего движения. За этим комитетом, за этими главариами находится целая масса борцов революционеров-рабочих, которые являются разносчиками прокламаций, собирают деньги, манифестируют на улицах, идут

в тюрьму и ссылку, но которые не входят ни в комитет, ни в какие-либо другие организации. Неужели эти борцы, эти наши солдаты не члены Партии? Неужели мы должны исключить их из Партии? Кто же останется в Партии? Одни генералы без армии. Это значит дезорганизовать все наше дело в России, это значит восстановить против Партии наших же товарищей. Тов. Плеханов сказал, что у народovolьцев Партия отождествлялась с организациями. Я верю этому, но не нужно забывать, что Партия народovolьцев была Партией интеллигенции, а наша Партия есть Партия массы, Партия пролетариата. А массу нельзя включить в организации, это немыслимо при современном порядке России. Следовательно, наша Партия должна состоять из организации этих двигателей Партии и массы борцов, которые стоят вне организации, но которые остаются членами Партии. Поэтому, принимать проект Ленина значит дезорганизовать всю Партию, и я предлагаю отклонить его.

Акимов. Вопрос о выборе одного из двух текстов первого параграфа устава разделял товарищей, до сих пор всегда голосовавших вместе. В том числе и я расхожусь с тов. Брукером. Это потому, что предлагаемые две формулировки в сущности имеют в виду одну и ту же цель. Тов. Мартов и Ленин спорят, какая лучше достигает их общей цели: я и Брукер хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении, я выбираю формулировку Мартова. Здесь много говорилось о том, какая версия лучше оградит нашу Партию от вредных элементов и для иллюстрации брался в пример профессор археологии, которого надо ввести или вывести из Партии, в зависимости от степени чистоты его соц.-дем. взглядов. Этот пример выбран только для того, чтобы скрыть страх авторов проекта перед вторжением в нашу Партию элементов совсем другого рода, чем этот мифический профессор. Тов. Плеханов сказал, что еще сегодня утром он не знал, за какую из двух формулировок он будет стоять, но это не значит, конечно, что он еще не решил, какая организация нужна нашей Партии. Уже в комментариях к проекту программы Плеханов высказался на этот счет вполне определенно. «Если мы не ошибаемся — писал он — теперь уже никто из наших товарищей не сомневается в необходимости партийной организации того типа, как «Земля и Воля» и «Народная Воля»; спорит лишь о том, какой путь скорее приведет к этому» (цитирую на память). И вот оба автора предлагаемых с'езду двух текстов первого параграфа устава ищут этого пути. Между тем, самая цель их является неосуществимой и вредной. С тех пор, как погибла «Народная Воля», слишком многое изменилось: совсем не те слои общества являются теперь главными носителями революционных задач и самые задачи значительно изменились; уже а priori представляется невозможным, чтобы, массовое, классовое движение пролетариата могло удовлетворяться старой заговорнической организацией. Конечно, средний из современных революционных работников неизбежно должен по своим знаниям и даже сознанию стоять выше «профессионального революционера», и вот вы хотите замкнуть в особую «организацию революционеров» и придумать такой устав, чтобы непрофессиональный революционер не мог своим непросвещенным пониманием задач нашей Партии испортить все наше дело. Я рад, что вам приходится уже заботиться об ограничении себя. Я полон веры, что

жизнь все же ворвется в нашу партийную организацию независимо от того загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина. Но если тов. Ленин находит, что текст Мартова является не таким уже важным ухудшением его плана, то я признаю его хотя и не слишком крупным, но все же улучшением, потому что формула Ленина исключает из вашей Партии всю массу ее активных работников и оставляет горстку «профессиональных революционеров».

Гусев. На мою долю выпало говорить последним. После всего сказанного мне нечего прибавить. Я стою за формулировку Ленина, так как она ближе к организационному плану, выраженному в предложенном уставе.

Съезд переходит к голосованию. Формулировка Ленина отклонена (поименным голосованием) 28 против 23*). Формулировка Мартова принята 28 против 22 **). при одном воздержавшемся **).

Лядов предлагает в § 1 внести слова: «поддерживающий Партию материальными средствами».

Мартов. Я был в меньшинстве комиссии, предлагавшей включить пункт о материальной поддержке. Этот пункт становится важным в особенности теперь, когда социал-демократическое движение становится все более и более пролетарским. Партия должна рассчитывать только на свои собственные материальные средства. А потому мы должны приучать массу членов постоянно заботиться о средствах Партии.

Список ораторов по этому вопросу закрыт.

Егоров. Я согласен, что Партия должна существовать на средства, доставляемые членами Партии. Но об этом не следует говорить в § 1 устава, ибо признаком члена не может быть материальная помощь. Предлагаю выделить в особый параграф обязанность членов Партии поддерживать ее денежными средствами.

Либер предлагает исключить из § 1 «материальную поддержку». Он находит, что эти слова несколько не обеспечить притока денежных средств в Партию. А между тем здесь получается некоторый неприятный оттенок, как будто членство в Партии может быть куплено денежными взносами.

Глебов также настаивает на исключении этих слов. Этот пункт, может быть, нужен для профессоров, но во всяком случае не для широких слоев рабочих, ибо ссылка на § 1 не имеет никакого значения для пролетариев.

Ленин настаивает на включении слов о материальной поддержке, раз все признают, что Партия должна существовать на средства ее членов.

*) Голосуют за: Боков (2 голоса), Гусев, Царев, Осипов, Медведев, Павлович, Степаков, Сорокин, Лядов, Горин, Муравьев, Ланге, Дедов, Орлов, Егоров, Горский, Брукер, Плеханов, Ленин (2 голоса), Герц, Браун; против: Русов (2 голоса), Карский (2 голоса), Махов (2 голоса), Львов (2 гол.), Костич, Иванов, Панин (2 голоса), Белов, Фомин, Посадковский, Троцкий, Левский, Попов, Акимов, Мартынов, Дейч, Мартов (2 гол.), Гофман, Гольдблат, Либер, Юдин, Абрамсон.

**) Голосуют за: Русов (2 голоса), Карский (2 голоса), Махов (2 гол.), Львов (2 гол.), Костич, Иванов, Панин (2 гол.), Белов, Фомин, Троцкий, Посадковский, Левский, Попов, Акимов, Мартынов, Дейч, Мартов (2 гол.), Гофман, Гольдблат, Юдин, Либер, Абрамсон. Голосуют против: Боков (2 голоса), Гусев, Царев, Осипов, Медведев, Павлович, Степаков, Сорокин, Лядов, Горин, Муравьев, Ланге, Дедов, Егоров, Горский, Брукер, Плеханов, Ленин (2 гол.), Герц, Браун. Воздерживается: Орлов.

Нельзя в вопросе о создании политической партии ссылаться на моральные соображения.

Предложение о включении слов о материальной поддержке принимается 26 гол. против 18.

Акимов предлагает другую формулировку § 1 *) и мотивирует ее. Я предлагаю сделать эту поправку для того, чтобы наш устав не стал в противоречие с неизбежной действительностью. Очень мало найдется сознательных членов нашей Партии, которые были бы согласны абсолютно со всеми тезисами программы. Ведь по смыслу § 1 проекта даже тот, кто не согласен с аграрной частью программы, уже не может быть членом Партии; необходимо поэтому сказать, что лишь основные положения программы должен разделять каждый член Партии. Это будет соответствовать и уставам западноевропейских социал-демокр. партий. Непомню, что Каутский разошелся в одном важном вопросе программы с Адлером, текст которого был принят съездом. Неужели это могло бы помешать Каутскому и Адлеру быть в одной партии.

Мартов предлагает отклонить поправку тов. Акимова, так как каждый член Партии обязан разделять ее программу в целом.

Либер высказывается за поправку тов. Акимова. «Член Партии» — понятие довольно широкое. Поскольку тов. Мартов говорит о членах организации, он прав, но невозможно требовать такого единства во всех пунктах программы от всех лиц, входящих в Партию.

Троцкий находит раз'яснение тов. Либера несостоятельным. Программа безусловно обязательна для всех членов Партии.

Павлович. Меня удивляет, почему Мартов несогласен с Акимовым. Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова, раз мы отбросили формулировку § 1 тов. Ленина и приняли ту формулировку которая открывает двери несоциал-демократическим элементам.

Мартынов находит, что программа обязательна для всех членов Партии в одинаковой степени. Из того, что все члены не могут быть одинаково сознательны, вовсе не вытекает, что они могут не в одинаковой степени быть согласны с программой.

Плеханов настаивает, чтобы предложение Акимова было безусловно отклонено, иначе оно откроет двери партии бернштейнщикам и всякого рода буржуазным экономистам.

Русов предлагает закрыть прения.

Предложение принято, и съезд переходит к голосованию. Предложение Кострова **) отклонено. Предложение Костица ***) отклонено. Откло-

*) Резолюция Акимова: «Членом Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий, признающий основные положения ее программы ⁴⁰⁾ и оказывающий личное содействие Партии под руководством одной из ее организаций».

**) Резолюция Кострова: «Членом Р. С.-Д. Р. П. считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий Партию личным участием в одной из партийных организаций или же оказывающий личное содействие Партии под руководством этих организаций».

***) Резолюция Костица: «Всякий, признающий программу Партии оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие Партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом Партии».

нены также поправки 1) Гусева (вставить перед словом «руководством» слово «постоянным», 2) Павловича (прибавить «и принимающие общепартийный устав»). Предложение тов. Акимово отвергнуто.

§ 1 в целом принят 35 голосами против 1 (при 12 воздержавшихся).

Докладчик читает § 2 устава.

Царев предлагает в первом случае заменить «половину голосов» — «одной третью голосов».

Либер обращает внимание на трудности созыва с'езда. В России, где организационная работа только начинается, нужно относиться к созыву с'езда очень осторожно. Необходимо отделить инициативу с'езда от права созыва с'езда. Поэтому он предлагает изменить формулировку *).

Мартов высказывается против поправки *Либера* и *Царева*. Он находит нужным сохранить инициативу половины голосов, имеющих право участия на с'езде, предоставив, однако, окончательное решение о созыве с'езда Ц. К., который имеет возможность свестись с остальными комитетами.

Егоров тоже предлагает изменение **).

Акимов предлагает выбросить слова «по возможности». Все поправки и изменения отклонены, и § 2 устава принят большинством.

(Заседание закрывается).

*) Резолюция *Либера*: «С'езд в экстренных случаях созывается по инициативе одной трети решающих голосов, если за него высказывается не меньше двух третей решающих голосов».

**) Резолюция *Егорова*: «С'езд созывается по инициативе одной трети голосов если за него высказывается половина голосов».

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Присутствует 43^е делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Заседание открывается чтением протокола девятого заседания.

Мартынов (по поводу прочитанного протокола). В протоколе речи тов. Ленина сказано, между прочим, про меня, что я на с'езде защищал оппортунистические идеи, защищая теорию накопления, отрицая теорию обнищания и диктатуру пролетариата. Я утверждаю, что Ленин этого про меня не говорил, да и не мог сказать, потому что я непосредственно перед его речью категорически заявил, что я не отрицаю ни диктатуры пролетариата, ни теории обнищания.

Я, конечно, ничего не имею против того, чтобы Ленин прибавил новое к тому, что он раньше говорил. Но мне важно отметить, что он это счел нужным сделать в теперешней стадии прений и задним числом отнести к своей давнишней речи.

Ленин заявляет, что никаких изменений им в его речь не внесено.

Львов обращает внимание на не совсем точную формулировку (в прочитанном протоколе) его речи по вопросу о Бунде; он говорил о вреде отчужденности вообще от польских социалистов, а не о майских событиях последнего года.

Либер. Ничего не имею против такой поправки.

Докладчик уставной комиссии читает § 3 устава. Лично от себя он считает необходимым настаивать на особом представительстве Ц. К. на партийных с'ездах. Члены Ц. К., находящиеся в Совете, не могут на с'езде представлять Ц. К., так как последний может провалиться, создастся новый и его взгляды могут стать иные.

Троицкий предлагает отложить обсуждение § 3 в виду невозможности решить вопрос о представительстве на с'езде центральных учреждений до выяснения их характера.

По предложению Ленина, с'езд решает обсуждать этот параграф в той части, которая не касается высших органов партии и вернуться к последним по обсуждении §§ 4, 5 и 6.

Русов вносит предложение изменить примечание 2-е к § 3 (см. Устав, § 3 с примечаниями) в том смысле, чтобы Ц. К. имел право приглашать на с'езд с совещательным голосом представителей всяких организаций, а не только тех, которые упомянуты в примечании.

Гольдблат. В разбираемый пункт устава я вношу две поправки. Первая касается употребленного здесь выражения «союзы комитетов», это новое, не встречавшееся еще в нашей терминологии выражение, поставлено, очевидно, для того, чтобы охватить одним термином два понятия: районные организации и национальные организации. Подобное обозначение одним термином этих двух категорий мне представляется неудобным 1) потому, что заключает в себе известного рода приравливание друг к другу этих двух типов организаций, радикально различающихся между собою, и 2) потому, что понятие «национальная организация», а быть может, также и «районная организация», не вполне укладывается в понятие «союз комитетов». Национальная организация не есть простой союз комитетов, а нечто большее, цельный организм, крепко связанный между собой отнюдь не механическими узами, состоящий не из одних только комитетов, но также из ряда иных организаций. В виду всего этого, предлагаю избежать неясности и заменить неопределенные слова «союз комитетов» недвусмысленными терминами: «районные и национальные организации». Перехожу к второй поправке. Я предлагаю, чтобы представительство организаций на с'езде не было сведено к одному делегату, а выражалось бы двойным числом. Причины двояки. С одной стороны, необходимо дать возможность меньшинству быть представленным на с'езде; этого требует и справедливость, и соображения целесообразности, ибо таким путем легче предотвратить расколы в среде комитетов. С другой стороны, предоставление права послать одного лишь делегата ведет к подавлению на с'езде представительства комитетов представительством центральных учреждений. Я позволю себе маленькую цифровую выкладку. Если допустим, что у нас будет 20 комитетов, то количество делегатов, имеющих право быть на с'езде, выразится цифрой 27 (20 делегатов от комитетов + 5 от Совета Партии + 2 делегата от Ц. К. и Ц. О.). С'езд считается законным при наличности больше половины, т. е. 14 членов; абсолютное большинство, решающее все вопросы — восьмью человеком; следовательно, достаточно центральных учреждений, представленным семью голосами, привлечь к себе еще один голос, и они решают все вопросы против всех остальных комитетов. Нецелесообразность этого ясна; и в виду всего сказанного, предлагаю предоставить комитетам и иным приравненным к ним в этом отношении организациям право посылать по два делегата на с'езд.

Мартов. Громоздкость и неконспиративность с'езда являются причиной сокращения числа представителей. Можно было бы предоставить делегату два голоса, но от каждого комитета должен быть только один делегат. Соображения тов. Гольдבלата о «союзах комитетов, признанных Партией», мне непонятны. В приравнении национальных и районных союзов обиды никакой нет, а перечислять их невозможно, так как могут быть различные союзы.

Глебов не согласен с поправкой Русова. Центр. Комитету должно быть предоставлено только право предлагать с'езду лиц с совещательным голосом.

Либер. Соображения Гольдבלата не опровергнуты Мартовым. На с'езде необходимо получить полное понятие о течениях, существующих в партии, и поэтому необходимо представительство меньшинства и большинства. Тов.

Мартов предлагает дать два голоса каждому делегату. Но это будет только удвоение голосов. Я также против термина «союз комитетов». Он чересчур неопределенный и не имеет содержания. У нас есть в порядке дня пункт о районных и национальных организациях. Почему туда не встали других типов союзов, о которых говорит тов. Мартов? Потому что таких нет. А раз так, то и в устав вводить их нет надобности. Буквально «союз комитетов» означает Партию. Вопрос не в том, что данная организация представляет союз комитетов, а в том—на какой основе объединены эти комитеты. Предлагаю заменить неопределенный термин «союз комитетов» термином «районные и национальные организации», который уже употреблен в порядке дня.

Глебов. Съезд уже принял особую резолюцию о том, что устав национальных организаций будет находиться в особых приложениях к общему уставу. Поэтому предложение тов. Либера неприемлемо. Кроме того, национальные организации все таки подходят под термин «союз комитетов». По поводу предложения присылки на съезд двух делегатов от каждой организации, могу напомнить, что устройство съезда представляет огромные трудности. Представительство течений также невозможно, ибо в комитетах может быть три или четыре течения. Не посылать же четырех делегатов? Кроме того, меньшинство всегда может обратиться к Ц. К., к Ц. О., в Совет и, наконец, к съезду, который может пригласить их представителями с совещательным голосом.

Костич. Цель Либера не достигается его способом, потому что большинство выберет всегда своих двух делегатов. ⁴¹⁾

Костров. Опасения тов. Гольдבלата относительно терминологии «союз комитетов», мне кажется, излишни. Этот термин включает в себя и национальный и районный союзы. Что касается до предоставления местным организациям голосов на съезде, я полагаю, что им нужно дать непременно по два голоса и вот почему: жизнь нашей Партии и вопросы, выдвинутые этою жизнью, все более и более усложняются. У нас есть программа Партии, будет устав и выработанная тактика, все это перейдет в местные организации на обсуждение и для проведения в жизнь. При таких сложных вопросах и действиях необходимо возникнут разные течения в организациях, а представлять течение большинства еще не значит представлять правое дело. Меньшинство может быть право, и лишая его возможности защищать свое мнение на съезде Партии—значит вредить самой Партии. Говорят, что приглашать новых делегатов на съезд затруднительно по конспиративным и финансовым соображениям. Это верно. В таком случае не постановить ли, что комитеты имеют по два голоса, представляемых одним делегатом и тут же прибавить: комитет высылает двух делегатов только тогда, когда находит нужным представить мнения своего меньшинства и большинства на съезде. Согласно этому я и представляю поправку к § 3.

Гольдблат. Возражения тов. Глебова неубедительны; ссылка на то, что представительство национальных организаций будет определено отдельным уставом, недозастательна, потому что речь здесь идет не о характере представительств, а лишь о ясном и точном перечислении. Ссылка же на то, будто существует примечание, различающее те два вида организаций,

о которых я говорил, неверна, ибо в примечании употребляется то же самое выражение: «союзы комитетов». Один из товарищей ссылается на то, что, несмотря на двойное число делегатов на нынешнем съезде, меньшинство не представлено. Сравнение вообще не доказательно, и если на этом съезде меньшинство не представлено, то я положительно затрудняюсь определить, чем это вызвано; возможно, что отсутствием всякого меньшинства. Тов. Глебов слишком благодушно смотрит на вещи, полагая, что и без особого представительства о взглядах меньшинства будет доведено до сведения съезда, если Ц. К. найдет эти взгляды заслуживающими внимания. В том то и дело, что сам Центр. Ком. в данном случае может оказаться одной из спорящих сторон, и не ему должно принадлежать решение вопроса о том, насколько серьезны доводы его же противников; им должна быть дана возможность отстаивать свои мнения на съезде. Два слова по поводу язвительного кивания в сторону Бунда, которое позволил себе тов. Глебов. Я должен заметить, что на последний (пятый) бундовский съезд Ц. Ком. было приглашено всего пять человек — всего же участников съезда было 30; наши комитеты имеют право посылать по два делегата, а затем нельзя проводить параллель между Бундом и всей Партией. Бунд сложился в крепкое органическое целое с прочной периферией и влиятельным общественным мнением, которое всегда было бы в состоянии парализовать какие-либо властолюбивые поползновения центра, если бы таковые и замечались, но таких стремлений центра у нас нет и быть не может, следовательно, всякого рода опасения на этот счет не имеют места. Совсем иное в Российской Партии, взятой в целом. Здесь, согласно предложенному уставу, не может быть крепкого тела партии, крепок один центр, а все остальное должно представлять собой некую аморфную массу. При такой тенденции отождествить Партию с центром и свести на нет комитеты, влиянию центральных учреждений на съезде необходимо противопоставить сильное представительство периферии. А в том, что указанная тенденция существует и ярко проявляется в проекте устава, могут сомневаться лишь те, кто сознательно закрывает на это глаза.

Царев находит необходимым представительство посредством двух делегатов. Съезд — школа для русских товарищей. Кроме того и для спешности съезда необходимо, чтобы туда явилось больше революционеров.

Либер. Указание некоторых товарищей, что на настоящем съезде нет меньшинства, показывает только, что этого меньшинства не было. Или же приходится предположить, что Орг. Ком. поступил неправильно. Напомню, что в уставе съезда представительство посредством двух делегатов мотивируется желанием представить и меньшинство. Но если даже и нет меньшинства, если оно не может выставить своего представительства, то все-таки пункт о двух делегатах остается справедливым, так как на съезд должны быть посланы все активные элементы Партии. Так делается в Бунде.

Акимов. Я каждый раз говорю с полным сознанием того, что я своими доводами не повлияю на товарищей, но, наоборот, поврежу тому пункту, который я защищаю (смех...)

Я высказываюсь за посылку двух делегатов и хочу подчеркнуть справедливое замечание тов. Костина, что меньшинство на настоящем съезде не

представлено. Это доказывает недостаточность политического воспитания наших комитетов, потому что два голоса даются именно для того, чтобы возможно было представить и большинство, и меньшинство.

Гусев. Предоставление меньшинству и большинству по одному голосу есть полное уравнивание их, т. е. уничтожение большинства и меньшинства. Это недопустимо. Предоставление решающего голоса меньшинству возможно лишь на принципе пропорционального представительства. Практически этот принцип у нас проведен быть не может, да это и излишне, так как права меньшинства в достаточной степени обеспечены в Ц. К., Ц. О., в Совете и даже на с'езде. Правильные по существу, но абстрактные соображения тов. Царева о том, что с'езд—школа и что потому нужно по два делегата от комитета, при сведении их на практическую почву могут стать нелепыми. Почему по два, а не по три, не по четыре делегата? И тов. Либбер, как мы видели, совершил это доведение до нелепости, заявив, что все активные силы Партии должны быть посланы на с'езд. К речи тов. Либбера я должен внести существенную фактическую поправку. Соображение о представительстве большинства и меньшинства находится не в уставе с'езда, как он сказал, а в мотивировке О. К., который представляет совершенно частный документ. Факты опровергли предположения О. К. На самом деле меньшинства не оказалось, в противоположность убеждению тов. Акимова, который только и является представителем несуществующего меньшинства.

Русов. Относительно выражения «Союзы Комитетов», находящегося в в проекте устава, произошло недоразумение. Бунд в это понятие не может входить, потому что он составляет союз комитетов «Бунда», т. е. не партийных комитетов, а комитетов, работающих исключительно среди еврейского пролетариата.

(Список ораторов исчерпан. Заседание закрыто).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Председатель. Обращаю внимание товарищей, что начинается четвертая неделя заседаний съезда, а между тем нам осталось обсудить еще очень много вопросов порядка дня. В виду этого, с согласия бюро, предлагаю следующее: во-первых, ораторам, по возможности, сокращать свои речи, во-вторых, после принятия организационного устава, выкинуть все, или почти все, последующие пункты и перейти к последнему. Буде же некоторые товарищи находят некоторые вопросы настолько важными, что необходимо принять по ним какое-нибудь решение, то предоставить таким товарищам выработать совместно со своими единомышленниками резолюции, и тогда можно будет на обсуждение их и поправок к ним потратить одно или два заседания. Прошу съезд высказаться по поводу этого предложения. (Никто не просит слова).

Председатель. Считаю, что предложение бюро встретило всеобщее сочувствие, от имени его предлагаю следующую резолюцию:

«Съезд постановляет, что все пункты порядка дня, после пункта об организации Партии и вплоть до выборов в центральные учреждения (п.п. 9—18), должны быть устранены; по этим пунктам только резолюции, подписанные не менее как десятью членами съезда, могут быть, в случае, если останется время, допущены к голосованию».

Гольдблат находит, что нельзя ставить на баллотировку резолюций, не обсудив их.

Ленин указывает на существование в программе съезда таких вопросов, как напр., празднование первого мая, террор и др., резолюции по которым можно принять без обсуждения их, в виду ясности этих вопросов. Резолюции же по другим вопросам можно будет поставить на короткое обсуждение.

Либер находит невозможным назначать численный *modus*, в особенности делать его равным 10. Приняв это, мы отвергнем резолюции, внесенные организациями, как напр. Бунд, который имеет лишь пять голосов.

Мартов. Не считаю возможным принять к сведению и руководству аргументацию тов. Либера. Рассуждая так и имея в виду, что из хода съезда можно с такими же правами предусмотреть, что будут вноситься резолюции, подписанные одним тов. Акимовым,—пришлось бы принять положение, что следует голосовать все резолюции, подписанные не менее

чем одним голосом. Так как большинство с'езда есть выразитель воли с'езда, то ему принадлежит право судить, какие предложения оно считает достаточно важными для того, чтобы их обсуждать.

Председатель. Итак, у нас две резолюции: одна—бюро, а другая—товарища Дейча, которая гласит: «предлагаю назначить крайним днем с'езда субботу пять час. дня».

Оба предложения приняты. Первое большинством 38, второе—40 при остальных воздержавшихся. С'езд после этого переходит к порядку дня, т. е. к голосованию § 3 устава и поправок к нему. Отвергаются поправки тов. Гольдבלата, Кострова и Русова. Принята одна лишь поправка тов. Кострова, гласящая: «Все означенные организации имеют на с'езде по два голоса, представляемые одним делегатом». Весь § третий (за исключением пунктов: а, б и в) принят большинством при семи воздержавшихся ⁴²).

Ставится затем на обсуждение § 4 устава (см. §§ 4 и 5 устава).

Царев. Я убежден, что со мной никто не согласится и потому буду краток. Я не стану ни мотивировать свое предложение, ни критиковать бесчисленные варианты резолюций комиссии, противоречащих моему мнению. Я высказываюсь против учреждения Совета Партии. Организацию центральных учреждений я себе представляю так: с'езд избирает или назначает редакцию Центрального Органа и Исполнительный Комитет. Общее же руководство партийной жизнью принадлежит Центру. Комитету, в состав которого входят целиком и редакция и Исполнительный Комитет. Как эти две коллегии сносятся друг с другом—это их частное дело. Может быть, они будут устраивать частичные с'езды; может быть, они прибегнут к делегированию 1, 2, 3 членов; может быть, они смогут разрешать некоторые вопросы путем переписки. В этом отношении у нас нет совершенно опыта. И потому то пять членов Комиссии вынесли целых три проекта резолюций. Кроме того, у отдельных делегатов имеются самостоятельные проекты резолюций. Это обилие происходит из-за отсутствия партийного опыта, а при таких условиях нельзя оформлять организацию Совета Партии.

Герц. Из трех предложенных формулировок первой части параграфа четвертого, я считаю лучшей первую, однако, с следующим изменением: вместо слов—эти четыре члена Совета приглашают пятого—предлагаю поставить: пятый выбирается с'ездом.

Затем обращаю внимание товарищей на вторую часть параграфа: Совету Партии принадлежит право восстанавливать Ц. К. и ред. Ц. О. в случае, если одно из этих учреждений стало вакантным. Дело в том, что в случае полного провала Ц. К. перестает существовать и Совет, так как в нем не будет делегации Ц. К., а если так, то не может быть восстановлен Ц. К. Поэтому я предлагаю изменить указанное место таким образом: «в случае полного провала Ц. К., он восстанавливается оставшимися членами Совета».

Навлович высказывается против выбора пятого члена Совета Центр. Ком. и редакцией Центр. Органа, так как они могут не прийти к соглашению между собою, и тогда Совет окажется не функционирующим. Он находит, кроме того, необходимым дать перевес Ц. Органу над Ц. Комитетом в виду устойчивости первого, поэтому и предлагает с'езду выбрать

трех из Ц. Органа и двух из Ц. Ком. Что касается третьей формулировки этого параграфа, то находит излишним ее разбирать, так как и в Комиссии за нее подан лишь один голос.

Мартос находит нецелесообразным предоставить двум учреждениям, как предлагает Царев, самим определять способ сношений и регулировать их деятельность. Объединительное учреждение нам необходимо не столько для того, чтобы улаживать недоразумения между Центр. Ком. и редакцией Центр. Органа, сколько для того, чтобы предупреждать эти недоразумения. Когда разногласие разовьется, тогда бывает обыкновенно уже поздно. Лично он стоит за первую формулировку. В приглашении пятого лица неудобства, указанного Павловичем, не видит. Всегда можно найти пятого члена из практиков или редакторов, находящихся за границей. Предложение товарища Павловича фиксировать перевес одного учреждения над другим находит ненужным; в особенности, он против той аргументации, которой это предложение сопровождалось. Возможно, что Центр. Ком. найдет необходимым, чтобы один из его членов находился за границей; этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость Центр. Ком. Третья формулировка имеет все неудобства первой и второй, но зато хороших сторон этих формулировок там нет. Совет необходим, равенство сторон в нем должно быть в виду примирительного характера этого учреждения.

Либера (к порядку). Предлагаю обсудить сначала функции Центр. Ком. и Ц. Орг., так как отсюда вытекает, что должен делать Совет и для чего он нужен.

Ленин (к порядку) высказывается против предложения Либера, так как ему жалко времени, потраченного ораторами, обсуждавшими вопрос о Совете Партии. По всей вероятности, не у всех отсутствует определенное мнение по этому поводу, как у тов. Либера.

Мартос в дополнение к только что высказанным тов. Лениным соображениям считает нужным заметить, что генеральные дебаты по поводу всего устава уже были. Там уместнее всего было обсудить, нужен ли Совет и для чего.

Предложение тов. Либера отклонено огромным большинством.

Русов. Хотя тут комиссией представлены три формулировки ⁴³⁾, однако, я не могу ни с одной из них согласиться. Из них только вторая более или менее подходит к тому мнению, которое я защищаю. Чтобы разобратся в этих формулировках, необходимо решить вопрос, что из себя представляет Совет? Третейское ли учреждение, или постоянный коллектив, высший партийный центр, ведущий свою линию, направляющий всю партийную работу по пути, намеченному съездом. Для того, чтобы в политике партии не было шатания, наконец, в целях чистоты партийных принципов мы не можем высшее руководство передать в руки учреждения с случайным составом. Таким шатким учреждением является Совет в первой формулировке. Одна часть его, выбранная Центр. Ком., будет меняться с каждым провалом, в зависимости от того, кто будет членами нового Центр. Ком. Этим будет нарушено постоянство господствующей редакции Совета. Первая часть второй формулировки, признающая выбор членов Совета съездом, совершенно отстраняет это зло. Из наличного числа револю-

ционеров съезд выбирает пять лиц, заведомо ему известных, вне их нахождения в Центр. Ком. или в Ц. Орг., вне мысли о господстве того или иного центра, а руководствуясь только желанием господства определенных принципов в Совете, а Совет потом сам кооптирует новых членов, в случае выбытия кого-нибудь. Но я не могу согласиться с той частью второй формулировки, которая предрешает непременно происхождение четырех членов Совета, двух из Ц. Ком. и двух из Ц. Орг. Мы должны выбирать, не считаясь с происхождением, а только руководствуясь годностью кандидата проводить в Совете идеи большинства съезда. Основываясь на этих соображениях, я внес соответствующую поправку во вторую формулировку, с основной идеей которой я согласен.

Список ораторов закрывается.

Ланге. В предложенном комиссией проекте организации Партии и так уже допущено нарушение того единства, каким должен отличаться центр—орган Партии. Мы все прекрасно знаем, что названное отступление вызывается не чем иным, как крайней необходимостью. Тем более, значит, следует из проекта организации устранить все то, что может создать излишнее трение и что будет грозить этому единству. Выборы Совета съездом не гарантируют состава Совета от случайностей; такой способ выбора делается затем, чтобы в составе Совета не подобрались недружные элементы. Тем более все это относится к выбору съездом пятого члена Совета. Вот почему я решительно против того, чтобы выбирать Совет съездом.

Гусев. Я внес следующую поправку: «Совет Партии состоит из пяти лиц. Трое из них выбираются съездом, остальные двое делегируются Ц. К. и Ц. Орг.». Я нахожу свой проект более удобным, потому что он является наилучшим способом уравнивать влияние Центр. Ком. и Ц. Орг. в Совете, о чем так заботились все говорившие. Вообще же я думаю, что при настоящем положении невозможно найти такой формы, которая уберегла бы Совет от преобладающего влияния Центр. Орг. Если бы Совет был составлен даже исключительно из представителей Центр. Ком., то и тогда он подчинился бы в настоящее время влиянию Центр. Орг. Строить организацию применительно к этому явлению невозможно. Если я отметил, что мой проект лучше остальных гарантирует равенство влияния, то не потому, что я конструировал Совет, исходя из опасения, как бы Ц. Орг. не превалял. Конструирование организации должно быть независимо от настоящего момента, так как устав составляется на ряд лет.

Старовер. Совет Партии—по предположениям проекта—должен «согласовать и объединять» деятельность Ц. К. и Ц. Орг. На этот особый характер Совета указывает и тот пункт проекта, который говорит, что Совет собирается только по желанию сторон. Если же это так, то очевидно, что Совет, имеющий такую миссию, никоим образом не может быть назначаем на съезде, а должен избираться теми органами, согласовать и объединять которые он призван. Перед нами два центра—один заграничный, идейный, другой, в России, практический. Они действуют в различной обстановке, при различных условиях. Отсюда возможны и даже неизбежны разногласия, оттенки, трения. Эти трения надо предупредить, устранить. Сколько-нибудь успешно выполнить эту задачу может только такой орган, который будет находиться в постоянной органической связи с обоими центрами,

что, повторяю, возможно лишь при условии избрания каждым центром членом в Совет. А нам вместо этого предлагают теперь же, сейчас фиксировать Совет, предрешить его состав. Я обращаю внимание собрания на то, что уже вопрос о выборах в Ц. Ком. встречает на съезде огромные трудности. Нам говорят: может ли быть компетентен съезд относительно лиц, подлежащих избранию в Центр. Ком. Но во сколько же раз менее компетентен съезд, чтобы решить вопрос о лицах, на которых будет возложена трудная и шекотливая задача—согласования и объединения центров. Ведь можно быть хорошим редактором, прекрасным практиком и однако совершенно не годиться для функции «согласования и объединения». Только сами заинтересованные коллегии—центры—будут в состоянии, в процессе своей работы, спленившись и узнав хорошенько свой личный состав, сделать подходящий выбор.

Троцкий. Напомню, как возникла идея Совета. Мы исходили из того положения, что существование двух центров неизбежно. А раз оно неизбежно, то столько же неизбежно и существование регулятора деятельности этих двух центров. Таким регулятором должен быть Совет. Теперь, когда мы стоим лицом к лицу с этим вопросом о создании Совета, некоторые товарищи, как Гусев и особенно Русов, хотят этот Совет фиксировать, как единый действительный центр партии. Таким образом, мы начинаем сначала.

Либер. Я согласен с тов. Гусевым, что наш устав строится без зависимости от данного момента, но он находит это идеальным сооружением, а же—вредным. Тов. Русов правильно заметил, что одно из двух: или нам нужно учреждение Совета, или нет. Если нужно, то это учреждение должно быть постоянным, а не создаваться, как предлагают, лишь по желанию одного из центральных учреждений. Это противоречие происходит из-за искусственного разграничения деятельности Ц. Ком. и Центр. Орг. Нам нужен лишь один центр, а не три, как здесь предлагают, который руководил бы идейно и практически всей деятельностью Партии.

Ленин находит неудобной первую формулировку в виду того, что она придает Совету третейский характер. Совет же должен быть не только учреждением третейским, но и согласующим деятельность Ц. Ком. и Центр. Орг. Высказывается, кроме того, за назначение пятого члена съездом. Возможен случай, когда четыре члена Совета не смогут выбрать пятого; мы тогда останемся без необходимого учреждения.

Егоров. В согласии с сегодняшними постановлениями съезда я хотел бы воздержаться от речи, но так как тов. Павлович авторитетным голосом члена бюро постарался опорочить третью формулировку комиссии указанием на то, что она предложена одним только членом, я хочу ему помочь и еще больше ее опорочить. Я раскрою псевдоним этого члена и объясню, что этот член—я. Все говорившие до сих пор исходили из крайностей, каждый исходил из того, что его проект идеальный. На самом деле ни одна из этих формулировок не идеальна просто потому, что весь наш устав представляет известное приспособление к тому злу, которое вытекает из российских условий. Что для единства деятельности необходимо одно централизующее учреждение, это не подлежит сомнению. Но осуществлять этот идеал невозможно. И создание Совета является некоторым компромис-

сом, суррогатом этого единства, и поэтому он уже по самому существу своему не идеален. Мое предложение вытекает из общей совокупности деятельности Совета Партии. Как объединяющий высший орган партии, он должен быть избран съездом, как орган согласующий и, следовательно, разрешающий иногда конфликты и расхождения в деятельности этих организаций; он должен быть так составлен, чтобы быть в состоянии выполнять эту функцию, т. е. без явного перевеса Ц. К. и Ц. О.

Панин. Я исхожу из того положения, что Совет по своей задаче «объединять и согласовать» деятельность центральных учреждений, приближается к институту третейского суда. Предлагаю поэтому из второго и третьего пункта этого параграфа вычеркнуть все то, что фиксирует Совет Партии в постоянно функционирующее высшее учреждение Партии.

Костров. Я хочу обратить внимание товарищей на одно курьезное явление: мы все распыляемся за один постоянный центр, а между тем его у нас все же нет. У нас есть один центр, это Совет, но он не постоянный, он носит характер случайный. Остаются два постоянных центральных учреждения, Ц. К. и Ц. О., которые могут перебраниться, тянуть в разные стороны, и тогда у нас получится не одна дирекция Партии, а две дирекции; это дуализм, это дезорганизация Партии. Одно из двух: или нам нужен один постоянный центр, каковым должен быть Совет, или же нам не нужен такой центр, и тогда Совет является излишним. Я стою за первое положение и предлагаю следующую поправку к четвертому пункту: «Совет Партии является высшим постоянным учреждением».

Акимов. Съезд принял все меры к тому, чтобы обсуждение вопроса свести к формальности, дав говорящим всего три минуты. Я должен, несмотря на это, указать, что поправки и формулировка тов. Ленина становятся реакционными и стремятся внести в наш устав чисто аракеевский дух. Если это ясно видно уже в речах тов. Павловича, то прямолинейное толкование т. Русова ставит точку над i. Съезд постепенно свел на нет влияние местных комитетов на общий ход работ Партии. Съезды становятся чем-то проблематичным; Совет может даже через два года не созвать съезд, так как он обязан сделать это лишь «по возможности»; состав съездов определен так, что нет никакой гарантии в его самостоятельности. Оградив таким образом Совет от вмешательства Партии, ему дают фактически дискреционную власть. Если в Совете Партии окажутся три члена Ц. О., то Ц. К. превратится в простого исполнителя воли редакции. Три лица, живущие за границей, получают право безгранично распоряжаться работой всей Партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна. Такой порядок вещей совершенно нетерпим в Партии.

Засулич присоединяется к той постановке вопроса, которую ему дал тов. Мартов. Возражение, что четыре члена Совета не смогут выбрать пятого, не имеет под собой почвы: если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще не дееспособно.

Павлович. Все возражения меня не убедили. Не убедила меня также и речь тов. Егорова. Меня не пугают опасения, высказанные здесь тов.

Акимовым, что мое предложение фиксирует одно направление и не даст возможности возникшему в России другому направлению влиять на ход партийных дел. Я именно и стою за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является «Искра». Давая перевес редакции Ц. О., я этим укрепляю эти принципы. Приняв же первую или третью формулировку, мы рискуем, что через год Совет совершенно изменит свою физиономию.

Гольдблат находит идею двух центров и Совета, объединяющего их, нецелесообразной. Одно из двух—или Совет является временным учреждением, тогда он излишен, или он—учреждение постоянное, тогда он ничем не отличается от Ц. К., как он должен быть на деле, а не так, как его здесь представляют. Тогда восстанавливаются все те неудобства, о которых здесь говорили, имея в виду различие деятельности в России и за границей.

По предложению Посадковского дается заключительное слово защитникам всех трех резолюций, при чем каждый может говорить по пяти минут.

Миртов. Все дебаты только укрепили мою уверенность в том, что первая формулировка наилучшая. Соображение о невозможности для коллегии из четырех лиц принимать решения для меня; неубедительны: ведь в Ц. К. могут оказаться четыре лица, которые не смогут принять определенного решения в силу разделения голосов. Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: «Совет есть высшее учреждение» я предлагаю отвергнуть. Наша формулировка умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение.

Ленин доводы тов. Засулич находит неудачными. Случай, представленный ею, является уже борьбой; а в таком случае никакие уставы тут не помогут. Предоставляя выбор пятого членам Совета, мы этим вносим борьбу в устав. Считает необходимым отметить, что Совет носит не только характер примирительного учреждения: так, например, два члена Совета по уставу имеют право созвать его.

Егоров. Так как моя формулировка объединяет первую и вторую формулировки, то все, что можно было сказать в их защиту, уже было сказано; я поэтому постараюсь отстранить несколько возражений. Прежде всего относительно невозможности выбрать пятого члена. Я думаю, что такое безысходное положение возможно в Совете и по другим вопросам, например, если двое держатся одного мнения, двое другого и пятый воздерживается. Что касается невозможности выбрать по два из того и другого учреждения, то это вопрос техники; можно, например, сперва выбрать двух лиц Ц. К. для Совета Партия (тайным голосованием), а затем остальных членов Ц. К.

Председатель. Ставлю на голоса сначала предложения, отрицающие весь этот пункт, а именно предложения тов. Абрамсона и Царева *).

*) Резолюция Абрамсона: «Центральный Комитет Партии является высшим учреждением Партии. Задача его руководить всею деятельностью Партии и представлять ее в сношениях с другими партиями. Центральный Комитет Партии избирается съездом в количестве трех лиц и имеет право кооптации. Центральному Комитету Партия принадлежит право контроля над редакцией Центрального Органа. Редакция Центрального Органа избирается съездом Партии».

Обе эти резолюции отклонены огромным большинством.

По предложению председателя выбрать одну из формулировок комиссии за основание *), с'езд выбирает первую.

Лядов предлагает голосовать этот пункт по частям: 1) о назначении четырех членов Совета, 2) о выборе пятого и 3) о замещении выбывших.

Предложенные это принимается и голосуется сначала первая часть.

Формулировка Гусева **) отклонена большинством;

Формулировка Егорова ***) тоже отвергается большинством 23 против 15. Поправка Махова: заменить слово «посылают» словами «избирают...», которые утверждаются с'ездом—отклонена большинством.

27 голосами при восьми воздержавшихся принимается первая часть § четвертого, как она формулирована в резолюции (первой) двух членов комиссии.

Голосуется вторая часть: 23 голосами против 18 при семи воздержавшихся принимается формула резолюции Русова и Герца ****).

Отклонено предложение Акимова приглашать пятого члена Совета и действующих в России товарищей.

Ленин вносит поправку *****).

Фомин указывает, что предложение это неприемлемо, в виду уже принятого решения, что Совет назначается Ц. К. и редакцией Центр. Органа.

Ленин указывает, что теперь мы говорим не о назначении Совета, а о замещении выбывших членов, а потому его предложение не противоречит уже принятому.

Поправка Ленина отклонена 23 голосами против 16.

Предложение Панина *****) отклонено большинством.

Резолюция Нарена: «С'езд избирает (или назначает) редакцию Центрального Органа и Исполнительный Комитет. Общее руководство и направление всей партийной деятельности предоставляется Центральному Комитету, который составляется из Исполнительного Комитета и редакции Центрального Органа in concreto».

*) Резолюция двух членов комиссии: «Совет Партии назначается редакцией Центрального Органа и Центральным Комитетом, которые посылают в Совет по два члена; эти четыре члена Совета приглашают пятого; выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями».

Резолюция двух других членов комиссии: «Совет Партии назначается с'ездом из членов редакции Центрального Органа и Центрального Комитета в составе пяти лиц, причем не менее двух должны быть от каждой из этих коллегий. Выбывшие члены Совета замещаются самими Советом».

Резолюция пятого члена комиссии: «Совет Партии избирается с'ездом по два из Центрального Комитета и из редакции Центрального Органа. Четыре избранные члена выбирают единогласно пятого; выбывшие члены Совета замещаются теми организациями, к которым они принадлежат, за исключением пятого, который замещается указанным выше способом».

**) Резолюция Гусева: «Совет Партии составляется из пяти членов: трое из них выбираются с'ездом, а остальные двое делегируются Центральным Комитетом и редакцией Центрального Органа».

***) Резолюция Егорова: «Совет Партии избирается с'ездом по два из Центрального Комитета и из редакции Центрального Органа».

****) Резолюция Русова и Герца: «Пятый член Совета назначается с'ездом».

*****) Резолюция Ленина: «Выбывшие члены Совета замещаются самими Советом».

*****) Резолюция Панина: «Выбранный с'ездом пятый член не может принадлежать ни к одной из коллегий (Центр. Орг. и Центр. Ком.)».

Принята поправка Егорова — после слов «назначившими их учреждениями» прибавить слова «за исключением пятого, который замещается Советом».

Ленин предлагает еще прибавить сюда слова «в том случае, если он (т. е. пятый член Совета) не принадлежит ни к какой из коллегий». — Эта поправка отклонена большинством.

Весь первый абзац § 4 с принятыми поправками ставится на голоса и принимается 40 против семи при трех воздержавшихся.

Переходят ко второму абзацу параграфа четвертого (см. устав Партии, пункт 5, абзац второй).

Поправка Панина — вычеркнуть слова «и представлять Партию в сношениях с другими партиями» — отклонена.

Поправка Ленина — заменить последнюю фразу следующей: «если выбывает целиком весь состав одного из этих учреждений» — принята.

Предложение Махова *) отклонено. Далее отклоняются поправки: 1) Троцкого, предложившего конец второго абзаца читать: «в случае, если в этих учреждениях остается не более двух членов»; 2) Кострова: — вставить слова «иметь высшее руководство Партией и представлять ее в сношениях»; 3) Панина — вычеркнуть слова «Совет Партии является высшим учреждением Партии»; 4) Панина — вычеркнуть в третьем абзаце — «или два члена Совета», и 5) Кострова — прибавить после «высшим» слово «постоянным».

Принято предложение Егорова — переставить две фразы во втором абзаце.

После того второй и третий абзацы § 4 принимаются подавляющим большинством (6 против и 4 воздержавшихся).

(Заседание закрывается.)

*) Резолюция Махова: Все члены Совета постоянно живут за границей и выбывающие в Россию предварительно должны быть замещены.

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Докладчик уставной комиссии Глебов читает § 5 проекта устава и примечание к нему (см. уст. § 6 и примеч.) и сообщает мнение меньшинства, желающего прибавить второе примечание *), ограничивающее право Ц. К. распускать местные комитеты. Большинство комиссии, в том числе и докладчик, стоит за то, что не следует ограничивать в этом отношении права Ц. К., так как могут потребоваться экстренные меры со стороны Ц. К.

Павин. Вторую редакцию этого параграфа нахожу столь же мало удовлетворительной, как и первую. Здесь не соблюдена перспектива: все перечисленные функции Ц. К. брошены в одну кучу, безотносительно к степени их важности. Кроме того, не достаточно ясно подчеркнуто, что в числе прочих функций Ц. К. предоставлено руководство политической агитацией. При определении деятельности Ц. К. лучше всего было бы ограничиться одной общей формулой, как это и делает устав при определении деятельности редакции Центрального Органа. И в этом случае можно было бы довольствоваться словами: «Центральный Комитет объединяет и направляет всю практическую деятельность Партии». Но так как функции Ц. К. многочисленны, очень сложны и в некоторых случаях могут быть оспариваемы, то я считаю необходимым, чтобы важнейшие из них были перечислены. Предлагаю следующую формулировку этого параграфа **).

Попов защищает внесенное им и Егоровым примечание. Необходимо указать Ц. К., что эта мера экстренная и может быть употреблена только в экстренных случаях.

*) Резолюция меньшинства комиссии: «Центральный Комитет не имеет права распускать местные комитеты, союзы комитетов и другие приравненные им организации без согласия Совета, при чем организация может быть распущена только в тех случаях, если она: 1) умышленно не исполняет постановлений съезда, 2) составлена из элементов неблагонадежных.

**) Резолюция Павина: «Центральный Комитет объединяет и направляет всю практическую деятельность Партии; утверждает Комитеты, руководит политической агитацией, распределяет силы и средства Партии, разбирает конфликты как между различными организациями, так и внутри их, заведует центральной кассой и общепартийными техническими предприятиями и т. д.

Мартов защищает мнение большинства комиссии. Примечание лишнее. Не нужно подчеркивать это, так как Ц. К. и без того будет обсуждать, прежде чем решиться сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию. Поправка Панина излишняя и она не перечисляет всех функций. Мартов против замены слова «организует» словом «утверждает». Нужно дать право и организовать.

Либер с формулировкой Панина согласен, если добавить, что Ц. К. руководит такими предприятиями, которые имеют общепартийное значение. Несогласен с Мартовым, что «организует» лучше, чем «утверждает». Если на местах уже есть работа, то только тогда можно устроить организацию. Уже сказано, что Ц. К. распределяет силы. Это для Ц. К. должно быть достаточно. Он находит необходимым подчеркнуть право Ц. К. выпускать политические агитационные листы. Примечание второе он находит наивным. Если провокатор находится в организации, то ее распустят много раньше, чем это сделает Ц. К. Упоминание об умышленном неповиновении совершенно лишнее, так как Ц. К. ведь может распределять силы; он не представляет себе, чтобы какой-нибудь комитет мог забаррикадироваться от Ц. К.

Глебов приводит случай с Северным Союзом, доказывающий, что провокатор был в организации и организация не хотела распускаться. В таких случаях, не только в интересах данной организации, но и других соседних необходимо, чтобы Ц. К. имел право распустить организации.

Мартов. Либер сам поступает наивно, суживая понимание слова «неблагонадежный». Здесь это слово имеет и другое значение.

Егоров. Слово «неблагонадежный» имеет у нас и другое значение. Примечание дает широкие, но все же имеющие границы полномочия.

Ланге. Существенный недостаток проекта, что в нем много перечислено, но плохо оттенена политическая роль—устройство общих демонстраций. Предлагаю в начале поставить: «Ц. К. объединяет и направляет всю политическую деятельность Партии, как-то...»

Предложение Панина отклонено.

Поправка Ланге отклонена всеми против трех голосов.

Поправка Абрамсона—вставить в § 5 слова: «Ц. К. назначается съездом Партии в количестве трех лиц»—отклонена всеми против четырех.

Весь § 5 (без примеч.) принят всеми против трех при трех воздержаниях см. устав § 6).

Примечание второе (меньшинства комиссии) отклонено.

Примечание первое принято 37 голосами против 5.

Глебов предлагает из принятого § 4 выделить фразу: «Съезд назначает пятого в Совет Партии, Ц. К. и редакцию Центрального Органа» и сделать из нее особый § 5, так что принятый теперь параграф будет § 6.

Предложение это принято 29 против 2 при 9 воздержавшихся.

Либер предлагает в § 5 вместо слов «назначает» сказать «избирает».

Предложение это отклонено 24 против 13.

Съезд переходит к обсуждению § 7.

Гольдблат предлагает выбросить весь § 7 так как он лишний, а если не лишний, то вредный.

Ленин несогласен с Гольдблатом: контроль за партийной литературой должен быть.

Акимов. Что Ленин понимает под словами: «следить за партийной литературой»? Значит ли это, что у нас будет предварительная цензура?

Ленин. Если я слежу за английской литературой, значит ли это, что я веду ей предварительную цензуру?

§ 7 принят 35 против четырех при пяти воздержавшихся.

Затем обсуждаются пункты *а*, *б* и *в* § 3.

Глебов. Большинство комиссии предлагает дать Совету на съезде все пять голосов, Ц. К. и редакции Центрального Органа по одному голосу. Меньшинство же предлагает, чтобы ни Ц. К., ни редакция Центрального Органа не имели вовсе представителей.

Попов поддерживает мнение меньшинства. Ц. К. и редакция представлены уже на съезде своими членами, входящими в состав Совета.

Лядов. Члены Ц. К. и редакции, входящие в состав Совета, могут не подходить для представительства данных организаций на съезде.

Дейч. Члены Совета могут не годиться для дачи съезду отчета о положении дел в их организациях. Высшие организации Партии должны быть представлены на съезде, как таковые.

Акимов. Совет должен быть на съезде, но ему не следует давать решающего голоса, а только совещательный. Неосновательно давать решающий голос исполнительным органам Партии при обсуждении этой Партией деятельности исполнительных органов. Поэтому я вношу следующее предложение *).

Предложение Акимова ставится на голоса и отвергается всеми против трех.

Поправка Фомина—вставить «членами, имеющими по одному голосу»—принята всеми против двух.

Предложение меньшинства комиссии **) отклонено.

Предложение Орлова ***) отклонено.

Весь § 3 в новой редакции принят всеми голосами против трех при семи воздержавшихся.

Обсуждается § 8 устава.

Карский находит неудачной редакцию и предлагает после слова «исключительно» вставить «к району их деятельности».

Гусев предлагает вторую часть § 9 перенести в § 8, а самому § 8 придать такую форму (см. прим.) ****).

Предложения Карского и Гусева отклоняются.

§ 8 принят всеми против двух при семи воздержавшихся.

*) Резолюция Акимова: «Совет Партии присутствует на съезде in corpore с правом совещательного голоса. Центральный Комитет и Центральный Орган имеют по одному представителю».

**) Резолюция меньшинства комиссии: «Центральный Комитет и редакция Центрального Органа не имеют представительства на съезде».

***) Резолюция Орлова: «Центральный Комитет и редакция Центрального Органа имеют право послать по два делегата, имеющих по одному голосу».

****) Резолюция Гусева: «Все организации, входящие в состав Партии, ведут автономно все свои внутренние дела в пределах инструкций, данных Центральным Комитетом».

Съезд переходит к обсуждению § 9.

Костров предлагает после слов «все постановления Ц. К.» вставить — «имеющие общепартийный характер».

Костич предлагает выбросить конец, так как есть уже пункт о подчинении всем постановлениям Ц. К.

Либер. Может ли Ц. К. создавать рядом с существующими уже организациями другие, которые должны исполнять те же функции, что и уже существующие?

Глебов. Я думаю, что для совершенно аналогичных функций Ц. К. не будет создавать, но для тех, которые данными организациями не исполняются, мы будем создавать другие.

Поправки Кострова и Костича отклонены.

Весь § 9 принят всеми против четырех при одном воздержавшемся.

Обсуждается § 10.

Мартов против того, чтобы частные лица имели право требовать, чтобы их заявления доходили до центра.

Егоров считает несоответствующим демократизму Партии, если все не будут иметь права доводить до центра свои заявления.

Ленин за сохранение этого места; нельзя никому запретить доходить до центра с заявлением. Это необходимое условие централизации.

Лядов считает это желание Ленина неосуществимым.

Дейч приводит пример, что во времена «Народной Воли» могли доходить до центра посторонние лица, например, раскольники. Аналогичные случаи могут быть и теперь. Например, военные организации могут пожелать войти в сношение с центром.

Поправка Мартова — выбросить слова «и всякое лицо, имеющее какие-либо дела с Партией» — отклонена 25 против 13.

Поправка Егорова — прибавить «и Совет Партии» отклонена 24 против 14.

Весь § 10 принят 38 против 1 при 7 воздержавшихся.

Съезд переходит к обсуждению § 11.

Глебов защищает право редакции Центрального Органа знать непосредственно личный состав местных комитетов. В случае провала всего Центрального Комитета, будет известно, кем можно заместить. Кроме того, редакции Центрального Органа нужно знать все, чтобы иметь ясное представление о силах и положении дел.

Либер. Не понимаю, зачем редакции знать, что в таком-то городе живет и работает Иван Иванович. Удивляюсь, как можно защищать такой тезис. Это невозможно.

Карский. Либер воспользовался неудачной защитой Глебова. Я не думаю, чтобы здесь речь шла о личном составе. Важнее — отчеты о движении, которые комитеты должны доставлять в редакцию Центрального Органа.

Ланге. Не вижу ничего страшного и курьезного в этом. Это значит, что у редакции Центрального Органа будут адреса и явки.

Костров. Редакция Центрального Органа должна знать все, но это уже дело ее собственного усмотрения. Знакомить же со всем личным составом — фантазия.

Троцкий. Дело идет не о постоянных периодических отчетах, — если редакции нужно будет, она потребует. А это может быть полезно для выяснения некоторых интересных эволюций.

Предложение Либера — выбросить весь разбираемый пункт — отклоняется 24 против 19.

Предложение выбросить слова «личным составом» отклонено 23 против 19.

Весь § 11 принят 27 против 12 и при 7 воздержавшихся.

Докладчик читает § 12 и предлагает, чтобы в Ц. К. была единая кооптация. Необходимо, чтобы в такой тесной организации было полное единодушие.

Егоров считает нелогичным $\frac{4}{5}$; почему не $\frac{3}{4}$? Вообще арифметической дробью нельзя выразить то, что нужно. По его мнению, нужно, чтобы не было шероховатостей; достаточно простого большинства при отсутствии мотивированного veto.

Попов против цифры $\frac{4}{5}$ и против мотивированного veto. Он признает или простое большинство или единогласие.

Мартов не может согласиться ни с тов. Глебовым, ни с тов. Егоровым. Требование полного единогласия может превратить Ц. К. в замкнутую группу. Я согласен с тем, что не должно быть трения. Я поэтому стою за квалифицированное большинство. Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была живая и дееспособна. Я думаю, что один мотивированный протест, как предлагает тов. Егоров, недостаточно гарантирует от каприза одного лица, руководимого личной антипатией, а потому стою за два мотивированных протеста. Право взаимного контроля Ц. К. и редакции Ц. О. при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция Ц. О., например, могла бы дать Ц. К. хороший совет, следует ли господин Надеждин, напр., принять в Ц. Б. Я возстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты.

Ленин. Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с $\frac{4}{5}$ до $\frac{3}{4}$. Вводить мотивированный протест нерасчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля Ц. К. и Ц. О. над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни Партии известно, что бывали люди, вносившие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба Партии.

Троцкий. Что касается квалификации при кооптации, то я за $\frac{2}{3}$, потому что при трех членах двое уже тогда имеют право кооптировать. Что касается взаимного контроля, то из того обстоятельства, что в предварительном проекте этого требования не было, а явилось оно впоследствии, ясно, что Ленин не совсем прав. Ясно, что этот пункт не имеет уже такого универсального предохранительного значения, какое ему тут стараются придать. Право взаимного контроля ставит в неодинаковые условия Ц. К. и Ц. О. Редакция Ц. О. уже спешившая группа лиц, и ей

редко придется прибегать к разрешению Ц. К., между тем как Ц. К. в этом будет постоянно нуждаться. Для согласования деятельности обоих центров существует Совет. Говорилось об автономности обоих центров, и это было принято, но что же это за автономия, которая не включает в себя право на самоопределение состава.

Костич. Нельзя исключать так же легко, как кооптировать; поэтому для исключения членов требуется большая квалификация.

Танге находит, что получается противоречие в рассуждениях некоторых ораторов в том, что они сейчас говорят, с тем, что раньше говорились.

Мартов. При данной постановке вопроса пункт об автономии теряет всякий смысл. Контроль нужен—и согласен с этим. Но этот контроль и осуществляется Советом. Как член редакции, я не понимаю, каким образом простое большинство другого учреждения может быть решающим в том вопросе, который вырешили $\frac{4}{5}$ данной организации. Цель, к которой Ленин стремится, достигается Советом. Взаимный контроль, взаимное подозрение могут создать только лишний повод к недоразумению и вражде.

Егоров. Понятно перескакивание Ленина с одной ноги на другую; причина в том, что сам устав хромою. Если Совет может восстанавливать весь Ц. К. и редакцию Ц. О., то как можно не доверять ему вопроса о кооптации?

Дейч. Вопрос о той или другой дроби квалифицированного большинства, $\frac{4}{5}$ или $\frac{2}{3}$, не важен. Важен вопрос о праве взаимного контроля. Я против такого контроля, который создает волокиту. Несомненно, что это предложение рассчитано на данный момент. Но с течением времени, когда Ц. К. очутится на месте при работе, это правило создаст невозможную волокиту. Я напоминаю о той путанице, которая получилась при письменных сношениях с группой «Борьба».

Ленин. Если устав хромою на одну ногу, то тов. Егоров делает его хромым на обе. Совет кооптирует лишь в исключительных случаях. Для обеих сторон, для обоих центров необходимо полное доверие именно потому, что это сложный механизм; без полного взаимного доверия невозможно успешная взаимная работа, и весь вопрос о правильном совместном функционировании тесно связан с правом кооптации. Вопрос о технических трудностях переоценен напрасно тов. Дейчем.

Мартов. Вопрос совершенно не так принципиален, как его представляет Ленин. Этот деликатный пункт предполагает то, что должно быть завоевано. Мы не должны рассчитывать, что всегда будет идеальное согласие. Мы имеем учреждение, которое не даст разногласиям вырасти в постоянную борьбу.

Съезд переходит к вотированию. 25 голосами против 19 принимается предложение Глебова—после фразы: «для кооптации новых членов и исключения их требуется $\frac{4}{5}$ голосов» добавить: «кроме Ц. К., для кооптации которого требуется единогласие»⁴⁴).

Принята поправка Фомина, гласящая: «большинством $\frac{2}{3}$ при отсутствии двух мотивированных протестов»—большинством 27 против 21.

Ленин предлагает поправку в поправке Фомина: «при отсутствии одного мотивированного протеста». Принята 21 против 19.

Поправка Павловича: «Кооптация в редакцию Ц. О. производится единогласно принята 23 против 21.

Предложение Мартова *) принято 24 против 22.

(Заседание закрывается).

*) Резолюция Мартова: «Мотивированный протест против постановления какой-нибудь партийной организации о кооптации или исключении членов может быть обжалован в Совет Партии, которому предоставляется право его отмены».

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

(Присутствует 43 делегата с 51 мандатом и 12 лиц с совещательным голосом).

Продолжается голосование § 12 устава.

Вотируется предложение Мартова о кооптации *)

Предложение принято 26 против 24.

Ленин вносит поправку **).

Ленин требует, чтобы это предложение было мотивировано.

Мартов предлагает открыть прения по поправке Ленина, чтобы за и против все могли высказаться по два оратора.

Предложение Мартова голосуется и принимается 27 против 16.

Троцкий. Я не могу сказать, чтобы поправка Ленина была неясна. Тов. Ленин предлагает, что Совет будет перерешать решения одной из коллегий, а это есть вмешательство в их ведение. Считая, что Ц. К. или редакция Ц. О. должны быть автономны и независимы, я думаю, что между двумя коллегиями должны быть принципы единения, а внутри их — нравственное единение.

Мартов. Присоединяюсь к заявлению Троцкого. Наш первоначальный план все больше и больше изменяется и в самую нежелательную сторону. Мы исходим из двух центров, а между тем возвращаемся к идее одного центра. Мы дошли до того, что не только член принимается единогласно, но и для кооптации требуется единогласие обеих коллегий. Таким образом мы создаем почву для постоянной войны между коллегиями и притом войны из-за вопроса о личностях. Если во всем Ц. К. не найдется ни одного праведника для воспрепятствования приема, если такого праведника не найдется и в Совете, то куда же апеллировать дальше? С точки зрения тех задач, которые преследуют сторонники единогласия, мы идем слишком далеко. Зачем вводить единогласие в Ц. О. и в Ц. К., когда мы считаем это недостаточным?

*) Резолюция Мартова: «Кооптация новых членов в каждую коллессию совершается не иначе, как большинством при отсутствии более чем одного мотивированного протеста.—Пункт о взаимной кооптации выкинуть».

**) Резолюция Ленина: «Кооптация членов Центрального Комитета и редакций Центрального Органа допустима лишь с согласия всех членов Совета Партии».

Ленин. Ответу вкратце на оба возражения. Тов. Мартов говорит, что я предлагаю единогласие обеих коллегий на кооптацию членов; это—неверно. Съезд решил не давать права veto каждому из членов двух, может быть, довольно обширных коллегий, но это не значит, что мы не можем дать этой власти учреждению, согласующему всю деятельность совместной работы двух центров. Совместная работа двух центров требует полного единогласия и даже личного единения, а это возможно лишь при единогласной кооптации. Ведь, если два члена находят, что кооптация необходима, то они могут созвать Совет.

Полным голосованием поправка тов. Ленина отклонена 27 против 22. (Этого полного голосования в протоколах не оказалось) ⁴⁵).

Дейч вносит предложение *), которое принимается 22 голосами против 2.

Мартов вносит новое предложение **).

Ленин. Поправка Мартова противоречит уже принятому пункту о единогласной кооптации в Ц. К. и Ц. О.

Мартынов находит, что поправка несколько не противоречит принятому пункту, ибо там говорилось, что сами Ц. К. и Ц. О. не могут решить иначе, как единогласно; но это не исключает возможности обращения к Совету.

Мартов. Объяснение, данное тов. Лениным, идет вразрез с толкованием его по поводу поправки, которую он внес. Я предлагаю, чтобы большинству, недовольному решением меньшинства, было дано право обратиться за решением к Совету.

Ленин. Толкование тов. Мартова неверно, ибо изъятие противоречит единогласию. Я обращаюсь к съезду и прошу решить: следует ли поправку тов. Мартова ставить на голосование.

Большинством 25 против 19 решено поставить на голосование поправку Мартова, которая и принимается 24 голосами против 23.

Весь § 12 принят 38 против 2.

Докладчик уставной комиссии читает § 13 и в своем резюме стоит за опущение этого пункта из устава сейчас и передачу его на обсуждение в Ц. К.

Егоров (поддерживает Глебова). Так как в уставе нет перечисления всех организаций, то я не понимаю, почему отдается предпочтение одной организации. Предлагаю выбросить этот вопрос здесь и поставить его на очередь, когда пойдет вопрос об организациях.

Дейч поддерживает предложение Глебова, но находит невозможным передать Ц. К. решение этого вопроса, а предлагает предоставить разработку его Совету.

*) Резолюция Дейча: «Центральный Комитет и редакция Центрального Органа должны доводить до сведения друг друга о кооптированных членах».

**) Резолюция Мартова: «В случае, если единогласно при кооптации новых членом в Центральный Комитет или в редакцию Центрального Органа не достигнуто, вопрос о приеме члена может быть перенесен в Совет и, в случае ассоциации им решения соответствующей коллегии, окончательное решение ею производится простым большинством».

Акимов высказывается против § 13, ибо ему странно, что поднимается вопрос только о Лиге, тогда как существует Союз Р. С.-Д., утвержденный первым съездом. Поэтому вопрос должен быть поставлен не о Лиге, а о заграничном Комитете Партии.

Дейч считает возражение тов. Акимова неосновательным, ибо организация Лиги все расширяет свою деятельность, а деятельность Союза Р. С.-Д. все уменьшается. Поэтому вопрос о заграничной Лиге или о заграничном Комитете Партии тов. Дейч предлагает передать Совету.

Ленин. По существу я не стал бы спорить с тов. Глебовым и Дейчем, но я считал необходимым сказать о Лиге в уставе, потому что, во-первых, все знали о существовании Лиги, во-вторых, чтобы отметить представительство Лиги в Партии по старым уставам, в-третьих, потому что все прочие организации находятся на положении комитетов, а Лига вносится, чтобы отменить ее особенное положение.

Мартов. Высказываюсь за то, чтобы в уставе была упомянута Лига. Хотя заграницей и существует несколько организаций, но нельзя приравнять Союз к Лиге, которая в последние годы одна была связана с русским движением.

Акимов. Мне кажется, что изменение § 13 устава настолько несомненно необходимо, что это должно было бы сделать без споров. Но так как, наоборот, этот параграф нашел защитников, то я должен высказаться на этот счет. Оговорюсь прежде всего, что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идеиная борьба, которая до сих пор велась в нашей Партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил. Поэтому, отдельное существование Союза, невозможное с точки зрения партийного единства, кроме того представляется ненужным с точки зрения тех, кто не солидарен с большинством.

Но вопрос этот имеет для меня большое принципиальное значение. На § 13 проекта устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный.

Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России склониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть. Таковы вообще тенденции большинства на этом съезде, и я хочу, чтобы они были обнажены и достаточно ясно выражены, и поэтому поднимаю этот вопрос. Если это не так — съезд должен отклонить § 13 проекта устава или заменить его другим. Я предлагаю его редактировать так: «Все партийные организации заграницей соединяются в заграничный комитет Партии, который (далее согласно с проектом устава) — пользуется правами всех других комитетов, с тем исключением, что» и прочее.

Троцкий. Тов. Акимов оказал Союзу худшую услугу. Мы считали § 13 вопросом техники, он поставил его на принципиальную почву. А раз это так, то мы, конечно, должны признать, что Лига должна быть внесена в устав, ибо она является проводником того принципа, который объединяет большинство съезда.

Егоров. Сочувствуя товарищам Ленину и Троцкому, я все же думаю, что лучше ставить вопрос о заграничных организациях вообще, и повторю, что § 13 выражает желание съезда официально заявить, что заграничным представителем Партии является Лига. Я вношу поправку: заграничные организации имеют право сноситься с русскими организациями через Ц. К.

Карский. Товарищи, жившие и живущие за границей, должны знать, какое значение имеют заграничные организации. Я думаю, что товарищи согласятся со мной, что при существовании идеи объединения в России надо желать, чтобы и за границей произошло это объединение под именем Лиги. Это единство необходимо и в моральном, и в материальном отношении, и не только Союзу, но и заграничный Комитет Бунда должен войти в Лигу, чтобы не существовало множества отдельных организаций.

Либер. Тов. Акимов, как представитель Союза, имеет формальное право требовать внесения Союза в устав. Мы не должны забывать, что это второй съезд, а это положение, когда нужно—забывается—и потому, не отвергнув предварительно Союза, утвержденного первым съездом, мы не можем принять нового представителя. То же соображение я считал уместным и заявлял и по поводу «Рабочей Газеты», и «Искры», и не понимаю, почему Троцкий требует поклонов отдельным организациям.

Мартов. Не понимаю горячности, с которою тов. Либер обсуждает этот вопрос. Если, однако, тов. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву, — мы не имеем ничего против; особенно в виду того, что тов. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо санкционировать победу одного направления, чтобы раскланяться лишний раз по адресу «Искры», а в том, чтобы «раскланяться» окончательно со всякими возможными «комбинациями», о которых заговорил тов. Акимов.

Вносится предложение о закрытии списка ораторов.

Список ораторов закрыт.

Мартынов. Слова тов. Акимова неверно истолкованы. Сказано было, что тов. Акимов ставит вопрос на принципиальную почву, и мы принимаем этот вызов. Но тов. Акимов ясно сказал, что поскольку будет и впредь существовать борьба между разными течениями, она будет совершаться в других плоскостях и в новых комбинациях и не имеет отношения к вопросу о Союзе. Тов. Акимов не претендовал также на то, чтобы Союз был заграничным представителем Партии, он говорил лишь против такого решения, которое исключало бы Союз из Партии.

Акимов. Тов. Троцкий находит, что я оказал медвежью услугу моей организации тем, что поднял этот вопрос: он мог бы быть решен потом без шума, но раз я его поставил, съезд должен его разрешить не в пользу Союза. Но тов. Троцкий ошибается, думая, что я хочу только добиться каких-нибудь уступок или послаблений для Союза. Я хочу, чтобы было ясно сказано, желает ли съезд достичь единения всех партийных сил или признания несогласно мыслящих побежденными; и сам товарищ Троцкий ответил на этот вопрос; он сказал: «этот съезд должен быть торжеством течения». Заявление тов. Дейча, что Союз в последние месяцы делал все меньше и меньше, а Лига все больше и больше, не может иметь ника-

кого значения. Союз вел свою деятельность не несколько месяцев, а в течение пяти лет, и съезд еще не выслушал доклада его и не может, не обсудив его деятельности, принять решение, которое косвенно закрывает, без объяснения причин, старую партийную организацию, носящую, по воле первого съезда, имя комитета. Разсуждения тов. Карского имеют еще меньше оснований. Здесь нет спора о том, должен ли существовать Союз отдельно от какой-нибудь другой организации за границей. Мы все сходимся в том, что за границей должна быть одна единая организация, но она должна быть создана не путем признания одной и уничтожения других, а путем соединения всех в одну. Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей Партии, то я должен сказать, что даже он сам подает мне надежды ⁴⁶⁾.

Егоров. Я изменил свою поправку во избежание недоразумений. Я против существования за границей двух организаций.

Ленин. Мне кажется, прения привели к тому, что сохранение пункта в уставе желательно.

Брукер. По моему, желание, чтобы все организации объединились в одну, не значит еще, чтобы эта организация называлась именем собственным одной из существовавших организаций, против чего я и высказываюсь.

Голосуются поправки к § 13.

Поправка Акимова отвергнута большинством против двух.

Предложение Егорова—«Заграничная организация, утвержденная съездом или Советом Партии, оказывает поддержку русскому движению не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центр. Ком».—отклонено 27 против 15.

Предложение Глебова—выбросить § 13—отклонено 26 против 19.

Русов предлагает вставить слово «единственная» заграничная организация.

Либер считает внесение такой поправки незаконным, ибо она исключает из Партии все остальные заграничные организации.

Русов. Я хотел только сказать, что заграничная организация должна быть одна.

Мартынов. Мы будем голосовать то, что сказал тов. Русов, а не то, что он хотел сказать.

Егоров. Предложение Русова неприемлемо уже потому, что им умерщвляются все остальные заграничные организации, представителей которых мы здесь имеем. Умерщвление организаций совершается в последнем заседании, чтобы не поставить делегатов этих организаций в неприятное положение.

Председатель. Я не вижу тут убийства или чего-либо страшного, так как думаю, что возможно соглашение и что все части могут войти в одну организацию. Бюро предлагает поставить поправку Русова на голосование.

Егоров. Прошу бюро отметить в протоколе, что я не только не принимал участия в голосовании, но даже и не присутствовал при нем (оставляет зал).

Председатель. Я прошу не обижаться: мы еще не поставили на голосование предложение тов. Русова.

Либер. Бюро не имеет права ставить эту поправку на голоса.

Председатель. Возражение тов. Либера, что мы не имеем права ставить эту поправку на голоса, неосновательно. Мы обращаемся к съезду: кто признает недопустимым допущение поправки тов. Русова к голосованию?

27 голосами против 15 поправка Русова признана допустимой к голосованию.

Карский (к порядку). Тов. Егоров оказывается более чувствительным к поправке тов. Русова, чем те, кого эта поправка касается.

Председатель останавливает Карского, так как речь его к порядку не относится.

Либер. Предлагаю принять следующее: «Все заграничные организации, кроме Лиги, уничтожаются».

Голосуется. Предложение Либера отклонено всеми против девяти. Поправка Русова принята 25 против 17 ⁴⁷).

Предложение Брукера—«Все заграничные организации объединяются в одну»—отвергнуто большинством против одного.

Весь § 13 принят 31 против 12 при шести воздержавшихся (Тов. Егоров отсутствует).

Весь устав в целом принят 42 голосами против шести, при одном воздержании.

Съезд переходит к обсуждению вопроса о национальных организациях и именно о Бунде.

Докладчик уставной комиссии. Комиссия не обсуждала вопроса о национальных организациях, а потому я предлагаю обсуждение этого вопроса на общем собрании. За основу обсуждения я предлагаю принять девять параграфов устава, внесенного Бундом (см. стр. 90).

Глебов. Эти девять пунктов устава Бунда различны по своему существу, и, чтобы облегчить работу съезда, я хотел бы дать им известную группировку, так как думаю, что часть этих пунктов не возбудит возражений, тогда как пункты второй, третий, пятый имеют кардинальное значение. Наиболее кардинальным является § 2, и с этого пункта я предлагаю съезду начать обсуждение вопроса о Бунде.

Егоров (для формального заявления). Слова тов. Глебова были не мнением комиссии, ибо комиссия по этому поводу не собиралась.

Председатель. Бюро находит, что тов. Глебов имеет право, прочтя устав Бунда, высказывать свое личное мнение о порядке обсуждения параграфов.

Попов. Тов. Егоров не делает упрека тов. Глебову, а разъясняет лишь, что это его—тов. Глебова—мнение, а не мнение уставной комиссии.

Председатель. Ставлю на голоса: кто против поправки § 2 первым на обсуждение?—Никто.

Мартов. В виду того, что именно § 2 проекта устава Бунда носит на себе резко выраженную печать федерализма, к которому мы свою принципиальную позицию уже заняли в пункте первом порядка дня, то тут только познакомя товарищей с опытом федеративной организации местного

пролетариата, произведенном в Риге. Письмо это прислано рижскими товарищами к нашему съезду (читает письмо; см. приложение V).

Мартов излагает содержание другого письма, поясняющего и дополняющего первое, и приходит к выводу, что принимаемая формулировка Бунда узаконяет и увековечивает сепаратизм, тогда как мы знаем, что сотни тысяч еврейских рабочих объединяются совсем иными организациями. «Я предлагаю § 2 вовсе устранить, не заменяя его никаким соответствующим параграфом. Я предлагаю не определять района деятельности Бунда, ибо этот район определить невозможно».

Либер. Прежде всего я хочу поставить тов. Мартову по поводу прочитанного им письма вопрос формального характера: каким образом «рижская группа рус. соц.-демократов», не приглашенная на съезд, могла представить этому съезду письмо? Отвечать же по существу, как на это «письмо», так и на речь тов. Мартова не приходится. О чем говорит это письмо? О ряде неудач организовать в Риге и вызвать широкое рабочее движение среди пролетариата всех наций, живущих в Риге. Но с равным успехом мы могли бы обвинить «Цескру» в том, что ей не удалось организовать русского движения в целом ряде городов, хотя бы например, в Москве. Авторы этого письма и тов. Мартов имеют, очевидно, такое фантастическое представление о революционной мощи еврейских соц.-демократов, что стоило бы, по их мнению, этим «богатырям» — еврейским социал-демократам — прикоснуться к русскому пролетариату в Риге, и десятки тысяч этого пролетариата, как по мановению волшебного жезла, сразу оказались бы революционизированными. Что до нас, — мы не находим нужным даже останавливаться дальше на разборе этих вздорных фантазий, составляющих сущность выдвигаемых против нас обвинений. Вместо того, чтобы отвечать авторам письма или тов. Мартову на их обвинения, я позволю себе сделать несколько маленьких «исторических справок». С легкой руки «Искры» большая часть наших русских товарищей утверждала все время, что когда-то «Бунд» был «хорошим», что, вообще, прежде все обстояло прекрасно, но со времени злополучного четвертого съезда Бунда все переменилось; с этого времени «стал быть» наш «национализм» и «сепаратизм» и проч., и проч. Подобного рода заявления принимались на веру, так как большая часть наших товарищей, особенно действующих в России, с прошедшей историей Рос. Соц.-Демократической Раб. Партии очень мало знакома. Исторические документы, из которых я здесь приведу несколько мест, лучшим образом укажут всю несостоятельность выдвигаемых против нас обвинений. В 1895 году, т. е. за два года до основания Бунда, в одной нашей брошюре говорилось следующее: «Вот почему мы должны решительно признать, что наша цель, цель действующих в еврейской средесоциал-демократов, состоит в том, чтобы создать специально-еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководящей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение». («Поворотный пункт в истории еврейской раб. движения», стр. 19). В 1898 году, т. е. тотчас после основания Бунда, появилась наша брошюра: «Борьба П. П. С. против еврейск. раб. движения», отпечатанная в «Работнике» № 5—6. Брошюра эта представляет собою

ответ на ряд нападок, которыми П. П. С. встретила Бунд при самом основании его, нападок, которые почти аналогичны с обвинениями, выдвигаемыми против нас «Искрой». Вот резолюция, принятая П. П. С. о Бунде на ее IV с'езде: «Так как еврейский пролетариат может иметь задачи, общие задачам только того пролетариата, только того народа, среди которого он живет, так как деятельность еврейских групп, под общим названием «Общий Еврейский Раб. Союз в России и Польше», носит вредный характер для движения, потому что программная и организационная изолированность его часто ставит этот союз в положение неприятеля по отношению к нам, — то конгресс решил, что политика эта неверна, что она несолидарна с политикой польского и литовского пролетариата в его борьбе за освобождение от русского ига». («Работник» № 5—6, стр. 72). Итак, как видите, подобного рода обвинения и притом с той же бездоказательностью, как это делают наши противники и теперь, выдвигались против нас с первого дня нашего основания. Как известно всякому, хоть несколько знакомому с историей раб. движения в Польше за последние годы, все эти инсинуации несколько не помешали нам (вопреки всем усилиям П. П. С.) создать в Польше сильнейшее соц.-демокр. движение среди еврейского пролетариата, руководимое Бундом. Резкая, полная сарказма и страстности отповедь на выдвигавшиеся тогда против нас со стороны П. П. С. обвинения, была помещена, как я уже говорил, в «Работнике», редактировавшемся «Группой Осв. Труда», без всяких оговорок со стороны редакции; рядом с нашим протестом был также помещен протест «Литовской Соц.-Демократии» против П. П. С., отрицавшей и за литовским пролетариатом право на самостоятельную организацию, и также решительно без всяких оговорок со стороны редакции. Очевидно, то, что теперь кажется «национализмом», «сепаратизмом» и т. п. нашим противникам из «Искры», то базалось тогда вполне естественным и законным гр. «Осв. Труда», входящей целиком в организацию «Искры» и принимающей участие в ее редакции. Мало того, все в той же книге «Работника» помещен перевод статьи из № 11 «Arbeitertimme» нашего центрального органа, под названием «Наши цели». В статье этой излагалось все *profession de foi* Бунда, доказывалась необходимость самостоятельной организации евр. пролетариата и ее автономного положения в Партии. Наши оппоненты говорили нам здесь, что необходимость Бунда мотивировалась в первые годы существования Бунда лишь техническими соображениями. Цитаты из этой статьи, появившейся в 1898 году тотчас же после первого с'езда Партии, статьи, в которой, между прочим, сводились к одному результату этого с'езда, лучше всего докажут, правы ли были наши оппоненты. Первая цитата: «Как относилась Партия к организациям целой нации, ясно видно из того места «Манифеста», где говорится об условиях вступления «Еврейск. Раб. Союза» в Партию: «Всеобщий Еврейск. Рабочий Союз в России и Польше» вступает в Партию, как автономная организация, которая сохраняет свою самостоятельность только в вопросах, касающихся еврейск. пролетариата».

«Или, иначе выражаясь, нам следует понять это следующим образом: положение евреев в России, политика царского правительства по отношению к ним и другие особенности (как, например, отдельный язык) создали у еврейского пролетариата специальные интересы, требующие

специальной защиты. Защиту то этих специальных еврейских интересов может взять на себя отдельная еврейская организация, имеющая полное право защищать их так, как она находит это нужным, причем Партия не вмешивается в деятельность этого Союза. В делах же, касающихся всего русского пролетариата, без различия национальности и религии, «Еврейский Союз» обязан, как часть Партии, подчиняться «Ц. К.» („Работник“ № 56, стр. 96). Пусть скажут нам, заключается ли в предлагаемом нами проекте устава по существу хоть на малую долю больше того, что, по мнению самих участников первого съезда Партии, было выражено в ее манифесте. И такое понимание ими манифеста опять-таки никогда не встречало никаких возражений со стороны наших русских товарищей. Приведу еще одну и уже последнюю цитату. Вот как заканчивается цитируемая нами статья: «Итак, отдельная еврейская рабочая организация желательна и необходима в интересах как еврейского, так и христианского пролетариата. Но только такая организация, которая естественно выросла из борьбы еврейского пролетариата против эксплуатации и связана с ним тысячами литей, может оберегать и энергично защищать его интересы и одновременно облегчать работу всей Российской Партии. Последняя поняла, что при таких условиях ее работа может иметь успех, она достаточно политически развита, чтобы дать в известных пределах самостоятельность еврейской организации. Тот факт, что Российская Партия правильно поняла свои задачи, что она не только обещала, но в действительности признала за каждой нацией право иметь самостоятельную рабочую организацию — все это служит лучшей гарантией того, что она привлечет к себе все живые силы русского пролетариата и припесет в результате своей деятельности то, чего от нее ожидают».

Вот как смотрели мы на вопрос о положении Бунда в Партии пять лет тому назад тотчас же после ее первого съезда. Таковы же наши взгляды и теперь; эти же принципы положены в основание предлагаемого нами проекта. Итак, изменились не взгляды Бунда, а взгляды на Бунд. Чем же это объясняется? Почему до последнего времени наши русские товарищи не замечали этих «вредных» взглядов Бунда? Объясняется это огромным ростом Бунда, с одной стороны, и русского рабочего движения — с другой. Пока мы, выражаясь словами нашего товарища из «Горнозаводского Союза», «сидели у себя дома», т. е. в Польше и Литве, до тех пор товарищи наши не встречались с Бундом; теперь перед нами всеми (как русскими товарищами, так и Бундом) опять встала насущнейшая задача объединения всех социал-демократических сил России в единую Партию, и наши товарищи резко переменили свою позицию по отношению к Бунду, отрицая за ним самое право на существование. Пусть только наши товарищи не забудут, что если для них этот вопрос о Бунде есть первая страница в истории, то для нас, переживших почти на той же почве борьбу с П. П. С., столкновение с нашими русскими товарищами есть вторая страница нашей истории. За все это время наши товарищи, очевидно, все позабыли и ничему не научились, и потому я считаю излишним здесь, на втором съезде Партии, после пяти лет блестящей деятельности Бунда, доказывать его право на существование. Достаточно того, что от нас могут требовать подобного рода доказательств на втором съезде той Партии,

в состав которой мы входили и в рядах которой мы столько сделали для всего социал-демократического движения в России. Мне остается только со всей категоричностью повторить требование первого пункта нашего устава: Бунд есть и должен быть единственным представителем еврейского пролетариата, в какой бы части российского государства он (еврейский пролетариат) ни жил и на каком бы языке ни говорил.

Мартов. Я не выяснил себе вопрос, обязует ли Бунд все местные Российские Комитеты не иметь дела ни с одним еврейским рабочим?

Либер. Я думаю, что дело ясно. Дело не в том, может ли какая-либо организация работать среди еврейского пролетариата. Никто не отрицает этого права. Но представителем еврейского пролетариата в Партии является исключительно Бунд.

Председатель. От тов. Акимова и Мартынова поступило в бюро след. заявление:

«Признавая, что принятием параграфа 13 устава с поправкой съезд косвенно выразил решение закрыть Союз до выслушания его отчета и до обсуждения пункта Tagesordnung'a об утверждении наличных партийных организаций, мы, делегаты Союза, отказываемся впредь от участия в голосовании и продолжаем присутствовать на съезде лишь для выслушания прошлых протоколов и обсуждения порядка их опубликования. Мартынов. Акимов».

Горий предлагает разбить § 2 устава Бунда на две части и голосовать их отдельно.

Либер. От имени делегации Бунда заявляю, что мы не голосуем по вопросам о Бунде.

Троцкий. Заявление Либера кажется мне непонятным. Товарищи из Бунда могли бы отказаться от голосования, если бы они были просто заинтересованной стороной. Но заинтересованы мы все одинаково в решении этого вопроса, и потому отказ делегации Бунда от голосования по данному вопросу может быть только простым воздержанием.

Абрамсон. Мы не хотели сделать из этого инцидента и согласны голосовать.

Председатель. Есть три способа голосования: да, нет, воздерживаюсь.

Голосуются первая часть § 2 проекта устава Бунда и отвергается 39 гол. против 5 при восьми воздержавшихся, в числе которых два делегата Союза. Вторая часть того же § 2 тоже отклонена 39 гол. против 5 при 8 воздержавшихся. Весь § 2 отвергнут 41 гол. против 5 и при 5 воздержавшихся *).

Либер. Прошу слова для заявления. От имени всей делегации Бунда заявляю: в виду того, что съезд своим последним голосованием отверг принципиальный пункт предложенного нами устава, принятие которого (пункта) наш пятый съезд признал необходимым условием существования Бунда в Партии, мы, на основании решений пятого съезда Бунда, уходим

*) За § 2 проекта устава Бунда голосуют: Гофман, Гольдблат, Юдин, Либер, Абрамсон. Воздерживаются: Махов (2 гол.), Брукер, Мартынов и Акимов. Остальные — против.

со съезда Партии и заявляем, что Бунд выступает из Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Письменное мотивированное заявление мы представим второму съезду особо.

Махов. При голосовании второго пункта устава Бунда было принято поименное голосование, при котором я счел за лучшее воздержаться от подачи голоса. Так как результатом этого голосования явилось отклонение всего пункта в целом, а это должно было иметь и имело своим неизбежным следствием выход Бунда из состава Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии, то я считаю необходимым изложить перед съездом мотивы, по которым я при данных обстоятельствах счел за лучшее воздержаться от подачи голоса.

Исходя из того соображения, что после того, как мы в резолюции, принятой в первом пункте дня, высказали уже свое принципиальное отношение к вопросу о месте Бунда в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, что, в виду того, что свое отрицательное отношение вообще ко всяким национальным и районным организациям мы могли еще подчеркнуть в вопросе о национальных и районных организациях, и, без сомнения, сделали бы это, я считал вопрос о месте Бунда в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии с принципиальной стороны поконченным. Таким образом вопрос о положении Бунда в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии для меня из вопроса принципиального становится вопросом реальной политики по отношению к исторически сложившейся национальной организации; здесь я не мог не считаться со всеми последствиями, какие могут явиться в результате нашего голосования, и потому вотировал бы за пункт второй в целом. Но так как то или иное мое голосование имело лишь принципиальный характер и не могло носить характера практического, в виду почти единогласного голосования всех остальных участников съезда, то я предпочел воздержаться от голосования, чтобы принципиально оттенить различие своей позиции, в данном случае от позиции, защищаемой делегатами Бунда, голосовавшими за пункт, обратно, а вотировал бы за этот пункт, если бы делегаты Бунда воздержались от голосования его, на чем они предварительно настаивали.

Председатель. Представители Бунда не раз заявляли, что на свои условия они не смотрят, как на ультиматум.

Брукэр. Я воздержался от голосования устава, предложенного Бундом, и хочу мотивировать свое воздержание. Я не мог вотировать за проект, потому что считаю необходимой в интересах и еврейского, и русского пролетариата одну единую партийную организацию, в которой ни одна из частей не пользовалась бы исключительными правами. Но я не мог вотировать против потому, что если Бунд войдет в Партию на положении районной организации при данном, только что принятом, уставе Партии, то тем самым лишает себя возможности развиваться и продолжать свою непрерывную полезную деятельность, так как этот устав делает невозможной живую работу местных организаций.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

(Присутствует 38 делегатов с 46 манд. и 11 лиц с совещательным голосом).

Ленин. Бюро обсуждало заявление тов. Мартынова и Акимова, поданное ими в утреннем заседании. Я не буду касаться мотивировки, хотя она неправильна и чрезвычайно странна. Никто нигде не заявлял о закрытии «Союза», и тов. Мартынов и Акимов сделали неправильное косвенное заключение из решения съезда о Лиге. Но даже и закрытие Союза не может лишить делегатов права участвовать в работах съезда. Точно также съезд не может допустить отказа от участия в голосовании. Член съезда не может только утверждать протоколы и не участвовать в остальных его работах. Бюро не предлагает пока никакой резолюции и ставит вопрос этот на обсуждение съезда. Заявление Мартынова и Акимова до последней степени ненормально и противоречит званию члена съезда.

Мартынов. Ленин говорит, что наше заявление до последней степени ненормально, но это ненормальное положение не нами создано. Мы здесь присутствовали как делегаты организации, имеющей право голоса. Съезд, уничтожив организацию, уничтожил право наше на делегацию. В порядке дня вопрос об уничтожении и утверждении организаций отложен на самый конец. Если же съезд не успел бы решить этот вопрос, то он передал бы на решение Центр. Ком. Что же касается Союза, то вопрос о нем уже решен в исключительном порядке, причем съезд не дал себе труда даже выслушать наш доклад. Повторяю, положение создано не нами, а съездом. Теперь нам остается только выслушать протоколы. Если бы протоколы были уже утверждены, то мы немедленно ушли бы со съезда.

Павлович. Я не совсем понимаю товарища Мартынова. Принять известный принцип не значит еще немедленно провести его в жизнь. Мы приняли устав, но это не значит, что он немедленно вступает в силу и что этим уничтожается немедленно какая-нибудь организация.

Троцкий. Заявление Мартынова в высшей степени странно. Если мы даже уничтожили организацию, то это не значит, что этим мы лишаем делегатов права голоса. Если бы съезд нашел, что в интересах Партии уничтожить Бакинский Комитет, например, для постановки хотя бы дела транспорта, то делегаты его, участвуя в этом решении, продолжали бы оставаться членами съезда. То же касается и Союза. Раз, по мнению Акимова и Мартынова, мы уничтожили организацию, то мы уничтожили ее

целиком, а не частично. И более последовательно было бы с их стороны уйти совершенно со съезда и являться только для утверждения протоколов. Заниматься же частичным самоубийством нелогично. Они заявляют, что не хотят участвовать в работах съезда т. е., желают остаться только объективными зрителями; такой роли на съезде нет.

Карский присоединяется к мнению Троцкого. Мартынов создает неестественное положение. На съезде упразднены, как отдельные группы, «Искра», Лига, группа «Освобожд. Труда», однако никто из представителей этих организаций не думает уходить.

Брукэр. Ленин неверно толковал постановление съезда. Принятое решение направлено прямо против Союза. Мое предложение о слиянии всех заграничных организаций в одну было отвергнуто всеми против двух. Я несогласен с Троцким, что логичнее было бы им совершенно уйти. Они этого не могут сделать, не желая лишить протокол законной силы.

Мартынов. Тем, что в общем уставе Партии было указано, что именно Лига есть единственная заграничная партийная организация, съезд достаточно ясно указал, что Союз перестал существовать. Здесь указывают на «Искру», Лигу, группу «Осв. Труда». Но «Искра» как не раз заявлялось, есть организация русская, а не заграничная. Лига признана съездом. Что же касается группы «Осв. Труда», то она, как организация, не существовала уже перед съездом и приглашена на съезд Орг. Ком. по историческим заслугам. Я согласен с тов. Троцким, что не может быть частичного убийства. Поэтому мы и не претендуем на исключительное право присутствовать на съезде, не участвуя в его работах. Если съезд находит это неестественным, мы немедленно удаляемся.

Акимов. Мне мало осталось добавить к словам Мартынова. После уничтожения Союза я не считаю возможным участвовать в работах съезда. Мы имеем право и обязаны выслушать и утвердить как протоколы, так и порядок их опубликования. Если съезду будет угодно, то мы будем присутствовать лишь при их чтении. В противном случае мы не исполнили бы тех обязанностей, которые на нас лежат, как на делегатах организации.

Мартов. Более, чем странно понимает Акимов задачи Партии. Если бы наш съезд был учредительный, договорный, тогда протоколы были бы обязательны только для тех организаций, делегаты которых участвовали в их утверждении. Но наш съезд очередной, а не учредительный, и протоколы его, утвержденные большинством, обязательны для всех. Или вы члены съезда, тогда вы должны участвовать во всех его работах, или вы не члены. — и тогда не можете оставаться на заседании. Утверждение, что принятие съездом устава лишает кого-нибудь из делегатов права голоса — неверно. «Искра» тоже, как отдельная организация, уничтожена, но я, как ее делегат, остаюсь на съезде. Порядок проведения в жизнь решений съезда еще не установлен, и только по окончании съезда поручено будет Ц. К. принять ту или другую меру для этого. Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они Партии и члены ли они съезда?

Акимов. Я должен ответить тов. Мартову. Мы не говорили, что мы не члены Партии, хотя с уничтожением нашей организации положение

наше в Партии становится неопределенным. Мы даже лишены возможности работать «под руководством одной из партийных организаций», как это требуется уставом. Мы не считаем возможным продолжать участвовать в работах съезда. Конечно, вы можете лишить нас права проконтролировать наши протоколы.

Троцкий (к порядку). Бунд ушел со съезда, не прочитав протоколов. Если мы дадим протоколы делегатам от Союза, то создадим нежелательный для Партии прецедент.

Мартынов указывает на то, что все данные здесь об'яснения были высказаны отдельными товарищами, а не съездом. Мы иначе толкуем решение съезда по поводу 13 пункта устава.

Плеханов. Споры основаны на сплошном недоразумении. Между принципиальным решением и вступлением этого решения в силу лежит известный период времени. Законную силу примет решение тогда, когда поручено будет ЦК ликвидировать дела Союза. Тогда же заслушают не только доклад, но и все, что потребует союз. Я так толкую принятое решение, и думаю, съезд присоединится ко мне. Вы, товарищи, не имеете основания думать, что утратили право присутствовать на съезде, и у вас нет оснований уходить. Неловкость будет устранена, если съезд согласится с моим толкованием.

Акимов. Часть нашего заявления касается прекращения Союза. Союз постановил безусловно подчиниться решению съезда, и для нас сам по себе факт закрытия не имеет никакого значения. Главный наш мотив—это исключительность по отношению к Союзу принятого решения. Не послушавши сторон, не дожидаясь очереди вопроса в порядке дня, распустили нашу организацию. Вот почему мы не можем продолжать оставаться на съезде. Если позволят, мы будем присутствовать при чтении протоколов.

Ленин. Что за нелепое и ненормальное положение здесь создается. С одной стороны, нам говорят, что подчиняются решениям съезда, а с другой—хотят из-за решения по поводу устава уйти. Явившись сюда, как делегат организации, признанной Орг. Ком., всякий из вас стал членом съезда. Никакое распускание организации не уничтожает этого титула. Как нам, бюро, поступить во время голосования? Не считать ушедших совсем,—нельзя, ибо съезд утвердил уже свой состав. Есть тут один логический вывод—совсем уйти из рядов Партии. Утвердить же протоколы можно—пригласив для этого специально и товарищей из Союза, хотя съезд в праве и без них утвердить свои протоколы.

Плеханов предлагает Акимову и Мартынову взять обратно внесенное заявление.

(Мартынов и Акимов уходят совещаться).

Брукер. Ленин неверно толкует решение съезда. Резолюцией тов. Рукова все остальные заграничные организации уничтожены, Лига только остается единственной организацией.

Ленин. В бюро поступила резолюция Мартова следующего содержания. (См. прим.) *).

*) Резолюция Мартова (не голосовалась): «Принимая во внимание, 1) что делегаты Бунда определенно заявили съезду, что их организационные предложения не

Посадовский предлагает заменить в резолюции Мартова слово «надеется» словом «убежден».

Егоров. В резолюции говорится о руководителях Бунда, но ведь они действовали согласно постановлению пятого съезда Бунда. Может быть, вина не в руководителях, а в самом Бунде. Не нам разбираться в этом. Мы здесь сами не руководители, а вся Партия.

Муравьев. Хотя тов. из Бунда заявили, что у них нет императивных мандатов, но в действительности это не так: они были связаны постановлением пятого съезда, о чем они нам не заявили.

Кольцов находит, что в резолюции могут остаться слова «руководители Бунда». Они все время заявляли, что их предложение не ультиматум, а оказалось наоборот.

Павлович предлагает заменить слова «руководители», словами «делегаты». Поступок делегатов юридически неправилен, и, может быть, организация Бунда найдет поступок своих представителей неверным шагом.

Южин предлагает резолюцию о Бунде отложить до представления делегатами Бунда мотивированного заявления об их выходе из Партии.

Попов. Те товарищи, которые говорили по поводу представления резолюции Мартова, останавливались исключительно, если не считать Егорова, на вопросе об ультиматуме: говорили о том, совершил ли ошибку Бунд или его делегация. По моему мнению, резолюция по поводу ухода Бунда должна обращать внимание совершенно не на эту мелочь. Уход Бунда — важный исторический момент в жизни Партии. Выступление Бунда будет иметь чрезвычайно важные последствия. Вот почему съезд должен обратить внимание на этот момент и, мне кажется, в своей резолюции мы должны выразить сожаление по поводу происшедшего выступления Бунда из Партии и уверенность в том, что Бунд не долго будет оставаться вне Партии и что движение еврейских рабочих вскоре снова сольется с общим движением пролетариата в одну Партию, — а не спорить о том, какую оплошность допустила делегация Бунда.

Троцкий. Присоединяюсь к мнению тов. Попова. Перед нами не юридическая фальшь, а определенный исторический факт. Поэтому мотивировка делегации Бунда ничего не может изменить в нашем понимании этого факта. Наша обязанность по отношению к еврейскому пролетариату выразить свое сожаление по поводу разрыва организационной связи еврейского и русского пролетариата; следовательно, нужно принять резолюцию, не дожидаясь мотивировки Бунда.

Большинством 30 голосов против 7 съезд принимает предложение Южина.

Акимов. Если съезд понимает § 13 не так, как мы, то пусть изменит формулировку своего постановления, и тогда мы не будем толковать его, как направленное специально против Союза.

являются ультиматумом, 2) что после того, как предложено, сделанное съезду товарищами из Бунда, было съездом отвергнуто, товарищи из Бунда ушли со съезда и заявили о выходе организации из Партии, — съезд констатирует с глубоким сожалением, что руководители Бунда совершили крупную политическую ошибку, разрушив партийную связь между частью еврейского пролетариата и остальным организованным пролетариатом России; в то же время съезд убежден, что эта ошибка Бунда не составит серьезного препятствия для дальнейших успехов российской социал-демократии.

Мартынов. Я хочу пояснить несколько слов тов. Акимова. Данные нам разъяснения не выяснили, было ли решение принципиальное или это была исключительная мера против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Тов. Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это исключительный закон против Союза и потому даже удалился из залы заседания.

Плеханов. Я не понимаю такой постановки вопроса. Резолюция гласит, что Лига будет впредь единственной заграничной организацией Партии. Какое может быть здесь оскорбление для Союза? Товарищи могут считать себя удовлетворенными данными объяснениями и взять назад свое заявление.

Брукэр. Союзу было нанесено оскорбление. Съезд признал своим решением все заграничные организации негодными, кроме Лиги.

Плеханов. Я допускаю, что решение могло быть неприятно представителям Союза, но оскорбления тут нет.

Мартынов. Когда обсуждался пункт 13, мы высказались против него, но оскорбления не усмотрели. Но потом была внесена специальная поправка, направленная против Союза. Это и есть специальное оскорбление для нас.

Мартов. Бюро дало свое объяснение, что оскорбления тут нет, и делегаты союза поступили бы всего логичнее и всего разумнее, если бы взяли свою резолюцию обратно и тем дали бы возможность съезду перейти к очередным делам.

Лядов. Здесь никакого вопроса нет; предлагаю прямо перейти к очередным делам.

Троцкий вносит резолюцию следующего содержания: «Съезд, находя, что тов. Мартынов и Акимов могут счесть себя вполне удовлетворенными разъяснениями, данными им президиумом, предлагает им взять назад свое заявление, что даст возможность съезду перейти к очередным делам».

Резолюция Троцкого принята большинством 32 голосов.

Брукэр для разъяснения инцидента с Союзом предлагает резолюцию, разъясняющую пункт устава и гласящую, что все заграничные организации сливаются в одну и принимают название Лиги.

Мартов отрицает за бюро право принять резолюцию.

Летин. Устава мы касаться не можем, но и отклонить резолюцию без обсуждения бюро не считаем себя вправе. Во всяком случае, право это принадлежит съезду.

Карский. Принятие новой резолюции уничтожает старую, вот почему мы не можем допустить постановку.

Мартов. Если мое определение неверно, то определение бюро тоже неверно. По поводу инцидента мы приняли резолюцию большинством 32 голосов, и нет необходимости в новой.

Постановка на обсуждение резолюции тов. Брукэр отклонена 26 головами против 7.

Плеханов вносит новую резолюцию по поводу инцидента, которая гласит: «Съезд, заявляя, что, когда он принимал § 13 устава, он отнюдь не руководствовался намерением оскорбить «Союз русских социал-демо-

кратов», приглашает представителей этой организации взять свое предложение назад и переходить к очередным делам».

Троцкий. Наша резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, и нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся.

Плеханов. Если товарищи усмотрели оскорбление, то почему бы съезду не рассеять это недоразумение?

Акимов. Здесь говорят об оскорблении на том только основании, что у моего товарища сорвалось это слово...

Плеханов. В таком случае беру назад свое предложение.

Акимов (продолжает). Здесь дело вовсе не в обидном положении. Меня, например, здесь называют оппортунистом; я лично считаю это слово бранным, оскорбительным и думаю, что я его совершенно не заслужил, однако, я против этого не протестую (Смех).

Плеханов. Беру назад свою резолюцию и извиняюсь, что предложил ее.

Мартынов. Слово «оскорбление» не вскользь брошено мною, я настаиваю на нем. Исключительное положение, принятое относительно Союза, есть безусловное оскорбление.

На предложение бюро взять назад свое заявление Акимов и Мартынов отвечают отказом.

Троцкий. По моему, делегатам Союза надо или взять обратно заявление, или иным путем дать съезду возможность продолжать занятия.

Ленин. Мы поставлены в ненормальное и безвыходное положение. Мы не можем дольше останавливаться на этом вопросе.

Акимов. Мы удаляемся со съезда.

(Голоса: Совершенно напрасно!).

Товарищи Акимов и Мартынов уходят ⁴³).

Ленин. На очереди шестой пункт порядка дня. Кто просит слова?

Русов. Перед нами стоит вопрос о районных и национальных организациях. С уходом Бунда, последних в Партии теперь нет. Остается вопрос о первых. Согласно формулировке соответствующего пункта общепартийного устава, тип этих организаций должен быть союз комитетов. Среди тех районов, где ведется работа Росс. Партии, Кавказ находится при обстоятельствах настолько исключительных, что учреждение районной организации является необходимым. Зачатки такой организации у нас есть, дальнейшее развитие будет зависеть от съезда. Я предлагаю поэтому товарищам при обсуждении вопроса о районных организациях принять во внимание и Кавказ. Типом этой организации там может быть союз уже существующих комитетов.

Посадовский. Для меня является большим вопросом, нужно ли устраивать союзы комитетов или отдельные комитеты для каждого данного района, как, например, существующий Сибирский Союз. Съезд должен высказаться, какой тип организации он предпочитает.

Карский. Тов. Посадовский не решил вопроса, а только поставил его. Вопрос этот сложный, и то или иное решение его зависит от того, где как дело сложилось. Там, где нет еще комитетов, я предложил бы устроить сперва союзы комитетов, и, по мере надобности, создавать местные комитеты. Но это невозможно применить там, где уже суще-

ствуется движение. Нужно исходить из того, что есть. На Кавказе была попытка объединения местных комитетов, и она отчасти удалась. Был учрежден союз, который начал работать. Но так как формировка его еще не закончена, то он не нашел возможным явиться представителем всего движения на съезде. Кавказ оторван от всей остальной России, и эта оторванность не уменьшилась с возникновением Орг. Ком., который не доставлял на Кавказ литературы. В силу необходимости агитации на туземных языках, необходимо установить на Кавказе центр, который руководил бы всем движением. ЦК может иметь там своего представителя. Необходимо дать союзу широкие полномочия, так как не всегда возможно с далекого севера прийти во время. Проект устава союза я представляю.

Панин. Здесь вопрос идет не об утверждении особых организаций, а о выяснении, нужны ли районные организации.

Ланге. Из примера нашего севера можно видеть, что в некоторых случаях районные организации бывают необходимы. Если принять во внимание сосредоточение всех главнейших фабричных центров на близком расстоянии друг от друга, если иметь в виду одинаковость промышленных условий и характер промышленности в районе Северного Рабочего Союза, отсутствие местных революционных сил и тому подобные трудности, которые делают почти невозможным поселение революционеров во многих фабричных городах и местечках севера, то станет ясно, почему местная работа не может идти без наличности местного революционного центра. Только такой центр, представляющий из себя сосредоточение лучших сил района, сил, распределенных по северу далеко неравномерно в одном-двух местах района, наиболее для того удобных, только такой центр и был в состоянии организовать планомерную работу на севере, снабжать отдельные социал-демократические и рабочие организации людьми, средствами, техникой, литературой и проч. Подобная централизация работы на севере создавалась не искусственно, а была вызвана самой жизнью. Первоначальными ее инициаторами явились местные революционеры, хорошо знакомые с условиями местной работы: они фиксировали только то, что существовало и раньше, лишь в хаотическом, неоформленном виде. Посредством подобной централизации сразу создана была возможность наладить дело и в таких местах, где оно до того времени не могло организоваться. Однако тип организации комитетов в союзы, примененный вначале существования Северного Рабоч. Союза, в дальнейшем оказался недостаточно целесообразным и практичным. Дальнейшая жизнь, особенно же после больших арестов 1902 г. по всему району, предшествовавших периоду расцвета дел на севере—показала, что при наличности тех организационных сил, которыми может располагать север, во многих очень важных пунктах (как Иваново, Шуя, Орехово, а отчасти даже и Кострома—в известные моменты) не могут существовать правоспособные комитеты. Это обстоятельство опять-таки навело на мысль фиксировать то, что создалось у нас в последний год работы, т. е. правильно организовать единый центр (Северный Комитет), поставив все остальные организации в положение районных организаций, уже лишенных характера комитетов. Таким образом, я хочу сказать, что во-первых, в известных случаях существование

районных организаций желательно, и во-вторых, что было бы нежелательно все районные организации приурочивать к какому-нибудь одному типу.

Русов (к порядку). Здесь поставлен принципиальный вопрос на обсуждение, допустимы ли вообще в Партии районные организации, и я предложил бы бюро просить ораторов не говорить об отдельных организациях.

Председатель. На очереди пункт о районных организациях.

Троицкий (к порядку). У нас есть пункт об утверждении организаций, куда входят и районные организации, теперь же стоит вопрос принципиальный.

Председатель. Мы обсуждаем шестой пункт порядка дня, и я не понимаю, чего хотят говорившие к порядку. По моему, все здесь говорили на тему.

Засулич. Нельзя обсуждать абстрактно этот вопрос, его можно решить только конкретно, в применении к каждой данной местности.

Костров. По вопросу о районных и национальных организациях я должен высказать следующее: существование подобных организаций необходимо для развития нашей Партии. Россия ведь велика, в нее входят обширные окраины, которые своим населением и культурными чертами резко отличаются от центра России. Нашему Центр. Комитету будет физически невозможно быть всюду, вникать во все местные дела, ориентироваться везде. Ему легче иметь дело с союзом комитетов, чем с многочисленными комитетами, действующими на разных языках. Учреждение таких союзов уже выдвинула жизнь, что видно из того, что они уже возникли в разных местах империи. Я не сторонник того, чтобы союзы непременно находились везде и всюду. Нет, я сторонник только того, чтобы союзы существовали в тех местах, которые по составу населения и национальным особенностям отличаются от собственно русских мест. Таковыми являются окраины. У нас на Кавказе мы имеем союз местных комитетов, известный под именем «Кавказский Союз». В его ведении находится не только общее руководство местным рабочим движением, но и создание литературы на грузинском, армянском, быть может, в скором времени и на татарском языках. Кто же сделает это для нас, если уничтожить Союз? Центральный Комитет? Но он этого не в состоянии исполнить, его члены не будут знать ни наших языков, ни нашей литературы, ни местных потребностей. Этого не могут сделать и наши местные комитеты порознь: во-первых, это будет дробление материальных и литературных сил, во-вторых, один не будет знать, что делает другой, и получится литературный хаос. Мы этого не желаем. Как русские социал-демократы имеют теперь свой центральный орган, так и мы желаем, чтобы грузины и армяне социал-демократы имели свои центральные органы. Таковые уже имеются и они находятся в руках «Союза». Признание этого союза неминуемо поведет к ослаблению наших сил и дезорганизации нашего движения.

Посадовский. Тов. Карский прав: я только поставил вопрос; теперь даю на него ответ. Предложение Русова относительно союзов комитетов непримлемо. Собрание делегатов от разных комитетов дает меньше гарантий того, что союз не зароется в мелкие интересы и не забудет из-за них более общих задач Партии. Каждый делегат будет стремиться только к

преуспеянию своего угла. Там, где Ц. К. может выполнить все функции, там районные организации не нужны. В местностях же, отдаленных или отличающихся специфическими условиями, необходимо назначать особые комитеты, которые приобщат данный район к общерусскому движению.

Русов. Не могу совершенно согласиться с аргументацией и выводами т. Посадовского, хотя исхожу из тех же основных соображений, как и он. Целью создания районных организаций должна быть широкая постановка дела агитации и пропаганды в местностях, поставленных в исключительное положение, но при этом мы должны стремиться создать такой тип, который не мог бы выродиться ни в сепаратистскую, ни в кустарническую местную организацию. То, что предлагает Посадовский, опасно тем, что строгая централизация в районе создает крупную силу в лице районного комитета, силу компактную, в которой сепаратистские стремления будут куда сильнее, чем в союзе комитетов, который распустить в крайнем случае ничего не будет стоить для Ц. К. Далее, я стоял бы за то, чтобы на каждом партийном съезде были представлены отдельные комитеты районных организаций с целью ознакомления со всеми течениями внутри этой организации. Если бы это было выполнено относительно Бунда, то мы теперь узнали бы соотношение различных течений в Бунде, а не имели бы все время на съезде единую организованную силу. Вот почему, исходя из тех же соображений, как и тов. Посадовский, я прихожу к совершенно противоположному выводу. Что же касается тех районов, где по техническим соображениям нельзя создать союза комитетов, как например, район Северного Союза, Урал, Горнозаводский район, то в сущности речь там идет не о районных организациях, а только о комитетах Партии, работающих в ряде прилегающих друг к другу фабричных местечек.

Костич. Существует, как здесь выяснилось, два типа союзов. Один тип, как Северный Союз, Союз горнозаводских рабочих, отчасти Крымский, представляют собою скорее один комитет, один центр, который руководит движением в обширном районе, состоящем из незначительных городов, местечек, сел с значительным рабочим населением, причем эти города и поселения не выдвигают и не могут выдвинуть самостоятельных центров. Этот тип районных организаций очень близко подходит к типу местного комитета и о нем здесь нечего распространяться.

Другой же тип, как Кавказский союз, составляет союз ряда местных комитетов, вполне самостоятельно руководящих местным движением, и здесь создание особого руководительного центра, кроме Ц. К., является совершенно излишним. Постольку же, поскольку у всех этих комитетов есть общие технические и агитационные задачи, т. е. общие особенные условия языка и быта, содержание должен определять посредством агитур Ц. К., а для их выполнения эти комитеты могут создать общую группу без функций руководства движением. Таким образом, предложение Посадовского приемлемо для районных организаций первого рода, а тов. Горина — для союза комитетов.

Горин. Вопрос нужно ставить прежде всего принципиально: нужны ли областные организации, а не исходить из существующих организаций, как это предлагает тов. Засулич. Существующие организации возникли, как суррогат Центр. Ком., в момент партийного разброда. Вообще говоря,

областные организации есть зло, которое можно терпеть до поры до времени, так как невозможно сразу произвести коренной ломки. Областные организации должны составлять только агентуру Ц. К., а не быть делегируемыми местными комитетами. Временно можно предоставить некоторую автономию этим агентурам. Говорившие здесь исходили из страха уничтожения организаций. Кавказский союз существует не как зародыш, а как реальный факт. Он только не оформлен окончательно.

Львов. С уходом Бунда вопрос этот, к сожалению, потерял свою остроту. Нельзя подвести под общий шаблон все районные организации. Между городами Кавказа, Донецким бассейном и Уралом существует большая разница. В Сибири и на Кавказе, быть может, возможно существование союзов и выборного начала. Там существуют крупные города с интеллигенцией и массой рабочих. В таких медвежьих углах, как наш Донецкий бассейн, все должно быть построено сверху и сконцентрировано в одном ядре. Наша организация так и возникла: сперва центр, а потом периферия. Резолюцию тов. Посадовского нельзя применить ко всем районам, а только к таким, как Урал, Владимирский текстильный район, Донецкий бассейн.

Карский. Тов. Горин, как человек радикального образа мыслей, все с плеча рубит. Он говорит, что районные организации—зло, но если это зло, то в борьбе со злом мы не уступим тов. Горину. Но это не зло, а логическое развитие нашего движения...

Горин (прерывает). При ненормальных условиях.

Карский (продолжает). При ненормальной логике. У нас имеется ряд условий, которые мешают Ц. К. вести плодотворную работу: 1) язык, 2) отдаленность, 3) своеобразный склад жизни. Как Ц. К. может организовать агитацию на грузинском языке? Для этого нужно знать язык, всю литературу, понимать психологию народа. Уничтожить одним росчерком пера Союз Кавказских комитетов—это, не хочу выражаться резко, недоразумение. Что касается техники, то это верно только отчасти. Иметь центральную технику полезно и выгодно, но задачи Союза не в этом. Он должен руководить движением всего района. На месте должен быть свой центр, но подчиненный Ц. К. Термин «агентура» не подходит, но и против него я ничего не имею. (Читает свое предложение, которое вносится в бюро).

Список ораторов закрыт.

Ланге. Само собой разумеется, что принципиально совершенно нежелательно существование каких-либо посредствующих звеньев между отдельными комитетами и Центральным Комитетом. Это сроднение может фиксировать и поддерживать в каком-нибудь союзе различные националистические и вообще программные ереси. Но пока у нас не будет сильного Центрального Комитета, который мог бы сам организовать дело в каждом более или менее важном пункте и правильно с ним сноситься и удовлетворять все нужды, до тех пор декретами упразднить союзы и нельзя, и нежелательно. Что касается отрицательных сторон союзов, то до некоторой степени они могут быть ослаблены тем местом устава, по которому все организации имеют право сноситься с Ц. К. и Ц. О. непосредственно, и правом Ц. К. в известных случаях распускать организации

(т. е. и союзы). Свою резолюцию, формулирующую мою мысль, я вношу в бюро.

Егоров. После ухода Бунда один из уважаемых товарищей выразился в том смысле, что мы совершили очень серьезную операцию—мы вырезали рак, но тут же он спохватился и прибавил, что рак дает рецидив. Да, рак дает рецидив. Но я не ожидал, что нам придется так скоро иметь дело с рецидивом, и даже не с рецидивом, а с настоящим зародышем рака. Если вы выикнете в аргументацию кавказских товарищей, то вы услышите те же мелодии, которые вам пели товарищи из Бунда: и особенности социального строя, места, национальности, языка, и необходимость борьбы с националистическими течениями. Caveant consules! Если кавказские товарищи говорят теперь так скромно и тихо, то это объясняется тем, что по своей силе и организованности они еще младенцы в сравнении с Бундом. Дайте им вырасти—и вы увидите перед собой если не настоящий Бунд, то по крайней мере «Бундик». Повторяю, будьте осторожны, товарищи! Хочу прибавить фактическую поправку. Здесь говорят о том, что Кавказский Союз—факт. Как член бывшего Орган. Комитета, я утверждаю, что кавказские товарищи официально заявили Орг. Ком., что союз не существует; в противном случае Кавказ получил бы два, а не шесть голосов.

Русов. Я прошу прежде всего у собрания извинения, что я опять принужден говорить о кавказском движении, хотя здесь уже достаточно было сказано. Вызвала меня на это речь тов. Егорова. Он предостерегает нас всех от появившихся признаков нарождающегося нового бундизма. Проанализируем это. Прежде всего, тов. Егоров, Бунд есть национальная организация, а Кавказский Союз—районная организация, союз комитетов. Это—две вещи совершенно разные. Далее, необходимость существования этой организации, как не раз указывалось за все время работ съезда, особенно во время полемики с Бундом, оправдывается не желанием особого представительства окраинного пролетариата перед Партией, а исключительно агитационно-организационными особенностями местного движения. Смешать это с бундизмом могут только те, для которых не совсем ясно, какой вопрос выставил Бунд. Я еще раз укажу на то, зачем нам нужна районная организация. Как вы думаете, тов. Егоров, нужно ли дать литературу на доступном языке рабочим грузинам, армянам, татарам для чтения и усвоения принципов нашей Партии? Нужна ли для них периодическая пресса, вводящая их в сферу общероссийской пролетарской борьбы и знакомящая со всем нашим движением? Конечно, нужна. Но возьмет ли редакция нашего Центр. Органа или Центр. Комитет эту работу на себя? Если возьмет, то, конечно, особой организации для этого не надо. Но, я думаю, пока этого они не могут взять на себя. Может, возьмут они на себя широкое освещение местной жизни или, что еще важнее, широкую борьбу с различными местными националистическими течениями? Я опять говорю, что они этого не могут, и для этого предлагаю учредить союз непосредственно заинтересованных в этом комитетов. Может, тов. Егоров захочет, чтобы каждый отдельный комитет делал необходимое для своей агитации? Тогда, товарищи, вместо того, чтобы идти вперед, мы будем тащиться назад. Мы опять вернемся к пережитому вустарничеству, к трате

сим на местное производство того, что с большей производительностью может делаться крупной коллегией. Вот каковы, тов. Егоров, наши мотивы; если и после этого вы усматриваете бундизм, тогда вы просто одержимы манией преследования. Что же касается предложения тов. Горина об агентуре, то я думаю, что постольку, поскольку всякий местный комитет является агентом Ц. К., постольку и Союзный комитет есть агент Ц. К.

Костров. Тов. Егоров в защите Кавказского Союза усматривает нового рода бундизм. Очевидно, он не знаком ни с нашим краем, ни с нашими комитетами. Во-первых, у нас нет национальной организации, а есть общекавказская, куда входят грузины, армяне и другие нации Кавказа. Этим мы коренным образом отличаемся от Бунда, который только ведает еврейский пролетариат, а остальных знать не хочет. Во-вторых, мы занимаем вполне определенную территорию, резко отличающуюся по своим бытовым особенностям от России и требующую особенной деятельности. Если Егоров и другие русские товарищи думают, что они лучше могут действовать у нас, чем мы и наши кавказские товарищи, — милости просим, двери открыты, мы предоставим им поле деятельности. Но на лице тов. Егорова я уже замечаю удивление, откуда заключаю, что он и не думает и не может этого сделать. Тов. Посадовский сказал, что организации районных союзов нужно вывести из сферы местных интересов и ввести в общепартийные. Это, по моему мнению, нелепы и нежелательно: нелепы потому, что местные вопросы необходимо вызывают движение и тем сливаются с общепартийным движением; местная стачка наталкивает рабочих на общеполитический путь борьбы; нежелательно потому, что подобные организации будут беспочвенны, это — здание, воздвигнутое на песке, и, следовательно, оно поведет к ослаблению всей Партии. Потоки всех местных движений сливаются и образуют ту могучую Партию, которая нас поведет к победе.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

(Присутствует 36 делег. с 44 мандатами и 11 лиц с совещ. гол.)

Читается протокол 17-го заседания.

Плеханов (по поводу протокола) раз'ясняет, что его предложение (принять первоначальную редакцию пункта шестого общеполитических требований программы и отложить остальную часть, касающуюся равноправия языков, до следующего с'езда, в виду очевидной невыясненности этого вопроса для большинства участников с'езда) неверно истолковано. Он вовсе не предполагал, что весь этот вопрос не выяснен вообще для Партии и не мог этого предполагать хотя бы потому, что, участвуя сам в выработке проекта программы считал его вполне выясненным для себя и для тех, кто участвовал в редактировании всего проекта. Он полагал только, основываясь на тех затруднениях, которые испытывал с'езд при голосовании всего пункта в целом, что для большинства с'езда этот вопрос недостаточно выяснен и потому необходимо его предварительно осветить в прессе.

Егоров по этому поводу замечает, что он лично ничего не имеет против объяснений, даваемых теперь тов. Плехановым, но должен заметить, что во время самого заседания, когда тов. Плеханов внес свое предложение, его никто так не понял, да и сам Плеханов не придавал ему в то время такого значения.

Плеханов замечает, что он, конечно, лучше знает, в каком духе он мотивировал свою резолюцию, и что он пользуется теперь лишь правом дать свое раз'яснение.

Егоров указывает, что при отсутствии стенографических протоколов невозможно восстанавливать действительный смысл сказанных ораторами речей. Своими замечаниями он хотел только подчеркнуть, что во время самого заседания смысл предложения Плеханова имел совершенно иной оттенок, оттенок какой-то иронии (Плеханов: «совершенно верно!»), отчего и колорит всего заседания получился особый.

Затем читается и после некоторых поправок утверждается протокол 20-го заседания.

С'езд переходит к голосованию резолюций относительно районных организаций.

Отвергаются резолюции Ланге, Посадовского, Кольцова и Горина *).

*) Резолюция Ланге: «С'езд, высказываясь принципиально против соединения комитетов в союзы, в некоторых случаях, однако, допускает их существование.

Принята резолюция Карского *) большинством 28 голосов против 2 при 7 воздержаниях.

Поправки к этой резолюции: Муравьева **), Павловича (вставить слова: «как... так и в виде единых районных организаций») и Кострова (заменить слово «допустимых» словом «желательных») — все отклонены.

Затем съезд переходит к следующему пункту порядка дня, т. е. к вопросу об отдельных организациях Партии.

Товарищ председателя Ленин разъясняет, что в этом пункте порядка дня имеется в виду обсудить как общий вопрос о всех организациях, могущих стоять вне утвержденного уже устава организации Партии. так и, в частности, о каждой из существующих теперь организаций.

После этого бюро спрашивает, берет ли кто по этому вопросу слово. Желающих не находится.

Костич (к порядку). Предлагаю обсудить вопрос о популярном органе.

Русов. Вопрос о популярном органе и вопрос, поставленный в порядке дня, не имеют ничего общего между собой. Предлагаю обсудить участь тех групп, которые стоят вне Партии, и распустить их.

Мартов. От имени организации «Искры» заявляю, что могу избавить от труда распустить ее. После утверждения организационного устава Партии и признания «Искры» партийным органом, организация «Искра» перестала существовать, как таковая.

Троцкий предлагает дебатировать вопрос о «Южном Рабочем».

Случаи эти обуславливаются, с одной стороны, слабым функционированием Центрального Комитета в некоторых местах (окраины, фабрично-заводские местности, без значительных городских центров и проч.), с другой — невозможностью без такого соединения правильно организовать работу. — Выработка устава районной организации предоставляется последней совместно с Ц. К..

Резолюция Посадовского: «Из двух существующих типов союзных организаций: 1) типа союза комитетов, причем в центре стоит избираемая комитетом организация и 2) типа союзной организации, независимой от местных организаций, а напротив, направляющей и регулирующей их работу, съезд высказывается за второй тип, так как такой тип организации непосредственно вытекает из той функции, какую эта союзная организация должна выполнять, — именно, связывать местную работу с работой общерусской, не давая ей замыкаться в местные задачи. Для этого союзная организация не должна вырастать из местных организаций».

Резолюция Кольцова: «Съезд признает допустимым образование районных организаций. Тип этих организаций устанавливается местными организациями по соглашению с Центральным Комитетом».

Резолюция Горина: «Центральным Комитетом в случае нужды учреждаются областные агентства. Состав их комплектуется Центральным Комитетом по возможности из местных и пользующихся доверием комитетов сил. Часть этой работы по созданию областных комитетов может быть передана Центральным Комитетом комитетам местным».

*) Резолюция Карского и Кострова: «Съезд признает допустимым учреждение районных организаций в виде союзов и комитетов в тех областях России, которые отличаются крупными особенностями в отношении языка, состава населения и т. п. Утверждение устава таких организаций поручается Центральному Комитету Партии.»

**) Резолюция Муравьева. «Высказываясь принципиально против союзов комитетов, съезд допускает однако учреждение районных организаций и т. д. (см. резолюцию Карского).

Белов предлагает рассматривать каждую организацию отдельно.

Председатель указывает, что предложения Троцкого и Белова совпадают, так как они оба сводятся к рассмотрению каждой организации.

Белов предлагает, чтобы по отношению к каждой организации была принята особая резолюция, причем указывает на группу «Освобождение Труда», «Союз» и проч.

Дейч заявляет, что на съезде участвовала группа «Освобождение Труда», но ей предоставлены два голоса только в виду исторических заслуг перед Партией. Сама же эта группа соединилась с «Лигой» и как отдельная организация больше не существует.

Дейч вносит по этому поводу письменное заявление, которое гласит: группа «Освобождение Труда», как таковая, растворяется в партийной организации.

Посадовский. Так как Сибирский Союз представляет тип такого союза, который предусматривался поправкой Павловича, отвергнутой во время голосования, то необходимо, чтобы съезд конкретно высказался о Сибирском Союзе.

Ланге. По смыслу принятой съездом резолюции вовсе не видно, чтобы не имели право на существование комитеты, распространяющие свою деятельность больше, чем на одну губ. Район деятельности комитета не определен уставом, и потому Сибирский Союз вовсе не уничтожается, а подводится под тип обыкновенного комитета.

Ленин. Это не к делу.

Ланге. Я отвечал Посадовскому.

Брукер. Я полагаю, что мы должны дать резолюцию общего характера, а не частные о той или иной организации. Я слышал о многих организациях, не представляющих тип комитета, но подробных сведений не имею. Полагаю, что существует много организаций, о которых здесь никто не знает, и необходимо высказать лишь общее мнение съезда по поводу организаций, не вошедших в организацию Партии.

Председатель. Одно другого не исключает. Об одних можно высказаться принципиально, о других, известных участникам съезда, по каждой в отдельности.

Карский. Необходимо выработать список всех организаций, подлежащих утверждению или распусшению. На Кавказе существует союз комитетов, издающий орган и пр. Необходимо его санкционировать.

Горин. Не понимаю, как мы можем отнестись к той или иной организации, когда мы не знаем еще общего принципа, которым мы должны руководствоваться.

Председатель. Раз мы приняли общий устав Партии, то тем самым мы приняли общий принцип. Все организации, о которых мы хотели говорить, возникли именно благодаря отсутствию организации Партии. Теперь мы приняли тип организации, тем самым мы высказали общее наше решение.

Карский. Организации, о которых я говорю, обслуживают местные нужды. Если Горин не желает санкционировать их, каждую в отдельности, то этим он скажет, что эти организации не должны существовать в пределах Партии.

Русов. Ясно, что вопрос идет об организациях, которые не входят в иерархию Партии. Нельзя же говорить о каждой организации отдельно. *Лядов* вносит свою резолюцию и читает ее.

Гусев. Резолюция *Лядова* касается организаций, имеющих в России, у нас же речь идет об организациях за границей. Я думаю, у нас найдется довольно группы (Борьба, Воля, Жизнь и т. под.), о которых съезду необходимо высказаться.

Тов. председателя Ленин. В бюро поступил список организаций, составленный тов. *Фоминным* (читает этот список).

Муравьев. О какой «Воле» идет речь в списке? Следует точно обозначить ее название.

Махов указывает, что в списке пропущена «Свобода».

Лядов поддерживает предложение *Махова*, т. к. уже включили «Волю» и проч.

Орлов. Незачем выносить резолюцию о «Воле» и пр. Ведь они не ставят в заголовке Р.С.-Д.Р.П.

Тов. председ. Ленин. Некоторые ставят.

Мартов. Ставят или не ставят—это не важно. Необходимо составить резолюцию о всех тех организациях, относительно которых это важно.

Костров предлагает ввести в список газету на армянском и грузинском языках «Борьба пролетариата» и др.

Лядов предлагает включить в список П. П. С., Бунд, Союз латышских С.-Д.

Карский. Вопрос идет об организациях, входящих в Партию. Указанные *Лядовым* не входят.

Лядов. Во всяком случае, я настаиваю на включении Бунда.

Горин. Предлагаю не включать ред. «Борьба Пролетариата», ибо такой организации нет. Эта газета издается Кавказским Союзом, и ее издатели отдельной организации не составляют.

Карский. Тов. *Горин* был на Кавказе несколько дней и постоянно, когда хочет выступать в качестве компетентного лица, говорит не соответствующее положению дела. Настаиваю на необходимости включить редакцию «Борьба Пролетариата».

Кольцов. Неудобно вести прения в таком духе обо всех организациях поспешно. Мы разбиваемся на частности и никогда так не кончим.

Горин. Я не отрицал существования изданий, о которых говорили *Костров* и *Карский*. Я указывал только, что они издавались от имени Союза.

Мартов. Следует поручить Ц. К. разобрать по существу кавказское дело: три ли там организации, или нет ни одной. Мы тут ничего не можем разобрать из слов кавказских делегатов. Теперь же я предлагаю резолюцию о группе «Борьба» (читает ее). Я не согласен, чтобы к группе «Борьба» и к группам *Куклина* и «Воля» была применена общая резолюция. У одной есть принципы, хотя и недостаточно зрелые, у других—полное отсутствие принципов: с некоторыми у нас есть принципиальное различие.

Плеханов. Отсутствие принципов есть тоже принципиальное разногласие с нами.

Мартов. Отсутствие принципов, незрелость принципиальная и принципиальное различие, дело совсем другого рода.

Карский. Никаких трех организаций на Кавказе нет. Существует лишь организация, которая должна издавать на трех языках.

Русов. Вопрос об армянской, грузинской и проч. литературе тесно связан с вопросом о районных организациях. Эти организации и будут издавать все, что необходимо.

Мартов предлагает особую резолюцию о Кавказе.

Русов. Принимать резолюцию по каждому частному случаю совершенно излишне, раз существует общая резолюция.

Горин. Я предлагаю вычеркнуть вообще из списка Кавказскую организацию.

Карский. Нельзя вычеркнуть то, чего нет.

Костров. Здесь нет речи о кавказских комитетах, речь идет о редакции «Борьба Пролетариата», и ее необходимо включить в список.

Ленский вносит резолюцию о прекращении прений о Кавказе—Союзе и редакции.

Ленин предлагает перерыв, чтобы дать время составить резолюции.

Мартов настаивает на баллотировке своей резолюции о группе «Борьба».

Павлович предлагает дело распускания всех организаций, какие будет необходимо распустить, поручить Ц. К.

Муравьев предлагает весь вопрос сдать в комиссию и настаивает на немедленной баллотировке своего предложения.

(Баллотируется и огромным большинством отклоняется предложение Муравьева).

Белов настаивает на том, чтобы общая резолюция не включала «Южного Рабочего», так как нельзя сравнивать комитеты и подобные им организации с группой «Южный Рабочий».

Товарищ председателя Ленин читает резолюцию Кольцова.

Тядов после этого берет свою обратно.

Костров. Резолюция Кольцова противоречит резолюции, уже принятой о районных организациях.

Белов. Одни требуют общей резолюции о всех организациях, другие—отдельно о каждой. Необходимо решить предварительно этот вопрос.

Председатель Плеханов. Бюро принимает во внимание ваше замечание и обращается к съезду за решением этого вопроса.

Белов предлагает составить отдельную резолюцию о каждой организации.

Председатель Плеханов. Ставлю предложение тов. Белова на голоса. Большинство высказывается за нее, но голоса не подсчитываются.

Тов. председ. Ленин. Товарищ Белов предлагает отвергнуть резолюцию Кольцова.

Белов протестует.

Ленин. Итак, мы ставим на голоса предложение Белова.

Белов. Оно уже принято.

Ленин. Голоса не считались. Вы не внесли своего предложения письменно. Прошу вас сделать это.

Белов вносит письменную резолюцию.

Ленин читает ее и указывает, что резолюция совершенно неопределенна и что при такой формулировке можно голосовать за нее и сторонникам резолюции Кольцова. Предлагает поэтому Белову исправить ее в более определенном духе.

Фомин. Съезд может высказаться за принятие общей резолюции и затем приступить к рассмотрению частных.

Егоров указывает, что в порядке дня ничего не говорится о том, что съезд даст инструкции, как поступать Ц. К.; что порядок дня имел в виду не выработку инструкций Ц. К., а определение своего отношения к отдельным организациям. Между тем предлагаемая резолюция более похожа на инструкцию Ц. К.

Кольцов. Всякий вопрос требует прежде всего общей резолюции, частное же решение можно вынести впоследствии.

Ланге. Резолюция Кольцова не охватывает таких организаций, как рижская и проч., которые не желают присоединиться к местным комитетам. Необходимо принять какую-нибудь общую резолюцию, но потом необходимо рассмотреть и в отдельности.

Егоров. Раз в порядок дня внесен вопрос об утверждении существующих организаций, то незачем откладывать утверждение этих организаций и поручать это Ц. К.

Мартов. Прения приняли совершенно хаотический характер. Мы говорим уже два часа, сначала спорили о существовании организации на Кавказе, потом рассуждали о моих резолюциях, теперь опять всякий говорит о чем придется. Так вести прений нельзя.

Секретари заявляют, что при мелких замечаниях и хаотичности всех дебатов почти невозможно вести протоколов ⁴⁹⁾.

Фомин. Дело основано на недоразумении. Общая резолюция не исключает обязательного отношения съезда к тем организациям, которые считаются существующими теперь. Мы предлагали вотировать принципиальную резолюцию к пункту 8 порядка дня, а затем приступим к обсуждению вопроса об отдельных организациях.

Иванов. Как понимать пункт 8 порядка дня?

Ленин разъясняет, что порядок дня предусматривает как общие резолюции, и резолюции об отдельных организациях, стоящих вне партийной организации. Приняв или отвергнув резолюцию Кольцова, съезд может затем перейти к рассмотрению отдельных организаций по имеющемуся в бюро списку. Возражения тов. Егорова несостоятельны.

Егоров. Если тов. Кольцов согласен с разъяснениями тов. Ленина, я считаю вопрос исчерпанным.

Голосуются резолюция Кольцова *) и принимается всеми голосами, при двух воздержавшихся.

*) Резолюция Кольцова: «По отношению к местным организациям съезд признает необходимым существование лишь одной руководящей организации в центрах деятельности Партии и поручает центральному Комитету принять меры к установлению такого единства. Что же касается не-местных организаций—военной, издательских и т. п., то существование таких организаций съезд признает возможным под условием утверждения их Центр. Ком. Партии».

Резолюция Ланге *) отвергается. Затем съезд переходит к обсуждению резолюций по отношению к отдельным организациям.

Резолюция Мартова о группе «Борьба» **) принята всеми голосами против одного, при одном воздержавшемся.

Далее следует резолюция о «Союзе русских соц.-дем. заграничей».

Русов. Принять ту же резолюцию Мартова, заменив в ней слово «Борьба» словом «Союз».

Мартов. Я не согласен. Нельзя сравнивать «Борьбу» с «Союзом». «Союз» есть организация, утвержденная первым съездом. Кроме того «Союз» — не литературная группа, каковой является группа «Борьба».

Плеханов вносит резолюцию о «Союзе» ***) каковая и принимается (всеми голосами при 2 воздержавшихся) после замены слов «перестал существовать» словами «считается распущенным».

(Заседание закрывается).

*) Резолюция Ланге: «Относительно так называемых социал-демократических групп (неоформленные комитеты), существующих в отдельных городах, где нет комитетов Партии, съезд предлагает Центральному Комитету принять меры к тому, чтобы все такие организации или оформили свое существование, объявив себя комитетами Партии, или же, если последнее почему-либо невозможно, все же вошли бы в Партию на условиях, определенных по соглашению с Центральными Комитетами».

**) Резолюция Мартова: «Принимая во внимание, что литературная группа «Борьба» причисляет себя к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и выразила свое намерение подчиниться решениям партийного съезда, съезд поручает Центральному Комитету обратиться к группе «Борьба» с предложением о распадении ее организации, как таковой, в отдельном существовании которой не представляется необходимости, и о вступлении ее членов в какую-либо из партийных организаций».

***) Резолюция Плеханова: «Союз русских социал-демократов заграничей объявляется распущенным. Его члены приглашаются войти в одну из организаций, утвержденных Партией».

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТОЕ.

(Присутствует 36 делегатов с 44 мандатами и 11 лиц с совещательным голосом).

Голосуются резолюция Мартова о группе издательства Куклина⁵⁰⁾, бывшая «Жизнь», и о группе «Воля» *). Резолюция принята всеми при 2 воздержавшихся.

Председатель. На очереди стоит вопрос о группе «Южный Рабочий».

Гусев предлагает тов. из «Южного Рабочего» высказаться.

Попов. Когда речь шла о других организациях, их никто не заставлял высказываться. Впрочем, о них у с'езда и без того было достаточно материала, чтобы судить о возможности и необходимости их распускания. О группе «Южный Рабочий» с'езд также достаточно осведомлен,—мы своевременно представили доклад. Все зависит теперь только от с'езда, и я не понимаю, чего от нас хотят.

Гусев. «Южный Рабочий» выполнял две функции: литературную и техническую (доставка литературы и т. под.). Поскольку речь идет о его литературной роли, следовало бы, быть может, перенести этот вопрос в пункт о прессе; поскольку же речь идет о технической стороне дела, то с возникновением Центрального Комитета существование группы «Южный Рабочий» представляется излишним. Все-таки, быть может, лучше предоставить этот вопрос Центральному Комитету.

Егоров. С'езд нашел нужным высказаться по отношению ко всем другим группам, которые также выполняли различные функции. Почему для нас делают исключение? С'езд должен решительно заявить свое мнение.

*) Резолюция Мартова: «Принимая во внимание: а) что группа издательства Куклина (бывшая «Жизнь») не причисляет себя к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и ни в каких организационных отношениях к организациям Партии не состоит и что представленный ею проект социал-демократической программы предлагается ею для (какой-то) неизвестной с'езду, «русской социал-демократической партии»; б) что группа «Революционной соц.-дем. организации «Воля» равным образом к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии себя не причисляет и ставит, как видно из ее манифеста, своей целью объединение социал-демократов с социалистами-революционерами,—с'езд констатирует, что обе названные организации в состав Партии не входят и ничего общего с организованной российской социал-демократией не имеют. Вопрос о дальнейшем отношении этих групп к Партии подлежит ведению Центрального Комитета Партии, если таковые группы к нему обратятся».

Лядов. Нельзя смешивать те группы с «Южным Рабочим». Тех здесь не было, «Южный Рабочий» налицо, участвовал в дебатах, т. е. обязался подчиниться Центральному Комитету. Этот вопрос должен быть отнесен к пункту о партийной литературе.

Костич. Я уже поднимал вопрос о тесной связи вопроса о «Южном Рабочем» с вопросом о популярном органе. «Южный Рабочий» был таким для всей России. Его читали и распространяли в большом количестве не только на Юге, но и в центральной России и повсюду. Я предлагаю отвести этот вопрос к пункту о партийной литературе.

Егоров. Который обсуждаться не будет!

Председатель. Вы неверно толкуете нашу вчерашнюю резолюцию. Этот вопрос может обсуждаться, если только этого пожелают десять человек.

Муравьев. Эти вопросы совершенно не связаны: вопрос о популярной литературе один, а вопрос о «Южном Рабочем», как технической группе, — другой. Когда группа «Искры» оказалась распущенной, здесь не возникало никаких сомнений. Точно так же должно быть и с «Южным Рабочим».

Костич вносит предложение поставить на обсуждение вопрос о популярном органе.

Председатель (Ленин). Это предложение не может быть принято без подписи десяти человек.

Илеханов. Резолюция, принятая вчера, исключает возможность обсуждения этого вопроса.

Егоров. Мы просим разрешить этот вопрос немедленно: «да» или «нет». Перенесение его в пункт о «прессе» устраняет его совершенно из обсуждения.

Орлов. «Южный Рабочий» выполнял две функции. Практически работа его сводилась к объединению Партии. «Южный Рабочий» энергично содействовал Организационному Комитету в его подготовительных работах. В виду же учреждения Центрального Органа и Центрального Комитета функции эти стали совершенно излишними. Что касается до литературных функций «Южного Рабочего», то сотрудничество членов этой группы в «Искре» будет очень плодотворно.

Предлагает резолюцию *).

Председатель. Мы имеем две резолюции; которую ставить на обсуждение?

Лядов. Предложение тов. Костица неуместно. Вопрос о популярном органе должен быть отложен.

*) Резолюция Орлова: «Отмечая плодотворную литературную и организационную деятельность группы «Южный Рабочий» на пользу объединения и восстановления Партии, выражая, далее, уверенность, что тот принципиальный и организационный хаос, который столько времени развращал Российскую социал-демократию, с назначением высших партийных учреждений получит свой конец, и признавая, что при данном положении партийных сил существование двух общерусских партийных органов представляется нежелательным, — второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии находит дальнейшее существование группы «Южный Рабочий», как коллективного целого, излишним, объявляет ее распущенной и предлагает членам ее войти в соответствующие партийные организации».

Председатель предлагает поставить резолюцию Костица на голоса, просить группу «Южный Рабочий» высказать свои виды на будущее, чтобы уладить дело к обоюдному удовольствию.

Попов. Повторяю: если съезд находит нужным существование «Южного Рабочего», мы продолжим его издание, в противном случае—нет. Доклад свой мы прочли; кроме того, многие организации были с нами в самых оживленных отношениях и знают нас прекрасно. Съезд имеет вполне достаточно материала для решения вопроса. Относительно «Союза», «Борьбы» и др. съезд уже высказался решительно и определенно. То же остается сделать относительно нас.

Егоров. Хотя все мы по одиночке составляем единую Партию, но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, как с историческими величинами. Они могут или разойтись, или остаться. Но если подобная организация не вредна Партии, то ее не к чему распускать. «Искра» сочла необходимым себя распустить, «Южный Рабочий» этого не находит нужным. Повторяю, этот вопрос не к чему связывать с популярным органом.

Гусев. Вопрос не в том, чтобы распустить «Южный Рабочий», признать его вредным и т. под. Все уже достаточно говорили, что «Южный Рабочий» был очень полезен. «Искра» была еще более полезна, однако, она сочла нужным объявить себя распущенной, раствориться в Партии. Того же мы ожидали и от «Южного Рабочего».

Русов. Следует ответить прямо на вопрос тов. Егорова. «Южный Рабочий» совершенно определенно заявил в свое время о полной солидарности с «Искрой». Поэтому вопрос о «Южном Рабочем» немного щекотливее. Но нужно говорить прямо. Вопрос вот в чем: нужны ли нам, кроме партийного органа, другие местные органы, вроде «Рабочей Мысли», «Южного Рабочего», «Наше Дело», не сравнивая их качественно? Я вообще против существования местных органов. «Южный Рабочий» излишен, как и «Рабочая Мысль», «Наше Дело».

Егоров. Это ложь! Нельзя ставить на одну доску «Южный Рабочий» с «Рабочей Мыслью».

Председатель. Я не позволю вам так выражаться. Возьмите свои слова назад.

Русов. Я совершенно и не думал ставить «Южный Рабочий» на одну доску с «Рабочей Мыслью». Я хотел сказать иное.

(В зале заседания всеобщее волнение и крики: К порядку! Возьмите свои слова обратно! Председатель звонит).

Егоров. Хорошо! После данных Русовым объяснений я готов взять свои слова обратно.

Русов продолжает. Все наличные партийные силы должны быть направлены на партийный орган. Все непартийные и местные органы излишни. Другое дело еврейские, армявские, грузинские местные издания, без них обойтись невозможно. «Южный Рабочий» был очень полезен, но здесь незачем считаться с партийными симпатиями.

Ланге. Пеходная точка зрения тов. Егорова: «что не вредно — то полезно», или «если «Южный Рабочий» был полезен, то следует его оставить», — не принципиальна, она проникнута тем именно началом, с ко-

торым съезд все время так боролся, и поэтому к решению вопроса о «Южном Рабочем» мы должны подойти с другой стороны. Если бы товарищи из «Южного Рабочего» держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения Партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше. В самом деле: если бы талантливые литературные силы «Южного Рабочего» вместо того, чтобы тратиться на издание популярного органа, издаваемого в количестве одной, двух, много трех тысяч экземпляров и выходящего раз в два-три месяца, если бы они вместо того соединились с силами «Искры», то мы имели бы и еще более богатую содержанием, и еще более доступную для рабочих «Искру» и, кроме того, имели бы в большем количестве популярную литературу, в которой так нуждаемся, и эта литература в более обильном количестве, чем то было раньше, доходила бы и на север и в другие места. Поэтому, тем более в настоящее время, когда мы собрались, чтобы объединить свои силы, чтобы упразднить остатки всякого кустарничества, тем более теперь не должны мы допускать какого-нибудь разброда; поэтому и товарищи из «Южного Рабочего» должны отдать свои силы тому учреждению, которое волею съезда и предназначено для создания нашей литературы вообще и популярной в частности. В силу этого я решительно высказываюсь за превращение существования «Южного Рабочего».

Дейч. Предшествующие ораторы сказали в сущности все. Положение съезда очень щекотливое, так как «Южный Рабочий» не хочет распускания, но тут тов. Гусев очень удачно упомянул о группе «Освобождения Труда» и «Искре». Они поняли, что с созданием учреждений Партии их существование излишне, и прекратили свое существование. Да, это тяжело, но нужно сказать вам, товарищи из «Южного Рабочего», что ваше существование, как группы, излишне. Я очень благодарен Русову за прямую постановку вопроса. Существование второго органа, помимо «Искры», при нашей бедности, — излишняя роскошь. Только организационным хаосом объясняется их существование. Я тщетно ожидал ответа, какое положение в общепартийной литературе хочет занять группа «Южный Рабочий». Считаю, поэтому, логическим обсуждение вопроса о группе «Южный Рабочий» в связи с партийной литературой. Раз они протестуют против распускания, я недоумеваю и прямо заявляю, что, как отдельная организация, группа «Южный Рабочий» не нужна.

Муравьев. Когда тов. Гусев в своей речи упомянул «Искру», то раздалось восклицание: «Однако, она не уничтожена!» Да, это верно. Но разве тов. Егоров и все другие, подавая голос за утверждение «Искры» Центр. Органом Партии, делали так потому, что «Искра» безвредна? Нет, конечно. Утверждая «Искру», мы все предполагали, что она в качестве Ц. О. будет в высшей степени полезна для Партии.

Павлович. Предлагаю закрыть прения. Зачем мы добиваемся ответа от «Южного Рабочего» в течение двух часов? «Южный Рабочий» совершенно справедливо молчит. Допрашивать его неудобно. Лучше всего разрешить вопрос о группе «Южный Рабочий», как организации. Кстати поговорим и о популярном органе, так как «Южный Рабочий» был в этом отношении очень полезен.

Председатель Шеханов. Никто допросу «Южного Рабочего» не подвергал. В интересах обоюдного согласия я хотел объяснить с тов. из «Южного Рабочего», хотел выяснить их виды на будущее.

(Предложение Павловича о закрытии прений отклонено).

Глебов. Цена высоко «Южный Рабочий», я желал бы видеть все наши силы объединенными около Центр. Органа. Если товарищи из «Южного Рабочего» совершенно солидарны с «Искрой», то желательно, чтобы они приняли участие в работе Центрального Органа. Это было бы очень полезно для «Искры». Я решительно высказываюсь за распускание «Южного Рабочего» из желания концентрации сил.

Нотов. Не понимаю, почему председателю понадобились после речи тов. Русова, ставшего на самую правильную точку зрения, возвратиться к началу дебатов. Я говорю к порядку дня. Теперь обсуждается вопрос о месте различных групп в Партии, а не о партийной литературе. Остается решить, нужна ли группа «Южный Рабочий». Вопрос о «Союзе», «Борьбе» уже решен. Они призваны излишними и приглашены работать в Партии. Теперь все, после речей тов. Русова и Орлова, ясно. Вопрос о «Южном Рабочем» должен быть решен без всякого отношения к партийной прессе.

Лядов. Нельзя отделить вопрос о «Южном Рабочем» от вопроса о партийной литературе. Группа «Южного Рабочего» есть в то же время редакция «Южного Рабочего». Решив отрицательно вопрос о популярном органе, мы решаем, что существование «Южного Рабочего» излишне. Но сопоставление «Южного Рабочего» с вопросом о популярном органе в сущности неправильно. «Южный Рабочий» вовсе не был популярным органом. Это был суррогат «Искры» и притом неудачный. Вопрос о «Южном Рабочем» нужно соединить с вопросом о местных органах.

Ленин. После целого ряда разъяснений, я нахожу наиболее целесообразным принятие резолюции Костица о популярном органе. Говорили, что «Южный Рабочий» хотел быть популярным органом и занимал соответствующее место в партии. В интересах дела, в виду шекотливого положения, в какое мы попали, следует признать этот «casus» заслуживающим особенного внимания и разрешить себе отступление от принятого вчера регламента. Следует приступить к обсуждению вопроса о популярном органе, хотя это и неправильно. Следует допустить это, и я высказываюсь за это единичное исключение.

Троцкий. Действительно, эти вопросы очень связаны, и именно потому предложение Ленина должно быть решительно отклонено. У нас есть более важные вопросы для обсуждения, и времени терять не следует. Высказываюсь за отклонение предложения Ленина.

Мартов. Присоединяюсь к заявлению Троцкого. Здесь нужно отметить два отступления, допущенных бюро: первое, резолюция Костица, как не подписанная десятью, не могла быть даже прочтена, второе—она не могла быть допущена до обсуждения. Хотя эти вопросы связаны, но тов. из «Южн. Раб.» наверное не будут настаивать, чтобы этот вопрос обсуждался до выборов. Предлагаю резолюцию Костица отклонить, так как она идет в разрез со вчерашними постановлениями. Времени осталось немного, и если мы перейдем к вопросу о популярном органе, который согласно вчерашнему постановлению, может рассматриваться только после выборов, мы

рискуем, что самый важный из пунктов порядка дня придется решать на спех.

Белов. Раз мы не обсуждали вопроса о популярном органе, мы не сможем дать ответ на вопрос, нужен ли «Южн. Раб.» Присоединяюсь к предложению Ленина.

Дейч. Я восстаю против предложения Ленина. Напоминаю, что мы должны раз'ехаться в субботу.

Троцкий. К порядку, могут высказываться только четверо, вы разрешаете говорить. (Крики: Ошибаетесь!)

Мартов. По поводу обсуждения предложения Костича могут говорить только четверо.

Председатель. У нас список ораторов не закрыт.

Ленин. Я не могу останавливать ораторов. Говорите, тов. Горин.

Горин. Самым постановлением о признании «Искры» центральным органом—все другие органы, исполнявшие подобную роль, распущены. Если это общий орган, то он тем самым уничтожен. Раз это районная газета—вопрос будет разбираться после. Здесь должна быть речь о распусчении группы «Южн. Раб.», не предвешая вопроса о популярном органе.

Посадовский. Предлагаю прекратить прения.

Принято.

Мартов вносит резолюцию, коей предлагается оставить вопрос о «Южн. Раб.» открытым впредь до обсуждения вопроса о партийной прессе, и перейти немедленно к выборам.

Председатель Ленин (прочитав резолюцию Мартова). Резолюция Мартова поставит нас в совершенно невозможное положение.

(Сильное волнение, крики, протесты).

Мартов берет резолюцию обратно, энергично протестует против заявления Ленина.

(Шум в зале усиливается).

Ленин. Товарищи! заявляю: я указывал только на невозможное положение, в какое ставит нас предложение Мартова перенести вопрос к другому пункту. Я имел полное право и даже обязан был, как председатель, указать на несоответствие предложения Мартова с порядком дня. Признаю себя виновным разве только в пристрастии к порядку дня. Повторяю: иначе поступить я не мог.

Попов. В бюро имеется резолюция тов. Орлова. Прошу поставить ее на баллотировку.

Троцкий. После того, как мы предоставили на волю судеб вопрос о популярном органе, то с таким же правом можем перенести туда и вопрос о «Южн. Раб.» У нас остались более важные вопросы. Ленин неправ. Он не раз'яснял резолюции Мартова, а вступил с нею в полемику. Он не имел на это права! Принятие резолюции Костича есть также прямое нарушение регламента, нами принятого.

Ленин. Бюро заявляет, что оно считает себя в праве поставить на баллотировку резолюцию Костича.

Попов просит ставить на баллотировку резолюцию Орлова.

Мартов вносит следующую резолюцию: «В виду того, что вопрос о выборах в центральные учреждения представляет такой вопрос, без раз-

решения которого съезд не может разойтись, и в виду того, что введение в порядок дня других вопросов, кроме предусмотренных завтрашним постановлением, могло бы воспрепятствовать решению самой настоятельной задачи, съезд постановляет: вопрос о группе «Южн. Раб.» будет рассмотрен в связи с вопросом о партийной литературе, согласно порядку дня,—и переходит к обсуждению других частей порядка дня».

Ленин. Бюро находит, что невозможно перейти к выборам, не закончив пункта 8-го. Приступить к выборам необходимо как можно скорее, и предложение Мартова было бы приемлемо, если бы он не предложил выпустить часть 8 пункта. Это—новое отступление от регламента.

Мартов. Имею ли я слово?.. Я должен ответить, что бюро под предлогом раз'яснения полемизирует с моими резолюциями. (В зале волнения, протесты). Я предлагаю обсудить остальные части пункта 8, но категорически отвергаю предложение обсуждать немедленно вопрос о популярном органе. Я настаиваю на своем праве давать объяснения... (Крики и протесты усиливаются).

Попов. Не понимаю, почему наша скромная группа вызвала такие страстные прения. Прошу голосовать резолюцию тов. Орлова.

Ленин предлагает голосовать предложение Мартова, хотя бюро и не согласно.

Предложение Мартова отклонено 24 против 11.

Ленин. Ставлю на голосование резолюцию Костица.

(В зале шум, протесты).

Дейч. Предлагаю закрыть заседание.

Мартов. Ленин неправильно ссылается на баллотировку моей резолюции, как на отступление. Это вовсе не даст ему права позволять себе новые отступления. Я надеюсь, что бюро не откажется ответить на этот вопрос.

Ленин. Отвечаю. Мартов сделал отступление, поскольку он часть 8 пункта переносит в неопределенное будущее. Тов. Костиц, наоборот, хочет перенести сюда, в 8 пункт, вопрос, неразрывно связанный с этим пунктом. Оставить часть 8 пункта без обсуждения мы не в праве. Утверждаю, что голосование резолюции тов. Костица регламенту не противоречит нисколько.

Попов. Благодаря страстности прений бюро опять впало в ошибку. Оно согласно голосовать резолюцию, нарушающую регламент, без подписи десяти человек. Это недопустимо!

Ленин. Нисколько! Раз допустив отступление при баллотировке резолюции Мартова, бюро в праве таким же образом голосовать резолюцию Костица.

Дейч. Сомневаюсь, чтобы бюро могло решить этот спорный вопрос. Необходимо апеллировать к съезду.

Костиц. Я беру обратно свою резолюцию.

Ленин. В таком случае я ее поддерживаю.

Костиц. А я вношу новую резолюцию о предоставлении решения этого вопроса Центральному Комитету.

Завязываются дебаты о том, какая резолюция должна быть первая поставлена на очередь. Наконец, большинством 31 голоса против 5, при 5 воздержавшихся, принята резолюция Орлова с поправкой Мартова. По-

правка Мартова к этой резолюции предлагала выбросить фразу, начиная со слова «выражая» и кончая словами «получит свой конец» и заменить ее другой.

Председатель. Переходим к резолюциям о других группах. В списке стоят: 1) Группа «Борьба», 2) Союз русских социал-демократов за границей, 3) Издательская группа Куклина (бывшая «Жизнь»), 4) Группа «Южного Рабочего», 5) Рев. Соц.-Дем. организация «Воля». Кто хочет еще внести в список другие организации?

Карский. Предлагаю внести «Борьбу пролетариата» на Кавказе.

Павлович. Предлагаю внести «Рабочую Волю» в Одессе.

Глебов. Предлагаю внести «Воронежскую кассу борьбы».

Мяов. Предлагаю внести в список «Свободу».

Русов. Предлагаю вычеркнуть из списка организаций редакцию Кавказского органа.

Карский. Протестую против предложения Русова и настаиваю, чтобы редакция «Борьбы пролетариата» была включена в список.

С'езд решает согласно предложению Русова.

Карский. Прошу поставить на баллотировку мое предложение о признании «Борьбы пролетариата» партийным органом кавказского соц.-дем. союза.

Председатель отказывается ставить предложение Карского на голосование и мотивирует свое предложение тем, что редакция «Борьбы пролетариата» уже исключена из списка.

С'езд решает не вносить также в список и другие предложенные организации: «Рабочую Волю», «Воронежскую кассу борьбы», «Свободу». Затем слово получает докладчик комиссии, обсуждавшей проект договора с соц.-дем. Польши и Литвы.

Фомин (докладчик) докладывает о результате переговоров и вносит на обсуждение резолюцию комиссии *).

Егоров предлагает вынести специальную резолюцию на запрос польских товарищей о пункте «самоопределение».

Леткин находит, что из протоколов с'езда достаточно видны взгляды с'езда на этот вопрос. Возобновление дебатов по этому вопросу излишне.

Резолюция принята 33 голосами при 4 воздержаниях.

С'езд далее высказывается в том смысле, что утверждение списка местных и не местных организаций подлежит ведению Центр. Ком., и, на основании принятого раньше решения, переходит к пункту 18 порядка дня, к выборам в центральные учреждения Партии.

Русов. Мы стоим теперь, товарищи, перед решением важных вопросов общепартийной жизни — созданием центров Партии. Вся наша громадная работа на с'езде, выработанная нами программа и устав сводятся на ничто, если мы не выберем дееспособные коллеги. Но прежде, чем при-

*) Резолюция комиссии: «Выражая сожаление, что вызванное случайными обстоятельствами оставление польскими товарищами с'езда лишило с'езд возможности закончить обсуждение вопроса о присоединении социал-демократии Польши и Литвы к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, я надеюсь, что это присоединение есть лишь вопрос времени, с'езд поручает Центральному Комитету продолжение начатых на с'езде переговоров».

ступить к самым выборам, нам надо решить самый способ выборов. Лучшим способом я бы считал выбор двух троек, как в Ц. К., так и в редакцию Ц. О. Выбор этот, как и все выборы должностных лиц, произвести тайной подачей записок. Для большей конспирации считаю бесполезным в вопросе о Ц. К. определение результатов выборов предоставить председателю, причем из выбранных съезду объявляется только один. В этом смысле я вношу предложение в бюро.

Троцкий. Я поддерживаю предложение тов. Русова. Вопрос о редакции Ц. О. легче, проще, и его можно сразу решить. Поэтому я предлагаю: отделить вопрос о назначении редакции от вопроса о назначении Центр. Ком., поставить первый в первую очередь.

Кольцов. Наш устав, который вообще не отличается особой уступчивостью по отношению к так называемому «демократизму», относительно редакции делает почему-то исключение. Если я не ошибался этого пункта в то время, когда разбирался устав, то только потому, что слово «назначает» имеет более широкое значение, чем слово «выбирает». Насколько мне известна практика западно-европейских соц.-дем. партий, то я знаю две возможности: или 1) орган создается после конstituирования Партии, и тогда исполнительному комитету Партии поручается «назначение» редакции центрального органа, или 2) орган существовал раньше, как это происходит сейчас и у нас, — и в этом случае Партия, утверждая определенный орган, вместе с тем утверждала и его редакцию. В этом смысле я вношу резолюцию.

Посадовский. Товарищи! Нам предлагают выбрать трех редакторов для нашего центрального органа «Искры». Я считаю это предложение тов. Русова неприемлемым. Мы, товарищи, знаем одну цельную «Искру». Это целое мы признали нашим партийным органом потому, что мы его знаем. Но как можем мы знать, кто из старой редакции какую роль играл в создании того стройного целого, которое мы имели в «Искре»? Какие мотивы могут быть выставлены в защиту предложения тов. Русова? Единственные, — что при старом составе могли быть шероховатости, и для устранения этих шероховатостей необходимо сократить число редакторов и выбрать трех. Но где уверенность, что без этих шероховатостей «Искра» была бы лучше? Отчего невозможно предположить, что именно благодаря им «Искра» вышла такая, как она есть? Я думаю, мы не имеем возможности входить в разбор того, кто из старой редакции и какую роль играл в создании «Искры», и, так как выбор трех лиц не представляется мне возможным без этого анализа, я против предложения тов. Русова и присоединяюсь к предложению признать старую редакцию «Искры» в полном составе — редакцией нашего Центрального Органа ⁵¹⁾.

Львов соглашается с предложением тов. Русова поставить вопрос о Центральном Органе в первую очередь. Для подсчета голосов предлагает выбрать специальную комиссию.

Муравьев. Тов. Кольцов говорит, что в уставе сказано о «назначении» редакции и что, по его мнению, это место всего естественнее, в применении к данному вопросу, толковать так, что должна быть утверждена старая редакция. Я не могу согласиться с таким толкованием. Термин «назначение», как это, кажется, разъяснялось и при выработке устава,

получил предпочтение именно потому, что под него подходит и выборы и утверждение. Не могу также согласиться с предложением тов. Троцкого—назначить сначала редакцию, а затем уже говорить о выборах Ц. К. Это только отняло бы у нас больше времени, а здесь уже неоднократно указывалось на нежелательность затягивать заседания съезда. Тов. Посадовский, предлагая утвердить старую редакцию, говорит, между прочим, что «если и есть кой-какие маленькие шероховатости», то съезд некомпетентен входить в рассмотрение подобных обстоятельств. По моему же мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие «шероховатости» несомненно существуют. И именно в виду этого я присоединяюсь к предложению тов. Русова, что редакция должна быть выбрана съездом в составе трех лиц, путем тайной подачи голосов (по запискам).

Мартов. После того, как тов. Муравьев прямо поставил вопрос о внутренних отношениях к бывшей редакции «Искры», для устранения которых нужно сведение редакции до трех лиц, я и другие три редактора «Искры» считаем, что более удобно будет обсуждать этот вопрос в наше отсутствие. Мы, поэтому, уходим из собрания, рассчитывая, что в наше отсутствие товарищи смогут высказаться об этом вопросе более свободно и непринужденно.

(Всеобщее волнение и шум в зале заседания. Мартов, Старовер, Засулич и Аксельрод направляются к выходу).

Плеханов. Как председатель, я не позволил бы говорить здесь о внутренних делах редакции. Но я согласен, что присутствие наше может стеснять съезд, я думаю, что и остальные члены редакции уйдут. Мы также уходим. Поручаю вам, тов. Павлович, председательство. (Вся редакция уходит).

Павлович предлагает, чтобы съезд высказался, должна ли присутствовать при прениях редакция.

(В зале поднимается неимоверный шум, ничего не слышно).

Троцкий говорит по поводу заявления тов. Муравьева о внутренних отношениях редакции.

Муравьев протестует против верности передачи его мысли Троцким.

Троцкий (продолжает). Достаточно одному лицу почувствовать себя стесненным подобным заявлением, чтобы вся редакция в интересах спокойного обсуждения дела удалилась *in corpore* из залы заседания. Теперь вам значительно облегчена работа по обсуждению этого вопроса.

Ланге. Я не согласен с Троцким. Не понимаю, почему редакция могла чувствовать себя стесненной. Нам нет дела до этих шероховатостей. Мы решаем вопрос чисто принципиальный, и для этого необходимо участие редакции в дебатах.

Царев предлагает закрыть прения.

Попов. Я думаю, товарищи, что вопрос о порядке может быть быстро решен—решением вопроса по существу. В этом отношении я хотел сказать то же самое, что уже сказал тов. Посадовский; я не хотел бы касаться тех «шероховатостей», о которых говорит тов. Муравьев, но раз

речь уже зашла о них, я посоветовал бы тов. Муравьеву, принимая во внимание особый склад его ума, не брать на себя таких деликатных поручений (бурные аплодисменты). Я напому вам, товарищи, тот день, когда мы обсуждали 3 пункт нашего порядка дня. Тогда речи мои и тов. Егорова встречались шумными аплодисментами не потому, конечно, что это говорили мы, а потому, что «Искра», признание которой Ц. О. мы предлагали, «Искра», а не мы, заслужила эти аплодисменты. И вот, припоминая тот день теперь, я удивляюсь происшедшей перемене. Теперь тов. Русов уже не удостаивает редакцию своего доверия и требует переизбрания ее, и его поддерживает значительная часть товарищей. И с своей стороны совершенно не удовлетворен теми мотивами, которые приводит тов. Русов, и полагаю, что входить во внутренние отношения редакции и в оценку отдельных лиц ее было бы и бесполезно и недостойно съезда. Я, предлагаю поэтому сделать то, что мы уже сделали один раз,—утвердить редакцию «Искры» в полном ее составе.

(Речь Попова прерывалась несколько раз бурными аплодисментами; по окончании речи в зале опять всеобщее волнение).

Егоров. Порядок будет восстановлен, если мы утвердим редакцию in corpore.

Пакин (к порядку) просит голосовать внесенное уже предложение о закрытии прений.

Предложение отклонено.

Ланге вносит следующую резолюцию: «В обсуждении стоящего на очереди вопроса о выборе редакции не может быть ничего такого, что делало бы присутствие здесь в настоящий момент редакции нежелательным».

Павлович предлагает голосовать эту резолюцию и выражает надежду, что это очистит атмосферу.

Фомин. Необходимо приступить к дебатам по существу, не насиловать редакцию, которая ушла.

Русов. В наших дебатах нет ничего щекотливого. Редакцию нужно пригласить.

Ланге. Мы не говорим ничего такого, что было бы неудобно для редакции.

Костиц требует поставить на голосование вопрос о допустимости предложения Ланге.

Русов. Голосовать предложение тов. Костица—совершенно ненужная потеря времени, так как те, которые будут вотировать за недопущение, будут вотировать и против резолюции.

Махов. А, может быть, я найду неприличным даже ставить подобный вопрос на голоса.

Предложение Костица принято 19 гол. против 16 при 2 воздержаниях.

Председатель читает внесенные в бюро резолюции.

(Несколько человек говорят сразу о вносимых ими резолюциях. Всеобщий беспорядок).

Попов. Предлагаю утвердить редакцию целиком.

Кольцов несколько раз просит слова к порядку, но за шумом никто не слышит.

Троцкий. Товарищи! Обращаю ваше внимание на то, что у нас время уходит на диалоги между председателем и тов. Русовым. Нужно прямо поставить на голоса вопрос о том, выбирать или назначать редакцию.

Председатель читает резолюции Кольцова *) и Троцкого **) и ставит на обсуждение резолюцию Троцкого.

Костич. Газета «Искра» произвела огромную плодотворную работу, говорили все на с'езде. Все говорили: «настоящий с'езд является в огромной степени ее делом». Никто не указывал, да и не мог указать: столько то на этом пути было сделано таким лицом, столько—другим. Мы в России признавали «Искру» руководящим органом, как целую коллегию. Мы утверждали ее на с'езде в качестве Ц. О., как целую коллегию, и как утверждение коллегии редакции мы подымали в России вопрос о назначении редакции. А тут нам предлагают выбрать трех в Ц. О., в виду редакционных трений, говорит тов. Муравьев. И считаю заявление тов. Муравьева, переводящее центр тяжести на вопрос о личных отношениях, по меньшей мере крайне неуместным. Нам нет дела до личных отношений редакторов, мы не имеем права вмешиваться в эти отношения. Если есть трения, то самостоятельная коллегия сама их сможет устранить; мы же знали редакцию, как целую коллегию, и ее, как таковую, должны утвердить.

Царев. Тов. Русов утверждал, что выборы должностных лиц Партии дело слишком ответственное и трудно осуществимое. Совершенно верно. Почему же он желает это дело еще усложнить, предлагая выбирать не только Ц. К., но и вырвать из состава редакции какую то тройку. Зачем это понадобилось? До сих пор мы знали не отдельных членов редакции, а гармонический коллектив, который сыграл такую видную роль в жизни нашей Партии, блестяще доказав свою работоспособность и завоевал себе всеобщие симпатии. Зачем же Русову захотелось выделить тройку «лучших»? Да и кто из нас, непосвященных в интимную жизнь редакции, может, так сказать, определить удельный вес каждого члена редакции в общей работе? Да и как должны отнестись неизбранные члены редакции к тому, что с'езд не желает долее их видеть в составе редакции? До сих пор мы знали единое целое—редакцию. Ее все почти комитеты признали своим руководящим органом. И мы сами, признавая «Искру» своим партийным органом, признавали ее, конечно, в том составе редакции, который был до сих пор. И я предлагаю оставить состав неизменным и на будущее время и выражаю глубокую уверенность, что такое ваше решение будет встречено с большой радостью во всех частях и углах России.

Потов. Вопрос выяснился. Предлагаю закрыть прения. Мы уже обсуждали 3 пункт порядка дня. Признание «Искры» руководящим органом решило вопрос. Входить в их внутренние шероховатости неуместно и недостойно с'езда.

*) Резолюция Кольцова: «Признав «Искру» центральным органом Партии, с'езд тем самым признал и ее редакцию».

**) Резолюция Троцкого: «С'езд признает необходимым утвердить бывшую редакцию «Искры» целиком, отклоня выборы».

Председатель. Так ставить вопрос нельзя. С какой стати это имеет быть выражением непочтительности?

Гусев. Тов. Попов боится, что мы займемся разбором личных отношений членов редакции. Пусть он не беспокоится. Мы не будем этого касаться. У нас хватит такта и умения вести дебаты.

Голосуются и принимается 20 голосами предложение о закрытии списка ораторов. (Во время голосования между тов. Дейчем и Орловым происходит довольно резкий диалог).

Предложено ограничить время ораторов тремя минутами (Егоров), двумя минутами (Фомин) и пятью минутами (председатель). За две минуты высказываются 16, за три—20, за пять—8.

Горин. Здесь совершенно непонятно предложение выбрать редакцию. Вопрос этот чисто технический. Я представляю себе это, как упрощение редакционной работы посредством выборов. Мы могли бы им предоставить самим произвести выборы, но лучше это сделать нам.

Посадовский. Мое слово, сказанное условно, употреблено очень некстати тов. Муравьевым и вызвало целую бурю. Постараюсь объяснить свою мысль. Выбирая из старой редакции трех лиц, выбрасывая из нее трех других, мы тем самым входим и не можем не входить в анализ и суждение о роли того или другого редактора в создании «Искры», вдавляться в оценку «шроховатостей», которую сделал тов. Муравьев. В том стройном и кристаллически-целом целом, каким была «Искра», я не считаю возможным определить, что явилось созданием того или другого. Предостерегаю вас, товарищи, от вторжения в это целое, протестую против предлагаемого нам вмешательства в жизнь этого целого; если вы последуете внушаемому вам совету, то где уверенность ваша, что вы, уничтожая Schrokovatosti, не удалите и самое ценное? Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания.

Гусев. Нервное возбуждение и страстная атмосфера, созданная здесь при обсуждении вопроса о выборах членов редакции, привели к тому, что на устах революционеров раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на чисто обывательский взгляд на партийные дела. Если вы не выбираете Ивана Ивановича, видного деятеля Партии, вы выражаете ему недоверие и этим наносите оскорбление. Ведь вы не знаете, твердят вам, может ли такой-то и такой-то выполнять функции того или другого партийного учреждения, ведь вы не можете разобраться во внутренней жизни тех организаций, где раньше работало данное лицо, как же можете вы тут выбирать? При таких обстоятельствах отстранение этих лиц есть недоверие, высказанное им с'ездом, совершенно незаслуженное и потому недопустимое. И это говорят не только молодые революционеры, но и такой бывалый революционер, как тов. Дейч. (Всеобщее движение, протесты, угрожающие крики). Становясь на эту не партийную, а обывательскую точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член бывшего О. К., что не его, а другого выбрали в

Ц. К. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания Партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом выбора должностных лиц, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается. Вот почему я настоятельно обращаю внимание товарищей не дать себя ввести в заблуждение обывательски-нежными речами о недоверии к невыбранным, а при всех своих выборах, так же, как и при всех поступках, стоять на точке зрения интересов Партии, интересов общего дела. Я удивляюсь, как именно тов. Троцкий, а не кто иной, нападает на выбор троек. Не он ли на предварительных собраниях защищал с пеной у рта принятый порядок дня? И ни словом не упоминал о такой ереси в нем, как выбор троек ⁸²).

Лядов. Нам сама редакция предложила выборы троек. Нужно раз навсегда отрешиться от вопроса о доверии.

Троцкий. Я хочу возразить «молодому революционеру» Русову (Шум. Бекон: Прошу не употреблять таких выражений, как «молодой революционер»!) Прошу спокойствия, товарищи, так как в моем распоряжении только три минуты, а и их должен тратить на разъяснение того, что слова «молодой революционер» не могут быть ни для кого оскорбительны. Сам Русов употреблял их, когда нападал на старого революционера Дейча. Тов. Русов утверждал, будто я защищал так называемую идею двух троек. Это неправда. Впрочем, тов. Русов мог указать лишь на то, что я защищал в целом редакционный, будто бы, порядок дня, который включал в себя упоминание о «двух тройках». Это, надеюсь, совсем другое. Упоминали здесь несколько раз, будто план избрания «двух троек» принадлежит редакции. И это неправда. Он принадлежит одному из ее членов. Но если бы этот план и был создан всей редакцией, это ничего не изменяло бы. Редакция могла отдавать себя в полное распоряжение съезда, но съезд сам должен установить пределы своего вмешательства. Съезд не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию. Такого права нам не дают, конечно, те впечатления, которые мы могли получить в течение заседаний съезда о лицах более или менее «подверженных шереховатостям», говоря словами тов. Муравьева. Редакция работала в полном составе три года, и мы знаем, что сделала эта коллективная индивидуальность. Предоставим ей самой изменение ее состава, если она встретит в том надобность. Это слишком щекотливый вопрос, чтобы съезд мог запустить в него свою руку. Съезд поступит лучше и с нравственной и с политической стороны, если будет единодушно голосовать за коллективную индивидуальность, которой имя «Искра!» (Продолжительные аплодисменты).

Русов. Если предположение о редакционной тройке так возмутило сегодня тов. Троцкого, то приходится удивляться, почему оно раньше не только не возмущало его, но, наоборот, заставляло произносить горячие речи в ее защиту. И те же, которые раньше горячо защищали «тройку», сейчас приветствовали тов. Троцкого бурными аплодисментами, когда он говорил о запуске со стороны съезда лапы в то «гармоническое целое»—

бывшую редакцию «Искры» — которую т. Троцкий «защищал». Царев сегодня негодовал в своей речи против проекта тов. Русова — выбрать тройку, но несколько времени тому назад проект тов. Ленина несколько не возмущал его, хотя проект тов. Русова представляет буквальное повторение проекта тов. Ленина. Как быстро все изменилось. По поводу предложения тов. Троцкого и Кольцова — утвердить старую редакцию — я скажу, что это нетактично. Нетактично оно, во-первых, потому, что важный вопрос о выборе редакции партийного органа оно переносит на вопрос о доверии. А перенесение центра тяжести на вопрос о доверии — нетактично уже само по себе, потому что ставит членов старой редакции в неловкое положение. Нетактично оно, во-вторых, потому, что, перенося вопрос с выборов редакции на вопрос о доверии, оно является ограничением свободы выбора редакции партийного органа, которую должен иметь съезд. Перед нами важная задача — выборы редакции. А для редакции партийного органа, для коллегии, на которой, по нашему уставу, будут лежать не только литературные обязанности, но и ряд других важных функций, необходимы не только литераторы, но и администраторы. Это право выбрать для редакции подходящих людей вы хотите у нас отнять, перенести вопрос о выборах на вопрос о доверии. Доверие мы уже однажды выразили, признав «Искру» партийным органом. И тогда же мы отметили в резолюции не только литературные, но и ряд других — организационных и практических — заслуг «Искры», которые теперь вы забываете. Вы первые возбудили вопрос о доверии и вы ответственные за явившиеся результаты этой бестактности. И возбуждая вопрос о доверии, вы тем самым обнаружили, что вы, как вполне правильно выразился тов. Русов, не партийные люди, а обыватели.

Ланге. К чему этот пафос, эти только что пролитые слезы, ведь здесь никого не хотят убить! Кроме того, удивительна эта материнская заботливость о чести «Искры» со стороны некоторых. В самом деле, чего мы хотим? Мы только хотим, чтобы съезд — верховный орган Партии — выразил совершенно сознательно и определенно, кого он хочет видеть во главе своего Ц. О. Имейте в виду, что наш Ц. О. не есть только литературная группа — он есть часть нашего Ц. К., нашего революционного практического центра, и он же будет оказывать влияние на Совет. Что же тут обидного, если в силу вышесказанного съезд хочет, чтобы во главе Ц. О. стояли лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям, о которых я говорил. Я полагаю, что было бы обиднее для «Искры», если бы мы слепо отнеслись из «щекотливости» вопроса к такому важному делу.

Брукер. Я думаю, что большинство будет последовательно только в том случае, если утвердит прежнюю редакцию «Искры» и тем подтвердит то, что было ими предreshено при обсуждении третьего пункта порядка дня. Я хотел только отметить, что при обсуждении третьего пункта это же самое большинство и в том числе, если не ошибаюсь, тов. Троцкий, отрицали, что утверждая Ц. О. «Искру», мы тем самым предreshаем выбор редакции⁵³⁾.

Наслович. Не понимаю, к чему здесь говорят всякие жалкие слова; говорит о гармоническом составе редакции. Проект устава нам был предложен членом редакции не без веденья остальных членов редакции. Тов.

Троцкий горячо его защищал несколько дней тому назад. Редакция состоит из шести лиц; коллегия из шести может оказаться, как коллегия, недееспособной (шум)⁵⁴). Если, будучи поставлена в неблагоприятные условия, редакция «Искры» в своей деятельности достигала огромных результатов, то это происходило не благодаря ненормальному коллегиальному ее уставу, а несмотря на эту ненормальность. Тем более в интересах дела мы обязаны дать нормальную постановку дела свободным выбором. Оскорбления в выборах никому нет. Увековечивать неудобную для самих работников в редакции форму устава мы не можем. Кроме того, напоминать о праве кооптации.

Глебов. Ведение газеты—наше партийное дело. Я думаю, что большая коллегия слишком громоздка для ведения дела. Редактирование шестью лицами задерживает работу (протесты). Лучше, если редакция будет состоять из трех лиц. Цифра небольшая. Если эти шесть были гармоничной личностью, то почему трое не смогут быть этой личностью. Если «Искра» велась хорошо, то почему она не будет и впредь вестись столь же хорошо?

Сорокин. Я вполне понимаю страстность настоящего спора. Но зачем прибегать к таким приемам, против которых мы всегда протестовали? Зачем это залезание в чужую душу, допущенное тов. Поповым? Разве позволительно поведение тов. Дейча, когда он пытался демонстративно пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним. Таким образом создалась невозможная атмосфера⁵⁵). Нам не раз указывалось, что мы здесь члены партии и должны, следовательно, поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями. А между тем, в настоящий момент все свелось на личную почву, к вопросу о доверии или недоверии к отдельным редакторам. И даже целый ряд указаний на то, что проект порядка дня съезда составлен одним только редактором, принял совершенно вежесательный характер. Поэтому я должен указать на разговор с тов. Мартовым, от которого я узнал, что упомянутый проект был утвержден им самим и еще другим редактором. Повторяю, все понятия здесь перепутались. С своей стороны, заявляю, что, высказываясь за выбор редакции, я не выражаю недоверие к составу редакции «Искры» и думаю, что не унижаю достоинства члена съезда.

Махов. В третьем пункте порядка дня мы признали орган «Искру» Центр. Орг. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Спрашивается, что мы в то время объявили своим Ц. О.—одну ли вывеску над пустым местом или то, что собственно под вывеской скрывалось. Я думаю, что последнее. Теперь же нам внесено недвусмысленное предложение изменить все то, что было скрыто под определенной вывеской и оставить одну лишь вывеску. Вы слышали, какими жалкими аргументами поддерживают это предложение. Эти аргументы не заслуживают того, чтобы их разбирать подробно. Но раз уже известное предложение поступило, раз оно мотивируется, то будет последовательнее внести заодно уже предложение снять и самую вывеску, а, следовательно, признать наше постановление по третьему пункту порядка дня ошибочным и подлежащим отмене.

Ленинский вносит предложение о закрытии собрания. Предложение это принято 21 голосом против 18.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

(Присутствует 36 делегатов с 44 манд. и 11 лиц с совещательным голосом).

Троцкий. В виду того, что утверждение старой редакции «Искры» есть ничто иное, как выбор определенных лиц, то настаиваю, согласно регламенту, на закрытом голосовании.

Герц требует подвергнуть голосованию вопрос о приглашении на заседание редакции.

Председатель *Павлович* находит, что тов. Троцкий неправильно истолковывает регламент, и предлагает съезду решить вопрос о способе назначения редакции.

На голосование ставится предложение Троцкого (о закрытом голосовании) и отвергается 19 голосами против 17, при 3 воздержавшихся.

Голосует и отвергается предложение тов. Троцкого об утверждении всей старой редакции.

Русов вносит предложение о приглашении старой редакции для участия в решении вопроса о выборе редакции.

Предложение это принято, и редакция приглашается в зал заседания.

Павлович доводит до сведения редакции результат обсуждения вопроса и голосования.

Фомин. Я считаю необходимым сделать дополнения к сообщению тов. Павловича, так как сообщение это крайне неполно. Во время отсутствия товарищей из редакции состоялось голосование предложения тов. Троцкого об утверждении всего состава редакции целиком. По точному смыслу регламента съезда, выборы должностных лиц производятся тайным голосованием. Утверждение всего состава редакции целиком представляет собою, несомненно, выборы определенных и известных съезду лиц в редакцию Ц. О. Между тем, несмотря на требование регламента, несмотря на настоячивые указания тов. Троцкого, мои и других товарищей, большинство съезда отвергло требование меньшинства о тайном голосовании предложения тов. Троцкого и тем сознательно нарушило регламент съезда.

Павлович. Указавшие Фомина верно, но съезд суверенен и может все сделать.

Плеханов считает спор об этом излишним.

Мартов (для заявления от имени большинства бывшей редакции). Теперь, товарищи, после того как отклонено предло-

жение об утверждении старой редакции органа, ставшего партийным, мне придется высказаться о значении этого акта. Отныне старой «Искры» не существует, и было бы последовательнее переменить ее название.

Во всяком случае, в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того восторга доверия «Искре», который был принят в одном из первых заседаний съезда. Так как теперь решено выбрать редакцию из трех лиц, то я, от имени своего и трех других товарищей, заявляю: что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя как одного из кандидатов в эту «тройку», то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное. Говорю это в виду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было в виду каких то «трений», неработоспособности бывшей редакции, причем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности. При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации. На такую роль согласится разве только Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе.

Чтобы покончить с личной стороной дела, я скажу еще о вчерашнем утверждении тов. Сорокина, будто бы предложение о „тройке“ исходит от части бывшей редакции. Утверждение это не соответствует истине, ибо предложение исходит от одного Ленина. А теперь я перейду к политической стороне дела...

Председатель Плеханов заявляет, что не может разрешить Мартову дальнейших разъяснений, так как это значило бы входить в обсуждение вопроса, уже решенного съездом.

Фомин предлагает поставить вопрос, желает-ли съезд выслушать Мартова.

Попов. Так как Мартов объявляет о выступлении большинства членов из редакции «Искры», то мне кажется это чрезвычайно важным событием и я полагаю, что съезд обязан дать Мартову договорить до конца.

Огромное большинство съезда высказывается за то, чтобы Мартов продолжал свою речь.

Мартов. Прошедшее теперь есть последний акт борьбы, имевший место в течение второй половины съезда. Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о «работоспособности», а о борьбе за влияние на Ц. К. Большинство редакции показало, что оно не желает превращения Ц. К. в орудие редакции. Вот почему понадобилось сократить число членов редакции. А потому я и не могу вступить в такую редакцию. Вместе с большинством старой редакции я думаю, что съезд положит конец «осадному положению» внутри Партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности, осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться, что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии. Мы надеемся, что

с'езд передаст орган, который мы вели два с половиною года, в достойные руки, и этой надеждой я могу закончить свое «прощальное» заявление.

Сорокин. Прошу слова для личного замечания.

Троцкий. У нас установился порядок, в силу которого время для личных замечаний отводится в конце заседания.

Председатель предоставляет слово Сорокину.

Сорокин. Тов. Мартов сказал, что я искажал факты. Моя поправка относилась к тому, что тов. Мартов знал о проекте Ленина и в свое время не протестовал (крики: «Знал? Не протестовал?»).

Мартов. Бюро допускает без соглашения заинтересованных лиц в их отсутствии оглашение частных разговоров. Я заявляю, что слова тов. Сорокина о вчерашнем заседании не соответствуют истине.

Ленин. *) Прошу у с'езда разрешения ответить Мартову.

Тов. Мартов говорил, что данным вотумом наложено пятно на его политическую репутацию. Выборы ничего общего не имеют с оскорблением политической репутации (Крики: неверно! неправда! Плеханов и Ленин протестуют против перерывов. Ленин просит секретарей завести в протокол, что товарищи Засулич, Мартов и Троцкий его прерывали, и просит записывать, сколько раз его прерывали). Встать на эту точку зрения—значит отрицать право с'езда на новые выборы, на всяческое изменение состава должностных лиц, на переборку уполномочиваемых им коллегий. Какую путаницу вносит такая постановка вопроса, видно хотя бы из примера Организационного Комитета. Мы выразили ему полное доверие и благодарность с'езда, но мы, в то же время, осмелили самую мысль о том, что с'езд не вправе разбираться во внутренних отношениях О. К., мы в то же время отстранили всякое предположение о том, что старый состав О. К. стеснит нас в «нетоварищеской» переборке этого состава и в образовании из любых элементов нового Ц. К. Повторяю еще раз: в воззрениях тов. Мартова на допустимость выборов части прежней коллегии проявляется величайшее смещение политических понятий.— Я перейду теперь к вопросу о «двух тройках». Тов. Мартов сказал, что весь этот проект «двух троек» есть дело одного лица, одного члена редакции (именно мой проект) и что никто больше за него не ответствен. Я категорически протестую против этого утверждения и заявляю, что оно прямо неверно. Я напому тов. Мартову, что за несколько недель до с'езда я прямо заявил ему и еще одному члену редакции, что я буду требовать на с'езде свободного выбора редакции. Я отказался от этого плана лишь потому, что сам тов. Мартов предложил мне вместо него более удобный план выбора двух троек. Я формулировал тогда этот план на бумаге и послал его прежде всего самому тов. Мартову, который вернул мне его с исправлениями—вот он у меня этот самый экземпляр, где исправления Мартова записаны красными чернилами. Целый ряд товарищей видел затем этот проект десятки раз, видели

*) Начало речи Ленина воспроизводится здесь не в том виде, как оно им было записано, а как оно было исправлено при чтении протокола настоящего заседания, с согласия Ленина же (см. заседание 35).

его и все члены редакции, и никто никогда не протестовал против него формально. Говорю: «формально», ибо тов. Аксельрод однажды, если я не ошибаюсь, бросил как-то частное замечание о несочувствии его этому проекту. Но само собою разумеется, что для протеста редакции требовалось не частное замечание. Редакция не даром приняла даже перед съездом формальное решение пригласить определенное седьмое лицо для того, чтобы, в случае необходимости выступить на съезде с каким-либо коллективным заявлением, можно было принять непоколебимое решение, столь часто не достигавшееся в нашей коллегии из шести.

И все члены редакции знают, что пополнение шестерки седьмым постоянным членом редакции составляло уже очень и очень давно предмет наших постоянных забот. Таким образом, повторяю, выход в виде выбора «двух троек» был совершенно естественным выходом, который я и ввел в свой проект с ведома и согласия товарища Мартова ⁵⁶⁾. И тов. Мартов вместе с тов. Троцким и другими много и много раз после того защищали эту систему выбора «двух троек» на целом ряде частных собраний «искряков». Исправляя заявление Мартова о частном характере двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о «политическом значении» того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение—только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на Ц. К. в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность Искры, как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на Ц. К., а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния. Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня несколько не пугают страшные слова об «осадном положении в Партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. ⁵⁷⁾ По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть ничто иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников политической распычатости. Против распычатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер.

Мартов. В виду полного извращения моих слов тов. Лениным прошу дать секретарю прочесть соответственное место в протоколе.

Секретарь, с разрешения председателя, читает протокол: «Лично от себя должен прибавить: предполагая внести меня в список трех, вы положили пятно на мою политическую репутацию. В такого рода комбинацию вступает разве только Рязанов, но не я».

Мартов заявляет, что он совершенно удовлетворен.

Голосуются предложение Русова *) и принимается большинством 25 против 2, при 17 воздержавшихся.

Предложение Кострова **) отвергнуто 22 против трех, при 19 воздержавшихся.

Панин. Так как после заявления Мартова осталось только два кандидата в редакторы Ц. О., то спрашивается: имеются ли еще кандидаты?

Ленин объявляет, что производится тайное голосование.

Фомин. Тайное голосование не исключает выставления кандидатур.

Лядов. Всякая агитация и выставление кандидатуры должны кончиться с раздачей записок.

Мартов. Никому не запрещено выставлять кандидатов.

Плеханов. Съезд суверенен и может это, разумеется, разрешить, но практика других съездов этого не допускает.

Результаты выборов: 23 голоса подано за Плеханова, 22 за Мартова, 20 за Ленина и 3 за Кольцова.

Редакторами, таким образом, оказались избранными: Плеханов, Мартов и Ленин.

Мартов. Так как, несмотря на мое заявление, что я отказываюсь от кандидатуры, меня все же выбрали, то я должен заявить, что я отказываюсь от чести, мне предложенной. Еще раз укажу, что я не могу взять на себя ответственность за политику группы из трех лиц, которая, согласно принятому уставу, должна оказывать решающее влияние на ход дел в России. Я не хочу быть «третьим» в учреждении, которого простым придатком будет Ц. К., а введенный в устав пункт об единогласии при кооптации лишает всякой надежды на расширение этого тесного состава. Фактически вся партийная власть передается в руки двух лиц, и я слишком мало дорожу званием редактора, чтобы согласиться состоять при них в качества третьего.

Председатель. В таком случае следующий кандидат—Кольцов.

Кольцов. Я первый предложил сохранение старой редакции «Искры» в полном ее составе и продолжаю на этом стоять. Что касается меня лично, то я считаю себя не компетентным в редактировании Ц. О. Партии и потому от редакторства отказываюсь.

Лядов. Предлагаю двум выбранным редакторам кооптировать третьего.

Дейч ссылается на решение съезда, согласно которому съездом должны быть выбраны трое.

Лядов берет назад свое предложение.

Дедов вносит тоже предложение, но берет его вскоре обратно, после чего Павлович вносит тоже предложение.

*) Резолюция Русова: «Съезд постановляет выбрать трех лиц в редакцию центрального органа тайным голосованием».

**) Резолюция Кострова: «Съезд выбирает одного члена редакции, который кооптирует остальных».

Русов. Вношу предложение, сходное с предложением Павловича, но несколько иначе редактированное.

Царев предлагает выбрать одного редактора, который кооптирует всю редакцию.

Белов. Может ли быть предложение тов. Царева поставлено на голоса в виду того, что подобное предложение тов. Кострова было уже отклонено?

Плеханов. В виду изменившихся условий предложение тов. Царева может быть поставлено на голоса.

Попов. Странно было бы так быстро изменять решение съезда. Предлагаю съезду выбрать третьего редактора.

Троцкий. Тов. Попов заблуждается. Предложение тов. Царева не исключает предложения тов. Попова о производстве новых выборов. В случае их новой неудачи, мы должны будем поставить на голоса предложение тов. Царева.

Русов. Возражают, что выбранные нами два члена редакции не смогут кооптировать, так как не составляют коллегии, но забывают, что для кооптации требуется единогласие, и потому коллегия не имеет здесь значения.

Троцкий. Русов забывает, что в случае если не достигнуто единогласие, то дело переносится в Совет, который может кассировать решение коллегии, и вопрос решается в ней снова простым большинством голосов. Следовательно, для дальнейшей кооптации в редакцию коллегия необходима.

Лане. Прежняя редакция также состояла из четного числа лиц.

Белов. Тов. председатель разъяснил, что принятые в один момент решения, съезд может перерешать в другой момент. Я думаю, что настоящий момент именно таков, чтобы снова поставить вопрос об утверждении редакции целиком, будучи убежден, что только разрешение этого вопроса в положительном смысле устранил ту невозможную атмосферу, которая здесь создавалась. Я вношу в бюро письменно предложение и прошу поставить его на голоса.

Плеханов предлагает тов. Белову спросить отказавшихся четырех членов редакции, согласны ли они на новые выборы.

Дейч. Предложение Плеханова непоследовательно. Ведь не спрашивали выбранных двух редакторов, согласны ли они на кооптирование.

Председатель. Внесено два предложения, раньше съездом отвергнутые. Ставлю на голоса вопрос о допустимости к голосованию этих предложений.

Большинство в 22 голоса против 19, при трех воздержавшихся, высказывается против допустимости предложения Белова, и 22 против 21, при одном воздержании, против допустимости предложения Царева.

Предложение Попова (о выборе третьего редактора) отвергнуто 22 голосами против 21, при одном воздержавшемся, и принимается 24 голосами против 10, при 10 воздержавшихся, предложение Павловича (о кооптировании третьего редактора двумя выбранными).

Троцкий (по поводу голосования). Тов. Ленин нам очень красноречиво изображал то затруднительное положение, в котором оказались бы четыре

члена Совета Партии, не будучи в состоянии пригласить пятого. Чтобы не поставить тов. Ленина и Плеханова в это затруднительное положение, которое он так красноречиво изображал, я и воздержался от голосования.

Русов предлагает приступить к выбору Ц. К.

Мартов. Невозможно выбирать тайной подачей голосов, не справившись, согласен ли данный кандидат вступить в коллегию. Кроме того, отсутствующие кандидаты могут в момент избрания оказаться, по русским полицейским условиям, изъятими, или впоследствии отказаться от работы в Ц. К. Таким образом, окажутся выбранными лишь хвосты высших учреждений. В виду этого предлагаю (см. прим. *).

Лядов. Решительно протестую против прочтения списков кандидатов в виду неконспиративности.

Русов. Удивляюсь мотивировке тов. Мартова. Выбранные здесь члены Ц. К. могут быть сейчас же арестованы и в таком случае мы окажемся в том же положении, которого так опасается тов. Мартов. Он знает, что товарищи из Бунда, что члены Ц. К. Бунда остаются неизвестными даже в своем числе. Нам следует брать пример с этой опытной в конспиративном отношении организации. Настаиваю на своем предложении и предлагаю записки для подсчета голосов передавать председателю. Если же председателю не доверяют, то пусть выберут другого, хотя я этого не допускаю.

Плеханов. Предложение тов. Мартова не может быть даже дебатировано, так как оно неконспиративно. Тов. Мартов указал на то затруднительное положение, в каком оказалась редакция. Надеюсь, однако, что Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия не оскудела еще литературными силами.

Мартов (к порядку). Я услышал из уст председателя, что мое предложение даже не может быть дебатировано. Это его личное мнение или это мнение бюро?

Плеханов. Это мое личное мнение.

Троцкий. Думаю, что предложение тов. Мартова, которое по словам тов. председателя, даже не может быть дебатировано и по поводу которого он дебатировал, единственно приемлемое. Думаю, что мы не сможем образовать Центр. Ком. без выбора по запискам. Иначе могут быть у нас комбинации, при которых Центральный Комитет окажется недееспособным.

Мартов. Копировать не значит обезьянничать. Преследуя ту же задачу, что и Бунд, мы тем не менее имеем возможность составить предположительные списки. Будут оглашены только кандидаты; избранные же останутся неизвестными. В качестве редакции мы выбрали недееспособную

*) Резолюция Мартова: «Выборы в Центральный Комитет производятся следующим образом: В Бюро поступают списки трех кандидатов, подписанные не менее как шестью рекомендующими товарищами. Не ранее, чем через два заседания после этого прочтения, производится баллотировка. Баллотируются целые списки, а не отдельные лица. Решает абсолютное большинство голосов. В случае, если абсолютного большинства нет, назначается перебаллотировка между двумя списками, получившими наибольшее количество голосов. Результат второй баллотировки признается окончательным».

коллекцию. Как же сложатся условия в России, когда в Центральном Комитете может оказаться один член или даже ни одного. По уставу партии Центральный Комитет и Центральный Орган посылают по два члена в Совет. Если у нас после таких выборов не окажется Центр. Ком., то двум нашим редакторам придется вместе с третьим, избранным на съезде членом Совета, назначить новый Центр. Ком.

Егоров. Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы. Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступу в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде, и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех. Муравьев: Прошу занести в протокол, что тов. Мартов улыбался). О чем идет речь? Речь идет о том, желает ли съезд передать дело организации и ведения всей партийной работы в руки двух избранных лиц или нет? Вот поставленный перед съездом вопрос. Может случиться, что Центр. Ком. не согласится войти в ту комбинацию, которая создавалась новым положением вещей, и тогда редакция Центр. Орг. образует Совет, составляет Центр. Ком. и является полноправным вершителем судьбы партии. Съезду предстоит решить, доверяет ли он всю судьбу партии этим двум лицам. Вопрос настолько важен, что доводы конспирации не могут здесь играть роли: когда речь идет о жизни партии,—не говорят о конспирации. Но вопрос о конспирации здесь и потому излишен, что «компактное большинство» в 24 голоса, голосующее, как один человек, по знаку своего вождя, знает и будет знать весь Центр. Ком.; было бы несправедливостью по отношению к меньшинству поставить его в худшее положение. Я, однако, высказываюсь против предложения тов. Мартова, так как я еще не растерял своих принципов и считаю голосование по запискам ограничением личной свободы при выборах.

Русов. Товарищи Егоров и Мартов претендуют на яснovidение, но все остальные так же серьезно смотрят на вещи. Вопрос о выборе Центр. Ком.—вопрос интересующий всех. Будут ли выбираться отдельные лица или целые списки—в основе этого все равно лежит соображение о дееспособности Центр. Ком. По предложению тов. Мартова, вместо одного лица будут известны девять лиц. Не знаю, откуда такая уверенность у тов. Мартова, что будут представлены только три списка. Списков может быть представлено куда больше,—и на съезде будут фигурировать не девять, а большее число активных революционеров, работающих в России. Это я считаю очень неконспиративным.

Троцкий. Тов. Русов не понял простых практических соображений, приведенных мною. Выбирать не по спискам возможно только в том случае, если между большинством делегатов произошло неофициальное, вполне допустимое, разумеется, соглашение по поводу комбинации кандидатов в Ц. К. Но раз произошло такое соглашение, то будет лицемерием скрывать его, а лицемерие, разумеется, хуже того яснovidения, о котором говорил тов. Русов. Что же касается слов тов. Плеханова, что не оскудела Росс. Социал-Демокр. Партия литературными силами и что не приходится

поэтому, бояться за участь редакции, то это лишь парадная фраза в определенном ложноклассическом стиле, и с нею приходится считаться как с таковой.

Ленин. Нас упрекали, что существует компактное большинство. Последнее ничего худого собой не представляет. Раз здесь образовалось компактное большинство, то было уже взвешено, окажется ли выбранный Центр. Ком. дееспособным. Говорить о случайности нельзя. Гарантия есть полная. Выборы нельзя откладывать. Времени осталось очень мало. Предложение тов. Мартова отсрочить выборы—неосновательно. Поддерживаю предложение тов. Русова.

24-мя гол. принято предложение о закрытии прений.

Мартов предлагает при голосовании разбить его резолюцию на две части: 1) все предложение о порядке голосования, кроме предложения о голосовании по спискам, 2) голосование по спискам.

Предложение Мартова отвергнуто 22 голосами против 17, при 5 воздержавшихся.

Фомин вносит предложение о выборе трех товарищей для проверки поданных записок.

Предложение это отклонено 23 против 15.

Голосуете предложение Русова *) и принимается 24 голосами против 6 при 14 воздержавшихся.

Попов (для заявления). Так как до меня дошли слухи о том, что некоторые товарищи хотят избрать меня в Ц. Ком., то я должен заявить следующее: я убежден в том, что при настоящих условиях выборов Ц. Ком. окажется коллегией, совершенно неспособной. Поэтому я прошу товарищей меня не избирать⁸⁸).

Тайным голосованием производятся выборы в Центральный Комитет, по окончании которых слово для личного замечания получает тов. Сорокин.

Сорокин (личное замечание). Сослаться на частный разговор я был вынужден исключительными обстоятельствами. Благодаря указанию нескольких ораторов и, в особенности, благодаря Zwischenruf'am, что проект порядка дня с'езда составлен только одним из редакторов, получилось неправильное впечатление о намерениях автора, при внесении пункта о выборе редакции. Только тогда я решил сослаться на разговор с тов. Мартовым, из которого я узнал, что упомянутый проект был одобрен им и еще другим редактором. Этим я хотел лишь указать, что никакого злого умысла, в данном случае, со стороны тов. Ленина не было.

(Заседание закрывается).

*) Резолюция Русова: «Результаты голосования определяет председатель и объявляет с'езду имя только одного из членов Центр. Ком.

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ.

(Присутствует 36 делегатов с 44 манд. и 11 лиц с сов. гол).

Председатель. Прежде чем сообщить результаты выборов в Ц. К., я, по поводу запроса тов. Троцкого, прошу съезд ответить: желает ли он, чтобы были сообщены результаты подсчета голосов.

Фомин. Я думаю,—вопрос разрешается легко. Решено из конспиративных соображений, сообщить одно лишь лицо из выбранных в Ц. К. С конспиративной стороны, нет оснований не объявлять количества голосов, поданных за каждого делегата.

Председатель читает предложение тов. Павловича: «Съезд не требует опубликования количества голосов».

Павлович мотивирует свое предложение: «компактное меньшинство» желает при обнародовании количества голосов, поданных за каждого делегата, опубликовать этим самым отношения, установившиеся к концу съезда между меньшинством и большинством. Тов. Фомин, настаивая на опубликовании результатов, ничем не мотивирует своего желания. Он говорит—нет основания не опубликовывать, но в то же время он не приводит ни одного основания, по которому следовало бы опубликовать.

Я не стану здесь строить предположений о целях, в виду которых это меньшинство, может быть, желает использовать цифры голосов... Это—мое личное мнение.

Троцкий. Я не предполагал, что тов. Павлович будет недоумевать. Что касается мотивировки тов. Павловича, то судить о ней я предоставляю его совести. Это соображение недостойно того компактного большинства, защитником которого является тов. Павлович. Что касается боязни за Ц. К., который потеряет от опубликования цифровых данных голосования, то это недостойно Ц. К. Я надеюсь, что он выше таких соображений и отмахнется от защитников, подобных тов. Павловичу. Съезд в праве требовать результата собственного голосования,

Мартов. Я присоединяюсь к тому, что сказал тов. Троцкий. Я должен добавить, что бюро должно было присоединиться к предложению тов. Павловича. Мы выслушали, что предложение—не только от компактного большинства, но и от представителя бюро. Но если тов. Павлович не может стать на высшую точку понимания, то бюро не должно присоединяться. Предлагаю обратиться к съезду.

Павлович. Повторяю, что я говорил от собственного имени. Тов. Фомин не мотивировал, почему он требует опубликования. Тов. Троцкий

строит предположение на таком же основании, и я имею право строить. Я не понимаю, на каком основании требуется опубликование.

Председатель читает следующее поступившее в бюро заявление:

«В выборах в Ц. К., в виду тех условий, при которых они производились, не приняли участия делегаты следующих организаций, представленных на съезде: 1) организация «Искра» — 2 мандата (делег. Мартов); 2) Крымский Союз — 2 манд. (делег. Панин); 3) Николаевский Ком. — 2 манд. (деп. Махов); 4) Сибирский Союз — 2 манд. (делегаты Посадовский и Троцкий); 5) Группа «Освобождения Труда» — 1 манд. из двух (делегат Дейч); 6) Уфимский Ком. — 1 из двух (делег. Фомин); 7) Социал-Демократический Союз Горнозаводских рабочих — 2 манд. (делег. Львов); 8) Одесский Ком. — 1 мандат из двух (делег. Костич); 9) Донской Ком. — 1 мандат из двух (делег. Царев); 10) Группа «Южный Рабочий» — два мандата (делегаты Попов и Егоров); 11) Харьковский Комитет — 2 манд. (делегаты Иванов и Медведев); 12) Московский Комитет — 1 мандат (делег. Белов).

«Со всеми вышеподписавшимися принципиально согласны следующие лица, приглашенные с совещательными голосами: В. И. Засулич, Н. Б. Аксельрод, Старовер, члены бывшего Организационного Комитета — Штейн и Фишер, Д. Кольцов и Костров».

Брукер. Я воздержался потому, что отказывался голосовать и тогда, когда вотировался устав целиком. Поэтому не могу и сейчас вотировать.

Плеханов. Среди подписей есть подпись тов. Дейча, как делегата от «Группы Освобождения Труда». Я просил бы его отметить рядом с его подписью, что это подпись одного из делегатов.

Дейч. Присоединяюсь — это и мое желание.

Председатель. Предлагаю съезду решить вопрос, — следует ли опубликовать результаты подсчета.

При голосовании предложения тов. Павловича подано 22 гол. за и 22 против.

Троцкий. Напоминаю о принятом съездом предложении о том, что в случае, если голоса разбиваются поровну, то вносимое предложение считается отклоненным.

Егоров. Предложение тов. Павловича есть ограничение компетенции съезда: Съезд суверенен и должен знать все, о чем он постановляет, за исключением того, что исключается им специально. Предложение тов. Павловича есть ограничение прав съезда. И об ограничениях говорить не стоит.

Председатель читает результаты подсчета — 24 голосами из поданных 24 голосов избраны в Ц. К., три товарища, из которых, по соглашению с ним, называю тов. Глебова (аплодисменты).

Фомин. Отмечаю, что из 44 делегатов 20 воздержалось от голосования.

Ленин. Приступаем к выборам пятого лица в Совет Партии.

Русов. Предлагаю произвести выборы тайной подачей голосов и объявить имя выбранного.

Мартов. Не понимаю, почему тов. Русову надобно огласить имя пятого члена Совета. Если мы конспирируем об именах членов Ц. К., то

последовательнее всего было бы конспирировать и об имени пятого лица в Совете.

Русов. Ничего не имею против.

Лядов. Мы решили конспирировать об именах член. Ц. К., потому что им придется жить и действовать в России, в то время как пятый член Совета Партии, по самой должности своей, должен жить за границей. Отсюда ясно, что мотивов для конспирирования его имени не существует.

Троцкий. Совет Партии не подвергнут вечному изгнанию. Желание тов. Лядова не мотивировано.

Мартов. Тов. Лядов заявил, что заранее предрешен вопрос о пятом члене (*протест*).

Евров. Так как съезд выбирает лицо, неизвестное ему, и так как неизвестно, согласится ли оно, я не представляю себе, как продолжить выборы, если первый избранный откажется.

Ленин. Съезд решает этот вопрос только в принципе; если невозможно будет, то мы ничего не будем иметь против оглашения имени отказавшегося.

Костич спрашивает, может ли быть опубликовано число голосов?

Ленин. Это будет видно из постановления бюро или съезда.

Голосует предложение тов. Русова («не сообщать имени пятого») и принимается 22 против 21, при одном воздержавшемся.

Предложение Кострова («сообщить имя пятого, если он живет за границей») отклонено 22 голосами против 22.

Орлов вносит предложение об избрании тов. Ленина для подсчета голосов.

Плеханов просит не избирать его для подсчета.

Попов просит тов. Плеханова сообщить, почему он отказывается.

Плеханов. Я не отказывался, а только просил, чтобы меня не избирали.

Производится тайное голосование записками: 18 голосов подано за Ленина, два голоса—за Павловича, два—за Плеханова и один—за Фомина; 21 отказался от подачи записок.

Затем производится выборы пятого члена Совета. О результате этих выборов Ленин сообщает: «Подано 24 записки, из них 20 за одно лицо, две—за другое и две—пустых».

Попов. Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?

Ленин. Прошу отметить, что часть съезда воздерживалась, а не отказывалась...

Председатель. Когда аналогичный вопрос был поднят товарищами Мартыновым и Акимовым, я, при общем сочувствии съезда, объяснил им, что практика знает лишь три формы участия в голосовании: за, против и воздержание; четвертая форма неизвестна и не существует. Бюро не поколебимо в этом своем мнении.

Мартов. Тов. Попов ошибается; вопрос обстоит именно так, как его представило бюро. Юридически, конечно, наш отказ от голосования имеет равное значение с воздержанием, но благодаря тайному характеру данного

голосования, мы должны были выбрать особую форму этого воздержания. Что же касается законности решений с'езда, то требуется абсолютное большинство участвующих в голосовании: оно получено, — следовательно, решения с'езда законны.

Решено ближайшие заседания посвятить чтению протоколов и пригласить на них, согласно их просьбе, товарищей из Бунда и товарищей Акимова и Мартынова.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

(Присутствует 38 делегатов с 46 мандатами и 11 лиц с совещательными голосами).

Читаются и после некоторых поправок утверждаются протоколы 28 и 26 заседаний.

Затем читается протокол 17 заседания, по поводу которого тов. Мартынов замечает, что в протоколе его речь характеризуется, как «длинная». «Секретарь, говорит тов. Мартынов, не газетный репортер, и потому в протоколе не должно быть его оценки». После соответствующей поправки протокол принят. Точно также прочитана и утверждена вторая часть протокола 28 заседания.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Присутствует 38 делегатов с 46 мандатами и 11 лиц с совещательными голосами).

Читается протокол 14 заседания и после небольших поправок утверждается.

Читается протокол десятого заседания.

Горин вносит поправку в свою речь.

Троицкий просит прочесть еще раз речь тов. Павловича, так как в том виде, как она прочитана, она представляется ему бессмысленной. Он спрашивает, была ли эта речь записана или доставлена, и просит занести свой запрос в протокол.

Посадовский. В виду того, что со времени заседания, протокол которого мы сейчас слышали, прошло уже много времени, трудно помнить сейчас, действительно ли та или другая фраза была произнесена тем или другим оратором. Но я убежден, что если-бы тов. Павлович, действительно, сказал свою речь в том виде, как она нам сейчас прочитана, я не мог бы не обратить внимание на фразу «об операции» над будущим партийным органом: так типична эта фраза. Поэтому я утверждаю, что в таком виде она сказана не была. Это и прошу записать в протокол.

Осипов говорит, что проверил речь тов. Павловича и она соответствует записи.

Мартов утверждает, что он не помнит, чтобы фраза об «операции», которую мы можем произвести над органом, была произнесена.

Павлович. Я представил свою речь тотчас после ее произнесения, о чем прошу секретарей вспомнить. Я отвечал тов. Акимову, который недоумевал, что значит «выбор центрального органа». Тов. Акимов запрашивал, подразумевается ли под этим вся та сложная работа, которая должна быть произведена при организации редакторского дела. Отсюда ясно, что если мысли тов. Посадовского были направлены на медицинские операции, то это его дело. Я употребил это слово в деловом, коммерческом, техническом, каком хотите, только не в медицинском смысле.

Лядов утверждает, что он был секретарем десятого заседания и помнит, что тов. Павлович доставил свою речь в тот же день.

Махов. Мне помнится, что тов. Павлович, действительно, говорил об операции, но это касалось тов. Акимова, и мы не знали, что найдутся

другие, которые захотят произвести операцию, поэтому мы не обратили на это внимания.

Гусев утверждает, что помнить точно речь тов. Павловича и что она верно изложена в протоколе.

Троцкий говорит, что он не выражал никаких сомнений, а только наводил справки. Он напоминает президиуму, что не прочтена поправка Горина.

Председатель Плеханов говорит, что президиум сам знает свои обязанности.

Осипов читает поправку Горина.

Мартов просит занести в протокол, что после объяснений Павловича он остался при своем сомнении относительно точного содержания записанной речи Павловича.

Председатель говорит, что ему не ясно право членов съезда делать подобные замечания. Так как ни бюро, ни съезд сейчас не в полном составе, то не лучше ли отложить этот вопрос до завтра.

Павлович. Всякое заявление должно закончиться каким-нибудь юридическим актом. Я предлагаю поэтому выход из данного инцидента: не утвердим этого протокола, если этого желает съезд, пока я не доставлю тов. Мартову данных, достаточно для него убедительных.

Горин просит занести в протокол, что тов. Троцкий подверг сомнению его поправку.

Троцкий отрицает это, говоря, что воспользовался своим правом члена съезда проверять и утверждать протоколы.

Горин настаивает на своем заявлении: Троцкий мог предъявить свое требование после того, как бюро само не исполнило бы своих обязанностей.

Фомин объясняет этот инцидент тем, что секретарь после получения поправки не прочел ее и объявил чтение протокола законченным.

Осипов просит занести в протокол, что речь Павловича была им проверена.

Павлович передает руководство прениями тов. Плеханову. Просит занести в протокол, что он все время своего сегодняшнего председательствования следил за тем, чтобы поправки читались,—поэтому полагает, что запрос тов. Троцкого относительно поправки Горина был излишен.

Троцкий. Инцидент исчерпан за разъяснениями председателя и занесением всех заявлений в протокол. Мы уже перешли к другим вопросам, как один из членов президиума имел—скажу—бестактность возродить инцидент, назвав мой запрос неуместным.

Протокол десятого заседания утверждается.

Читается затем протокол 23 заседания.

Плеханов. У меня записана фраза из речи тов. Троцкого «оппортунизм создается объективными условиями развития пролетариата». Мне было бы желательно, чтобы эта фраза, пропущенная в протоколе, была сохранена.

Троцкий. Я отрицаю подобную фразу в своей речи. Я сказал: «На мой взгляд, оппортунизм определяется более глубокими причинами, чем тот или другой пункт устава,—нет, он вызывается относительным уровнем

развития буржуазной демократии и пролетариата, влиянием первой на второй и другими сложными причинами».

Плеханов не отрицает только что указанной фразы Троцкого, но он утверждает, что Троцкий была произнесена фраза, которую он процитировал. В подтверждение своих слов он ссылается на тов. Акимов, который, после речи Троцкого, сказал, что он совершенно согласен с Троцким.

Акимов заявляет, что он, действительно, помнит, что согласился с Троцким, но этих слов не помнит.

Мартынов подтверждает, что тов. Троцкий произнес только упомянутые им выше слова, приписываемая же ему тов. Плехановым фраза не была сказана.

Плеханов обращает внимание тов. Мартынова на то, что смысл фразы, приписываемый им тов. Троцкому, совершенно одинаков со смыслом объяснения, данного тов. Троцким.

Мартов. Я, Карский и Больдов подтверждаем, что тов. Троцкий не произнес той фразы, о которой говорит тов. Плеханов.

Акимов. Я могу указать на то, что если бы тов. Троцкий сказал подобную фразу, то я не мог бы сказать, что согласен с ним.

Лдов. Прошу занести в протокол, что в речи Троцкого пропущена фраза, только что им прочитанная.

Троцкий. Я в доставленной мною речи пропустил еще многое. Я пропустил, например, критику фразы тов. Плеханова об агентах четвертой степени. Я полагаю, что не так важно увековечить все мои слова. Если тов. Плеханов другого мнения, то я могу и эти слова занести в протокол. Я утверждаю, что приписываемой мне фразы я не произнес. Я полагаю, что весь инцидент может быть исчерпан, если в протокол сегодняшнего заседания будет занесен запрос тов. Плеханова и мой ответ.

Председатель Плеханов просит Троцкого занести в бюро письменно текст этой фразы.

Троцкий находит, что он не обязан исполнить этого. Он доставит свою речь секретарю.

Инцидент исчерпан.

Председатель Плеханов просит секретаря прочесть объяснение Троцкого.

Секретарь Егоров говорит, что секретари не обязаны сейчас прочитывать свои записи. Они читают их в том заседании, в котором утверждают протоколы.

После этого протокол 23 заседания утверждается.

Читаются затем и утверждаются протоколы 24, 25, 16 и 33 заседаний.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

(Присутствует 43 делегата, в том числе делегаты Бунда и Союза для выслушания протоколов с 51 мандатом и 11 лиц с сов. гол.).

С'езд, по предложению Ленина, разделяется на две группы, чтобы ускорить дело с утверждением протоколов. Часть делегатов удаляется в другую залу, в том числе и делегация Союза и Бунда.

Читается протокол 34 заседания и утверждается.

Читается протокол 32 заседания.

Фомин, Мартов и некоторые другие протестуют против употребления слова «воздержались» при голосовании, вместо «отказались» от участия в голосовании.

Мартов утверждает, что воздержание было бы в том случае, если бы подавались пустые записки, как это и было сделано одним или двумя делегатами. Отказ со стороны остальных делегатов вообще подавать записки не воздержанье, а отказ.

Так же смотрят Карский, Костров, Кольцов. Посадовский утверждает, как факт, что некоторые заявили, что отказываются. То же подтверждает тов. Лядов.

Ленин подчеркивает тот факт (смотри заявление Лядова и Посадовского), что некоторые действительно заявили, что отказываются, а не воздерживаются; но юридически для членов с'езда, находящихся в зале заседаний, есть только три формы голосования: за, против и воздерживаюсь; под последнюю категорию он подводит и неподачу записок.

Гусев утверждает, что некоторые, — кто именно, он не помнит, — воздерживались. Говорит, что можно занести заявление обеих сторон в протокол, и выражает удивление, что из-за такого пустяка поднимается инцидент.

Фомин утверждает, что все 20 человек отказались, а не воздержались; он указывает, что при выборе редакции 20 ч. воздержалось; он полагает, что следует отличать эти два вида воздержания. Просит, чтобы заносилось в протокол все, что происходит, без какой бы то ни было квалификации фактов.

Посадовский присоединяется к этому мнению.

Егоров не может считать вместе с тов. Гусевым пустяком поднятый вопрос. Все 20 говорили «отказываюсь», а тов. Брукер сказал: «отказался».

Мартов просит скорее закончить инцидент, заявляя, что хотя, конечно, меньшинство должно подчиняться большинству, но оно в праве требовать, чтобы большинство правильно составляло протоколы.

Ленин просит секретаря сделать в протоколе соответствующие изменения.

Троцкий вносит следующую поправку к речи Павловича: «Тов. Павлович сказал: «Я не стану здесь доказывать (строить предположения) относительно тех целей, в которых образовавшееся здесь несомненно компактное меньшинство хочет использовать цифры голосов». В то время, как тов. Павлович произносил эти слова, в зале поднялся шум, и тов. Павлович прибавил: «это мое субъективное мнение».

Павлович настаивает на той формулировке, которая имеется в протоколе.

Протокол 32 заседания утверждается.

Читается протокол 31 заседания.

Мартов. Относительно места в речи тов. Лепина, что ему был предложен мною проект редакционной тройки, я утверждаю, что такого места не помню. Если бы я его слышал, то я опротестовал бы его. Прошу занести это в протокол.

Орлов и *Гусев* подтверждают, что тов. Ленин в своей речи говорил, что ему проект был предложен двумя редакторами «Искры».

Ленин просит занести это в протокол.

Ленин. Соглашаясь на поправки тов. Костица и Панина *), я заявляю, что моя мысль состояла в том, что тов. Мартов считает для себя оскорблением вступление в редакционную тройку без остальных своих товарищей.

Троцкий. Ленин настаивает, что его не поняли, вследствие прерывов. Но его именно потому прерывали, что его хорошо поняли. Прошу занести это в протокол.

Мартов предлагает занести в протокол предложение Горина о скрытии имен всех членов Ц. К.

Гусев предлагает упомянуть в протоколе, что после заявления тов. Попова о его нежелании принимать участие в Ц. К., раздалась аплодисменты со всех сторон.

Ленин там же предлагает вставить, что в числе аплодирующих был и тов. Плеханов.

*) Начало речи Ленина (см. засед. 31), согласно записи, гласило так: «Речь Мартова была настолько странная, что я вижу себя вынужденным решительно встать против его постановки вопроса. Я понимаю прежде всего, что протест Мартова против выборов редакции, отказ его и его товарищей от участия в имеющей быть выбранной редакцией, находится в вопиющем противоречии с тем, что говорили все мы (и Мартов в том числе), когда партийным органом была объявлена «Искра». Нам возражали тогда, что такое признание не имеет смысла, ибо нельзя утверждать одного заговора без утверждения редакции, и сам же тов. Мартов разъяснил возражателям, что это неправда, что утверждается определенное политическое направление, что состав редакции не определяется ничем, что выбор редакторов предстоит еще впереди, по пункту 18 нашего порядка дня. Поэтому тов. Мартов не имел теперь решительно никакого права говорить об ограничении признания «Искры».

Мартов предлагает отметить, что тов. Плеханов и Ленин вотировали против нового возбуждения вопроса о редакции и за представление двум избранным редакторам права кооптировать третьего.

Махов предлагает внесение в протокол того обстоятельства, что в вопросе об утверждении старой редакции (предложение Белова) тов. Плеханов и Ленин первый раз воздержались, а когда результаты голосования оказались за предложение, они при вторичном голосовании уже приняли в нем участие и голосовали против. Кроме того, он требует отметить, что оба раза Мартов воздержался.

Панин указывает на то, что при голосовании вопроса о разрешении тов. Мартову объясниться перед съездом, голосовал против один только тов. Плеханов.

Плеханов заявляет от имени бюро, что оно считает неправильным и противоречащим регламенту опубликование результатов неименных голосований и следствия по поводу этих голосований, но он, Плеханов, лично, равно, как и Ленин, берет на себя всю нравственную ответственность за свои действия и, поэтому, лично не восстает против опубликования жотума.

(Заседание закрывается).

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

(Присутствует 36 делегатов с 44 мандатами и 11 лиц с совещательным голосом).

Читается протокол 30 заседания.

Дейч. В прочитанном протоколе, где приводится речь тов. Русова, последний говорит, что «такой старый революционер, как Дейч, увидел недоверие к членам редакции в том, что съезд их пожелал избирать». Между тем, как видно из того же протокола, я в дебатах не участвовал и от слова отказался. Тов. Русов мог заключить о моем отношении к его предложению избирать трех членов редакции только из моих Zwischenruf'ов. Но и это не важно, так как в Zwischenruf'ах я говорил не о «недоверии», а о большем, — о преступности его предложения, потому что вносящие такое предложение, по моему, совершили преступление перед будущим нашего движения. Я предвидел, что предложение тов. Русова приведет к таким именно последствиям, какие теперь получились, т. е. к выходу из редакции большинства ее членов. Также не верны слова тов. Сорокина, будто я сказал, что нужно «пригвоздить к позорному столбу лиц, вотировавших за предложение Русова». Я ничего подобного не говорил.

Русов. То, что прочитано сейчас, действительно мною было сказано. Следовательно, не нахожу возможным изменить содержание своей речи, а замечание Дейча можно внести в протокол сегодняшнего заседания.

Дейч. Только этого я и желаю.

Сорокин. Замечания мои относились не к словам Дейча, а к его поступкам. Тов. Дейч встал и сказал: «посмотрим, кто решится».

Дейч. Я не говорил: кто решится, а сказал: мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся поддержать такое преступное предложение, как избрание трех. Здесь дело шло не о малодушии, господа, а о вашей близорукости, недалекости.

Гусев. На точности представленной мною речи не настаиваю; возможно, что она не фотографически верна, так как я был тогда болен, и потому прошу товарищей, если что неверно, помочь мне восстановить ее в истинном виде.

Костров. Я хотел Гусева спросить кое о чем, но настоящим заявлением Гусева поставлен в затруднительное положение. Спрашивают, где передано правильное: в экстракте, который начал читать секретарь, или

же в собственной рукописи тов. Гусева, где речь идет о должностных лицах редакции.

Гусев. Если кто из товарищей подтвердит, что я употребил слова «должностные лица», а не «администратция», то я согласен поправить. Одному Кострову я не верю.

Костров. Я говорю не о своем воспоминании, а о записях секретарей.

Троцкий. Речь тов. Павловича неправильно составлена. Очень важных выражений нет. Во первых, он сказал—и этой фразы нет—«то, что сама коллегия «Искры», благодаря большим потугам, совершила нечто порядочное, так это не благодаря, а malgré». А затем: «представляя проект тройки, авторы этим говорят: вот на каких условиях и в какой комбинации мы только и согласны работать».

Павлович. Как толкует тов. Троцкий, мне не интересно, а мне важно, что я думал, когда я говорил. Я сказал, что не смотря на несовершенную организацию в редакторской коллегии, она достигла больших результатов. Подозрений и обвинений в недоброжелательности к «Искре» я не боюсь. Я только отстаивал, что мы имеем не только право, но и обязанность дать ей удобные для работы формы.

Дейч, Понов и Панин подтверждают слова Троцкого.

Павлович. Я настаиваю на том, чтобы в экстракты из моих речей не вносить поправки, изменяющих смысл этого экстракта; они могут быть занесены в протокол.

Дейч. Не понимаю, как тов. Павлович может отрицать слова, несомненно им сказанные; 20 чел. слышали.

Беков. А 20 не слышали.

Павлович просит занести это в протокол.

Карский. Возможно, что те 20 потому не слышали, что им не велено было.

Председатель (Плеханов). Ваши замечания не соответствуют достоинству с'езда, и я не могу допустить их.

Беков. Не понимаю, как можно считать, сколько человек слышали и сколько нет. Я утверждаю, что из речи тов. Павловича никоим образом нельзя было сделать такого вывода, какой следует из поправки Троцкого, а потому считаю, что поправка Троцкого неверна.

Председатель (Плеханов). Не считаю возможным превратить заседания с'езда в судебные заседания. Это недостойно с'езда. Поправки вносятся, даются свидетельские показания.

Павлович. Я приветствую слова тов. председателя, напоминающие некоторым товарищам, что мы на с'езде, а не на судебном разбирательстве; только я не разделяю его оптимизма, что эти напоминания излишни. Тов. Карского я спрошу, когда уснул он собрав такую точную статистику (20 чел. слышали). Костров уверяет, что в экстракте моей речи нет той фразы, которую он запомнил. Ему, как и товарищу Троцкому, я рекомендовал бы восстановить тогда уж всю мою речь, тогда, может быть, те отдельные фразы получают тот смысл, который я хотел им придать. Вещь общеизвестная, что выхваченную из контекста фразу можно толковать как угодно. Я думаю, всякому ясно, что мне здесь навязывают тенденцию, которой я никогда не мог иметь.

Троцкий. В своей речи Муравьев сказал: «Мы знаем, кто больше, кто меньше подвержен таким шероховатостям». Считаю эту поправку очень важной, так как она повлекла за собой выход из залы заседания товарища Мартова и всей редакции «Искры».

Панин. Было сказано: «на съезде обнаружались шероховатости, имеющиеся в редакции; большинство уже выяснило себе, кто склонен к шероховатостям».

Муравьев. Я хочу обратить внимание съезда на то, что уже сами по себе передачи моих слов, сделанные товарищами Троцким и Паниным, далеко не одинаковы по смыслу и еще более не похожи на мою формулировку, так как в данном случае дело касается исключительно моих слов, то я позволяю себе привести две формулировки этих слов, заявленные в частном разговоре лицам, очень близко затронутыми данным инцидентом. Одно из этих лиц утверждало, что я сказал буквально следующее: «и мы (т. е. большинство съезда) знаем, кто их («шероховатости») производит». Другое лицо не менее категорически заявило, что я сказал: «мы знаем, как их производят». Предоставляю товарищам-делегатам попытаться согласовать эти четыре формулировки так, чтобы получилось что-нибудь общее им всем и сходное с тем, что гласит моя собственная формулировка. Я хотел сказать именно то, что мною записано. Я указал на то, что «шероховатости» среди редакции существуют и для большинства съезда ясно видны. Но я отнюдь не говорил, что речь идет о «шероховатостях» личного характера. Я категорически утверждаю, потому что—и смело говорю это—слишком уважаю товарищей из редакции, чтобы заниматься разбором такого свойства «шероховатостей». Я говорил о тех «шероховатостях», которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам—«шероховатостях» принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать. Вот почему я настаиваю, что моя формулировка точно передает смысл и содержание моих слов.

Павлович. Я понимал Муравьева так, что он не отрицал возможности шероховатостей во всякой коллегии.

Мартов. Согласен с предположением, что не должно быть судебных разбирательств. Объяснения, данные Муравьевым, разъяснившим, что именно он желал вложить в содержание своей фразы, будут, понятно, занесены в протокол и исчерпывают таким образом инцидент.

Муравьев. Я еще раз подчеркиваю факт существования четырех таких различных толкований моих слов, которые указаны мною выше. На основании этого факта я утверждаю, что существует полное соответствие того, что я сказал о шероховатостях, с формулировкой, данной мной.

Читается и утверждается протокол 29 заседания.

Читается протокол 27 заседания (половина) и утверждается.

Читается протокол 35 заседания и утверждается.

Ленин. Остается решить вопрос, в протокол какого заседания вносить названия лиц, принимавших то или другое участие в бесыменных голосованиях.

Панин. Если аплодисменты Плеханова вносились по настоянию Ленина в протокол того заседания, когда дело происходило, то и воты должны быть там же зарегистрированы.

Мартов тоже настаивает на внесении того и другого, или же ни одного.

Ленин согласен с *Мартовым*, что то и другое должно быть занесено в протокол последнего заседания.

Читается исправленный устав Партии и утверждается окончательно.

Прочитывается одна из принятых поправок к третьему пункту программы. Принята.

Съезд переходит затем к следующему пункту порядка дня: Порядок оглашения решений съезда. *)

Егоров. Во избежание нареканий стою за то, чтобы в комиссию по обнародованию протоколов были выбраны представители от двух расколовшихся половин.

Лядов предлагает в комиссию Дейча, Фомина и Горина.

Принята резолюция *Егорова*. **)

В комиссию избраны: *Старовер*, *Кольцов* и *Горин* ⁵⁹⁾.

(Заседание закрывается).

*) Часть прений по этому пункту и некоторые из принятых резолюций не публикуются по причинам конспиративного характера.

Примечание комиссии.

**) Резолюция *Егорова*: «Для обнародования протоколов избрать специальную комиссию из представителей обеих половин съезда».

ЗАСЕДАНИЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

(Присутствует 36 делегатов с 44 мандатами и 11 лиц с совещательным голосом).

Фомин читает письма делегатов Бунда и их заявление (см. приложение X).

По поводу этого заявления предложена резолюция.

Егоров вносит следующее предложение: «Предлагаю разрешить Бунду пользоваться протоколами в тех пределах, в каких комиссия найдет возможным».

Мартов вносит по этому поводу следующую поправку: «Пользование этими протоколами может быть дозволено Бунду только с момента опубликования той их части, которую комиссия постановит огласить, и только в той части, которая относится к периоду пребывания делегации Бунда на съезде. Пользование протоколами предполагает со стороны Бунда обязательство не печатать того, что не будет опубликовано Рос. Соц.-Дем. Раб. Партией».

Предложение Егорова и поправка Мартова приняты.

Принята резолюция о Бунде. *)

Предложена резолюция Ленина и Плеханова о сектантском органе. **)

Егоров. Так как обсуждение теперь невозможно, то я предложил бы не ставить предложения о поручении одному лицу издавать соц.-дем. литературу.

*) Резолюция Мартова. Принимая во внимание, а) что второй съезд Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии поставил себе целью объединение в одну сплоченную партию всех действующих в России социал-демократов; б) что в частности одной из задач его было установление теснейшей связи между Всеобщим еврейским рабочим союзом и остальными частями нашей партии; в) что, несмотря на признание Бундом общепартийной программы, такое объединение не могло состояться вследствие принципиального разногласия по вопросу о положении Бунда в Партии; и сознавая тот тяжчайший ущерб для предпринятого дела объединения, которое неизбежно принесет выступление Бунда из Партии. — второй съезд Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии выражает по этому поводу свое глубочайшее сожаление и высказывает в то же время твердую уверенность в том, что с дальнейшим ростом движения эти разногласия исчезнут и произойдет, необходимое в интересах освободительной борьбы рабочего класса, полное слияние пролетариата всех национальностей в одну Рос. Соц.-Дем. Раб. Партию. Попов, Иванов, Егоров, Медведев, Белов, Махов, Царев, Фомин, Львов, Русов, Лядов, Горский, Муравьев, Беков, Дедов, Степанов, Гусев, Южин, Плеханов.

**) При обсуждении всех следующих резолюций двое могут говорить за и двое против.

Ленин. Бонч-Бруевич—лицо не безызвестное, он член Лиги. Ставить предложение это можно, так как орган будет издаваться в виде опыта и под контролем Ц. О. и Ц. К.

Егоров. Прошу занести в протокол, что при обсуждении вопроса о «Южном Рабочем» нас не спрашивали о том, на чьи средства будет издаваться «Южный Рабочий»; считали недостаточным соображение о том, что издание «Южного Рабочего» не может принести вреда общему делу. Теперь тов. Ленин считает последнее достаточным доводом для принятия предложения тов. Бонч-Бруевича. Что касается контроля Ц. О., то я должен указать, что и мы не отказывались подчиняться контролю Ц. О., Ц. К. и всяких других центральных учреждений.

Мартов предлагает изменить конец резолюции Плеханова и Ленина. *)

Поправка Мартова принята, **) а затем и резолюция Ленина и Плеханова с указанной поправкой **).

Обсуждается резолюция Ленина о грузино-армянской газете. ***)

Брукер. Существует ли Кавказский Союз?

Русов. Он существует, но еще не оформлен; его устав вырабатывается.

Мартов предлагает вычеркнуть из резолюции слово «партийный».

Посадовский. Если эта резолюция ограничивает права Ц. К., то она вредна; если она не стесняет Ц. К., то она излишня.

Карский. Нужна поправка, так как Союз еще не утвержден. (Столь же новение с председателем, так как Карский говорит против резолюции, взявши слово, чтобы говорить за).

Принято по этому поводу предложение Кострова.

Обсуждается резолюция о показаниях. ****)

*) Резолюция Ленина и Плеханова о сектантском органе: «Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, второй съезд обращает внимание всех членов Партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии. В виде опыта, съезд разрешает товарищу В. Бонч-Бруевичу издавать, под контролем редакции Ц. О., популярную газету «Среди сектантов» и поручает Ц. К. и редакции Ц. О. принять необходимые меры к осуществлению этого издания и к определению всех условий его правильного функционирования». Ленин, Плеханов, Дедов, Горский, Осипов, Лядов, Герц, Степанов, Муравьев, Ланге, Гусев, Павлович.

**) Поправка Мартова: весь конец резолюции, начиная со слов: «В виде опыта...» заменить словами: «Съезд поручает Ц. К. заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе тов. Бонч-Бруевича».

***) В протоколах этой резолюции не оказалось, а также предложения Кострова по этому поводу.

(Прим. комиссии).

****) Резолюция Павловича о показаниях на следствии: «Принимая во внимание а) что всякие показания, даваемые революционерами на жандармском следствии, независимо от воли революционеров служат в руках следователей главным материалом для обвинения и привлечения к следствию новых лиц; б) что отказ от показаний, если он широко применяется, ни в каком случае не может ухудшить положения обвиняемых и что такая тактика будет содействовать в сильной степени революционному воспитанию пролетариата, второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии рекомендует всем членам Партии воздерживаться от каких бы то ни было показаний при жандармском следствии». Павлович, Степанов, Плеханов, Русов, Глебов, Осипов, Дедов, Страхов, Брукер, Браун, Горский, Лядов, Муравьев, Гусев, Костич, Львов.

Егоров против мотивировки, которая должна быть выброшена.

Дейч предлагает выбросить фразу «ни в каком случае не может ухудшить положение обвиняемых и что такая тактика».

Предложение *Дейча* принято.

Принята поправка заменить слово: «воздерживаться» словом «отказываться».

Затем принята вся резолюция с поправками.

Съезд переходит к обсуждению двух резолюций о либералах: 1) Старовер*) и 2) Плеханова.**)

Мартов. Я высказываюсь за резолюцию Старовера и против резолюции Плеханова и Ленина. Первая ставит вопрос на деловую почву, в то же время оттеняя наш принципиальный антагонизм с либералами. Вторая, дав правильную формулировку нашего принципиального отношения к буржуазии, кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это идти «на муху с обухом». Съезд представителей русского пролетариата сводит свое отношение к либеральной буржуазии на отношение к одному писателю!

Плеханов. Наша резолюция имеет в виду не «Освобождение», а определенное либеральное течение, органом которого служит «Освобождение», другого же течения нет. Отношение рабочих к этому направлению должно быть ясно и определено. В резолюции Старовера как раз нет общего принципа, и обращается главным образом внимание на возможное соглашение, как будто такое соглашение стоит на очереди, чего еще нет.

*) Резолюция Старовера о либералах: «Российская Социал-демократическая Рабочая Партия—самостоятельная политическая Партия пролетариата,—исходя из того положения своей программы, которое гласит, что Партия «поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка», не отказывается вступать и, если к тому представится надобность, вступит при посредстве своих центральных учреждений во временные соглашения с либеральными или либерально-демократическими течениями, при том, однако, условии, что, во-первых, эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону Российской Социал-демократии, что, во-вторых, они не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще, или затемняющих их сознание, и что, в третьих, своим лозунгом борьбы они сделают все общее, равное, тайное и прямое избирательное право». Старовер, Троцкий, Штейн, Колюпов, Мартов, Фишер, Аксельрод, Посадовский, Данин, Браун, Орлов, Осипов.

**) Резолюция Плеханова о либералах: «Принимая в соображение, что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом, что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность,—второй очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционный и контрпролетарский характер того направления, которое выражалося в органе г. П. Струве «Освобождение». Плеханов, Ленин, Павлович, Горский, Бекон, Русов, Муравьев, Лядов, Горин, Гусев, Степанов, Сорокин, Орлов, Осипов, Браун.

Костров. Резолюция должна подчеркивать разницу, существующую между буржуазией и пролетариатом. Имя Струве ничего не говорит рабочим.

Старовер. Я думаю, что в настоящее время важно установить условия, на каких возможно соглашение. Оно на очереди. Мы уже поддерживали студенческое движение, может возникнуть вопрос о поддержке земского демократического движения.

Ленин. Резолюция Старовера будет понята неправильно: студенческое движение и «Освобождение» — две вещи различные. Одинаковое отношение к ним будет вредно. Имя Струве слишком известно, и рабочие знают его. Тов. Старовер думает, что надо дать определенную директиву; по моему, нам нужно определенное принципиальное и тактическое отношение.

Поправка Кострова к резолюции Плеханова отвергнута. Обе резолюции (Старовера и Плеханова) приняты ⁶¹).

Обсуждается резолюция Аксельрода о соц.-рев. *)

Егоров. В программе мы говорим, что должны поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение. Таких движений у нас два: либеральное и соц.-рев. Оказывается, что на оба эти движения мы смотрим отрицательно. Выходит: как только оппозиционное движение при-

*) Резолюция Аксельрода о социалистах-революционерах: «Принимая во внимание, во-первых, что интересы русского пролетариата, вообще, и его освободительного движения, в особенности, требуют, чтобы он в борьбе с абсолютизмом выступал, как вполне самостоятельная политическая сила; во-вторых, что только деятельность, направленная на объединение пролетариата в такую силу, вносит социалистическо-революционное содержание в борьбу с абсолютизмом; признавая, далее, во внимание, что «социалисты-революционеры» теоретически и практически противодействуют усилиям социал-демократов сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии, — съезд констатирует, что социалисты-революционеры являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще.

Принимая затем во внимание, что свои буржуазные тенденции «соц.-рев.» преследуют под флагом социализма и что, кроме того или именно потому, они и как буржуазно-революционная фракция оказываются совершенно несостоятельными, съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для обще-демократической борьбы против абсолютизма.

Исходя из всего этого, съезд безусловно осуждает всякие попытки затуманить принципиальное и политическое значение разногласий между «соц.-рев.» и социал-демократами. Наоборот, он признает необходимыми, как в интересах развития политической самостоятельности русского пролетариата, так и в специальных интересах освободительного движения против абсолютизма, чтобы социал-демократы выясняли и подчеркивали буржуазные тенденции «социалистов-революционеров» и их практическую несостоятельность с точки зрения обще-демократической.

В виду вышеуказанных соображений съезд не считает возможным более или менее постоянный союз между социал-демократией и «социалистами-революционерами» даже в тесных рамках обще-демократических задач, но не исключает возможности временных соглашений между ними в тех случаях, когда по соотношению сил и характера предпринимаемых атак против абсолютизма, такие соглашения необходимы.

Аксельрод, Фишер, Мартов, Троцкий, Дейч, Кольцов, Штейн, Фомин, Старовер, Карский, Панин, Костич, Попов, Посадовский, Махов.

нимает конкретные формы — воп его. Где же выход из этого противоречия?

Аксельрод. Вопрос Егорова обнимает собственно два вопроса: а) как примирить на практике наше принципиально-антагонистическое отношение вообще ко всем буржуазным оппозиционно-революционным фракциям с тактическим положением, поддерживать их в борьбе с реакцией? б) как согласуется предлагаемая мною резолюция против партии «соц.-рев.» с этим тактическим положением, в частности?

Первый вопрос имеет несомненно огромное значение для нашей Партии; я рассчитывал, что ему уделено будет особенное внимание на нашем съезде, и надеялся, что мне удастся обстоятельно высказаться здесь по этому вопросу. К сожалению, для его надлежащего обсуждения у съезда не осталось времени, а в течение имеющихся в моем распоряжении нескольких минут ответить на него невозможно. Я могу лишь резюмировать, да и то лишь отчасти, тот вывод, который я сделал бы, если бы специально говорил по затронутому товарищем Егоровым вопросу. Вывод этот таков: Принимая во внимание политическую пассивность нашей либеральной буржуазии, о правильной поддержке ее Рос. Соц.-Дем. Раб. Партией в буквальном смысле пока что не может быть и речи. В настоящий момент для того, чтобы ее на практике поддерживать, мы должны систематически использовать оппозиционное и революционное настроение вышних классов в интересах развития революционной самостоятельности и политической самостоятельности в рабочих массах. Вывод этот с первого взгляда кажется парадоксальным, но только потому, что я высказываю его в такой общей форме, не мотивируя и не обосновывая его.

Что касается до нашего отношения к партии «соц.-рев.», то оно определяется непосредственно тем обстоятельством, что, выступая под флагом социализма и конкурируя с социал-демократией на почве пропаганды и агитации в среде демократической интеллигенции и пролетариата, партия «соц.-рев.» водно и то же время вредит делу социализма и освободительной борьбе против самодержавия. Революционное народничество стремилось предохранить Россию от капиталистического развития. Это стремление признано утопическим и даже реакционным; фактически от него отказались и «соц.-рев.» Его место в программе и деятельности соц.-дем. заняло стремление предохранить русский пролетариат от умственной и политической опеки буржуазных партий, путем организации революционных активных слоев последнего — еще в тисках абсолютизма — в самостоятельную политическую партию, путем систематического развития в рабочих массах классового самосознания и политической самостоятельности. Если объективный ход экономического развития не допускает возможности «перескока» России через капиталистический фазис прямо в царство социализма, то русские социалисты обязаны направить свои силы на то, чтобы русский пролетариат «перескочил», по крайней мере, через фазис подчинения идейному и политическому руководству буржуазных политических партий, чтобы он с самого начала своего появления на исторической арене выступал уже как самостоятельная революционная сила под своим собственным знаменем, руководимый партией, возникшей и действующей, как представительница его классовых интересов,

группирующей и сосредоточивающей в себе его наиболее сознательные и революционно-активные элементы. Такова практическая идея, вызвавшая к жизни русскую социал-демократию, лежащая в основе ее программы и определяющая содержание и направление ее деятельности.

На Западе рабочие участвовали в борьбе против феодально-монархического строя в качестве соц.-политически бесформенного элемента, общей однородной массы, предводительствуемой буржуазно-демократическими революционерами. Результатом этого было то, что еще долго после того, как феодально-монархический строй был уничтожен, передовые слои пролетариата слепо следовали за левыми фракциями буржуазии, опиравшейся на блестящие традиции эпохи буржуазных революционных движений, подкреплявшими свой авторитет преданиями о героизме и радикальном демократизме революционеров этой эпохи, от которой они вели свое родословие. Революционным идеологам пролетариата пришлось поэтому потратить много труда и времени на то, чтобы освободить хоть эти слои от политической опеки радикальной буржуазии. Только после этого могла начаться широкая и всесторонняя борьба пролетариата против нашего буржуазного общества. Развивая политическое самосознание нашего пролетариата, организуя его в самостоятельную политическую партию, стараясь завоевать ей роль авангарда в борьбе с абсолютизмом, мы тем самым предохраняем его от политической опеки буржуазии, обеспечиваем ему возможность оказывать, в интересах эксплуатируемых масс, серьезное влияние на результаты нашего современного освободительного движения и ускорить торжество социализма над капитализмом. Только таким образом мы можем наполнить революционное движение, непосредственно направленное против абсолютизма, реальным социалистическим содержанием, только таким путем движение это становится непосредственно фазисом или прологом освободительного движения пролетариата во имя социализма против всей буржуазии. А между тем вся деятельность партии «соц.-рев.» направлена как раз в противоположную сторону. И теоретически, и практически «соц.-рев.» стараются торжествовать дело развития политического самосознания в российском пролетариате и фактически являются противниками возвышения его на степень самостоятельной и передовой революционной силы в борьбе за свободу; наоборот, они—бессознательно, конечно — идут по пути, который неизбежно ведет к превращению пролетариата в слепое орудие или политический хвост буржуазных партий. Вот почему соц.-дем. не может не относиться к ним как к буржуазной фракции.

Но «соц.-рев.», вместе с тем, и плохие буржуазные революционеры; желая хоть на словах оставаться «социалистами», не умея приспособить свою программу и тактику к потребностям и запросам оппозиционной буржуазии, они неспособны стать во главе ее, как ее радикальное крыло, подталкивающее ее и поддерживаемое ею. Поэтому, за исключением редких конкретных случаев, и о практической поддержке партии «соц.-рев.», в качестве революционно-буржуазной партии, соц.-дем. также серьезно говорить не приходится.

Мартов. Пользуясь случаем, чтобы ответить на вопрос Егорова, который подымался уже во время обсуждения программы и который неоднократно ставился нам в виду нашей полемики с либералами и «соц.-рев.».

Берясь поддерживать «всякое революционное и оппозиционное движение», как можем мы вести войну с теми партиями, которые пытаются организовать оппозиционные или революционные движения других классов? Противоречие здесь только видимое. И в Западной Европе рост соц.-дем. сопровождается упадком буржуазно-демократических партий отчасти под влиянием критики социал-демократии. Но можно ли сказать, что соц.-дем. убивает демократическое движение? Нет, ибо ту или другую партию она убивает только тем, что революционизирует сознание ее адептов и — если партия, будучи неспособна к развитию, стремится ограничить ради узко-классовых интересов размах своего радикализма, — привлекает в свои ряды бывших сторонников этих партий. Не иначе должна действовать и русская соц.-дем. Она тем и поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, что, критикуя ограниченность наличных оппозиционных партий, ставит пред ними дилемму — или пойти вперед, или утратить влияние на пробудившиеся общественные элементы, которым соц.-дем. указывает место в своих рядах.

Плеханов предлагает поправку к резолюции Аксельрода: заменить последний абзац резолюции следующим *) и мотивирует тем, что эта поправка делает вывод более резким и более решительным.

Аксельрод. Я согласен принять поправку Плеханова, но нахожу неосновательной мотивировку этой поправки. Странно квалифицировать заключение моей резолюции, как не «решительное». Наоборот, оно отвергает не только «объединение» с «соц.-рев.», но и «союз», допускаемый — как известно — и между принципиально-враждебными партиями и даже между разными государствами; осуждение всяких объединительных тенденций заключается уже в посылке резолюции. Я, однако, принимаю поправку Плеханова по соображениям стилистическим. Фраза выходит красивее, чем в моем заключении. Кроме того, в ней упоминается о Центр. Ком., который в момент составления мною резолюции, не существовал вовсе.

Ленин защищает поправку Плеханова.

Поправка Плеханова принята.

Резолюция Аксельрода с указанной поправкой принята всеми при одном воздержании.

Обсуждается резолюция Мартова о демонстрациях **).

*) Поправка Плеханова: «В виду вышеуказанных соображений съезд решительно осуждает всякие попытки объединения социал-демократов с социалистами-революционерами», признавая возможным лишь частные соглашения с ними в отдельных случаях борьбы с царизмом, при чем условия таких соглашений подлежат контролю Центрального Комитета».

**) Резолюция Мартова о демонстрациях: «Принимая во внимание, что при существующих в России условиях политические демонстрации представляет одно из самых важных средств политического воспитания самых широких масс народа и расширения и укрепления влияния социал-демократии; что демонстрации являются вместе с тем лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма; что, постепенно разрастаясь, эти демонстрации должны привести в часть уже приводит к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя, — съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты пользовались удобными случаями для организации политических демонстраций. Вместе с тем съезд констатирует, что в прежней постановке этого вопроса

Костров вносит поправку, так как о вооруженном сопротивлении очень слабо выражено.

Мартов. Поправку тов. Кострова я считаю излишней. Составляя резолюции, я имел в виду выступить против того распространившегося под влиянием «соц.-рев». взгляда, будто главный пробел в наших демонстрациях — отсутствие вооруженного сопротивления. Это неверно. Факты показывают, что только в редких случаях неудача объяснялась отсутствием оружия. Гораздо чаще малочисленность и плохая организованность демонстрантов, отсутствие предварительной широкой агитации и, благодаря этому, недостаток сочувствия в толпе — таковы были причины неуспеха. Наша резолюция и указывает на необходимость подготовить все эти предварительные условия, и вполне достаточно, если она указывает на необходимость принятия мер к организации в критическом случае вооруженного отпора. Говорят, что время «мирных» демонстраций прошло. Нет! События в Одессе показали, что когда на нашей стороне десятки тысяч, можно многое сделать и мирными демонстрациями. — Резолюция оттеняет наш взгляд на значение демонстраций, как лучшего средства дезорганизации правительственного аппарата. Важно постоянно иметь в виду, что то направление всех сил, в котором мы своей агитацией держим само-державие, есть главный положительный результат нашей работы.

Егоров. Демонстрации возникают стихийно, между тем как на первое мая на призыв почти никто не является. Главный вопрос — это подходящий момент. Масса не настолько еще поднялась, не настолько созрела, чтобы без соответствующего настроения явиться на демонстрацию. Вношу поэтому поправку.

Поправка вносится также Русовым.

Все поправки отклонены, и резолюция Мартова принята.

На очереди резолюция Мартова о профессиональной борьбе *).

на практике замечались существенные недостатки, для устранения которых с'ездом рекомендуется: 1) комитеты должны широкой предварительной агитацией стараться обеспечивать сочувственное отношение к целям демонстрации самых широких слоев населения и осведомленность их о задачах Партии; 2) для организации демонстраций следует пользоваться такими моментами, когда существует подходящее для этого настроение рабочих масс, избегая искусственного возбуждения демонстраций при отсутствии такого успеха; 3) активное ядро демонстрантов должно быть достаточно многочисленно, хорошо организовано и подготовлено к своей роли; 4) должны быть применены меры для того, чтобы в случае необходимости демонстранты могли давать активный и по возможности вооруженный отпор полицейским силам; 5) в виду того, что при демонстрациях все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстрации и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения солдат со стороны демонстрантов. Второй с'езд Росс. Соц.-Дем. Партии признает желательным, чтобы Центр. Ком. направлял и объединял усилия местных комитетов по организации демонстраций и взял в свои руки организацию обще-русских политических демонстраций по одному общему плану».

Мартов, Штейн, Фишер, Старовер, Кольцов, Троцкий, Панин, Посадовский, Махов, Браун, Царев.

*) Резолюция Мартова о профессиональной борьбе:

«Принимая во внимание: а) что профессиональная борьба рабочих является необходимым следствием положения пролетариата в капиталистическом обществе, б) что эта борьба является одним из главных средств для противодействия тенден-

Мартов. В представленном мною проекте резолюции обращено особое внимание на обязанность для социал-демократии не оставаться нейтральной в тех столкновениях труда с капиталом, которые возникают в результате работы разных «независимых», хотя бы и против их воли. Товарищи указывали мне на случаи, когда рабочие социал-демократы считали возможным занимать места стачечников «независимых». Последние события в Одессе показали, какие результаты может давать заигрывание правительства с легализацией; уже поэтому мы не должны держаться в стороне от чисто экономической борьбы, даже когда она ведется под покровительством «легализаторов».

Плеханов вносит стилистическую поправку, с которой соглашается *Мартов*.

Резолюция принята единогласно.

Единогласно также принимаются резолюции: Плеханова *) о Кишинев-

ппи капиталистического строя к понижению жизненного уровня рабочих, в) что эта борьба, поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов, — съезд признает, что задачей Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии в области профессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом — объединение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса.

Вместе с тем, в виду все более выясняющегося стремления царского правительства под формой «легализации рабочего движения» захватить в свои руки экономическую борьбу рабочего класса и, развратив его политически, сделать игрушкой своей политики, в виду того, что эта, так называемая, «зубатовская политика», помимо ее реакционно-политической подкладки и полицейско-провокаторских методов ее проведения, есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов, — съезд рекомендует всем товарищам продолжать неустанную борьбу против зубатовщины во всех ее видах, разоблачать перед рабочими своекорыстный и предательский характер тактики зубатовских домогатов и призывать рабочих к объединению в одном классовом движении борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата. В интересах этой задачи, съезд признает желательным, чтобы партийные организации поддерживали и направляли стачки, вызванные легальными рабочими организациями, и пользовались в то же время этими столкновениями для разоблачения реакционного характера союза рабочих с самодержавием. *Мартов, Засулич, Троцкий, Штейн, Фишер, Дейч, Кольцов, Старовер, Аксельрод, Карский, Посадовский, Попов, Панин, Царев, Орлов.*

*) Резолюция Плеханова об антиеврейских погромах: «В виду того, что движения, подобные столь печально известному Кишиневскому погрому, не говоря уже об их отвратительном зверстве, служат в руках полиции орудием, с помощью которого она пытается задержать рост классового самосознания пролетариата, съезд рекомендует товарищам употреблять все зависящие от них средства для борьбы с такими движениями и для выяснения пролетариату реакционной и классовой подкладки антисемитических и всяких других национально-шовинистических подстрекательств». *Плеханов, Дейч, Троцкий, Кольцов, Фомин, Посадовский, Белов, Павлович, Карский, Гусев.*

ском погроме; Мартова, *) о фабричных старостах, и Мартова же, **) о постановке пропаганды.

Съезд переходит к обсуждению резолюции Ленина об учащейся молодежи ***).

Мартов. Резолюция, предложенная Лениным, мне представляется совершенно неудовлетворительной. Надо указать, что молодежи следует заниматься, чтобы приобрести цельное мировоззрение; но совершенно не-кстати говорить при этом о «ложных друзьях», да еще в терминах, которые в ходу в реакционной печати, когда идет речь о нас — социали-

*) Резолюция Мартова о фабричных старостах: «Исходя из положений, развитых в резолюции о профессиональной борьбе, и принимая во внимание, что новый закон о фабричных старостах по мысли правительства является средством укрепления полицейской опеки над рабочим классом, что—как и все попытки правительства к «легализации рабочего движения» — этот закон может и должен стать исходным пунктом для агитации против самодержавия и для развития классового самосознания пролетариата, — съезд рекомендует всем организованным товарищам принимать участие в выборе фабричных старост согласно новому закону и вести агитацию при таких выборах для проведения наиболее надежных представителей рабочих и для разоблачения тактики властей и капиталистов при этих выборах». Мартов, Фишер, Штейн, Троцкий, Старовер, Панин, Посадовский, Махов, Царев, Лядов.

**) Резолюция Мартова о постановке пропаганды: «Принимая во внимание, что рост рабочего движения в России далеко обгоняет рост кадра сознательных рабочих социал-демократов, могущих быть руководителями все осложняющейся борьбы российского пролетариата; что конспиративно-полицейские условия в высшей степени затрудняют правильную постановку кружковой пропаганды и сколько-нибудь широких размеров; что такого рода пропаганда встречает значительные препятствия в отсутствии достаточного количества опытных и умелых пропагандистов, — съезд признает необходимым, чтобы местные комитеты обратили самое серьезное внимание на правильную постановку пропаганды, руководясь при этом прежде всего задачей выработки сознательных и активных агитаторов с определенным революционным мировоззрением. Съезд предлагает местным комитетам обратить особое внимание на подбор умелых пропагандистов и поручает Центральному Комитету принять все необходимые меры для систематизации и объединения пропагандистской работы на местах, как-то: систематические указания для занятий в кружках, ряд систематически подобранных брошюр пропагандистского характера и т. д.». Мартов, Фишер, Троцкий, Засулич, Штейн, Осипи, Кольцов, Панин, Карский, Царев.

***) Резолюция Ленина об отношении к учащейся молодежи: «Второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии приветствует оживление революционной самостоятельности среди учащейся молодежи, предлагает всем организациям Партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлении организоваться и рекомендует всем группам и кружкам учащихся, во-первых, поставить на первый план в своей деятельности выработку среди своих членов цельного и последовательного социалистического мировоззрения, серьезное ознакомление, с одной стороны — с марксизмом, а с другой стороны — с русским народничеством и западно-европейским оппортунизмом, как главными течениями среди современных борющихся передовых направлений; во-вторых, остерегаться тех ложных друзей молодежи, которые отвлекают ее от серьезного революционного воспитания чуждой революционной или идеалистической фразеологией и филистерскими суждениями о вреде и нецелесообразности резкой полемики между революционными и оппозиционными направлениями, так как эти ложные друзья на деле распространяют только беспринципность и легкомысленное отношение к революционной работе; в-третьих, стараться при переходе к практической деятельности заранее заводить связи с социал-демократическими организациями, чтобы воспользоваться их указаниями, и избегать, по возможности, крупных ошибок в самом начале работы». Ленин, Плеханов, Горин, Русов, Дедов, Лядов, Муравьев, Ланге, Брукер, Гусев.

стах. Мы выразили свое определенное отношение к социалистам-революционерам и либералам; в резолюции о молодежи нечего специально повторять об опасностях, грозящих со стороны этих партий.

Ленин. Формула «ложные друзья» не одними реакционерами употребляется, а что такие ложные друзья есть—это мы видим на либералах и социалистах-революционерах. Именно эти ложные друзья подходят к молодежи с уверениями, что ей не надо разбираться в разных течениях. Мы же ставим главной целью выработку цельного революционного мирозерцания, а дальнейшая практическая задача состоит в том, чтобы молодежь, организуясь, обращалась к нашим комитетам.

Махов и Троцкий предлагают в резолюции Ленина выкинуть пункт второй.

Эта поправка принимается и затем принимается резолюция Ленина с этой поправкой.

Голосуются и принимается единогласно резолюция Кольцова об амстердамском конгрессе *).

К резолюции Мартова о партийной литературе **) Ленин предлагает поправку — выбросить слова: «с устранением статей чисто теоретического характера».

Мартов. И против предложенной Лениным поправки. Слова об устранении статей чисто теоретического характера надо оставить. Если мы высказываемся против особого «популярного» органа, то мы должны стремиться к тому, чтобы наш Центр. Орган стал возможно доступнее для читателей. Именно статьи чисто теоретического характера, которым место в «Заре», делали «Искру» особенно непопулярной.

*) Резолюция Кольцова: «Международные социалистич. конгрессы должны не только свидетельствовать о солидарности рабочих всего мира, но в известной мере и руководить идейной и практической борьбой пролетариата. Поэтому, второй съезд Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии рекомендует Совету Партии позаботиться о соответствующем представительстве на амстердамском конгрессе 1904 года, чтобы я там защищать те принципы революционной социал-демократии, которыми Партия руководствуется во всей своей деятельности». Кольцов, Мартов, Троцкий, Фишер, Старовер, Фомин, Дейч, Костич, Орлов, Посадковский, Панин, Царев, Гусев.

**) Резолюция Мартова о партийной литературе: «Принимая во внимание, а) что развитию рабочего движения вширь должно соответствовать возможно более ясное понимание рабочими массами ближайших и конечных целей социал-демократии; б) что насущной задачей Партии в данный момент является создание строго выдержанной литературы, доступной для возможно более широкой массы читателей и, считаясь с состоянием партийных сил в данное время, съезд признает необходимым: 1) чтобы Н. О. П. уделял возможно более места вопросам политической и общественной жизни в форме, возможно более доступной широкому кругу читателей, с устранением, по возможности, статей чисто теоретического характера; 2) чтобы в этих видах и в целях более систематического выяснения вопросов социалистической теории (был создан научный орган Партии, выходящий по возможности регулярно и часто) «Заря» превращена была в орган Партии, при чем об условиях издания этого органа съезд поручает Центр. Ком. согласиться с редакцией Центр. Орг. (поправка Плеханова); 3) чтобы была создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда, по вопросам тактики. Съезд поручает центральным учреждениям Партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений». Мартов, Засулич, Аксельрод, Кольцов, Костров, Штейн, Костич, Посадковский, Панин, Махов.

Поправка Ленина отвергнута.

Принята поправка Плеханова относительно «Зари».

Резолюция Мартова с поправкой Плеханова принята.

Единогласно принята резолюция Дейча относительно «Искры» *).

Плеханов закрывает с'езд, напоминая в краткой заключительной речи об обязательности постановлений с'езда для всех членов Партии.

(Заседание закрывается).

*) Резолюция Дейча: «С'езд выражает желание, чтобы центральные учреждения Партии в возможно более непродолжительном времени сделали «Искру» еженедельным изданием». Дейч, Троцкий, Кольцов, Фомир, Павлин, Костяч, Царев, Подсадовский.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Второму съезду Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Дорогие товарищи! Совершенно случайно узнав о том, что начинается второй съезд нашей Партии, мы, после ряда попыток, на которые нам даже не сочли нужным ответить, обращаемся, наконец, к самому съезду, чтобы он нам дал возможность принять участие в выработке программы и организации Партии, для которой мы, по мере сил, работали до настоящего времени и в пределах которой мы будем работать, какие бы препятствия нам ни ставились в этом отношении нашими партийными товарищами.

Когда Организационный Комитет прислал нам, через посредство редакции «Искры», свой «Проект устава второго съезда», мы ответили ему следующим письмом:

— — 03.

В Организационный Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии.

Уважаемые товарищи! По некоторым обстоятельствам, мы только вчера получили Ваш «Проект устава второго съезда», а потому лишь сегодня можем Вам ответить.

Нас крайне удивило, что из всех «не-местных» организаций Вы сочли нужным не пригласить только нашу. Весь проект, надо отдать Вам справедливость, составлен с таким явным желанием, чтобы на втором съезде нашей Партии были представлены все проявившиеся в ней течения и чтобы этот съезд мог фактически восстановить Партию, в которую вошли бы все действующие в ее рядах силы, что исключение, созданное только для нас, невольно обращает на себя внимание и может вызвать только недоумение.

Как ни странно, что социал-демократической организации приходится доказывать свое право принимать участие на съезде своей Партии, мы тем не менее должны заметить, что в пользу приглашения нашей группы на съезд нашей Партии можно привести следующие соображения:

1) Из опубликованного в двух различных изданиях в России нашего проекта программы видно, что в некоторых своих частях он резко отличается от единственного опубликованного до сих пор проекта («Искры» и «Зари»). Мы думаем, что в интересах всестороннего обсуждения нашей

будущей программы, нам должна быть предоставлена возможность и высказать наши взгляды на съезде, и участвовать своим вотумом в принятии партийной программы.

2) Из имеющихся, в очень скором времени, выйти двух наших изданий, а) Проект программы «Искры» и «Зари» и задачи русских социал-демократов и б) «К программным и организационным вопросам», видно будет: что и по другим вопросам, которые будут обсуждаться на съезде нашей Партии, нам должна быть предоставлена возможность участвовать и в их обсуждении, и в принятии партийных решений по ним.

3) Если не отвечающие требованиям параграфа второго российские группы могут участвовать на съезде путем своего присоединения к более значительным организациям, то мы такой возможности лишены, ибо наша группа не может поручить другим организациям защиту своих программных и организационных взглядов, которые этими организациями не разделяются.

4) Мы, конечно, не можем сравниться по размерам нашей издательской деятельности с «Искрой» — и никогда на это не претендовали, но мы должны заметить, что за нашу, менее чем полугодовую, издательскую деятельность мы напечатали уже 38 листов, а с двумя упомянутыми выше изданиями это составит свыше 60. Свыше $\frac{2}{3}$ наших изданий переправлено в Россию, а некоторые статьи из нашего Календаря были в России в некоторых городах перепечатаны.

5) Организационный Комитет ссылается на то, что мы «выпустили свой листок» и «потом не возобновляли этого издания». Напомним Организационному Комитету, что, как видно из редакционного заявления, наш «Листок» ставил себе единственной задачей — вести агитацию в пользу объединения нашей Партии. Вскоре после выхода первого № мы узнали о переговорах Петербургского Комитета (делегат которого беседовал и с представителем нашей организации). В течение лета стремление к объединению настолько усилилось и выяснилось, что вопрос о фактическом восстановлении единства нашей Партии стал уже вопросом практического решения, вопросом месяцев. При таких условиях наш листок терял свой *raison d'être* — потому что мы ни в каком случае не хотели конкурировать с уже существующими газетами, — и мы решили прекратить издание нашего листка с тем, чтобы возобновить его только в том случае, если объединение не состоится.

6) Наша группа организовалась только для того, чтобы по мере сил содействовать объединению нашей Партии на почве революционной социал-демократической программы. В своей деятельности — как литературной, так и в своих сношениях с действующими в России организациями и отдельными товарищами — она руководилась исключительно одной лишь этой целью. Напомним, между прочим, что по ее инициативе созвана была желевская конференция, которая впервые осветила победу революционного марксизма над господствовавшими прежде в нашей Партии программными и тактическими шатаниями, и последовавший за нею съезд заграничных организаций, который, несмотря на свой печальный исход, дал тем не менее сильный толчок делу объединения нашей Партии. Было-бы

странно, если объединительный съезд нашей Партии исключил из своего состава именно эту группу — и только ее одну.

7) Второй съезд нашей Партии должен осуществить полное объединение всех сил, действовавших до сих пор под знаменем Р. С.-Д. Р. П. Все трения, какие были между нашими различными организациями, должны на съезде быть забыты. После съезда не должно быть ни победителей, ни побежденных,—должна быть одна единая социал-демократия. Почему же О. К. хочет создать для нас—и только для нас—исключительное положение?

8) Некоторые дружественные нам российские организации сообщили нам, что представитель О. К. во время переговоров с ними как основание для недопущения группы «Борьба» на партийный съезд приводил выступление нашей группы из организации «Искры» и образование ею отдельной группы.

На это мы можем ответить:

а) Этот мотив совершенно не приводится против нас в объяснительной записке к проекту устава второго съезда.

б) Мы заявляем, что никогда не выступали из организации «Искры» по той простой причине, что мы никогда в нее не входили. Хотя некоторые из нас сотрудничали в «Искре» и «Заре», помогали издающей эти органы группе вначале ее существования и вместе с нею боролись против экономизма, между нами и «Искрой» велись лишь переговоры о слиянии, и кончились эти переговоры неудачно — не по нашей вине, что мы можем документально доказать.

в) Для нас несомненно, что в пределах революционного марксизма мы представляем оттенок несколько отличный от направления «Искры», что видно хотя бы из сравнения нашего проекта партийной программы с проектом «Искры».

В виду всего сказанного мы хотим надеяться, что О. К. сам внесет нас в список организаций, приглашаемых на съезд, и не заставит нас обращаться за разрешением этого вопроса к самому съезду, что может вызвать в самом же начале его занятий совсем нежелательные прения. В заключение мы не можем не прибавить, что не О. К., взявшему в свои руки дело полного объединения нашей Партии, исключать без всяких причин из съезда организацию, честно и по мере сил работавшую под знаменем этой Партии, организацию, состоящую из лиц, из которых некоторые работают в Партии уже больше десяти лет, тем более, что такому исключению подвергается только наша группа. Такое поведение по отношению к нам решительно ничем не объяснимо, если не желать объяснить его теми трениями, о которых мы говорили выше и которые, повторяем, на съезде должны быть всеми забыты.

Мы просим О. К. сохранить этот наш ответ, который в случае надобности будет представлен второму съезду нашей Партии.

Группа «Борьба»

Р. С. В № 11 «Южного Рабочего» напечатаны, а в № 35 «Искры» перепечатаны следующие строки:

«Нас глубоко возмущают все те разговоры о командовании и диктатуре, которые всегда на устах у господ из «Борьбы» и отчасти Надежди-

ных и родственного им автора статей в брошюре «Рабочие и интеллигенция».

«Южный Рабочий» и «Искра» представлены в О. К., главная задача которого — подготовить условия для созыва второго съезда нашей Партии. Неужели в эти условия входит также распространение несправедливых обвинений против социал-демократических организаций? Мы протестуем самым энергичным образом против таких выдумок. Пусть нам укажут, где и когда мы говорили хоть что нибудь подобное!

А сопоставление нас с «Надеждиным» и «родственным нам автором», да еще в статье, полемизирующей с известным заявлением Петербургской «Рабочей организации» есть крайне недобросовестный литературный прием, который может нас выставить в совершенно ложном свете перед действующими в России организациями. Нас меньше всего можно обвинять в подобных вещах.

Тщетно прождав ответа в течение трех месяцев, мы — — послали следующее письмо Мартову, через которого мы получили от Организационного Комитета «Проект устава»:

«Уважаемый товарищ! Почти три месяца тому назад мы через Ваше посредство обратились к Организационному Комитету с письмом по поводу присланного к нам «Проекта устава второго съезда Р. С.-Д. Р. П.». До сих пор мы никакого ответа от него не получили.

Так как, по полученным нами сведениям, время съезда приближается, мы просим Вас напомнить О. К., что мы ждем от него ответа в самом скором времени. В случае неполучения от него ответа, мы должны будем обратиться к съезду с мотивированным протестом.

За группу «Борьба», Даневич.»

Нам ответил член заграничного бюро Организационного Комитета, ****, что наше первое письмо было послано О. К. своевременно и что теперь опять сделают запрос, а впредь по делам съезда предложит списываться с ним, *****.

Прождав еще три недели и опять не получив никакого ответа, мы обратились в заграничное бюро О. К. со следующим письмом.

— — 1903.

В заграничное бюро Организационного Комитета.

Уважаемые товарищи! Так как О. К. до сих пор, несмотря на наше двукратное обращение к нему, не даст нам никакого ответа относительно нашего участия на втором съезде нашей Партии, а времени остается уже очень мало, то мы просим, на основании § 21 «Проекта устава второго съезда Р. С.-Д. Р. П.» предоставить решение этого вопроса третейскому суду. Со своей стороны, мы предлагаем в члены этого суда представителей Союза Р. С.-Д. за границей и заграничного Комитета Бунда.

За группу «Борьба», Даневич.

И на это письмо мы не получили никакого ответа, хотя в нашем требовании нам не имели никакого права отказать на основании самого устава второго съезда.

Наконец, не лишен интереса и следующий факт. В письме, при котором Л. Мартов прислал нам «Проект устава второго съезда», было сказано: «Вместе с тем О. К. просил вас передать, что он все счел возможным предоставить группе «Борьба» участие на втором съезде Партии и предлагает ей обратиться за окончательным решением этого вопроса к самому съезду. С своей стороны, О. К. примет меры чтобы группа «Борьба» могла, в случае удовлетворительного ответа, принять участие в нем».

«С своей стороны» О. К. не принял никаких мер к этому. Он с ними не входил ни в какие сношения по этому делу. Пишущему эти строки, совершенно случайно узнавшему, что съезд начинается, пришлось поехать разыскивать кого-нибудь, чтобы получить какое-нибудь разъяснение по этому вопросу, и ему, опять-таки совершенно случайно, удалось заставить Л. Мартова за несколько минут до его отъезда на съезд и условиться с ним о том, каким образом нам будет сообщен ответ съезда. И только благодаря любезности Л. Мартова, мы можем обратиться с настоящим письмом к съезду. Нужно прибавить, что именно благодаря тому, что О. К. не принял обещанных им мер, наша группа, в случае удовлетворительного ответа съезда, теряет четыре, а может быть даже и пять дней.

Из этого приходится сделать только то заключение, что для Организационного Комитета вопрос о нашем участии в съезде решен отрицательно. Но имел ли он право решать за съезд?

Обращаясь теперь к самому съезду с просьбой предоставить нам возможность принять участие в выработке программы и организации нашей Партии, мы можем очень мало прибавить к тому, что сказано в нашем письме к Организационному Комитету.

И прежде всего—мы несколько не скрываем от себя того факта, что вокруг нашей организации создана самая неблагоприятная для нас атмосфера, благодаря которой, кстати сказать, мы не могли расширять свою деятельность. Мы ни в каком случае не хотели унижить нашу принципиальную борьбу до личной полемики и не отвечали на личные нападки. Вот почему указанная атмосфера все более и более сгущалась. Дошло до того, что когда мы выступили с отдельным проектом программы, Плеханов печатно заявил, что мы при этом руководились «исключительно личными соображениями», а Мартов прибавил, что мы «Иуды». Ниже полемика между товарищами спуститься не может!

Мы теперь не будем останавливаться на этом, но не можем не сказать, что нам очень желательно было бы, даже независимо от решения вопроса об участии нашем в съезде, чтобы товарищеский суд разобрал вопрос о наших переговорах с «Искрой». Мы глубоко убеждены, что ни один товарищ не высказался бы против нас, познакоившись с документами по этому делу.

На этом мы и покончим с этим вопросом.

Обращаясь, далее, к вопросу о нашем участии в съезде по существу, мы спросим, что можно сказать против нашего участия?

Мы представляли нашей Партии проект программы, который мы ждем отстаивать. Почему нам не предоставить права принимать участие в обсуждении и голосовании программы нашей Партии? Мы заявили в предисловии к брошюре, заключающей наш проект и комментарии к нему,

что мы заранее подчиняемся коллективной воле Партии, но дайте же нам возможность попытаться повлиять на эту Партию в лице ее съезда.

Мы ни в каком случае не согласны с организационными взглядами, высказанными Лениным и «Южным Рабочим» (в № 11),—дайте нам привести наши теоретические и практические доводы.

В своих комментариях к § 9, 10 и 11 «Проекта устава» О. К. обнаруживает большое желание предоставить право участия в съезде наибольшему числу организаций и предлагает выход для тех незначительных организаций, против приглашения которых он вынужден высказаться. Но разве О. К. и вы все, дорогие товарищи, не видите, что этот выход ни в каком случае к вам не применим и из всех организаций Партии мы одни остаемся в полном смысле за бортом?

Во имя чего это делается? Есть ли хоть одно соображение в пользу такого решения, если не считаться с блестящим объяснением Плеханова, что мы руководимся «исключительно личными побуждениями», а считаться с этим объяснением—мы в этом глубоко убеждены—ни один товарищ не станет.

Факт тот, что в таком съезде, как наш теперешний, должно быть предоставлено участие всем «не местным», т. е. литературным организациям, работающим под знаменем Партии, если, конечно, нет каких-нибудь особых причин их не допускать на съезд. Но, может быть, по отношению к нам имеются такие причины?

Если да, вы обязаны их нам сообщить. Если нет, мы в праве требовать, чтобы нам открыты были двери съезда.

Быть может, между нашим проектом и проектом «Искры» возможен компромисс. Но если он возможен, то только на съезде путем товарищеского обмена взглядов. В печати такого обмена не было. «Личные соображения» «серунда», «Иуды» — всеми этими искровскими литературными красотоми засорили глаза, но ничего не выяснили. А обсуждение и выяснение полное, всестороннее необходимо.

Мы еще раз заявляем, что, каково бы ни было решение Партии, мы подчиняемся ее воле и будем работать в ее рядах. Но поймите, что для того, чтобы мы могли подчиниться этой воле, необходимо, чтобы мы предварительно имели возможность повлиять на нее.

Во всяком случае, мы выражаем пожелание, чтобы съезду удалось создать прочное единство, без которого невозможна успешная борьба.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Да здравствует международная социал-демократия!

За группу «Борьба», Б. Даневич.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Уважаемый товарищ! Спешу Вас уведомить, что, как я надеялся, съезд ваш по вопросу об отношении к русской социал-демократии принял резолюцию, признающую дело объединения Партии социал-демократии во всей России делом первостепенной важности, которому подчинены другие вопросы, и что в виду этого вопрос о форме организации, как второстепенный, должен разрешиться не только с точки зрения интересов польской, но и всей социал-демократии в России.

А. Варшавский.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Ответ Организационного Комитета группе „Борьба“.

Организационный Комитет извещает группу «Борьба», что третейский суд не может иметь места по вопросу о праве группы «Борьба» выбрать своих представителей на II-ой очередной съезд Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии в виду того, что при голосовании (по комитетам) проекта устава созыва II очередного съезда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии—за присутствие на съезде гр. «Борьба» высказалось меньшинство (три комитета). Таким образом, остается в силе тот параграф устава, согласно которому вопрос о присутствии гр. «Борьба» на съезде может быть разрешен только съездом.

Организационный Комитет доводит до сведения гр. «Борьба», что ее заявления, своевременно посланные ему, не были получены Орг. Комитетом.

На запрос от заграничного бюро Орг. Ком. о том, получено ли Орг. Ком. в России письмо гр. «Борьба»,—Орг. Ком. немедленно известил, что такового письма не получал, и просит выслать его немедленно.

Этот ответ Орг. Ком. не был получен за границей.

Организационный Комитет.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Резолюция четвертого съезда Бунда.

«Съезд признает, что по смыслу социал-демократической программы недопустимо никакого гнета не только одного класса над другим, не только правительства над гражданами, но и одной национальности над другой, господство одного языка над другим.

Съезд признает, что государство, подобно России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территории.

Съезд признает, что понятие «национальность» применимо и к еврейскому народу.

Считая, однако, преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, съезд находит в настоящее время достаточным бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, отмечать и протестовать против проявлений угнетения еврейской национальности, избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму».

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Письмо из Риги.

Товарищи! вам придется обсуждать вопрос о национальной автономии и преобразовании Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии на федеративных началах: поэтому, как нам кажется, для вас будет интересно ознакомиться с практикой нашего «федерализма». В начале 1902 года в нашем городе возник вопрос об объединении действующих среди местного пролетариата организаций и групп. Наша группа, стоявшая всегда на той точке зрения, что пока у нас не будет единого и нераздельного комитета партии, охватывающего своим воздействием весь местный пролетариат без различия религии и национальности, до тех пор у нас не будет и рабочего революционного движения,—с радостью приветствовала это начинание. Из представителей Еврейской и Латышской Организаций и Русск. Соц.-Дем. Группы, по два представителя от каждой, была образована комиссия для обсуждения вопроса об объединении. С первых же заседаний этой комиссии выяснилось, что о создании общегородского партийного комитета не может быть и речи. Прежде всего был провозглашен принцип, что местный пролетариат должен организоваться по национальностям; каждая национальная организация совершенно свободна и независима во всех «своих» делах, работает по «своему» плану, придерживается «своих» способов агитации и организационных методов. Сфера воздействия у всех трех организаций предполагается совершенно разнородной, так как у каждой народности имеется особая психология, особая культура, требования и привычки,—поэтому между представляющими их организациями могут быть только «некоторые точки соприкосновения». Нашей группе, как наиболее слабой во всех отношениях, оставалось лишь принимать это к сведению и руководству. Установив таким образом принцип организации по национальностям и «национальной автономии», Комиссия обратилась к отысканию «точек соприкосновения». Этих точек оказалось пять: I—совместное распространение прокламаций общего характера от имени «федерации» (листки местные каждая организация издает и распространяет самостоятельно); II — устройство общих демонстраций и стачек; III — устройство общей типографии; IV — организация общего транспорта; V—постановка общей работы среди интеллигенции, главным образом, среди местного студенчества. Установив, таким образом, точки соприкосновения, комиссия,

по утверждению ее организациями, приняла название «Объединенного комитета социал-демократических организаций» и приступила к деятельности. Прежде всего был поднят вопрос об издании общей прокламации. В это время в нашем городе разгорался промышленный кризис; на всех заводах шло усиленное сокращение производства, тысячи рабочих выбрасывались на улицу. Объединенный комитет решил отозваться на это бедствие выпуском прокламации, выясняющей причины кризисов и указывающей средства борьбы против угнетения пролетариата. Таким образом, предполагалось издание листка общего характера, но так как у еврейских ремесленников приближалось наступление сезона, то еврейская организация решила издать прокламацию с призывом к стачке. У латышской организации прокламации были уже заготовлены; оставалось только «Русской группе» составить свой листок. В феврале прокламации были выпущены приблизительно в одно время, но каждая организация выступила с самостоятельным листком. В дальнейшем возникает вопрос об издании прокламации к обществу. Еврейские товарищи, занятые в то время своими организационными делами, уклонились от этого. «Русская группа» выпустила 500 гектографированных листков, которые частью были разбросаны в русском театре, частью развешены по домам. В марте 1902 года жандармы, взбурораженные студенческими волнениями и появлениями листков, произвели набег, главным образом, на студентов. В ночь с 12 на 13 марта были произведены массовые обыски с несколькими десятками арестов. «Русская группа» предлагает откликнуться на это событие прокламацией к обществу с целью ознакомления широкой публики с борьбой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. партии с самодержавием и с призывом поддержать эту борьбу, но еврейские товарищи нашли необходимым выпустить специальную прокламацию к еврейской интеллигенции, выясняющую роль и значение Бунда в борьбе против бесправия евреев. Латышская организация выпустила самостоятельную прокламацию, которая была распространена среди рабочих. Выпуск общей прокламации не состоялся и на этот раз. В то же время в Объединенном Комитете обсуждались вопросы о постановке типографии и организации транспорта, но дальше обсуждения дело не двигалось. У каждой организации были свои более насущные вопросы, на разрешение которых и отдавалась вся энергия. Между тем приближался май. Объединенный Комитет, наметив точку соприкосновения в устройстве демонстраций, признал, что при настоящем положении дел никакая демонстрация невозможна, и решил ограничиться разбрасыванием листков. На этот раз прокламации общего характера были выпущены каждой организацией совершенно самостоятельно и даже в разное время. Вспыхнувшие весной в 1902 г. крестьянские беспорядки поставили перед Объединенным Комитетом вопрос об издании общей прокламации, но у каждой организации были «собственные неотложные дела», и вопрос о листках по поводу крестьянских беспорядков так и оставался вопросом вплоть до августа месяца, когда он, наконец, окончательно снят с очереди. Вопросы об устройстве типографии, организации транспорта, постановке работы среди интеллигенции все время не выходили из стадии обсуждения, пока сами собой не сошли со сцены. На этом оканчивается первый период существования Объединенного Комитета. Жестокий провал, понесенный еврейской организацией, и прекращение

деятельности «Русской группы» положили конец его существованию, и вплоть до января 1903 года он не функционирует. В январе, по инициативе еврейских товарищей, успевших за это время оправиться от погрома, возникает вопрос о демонстрации в русском театре, и Об'единенный Комитет снова восстанавливается. Обсуждение вопроса о демонстрации занимает 2½ месяца. «Русская группа», в виду своей слабости, с самого начала отказалась от активного участия, так что все предприятие легло на две остальные организации. Во второй половине марта приготовления были закончены. Заготовлены листки за подписью Об'единенного Комитета, распределены роли, назначен день. Но накануне самой демонстрации Латышская организация совершенно неожиданно заявила о своем отказе принимать в ней какое бы то ни было участие. Этот отказ латышские товарищи мотивировали следующими соображениями: соглашаясь принять участие в демонстрации, они имели в виду не агитацию «буржуев», как выразился их представитель, а ее значение для латышских рабочих, как средство практической подготовки к открытой борьбе; но в настоящее время они находят более продуктивным воспользоваться для этого предстоящим приездом в наш город каких то «высочайших особ», во время которого они решили устроить контр-демонстрацию «выражению верноподданнических чувств латышской буржуазии». Однако, при приезде высоч. особ никакой демонстрации не было. Несмотря на отказ латышской организации демонстрация в театре состоялась, и всю тяжесть ее вынесли на себе еврейские товарищи. На этой неудачной попытке «об'единенных действий» окончилось существование нашей «федерации». Таким образом, Об'единенному Комитету за все время его существования (около года) не удалось выполнить ни одной из намеченных им задач, и прекращение его деятельности произошло для общегородского движения так же бесследно, как и его возникновение. Эта неудачная попытка еще более убедила нас в том, что пока в нашем городе не образуется одного партийного комитета, работающего над всем местным пролетариатом, до тех пор не видать нам настоящего рабочего движения.

И мы настоятельно просим вас, товарищи, обратить внимание на ненормальное положение дела в нашем городе и сделать все от вас зависящее, чтобы положить конец господствующему у нас революционному кустарничеству и организационному сепаратизму.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Проект устава II-го с'езда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, выработанный Орг. Ком.

§ 1. Участниками с'езда могут быть организации, считающие себя принадлежащими к Р. С.-Д. Р. П.

П р и м е ч а н и е. Организации, вступившие в союз с не соц.-дем. организациями, тем самым не считаются членами Партии.

§ 2. Из местных организаций полноправными участниками с'езда могут быть только те, которые 1) существуют не менее одного года до 19-IV

1903 г., 2) в течение этого времени вели агитационную, пропагандистскую или организационную деятельность среди рабочих масс, 3) находятся в местах с более или менее значительным рабочим населением.

§ 3. Организации, объединенные в союз, не имеют права самостоятельного представительства.

§ 4. Из организаций не-местных полноправными участниками съезда могут быть следующие: 1) Группа «Освобождение Труда», 2) Организация «Искры», 3) Лига Рев. Соц.-Дем., 4) Союз Русск. Соц.-Дем. за границей, 5) Группа «Южного Рабочего», 6) Заграничный Комитет Бунда.

§ 5. Организации участвуют в съезде через своих депутатов, причем каждая может прислать не более двух депутатов.

§ 6. В выборе депутатов организации не ограничены никакими условиями. Выборы эти, раз заявленные Орг. Ком., не могут быть отменены или опротестованы.

§ 7. Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы.

§ 8. Каждый депутат может представлять только одну организацию.

§ 9. Каждой полноправной организации предоставляется на съезде два голоса, независимо от того, пришлет ли она одного или двух депутатов.

Примечание. Бунду предоставляется на съезде три решающих голоса.

§ 10. Но если в одном городе находятся две организации, из которых каждая удовлетворяет перечисленным в § 2 условиям, то они делают между собой голоса. В этом случае каждая организация может прислать только одного депутата.

§ 11. Местные организации, не удовлетворяющие перечисленным в § 2 условиям, не имеют на съезде решающего голоса и не могут присылать своих депутатов. Но чтобы не устранить их совершенно от участия в съезде, им предлагается: 1) доверить свое представительство какой либо полноправной организации и 2) через депутатов этой организации представить съезду свои доклады или соображения.

§ 12. Присоединение этих организаций не увеличивает голосов той организации, к которой они присоединились.

§ 13. Кроме депутатов организаций, на съезде могут участвовать отдельные лица из числа видных деятелей Партии, участие которых на съезде было бы желательным и которые по каким-либо причинам не могли быть депутатами организации. Они пользуются правом совещательного голоса. Приглашать их предоставляется О. К.

§ 14. Выбор времени и места предоставляется О. К.

§ 15. Право открытия съезда предоставляется О. К., причем съезд будет считаться состоявшимся, если на него явятся представители более половины всех полноправных организаций.

§ 16. Съезд является верховным органом Партии, компетентным решать именем Партии все вопросы и делать всякие постановления, которые он найдет нужным.

§ 17. Съезд сам определяет порядок своих занятий, формы решения вопросов, производства выборов и опубликования своих постановлений.

§ 18. Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением Партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом Партии.

§ 19. Настоящий проект рассылается во все известные О. К. организации для предварительного рассмотрения. Замечания, полученные от организаций, будут приняты во внимание и сообразно желанию большинства организаций, удовлетворяющих § 2, Орг. Комитетом в проекте будут сделаны надлежащие исправления, после чего он будет признан действующим уставом II-го съезда Партии.

§ 20. Одновременно с этим, О. К. составит список организаций, имеющих право полного участия в съезде и предложит каждой организации выбрать своих депутатов, с которыми О. К. будет вестись по конспиративным делам съезда.

§ 21. Против этого списка могут быть заявлены протесты и тогда О. К. предоставит обсуждение каждого протеста третейскому суду, составленному из одного представителя О. К. и представителей двух, внесенных в список организаций, ближайших по месту действия которой возникло сомнение.

§ 22. При рассмотрении протеста третейский суд не обязан руководствоваться формальным применением § 2, но рассмотрит всю деятельность организации и примет во внимание все особенности, в которых ей приходится работать. Постановления третейского суда считаются окончательными и никакие протесты на его решения не допускаются.

§ 23. После этого в списке будут сделаны надлежащие исправления и съезд будет создан О. К. согласно §§ 14 и 15.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к проекту устава II-го съезда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

§ 1. При составлении проекта устава съезда, О. К. прежде всего нужно было так или иначе определить свои взгляды на существование Р. С.-Д. Р. П. Если признать, что Партия не существует и что предстоящий съезд должен быть съездом учредительным, то при созыве его О. К. не должен был бы руководствоваться решительно ничем другим, кроме своего усмотрения. Раз Партия не существует и ее должно еще создать, то отсюда неизбежно следует такой вывод: создание это—дело частной инициативы, причем инициаторы ничем решительно не связаны; они могут призвать на съезд кого хотят и на тех условиях, на которых найдут нужным, или совсем без всяких условий. На съезде может быть создана Партия, но признание ее в этом случае ни для кого не обязательно, кроме участников съезда; созданная на таком основании Партия была бы не в праве принять название Р. С.-Д. Р. П., так как это было бы наси-

лием по отношению к тем организациям, которые причисляют себя к этой Партии и которые не были на съезде. Если же мы признаем, что Р. С.-Д. Р. П. существует и предстоящий съезд должен быть очередным съездом, то мы должны будем сделать следующие выводы: 1) мы должны выработать такую конституцию, которая сделала бы съезд действительным выразителем воли Партии и 2) мы должны обеспечить законность съезда, т. е. признание его со стороны всех (или большинства) организаций Партии. В основание настоящего проекта положено признание существования Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Формально существование Партии выражается в признании ее всеми организациями. Но это формальное существование Партии—не простая фикция: ему соответствует и некоторое реальное единство организаций, причисляющих себя к Партии. Правда, это единство далеко не полное, и О. К. менее, чем кто-либо другой, закрывает глаза на дезорганизованность Партии. Однако признавать дезорганизованность не значит еще отрицать самое существование Партии. Партия не есть только формальное объединение, и поэтому как существование Ц. К. само по себе не доказывает существования Партии, так и отсутствие его—не существования ее. Под знаменем Р. С.-Д. Р. П. борется обширная группа организаций, связанных между собой идейной солидарностью в основных своих выражениях (эта солидарность нашла себе выражение в Манифесте первого съезда). Но в этой группе организаций есть и организационная связь, выражающаяся в постоянных сношениях отдельных организаций между собой, в распространении общей литературы, в постоянном обмене сил, наконец, в общих предприятиях (1 мая). Формальная связь, созданная съездом 1898 года, была уничтожена, но в продолжение четырех лет, прошедших с тех пор, создавалось постепенно все большее и большее реальное объединение, и в этом отношении можно сказать, что теперь мы ближе к организации Партии, чем во время первого съезда.

В § 2. Признавая предстоящий съезд очередным съездом Партии, О. К., при составлении устава его, должен был позаботиться о том, чтобы представительство на съезде было не случайное, а выражало бы волю большинства. Конечно, всего справедливее было бы пригласить на съезд все организации, распределить между ними голоса по числу избирателей, которых организации представляют. Но так как в самодержавной России об избирателях не может быть и речи, то приходится число избирателей заменить далеко не менее определенным понятием—сферой влияния организации. В этом отношении нет принципиальной разницы между организациями местными и не-местными (литературными), так как и о местных организациях можно сказать, что они представляют массовое движение только в том смысле, что они овладели этим движением и руководят им. Избранным же представителем широкого социал-демократического рабочего движения не может быть никакая нелегальная организация. Положив в основание распределения голосов понятие о сфере влияния, мы должны были затем найти такую меру, которой можно было бы более или менее точно измерить ее, чтобы составить затем скалу распределения голосов. Но, очевидно, что такое голосовое выражение сферы влияния также невозможно, как невозможно сосчитать голоса всех социал-демократов, и нам

приходится просто довольствоваться констатированием такого влияния той или иной организации, которое бы нам давало право сказать, что данная организация несомненно является представителем соц.-дем. движения данного места или выражает особое, более или менее широкое, течение в этом движении.

Нужно, следовательно, избрать ряд ограничительных признаков, которые гарантировали бы нам участие на съезде только таких организаций, относительно которых не может быть сомнения в этом смысле. Для местных организаций мы берем три признака: 1) известное время существования, как необходимое условие для приобретения влияния. Мы берем кратчайшее время, которое можно, на наш взгляд, допустить—один год—и считаем его от 19/IV (1 мая), потому что это критическое время в жизни организаций, и революционный год правильнее всего считать от 1 мая. 2) Организация должна вести такую деятельность, которая по существу своему давала бы ей возможность влияния на массы: деятельность агитационную, пропагандистскую или организационную. Этим пунктом исключаются организации чисто-технические. 3) Место действия организации должно быть местом более или менее значительного скопления рабочих масс, так как, по нашему мнению, при настоящих условиях разрозненности Партии, соц.-дем. организация может только там быть представителем сколько-нибудь широкого движения, где есть рабочая масса. В тех городах, где такой массы нет, местная организация может исполнять чрезвычайно важные функции, но сфера ее влияния не может быть велика. Мы говорим,—«более или менее значительное рабочее население»,—это очень неопределенно, но слово «значительный» также неопределенно, а дать какую-нибудь числовую величину, по весьма понятным причинам, решительно невозможно.

К § 3. Правом голоса обладают организации, являющиеся представителями движения. Об организациях, вошедших в союз, этого сказать нельзя, так как они перестали быть самостоятельными единицами. Сферу влияния объединенных в союз организаций нельзя определить особо для каждой организации, так как вне союзной деятельности каждая отдельная организация может совсем не иметь влияния. Здесь имеется в виду, главным образом, Северный Союз, так как о представительстве Бунда речь будет ниже.

К § 4. Для не-местных организаций нет надобности избирать особые критерии, так как их можно просто перечислить. В перечне на первом месте значится группа «Освобождение Труда». Хотя эта группа и вошла в другую организацию, тем не менее мы считаем нужным дать ей самостоятельное представительство на съезде, в виду ее исторической роли для соц.-дем. движения. В перечне нет группы «Борьба», так как эта группа, выступив весной с листком, с тех пор не возобновляла этого издания и так как по роду и объему ее деятельности у нас нет оснований думать, что она представляет собой какое-либо особое течение в социал-демократии или имеет значительное влияние на движение.

К § 7. Требование полной свободы и полной компетенции для депутатов всецело вытекает из самого понятия о съезде, как о верховном органе Партии. Съезд имеет право решать все вопросы и делать всякие постано-

вления (см. § 17), а для этого необходимо, чтобы депутаты съезда имели право обсуждать все вопросы, а не только те, которые были предусмотрены проектом порядка дня и которые предварительно обсуждались в организациях, пославших депутатов. Особый вред императивных мандатов (если бы таковые были) обнаружился бы при решении вопросов тактических и организационных. Если в вопросах программных каждый депутат явится несомненно с совершенно определенными решениями, то в упомянутых выше вопросах, мало обсуждавшихся в печати и мало выясненных, съезду придется проявить много инициативы, и императивные мандаты поэтому несомненно сделали бы съезд неспособным принять решение. Даже и при решении тех вопросов, которые были предусмотрены и обсуждались предварительно в отдельных организациях—даже в этих вопросах депутаты отнюдь не должны быть связаны такими точными предварительными решениями. Съезд не простое бюро для подсчета голосов. Прежде чем решать, съезд будет обсуждать вопросы; в результате обсуждения может выработаться новая формулировка, могут даже измениться взгляды. И каждый депутат должен быть уполномочен голосовать, как ему подсказывают убеждение и совесть, в тех случаях, когда он найдет нужным, отступать от того решения, с которым он приехал на съезд. В этом отношении каждый депутат съезда не просто поверенный той или иной организацией, передающий ее решения и защищающий ее интересы, а депутат Партии, который должен руководствоваться в своих поступках интересами Партии, как он их понимает. Каждая же организация, посылающая депутата на съезд, должна позаботиться о том, чтобы депутат явился на съезд подготовленным к своей обязанности. Такая подготовка должна состоять в предварительном обсуждении всех вопросов, подлежащих обсуждению съезда в отдельных организациях. И если данная организация, отправляя своего депутата на съезд, имела в виду интересы Партии и позаботилась о том, чтобы депутат ее способен был представлять эти интересы, то ей, конечно, не представится случая быть недовольной голосованием своего депутата. Этот параграф не лишает депутата права воздержаться от голосования и ссылаться на мнение той или иной организации. Он только предоставляет это свободному выбору самого депутата. Съезду нет дела до того, какие инструкции получил депутат и как он их выполнил, и ни съезд, ни кто либо другой не имеет права протестовать против голосования или неголосования депутата на том основании, что он неверно передает решение пославшей его организации. Говорить же о злоупотреблении доверием мы считаем излишним.

К §§ 9, 10 и 11. О. К. нашел нужным каждой организации дать два голоса на съезде, именно два, а не один, потому что: 1) этим дается возможность представлять мнение большинства и меньшинства организации; 2) при существовании двух организаций в одном городе, каждая может получить по одному голосу на съезде, тогда как если бы вообще каждой организации было предоставлено по одному голосу, было бы несправедливо давать два голоса тому городу, где существуют две организации. В этом случае две организации рассматриваются, как большинство и меньшинство одной, что находит себе подтверждение в действительной истории образования двух организаций. Может показаться несправедливым уравнивание в правах не

решающий голос всех организаций. О. К., конечно, сознает, что далеко не все эти организации равносильны по своему значению, но так как решительно невозможно найти никакого признака, который можно было бы положить в основание скалы распределение голосов, то всякие попытки разделить голоса неравномерно, а по влиянию и значению организаций, были бы просто произволом. О. К. предпочел не вступать на этот путь, полагая, что до некоторой степени это несправедливое уравнивание в правах всех организаций будет исправлено моральным влиянием наиболее значительных организаций. Однако, О. К. все же нашел нужным сделать одно отступление от этого правила—относительно Бунда. Принимая во внимание совершенно исключительные размеры и влияние этой организации, О. К. считает справедливым предоставить Бунду на съезде три голоса (помимо двух голосов для Заграничного Комитета Бунда). С другой стороны, это небольшое число голосов, предоставленное Бунду, будет с избытком компенсироваться тем, что весьма многие русские организации, не удовлетворяющие § 2, совсем лишены права решающего голоса. Это устранение значительного числа организаций может также показаться несправедливым и нежелательным. Но если бы дать каждой мелкой организации голос, тогда пришлось бы более крупным дать несколько голосов, а это опять-таки привело бы нас к необходимости найти меру организации или ее влияния. Кроме того, о значительном числе организаций мелких городов вообще нельзя с уверенностью сказать, что они являются представителями движения, так как часто они имеют дело с отдельными лицами. В общей сложности такие организации имеют, конечно, большое значение для Партии, особенно своими специальными услугами. Но если бы дать таким организациям право голоса на съезде, съезд перестал бы быть представителем соц.-дем. движения. Тем не менее, устранение какой бы то ни было организации от участия в съезде, конечно, нежелательно, и О. К. нашел из этих затруднений выход, указанный в § 11. Этот § дает всем организациям возможность принять участие в работах съезда и даже оказывать на него свое влияние, так как депутат, представляющий такие полноправные организации, заявляет съезду о том, что, помимо организации, пославшей его, он является депутатом и других организаций. Присоединение мелких организаций, особенно нескольких, несомненно придаст некоторый моральный вес той организации, к которой они присоединились.

§ 12 объясняется тем, что раз сама по себе организация не имеет голоса, то и присоединение ее не может увеличить числа голосов другой организации.

К § 13. Исходя из желания привлечь к участию в съезде все силы Партии, О. К. ввел в устав этот §, согласно которому О. К. уполномочивается приглашать «сведущих людей» с правом только совещательного голоса. Так как этим участникам съезда не дается права решающего голоса и так как О. К. может приглашать в число таких участников только видных деятелей Партии, то мы не видим причин, которые могли бы быть препятствием к тому, чтобы О. К. было дано такое полномочие.

К §§ 19—22. При выработке порядка утверждения устава, О. К. руководствовался тем соображением, что он, как частная организация, в вопросе о самом съезде, ничего не делает без полномочия Партии. Даже

сводку мнений организаций он будет производить только в том случае, если большинство организаций примет § 20.

Затем, когда список будет составлен, то он может быть еще опротестован и протест может быть разобран третейским судом. Этот параграф о третейском суде введен, с одной стороны, в виду возможности существования таких организаций, по отношению к которым исключение из числа полноправных участников II-го съезда в силу § 2 было бы несправедливым, в виду их индивидуальных особенностей, а с другой стороны, этим § О. К. ставит себя под контроль Партии даже в деле формального применения принятого устава, желая таким образом уничтожить всякую возможность обвинений в произволе. При подсчете голосов О. К. будет считать решающими только голоса, удовлетворяющие условиям § 2. Голоса мелких организаций не будут приняты в счет по указанным выше причинам, хотя их указания будут приняты О. К. в соображение.

P. S.

1) О. К. просит организации, которым будет доставлен этот проект и объяснительная записка, передать копии соседним организациям, почему-либо не получившим его, и отобрать их мнения.

2) Мнения по поводу проекта О. К. просит доставить ему по возможности скорее.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

I Резолюция третейского суда по вопросу о приглашении на съезд Союза горнозаводских рабочих.

Третейский суд, в составе представителей Донского и Екатеринославского комитетов, выслушав объяснения представителей горнозаводских рабочих, постановил следующее решение:

Принимая во внимание: 1) что район деятельности Союза горнозаводских рабочих является весьма важным стратегическим пунктом для нашей Партии, 2) что Союз горнозаводских рабочих, несмотря на исключительные трудности, пробил первую брешь для проникновения социал-демократии в этот район, завязав прочные связи во всех крупнейших центрах района, а с начала 1903 года вел даже энергичную агитацию, выпустив целый ряд прокламаций, 3) что Союз мог бы представить съезду важные для съезда соображения об организации социал-демократической деятельности в отдаленных от городов промышленных местечках, — третейский суд считает нужным предоставить Союзу горнозаводских рабочих право полного участия на съезде.

II Резолюция третейского суда по вопросу о приглашении на съезд Комитета кишиневской организации.

Третейский суд, в составе представителей от Организационного, Одесского и Николаевского комитетов, выслушав подробные объяснения представителей Комитета кишиневской организации, принял следующую резолюцию:

Принимая во внимание: 1) что Комитет кишиневской организации не установил точно своего отношения к Росс. Социал-демократической Рабочей Партии вообще и, в частности, к одной из организаций ее, именно к Бунду; 2) что Комитет кишиневской организации не удовлетворяет перечисленным в § 2 Устава условиям; 3) что по размерам организации и деятельности, сообщенным третейскому суду представителями Комитета кишиневской организации, третейский суд не находит нужным делать для кишиневской организации исключения; 4) что, по убеждению третейского суда, Комитет кишиневской организации не может представить съезду каких-либо новых соображений по вопросу об отношении Партии к еврейским погромам, чем именно мотивировали желание участвовать в съезде представители кишиневской организации, — третейский суд постановляет: в приглашении на съезд кишиневскому Комитету отказать.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII.

Резолюция международного социалистического конгресса в Брюсселе по еврейскому вопросу.

Принимая во внимание, что социалистические и рабочие партии всех стран относятся отрицательно к расовому антагонизму и к борьбе национальностей, признавая лишь классовую борьбу пролетариев всех рас против капиталистов всех рас;

Принимая, далее, во внимание, что у рабочих, говорящих на еврейском языке, нет другого средства к освобождению, как соединение их с рабочими или социалистическими партиями соответствующих стран;

Осуждая, наконец, антисемитическую и филосемитическую агитацию, являющуюся в руках капиталистов и правящих классов одним из средств для отклонения социалистического движения с правильного пути и для внесения раздора в среду рабочих,—

Конгресс не находит нужным останавливаться над вопросом, предложенным делегацией американских социалистических групп, говорящих на еврейском языке, и переходит к очередному порядку.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX.

Заявление представителей Социал-демократии Польши и Литвы.

Так как съезд наш, не имея приглашения на общероссийский съезд, не имел основания подвергать обсуждению проект программы «Искры» и «Зари», а в прессе нашей мы естественно держались в своей критике в тех пределах, которые подобают отношениям к чужой Партии, то мы решили на нынешнем съезде воздержаться от участия в дискуссии о формулировке программы.

В виду того, что проект программы, хотя и нуждается, по нашему мнению, в некоторых существенных поправках, тем не менее кажется нам

удовлетворительным в своих главных и основных чертах, то мы считаем возможным принять его, оставляя за собой, само собой разумеющееся право поднять некоторые вопросы, касающиеся программы в прессе и на ближайшем съезде.

Один пункт в проекте программы, именно 7, имеет, однако, для нас, как поляков, особенное значение. Так как для нас борьба с национализмом представляет вопрос первостепенной важности, то наш съезд выразил желание, чтобы упомянутый пункт в русской программе был изменен в смысле, не допускающем никаких истолкований в пользу националистического направления, ставящего польскому пролетариату задачей восстановление Польши.

Сорок четвертый номер «Искры» изменяет значительно положение. Передовая статья этого номера дает совсем уже недвусмысленно и открыто 7 пункту проекта русской программы значение *carte blanche* для постановки польской националистической программы восстановления Польши, желая связать эту программу с солидарной общерусской борьбой против самодержавия. В этой статье говорится: «Русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со всеми возможными, даже со всеми мыслимыми комбинациями.

...Эта программа («Искры») нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна».

Это принуждает нас констатировать следующий факт:

Новейшая интерпретация «Искры» находится в прямом противоречии с истолкованием, данным 7 пункту проекта программы той же «Искрой» в 33 №, в заметке по поводу манифеста союза армянских социал-демократов, где говорится: «Не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство». И дальше: «Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе то, что мы, Партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насилем или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия) мы сами с своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности».

Если мы прежде могли согласиться на такую постановку вопроса и ограничиться только требованием другой формулировки, которая бы исключала возможность всяких толкований в националистическом духе, то наоборот, данный делу новой статьей «Искры», значительно осложняет положение и может затруднить наше присоединение.

На постановку вопроса в «Искре» мы должны заметить следующее:

1. Не дело социал-демократической программы предвидеть все «мыслимые» и «немыслимые» комбинации политических явлений. Она основывается в своих ближайших задачах лишь на позитивных тенденциях общественного процесса, вообще, и его частных проявлениях в данной

стране, с одной стороны, и на реальных интересах пролетариата, с другой стороны.

Общие принципы социал-демократии и ее тактика дают ей полную возможность привносить свою деятельность и свои требования к изменившимся условиям в каждом частном случае, причем она вовсе не нуждается наперед в алгебраических формулах, не предвидящих ни конкретной обстановки этих изменений, ни направления пролетарских интересов в тот момент, когда эти изменения будут иметь место. Говоря конкретно: если когда-нибудь восстановление польского классового государства стало бы в силу непредвиденных обстоятельств возможным, то мы тогда только будем иметь возможность обсудить, соответствует ли это восстановление классовым интересам польского пролетариата.

2. 7 пункт проекта программы при истолковании «Искры» превращается в пустую оболочку, в которую можно уместить решительно всё возможные националистические программы, и, значит, является не разрешением национального вопроса для русской социал-демократии, а уклонением от его разрешения и, таким, образом, увековечением программных распрей и шатаний по этому вопросу в среде социал-демократии.

3. Попытка соединить социал-демократическую программу борьбы за низвержение самодержавия, общую для всего пролетариата без различия национальностей в России, с националистической программой восстановления Польши немыслима одинаково в теоретическом, как и в практическом отношении.

Теоретически это стремление есть эклектизм, комбинирующий две программы, за которыми скрываются два совершенно разных мирозерцания, два противоположных взгляда на развитие Польши и России, и которые настолько же несовместимы в программе польской социал-демократии, как марксизм и народничество в программе русской социал-демократии.

Практически вера в возможность отделения самой программы польского национализма от ее естественных и неизбежных консеквенций в практике, которые сказались у П. П. С., от шовинизма и раздробления сил борющегося пролетариата, есть бессознательный оппортунизм, точно такой же, как тот, который скрывается во взгляде, что для социалистов вполне возможно вступать в буржуазные министерства, избегая однако при этом неприятных консеквенций миллерановской политики.

Абстрактные рассуждения о возможности соединить программу восстановления Польши с социал-демократической программой и деятельностью опровергаются, кроме того, десятилетним опытом польского движения в русской Польше, как и опытом польского движения в Германии. Партийное правление немецкой социал-демократии высказало эту несовместимость в официальном категорическом заявлении от 9 декабря 1902 года, перепечатанном в «Искре».

4. Единственное возможное разрешение национального вопроса, которое в то же время обязательно для социал-демократии при всех условиях, есть, по нашему мнению, защита свободы культурного развития

каждой национальности, путем демократизации исторически данных государственных учреждений.

В этом смысле мы предлагаем дать следующую формулировку 7 пункту в проекте программы:

«§ 7. Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства».

Эта формулировка, благодаря своему общему характеру, считается с разнообразием в бытовых, и исторических условиях разных национальностей России и в то же время, исключая всякие националистические истолкования, дает нам возможность интерпретировать этот пункт для Польши в духе нашей программы, т. е. в смысле требования автономии Польши и Литвы. Согласиться на теперешнюю формулировку 7 пункта программы с интерпретацией, данной ему сорок четвертым номером «Искры», для нашей организации не мыслимо, так как общепартийная программа находилась бы тогда в противоречии с решениями всех наших партийных съездов (см. съезд 1894 г. Spr. Rab. № 10), с основной идеей всей нашей партийной деятельности, и, значит, между нами не было бы покардинальному для нас вопросу того духовного и принципиального единения, без которого мы считаем организационное объединение бесцельным.

Мы считаем поэтому, независимо от представленных нами раньше трех основных условий нашего присоединения к обще-русской социал-демократии, это присоединение только тогда возможным, если съезд сочтет возможным принять предлагаемую нами, либо иную, совпадающую с ней по смыслу, формулировку 7 пункта программы, либо же, в крайнем случае, если съезд согласится оставить пока вопрос открытым и отложить формулировку его до следующего съезда по надлежащем выяснении вопроса в прессе.

ПРИЛОЖЕНИЕ X.

Заявление делегации Бунда второму съезду Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Вопрос о положении Бунда в Российской Партии был с самого начала превращен на съезде в вопрос о том, быть или не быть Бунду, как организации еврейского пролетариата; большинство съезда прямо или косвенно высказалось за необходимость немедленной или постепенной ликвидации Бунда, каковое желание выразилось в целом ряде фактов, из которых приведем наиболее яркие:

1) Дебаты по поводу выработанного пятым съездом Бунда проекта организационного устава обнаружили наличие такой вражды к Бунду, которая нам воочию показала, какие плоды может дать систематический поход против организации при условии полного незнакомства аудитории с ее характером, задачами и деятельностью. Перед нами прошел ряд ораторов. Говорили, что первый партийный съезд совершил печальную ошибку, допустив автономию Бунда, и что последствия этой ошибки те-

перь сказываются; что Бунд—историческая аномалия, с которой нужно так или иначе покончить; что он вступил на путь сепаратизма и национализма и что для сведения его с этого пути необходимо по меньшей мере вернуть его к временам, предшествовавшим четвертому съезду; что если деятельность Бунда не носит на себе явной печати национализма, то направление его чревато националистическими заблуждениями, против которых лучшим паллиативом является заключение Бунда в строго определенные территориальные рамки при условии постепенного сокращения этого района, и проч. и проч. Смысл речей был один и тот же: Бунд должен быть уничтожен, но так как выполнить это сейчас же невозможно, то необходимо поставить его в такие условия, чтобы он мог влиять только жалкое, прозябательное существование и неуклонно шел бы к своему исчезновению. Этот смысл неоднократно подчеркивался дружными аплодисментами большинства съезда, и этого смысла не могли ни на йоту изменить последовавшие на другой день расшаркивания перед Бундом, когда большинство съезда спохватилось, что оно слишком перегнуло палку.

2) Когда мы, в интересах достижения объединения, выбросили из внесенного нами проекта устава все пункты, носившие, по мнению большинства съезда, договорный федеративный характер, оставив из спорных пунктов только два самых существенных, без которых существование Бунда невозможно,—была принята резолюция тов. Мартова, в которой слова «самостоятельность Бунда» заменены неопределенным, допускающим всякие толкования, выражением: «самостоятельность еврейского рабочего движения», а «самостоятельность» эта заключена в узкие рамки «частных задач агитации». Смысл и значение этой «самостоятельности» откровенно выяснил тов. Плеханов, заявивший, что здесь речь идет о технической автономии, которой пользуется всякий комитет Партии, о приравнении Бунда к местному комитету, с тем только несущественным различием, что техническая автономия будет осуществляться в Бунде на большем пространстве, чем в любом местном комитете. И если еще оставалось некоторое сомнение относительно того, что большинство съезда высказалось против решения первого партийного съезда о положении Бунда в Партии, как решения, допустившего действительную автономию, то это сомнение окончательно рассеялось после отвержения внесенной нами поправки к резолюции тов. Мартова, в которой мы предлагали подтвердить постановление первого партийного съезда об автономности Бунда в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата. Отвергнув эту поправку, большинство съезда признало себя солидарным с заявлением тов. Плеханова о приравнении Бунда к местному комитету.

3) Большинство съезда категорически отказалось от обсуждения по пунктам нашего устава в его первоначальном виде на том основании, что он проникнут духом федерации. Далее, то же большинство приняло резолюцию тов. Мартова, в которой отвергается всякая попытка изменения партийного устава в духе федерации и в то же время предлагается перевести в пункт «организация Партии» обсуждение нашего устава в его измененном виде. Этим большинство признало, что оно не усматривает в измененном уставе элементов федерации. Тем не менее, оно, решив вопрос об общей организации Партии, сочло нужным отвергнуть кардинальный

пункт нашего устава в его измененном виде—на том основании, что этот пункт составлен в духе федерации. Одно из двух. Или большинство съезда сознательно допустило перенесение в пятый пункт Tagesordnung'a обсуждения заведомо федеративного пункта и, таким образом, из практических соображений дало увлечь себя на путь беспринципности, или оно, под предлогом отрицания федерации, отвергло пункт, составленный в духе автономии. Мы принимаем второе предположение, как более выгодное для большинства, постоянно подчеркивавшего свою безусловную верность принципам. Но принимая второе предположение, мы должны признать, что большинство съезда лишней раз подчеркнуло свое отрицательное отношение к автономии.

4) Когда после принятия организационного устава был поставлен на обсуждение второй пункт нашего устава, то большинство съезда даже не сочло нужным предлагать поправки к этому пункту; мало того, оно признало себя солидарным с речью тов. Мартова, выразившего сомнение даже в возможности признать Бунд районной организацией и, таким образом, окончательно и решительно стало на точку зрения отрицания Бунда, на которую оно, с большей или меньшей откровенностью, становилось на протяжении всех заседаний съезда.

Таковы факты, несомненно доказывающие, что большинство съезда с первых же заседаний обнаружило тенденцию так или иначе положить конец существованию Бунда.

Верное этой тенденции большинство съезда отвергло самый существенный пункт устава в его измененном виде, принятый единогласно всеми 30 участниками пятого съезда Бунда, пункт, не только безусловно необходимый для существования Бунда, но представляющий единственную действительную гарантию против общего организационного устава Партии, составленного в духе, предполагающем и допускающем полное поглощение и нивелировку организаций и подавление всякой самостоятельности частей Партии.

Принимая во внимание факт отвержения этого пункта (о том, что Бунд неограничен в своей деятельности никакими районными рамками и входит в Партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата), делегация Бунда, на точном основании полученных ею от пятого съезда Бунда полномочий, объявляет о выступлении Бунда из Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и покидает съезд.

Уходя со съезда, делегация Бунда выражает твердую уверенность, что жизненный опыт докажет несостоятельность тенденций к подавлению и нивелированию, нашедших себе столь яркое выражение в принятом вторым съездом организационном уставе Российской Партии, и в тот момент, когда это произойдет, создастся действительная возможность прочно завершить дело объединения российской социал-демократии.

Делегация Бунда: Либер, Абрамсон, Гольдблат, Юдин и Гофман.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI.

Проект организационного устава Росс. С.-Д. Р. П., внесенный на с'езд Лениным ⁶²⁾.

1. Членом Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций.

2. Верховным органом Партии является партийный с'езд. Он созывается Ц. К. (по возможности не реже одного раза в два года). Ц. К. обязан созывать с'езд, если этого требуют комитеты или союзы комитетов Партии, имевшие вместе $\frac{1}{3}$ голосов на последнем с'езде, или если этого требует Совет Партии. С'езд считается действительным, если на нем представлено более $\frac{1}{2}$ всех наличных в момент с'езда (правоспособных) комитетов Партии.

3. Представительство на с'езде имеют: а) Ц. К., б) редакция Ц. О., в) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, г) все союзы комитетов, признанные Партией и д) Заграничная Лига. Каждая из перечисленных организаций имеет на с'езде по два решающих голоса. Новые комитеты и союзы комитетов получают представительство на с'езде только при условии утверждения их не меньше как за $\frac{1}{2}$ года до с'езда.

4. Партийный с'езд назначает Ц. К., редакцию Ц. О. и Совет Партии.

5. Ц. К. объединяет и направляет всю практическую деятельность Партии и заведует центральной партийной кассой, а равно всеми общепартийными техническими учреждениями. Он разбирает конфликты как между различными организациями и учреждениями Партии, так и внутри их.

6. Редакция Ц. О. руководит Партией идейно, редактируя Ц. О. Партии, научный орган и отдельные брошюры.

7. Совет Партии назначается с'ездом из числа членов Ц. О. и Ц. К. в составе пяти лиц. Совет решает дела о ирреканиях или разногласиях между редакцией Ц. О. и Ц. К. в области вопросов обще-организационных и тактических. Совет Партии возобновляет Ц. К. в случае полного его провала.

8. Новые комитеты и союзы комитетов утверждаются Центральным Комитетом. Каждый комитет, союз, организация или группа, признанные Партией, ведают делами, относящимися специально и исключительно к данной местности, к данному району, к данному национальному движению или к данной функции, особо порученной этой группе, обязуясь, однако, подчиняться постановлениям Ц. К. и Ц. О. и давать средства в центральную партийную кассу в размерах, определенных Ц. К.

9. Каждый член Партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с Партией, в праве требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., или в Ц. О., или партийному с'езду.

10. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К. и редакции Ц. О. все средства для ознакомления со всей ее деятельностью и всем ее личным составом.

11. Все партийные организации и все коллегиальные учреждения Партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения членов требуется $\frac{2}{3}$ голосов.

12. Заграничная Лига русской революционной социал-демократии имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов, с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц или групп, особо назначенных Центральным Комитетом.

Члены Съезда ⁶³⁾

О Р Г А Н И З А Ц И И	Д Е Л Е Г А Т Ы
1. Группа «Освобождение Труда»	1. Плеханов. 2. Дейч.
2. Организация «Искры»	3. Мартов (2 гол.).
3. Заграничный Комитет Бунда	4. Гофман. 5. Гольдблат.
4. Центральный Комитет Бунда	6. Либер. 7. Юдин. 8. Абрамсон.
5. Лига Революц. Социал-Демократии . . .	9. Ленин (2 гол.).
6. Загр. Союз Русск. С.-Д.	10. Мартынов. 11. Акимов.
7. Группа «Южный Рабочий»	12. Попов. 13. Егоров.
8. Петербургский Комитет	14. Горский.
9. Петербургская Раб. Организация . .	15. Брукер.
10. Московский Комитет	16. Белов. 17. Сорокин.
11. Харьковский Комитет	18. Иванов. 19. Медведев.
12. Киевский Комитет	20. Павлович. 21. Степанов.
13. Одесский Комитет	22. Осипов. 23. Костич.
14. Николаевский Комитет	24. Махов (2 гол.).

О Р Г А Н И З А Ц И И	Д Е Л Е Г А Т Ы
15. Крымский Союз	25. Панин (2 гол.).
16. Донской Комитет	26. Гусев. 27. Царев.
17. Союз Горнозаводских Рабочих	28. Львов (2 гол.).
18. Екатеринославский Комитет	29. Ленский. 30. Орлов.
19. Саратовский Комитет	31. Лядов. 32. Горин.
20. Тифлиссский Комитет	33. Карский (2 гол.).
21. Бакинский Комитет	34. Русов (2 гол.).
22. Батумский Комитет	35. Беков (2 гол.).
23. Уфимский Комитет	36. Фомин. 37. Муравьев.
24. Северный Союз	38. Ланге. 39. Дедов.
25. Сибирский Союз	40. Посадовский. 41. Троцкий.
26. Тульский Комитет	42. Герц. 43. Браун.

Лица с совещательными голосами

1. Аксельрод	Редакция «Искры».	8. Варшавский.	П. С.-Д.
2. Засулич.		9. Ганецкий.	
3. Старовер.		10. Глебов.	
4. Кольцов.	Бунд.	11. Страхов.	
5. Вольф.		12. Южин.	
6. Штейн.		13. Саблина.	
7. Фишер.	Орг. Ком.	14. Костров.	

ОТ КОМИССИИ.

Выпуская в свет протоколы второго с'езда В. С.-Д. Р. П., комиссия, избранная с'ездом, считает необходимым предпослать своей работе следующие пояснительные замечания.

Прежде всего, о том материале, с которым ей пришлось оперировать.

Стенограмм на с'езде не велось, но речи и весь ход дебатов записывались очередными секретарями, в помощь которым ораторы представляли конспекты своих более значительных речей. Таким образом, составленные протоколы прочитывались на с'езде и с'ездом же утверждались. Только протоколы двух последних заседаний (36 и 37) остались неутвержденными за недостатком времени.

Итак, в комиссию поступил материал, уже утвержденный с'ездом. Предстояло привести его в удобный для печатания вид и проредактировать. Первоначальная работа по приведению материала в порядок произведена была тов. Кольцовым, а затем комиссия в своем полном составе рассмотрела и утвердила подлежащий печатанию текст.

Предоставленным ей правом не опубликовывать те или другие части протоколов комиссия не воспользовалась: точнее—воспользовалась в весьма незначительном размере и лишь постольку, поскольку это безусловно требовалось конспиративными соображениями.

Теми же соображениями руководилась комиссия при замене одних конспиративных кличек, под которыми делегаты фигурировали на с'езде, — другими. Во всем остальном она строго держалась текста, принятого с'ездом, и делала в нем одни только стилистические исправления.

В издание комиссии не вошли отчеты делегатов съезду. Эти отчеты не связаны непосредственно с деятельностью съезда, дебатов по их поводу не возникало, и потому они могут с удобством выйти отдельным изданием. Из всех отчетов один только отчет Бунда вызвал на съезде кое-какие прения. Но, к сожалению, комиссии пришлось отказаться от воспроизведения этих прений потому, что в протоколах не сохранилось речи делегата Бунда, в ответ на поставленные ему вопросы.

Наконец, комиссия приложила к протоколам несколько (11) документов: эти документы—так или иначе—дополняют и поясняют работу съезда и принятые им решения.

Горин.

Кольцов.

Старовер.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ПРОТОКОЛАМ
ВТОРОГО С'ЕЗДА
Р. С.-Д. Р. П.

Примечания к Протоколам второго съезда Р. С.-Д. Р. П.

1 (к стр. 18). Съезд состоялся в конце июля и в августе 1903 г. Начался он в Брюсселе. Но после первого же или второго заседания*), когда под давлением русского правительства брюссельская полиция стала выживать съездовцев, весь состав съезда перекочевал в Лондон. Делегаты стали съезжаться задолго до начала съезда, и это дало возможность заграничным лидерам искровства устройством частных бесед и предварительных съездовских собраний сделать ряд попыток к установлению единства во взглядах и к взаимному ознакомлению.

2 (к стр. 18). Речь идет о группе «Освобождение Труда», основанной в 1883 г. Выразителем взглядов группы и ее теоретиком был Г. В. Плеханов.

3 (к стр. 19). Конференция, о которой здесь говорится, конституировалась из членов предполагавшегося партийного съезда, созывавшегося по инициативе заграничного союза и Бунда (в докладе почему-то говорится об инициативе Бунда и Петербургского Комитета). Конференция состоялась в марте 1902 г. в Белостоке. Указанный в докладе состав организаций, которые были представлены на конференции, тоже, повидимому, страдает неточностями. В докладе говорится о Бунде, между тем как на конференции кроме Ц. К. Бунда был самостоятельно представлен Заграничный Комитет Бунда. Оба представителя Бунда (П. Розенталь и Зельдов) не всегда голосовали в одинаковом духе. Упоминаемый в докладе Нижегородский комитет на конференции представлен не был.

4 (к стр. 19). О составе первого О. К. имеются противоречивые данные. В своей «Истории Р. С.-Д.-и» Мартов говорит о выборе О. К. из представителей от участвовавших на Белостокской конференции организаций. В докладе речь идет о представителях трех организаций: Искры, Бунда и Союза южных комитетов и организаций. Акимов утверждает, что в О. К. должны были войти 3 заграничные организации: Искра, Союз русских с.-д.-ов и Заграничный Комитет Бунда.

5 (к стр. 19). О конференции 2 ноября 1902 г. в Пскове, см. выше в очерке «От кружковщины к партии» (в последней главе). О Киев-

*) Об этом свидетельствуют, между прочим, участники съезда т. т. Стопани, Красиков и др.

ском комитете на конференции говорится, очевидно, в связи с присутствием на ней П. А. Красикова, а Сев. Союз, по всей вероятности, представлял А. М. Стопани.

6 (к стр. 21). Повидимому, Нижегородский комитет—очень деятельный и влиятельный ко времени с'езда.

7 (к стр. 22). Еще в 1901 г. в Киеве возникла группа «Раб. Воля» (об этом см. в очерке «От Кругж. к Партии.»—последняя глава). Одесский же соц.-дем. союз «Рабочая Воля» представляет организацию позднейшего происхождения. О ней упоминается только в № 48 «Искры» от 15 сентября 1903 г., в отделе «Из Партии», в связи с изданиями этой организации, в том числе и манифеста «Рабочей Воли», где она заявляет о своем присоединении к Комитету.

8 (к стр. 23). Относительно распыления петербургской организации в № 42 «Искры» читаем следующее: Заявление «Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класа. С.-Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.—Мы заявляем, что 1) группа лиц, выступившая из нашей организации осенью 1902 г., о чем она тогда же выпустила заявление за подписью Комитета Рабочей Организации и впоследствии № 16 «Рабочей Мысли», и 2) группа лиц, выступившая из нашей организации в конце февраля 1903 г. и выпустившая листок о киевских событиях (на mimeографе), майский (печатный) и еще некоторые за подписью С.-Петербургского Комитета,—не имеют права, не нарушая постановлений с'езда 1898 г., присваивать себе первая—названия Союза Борьбы, а вторая названия С.-Петербургского Комитета».

Май, 1903 г.

С.-Петербургский Комитет.

9 (к стр. 31). Меньшинство в 10 голосов распределялось между бундовцами (5 голосов), рабочедельцами (Акимов, Мартынов и Брукер), и двумя голосами Николаевского комитета (Махов). Это первый момент самоопределения правого крыла с'езда.

10 (к стр. 34). Соц.-дем. партия Польши и Литвы принципиально не расходилась с «Искрой» и, наоборот,—резко расходилась с польской социалистической партией (П. П. С.), которая когда-то (в 1893 г.) образовалась в немецкой Польше с согласия правления немецкой партии, но во второй половине 90-х годов стала на националистическую точку зрения и вступила в антагонизм с немецкой социал-демократией. В 1901 г., в своем стремлении к сепаратизму, П. П. С. выставила в некоторых местностях Силезии своих особых кандидатов в рейхстаг в противовес кандидатурам, выдвинутым немецкими и польскими социал-демократами,—факт двойных социалистических кандидатур, небывалый со времени соединения лассальянцев с эйзенхатцами. Что же касается соц.-дем. партии Польши и Литвы, то она склонна была признать принцип тесного организационного сплочения пролетариата данной страны, независимо от национальности отдельных его частей. Отрицательную оценку позиции Бунда по национальному вопросу польские соц.-демократы дали в № 4 «Przegląd Social-demokratizny» (см. «Искру» № 41).

11 (к стр. 36). Несмотря на резкость выражений, и Сорокин, и следующий оратор, Троцкий, были по существу, правы. Так, например, сам Невзоров (Ю. Стеклов) в своих воспоминаниях (см. его статью в № 5 (17) «Пролетарской Революции») признает, что он принципиально не расходился с Плехановым и Лениным во взглядах в момент возникновения группы «Искра». Но незначительность (по мнению Стеклова) амплуа, предложенного ему ленинской группой («быть только ее парижским представителем») заставило его уехать обратно в Париж: «не солоно хлебавши». Никаким влиянием группа «Борьба» среди местных работников не пользовалась, и борьба, которая возгорелась по вопросу о приглашении на съезд представителя этой группы, может быть объяснена только стремлением правого крыла съезда (Мартынова, Брукэр, Акимов) заручиться на всякий случай лишним союзником во время споров о программе Партии.

12 (к стр. 44). Эпизоду с «О. К.», в связи с квалификацией выступления Павловича, как «нарушением дисциплины», Ленин в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» придает большое значение в виду того, что спор свелся к дилемме: кружковщина, или партийность, — «ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или полное, не на словах только, а на деле, распушение всех низших инстанций и старых группок». В этом эпизоде, между прочим, неожиданно и странно вела себя искровка Александрова (Штейн). Это именно по ее адресу в речи Ленина говорится: «какую бурю негодования всегда вызывало такое явление, когда люди в комиссиях говорят одно, а на съезде другое». По словам П. А. Красикова (в «Письме к товарищам»), Штейн после эпизода с «О. К.» заявила Мартову о своем намерении выйти из организации «Искра». Таким образом, в среде самих искровцев почти с первых же шагов съезда появился призрак политического недоверия со стороны центрального ядра группы к некоторым неустойчивым элементам организации.

13 (к стр. 46). В своих посланиях Воронежский комитет рассматривает орг. комитет как плод интриги организации «Искры», которую Воронежский комитет считает «опричником соц.-демократии», полемике ее — «плеткой» и т. д.

14 (к стр. 51). Речь идет о Ное Жордания, впоследствии одним из лидеров меньшевизма, ныне — зарубежном враге Советской России.

15 (к стр. 55). По словам авторитетного участника 1-го съезда — Эйдельмана — «автономия Бунда, по смыслу постановления съезда, была скорее всего технического свойства»... «Во всяком случае — говорит Эйдельман — ни один комитет, ни Бунд не получили права сношений с другими организациями ни в России, ни за границей помимо Ц. К. партии» (см. ст. «К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.», «Пролет. Рев.» № 1).

16 (к стр. 63). Искровский корреспондент характеризует деятельность Бунда в Одессе в таких выражениях: «У нас, в Одессе, неофициально начал свою деятельность Бунд. Приказчики, вчерашние

сионисты, сегодня стали бундистами. Бунд собирается петь у нас на юге национальные мотивы».

17 (к стр. 77). «Искра» (в № 33) приветствует «Манифест армянских социал-демократов», напечатанный в № 1 «Пролетариата» (органа союза арм. с.-д.), и особенно попытку дать правильную постановку по национальному вопросу. «Два основных принципа,—говорит «Искра» намечены союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности: это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства».

18 (к стр. 100). До выработки проекта программы «Заря» и «Искры» в русской социал-демократической литературе не имелось печатных документов, которые могли бы претендовать на роль программы русской социал-демократии, за исключением лишь проекта, выработанного группой «Освобождение Труда». Этот программный набросок был выработан в 1884 г. и затем несколько переработан в 1887 г. (переработанный проект программы напечатан в виде приложения к брошюре «Чего хотят социал-демократы?»—Женева 1888). Выражая в общем и целом правильно основные моменты социал-демократической теории, проект программы группы «Осв. Труда» грешит лишь недостаточным развитием этих моментов и допущением некоторых уступок народническим предрассудкам. К числу таких уступок принадлежит прежде всего пункт с требованием «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности».

Последующие, однако, теоретические шатания русских социал-демократов доказали, что программное закрепление теоретических основ ортодоксального марксизма является для русской социал-демократии необходимым условием партийного единства. Первый партийный съезд в 1898 г. не дал для Партии такой единой программы, и это обстоятельство в высокой степени умаляло значение этого съезда, имевшего целью цементировать и объединить в одно целое отдельные кусочки тогдашней русской социал-демократии. И чем шире и глубже шла работа этой последней, чем более вырисовывалась органическая связь между практикой движения и теорией, чем сильнее чувствовалась на группировках внутри русской социал-демократии идейная борьба между ортодоксами и оппортунистами (бернштейнцами, ревизионистами, милберанистами и т. д.) в недрах европейских социал-демократических партий, тем более жгучей и настоятельной становилась потребность нашей Партии в программной сводке основ революционно-марксистского мировоззрения. Эту насущную задачу блестяще выполнили группы «Искра» и «Заря», дав летом 1902 г. проект программы Р. С.-Д. Р. П. (напечатан в № 21 «Искры» от 1-го июня 1902 г.)

Проект искровской программы был выработан Плехановым, но этот проект прошел в редакционной коллегии не без возражений и даже не без трений. Прежде всего он не удовлетворил Ленина, который

набросал свой собственный проект; к этому последнему, в свою очередь, Плеханов отнесся весьма критически и отрицательно. У нас пока нет еще текста ленинского проекта. Но судя по тому наброску программы, который был сделан В. И-чем в 1896 г. (см. «Пролет. Рев.» № 26), а также проекта соглашения (в форме беглой заметки В. И. Засулич. См. недавно вышедшие «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова») для улаживания конфликта между двумя искровскими авторами программных проектов, сущность разногласий сводилась к следующему: Ленин центр тяжести переносил на анализ развития капитализма в России, а Плеханов — на характеристику капитализма вообще. Ленин более решительно определял процесс вытеснения мелкого производства крупным капиталом; Плеханов больше места уделял промежуточным переходным формам. В ленинском проекте больше ударе-ние делается на социальных последствиях развития капитализма — усиления нищеты, эксплуатации и т. д. Кроме того, Ленин, повиди-мому, настаивал на более строгой формулировке в характеристике «классовой борьбы пролетариата и на добавлении пункта о диктатуре пролетариата, как необходимого момента в развитии победоносной соци-альной революции.

19 (к стр. 109). Вся длинная речь Мартынова, дающая в конце концов очень мизерные результаты (вставить слово «сознательность» и заменить слово «эксплуататоры» «эксплуатацией») имеет, повидимому, целью, пользуясь хотя бы случайным поводом, снова поднять спор вокруг проблемы о стихийности масс и сознательности социал-демо-кратии. Тут он как бы пытается свести старые счёты с автором «Что делать».

Интересно отметить, что на той же позиции, как и лидер «Рабо-чего Дела», стоит и другой критик искровской программы — «орто-докс» Рязанов (см. его книгу «К критике программы Российской социал-демократии»). В том же роде длинные, назидательные и очень резонансные рассуждения на тему о том, как Ленин, со своей теорией принесения политического сознания рабочему классу извне, впал в грехопадение, забыв, что «активный протест рабочего класса так же неизбежно развивается из данных социально-полити-ческих условий, как и сам рабочий класс» и т. д., — эти рассуждения «свидетельствовали только о том, что *les beaux esprits se rencontrent* (некто в роде русской пословицы «рыбак рыбака видит издалека»), т. е. что ученый доктринер видит родственную душу в лице рабоче-деленского оппортуниста и наоборот (не даром же Мартынов так на-стаивал на приглашении на съезд Рязанова!). Оба они много потру-дились над тем, чтобы эскамотировать (незаметно передвинуть) прямо поставленный Лениным вопрос об использовании русской революци-онной социал-демократией всей своей идеологической мощи и всех возможностей, чтобы повести за собою рабочий класс, втянуть его в политическую борьбу с царизмом и господствующими классами, организовать его в самостоятельную партию, поднять его до уровня социал-демократического сознания, — вообще, проявить доста-точную революционную активность и инициативность (в противовес

экономистам, прикрывавшим свой «хвостизм» вульгарно понятой марксистской теоремой об определении сознания бытием); оба они вместо этого, подсказанного жизнью, вопроса упорно подменивали его другим и все время вертелись вокруг мысли, что социал-демократическое сознание, мол, не с неба свалилось и не как Венера родилось из пены морской, а было предопределено всей совокупностью социально-общественных отношений, которые, в конечном счете, сами определялись развитием производственных сил. Оба не хотели или не могли понять ясно и отчетливо поставленного Лениным вопроса о расширении рамок воздействия Партии на пролетарские массы путем борьбы с узостью и кустарническим крохоборством экономистов, а также и их вульгаризацией марксизма, — причем один, быть может, в качестве оппортуниста, — не без задней мысли, а другой, будучи отделен от живой жизни стенами своего кабинета, — без всякой определенной цели, а просто по доктринерской привычке и свое умное слово сказать.

20 (к стр. 115). Судя по возражениям, сделанным на эту часть речи Акимов, он выразил гораздо более определенный взгляд на теорию обнищания, чем это здесь запротоколировано. В этом вопросе, в качестве более откровенного и искреннего оппортуниста, чем его союзник и в общем единомышленник Мартынов, он занял, повидимому, такую позицию, которая отпугнула даже другого рабочедельца (см. дальше в «Протоколах» речь Мартынова, в которой он спешит по ряду вопросов отмежеваться от Акимова). В ряде статей Плеханова, посвященных критике ревизионистов («Критика наших критиков»), имеется, между прочим, обстоятельная и в высокой степени убедительная статья, направленная против Струве, как провозвестника теории «притупления» («Заря» № 2—3). В ней Плеханов блестяще доказывает не только на гипотетических, но и на реальных цифрах (из экономики главным образом Англии) справедливость марксовской теории обнищания если не всегда абсолютного, то вообще говоря относительного. После этой статьи вряд-ли могло бы отыскаться много охотников среди русских социал-демократов, которые пожелали бы оказаться в компании Акимова, склонявшегося к той мысли, что теория обнищания «противоречит существующим приемам агитации», т. е., говоря проще, мешает экономистам выкидывать лозунг экономической борьбы, якобы способной повышать уровень благосостояния рабочего класса. Сам Плеханов придает очень большое значение борьбе ортодоксальных марксистов с критиками Маркса именно по этому вопросу. В своих комментариях к «Проекту программы РС-ДРП.» («Заря» № 4) он, между прочим, говорит: «Самым важным из этих жгучих вопросов (волнующих с.-д. всего мира), центром, вокруг которого расположились все остальные, был, как известно, вопрос о том, увеличивается или уменьшается общественное неравенство, — т. е. экономическое расстояние между классами, — по мере того, как подвигается вперед развитие капиталистического общества».

21 (к стр. 115). Здесь Акимов, повидимому, не одобряет следующего места в комментариях Плеханова к Проекту программы.

«Заботливо и не без «ортодоксального» умысла оттенили мы в нашем проекте роль социал-демократии, как передового отряда рабочей армии и вместе ее руководителя. Она организует рабочий класс в самостоятельную партию, противостоящую всем партиям эксплуататоров, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов этих последних с интересами эксплуатируемых и вообще всеми зависящими от нее средствами старается ускорить развитие классового самосознания пролетариата и выяснить ему необходимость и характер предстоящей социальной революции.

С точки зрения правильно понятого марксизма все это разумеется само собою. Но «критическая» смута и сюда напустила густого тумана, благодаря которому русские социал-демократы «экономического» направления вообразили, будто обязанность социал-демократии состоит не в том, чтобы безудержно и как можно скорее двигать вперед классовое самосознание пролетариата, а единственно в том, чтобы выражать то, что уже сознано им без какой бы то ни было помощи со стороны «революционной бациллы». Не совершая самоубийства, социал-демократия никогда не может согласиться на эту смешную и позорную роль пятого колеса в телеге».

22 (к стр. 123). Уже в этой, заслуживающей внимания, речи Троцкий не просто отбрасывает оппортунистическое отрицание реформистами à la Акимов диктатуры пролетариата в виду якобы постепенного перехода посредством ряда реформ капиталистического строя к социалистическому, но и успокаивает Акимова, что момент социальной революции с последующей диктатурой пролетариата наступит только тогда, когда социал-демократическая Партия и пролетариат будут близки к отождествлению *).

Интересно отметить, что в своей брошюре («К вопросу о работах второго съезда РС-ДРП», стр. 68) Акимов обрадовался случаю выразить свою полную солидарность со взглядом Троцкого на диктатуру пролетариата, высказанным на съезде. Соглашаясь, между прочим, с Троцким относительно того, что многие смешивают «диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом», он с чувством удовлетворения говорит: «Вот это самое я говорил на съезде»...

23 (к стр. 123). Увы, такой развод скоро оказался фактом! В начале ноября 1903 г. Ленин окончательно разошелся с изменившим своей прежней позиции Плехановым и вышел из редакции «Искры». Ровно через год после того, как Плеханов поучал на съезде Акимова относительно его нелепо-придирчивого отношения к фразе Ленина, сказанной по известному конкретному поводу в противовес идеям рабочедельцев о приспособлении социал-демократической сознательности к стихийному самоопределению масс, тот же Плеханов, по иронии судьбы, в своих фельетонах, под заглавием «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» (№№ 70 и 71 «Искры»),

*) Более подробное указание на позицию Троцкого в данном вопросе имеется в заключительной статье этой книги «После съезда», — в V главе.

с эпиграфом «лучше поздно, чем никогда», стал повторять по поводу все тех же пресловутых «фраз» в «Что делать?» как раз те самые, не свидетельствовавшие о глубокомыслии критиков, нападки Мартынова и Акимова, над которыми он с таким юмором посмеивался на съезде.

24 (к стр. 129). «Рабочая Газета», орган Киевской соц.-демократической группы 1897—98 гг., взявшей на себя инициативу по созыву 1-го съезда РС-ДРП, на этом съезде была объявлена центральным органом Партии, и Владимир Ильич, находившийся в это время в ссылке, был намечен, как ее редактор. Первые два номера газеты появились в 1897 г. (22 августа и 20 декабря). Третий номер был уже набран и должен был выйти вскоре после съезда, но был арестован. С тех пор «Раб. Газ.» продолжала быть только, так сказать, потенциальным органом Партии, и Либер упоминает о ней, очевидно, по формальному лишь мотиву. Впрочем, нашлись двое съездовцев, которые охотнее помирились бы на признании центральным органом давно уже умершей «Раб. Газеты», чем ненавистной им «Искры» (см. резолюции Акимова и Брукэр о восстановлении «Раб. Газеты», как Ц. О. Партии).

25 (к стр. 130). Статья «С чего начать?» помещена в № 4 «Искры» (от 4 мая 1901 г.). В ней уже намечена в основных чертах старо-искровская линия, впоследствии более подробно развитая в брошюре «Что делать?».

26 (к стр. 132). Впоследствии автор этой речи, так горячо защищающий «Искру» как знамя революционного социализма, собравшее вокруг себя всю Партию, чрезвычайно урезывает свои комплименты этой самой «Искре». В своей брошюре «Наши политические задачи» он на протяжении многих страниц доказывает, что «Искра» много сделала в деле пропаганды социализма среди радикальной демократической интеллигенции, но имела очень слабое влияние на пролетариат. Это обстоятельство сказалось, по мнению автора брошюры, «в полной недоступности для «Искры» — непосредственно оплодотворить движение самого пролетариата тем идейным вкладом, который она вносила в сознание революционной интеллигенции». И только лишь «фельетоны Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» (т. е. новой «Искры», не-ленинской. П. Л.) знаменуют начало новой эпохи в нашем движении».

27 (к стр. 144). Впоследствии, — например, на съезде Лиги, — Мартов определенно стоял на другой точке зрения — вопреки Ленину и Плеханову, находившим в Уставе Партии определенные данные для утверждения за Ц. К. права изменять состав подведомственных ему организаций (§ 6 «Ц. К. организует комитеты, союзы комитетов и все другие учреждения Партии»... а, следовательно, по словам Плеханова, имеет право и реорганизовывать их. § 9. «Помимо организаций, утвержденных съездом Партии, все остальные партийные организации утверждаются Центр. Комитетом. Все постановления Ц. К. обязательны для всех партийных организаций» и т. д.). Мартов утверждал, например, что «Ц. К. может, конечно, предложить нам нового члена, но принять его в Лигу можем только мы, Лига... Единственно огра-

ничение этого права кооптации заключается в том, что на постановление о кооптации допускается апелляция в Совет». Интерпретируя по своему Устав Партии, Мартов наперед обеспечил за собой (или лучше сказать, за всяким молодцом, желающим толковать устав на свой образец) право такой интерпретации. На вопрос, кому интерпретировать устав, он отвечает: «Я думаю, что в конечном счете будет интерпретировать его тот, кто будет делать это наиболее толково. (Плеханов: А кто решит, кто толков?) Борьба решит. (Ага!). Да, решит борьба» и т. д. (см. «Протоколы» 2-го очередного съезда заграничной Лиги).

28 (к стр. 145). Здесь с похвальной решительностью говорится о законности «организованного недоверия» со стороны Партии ко всем ее частям. Но вскоре затем тот же автор формулы об «организованном недоверии» будет вместе с Мартовым писать на своем знамени: «долой осадное положение!». «Эта злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карриатура трагической нетерпимости якобинизма является, это нужно признать, наследием и вместе вырождением старой «искровской» тактики» («Наши полит. задачи», стр. 98). «Течение мысли, подсказавшее политику осадного положения, не явилось результатом «гениального безумия» одного сильного человека, не создана злой волей определенной категории: это течение мысли тесно связано со всем предшествующим развитием нашей Партии, оно—законное, в своем роде, детище той самой «Искры», которая совершила несомненную положительную работу по сплочению Партии» (Мартов, «Борьба с осадным положением» стр. 66—67). Оба видных новоискровца, борясь со староискровским организационным принципом централизма (с «осадным положением», с «организованным недоверием» и т. д.), настолько об'ективны и историчны, что привлекают к ответственности перед историей за политику осадного положения не только «якобинца, Робеспьера» и т. д. и т. д.—Ленина, но и старую «Искру».

29 (к стр. 157). Это один из самых интересных эпизодов съезда. Он очень характерен для оценки марксистской выучки не только середняков социал-демократов того времени, но и передовиков—литераторов. Возмущение Егорова (видного литературного работника в «Южном Рабочем») — по поводу ярко сформулированной Плехановым (и Посадовским) идеи об относительной и условной ценности демократических принципов — свидетельствует лишь о том, что воспитательная роль старой «Искры» еще не была закончена, и марксистское сознание тогдашних руководителей пролетариата еще сильно нуждалось в воздействии на него со стороны таких вооруженных марксистской выучкой учителей, как Плеханов или Ленин. Вследствие прекращения дебатов по этому вопросу, прения не могли развернуться достаточно широко, и мы не знаем, какая картина умственного разброда и шатаний раскрылась бы нам по этому поводу среди съездовцев. Но, судя по заявлению Мартова на съезде Лиги, выразившего сожаление о том, что Плеханов, во избежание недоразумений, не добавил к своей наделавшей шуму речи нескольких успо-

коительных слов (дескать, «разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попираť такие политические права, как свободу печати»...) — легко себе представить, как много было недомыслия и оппортунистических уклонов даже среди некоторых виднейших представителей искровской организации.

30 (к стр. 162). В своей брошюре «Шаг вперед» и т. д. Ленин отмечает инцидент с равноправием языков, как симптом политической разногласности участников съезда, выразившейся на этот раз по очень ничтожному поводу (вследствие «фетишизма», по меткому замечанию Мартова, тех ораторов, которые более всего хлопотали за вставку особого пункта о равноправии языков). Не принципиальное разногласие, а спор из-за формулировки одного, не возбуждавшего никаких сомнений по существу, пункта программы раскалывает съезд на две половины. Дело пахнет уже срывом программной комиссии. «Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33), — говорит автор «Пагов», — дало перевес коалиции анти-искровцев и неустойчивых элементов». Впоследствии такая же картина повторится по более серьезному поводу — при обсуждении § 1 Устава.

31 (к стран. 166). Поссе, редактор-издатель журнала «Жизнь» (в 1902 г. — в Лондоне), не пользовавшийся в то время (да и впоследствии) репутацией зрелого в марксистском отношении и серьезного политического деятеля, на этот раз является не прямым виновником нападков на программу «Искры» и «Зари», а лишь косвенным, поскольку он привел в своем журнале «редакционную заметку» латышского органа «Sozialdemokrats» (№ 4 «Жизни»), где действительно говорится об «оскорбительном, недемократичном и даже реакционно-звучащем» требовании искровской программы относительно снабжения бедных детей пищей и т. д.

32 (к стран. 209). Прения по аграрной части программы заняли очень много времени у съездовцев, и это не случайно. И раньше еще, задолго до съезда, — со времени выхода № 3 «Искры» (от 3 апреля 1901 г.), где была помещена статья Ленина — «Рабочая партия и крестьянство», заключавшая в себе разъяснение основных идей будущего проекта аграрной программы «Искры» и «Зари», — многие социал-демократы с недоумением встречали идеи «Искры» по аграрному вопросу. Больше всего их смущала мысль об «отрезках», которая не одному Мартынову или Либери казалась «мизерной» попыткой «исправления исторической несправедливости».

Эта мысль целиком принадлежала Ленину и уже давно созрела в его голове, — быть может, еще в 1896 г. Вот что, между прочим, рассказывает Мартов в своих воспоминаниях («Записки социал-демократа»):

«Кажется, Кржижановский сообщил нам о «выдумке Ильича», которую тот ему сообщил в переписке во время заключения в предварилке. «Выдумка» состояла в формулировании такого положительного требования в области аграрной политики, которое, удовлетворяя земельную жажду крестьян и тем давая социал-демократии возмож-

ность приобрести в крестьянском движении опору, в то же время не рисковало при своем осуществлении затормозить ход экономического развития. Речь шла о знаменитых «отрезках», то-есть о требовании передачи крестьянам всей земли, которою они владели до великого грабежа 19 февраля 1861 г. Основным аргументом Ульянова было, что на «отрезных» землях преимущественно держатся кабальные отношения в деревне и что, стало быть, возвращение этих земель, хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии» (Стр. 331).

Проект аграрной программы, выработанный Лениным, не вызвал больших разногласий в редакционной коллегии «Искры» *). Плеханов, например, охотно выступил в защиту искровской аграрной программы против Рязанова (см. его статью «Ортодоксальное буквоедство» в «Приложении» к № 43 «Искры»), выясняя правильность искровской позиции относительно «отрезков».

Впрочем, сам Ленин скоро убеждается, что эта аграрная программа уже недостаточна с точки зрения логики быстро развертывающейся революции. В своем, например, предисловии к книге—«За 12 лет» он замечает: «События несомненно доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и недооценивала силы революционно-демократического крестьянского движения». Это обстоятельство заставляет его пропагандировать идею пересмотра аграрной программы на 3-м съезде (в 1905 г.) и еще более энергично требовать пересмотра на Стокгольмском съезде (в 1906 г.)

Не следует, однако, думать, что мысль Ленина в аграрном вопросе до 1905 г. шла неверным путем. В 1902—1903 гг. еще трудно было предвидеть размах революционного движения среди крестьян, и поэтому основной пункт аграрной программы, будучи совершенно принципиально выдержанным с марксистской точки зрения, грешит только тем, что при более ускоренном темпе революции он рискует стать недостаточным в ближайшие уже годы. Безответственные же критики искровской аграрной программы (в роде Рязанова), несмотря на кажущийся радикализм их собственных взглядов по аграрному вопросу (требование экспроприации всей помещичьей земли и т. п.), на самом деле вносили величайшую путаницу в принципиальную постановку этого вопроса (нельзя, мол, путем возвращения крестьянам отрезков умножать мелкую собственность и проч.).

33 (к стран. 214). Хотя прения по пункту программы о поддержке оппозиционных течений и не развернулись в широкую картину разногласий, тем не менее и здесь достаточно полно выявились оттенки мнений искровских и не-искровских элементов. Особенно характерна речь Махова, высказывающегося против поддержки оппозиционных

*) Впрочем, статья Ленина, написанная для «Зари»—«Аграрная программа русской социал-демократии»—встретила недоброжелательное к себе отношение со стороны Плеханова (об этом см. в книге «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова»).

групп на том основании, что они «так себе... с боку-припека и хотя-т только попользоваться». Ему же принадлежит и мысль о том, что примером групп, которые всегда реакционны, могут служить ремесленники. Но как ни ошибочны (иногда до смешного) эти взгляды, которые следует отнести на счет индивидуальности мышления Махова, тем не менее позиция Мартынова и Либера в данном вопросе не далеко ушла вперед от позиции лидера центра.

34 (к стран. 220). Все аргументы Аксельрода в этой речи с исчерпывающей полнотой критикуются Лениным в его брошюре—«Шаг вперед» и т. д. (См. Н. Ленин. Собр. сочинений, т. V, стр. 348—351).

35 (к стран. 222). Поясняя факт солидаризации Брукэр с формулировкой Ленина, этот последний в своих «Шагах» подчеркивает разницу между солидарностью Брукэр с ним и Акимова с Мартовым. Брукэр защищает формулу Ленина, как основу демократизма, желанного для сторонников «Рабочего Дела». Акимов же выбирает, по его собственным словам, формулу Мартова, потому что она меньше достигает той «вредной» цели, к которой стремятся оба искровца—и Ленин, и Мартов.

36 (к стран. 226). Речь Мартова подробно проанализирована в «Шагах» (Собр. соч. Ленина, т. V, стр. 357 и след.).

37 (к стр. 227). Слова Плеханова об оппортунизме попадают кой-кому не в бровь, а в глаз. Целый ряд последующих ораторов нервно реагируют на упоминание об оппортунизме (Русов, Троцкий и др.). Ленин рассказывает: «В кулуарах» нашего «парламента» тезис Плеханова живо комментировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1.» Этот плехановский тезис и эти «кулуарные» дискуссии стали, повидимому, исходной точкой в психологии мартовцев, очень разобидившихся на подозревании их в склонности к оппортунизму, о чем, между прочим, можно судить по следующему месту из письма Мартова и Старовера, посланного большинству искровцев вскоре после принятия § 1 устава: «Это обстоятельство (чтение в собрании большинства списка с кандидатами в ЦК, каковой список, по заявлению лидеров меньшинства, ложно приписан авторству Мартова и К^о. П. Л.) стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции «Искры» и группы «Освобождение Труда» в оппортунизме... для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом изменения состава «Искры».

Список в данном случае не играл существенной роли в происхождении мнения об оппортунистических умонастроениях Мартова и всех тех, кого он повел за собой, а вот дискуссии по § 1 действительно могли дать некоторый материал для развития тезиса Плеханова об оппортунизме и об оппортунистах...

38 (к стран. 229). По этому поводу Ленин в «Шагах» замечает: «Оправдывать «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистой воды».

39 (к стран. 234). По поводу этого голосования Ленин замечает: «Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без

помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы».

40 (к стр. 235). Последовательнейшие из всех съездовских оппортунистов (помогших Мартову провести свою формулу) делают шаг вперед в том же направлении и по части расширения границ Партии. В своем проекте они пытаются заменить строгий критерий понятия о членстве Партии (признание ее программы) расплывчатым и ни к чему по существу не обязывающим условием признания «основных положений» программы. Еще последовательнее было бы со стороны Акимова совершенно выкинуть оговорку о признании программы, осуществляя тем самым мысль Павловича, незадолго перед этим выраженную в его речи: «Уж если идти путем Мартова, то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании программы» (См. речь Павловича, стр. 228). По отношению к Акимову и Либеру эти слова были до некоторой степени пророческими.

41 (к стр. 239). По уверению Акимова (см. его вышеупомянутую брошюру, стр. 5), Костиц выразился так: «я специально интересовался этим вопросом, и оказалось, что все комитеты, в которых есть большинство и меньшинство, послали обоих делегатов от большинства». Судя по тому, что целый ряд ораторов (Гольдблат, Либер, Акимов), говоривших после Костица, ссылались на свидетельство его о том, что на данном съезде меньшинство не представлено, можно думать, что Акимов прав.

42 (к стр. 243). 7 воздержавшихся—анти-искровцы.

43 (к стр. 244). Три формулировки комиссии: 1) защищаемая Мартовым, который предлагал, чтобы Совет назывался ред. Ц. О. и Ц. К., посылающими в него по 2 члена; эти 4 члена выбирают 5-го. Выбывшие члены Совета замещаются назначившими их учреждениями. 2) Защищаемая Лениным и заключавшаяся в том, что Совет назначается из членов ред. Ц. О. и Ц. К. в составе 5 лиц, при чем не менее двух должны быть выбраны от каждой из этих коллегий; выбывшие члены Совета замещаются самим Советом, и 3) формулировка Егорова, никем в Комиссии не поддержанная, сводилась к тому, чтобы члены Совета избивались на съезде и чтобы в составе Совета не было перевеса Ц. К. и Ц. О. Значительные прения, развернувшиеся в связи с обсуждением пункта о Совете, сводились главным образом к вопросам о роли Совета,—будет ли он примирительным учреждением или руководящим центром, или же его совершенно не должно быть. Но вопрос о Совете, равно как и организации других центр. учреждений Партии, по сравнению с расхождением искровцев при обсуждении § 1 устава, является третьестепенным, и только в постсъездовской меньшевистской литературе (например, в ст. «Наш съезд» в № 53 «Искры», в «Осадном положении» Мартова и т. д.) меньшевики стали усматривать в нем центр тяжести в расхождениях искровцев на съезде.

44 (к стр. 256). Защита пункта об единогласии при кооптации в Ц. К. и Ц. О. (или о квалифицированном большинстве) была подсказана Ленину в данный момент необходимостью обеспечить в центрах такой личный состав, который не очень уже сокруши-

тельно распорядился бы с линией намечавшегося съездовского меньшинства (мартовцы в коалиции с антиискровцами-бундовцами, рабочеделцами — представили бы, при выборах в центры, большинство). Эта борьба — в форме предложений съезду об ограждении прав меньшинства — была совершенно законной и уместной — и формально (ибо только на съезде такая предвыборная борьба и допустима, и никак уж не после съезда в рамках единой Партии), и по существу, поскольку приходилось «двойным узлом связать посудину» (по выражению Ленина), разбитую Мартовым при ликующем участии Либеров и Акимовых.

45 (к стр. 259). Такой тип голосования, когда воздержавшихся не было (принимало участие в голосовании 47—50 делегатов, всего же был 51 голос), имел место во время 26-го и 27 заседания (при обсуждении устава) только 4 раза, и во всех этих случаях побеждал Мартов. В приводимых же Мартовым на съезде Лиги других случаях голосования за этот период чаще всего большинство голосов собирал Ленин, но это было обычно при наличии 7 воздержавшихся (т. е. бундовцев и рабочеделцев). Следовательно, заявление Ленина на съезде Лиги, что Мартов при обсуждении устава попал в болото, а бундисты, почувствовав себя господами положения, наложили на устав Партии свой отпечаток, представляется не величайшим извращением действительности, как то утверждал Мартов, а подлинной истинной.

46 (к стр. 262). Интересно в связи с этим прогнозом (очень удачным!) Акимова отметить его комплименты по адресу Мартова в последнее время: «Некогда поборник кружковщины, впоследствии автор лучших брошюр «так называемого экономизма», позже резкий и прямолинейный «искрист», он уже на съезде «подал мне надежды» «на возникновение иного течения в нашей Партии» и в настоящее время уже сделал свой — как он сам выразился — «новый шаг». (Акимов. «К вопросу о работах 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П.», стр. 58).

47 (к стр. 263). В этом «щекотливом», задевающим психологию «самобытников» и несправимых кустарей, высказались против предложения Русова все представители группы антиискровцев и «центра», кроме Егорова, который в момент голосования отсутствовал.

48 (к стр. 274). В протоколе нет (да и не могло быть) одного маленького штриха, свидетельствующего о том, что у осиротелого съезда вовсе не было подавленного настроения при преследовании через дверь двух «союзников». Многие (по крайней мере, из первых рядов) слышали не очень громкую (очевидно, «не для протокола»), но явственно сказанную остроумную реплику Плеханова: «ушел Мартын с бала-лайкой»...

49 (к стр. 286). Хаотичность прений 29-го заседания очень симптоматична. Она говорит о нервной усталости съездовцев, которая, несомненно, сыграла свою роль в дальнейших эпизодах с выборами в Ц. К. и Ц. О.

50 (к стр. 288). Издательская деятельность Кукулина представляет пример частной внепартийной инициативы, которую все-таки

следовало бы отметить и с ее положительной стороны. Куклин выпустил в обращение свыше 40 номеров изданий — брошюр и книг, — в том числе таких, как «Коммунистический Манифест», «Женщина и Социализм» Бебеля и т. д. С внешней стороны издания были вполне удовлетворительны. Можно было только пожалеть, что Куклин работал в одиночку, вне партийных организаций. После его смерти (он умер в молодом еще возрасте от чахотки) — вся его огромная библиотека (в Женеве) и его издания перешли, согласно его воле, в распоряжение Партии.

51 (к стр. 296). Речь Посадковского открывает цикл необычайно страстных прений по поводу выбора тройки в редакцию Ц. О. Достоинно внимания, что вопрос о «шероховатостях» в старой коллегии «Искры» был поднят именно Посадовским, одним из видных защитников позиции «меньшинства». Мураньев в последующей речи только подхватил этот вопрос и стал поэтому мишенью яростных нападок со стороны мартовцев.

52 (к стр. 301). По поводу речи Русова Ленин в своих «Шагах» говорит: «Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться корней его на съезде, читать и перечитывать речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам т. Русов справедливо объяснял одним лишь «первым возбуждением». И это действительно наименее благоприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины». В примечании к этому месту Ленин отвечает, между прочим, Мартову, настойчиво требующему от него, в послесъездовской «кооптационной» полемике своей с «большинством», ответа: «почему не выбрали на съезде Аксельрода, Засулич и Старовера: «Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов целый ряд доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей: во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков; во-вторых, желательнее техническое упрощение редакционной работы; в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей; только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями; в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, в Партии нужна теперь не только литературная группа в Ц. О., в Ц. О. необходимы не только литераторы, но и администраторы; в-шестых, в Ц. О. должны быть лица вполне определенные, известные съезду; в-седьмых, коллегия из шести часто недееспособна, и ее работа осуществляется не благодаря ненормальному усталу, а несмотря на это; в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело» и т. д.

53 (к стр. 302). Очень не лишнее напоминание со стороны «постороннего свидетеля» распри — о прежней позиции Троцкого и других теперешних представителей меньшинства, что актом признания «Искры» в качестве Ц. О. утверждается только направление «Искры» и отноше-

не предпринимается совершенно отдельно поставленный вопрос о выборе редакции.

54 (к стр. 303). В связи с фактами перебоев в коллегиальной деятельности шестерки, еще до съезда было решено, по предложению, кажется, Плеханова, ввести в редакцию седьмого члена (таким лицом был намечен Павлович - Красиков, но предполагался и Троцкий, против ввода которого был Плеханов).

55 (к стр. 303). Справедливое замечание Сорокина о залезании в чужую душу имеет в виду неприличную выходку Попова, сказавшего: «Я не хотел бы касаться тех «шероховатостей», о которых говорит тов. Муравьев, но раз речь уже зашла о них, я посоветовал бы тов. Муравьеву, принимая во внимание особый склад его ума, не брать на себя таких деликатных поручений». Об еще более неприличных выходках Дейча (см. его два выступления в начале заседания 36-го.)

56 (к стр. 307). Вопрос о предварительном согласии Мартова на редакционную тройку с новой силой выплыл на съезде Лиги. Мартов по этому поводу потребовал третейского суда. Но дело до суда не дошло, и обе стороны после съезда обменялись взаимными уверениями в отсутствии сомнений с их стороны относительно искренности и добросовестности своего оппонента. Но из заявления Мартова совершенно все-таки явствует, что он знал о проекте выбора тройки и соглашался с ним, понимая его, «как связанный с расширением первоначальной тройки».

57 (к стр. 307). Закрывающаяся в фразе Ленина: «И меня несколько не пугают страшные слова об «осадном положении в Партии» — явная насмешка над претенциозной тенденцией Мартова к простым и маленьким фактам прикладывать громкие, большие названия — вероятно по достоинству была оценена Мартовым, ибо он в своей брошюре «Осадное положение», приводя текст речи Ленина, предпочитает эту фразу опустить.

58 (к стр. 312). Действительно, предварительный торг между большинством и меньшинством относительно состава будущего Ц. К. свелся к двум спискам: 1) меньшинства — Глебов, Троцкий, Попов, — т.е. один из ленинцев и двое мартовцев; 2) большинства — Глебов, Травинский (Кржижановский), Попов, — т.е. два из ленинцев и один мартовец. Попов фигурировал в обоих списках. Удивительней всего то, что мартовцы, оставшиеся после ухода бундовцев и рабочедельцев в меньшинстве, настойчиво претендовали все-таки на 2/3 своего состава в центральных учреждениях Партии (на 2-х человек — из трех членов Ц. К., и на 4 человек из шести в ред. Ц. О.).

59 (к стр. 327). Даже этот акт избрания в комиссию по изданию протоколов двух членов из меньшинства в числе трех свидетельствует (подобно ряду других фактов, — например, настойчивому предложению Ленина по адресу Мартова и других искировских литераторов продолжать свою работу в «Искре») о том, что легенда об устранении «большинством» представителей «меньшинства» от партийной работы, «заезжаньем» последних «победителями» и т. д., и т. д. — чистейшая выдумка.

60 (к стр. 329). На основании этой резолюции В. Д. Бонч-Бруевич предпринял после съезда издание популярного ежемесячного органа для сектантов «Рассвет». Всего вышло 9 номеров. В этом органе деятельное участие принимали кроме В. Д. Бонч-Бруевича — В. М. Перова (Величкина) и Орловский (В. В. Воронский).

61 (к стр. 331). Не все делегаты вдумались в истинный смысл резолюции о либералах Старовера, в особенности те, которые подписались под обеими антагонизирующими между собою резолюциями. Подробный анализ староверовской резолюции дает Ленин в своих «Шагах» (См. т. V. Собр. сочинений Ленина, стр. 410 — 414). И впоследствии (например, в «Двух тактиках») Ленин не редко возвращается к ней, как к исходной точке отношения меньшевиков к либералам, впоследствии — к кадетам.

62 (к стр. 363). Протокольная комиссия здесь стала жертвой недоразумения: это не тот проект, который был внесен Лениным на съезд, а первоначальный вариант, с которым, впрочем, все делегаты были знакомы.

63 (к стр. 365). Вот список участников съезда с раскрытием их псевдонимов и с указанием их принадлежности к левому (+) или правому (—) крылу съезда.

1) От группы «Освобождение Трудя»: Г. В. Плеханов (1 гол., +) и Л. Дейч (1 гол., —).

2) От организации «Искры»: Мартов (Ю. О. Цедербаум) (2 гол., —).

3) От загранич. Ком. Бунда: Гофман (Коссовский) (1 гол., —), Гольдблат (Медем) (1 гол., —).

4) От Ц. К. Бунда: Либер (Гольдман) (1 гол., —), Юдин (И. Айзенштадт) (1 гол., —) и Абрамсон (К. Портной) (1 гол., —).

5) От Лиги револ. соц.-демокр.: Ленин (В. И. Ульянов) (2 гол., +).

6) От загранич. союза русских соц.-дем.: Мартынов (Шикер) (1 гол., —) и Акимов (Махновец) (1 гол., —).

7) От группы «Южный Рабочий»: Попов (В. Розанов) (1 гол., —) и Егоров (Е. Я. Левин) (1 гол., —).

8) От Петерб. Комитета раб. А. Шотман (1 гол., +).

9) От Петерб. раб. организац.: Брукэр (Лидия Махновец) (1 гол., —).

10) От Московского Комитета: Белов (Л. С. Цейтлин) (1 гол., —) и Сорокин (Н. Бауман) (1 гол., +).

11) От Харьковского Комитета: Иванов (Е. Левина) (1 гол., —) и Медведев (П. Николаев) (1 гол., —).

12) От Киевского Комитета: Павлович (Н. А. Красиков) (1 гол., +) и Степанов (раб. Андрей) (1 гол., +).

13) От Одесского Комитета: Осипов (Залкинд = «Землячка») (1 гол., +) и Костиц (С. Зборовский) (1 гол., —).

14) От Николаевского Комитета: Махов (Калафати) (2 гол., —).

15) От Крымского Союза: Панин (М. С. Макодзюб = Антон, Антонов) (2 гол., —).

16) От Донского Комитета: Гусев (Драбкин С. И.) (1 гол., +) и Царев (Аркадий Локерман) (1 гол., —).

- 17) От Союза Горнозаводск. рабочих: Львов (Мошинский) (2 гол., —).
 18) От Екатериносл. Комитета: Леонский (Леонов = А. Виленский) (1 гол., +) и Орлов (Малкин) (1 гол., +).
 19) От Саратовского Комитета: Лядов (М. Н. Мандельштам) (1 гол., +) и Горин (В. Ф. Галкин) (1 гол., +).
 20) От Тифлисского Комитета: Карский (Топуридзе) (2 гол., +).
 21) От Бакинского Комитета: Русов (Кнульянц) (2 гол., +).
 22) От Батумского Комитета: Беков (А. Зурабов) (2 гол., +).
 23) От Уфимского Комитета: Фомин (В. Крохмал) (1 гол., —) и Муравьев (рабочий, фигурировавший за границей под фамилией «Петухов») (1 гол., +).
 24) От Северного союза: Ланге (А. М. Стопанн) (1 гол., +) и Дедов (Лидия Книпович = «Дяденька») (1 гол., +).
 25) От Сибирского союза: Посадовский (В. Мандельберг) (1 гол., +) и Троцкий (Л. Д. Бронштейн) (1 гол., —).
 26) От Тульского Комитета: Герц (Д. И. Ульянов) (1 гол., +) и Браун (рабочий Степанов) (1 гол., +). *)
- Лица с совещательным голосом:
- 1) От ред. «Искры»: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Старовер (А. Н. Потресов).
 - 2) От О. К.: Штейн (Е. Александрова), Фишер (Роза Гальберштадт).
 - 3) От П. С.-Д.: Варшавский (Варский) и Ганецкий.
 - 4) От Бунда: Вольф (А. Кремер).
- Прочие: Саблина (Н. К. Крупская), Кольцов (Гинзбург), Глебов (Б. Носков агент Ц. К.), Страхов, Юдин, Костров (Жордания).

*) См. «Револ. Былое», Тула, № 2, 1923 г.

ПОСЛЕ С'ЕЗДА *)

(1903—1904 г.г.)

*) Статья эта с значительными изменениями была напечатана в № 2
25) «Пролетарской Революции».

I. Реванш меньшевистской оппозиции на с'езде Лиги.

С'ездовская эпопея была только исходным пунктом внутрипартийной борьбы, которая затем развернулась, главным образом, за границей в эмигрантских сферах, очень болезненно отзываясь также и на местной работе русских комитетов.

Потерпевши поражение на с'езде при выборах в Ц. О. и Ц. К., «меньшинство» жаждало реванша. Оппозиция, в лице своих заграничных литературных сил, образовавших генеральный штаб фракции, подвергла центральные учреждения Партии решительному бойкоту. Не только оставались тщетными многочисленные попытки ред. «Искры» (точнее — Ленина) привлечь к работе в Ц. О. бывших редакторов газеты, но и целый ряд работников, под влиянием меньшевистской агитации в пользу бойкота, отошел от работы.

Вскоре заграничным представителям «меньшинства» представился удобный случай отпраздновать свою первую победу над «большинством». В октябре 1903 г. администрация заграничной Лиги русской рев. с.-демократии искусственно подборманным большинством решила созвать 2-й очередной с'езд Лиги вопреки предостерегающему голосу значительной части членов организации из «большинства», предугадывавших скандальный характер задуманного с'езда. Очень плохим предзнаменованием в этом отношении была предс'ездовская полемика представителей лиговской меньшевистской фракции против циркуляра Ц. К., приглашавшего администрацию Лиги, совместно с ним (Ц. К.) заняться делом реорганизации Лиги применительно к директивам на этот счет партийного с'езда. Дейчу, Дану, Мартову и прочим представителям оппозиции эта попытка со стороны Ц. К. вызвать к жизни отрупевшую заграничную организацию русских с.-д.-ов показалась незаконным вмешательством Ц. К. в компетенцию «автономной» Лиги, причем член лиговской администрации Дейч стал открыто призывать своих сотоварищей к прямому неповиновению предложениям Ц. К.

На С'езде сразу же обнаружилось, что оппозиция располагает большинством голосов. Таким образом, судьба всех предложений, которые будут исходить от группы «большинства», была предрешена. Ни одно из этих предложений не имело никаких шансов пройти. О мирной товарищеской реорганизаторской работе не могло быть и речи. На с'езде были представлены не члены единой Партии, а две ее фракции, с ясно выраженными чертами фракционной обособленности и озлобленности партийной оппозиции по отношению к представителям с'ездовского большинства. И в самом деле, вот несколько характерных признаков, по которым смело можно было сказать, что уже на с'езде Лиги меньшевики выступили, как совершенно оформленная фракция, не отступающая перед призраком раскола Партии и идущая ва-банк:

1) У оппозиции получился свой штаб (да еще какой! Мартов, Троцкий, оставшаяся за штатом редакционная тройка, умный меньшевистский Талейран—Дан,—словом, все звезды первой величины).

2) Оппозиция имела своего общепризнанного вождя, от которого исходили яркие лучи фракционного бунтарства. Этим вождем был, несомненно, Мартов («Добролюбов русской социал-демократии», по восторженному отзыву певца в стане меньшевистских воинов—Троцкого), тот самый Мартов, который еще на партийном с'езде, в своем устремлении «эмансипироваться» от Ленина, так круто повернулся на каблучках вправо, что очутился вдруг в объятиях Мартынова и сразу стал вождоленным мессией для всего с'ездовского болога, никак не ожидавшего даже такого приятного сюрприза от «проказницы-истории», напрасно заподозренного впоследствии Аксельродом в намерении подарить «революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального революционного марксизма» (очевидный кивок в сторону Ленина).

На с'езде Лиги Мартов ведет себя очень... экспансивно. Получив (без достаточных оснований—с помощью своего большинства) право на «корреферат» о с'езде после доклада единственного делегата, посланного Лигою на партийный с'езд—Ленина, Мартов впадает в раж, вопит о необходимости вмешательства третейского суда для решения вопроса о том, кто «солгал»,—Ленин или он,—кто «обманул Партию», кто «недостойн занимать ответственный пост в Партии» и т. д., и т. д. Он нашел, наконец, повод и случай, подменяя политические вопросы и принципиальную полемику бытательскими темными намеками на чьи-то интриги, обман, подвохи и т. п., самым неумеренным образом апеллировать к чувствам и этике эмоционально настроенной «своей» толпы. А такую роскошь может себе позволить, конечно, не ответ-

ственный вождь Партии, а только, пожалуй, лидер безответственной оппозиции, с которого все взятки гладки и которому важно «для почина» заработать хотя бы на шумном скандальчике, на дешевых рукоплесканиях злорадствующей «дружины» и на «оглушении» противника.

3) У оппозиции замечается удивительная фракционная дисциплинированность. Все члены ее дружно, как один человек, голосуют за «свои» предложения. Не было ни одного случая, когда бы Плеханову или Ленину удалось убедить хоть «единого из малых сих» и разбить голоса компактного лиговского большинства. После ухода со с'езда «врагов» (это случилось, когда Лига оказала прямое сопротивление требованию представителя Ц. К., который объявил собрание незаконным и, удаляясь, предложил «всем подчиняющимся постановлению Ц. К.», *) последовать за ним), вся оппозиция провожала уходивших криками: «долгой полицию! Долгой жандармов! Вы—немецкие шупмана!»—И затем единогласно приняла резолюцию Мартова о «странности» поведения члена Ц. К. Еще раньше, во время демонстративного отсутствия большевиков на заседании, когда распоясавшийся Мартов, в качестве содокладчика Ленина о партийном с'езде, пожинал плоды своего реванша, почти все резолюции (Троцкого, Дана и К^о) принимались послушным «с'ездом» без возражений, при нуле «против»... Удивительно, как спелись люди!

4) В то же время фракционная дисциплинированность нисколько не мешает оппозиционерам походя рвать Партию своими анархическими выпадами против нее. Если даже предположить, что эксцессы бурного протеста со стороны лиговского большинства (т. е. меньшевиков) против выступления представителя Ц. К. были вызваны особенностями психологического момента и не типичны в качестве образчика усвоенной меньшевиками практики их перманентной борьбы с центральными учреждениями, то вот каково было тогда же чисто теоретическое понимание Мартовым партийной дисциплины (не опротестованное его единомышленниками): «Тов. Плеханов спрашивает меня, как быть, если Ц. К. не утвердит устава? Я его спрошу: как быть, если Ц. К. не утвердит передовой статьи тов. Плеханова в «Искре»? Так и будет,—и передовая статья останется, и устав наш останется, а тем паче—организация» **). А то вот и еще очень характерное признание того же меньшевистского вождя: «Мы упомянули вчера в нашей резолюции, что подчиняемся партийному уставу, но не определили, кому интерпретировать этот устав. Я думаю, что в конечном счете будет интер-

*) «Комментарий» к протоколам второго с'езда Лиги, стр. 20.

**) Прот. Лиги, стр. 101.

претировать его тот, кто будет это делать наиболее толково. (Плеханов: А кто решит, кто толков?). Борьба решит. (Ага!)» *).

Под знаком такой анархической точки зрения прошел весь эпизод с выработкой устава Лиги. Чтобы закрепить за собой влияние в Лиге, «меньшинство» устранило законное право Ц. К. вводить в организацию по своей инициативе новых членов (пусть, мол, если хочет, апеллирует на постановления Лиги о кооптации или исключении членов в Совет, а сам и носа своего не сует в дела Лиги). Затем меньшевистская Лига уставно закрепила за собою право самостоятельного издания и распространения партийной литературы. Наконец, тем же большинством был принят пункт, бронирующий устав Лиги от попыток Ц. К. внести в него те или иные изменения: «Изменения в уставе Лиги принимаются лишь на очередных с'ездах» и т. д.

Таким образом, меньшевики устроили для себя из заграничной Лиги великолепный форт. Ц. К. будет бессилён «обезвредить» эту неприступную крепость, а засевшие в ней Мартовы и Даны великолепно будут обстреливать из нее своими фракционными брошюрами и листовками не только заграничную часть русской социал-демократии, но и работающие в России большевистские комитеты. Не даром ведь Лига уставно объявила себя конкурентом Ц. К. и Ц. О. по части издания и распространения партийной литературы! Одним словом—на войне, как на войне. Борьба решит, кто прав, кто виноват и как нужно «по своему» понимать и толковать устав Партии.

— Ага, господа законопослушные, вы несогласны с этим? В таком случае не угодно ли идти на раскол. Мы же готовы на все...—таков был смысл всех выступлений партийной оппозиции на Лиге.

Но «законопослушные», и в первую очередь сам воинственный Плеханов, в ужасе стали отступать перед призраком раскола. В лагере большевиков решено было отойти на вторые позиции, оставивши завоеванную меньшевиками крепость в их руках. Когда последняя попытка воздействовать на лиговских озорников через Совет Партии кончилась неудачей (администрация Лиги в лице ее меньшевистской части просто решила не подчиниться Совету), Плеханов и Ц. К. повели с оппозицией переговоры о мире. Но тут уж начинается новая страница в эпопею той неудержимой, как лавина, борьбы, которую меньшевики повели в целях ликвидации оставленного 2-м с'ездом Партии организационного партийного наследства.

*) Протоколы Лиги, стр. 104.

II. «Меньшинство» овладевает вторым фортом.

Между сторонами начался «принципиальный» разговор. — Ваши условия? — галантно спрашивает Ц. К. у оппозиции.

— О, мне лишнего не нужно, — скромничает оппозиция. — Я попрошу у вас только четырех вещей: 1) кооптации четырех бывших редакторов в Ц. О., 2) кооптации определенного числа членов в Ц. К., 3) обеспечения двух мест в Совете и 4) признания законности с'езда Лиги и ее администрации *).

— Невозможно! — нервничает Ц. К. — Это же ведь неслыханная цена... Лойальность на рынке котируется сейчас, поверьте на совесть, дешевле... Ну, пусть даже кооптация четверки в Ц. О.; ну, дам вам, пожалуй, два места в Ц. К.; но, давайте, сойдемся на одном месте в Совете для вашей милости... А что касается подчинения Лиги постановлению Ц. К. и Совета Партии, то, право же, на это вы должны согласиться... Уж лучше я вас ублажусь какой-нибудь другой уступочкой. Вот, например, я «независимо от исхода настоящих переговоров, готов разрешить членам оппозиции отдельную литературную группу и дать ей право представительства на с'езде Партии»... Это моя последняя цена («ультиматум») **).

— Пхе... — вздергивает носик, зная себе цену оппозиция. — Какой невежа и нахал!.. Что это означает — ультиматум?.. А если я захочу наплевать на вашу последнюю цену?.. Что же вы — из пистолета меня застрелите, что ли?.. А потом ведь и то надо сказать, что я люблю разговаривать с симпатичным Георгием Валентиновичем, а его то, как раз, вы и не прихватили с собою для галантной беседы со мной... Помимо же всего прочего — тут бойкая дамочка преехидно скосила глаза на своего красного, как рак, и вспотевшего собеседника, — ведь «Ц. К.-у уставом Партии не предоставлено раздавать места в Ц. О. Партии»... А я, как вы знаете, привыкла, чтобы все было по закону... Да и напрасно вы хлопотаете о местечке для меня в Совете, «так как достаточной гарантией нормального и достойного отправления Советом своей функции при настоящих условиях мы (т. е. оппозиция) считаем совершенное сегодня т. Плехановым пополнение редакции Ц. О. четырьмя бывшими редакторами «Искры»... О подчинении же постановлению Совета не может быть и речи, ибо о таком постановлении я и слыхом не

*) Эти условия составляют содержание письма Старовера (уполномоченного оппозицией вести переговоры с другой стороной) через Г. В. Плеханова от 3-го ноября 1903 г.

**) Условия Ц. К. изложены в письме его к Староверу от 25/XI—1903 г.

слыхивала... То-есть, было, действительно, постановление, и я одним глазком заглянула в него, но на конверте оказался совершенно не тот адрес: написано «лицам, выбранным в администрацию Лиги большинством съезда», между тем как то вовсе не лица, а товарищи, — и были они выбраны в администрацию не большинством голосов, а единогласно... А в заключение скажу: я женщина чувствительная и воспитанная в приличном пансионе... И если вы, господин Ц. К., не умеете с дамами разговаривать любезно, то убирайтесь к чорту... Никакого дела у нас с вами не получится *)...

После всего вышесказанного читатель сможет по достоинству оценить сердитую реплику Плеханова в его заметке по поводу ленинского письма в редакцию «Искры»: «Почему я вышел из редакции «Искры» (кстати сказать, это прекрасное письмо, очень живо рисующее картину борьбы «принципиальной» оппозиции за изменение состава центров, не было напечатано новой «Искрой» и поэтому издано отдельным листком). Ответ Плеханова на это письмо в № 55 «Искры», между прочим, гласит: «Своим утверждением Ленин пытается набросить моральную тень на мотивы действий половины Партии и большинства редакции «Искры» и свести ведущуюся в Партии борьбу двух организационных тенденций на уровень жалкой и презренной борьбы «из-за мест». Это—дело вкуса и мы не намерены пойти за Лениным по этому пути» и т. д.

Бедный Плеханов! Он сдался на милость победителей (хотя бы и из прекрасных побуждений—для сохранения мира в Партии) и принужден проделывать сверхчеловеческую работу достаточно быстрого превращения из блондина в брюнета, а ведь вчера еще человек бушевал против лиговских анархистов и не помышлял даже «разводиться» с Лениным; сегодня же он должен вести телегу новой «Искры», вздыхая под ярмом той адвокатской роли, которую он принял для-ради обеления (отныне «надолго и всерьез») подмоченной репутации своей новой редакционной «жены», да еще с таким приданым, как Дан, Мартынов и К°. Плеханов вдруг как бы ослеп. Он перестал видеть (а ведь еще вчера обладал вполне нормальным зрением!) совершенно очевидные, ничем не прикрытые, голенькие мотивы меньшевистской борьбы именно из-за местечек. Не было, конечно, надобности эту борьбу квалифицировать в терминах презрения к низменности душевных движений меньшевиков. Не о карьеризме их—в пошлом смысле этого слова—у Ленина шла речь, а

*) Письмо оппозиции «Ц. К.-ту Р. С.-Д. Р. П.» от 26 ноября 1903 г. Несмотря на несколько вольную передачу (в разговорной форме) содержания этого письма (как и предыдущих документов), эта историческая переписка воспроизведена здесь довольно точно.

о том, что борьба за влияние, с помощью обладания руководящими ролями в Партии, вполне допустимая на съезде, не может быть оправдана после съезда, когда воля Партии уже выявилась, и меньшинству ничего другого не остается, как только подчиниться этой воле большинства. Такого сорта борьба после съезда неминуемо должна превратиться в сплошной комок склоки, дрязг и интриганства, независимо от индивидуальных этических свойств людей, ведущих эту борьбу.

Но этого мало. У Плеханова оказалась психология чело века, который ненавидит всеми силами своего вчерашнего союзника именно потому, что он сам изменил этому союзнику, а тот стоит живым укором перед ним и берedit этим своим видом его большую политическую совесть. Поэтому он всячески готов унижить этого невольного виновника своего душевного нарыва, убить его своей иронией, втоптать в грязь... Можно, впрочем, предположить и другой еще мотив тех злобных выступлений против Ленина, которыми Плеханов дебютировал в «Искре» тотчас же после ухода Вл. Ильича из редакции: я, мол, тебя политически раздавлю и уничтожу, чтобы достигнуть хотя бы таким способом единства в Партии, ибо тогда останется только одна сторона, которую я признал за сильнейшую...

Как бы там ни было, однако факт все-таки тот, что Плеханов не поспешил, после того как очутился в дружеских объятиях меньшевиков, на злые, несправедливые и мелочные выпады против Ленина. Владимиру Ильичу с некоторой брезгливостью приходилось реагировать на этот пулеметный обстрел его из новой «Искры», и мы в качестве образчика его ответов приведем несколько отрывков из его письма от 20 февр. 1904 г., напечатанного в брошюре «Комментарий к протоколам второго съезда загр. Лиги». Полное сдержанности и достоинства, оно является, на-ряду с письмом «Почему я вышел из ред. «Искры» (перепечатано в IV т. Собр. Соч. Ленина), одним из лучших литературных источников, по которым можно было бы реставрировать картину первых моментов после-съездского размежевания между левым и правым крылом Партии.

Плеханов в письме к Мартову от 29 янв. 1904 г., использованном автором «Осадного Положения» в полемических целях, находит неточным изложение обстоятельств выхода из редакции Ленина в письме этого последнего «Отчего я вышел из ред. «Искры». В качестве корректива к этим неточностям Плеханов вспоминает некоторые фразы Ленина, брошенные в частном разговоре. Ленин находит ссылки на частные разговоры верным признаком отсутствия серьезных аргументов. Но раз уже Плеханов допустил эти ссылки, то Ленин, в свою очередь, считает себя в праве пояснить и дополнить их:

Первый разговор, когда тов. Плеханов говорил о своем решении выйти в отставку в случае моего безусловного несогласия на кооптацию, имел место в день окончания съезда Лиги, вечером, и на другой день утром, в присутствии двух членов Совета Партии. Разговор вращался около вопроса об уступках оппозиции. Плеханов настаивал на необходимости уступить, считая несомненным, что оппозиция не подчинится никакому постановлению Совета Партии и что полный раскол Партии может произойти немедленно. Я настаивал на том, что после происшедшего в Лиге, после принятых на ее съезде мер представителя Ц. К. (а тов. Плеханов участвовал в обсуждении каждой из этих мер и всецело одобрял их)—уступать анархическому индивидуализму невозможно и что выступление особой литературной группы (которую я неоднократно в разговорах с Плехановым признавал вполне допустимой, вопреки его мнению), еще не обязательно, может быть, означает раскол. Когда разговор свелся к выходу в отставку одного из нас, то я тотчас сказал, что уйду я, не желая мешать Плеханову попытаться уладить конфликт, попытаться избежать того, что он считал расколом.

Тов. Плеханов так любезен ко мне теперь, что не может найти иных мотивов моего шага, кроме самой трусливой увертливости. Чтобы изобразить это мое свойство в самых живых красках, тов. Плеханов приписывает мне слова: «всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся Плеханов».

Краски наложены густо, что и говорит! Так густо, что выходит даже незамечаемая тов. Плехановым явная несообразность. Если бы я был уверен, что «всякий» найдет правым Плеханова (как Плеханов скромно думает про себя) и если бы я считал необходимым считаться с мнением этого всякого, то очевидно, что я никогда бы не решился разойтись с Плехановым, что я пошел бы за ним и в этом случае. Тов. Плеханов, желая представить мое поведение самым что ни на есть дурным и вытекающим из сквернейших мотивов, приписал мне мотив, лишенный всякого смысла. Я будто бы так боялся в чем бы то ни было разойтись с Плехановым, что — разошелся с ним. Некругло выходит это у тов. Плеханова.

На самом деле, моя мысль была: уж лучше я выйду, потому что иначе мое особое мнение послужит поводом попыткам заключить мир со стороны Плеханова. Попыткам я мешать не хочу; может быть, мы сойдемся и на условиях мира, но отвечать за редакцию, которой таким образом навязывает кандидатов заграничная кружковщина, не считаю возможным.

Несколько дней спустя, я, действительно, зашел к Плеханову вместе с одним членом Совета, а разговор наш с Плехановым принял такой ход.

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жены, сказал Плеханов, что им необходимо уступить, во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть,—ответил я,—но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего «скандала».

— Ну, а уйти—значит, уже все уступить,—отвечал Плеханов.

— Не всегда,—возразил я, и сослался на пример Черберлэна. Мысль моя была именно та, которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войну не начну; если не удастся,—я сохраняю за собой свободу действий, чтобы разоблачить «скандальную жену», если ее не успокоит и не утихомирят даже Плеханов.

«Меньшинство» окончательно нащупало пути для своего самоопределения, и чтобы наилучшим образом охарактеризовать облюбованные им тактические приемы борьбы

с ленинской линией, дадим слово опять-таки самому Ленину, который в цитируемом здесь письме с презрительной усмешкой замечает:

Тактика меньшинства в нашем, так называемом, партийном органе уже определилась. Надо стараться заслонять спорные вопросы и факты, действительно приведшие к нашему расхождению. Надо стараться доказывать, что Мартынов был гораздо ближе к «Искре», чем Ленин, — как именно, в чем именно и насколько именно, это еще долго будет разбирать запутавшаяся редакция новой «Искры». Надо фарисейски осуждать личности в полемике — и на деле сводить всю борьбу к походу против личности, не останавливаясь даже перед приписыванием «врагу» весьма несвязных зловерных качеств, от самой беспашашной прямолинейности до самой трусливой увертливости. Лишь бы крепче выходило. И у наших новых союзников, тов. Плеханова и Мартова, выходит так крепко, что скоро они ни в чем не уступят знаменитым бундовцам, с их знаменитым «поганьем». Союзники так усердно бомбардируют меня с своих бронепоисков, что у меня является мысль: не заговор ли это двух третей ужасной тройки? Не прикинуться ли и мне обиженным? Не завопить ли об «осадном положении»? Ведь это иногда бывает так удобно и так выгодно...

Впрочем, для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасование перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно социал-демократических Акимовски-Мартовских и Мартыновски-Аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы (см. стр. 17, 96, 97, 98, 101, 102, 104 и много друг. протоколов Лиги), а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Как бы то ни было, однако, но и второй форт (да еще какой?) оказался в руках «меньшинства». Ленин отступил на третьи позиции и окопался в Ц. К. Партии.

III. Новое торжество в лагере меньшевиков.

В своей «Истории Росс. с.-демократии» Мартов пишет: «В виду организационного значения, которое, по принятому на съезде уставу, приобретала редакция центрального органа, фактически владевшая отныне и высшим центром Партии — Советом, — большевики укрепились в центральном комитете, в который был кооптирован Н. Ленин, вместе с рядом других деятелей (Л. Красин, Гальперин, Залкинд-Землячка, Мария Розенберг, военный врач Гусарев)».

И действительно, меньшевики стали полными хозяевами Совета Партии. Сплоченная новоискровская тройка (Плеханов,

Мартов и Аксельрод) всегда имели полную возможность майоризировать двух членов Ц. К. (в том числе и Ленина).

В этот период Владимир Ильич всегда шел в Совет, как на Голгофу. Он очень хорошо знал, что его там будут распинать: Мартов всласть покуражится, Плеханов непременно изобразит из себя Юпитера-громовержца... И, в конце концов, вся новоискровская тройка, с прорывающей наружу или еле сдерживаемой улыбкой торжествующих победителей, станет майоризировать его и Ленгника по всем пунктам *).

Но и этим всем «меньшинство» не удовлетворилось. Мартов и К^о задумали выпихнуть большевиков из их последней крепости — из Ц. К. Партии. Благоприятный случай скоро помог не знавшим неудачи завоевателям. После одного из жандармских набегов из 9 человек осталось только 6 человек (из строя выбыли Ленгник - Васильев, М. Розенберг - Зверев и Гусарев). Из числа оставшихся Кржижановский (Травинский) подал в отставку, а Залкинд (Землячка) остальными 3 членами русского Ц. К., без ведома Ленина, была об'явлена вышедшей из Ц. К. Вот эта-то русская тройка (Глебов - Носков, Л. Красин - Никитич и Гальперин - Валентин) решила принять исключительные меры, чтобы Ленина «привести к порядку» и по-своему водворить мир в Партии.

Вот что, между прочим, решила эта почетная тройка на своем летнем (в июле 1904 г.) совещании:

Пункт 11. «Договор, заключенный между тов. Лениным и Глебовым об их взаимном выступлении за границей, как представителей Ц. К., за совместной подписью, считать не согласным с волею Ц. К. и об'явить его утерявшим силу». (N. В. Этот договор, заключенный 26 мая 1904 г., был аннулирован тройкой не потому, что он стеснял в действиях постоянно живущего за границей и естественного заграничного представителя Ц. К. — Ленина, а потому, что он оказался стеснительным для.. Глебова). Пункт 12. «Установить за границей между тов. Глебовым и Лениным следующие отношения: а) тов. Глебову поручается заведывание всеми делами Ц. К. за границей, как-то: сношение с Ц. О., посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и проч. в) Тов. Ленину поручается обслуживание литературных нужд Ц. К. (N. В. Какое мудрое проведение принципа разделения труда!.. Воистину «Мария благоу часть избра...»). Печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников Ц. К. происходит каждый раз с согласия коллегии Ц. К.». (N. В. Пусть-ка теперь автор одиозной и непереносной, с точки зрения примиренческих планов Глебова, брошюры «Шаг вперед—два шага назад» — попробует про-

*) Из книги П. Лепешинского. «На повороте».

лезть через игольное ушко глебовской цензуры... Небось, не пролезет!..). Пункт 13. «Решено напомнить тов. Ленину об исполнении его прямых обязанностей перед Ц. К., как литератора. Собрание констатирует печальный факт слабого участия его в литературной деятельности Ц. К. (Н. В. Глебов читает нотацию Ленину: «чего же ты, клеща, упираешься и не выполняешь своих водовозных функций!»).

Дальше идут «хозяйственные» распоряжения в связи с основными принципами нового цекистского курса: заграничную технику возложить на Сюртука (Коппа), который вместе с Глебовым должен «реорганизовать» (т. е., развалить, не оставить камня на камне) постановку технического дела заграницей, отстранить от дела Бонч-Бруевича и других «ленинских ставленников» и т. д. *).

Для борьбы с Лениным «примиренцы» послали за границу в июле же месяце 1904 г. Носкова (Глебова). Он повел решительную атаку на заграничных большевиков. Попытался было наложить свою державную руку на брошюру Ленина «Шаг вперед и т. д.» и задержать распространение этой «вредной» книжки. Потребовал сдачи от большевиков всех находившихся в их руках технических аппаратов («экспедиции», кассы и пр.) и т. д. **). При этом всякий раз, как только он наталкивался на опротестование его требований «твердокаменными» (так называли тогда большевиков их партийные антагонисты), к его услугам всегда был Совет Партии, готовый в любую минуту и по любому поводу распять на кресте ненавистного Ленина, который был, изволите видеть, един-

*) Первые 9 пунктов (и первый абзац 10-го пункта) этого постановления Ц. К. (т. е. тройки) были опубликованы в «заявлении Ц. К.» — в № 72 «Искры». Приводимые же нами цитаты взяты из архивных данных (сообщение Глебова Ленину, от 31 августа 1904 г.). В «заявлении Ц. К.» взят очень «энергичный» «примиренческий» тон. В интересах обеспечения партийного единства «Ц. К. признает немедленное и энергичное вмешательство свое в борьбу группа безусловно необходимым». Необходимо, чтобы его политика «в сфере внутренней-партийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «м. н. ш. ининства» в цельную организацию». Предлагаемый Лениным и вообще большевиками созыв 3-го съезда Партии, как единственный путь к умиротворению Партии, цекистская примиренческая тройка решительно отвергает, как несвоевременный и вредный акт (пункт 8 «заявления»). Но зато у этой тройки есть другой способ привести Партию к единству: Ленина связать по рукам и ногам, пригвоздить его к Ц. О., отдав под контроль Мартова и К^о, умиротворить таким образом меньшевиков и завершить свою примиренческую миссию попыткой «к организации конференции для совместной с представителями товарищей, противопоставляющих себя Ц. К.-ту в качестве «м. н. ш. ининства», выработка тех мер, которые могли бы привести к полному умиротворению Партии».

**) О подвигах Носкова заграницей читатель может найти некоторые интересные данные в издании Истпарта «Техника большевистского подполья», вып. I, в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича и в «Приложении» к воспоминаниям: «Дело Бонча и К^о».

ственной тучей рассеяной бури и мешал торжествующим победителям провозгласить: «у нас на Шилке... то бишь — в Партии все обстоит благополучно».

Чтобы охарактеризовать позицию в это время Ленина, имевшего перед собою в качестве злобно настроенных врагов не только из числа рыпарей ново-искровства, выступавших «с открытым забралом», но и вчерашних своих соратников, пошедших в ново-искровскую Каноссу и предательски занесших нож над Партией, обратимся к очень ценному для нас письму Владимира Ильича к Носкову, опубликованному в женевском большевистском издании 1904 г.: Н. Шахов. «Борьба за съезд» *). (Подстрочные примечания к письму всуду мои).

«Тов. Глебову 11/IX 04. У. т. Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию Ц. О., выражено «Ц. К.». Вы формально заявили, что известная декларация Ц. К. принята единогласно в полном составе Ц. К., за исключением одного. Я немедленно, еще 18/VIII (04), ответил, что это неправда. Декларацию подписали 3 члена Ц. К. из недавно бывших в нем 9-ти, при чем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом Ц. К. т. Осипова **), который письменно заявил мне, что считает себя попрежнему членом Ц. К. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми вы и двое ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что т. Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании Ц. К. Это неправда, ибо в начале мая, т. е. месяц спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте, мы считали еще 9 членов Ц. К., что удостоверено договором 26 мая 1904 г., подписанным 3-мя членами Ц. К., и письмом, приложенным к этому договору. Вы ссылаетесь на то, что т. Осипов вошел после упомянутого собрания Ц. К. в один местный комитет, чего член Ц. К. не в праве был бы сделать. На это т. Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие в местной работе по предложению именно тех членов Ц. К., которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена Ц. К. в местный комитет, то еще ни откуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из Ц. К., а не выхода из местного комитета. Наконец, вы сами должны были признать в письме ко мне, что собранию трех членов Ц. К. было

*) Письмо (несколько измененный вариант) напечатано в «Пролет. Революции» № 2 (25).

**) Залкинд—Землячка.

доложено о спорности вопроса на счет отставки т. Осипова. Решение этого вопроса тремя членами Ц. К. в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, 3 члена Ц. К. могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет Партии; конечно, 3 члена Ц. К. могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку с сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно также беззаконно было со стороны 3-х членов Ц. К. принять отставку т. Травинского *), о которой раньше, до собрания, все члены Ц. К. не были уведомлены. Вы до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена была эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «Справьтесь у российской коллегии», — от каковой «коллегии» (все той-же коллегии 3-х) вы только что приехали и с каковой «коллегией» я не имею средств сношения иначе, как через вас!

Таким образом, я оспариваю законность состава Ц. К. и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы, поистине, полное право оставить без ответа ваше предложение о вступлении моем в редакцию Ц. О., но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от Ц. К., а от 3-х членов Партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него, тем более, что вы ссылаетесь на выраженное вам письменно желание редакции Ц. О. видеть меня в числе редакторов. Вы полагаете, что мое вступление в редакцию Ц. О. «обеспечило бы почти полный мир в Партии, которого я так хочу». Это ваше «почти» очень характерно! Да, я хочу мира в Партии и предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции»). Я предлагал еще раз мир официально в Совете Партии в январе 1904 г. Мир не принят был на тех условиях, которые я ставил тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в Партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от Ц. К. в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дразг и нечестных приемов борьбы. Пусть Ц. О. будет у меньшинства, Ц. К. — у большинства, предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дразги, и давайте спорить по-товарищески

*) Г. М. Кржижановского. П. Л.

о наших разногласиях и причинах нашего расхождения на съезде. Давайте приучать Партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым, и меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от Ц. К.), и что к этому решению присоединились теперь (тайком) 3 члена Ц. К. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из Ц. К. несогласно мыслящих (это относится прежде всего к т. Осипову, а затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию Ц. О. равносильно предложению уйти из Ц. К.), тот не может не стремиться к скрытию от членов Партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основание думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману Партии, не удастся и что протоколы Совета в конце концов увидят свет.

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) держать в своих руках редакцию Ц. О. и Совет, на словах представлять в этих центральных учреждениях интересы всей Партии в целом — и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки Ц. К. в интересах меньшинства, — эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дразни, путаницы в рассуждениях и заигрывания с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий.

Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это видят теперь все, и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под этим очищение идейной борьбы от кооптационной дразни, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое, сделанное в Совете, предложение. Если же разуместь под миром прекращение идейной борьбы, примирение с направлением (или, вернее, с физиономией, лишенной всякого направления) новой «Искры», то такой «мир» могут предлагать только люди беспринципные, или лицемерные, или смотрящие на органы Партии, как на печатную бумагу (*Druckerschwärze* — типографская краска, как называл один из «примиренцев» литературу новой «Искры»). Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «принципиаль-

ную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они называли «ленинизмом» и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания не серьезно, что всю полемику они сочиняли «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается меня, то я отвергаю, как недостойное, самое предложение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по моему, открыто, ибо ⁹/₁₀ истории конфликта вынесено уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было-бы мелочным и нелепым затягиванием кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры» «несомненно желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что вы и на этот раз говорите заведомо неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов Ц. О. и тремя членами из Ц. К., которые видят верх политической «мудрости» в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством—меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей Партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли—с'езд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на с'езде и ведущий по этой линии часть Партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна несмотря на ее... несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличии некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные Партией, должны считаться с волей этой Партии предпринимая свои переделки состава и направления центров.

Если-бы это сознание у вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую вы заняли, то вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме с'езда. Но если ваша ссылка «на многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о беспокойной совести. Вы потому и боитесь пуще огня с'езда, что чувствуете во-

пиющее противоречие между своей политикой приключений и волею Партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности принятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов Ц. К. восхищаются теперь «высотой» Ц. О., тогда как в марте эти самые три члена Ц. К. составляли заявление с сожалением о том, что некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции Ц. О.) вдалились в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена Ц. К. в то же время распускают Южное бюро (коллегии агентов Ц. К.) за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена Ц. К. устраивают конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносится в Партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей Партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне. Какая масса взаимного недоверия, подозрительности вносится этими проделками за спиной Партии во всю партийную жизнь!

Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовались 3 части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в Ц. К. (X) и (Y)* и знает больше ничего не хочет; другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией Ц. К., и к этой части относятся «южно-рабоченцы» (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа не что иное, как замаскированное восстановление Южного Рабочего, закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнообразных групп, что тов. Брукер, напр., совсем, вероятно, не участвует в «ультиматумах» меньшинства и во всей кооптационной дразне, что группа Южн. Раб. представляет из себя значительно особый оттенок, — это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели вы не видите, сколько унижительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной Партии? Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов Ц. К. вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от этих проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый раскассированием агитирующих за съезд, рассматривается как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения; что большинство предполагает сделку Ц. К. и Ц. О. (а следовательно и Совета)

*) Вероятно, Троцкого и Дана.

о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются не один месяц) и т. д. Надеюсь, вы поймете теперь, почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию Ц. О.

Ваше заявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации 3-х в Ц. К., есть неправда. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшихся». Это—новое беззаконие. Три члена Ц. К. обязаны рассмотреть все мои протесты и лишь после этого поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация—единогласна; моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь до проверки состава Ц. К. всеми членами Ц. К.) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета. Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После ваших проделок с тов. Осиповым и вашего отношения к данному слову (договор 26/V) я никаких сношений с вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю» *).

Член Ц. К. *Н. Ленин.*

С точки зрения ново-искровцев и дружественной им державы («примиренческого» Ц. К.) Ленин был уже «конченный» человек. Но меньшевики продолжают еще издеваться над побежденным противником: «В виду того, что т. Ленин,—выводит бойкое перо Мартова, секретаря Совета,—в письме своем секретарю Совета приводит подробную мотивировку своего сомнения в законности решения Ц. К. и представляет его представителю прямое обвинение,—Совет, усматривая в этом акте желание т. Ленина подвергнуть конфликт рассмотрению Совета, считает своей партийной обязанностью исполнить это желание т. Ленина и приглашает т. Ленина явиться в заседание Совета в четверг 8 сентября, в 10 ч. утра, в «Café Simon».

От этого любезного приглашения Ленин презрительно отмахнулся.

Носков призадумался: «Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина», — меланхолично замечает он в одном из своих писем.—«Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, при чем точно оговорить, что они уполномачиваются

*) Конец письма, начиная со слов «Вашего сожаления» и т. д.,—взят из варианта, напечатанного в № 2 (25) «Пролетарской Революции»; все остальное почти тождественно с тем текстом, который дан в брошюре Шахова «Борьба за съезд».

лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого». Несчастный примиренец, под гомерический хохот ново-искровцев, все еще боится пойти слишком далеко в своей дружбе с Данами и Дейчами, все еще оберегает «девственную невинность» якобы не-меньшевистского Ц. К. Вот что, напр., пишет в своем письме один из ново-искровцев по поводу примиренческой политики Глебова и К^о.

«Наконец то мы виделись с шантрапой» (под такой лестной кличкой у автора письма фигурируют добродетельные примиренцы — Носков и К^о)... «Официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру). Разумеется, мы с Х. тотчас-же согласились и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на днях собрание всего Ц. К. вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов... Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем Ц. К. и направим его как нам желательно» *).

Глебов и К^о предал дело своих недавних политических союзников, но, конечно, и сам потом был вышвырнут пинком из лагеря торжествующих победителей. Мавр сделал свое дело — и может уходить. В одном из своих писем членам «Коллегии» (т. е. русским членам Ц. К.), оскорбленный в лучших своих чувствах «примиренец» (Глебов) жалуется: «с Ц. О. и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели, и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: за-граница в руках Лиги, частные источники в руках Ц. О., и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее до 9.000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

Что касается большевиков, то они, вытиснутые из всех своих позиций, принуждены были признать факт раскола (давно уже, впрочем, вполне очевидный), и им ничего другого не оставалось, как повести энергичную агитацию за III-й съезд с помощью своего собственного органа. Таким образом, был задуман и стал выходить «Вперед», появление которого знаменовало собою эмансипацию большевистских партийных сил от меньшевистских организационных окружений и свободу идейной борьбы вне рамок кооптационной склоки.

*) Эта и последующая цитата взяты из женеvской листовки Н. Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» листовка, с некоторыми отступлениями от транскрипции оригинала и неточностями, перепечатана в V т. собр. соч. Н. Ленина).

IV. Усердные поиски «меньшинством» принципиальных разногласий.

Но наиболее характерным признаком, выдающим оппортунистическую природу оппозиции «меньшинства», поднявшего знамя восстания против «ига» «самодержавного», «бюрократического», «якобинского», «бонапартистского» и проч. и проч. «большинства», является ее беспринципность на протяжении ближайшего года борьбы, ее бессилие выявить такое особое свое лицо, такую особую тактику или такие программные разногласия, наличие которых позволила бы рассматривать эту борьбу, как средство для достижения больших целей, оправдывающих выбор средств.

Довольно простая сама по себе, проблема о внутрипартийной борьбе различных течений, о допустимых способах этой борьбы, о свободе критики центров и т. д.—для меньшевиков, как для типичнейшей анархической оппозиции, оказалась выше их интеллектуальных ресурсов. Как ни добросовестно Ленин толковывал им, что такое Партия; что такое съезд, каковы должны быть отношения между большинством и меньшинством в рамках оформленной социал-демократической партии,—все его речи на эти темы не вызывали у его оппонентов «просияния мозгов».

— Да,—говорит Ленин,—можно и должно проводить свои взгляды в Партии, но независимо от переделки состава центров.—«Что за комическое положение—тут же возражает на это Мартов—и это говорит тот самый Ленин, который на съезде «проводил свои взгляды в Партии» именно и главным образом методом «переделки личного состава», например, редакции Ц. О.» *).

Заблудившийся в трех соснах новоисковец никак не может понять, что «переделка» того или иного состава на съезде (например, выборы или перевыборы редакции Ц. О., определение состава Ц. К. и т. д.)—совершенно естественная и законная вещь, а «переделка» определенного съездом состава — после съезда — ведет к кооптационным дразгам и должна быть осуждена, как анархическая попытка дезорганизовать Партию и привести ее к расколу.

Но Мартов — грамотный человек. У него на все готов ответ, и вот он с большим ехидством напоминает две тирады: одну из «Что делать?» о том, что «для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не останавливается ни перед какими средствами» (курсив наш — предупреждает Мартов) и другую тираду из «Письма к Пе-

*) См. брошюру Мартова «Борьба с осадным положением» в Р. С.-Д. Р. П., стр. 10.

тербургскому товарищу», поясняющую, какими средствами подчиненные комитету группы могут, в случае надобности, бороться со своими облеченными громадною властью учреждениями. Такими средствами, по Ленину, могут быть лишь «меры товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к Ц. О. и Ц. К. и кончая (в худшем случае) свержением совершенно неспособной власти.

«Нельзя лучше доказать политическую дряблость этого, так называемого, «твердого» направления, — торжествует Мартов,—как продемонстрировать это вопиющее противоречие между революционной фразеологией вчерашнего дня и канцелярски-бонапартистской—сегодня *).

Правда, у Ленина в «Письме к товарищу» речь идет не о борьбе с Ц. О. и Ц. К., а о способах воздействия на случайно оказавшееся в местном центре (комитете) неспособное лицо. Отсюда до революционных методов борьбы против всех центральных учреждений Партии, в особенности, сейчас же после съезда и в связи со съездом—еще очень далеко. Но дело не в этом. Вряд ли кто-либо из большевиков стал бы безусловно отрицать необходимость революционного свержения партийного правительства в том гипотетическом худшем случае, когда дальнейшее пребывание этого правительства у власти угрожало бы перерождением революционной рабочей партии в реформистскую, оппортунистическую, либеральную и вообще в какую-нибудь «собственную противоположность». Весь вопрос заключался именно в том, есть ли налицо такие уклоны со стороны выбранных съездом центров, которые заставляют опасаться всех худших последствий измены со стороны этих центров делу рабочего класса? Если в борьбе «меньшинства» с «большинством» этот худший случай уже наступил (когда же именно? На съезде, где меньшинство обещало быть лояльным? Или сейчас же после съезда, когда меньшинство вступило на путь бойкота центров партии и безудержной борьбы с ними?), если момент для внутрипартийных «переворотов» назрел, то прежде всего следовало бы просветить всю Партию на этот счет и указать на явные признаки угрожающего ей перерождения, благодаря измене со стороны центров принципам социал-демократии. Сделало-ли это меньшинство? Выявила-ли оппозиция, начав борьбу против партийных центров, свои принципиальные разногласия с «большинством», которые могли бы оправдать его тактику «бунта» против «неспособной» или «предательской власти»?

Гм... как будто пыталась выявить, но именно эта попытка как раз и выдавала всю политическую убогость оппозиции,

*) Там же, стр. 9.

всю вздорность ее невероятных претензий. В основу своего принципиального оправдания борьбы с «ленинизмом» Мартов положил один единственный лейт-мотив: Ленин—создатель гипертрофированного централизма в Партии, Ленин стремится поставить иначе мыслящих под знак «осадного положения», Ленин—«бюрократ», «самодержец», «бонапартист», и т. д., и т. д. Эти бесконечные вариации на тему о создавшемся в Партии, благодаря Ленину, бюрократическом режиме, выдавались за ту самую принципиальную подоплеку внутрипартийного конфликта, которая и должна была объяснить страстность борьбы меньшевиков из-за перемены состава центров, то-есть, проще говоря, из-за местечек для них в Ц. О. и Ц. К.

«При централистическом характере партийной организации, при значительной власти, которою наделены «центры», это (т.-е. подавление всякой оппозиции. П. Л.) должно означать систематическое давление сверху на все элементы, проявляющие самостоятельность и «оппозиционное» настроение. Пропаганда действительно революционного централизма и критика политики «осадного положения» должна будет, следовательно, привести к хроническому конфликту между центральными учреждениями и отдельными частями Партии. За это нам ручался не столько состав Ц. К., сколько условия, при которых произошли его выборы, и мандат, который он получил от тов. Ленина», и т. д. *).

Таков диагноз и прогноз «болезни», сделанные Мартовым.

Но, прежде всего, где же факты? Где и когда случилось—это «подавление всякой оппозиции»?

А как же?—вскидывает бровью Мартов.—Забыли, что ли? А на съезде-то Лиги?.. Разве забывали, как Васильев в'ехал на белом коне (намек на неудавшуюся попытку представителя Ц. К. удержать лиговских анархистов в рамках подчинения совершенно законным требованиям Ц. К.)? А потом еще... Ну, вот хотя, бы эта самая политика Васильева—навязать Лиге сверху устав... Затем... Да вот, например, в'езд Ц. К. в Лигу на белом коне... Впрочем, кажется, я об этом уже сказал...

— «А рассказывание» человек? — подсказывает Плеханов.—Помните—мечты уральцев о «расскассировании»?..

Совершенно невозможно было бы бороться всерьез с меньшевиками путем отвода такого рода обвинений, рассчитанных или на то, чтобы оглушить аудиторию потоком громких фраз («бонапартистский акт», «якобинец» «Робеспьер», «расскассирование» и т. д.), или на спекуляцию неудачными выра-

*) Там же, стр. 22.

жениями каких-нибудь злополучных уральцев *), или просто на то, что от всякой клеветы и сплетни что-нибудь, в конце концов, да останется. Реагировать на выпады меньшевиков против «большинства» с точки зрения опровержения их «фактических» указаний на случай «грехопадения» большевистских «заезжателей» можно было лишь на манер галеркинских насмешливых памфлетов. И да позволено будет нам здесь привести одну-две выписки из этой галеркинской литературы для иллюстрации стиля и полемической манеры большевистских «драчунишек», после того как Ленин устал, наконец, от Сизифовой работы по восстановлению истины, беспрерывно истязаемой пером меньшевистских вождей (благо папиросная бумага новой «Искры» с ее левиафанами-приложениями все терпела!) и, в конце концов, понял, что заниматься этим делом — значило бы помогать новоискровским борзописцам приписывать себе честь практического разрешения проблемы «вечного движения» — по крайней мере, в области «кооптационной» полемики.

В своей брошюре «Наши недоразумения» Галерка (литературный псевдоним М. С. Ольминского) признается, что он «проникся сильнейшим предубеждением против большинства за его бюрократизм, бонапартизм и практику осадного положения».

— «Я готов был, — исповедуется дальше автор, — растерзать Ленина за его фразы об осадном положении и кулаке. Оставалось прикинуть к меньшинству. Но вот беда: я не мог найти в печати указания на такие общие принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революционный образ действий по отношению к съезду и его постановлениям. Легко смотреть на решения съезда можно только в том случае, если видеть в нем не съезд, а съюз, как выражается Рязанов, но принять взгляд Рязанова я по совести не мог. Оставалось выбирать одно из двух:

Первое: Подвергнуть себя тирании осадного положения, подчиниться требованию «слепого повиновения», «узкому толкованию партийной дисциплины», возведения принципа «не рассуждать» в руководящий принцип; признать за высшими учреждениями «власть приводить свою волю в исполнение чисто механическими средствами» и т. д. (см. протоколы съезда Лиги, предисловие Дана и Лесенко, стр. VI).

Второе: Стать под знамя восстания, помочь разрывать уже сформированную Партию, и не в силу расхождения в основных принципах, а из-за недовольства деталями устава и способом его применения.

Ни туда, ни сюда. Положение трагическое.

*) Плеханов и другие меньшевики очень усердно муссировали «бонапартистскую» мысль представителей уфимского, средне-уральского и пермского комитетов, выразившуюся в фразе: «Центральный Комитет может.. если найдет нужным и полезным, своей властью раскассировать комитет, или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав». Мысль сама по себе, признаться сказать, совсем не страшная, но выражена действительно неудачно.

Читаю дальше. Протоколы съезда Лиги: — «Циркуляр Ц. К.»... и т. д. Читаю и негоую: «вот он, дезорганизаторский бюрократизм: не успели обнести мундиры, а уже строчат циркуляры». Ищу бонапартизма в содержании циркуляра и узнаю, что Ц. К. обратилась к Лиге с приглашением помочь преобразованию Лиги с целью: а) допустить в нее бывших борбистов, рабочедельцев и т. п. б) образовать по городам секции Лиги «с большей или меньшей автономностью».

Дезорганизаторское третирование (см. Аксельрода) и... желание облегчить доступ в партийные организации представителям всех социал-демократических течений. Требование слепого повиновения и... автономия секций. Тут что-то не так... В новом уставе Лиги об автономии секций ни слова: кто же были эти бонапартисты, помнявшие провести принципы автономий? Во всяком случае, если Ц. К. допустил борбистов и рабочедельцев, то и мне не запретят «рассуждать». Так рассеялся один из кошмаров, давивших меня после прочтения предисловия к протоколам съезда Лиги. Я начал понимать, какое большое место в речах и статьях меньшинства занимает беллетристика... «Скажу яснее. Я заявил, что, оставляя пока про себя, как не относящееся к делу, свою оценку действия большинства и меньшинства на съезде и после съезда, я не вижу в настоящее время оснований к революционному образу действий против учреждений, избранных съездом. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы встретить самое лучшее товарищеское отношение со стороны большинства, чтобы получить работу по своим силам и вкусу, без всяких ненужных стеснений. По личному опыту и по наблюдению я убедился, что страшные слова: «бюрократизм» и т. д.—по меньшей мере недоразумение».

Как смешны кажутся Галерке жалкие потуги противопоставить друг другу меньшевистскую добродетель и большевистский порок! Он с большим юмором развертывает фракционную схему Мартова в сравнительной таблице:

«Чего хотят».

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ.

(По старой терминологии—меньшинство).

- 1) Пролетарской партии.
- 2) Разносторонней социал-демократической тактики, развивающей элементы такой Партии.
- 3) Политической самостоятельности пролетариев.
- 4) Почитания родителей, законных браков, воспитания детей.

ПОРОЧНЫЕ.

(По старой терминологии—большинство).

- 1) Организации интеллигентских руководителей несознательных пролетарских масс.
- 2) Упрощенной тактики «вовлечения масс» в общереволюционную борьбу с самодержавием на неизменном, базисе политической пассивности передового слоя пролетариата.
- 3) Вечной опеки над пролетариями непролетарской организации.
- 4) Неуважения к родителям, осквернения деэ, разбивания младенцев о камни.

Сделав эту наглядную таблицу добродетелей, с одной стороны, и злодейств—с другой, автор радостно констатирует, что

на платформе добродетельных все сойдутся, и единство в Партии будет восстановлено. Вот только этот пункт № 4... Как он сюда попал?

«Теперь нужно объяснить,—с лукавым огоньком в глазах признается Галерка, —зачем я добавил четвертый пункт. Как Сервантес убил рыцарские романы своим Дон-Кихотом, так Мартов сокрушил злодеев из большинства своей пьесы в № 69 «Искры». Но уж если бить, то на смерть. Я хотел помочь Мартову усилить эффект его мелодрамы. Ведь если изобразить мелодраматического злодея не во всех сферах его жизни, то у зрителя может зародиться подозрение, что данный герой, будучи злодеем в общественной жизни, у себя дома является примерным семьянином. От такого подозрения один шаг до сочувствия, особенно если у зрителя есть дочери-невесты. Нет! Уж если злодей, то злодей во всем и всегда,—таково неизменное требование мелодраматического искусства».

Все это было бы, действительно, очень весело, если бы от мартовской мелодрамы не веяло подлинно большой драмой. Ведь Партию-то от меньшевистских росказней продолжала бить жестокая лихорадка... Ведь от той белиберды, которой заполнялись страницы новой «Искры», по партийным каналам продолжала идти отравы, угрожавшая Партии параличем и даже смертью... К счастью, партийный организм (большинство сознательных рабочих, большинство комитетов) не разложился, не погиб и, в конце концов, изжил мартовско-аксельродовскую и плеханово-дановскую инфекцию...

V. Наиболее честная разновидность новоискровского «нигилизма».

Как ни странно это может показаться, но был один единственный меньшевик, не боявшийся ставить спорные вопросы ребром и давать на них ответы, в которых чувствовалась тенденция поднять полемику между меньшевиками и большевиками до уровня принципиального спора. Этим меньшевиком был молодой Троцкий.

Он первый открыто поставил вопрос о переоценке старых ценностей и, прежде всего, старой «Искры». И он был несомненно прав, потому что, не отмежевываясь самым решительным образом от староискровских традиций, не признавши ошибочным в самом зародыше староискровский «ленинизм», никак нельзя было с чистой и спокойной совестью подвергать жестокой критике ленинскую линию послеездовского периода,—ту линию, которую меньшевикам волей-неволей приходилось признавать продолжением ленинского направления, характеризовавшего и старую «Искру».

И никто из меньшевиков, кроме Троцкого, не поставил прямо вопроса: да уж подлинно ли старая «Искра» была вождем рабочего класса? Не являлась ли она просто резо-

натором революционной шумихи радикальной интеллигентской демократии?

А поставивши такой вопрос, Троцкий на него отвечает: «Когда Ленин подсовывал Каутскому абсурдные представления об отношении «стихийного» и «сознательного» элементов в революционном движении пролетариата, он просто грубыми мазками рисовал задачу своего периода. Он обращался к интеллигенции, которая одна только и составляла аудиторию (курсив мой. П. Л.) «Загн», да и «Искры», как «Искры»... (Троцкий, «Наши полит. задачи», стр. 20).

И это не просто полемическая фраза, а нечто такое, что вытекает из глубоко продуманной схемы молодого талантливоего новоискровца, орлиным взором осматривающего пройденные социал-демократией этапы. По этой схеме—группа «Освобождение труда» с успехом выполнила дело пропаганды научного социализма. «Экономисты» своей агитацией способствовали стихийному возбуждению городских масс; приемы этой агитации «предназначены были на то, чтобы пробудить элементарные революционные инстинкты, недрящиеся в «стихийно» слагающейся классовой психологии пролетариата. «Искра» же «непосредственно не руководила пролетариатом», и это обстоятельство сказалось «в полной недоступности для «Искры»—непосредственно оплодотворить движение самого пролетариата тем идейным вкладом, который она вносила в сознание революционной интеллигенции» (стр. 23). Что же касается практики революционной работы искровцев, то «мы» повторяем не только «экономизм», а еще хуже—подошли «в нашей политической работе к преданной анафеме программе «Credo» гораздо ближе, чем к ней подходили сами «экономисты» (стр. 37). Ох, уж эта старая греховодница «Искра»... К счастью, «т. Аксельрод снова выступил в конце периода «Искры», чтобы сказать: довольно!» «Фельетоны Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» знаменуют начало новой эпохи в нашем движении» (стр. 25)*).

Поставив таким образом старую «Искру» на заслуженную ею историческую полочку (в своем роде — демократическая, дескать, газетка для буржуазно-радикальной интеллигенции, и больше ничего!), Троцкий привнимается затем за «истолкование» вдохновителя статей «Искры»—Ленина. Историческая роль Ленина оценивается им, как «отдумывание» за пролетариат, как «политическое замещение проле-

*) Эти «знаменитые» фельетоны до такой степени нестерпимо скучны что было бы актом жестокости погружать мысль современного читателя в бездну их талмудической премудрости. Впрочем, желающие могут познакомиться с достоинствами этих меньшевистских посланий «от апостола Павла» по тем страницам в «Млагах» Ленина, которые посвящены их разбору (см. собр. соч. Ленина т. V).

тарната». Система такого заместительства исходит «из фальшивого» «софистицированного» понимания отношения между объективными интересами пролетариата и его сознания» (это все то же знаменитое место в «Что делать», которое смутило столько народу, начиная с Акимова и Мартынова и кончая несколько поздно слохватившимся Плехановым). Отсюда для Троцкого все понятно: и организационный идеал Ленина (который автору «Наших полит. задач» картинно рисуется так: «Где-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточает, сменяет, кого-то душат, кто-то себя кем-то провозглашает»), и машинизм ленинского организационного плана (разделение труда, «винтики», «колесики» — совсем как на фабрике), и проповедь «фабричной дисциплины» взамен дисциплины революционно-политической, и многое другое.

Впрочем, во всем этом Троцкий недостаточно еще оригинален и подхватывает лишь мысли и словечки своих старших товарищей по фракции. Он даже усваивает себе иногда очень плохой тон Мартова по части «свободы языка». А вот где юный неопит новокровства становится действительно оригинальным. Еще на втором съезде Партии, возражая Акимову, которому очень не по вкусу пришелся пункт программы о диктатуре пролетариата, он утешает своего, как казалось тогда, политического антипода: «Его (Акимова) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая Партия и рабочий класс — провозглашение которых его так смущает — будут наиболее близки к отождествлению»... (Курсив мой П. Л.).

И эта яркая, выдухлая формула искровца Троцкого проходит как-то незаметно для ушей таких старых воробьев революционного марксизма, как Плеханов и Ленин (а может быть, им просто было невыгодно тогда внимательно вслушиваться в нее и по достоинству тут же реагировать на нее?), но Акимов-то во всяком случае не пропустил ни единого слова из этой тирады. Неудовлетворенный узкими рамками словопрений на съезде, Акимов позволил себе роскошь написать обстоятельную брошюру: «К вопросу о работах 2-го съезда Р. С. Д. Р. П.», и в этой брошюре на стр. 68 говорит: «Троцкий высказал свой взгляд на «диктатуру пролетариата», с которым я совершенно согласен, но именно поэтому-то я и считаю нашу программу плохо передающей мысль о завоевании политической власти. «Его пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт». Да, именно... Оказывается, что многие смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом»... Очень любопытно еще следующее местечко в подстрочном примечании к вышеприведенной

цитате: «На с'езде и в комиссии я высказывал опасение, что пункт программы о завоевании пролетариатом политической власти может быть понят многими в известном смысле, нежелательном ни мне, ни Троцкому. Троцкий ответил мне, что я напрасно «пугаюсь»...

Одним словом—о, дружба, это ты!

Можно, конечно, сомневаться, что Троцкий благожелательно принял этот Акимовский поцелуй, но и в брошюре «Наши полит. задачи» у него не наблюдается тенденции достаточно резко отмежеваться от присоседившегося к нему «союзника».

В главе «Диктатура над пролетариатом» он развивает ту идею, что диктатура пролетариата осуществится, как захват власти самостоятельным классом, а не как диктатура Партии над классом, а тем более не как диктатура отдельных лиц над Партией. Он не может себе представить пролетариат в момент социальной революции иначе, как единое сплоченное целое, отождествленное со своей Партией. Если бы пролетариат во время социальной революции оказался еще разделенным на концентрические слои и если бы революционный процесс захвата власти стал проходить с известной последовательностью от наиболее сознательных слоев рабочего класса (от центра) к периферийным отсталым слоям, то это был бы уже акт заговорщической революции, «акт авантюристического якобинства»: «Коммуна (Парижская) показала, что единственным базисом не-авантюристической социалистической политики может быть только самостоятельный пролетариат, а не класс, которому привито «настроение» в пользу сильной власти». Оттого-де Коммуна (по убеждению автора брошюры) и погибла, что она страдала доктринерским якобинизмом.

В связи с этими общими рассуждениями о природе пролетарской революции у Троцкого вытекает взгляд и на строительство Партии при осуществлении диктатуры пролетариата.

«Задачи нового режима так сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предвиденных проблем. И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой»... (стр. 105).

К чести автора «Наших полит. задач» нужно сказать, что у него получилась довольно законченная и закругленная концепция, чего долгое время никак не удавалось добиться остальным новоискровцам. Он был, как нам кажется, вполне последователен, выявляя после с'езда тот свой символ веры, который был выношен его политической мыслью, и в те времена, когда он шел еще вместе со староискровцами. История внесла впоследствии ряд существенных поправок в его теоретические построения. Та же история не поспешила оправдать и некоторых его пророчеств. «Разочарованные,— заканчивает он свою брошюру заключительным аккордом,— они (т. е. большевики. П. Л.) уйдут от нас—одни в реформизм, другие в анархизм, и, если нам доведется столкнуться с ними на перекрестке двух политических дорог, мы напомним им об этом предсказании».

Много времени ушло с тех пор, когда рука юного Троцкого выводила пером эти «пророческие» слова. Много оказалось «разочарованных» и ушедших в реформизм (достаточно, например, вспомнить ту породу меньшевиков, которая была известна под кличкой ликвидаторов). Но с большевиками т. Троцкий встретился на перекрестке великой октябрьской революции,—встретился, как друг, как брат, как товарищ, как общепризнанный один из преданнейших вождей пролетариата, а не как дошедший до логического конца новоискровец, насмешливо напоминающий Ленину и тем, иже с ним, о своем вещем предсказании в лето 1904 года.

П. Лепешинский.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1.	
От кружковщины к партии (Период старой «Искры») ст. П. Лепешинского.	
Предварительное замечание.	5
I. Экономическое положение России в начале XX в.	6
II. Искровские «фронты».	8
1. Борьба с самодержавием.	—
2. Борьба к революционным авантюризмом . . .	19
III. На фронтах внутрипартийной борьбы. . . .	28
IV. «Искра» в роли передового борца за демо- кратию.	44
V. Рабочее движение и революционный под'ем пролетариата (1900—1903 г.г.).	66
1. Общие условия труда в России в начале XX в.	—
2. Безработица и революционный под'ем рабо- чего класса	86
VI. Организационное строительство «Искры» . .	103
1. Организационные принципы «Искры» . . .	—
2. Заграничные организации русских социал- демократов	107
3. Рост с.-д. организации в России	113
4. Деятельность Организационного Комитета.	127
II	
Протоколы второго с'езда партии.	
Программа Российской соц.-дем. партии, принятая на втором с'езде партии.	1
Организационный устав Российской соц.-дем. рабочей партии, принятый на втором с'езде партии	7
Порядок дня с'езда.	9
Регламент с'езда	10

Бюро и комиссии съезда	10
Главнейшие резолюции, принятые на втором съезде Российской соц.-дем. рабочей партии.	11
О месте Бунда в партии.	—
О центральном органе партии	—
О районных организациях	12
О местных организациях	—
О работе среди сектантов	—
О показаниях на следствии	—
Об отношении к либералам (Старовера)	—
Об отношении к либералам (Плеханова).	13
О социалистах-революционерах	—
О демонстрациях.	14
О профессиональной борьбе.	15
Об антиеврейских погромах.	—
О фабричных старостах.	16
О постановке пропаганды	—
Об отношении к учащейся молодежи	—
Об Амстердамском конгрессе	17
О партийной литературе	—
Заседание первое	18
» второе	29
» третье	38
» четвертое	51
» пятое.	60
» шестое	74
» седьмое	90
» восьмое.	96
» девятое.	112
» десятое.	124
» одиннадцатое.	137
» двенадцатое.	140
» тринадцатое.	—
» четырнадцатое	141
» пятнадцатое.	147
» шестнадцатое	154
» семнадцатое.	161
» восемнадцатое.	166
» девятнадцатое.	174
» двадцатое.	192
» двадцать первое	203
» второе	218
» третье	226
» четвертое	237
» пятое	242
» шестое.	251
» седьмое	258
» восьмое	269
» девятое	281

	Стр.
Заседание тридцатое.	288
» тридцать первое.	304
» » второе.	313
» » третье.	317
» » четвертое.	318
» » пятое.	321
» » шестое.	324
» » седьмое.	328
Приложение первое.	340
» второе.	346
» третье.	—
» четвертое.	—
» пятое.	347
» шестое.	349
Объяснительная записка к проекту устава II съезда Р. С.-Д. Р. П.	351
Приложение седьмое.	356
» восьмое.	357
» девятое.	—
» десятое.	360
» одиннадцатое.	363
Члены съезда и лица с совещательным голосом.	365
От комиссии.	367

III.

Примечания к Протоколам второго съезда.	371

IV.

После съезда (1903—1904 г.г.), ст. П. Лепешинского.

I. Реванш меньшевистской оппозиции на съезде Лиги.	391
II. «Меньшинство» овладевает вторым фортком.	395
III. Новое торжество в лагере меньшевиков.	399
IV. Усердные поиски «меньшинством» принципиальных разногласий.	409
V. Наиболее честная разновидность новоискровского «нигилизма».	414

Издательство
ПРИБОЙ
Ленинград.

Проспект 25 Октября, 52,
в Москве отделение:
Петровск. линии, 1 под'езд.

Вышли из печати:

- К. Маркс. Теория прибавочной ценности, ч. I, II и III. —————
Г. Плеханов. Очерки по истории русск. общественной мысли XIX в. —————
Н. Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма. —————
Н. Ленин. Государство и революция. —————
Н. Ленин. Аграрный вопрос в России в конце XIX века. —————
Н. Бухарин. Пролетарская революция и культура. —————
Г. Зиновьев. В И. Ленин, его жизнь и деятельность. —————
Г. Зиновьев. Признание России и политика Коминтерна. —————
Г. Зиновьев. Что такое Комсомол и чем он должен стать. —————
Г. Зиновьев. Пролетарская революция и учительство. —————
Ленин, Зиновьев, Каменев. Марксизм к ликвидаторство. —————
Н. Ленин и Г. Зиновьев. Из истории рабочей печати в России. —————
Г. Сафаров. Основы ленинизма. —————
Г. Сафаров. Тактика большевизма. —————
Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие! (памфлет) —————
М. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. —————
М. Покровский. Франция до и после войны (3-ье изд.). —————
К. Шелавин. 1 Мая в России. (2-ое изд.). —————
К. Шелавин. Рабочий класс и его партия (история Р. К. П.). (2-ое изд.)
К. Шелавин. Введение в изучение ленинизма. —————
С. Канатчиков. Рабочая партия и крестьянство (2-ое изд.). —————
С. Канатчиков. Ленин и крестьянство (2-ое изд.). —————
С. Канатчиков. История одного уклона. —————
Н. Батурин. Очерки по истории соц.-дем. в России (7-ое изд.). —————
П. Ляшенко. Очерки аграрной эволюции в России (3-ье изд.). —————
С. Ковалев. Курс всеобщей истории. —————
Красная хрестоматия, книга для чтения в партшколах и полит-
кружках. —————
Хрестоматия классовой борьбы — 3 части. —————
Хрестоматия французского материализма XVIII века. — 2 части —————
Адам Смит. Исследование о богатстве народов. —————
Татьяна Григоровичи. Теория ценности Маркса и Лассалья. —————
К. Витфогель. Наука в буржуазном обществе. —————
А. Большаков. Экономика и быт советской деревни 1917—1924 г.г.
С. Вознесенский. Экономическое развитие и классовая борьба в
истории России XIX века. —————
Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси. —————
А. Тюменев. История труда (краткое руководство полит. экономии)
Спутник антирелигиозника (пособие для лекторов и пропагандистов).

Необходимым пособием для библиотекарей, лекторов, журналистов, занимающихся своим самообразованием, для членов и руководителей марксистских кружков и т. д.

является, недавно вышедшая вторым изданием, книга

Ив. Книжник

— ЧТО ЧИТАТЬ —

по общественным наукам

систематический указатель коммунистической и марксистской литературы за 1917 — 1923 г.г.

В книге приведены не только книги и брошюры, изданные за первые шесть лет революции, но и наиболее ценные журнальные статьи.

Приложенные к книге указатели (по содержанию и по авторам) облегчают пользование ею при справках.

491 стр.

Цена 2 р. 75 к.

Рабочее издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград.

ПО ИСТОРИИ РКП (б.) И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

в рабочем издательстве „Прибой“ вышли следующие книги.

В. И. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения . . .	— р. 40 к.
Его же. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) . . .	— » 60 »
И. Ленин и Г. Зиновьев. Из истории рабочей печати в России (3-е изд.) . . .	— » 20 »
Г. Зиновьев. В. И. Ленин, его жизнь и деятельность	— » 18 »
А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин—описание его жизни	1 » — »
Венок на могилу Ильича. Статьи, воспоминания, характеристики . . .	— » 60 »
Об Ильиче. — Сборник материалов, собранных ленинградск. бюро Истпарта	(печ.).
Главнейшие даты из жизни и деятельности В. И. Ульянова (Ленина) составл. ленинградским бюро Истпарта	(печ.).
Н. Батурин. Очерки по истории соц.-дем. в России (7-ое изд.)	— » 75 »
В. Невский. Очерки по истории РКП (б.) том первый	3 р. 75 к.
М. Ольминский. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ — 2-ое изд.	1 » — »
С. Пюнтковский. Девятое января (популярный очерк)	— » — »
Его же. Февральская революция	— » — »
А. Слепков. Классовые противоречия в I-ой Госуд. Думе	1 р. 20 к.
Н. Шелапин. Рабочий класс и его партия. Вып. I	— » 70 »
Его же. Первое Мая (2-ое изд.)	— » — »

Необходимым пособием при изучении истории партии
является **НОВАЯ КНИГА:**

В. НЕВСКИЙ
ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ Р.К.П. (б.)

ТОМ ПЕРВЫЙ.

... Предлагаемая работа является результатом самостоятельных занятий автора над полным еще не обследованным материалом.
(Из предисловия автора).

К книге, охватывающей возникновение и историю рабочего движения и первые этапы соц.-дем. движения в России вплоть до конца 90-ых годов, приложен обстоятельный обзор источников и литературы. Кроме того в виде приложений даны материалы (программы, уставы, воззвания и т. под.) того периода.

В тексте около 30 портретов деятелей рабочего революц. движения, репродукция некоторых воззваний, таблица преемственной связи соц.-дем. организаций 80-ых и 90-ых гг. и схема связей главнейших с.-д. орг-з. России в конце 90-ых гг. Объем книги—свыше 650 стр.

Цена 3 р. 75 к.

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“, Ленинград.

Для изучения эпохи „ЗВЕЗДЫ“ и „ПРАВДЫ“ необходима книга

МАРКСИЗМ и ЛИКВИДАТОРСТВО

сборник статей об основных вопросах
современного рабочего движения

Н. Ленина, Г. Зиновьева, Ю. Каменева.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

... Книга эта—документ той борьбы, которая в период 1910—1914 гг. ожесточенно велась основными кадрами нашей партии против правого, реформистского крыла рабочего движения. Сборник этот невольно воскрешает... эпоху... «ЗВЕЗДЫ» и «ПРАВДЫ».. В этой книге ее авторы, составлявшие ядро заграничной части Ц. К. нашей партии, делали... попытку сверхмерного использования легальных возможностей для пропаганды взглядов нелегальной рабочей партии.
Из предисловия.

УИИ+200 страниц.

ЦЕНА 80 коп.

Цена 2 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Проспект 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“. Телеф. 5-45-77.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ“, Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.